

breaking dawn

STEPHENIE MEYER

AUTHOR OF THE #1 BESTSELLING *TWILIGHT*, *NEW MOON*, AND *ECLIPSE*

Annotation

Четвёртая книга знаменитой вампирской саги, возглавившей списки бестселлеров десяти стран. Истинная любовь не страшится опасности... Белла Свон согласна стать женой своего возлюбленного – вампира Эдварда Каллена и принять его дар бессмертия. Однако после первых же дней немеркнущего счастья её жизнь превращается в крошечный ад. Белла и Эдвард ждут ребёнка... Ребёнку и его родителям грозит жестокая казнь от рук вампирских старейшин. Белла, Эдвард и их друг оборотень Джейкоб Блэк понимают: в одиночку им не выстоять. Но что же делать?!

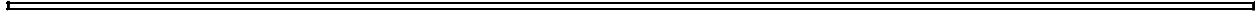
- [Стефани Майер](#)
  - [Книга 1. Белла](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
  - [Книга 2. Джейкоб](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
  - [Книга 3. Белла](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

Стефани Майер

Ломая рассвет

*Детство это вовсе не период с рождения до
определенного возраста,
Просто однажды,
Ребенок вырастает, и забывает детские забавы.
Детство — это королевство, где никто не
умирает.*

Эдна Сент-Винсент Миллей

Книга 1. Белла

Пролог

Быть при смерти — для меня не в новинку, и все равно это не те впечатления, к которым можно когда-нибудь привыкнуть.

Казалось странной неизбежностью, что мне снова грозит смерть.

Словно несчастья отметили меня, я убегая от них, а они догоняют и снова возвращаются ко мне.

Все же, в этот раз все иначе.

Можешь бежать от того, чего ты боишься, можешь сражаться с тем, кого ненавидишь. Все мои действия были направлены против убийц, против враждебных чудовищ.

Если ты любишь своего убийцу — выбора нет.

Нельзя бежать, нельзя сражаться.

Глава 1

Обрученные

«Никто не пялится на тебя» — уговаривала я себя. — «Никто не пялится. Никто не пялится. Никто не пялится».

Но я не умею врать, тем более самой себе. Лишний раз убедилась.

Пока я ждала, когда загорится зеленый свет, меня угораздило, посмотреть на право. В своей машине, миссис Вебер, всем телом развернулась в мою сторону. Я встретила с ней взглядом и поспешно отвернулась. Почему она не отвела глаза и нисколько не смутилась? Так открыто, разглядывать людей — это ведь грубость или я ошибаюсь? Меня можно так, без всякого смущения, рассматривать?

Только потом вспомнила, что стекла в моей машине тонированные, и миссис Вебер даже не знает, что внутри нахожусь именно я, и что я тоже смотрю на не. Я попыталась успокоиться, ведь на самом деле она смотрела не на меня, а на машину.

Мою машину. Вздох.

Я посмотрела налево и застонала. Два пешехода замерли на тротуаре, так засмотрелись, что забыли перейти дорогу. Позади них, за стеклянной витриной своей маленькой сувенирной лавки, разинув рот стоял мистер Маршалл. Хорошо хоть носом не прижался к стеклу. Пока что.

Зажегся зеленый сигнал светофора, и, желая поскорее сбежать, я нажала на газ. В моем старом «шевроле» пришлось бы долго мучить педаль, чтобы заставить машину двигаться.

Двигатель зарычал, словно пантера на охоте, машина рванула вперед с такой скоростью, что меня вжало в черную кожаную обивку водительского сидения, а мой желудок распластался где-то у позвоночника.

Я недовольно выдохнула после торможения. Сохраняя спокойствие, я легко нажала педаль тормоза. Но все равно, вместо того чтобы лишь сбавить скорость, машина покачнувшись, остановилась на полном ходу.

Посмотреть как среагировали окружающие у меня не было сил. Теперь, если у кого-то раньше и были сомнения по поводу личности водителя, все стало яснее ясного. Я едва-едва, кончиком туфли, тронула газ и машина снова рванула вперед.

Мне удалось достичь своей цели — бензоколонки. Если бы мне не нужно было заправить машину, я бы вообще в город не вылезла. В последнее время мне приходится жить без много чего, к примеру, я

обхожусь без «Поп-таргс» и шнурков, лишь бы только не появляться в общественных местах.

Я торопливо, словно на гонках, открыла заслонку, свинтила крышку, расплатилась кредиткой, и вот уже наполняю бензобак. Понятно дело, с цифрами на экране я ничего поделывать не могла, их ускорить — не в моих силах. А они, будто специально мне на зло, двигались очень медленно.

День был пасмурный — обычная дождливая морось в городке Форкс, штат Вашингтон — но мне казалось, что свет сконцентрировался на моем обручальном кольце. Сейчас, когда я чувствую спиной взгляды, кольцо на левой руке словно мерцающий неоновый указатель вещало: «Смотри на меня, смотри на меня».

Глупо было заниматься таким самобичеванием, я знаю. Разве важно, что думают и говорят про мою помолвку люди, исключение только мои мама и папа? Про мою новую машину? Про мое загадочное поступление в колледж «Лиги плюща»? Про блестящую черную кредитку, в данный момент мне казалось, что она прожигает задний карман?

— Ага, наплевать, что они думают, — пробормотала я себе под нос.

— Хм, мисс? — произнес мужской голос.

Я обернулась и лучше бы я этого не делала.

Двое мужчин стояли рядом с дорогим «универсалом», на крыше которого были привязаны байдарки. Они не смотрели на меня, они затаив дыхание, смотрели на мою машину.

Мне было все равно, что за марки машина у меня. Им было не наплевать. Я гордилась тем, что вообще понимала разницу между «тойтой», «фордом» и «шевроле». Моя машина — черная блестящая, с округлыми линиями, просто прекрасная, для меня была лишь средством передвижения и ничем особенным не была.

— Простите за беспокойство, но не могли бы вы назвать модель вашей машины? — спросил высокий.

— Э-э, вроде как, «мерседес»?

— Это понятно, — вежливо ответил он, пока его друг закатил глаза, услышав мой ответ.

— Я знаю. Просто интересно, неужели это... вы водите «мерседес — гардиан»? — мужчина произнес название с уважением. Наверно они нашли бы общий язык с Эдвардом, с моим... моим женихом (как ни прячься, но свадьба буквально через несколько дней). — Их даже в Европе пока не продают, — продолжал мой собеседник. — И вот тут мы встречаем именно такой.

Он оглядел мою машину — по мне, так совершенно обыкновенный

«мерседес» типа седан, но я ведь ничего не понимаю в машинах. Я обдумывала причины своих проблемы с употреблением слов типа — жених, свадьба, муж и т. д.

Все вместе они просто не укладывалось в моей голове.

Ведь, меня вырастили в страхе перед пышными белыми платьями и букетами. Но на самом деле, я просто не могла примириться с этим степенным, почтенным, унылым словом — муж, для Эдварда. Все равно, что архангела сажать за бухгалтерский стол, я не могла представить его в столь банальной для себя роли.

Как обычно, стоило мне подумать об Эдварде, и меня тут же уносило вихрем фантазий.

Незнакомец откашлялся, пытаясь привлечь мое внимание, он все еще ждал ответ о модели машины.

— Не знаю, — честно призналась я.

— Не возражаете, если я сфотографируюсь рядом с машиной?

Секунду до меня доходил смысл его вопроса.

— Серьезно? Вы хотите сфотографироваться у моей машины?

— Конечно — никто мне не поверит, если у меня не будет доказательств.

— М-м. Хорошо. Фотографируйтесь.

Я быстро отложила шланг и заползла на водительское сидение, а энтузиаст в это время достал из рюкзака профессиональную, как мне показалось, фотокамеру. Он со своим товарищем принялись позировать спереди и сзади моей машины.

— Хочу свой грузовик назад. — прохныкала я.

Кого-то очень, очень устроило — слишком подозрительно устроило — что мой грузовик тяжело исторг последний вздох, как раз через несколько недель после того как Эдвард и я заключили наш не взаимовыгодный компромисс. Одним из пунктов договора было то, что я не буду против если Эдвард заменит мою старую машину, когда та совсем умрет. Эдвард клялся, что все произошло так как и ожидалось и вовсе не по его вине, грузовик пожил свое (долгую и интересную жизнь) и помер естественной смертью. Это слова Эдварда. Я, конечно же, не собиралась проверять его рассказ или пытаться воскресить грузовик своими силами. Мой любимый механик — я резко и холодно оборвала эту мысль, не позволяя ей превратиться в законченное утверждение. Вместо этого, я прислушалась к приглушенным стенами голосам снаружи.

— ... в онлайн видео ее из огнемёта, так даже краска не облупилась.

— Еще бы! Эту малышку хоть танком дави. Такие машины для

местных не производят. Она больше подходит для ближневосточных дипломатов, оружейных баронов и нарко-королей.

— Думаешь, она из таких? — тихо переспросил коротышка. Я пригнулась.

— Ха, — ответил тот, что повыше. — Все возможно. Представить не могу, зачем кому-то понадобилось стекла защищающие от прямого попадания ракеты и почти 2 тонны брони на машине. Наверное, направляется куда-то в опасные места.

Броня. Две тонны брони. И защита от прямого ракетного попадания? Прелестно. Куда пропали обычные — пуленепробиваемые стекла?

Ну, хоть немного смысла во всем этом было — если у вас странное чувство юмора.

Не то чтобы я не предвидела, что Эдвард выжмет по максимуму из нашей с ним сделки, я прекрасно понимала, он даст мне гораздо больше, чем я могу отдать взамен. Я согласилась, что он заменит мой грузовик, когда тот совсем умрет, даже не ожидая, что этот момент наступит так скоро. Когда мне пришлось признать, что мой грузовик превратился в неподвижный памятник классическому «шевроле» рядом с домом, я знала, что его идея заменить — нужна была чтобы смутить меня. Мне пришлось пережить постоянные взгляды и пересуды. По поводу этого всего я оказалась права. Но даже в самых страшных кошмарах, я не предвидела, что он подарит мне две машины.

Машин «до». Он сказал, что взял ее в кредит и что вернет ее после свадьбы. Что за ерунда?

До сегодняшнего дня я не понимала, в чем тут был смысл.

Ха-ха. Потому что я хрупкий человечек и склонна ко всяким аварийным случайностям, понятное дело, мне нужна была противотанковая машина. Весело. Уверена, он и его братцы еще долго ржали за моей спиной.

«Или может, всего лишь намек на „может“, — нашептывал мне тихий внутренний голос. — это не шутка, глупенькая. Может он на самом деле просто переживает».

Эдвард не в первый раз слишком буквально относился к моей защите.

Я вздохнула.

Машину «после», я еще не видела. Она была спрятана под покрывалом в самом дальнем углу гаража Калленов. Знаю, что многие уже подглядели бы, но я не хотела знать.

На той машине, наверное, не будет брони, после медового месяца она мне уже не будет нужна. Я очень ждала, когда стану практически

неуязвима. Стать членом семьи Калленов это не только дорогие машины и кредитные карты, но еще нечто гораздо лучше.

— Эй, — прокричал высокий, мне в стекло. — Мы закончили. Большое спасибо!

— Не за что, — ответила я, и сосредоточенно завела машину и нажала педаль — нежно-нежно — вниз...

Не важно, сколько раз я проезжала по знакомой дороге, все никак не могу перестать замечать смытые дождем объявления. Каждое, приклеенная к столбу или дорожному знаку, была снова пощечина. Заслуженная пощечина.

Я снова погрузилась в думы, от которых меня так резко прервали раньше. На этой дороге невозможно было от них удержаться. Только не там, где картинка с моим любимым механиком появлялась с регулярными интервалами.

Мой лучший друг. Мой Джейкоб.

«ВЫ ВИДЕЛИ ЭТОГО МАЛЬЧИКА?» — эти объявления вовсе не отец Джейкоба придумал. Это мой папа, Чарли, напечатал их и расклеил по всему городу. И не только в Форкс, но и в Порт Анжелес, и в Секьюим и Хокьюим, и в Абердине и в каждом городе Олимпийского полуострова...

В каждом полицейском участке весело это объявление, папа позаботился. В его участке была целая доска для сведений о Джейкобе. К папиному разочарованию и расстройству, доска была почти пуста.

Больше всего мой отец расстраивался не из-за отсутствия информации о Джейкобе. Его расстраивал его лучший друг и отец Джейкоба Билли.

Билли не пытался искать своего шестнадцатилетнего «беглеца». Билли отказывался лепить объявления в Ла Пуш, в резервации на берегу, в доме Джейкоба. Когда сбежал Джейкоб, он словно расписался в собственном бессилии, будто ничего не мог поделать. По его словам:

— Джейкоб уже взрослый. Он вернется, если захочет.

И папа злился на меня, что я приняла сторону Билли.

Я тоже не стала клеить объявления. Потому что и я и Билли примерно знали, где находится сейчас Джейкоб, и знали, что никто не видел этого «мальчика».

Объявления, снова вызвали большой ком в горле, привычные слезы в глазах, и я была рада, что Эдвард в эту субботу охотился. Если он увидел бы мою реакцию, он почувствовал бы себя ужасно.

Конечно, в субботу были недостатки. Я медленно повернула на нашу улицу, и увидела, что папина машину уже на месте. Сегодня он снова пропустил рыбалку.

Значит, позвонить из дома я не смогу. Но позвонить было просто необходимо...

Я припарковала машину около «скульптуры» своему «шевроле» и достала из бардачка мобильный телефон, который на всякий случай дал мне Эдвард. Я набрала номер, на всякий случай, держа палец на кнопке «отбой». Просто так, на всякий случай.

— Алло? — ответил Сэт Клирвотер, и я вздохнула с облегчением. Я слишком трусила, чтобы разговаривать с его старшей сестрой Леа. В ее устах фраза «откушу тебе голову», не была художественным приукрашиванием.

— Привет, Сэт. Это Белла.

— О, здорова, Белла! Ты как?

«Ужасно. Жду, что ты меня успокоишь» — пронеслось в моей голове.

— Отлично.

— Хочешь узнать новости?

— Ты ясновидящий.

— Ерунда. Я не Элис — ты предсказуема, — пошутил он. Среди Квильютской стаи, в Ла Пуш, только Сэт мог так спокойно упоминать имя кого-то из Калленов, никто из вервольфов не мог шутить про мою всевидящую золовку.

— Я знаю. — минута молчания. — Как он?

Сэт вздохнул.

— Как обычно. Не разговаривает, хотя мы знаем, что он нас слышит. Знаешь, он старается не думать как человек. Следует инстинктам.

— Ты знаешь, где он сейчас?

— Где-то в северной части Канады. Конкретнее сказать не могу. Он не обращает внимание на государственные границы.

— Ни намека на его...

— Нет, он не вернется, Белла. Прости.

Я сглотнула.

— Окей, Сэт. Понятно. Я очень хочу, чтобы он вернулся.

— Ага. Все мы тут хотим.

— Спасибо, что рассказываешь, Сэт. Знаю, что остальные не очень довольны этим.

— Ну, скажем, они не самые большие твои поклонники, — весело согласился он. — Фигня это, как я думаю. Джейкоб сделал свой выбор, а ты сделала свой. Джейк не в восторге от их настроений. Правда, он не слишком рад и тому, что ты интересуешься им.

Я задержала дыхание.

— Я думала, он с тобой не разговаривает?

— Он не может скрыть свои чувства от нас. Хотя и старается.

Значит, Джейкоб знает, что я переживаю. Не уверена в своих чувствах по этому поводу. Ну что ж, пусть он хоть знает, что я не забыла его окончательно. Наверное, он думал, что я способна на такое — с глаз долой из сердца вон.

— Надеюсь, я увижу тебя на ... свадьбе, — сказала я, чуть скрипнув зубами на последнем слове.

— Ага, я и мама придем. Классно что ты нас пригласила.

Я улыбнулась его энтузиазму. Хотя, идея пригласить Клирвотеров принадлежала Эдварду, я была рада, что он придумал это. Если придет Сэт — будет хорошо — связь, хоть и тонкая, с моим шафером.

— Без тебя, будет совсем не то.

— Передавай Эдварду привет.

— Конечно.

Я потрянула головой. Дружба между Эдвардом и Сэтом все еще пугала меня. Хотя это было доказательством того, что это реально. Что вервольфы и вампиры могут прекрасно общаться друг с другом, если захотят.

Не все радовались такой возможности.

— Эх, — сказал Сэт понизив голос. — Леа приперлась.

— Понятно. Пока!

Сэт положил трубку. Я оставила мобильный на сидении. Теперь нужно было морально подготовиться к встрече с ожидающим меня дома Чарли.

Мой бедный папа, у него сейчас столько забот.

«Сбежавший» Джейкоб был соломинкой, в грузе всех папиных проблем. Он сильно переживал за меня, свою едва достигшую совершеннолетия дочь. Которая совсем скоро станет замужней дамой. Всего через несколько дней.

Я медленно шла под не очень сильным дождем, вспоминая тот вечер, когда мы с Эдвардом рассказали ему...

Как только послышался звук подъезжающей машины Чарли, кольцо внезапно потяжелело, будто стало весить сто килограмм. Мне хотелось спрятать руку, сунуть ее в карман, или сесть на нее, но Эдвард крепко держал ее, выставив вперед, в своей прохладной крепкой хватке.

— Белла, перестань волноваться. Пожалуйста, изволь вспомнить, ты не в убийстве будешь признаваться.

— Легко тебе говорить.

Я прислушивалась к зловещему звуку отцовских ботинок топающих по тротуару. Ключ повернулся в уже открытой двери. Звук напомнил мне

тот момент в кино, когда жертва соображает, что забыла закрыть дверь на замок...

— Белла, успокойся. — прошептал Эдвард, прислушиваясь к моему учащенному сердцебиению. Дверь распахнулась и ударилась о стену, я вздрогнула.

— Привет, Чарли, — совершенно спокойно произнес Эдвард.

— Нет! — прошипела я сквозь зубы.

— Что? — прошептал Эдвард в ответ.

— Подождем, пока он снимет оружие!

Эдвард усмехнулся и свободной рукой провел по своим взлохмаченным бронзовым волосам.

Чарли появился из-за угла, все еще в униформе, все еще с пистолетом, он попытался не кривиться, заметив нас вдвоем на кресле. В последнее время, он старательно пытается относиться к Эдварду получше. Похоже, сегодняшнее признание, убьет эти попытки на корню.

— Привет, ребята. Как делишки?

— Мы хотели поговорить с тобой, — сказал Эдвард. — У нас — хорошие новости.

Выражение лица Чарли моментально переменялось из натянутого дружелюбия в черное подозрение.

— Хорошие новости? — рыкнул Чарли, глядя прямо на меня.

— Папа, присядь.

Он приподнял бровь, секунд пять глядел на меня, протопал к креслу, и, держа спину прямо присел на самый край.

— Папа, не принимай так близко к сердцу, — произнесла я, после затянувшегося молчания. — Все в порядке.

Эдвард скорчил гримасу, и я поняла — это его реакция на слово «в порядке». Он употребил бы нечто типа «прекрасно», «отлично» или «замечательно».

— Конечно, Белла, именно так. Если все так классно, почему ты потеешь?

— Я не потею, — соврала я и отвернулась от его хмурого лица. Обернувшись к Эдварду я провела правой рукой по лбу, убирая доказательства.

— Ты беременна! — взорвался Чарли. — Ты беременна, да?

Хоть сам вопрос и предназначался мне, теперь Чарли свирепо мерил Эдварда взглядом, и могу поклясться, я видела, как его рука дернулась к пистолету.

— Нет! Конечно, я не беременна! — мне хотелось ткнуть Эдварда

локтем под ребро, но я знала, что толку от этого не будет никакого, только синяк себе заработаю. Я ведь предупреждала Эдварда, что люди сразу же решат именно так! Какая еще может быть причина, чтобы выходить замуж в восемнадцать лет? (Его ответ заставил меня выпучить глаза от удивления, он ответил: «Любовь». Ага, конечно.) Чарли перестал свирепо сверкать глазами. Обычно по моему лицу было очень просто понять, когда я говорю правду, и он поверил мне.

— О. Прости.

— Извинения приняты.

Долгая пауза. Через некоторое время, я догадалась, что они ждут от меня речи. В полном ужасе, я посмотрела на Эдварда. Слов у меня не получалось, я просто не могла ничего сказать. Он улыбнулся мне, расправил плечи и повернулся к моему отцу.

— Чарли, я все перепутал. По традиции, первым мне следовало спросить тебя. Так получилось, и я вовсе не хотел демонстрировать тебе свое неуважение, но так как Белла уже сказала мне «да» и я не хочу лишать ее выбора в этом вопросе. Так что, вместо ее руки я прошу твое благословение. Чарли, мы собираемся пожениться. Я люблю ее больше всего на свете, больше жизни, и по чудесному совпадению, она разделяет мои чувства. Ты благословишь нас?

Он говорил так уверенно, так спокойно. Всего на долю секунды, прислушиваясь к абсолютной уверенности в его голосе, я испытала редкий момент понимания. Я моментально увидела, как окружающие воспринимают его. За один удар сердца, эта новость обрела смысл.

И тут я обратила внимание на Чарли, он смотрел на мое кольцо.

Я перестала дышать, пока его лицо меняло цвет — бледность сменилась краснотой, краснота фиолетовым оттенком, фиолетовый сменился синим, я уже поднялась к нему — не знаю, что именно я собиралась делать, может прием Хеймлиха применить, вдруг папа подавился чем-то, но Эдвард сжал мне руку и тихо так, что только я его слышала, прошептал:

— Дай ему время.

В этот раз тишина продолжалась дольше. И вот, постепенно, к Чарли вернулся его обычный цвет лица. Он поджал губы и нахмурился, это означало — «глубокая задумчивость». Он долго смотрел на нас, и я почувствовала как рядом расслабился Эдвард.

— Вообще-то я не очень и удивлен, — пробурчал Чарли. — Я знал, что скоро придется с чем-то подобным разбираться.

Я облегченно выдохнула.

— Ты уверена? — спросил Чарли, буравя меня взглядом.

— Насчет Эдварда, на все сто процентов, — ответила я уверенно.

— Замуж? Что за спешка? — он снова с подозрением прищурился.

Спешка из-за того, что я с каждым ужасным днем приближалась к своим девятнадцати годам, а Эдвард замер в своих прекрасных семнадцати. В принципе, не то чтобы этот факт в моей записной книжке означал свадьбу, но брак был необходим из-за некоторых деликатных и запутанных договоров между мной и Эдвардом, чтобы добраться до основной моей цели. Последняя ступень перед бессмертием.

Кое-что я не могла прямо рассказать Чарли.

— Чарли, мы вместе едем в Дартмут осенью, — напомнил Эдвард. — Я просто хочу сделать все правильно. Так меня воспитали. — пожал он плечами.

Он вовсе не преувеличил, во время Первой Мировой Войны мораль была другой.

Чарли скривил рот. Искал к чему бы прицепиться и возразить. Но что он мог сказать? «Поживите сначала в грехе?» Он был отцом и у него были связаны руки.

— Я так и знал, — пробурчал он хмуро себе под нос. Потом, внезапно его лицо лишилось всяких эмоций.

— Папа? — спросила я взволнованно. Я глянула на Эдварда, но не смогла прочесть его реакцию, его лицо, как и лицо Чарли ничего не выражало.

— Ха! — взорвался Чарли. Я подскочила на месте. — Ха, ха, ха!

Я недоверчиво смотрела на Чарли, он зашелся от смеха, весь трясся от хохота.

Я ждала, что Эдвард мне переведет, но его губы были крепко сжаты, словно и он сам пытался сдержать смех.

— Окей, отлично, — смог проговорить Чарли. — Женитесь. — И снова зашелся в приступе смеха.

— Но...

— Но, что? — спросила я.

— Но ты сама расскажешь все маме! Я ни слова не скажу Рене! Оставляю это право за тобой! — загоготал он.

Улыбаясь, я помедлила перед тем как позвонить в дверь. Конечно, тогда меня ужасно испугали его слова. Ужасный ультиматум — рассказать Рене. Ранние браки в ее черном списке стоят выше чем даже сварить щенков живьем.

Кто мог предвидеть ее ответ? Только не я. И не Чарли. Может быть

Элис, но тогда я не догадалась спросить у нее.

— Ну, Белла, — сказала Рене после того как я заикаясь выдавила невозможные слова: «Мам, я вхожу замуж за Эдварда». — Я немного оскорблена, что ты так долго тянула с этим признанием. Билеты на самолет дорожают каждую неделю. Ох... — взволнованно закончила она. — Как думаешь, Филу к тому времени снимут гипс? Он испортит фото, если не будет одет в смокинг...

— погоди. Мама, — удивленно заметила я. — Что ты имеешь в виду, ждала так долго? Я только что об-об... — я не смогла выдавить слово «обручилась». — все устроила, буквально сегодня.

— Сегодня? Правда? Удивительно. Я предполагала...

— Что ты предполагала? Когда ты предположила?

— Тогда, когда ты навещала меня в апреле, все кажется уже было решено, если ты понимаешь о чем я. Ты не умеешь ничего скрывать, милая. Но тогда я ничего тебе не сказала, потому что ничего хорошего из этих разговоров не вышло бы. Ты так похожа на Чарли. — вздохнула она обреченно. — Когда ты что-то решишь, спорить с тобой бесполезно. Конечно, точно как Чарли, ты всегда выполняешь свои обещания.

— Ты не повторяешь мои ошибки. Белла. Ты испугана, глупышка, и кажется, ты боишься меня, — Рене засмеялась. — Боишься, что я подумаю. И я знаю, что наговорила много всего о замужестве и глупости — и я вовсе не беру свои слова обратно — но ты должна понимать, что все что я говорила, больше всего подходит мне. Ты совершенно другой человек. Ответственность для тебя не проблема. Ты справишься с этой работой лучше многих сорокалетних моих знакомых. — Рене снова рассмеялась. — Моя маленькая взрослая девочка. К счастью, кажется, ты нашла вторую взрослую душу...

— Ты не ... злишься? Ты не думаешь, что я совершаю огромную ошибку?

— Ну, конечно, я хотела бы, чтобы вы подождали еще пару лет. То есть, неужели я уже так стара, что похожа на тещу? Не отвечай. Сейчас разговор не обо мне, а о тебе. Ты счастлива?

— Я не знаю. Сейчас я словно парю отдельно от своего тела.

Рене хихикнула.

— Ты с ним счастлива, Белла?

— Да, но...

— Ты захочешь еще кого-то когда-нибудь?

— Нет, но...

— Тогда, что?

— Но, разве ты не собираешься сказать, что я говорю как любой другой увлеченный подросток?

— Милая, ты никогда не была подростком. Ты сама знаешь, что лучше для тебя.

Последние несколько недель Рене с головой окунулась в свадебные приготовления. Она часами разговаривала с матерью Эдварда Эсме по телефону. Проблем в общении между новыми родственниками не было. Рене обожала Эсме, но потом, я подумала, а кто сможет устоять перед моей очаровательной почти-свекровью.

Мне стало легче. Семья Эдварда и моя семья вместе занялись приготовлением церемонии, мне не пришлось ни делать, ни знать, ни напрягаться ни думать слишком много о будущей свадьбе.

Чарли рвал и метал, конечно, но что самое прелестное, он был зол вовсе не на меня. Предательницей оказалась Рене. Он рассчитывал на ее поддержку, как на тяжелую артиллерию. Что он мог сделать сейчас, когда его последняя угроза — рассказать маме — лопнула? Ему нечем было крыть, и он это знал. Так что, он шатался по дому, и что-то бурчал о том, что в этом мире больше нельзя никому доверять...

— Пап? — позвала я, когда открыла дверь. — Я пришла.

— погоди, Беллс, стой на месте.

— Чего? — спросила я, и машинально подчинилась.

— Дай секундочку. Больно. Элис, ты меня уколола.

Элис!?

— Прости. Чарли. — ответил испуганный голосок Элис. — Как он?

— Я его закапаю кровью.

— Ты в порядке. Даже не поцарапался — поверь мне.

— Что происходит? — спросила я, так и замерев на пороге.

— Тридцать секунд, Белла. Пожалуйста. — сказала Элис. — Твое терпение будет вознаграждено.

— Угу, — добавил Чарли.

Я, нервно стуча каблуками, сосчитала каждый удар, прежде чем вошла в гостиную.

— Ух, ты — поразила я. — Хм, папа, не слишком ли ты ...

— Глупо выглядишь? — перебил меня Чарли.

— Я думала скорее «благопристойно».

Чарли покраснел. Элис взяла его под локоть и медленно заставила его пройти кругом, демонстрируя светло серый смокинг.

— Элис, хватит. Я выгляжу идиотом.

— Человек одетый под моим чутким руководством никогда не будет

выглядеть идиотом.

— Папа, она права. Ты выглядишь потрясающе! Что за повод?

Элис закатила глаза.

— Это последняя примерка. Для вас обоих.

Я отвела взгляд от непривычно элегантного Чарли и заметила белый пакет, аккуратно разложенный на софе.

— А-А-А.

— Иди-ка в свое счастливое местечко, Белла. Все пройдет быстренько.

Я втянула воздуха побольше и закрыла глаза. Так с закрытыми глазами я поднялась к себе. Разделась до нижнего белья и вытянула руки.

— Будто я стану забивать тебе бамбуковые щепки под ногти, — бормотала Элис, следуя за мной.

Я не обращала на нее внимания. Я была в своем счастливом месте.

В моем счастливом месте, вся свадебная суета уже позади и успешно забыта.

Мы были одни, я и Эдвард. Место было неопределенным и постоянно менялось — это был то туманный лес, то закрытый облаками город, а то арктическая ночь — потому что Эдвард держал в секрете, где будет проходить наш медовый месяц, хотел сделать мне сюрприз. Но я не очень то волновалась по поводу того, где именно, будет проходит наш медовый месяц.

Эдвард и я были вместе, я полностью исполнила свою часть обещания. Я вышла за него замуж. Это самое важное. Но еще я приняла все его возмутительные подарки и записалась, правда все равно бесполезно, посещать Дартмутский колледж осенью. Теперь была его очередь.

Прежде чем он обратит меня в вампира — его большое обещание — он должен кое-что исполнить.

Эдвард так переживает о всем человеческом что я потеряю, у него мания на этот счет, он не хочет чтобы я что-то упустила из человеческих ощущений. Но я настаивала только на одном человеческом ощущении. Конечно же, это было то самое, о чем, по его мнению, мне лучше было забыть.

Вот в чем дело, я знаю, какой именно я стану, когда все закончится. Я видела новорожденных вампиров своими собственными глазами, и я слышала рассказы своих будущих родственников о их диких юных деньках. Несколько лет, большая часть моего сознания будет постоянно испытывать «жажду». Пройдет некоторое время, прежде чем я снова стану собой. И даже тогда, когда я научусь контролировать себя, никогда уже не смогу чувствовать так, как чувствую и ощущаю сейчас — страстно влюбленной

человеческой девушкой.

Я хотела испытать все ощущения. Прежде чем обменяю свое теплое, хрупкое, управляемое гормонами тело на что-то красивое, сильное... и неизвестное. Я хотела настоящий медовый месяц с Эдвардом. И, несмотря на опасность, которой он так боялся меня подвергнуть, он согласился попробовать.

Я только неясно опасалась Элис, скольжения и прикосновения сатина к коже. Мне было все равно, пусть весь город обсуждает меня. Я не думала о спектакле, в котором мне совсем скоро придется сыграть. Я не волновалась, что наступлю на шлейф или засмеюсь в неподходящий момент. Не переживала, что я слишком молода или что вдруг засмущаюсь зрителей и даже не боялась пустого места, на котором должен был сидеть мой лучший друг.

В своем счастливом месте я была наедине с Эдвардом.

Глава 2

Длинная ночь

— Я уже скучаю по тебе.

— Мне не обязательно уходить. Я могу остаться...

— М-м-м.

Какое-то время тишину нарушали лишь стук моего сердца, сбивчивый ритм неровного дыхания и шепот наших синхронно двигающихся губ. Иногда так легко забыть, что я целуюсь с вампиром. Не потому, что он казался обыкновенным человеком — ни на секунду я не забывала, что обнимала ангела, а не мужчину — но он так по-особенному целовал мои губы, лицо и горло, это были непередаваемые ощущения. Он утверждал, что уже давно переборол искушение, которое вызвала у него моя кровь. Одна только мысль, что он может потерять меня, вылечила его от этой жажды. Но я знаю, запах моей крови все равно до сих пор причинял ему боль — все еще обжигает ему горло изнутри, словно он вдыхает языки пламени.

Я открыла глаза, и оказалось, что он тоже смотрит на меня. Не понимаю его, когда он так смотрит на меня. Можно подумать, что я ценный приз, и победитель он, а не я.

Наши взгляды встретились; его золотые глаза были так глубоки, что мне показалось — я могу разглядеть в них его душу. Глупо, но этот факт — существование его души — всегда подвергался сомнению. Несмотря на то, что он вампир, у него была самая прекрасная душа, еще прекраснее, чем выдающийся ум, несравненное лицо или великолепное тело.

Он смотрел на меня так же, словно видел мою душу, и кажется, остался доволен зрелищем.

Он мог читать мои мысли у кого угодно, но не у меня. Кто его знает почему, но какой-то странный дефект в моем мозгу, подарил мне иммунитет ко всем сверхъестественным и страшным вещам, которые способны творить некоторые бессмертные. (Лишь мой разум был неподвластен им, но некоторые вампиры, не разделявшие взглядов Эдварда, вполне могли причинить вред моему телу). Но я была очень обязана этому дефекту, благодаря которому мои мысли оставались в секрете. Даже подумать стыдно о возможной альтернативе.

Я снова притянула его лицо к себе.

— Однозначно, я остаюсь, — секунду спустя пробормотал он.

— Нет, нет. Это твой мальчишник. Ты должен пойти. — Я произносила эти слова, а сама запустила правую руку в его бронзовые волосы, и крепче прижала другую к его пояснице. Он нежно провел по моему лицу прохладными пальцами.

— Мальчишники устраивают для тех, кому горько видеть, как проходят последние холостяцкие дни. Я же с нетерпением жду, когда закончатся дни моего одиночества. Так что, нет смысла.

— Действительно, — выдохнула я на его по-зимнему холодную кожу на шее.

Это было почти как в моем счастливом месте. Чарли в своей комнате спал беспробудным сном, значит, мы были практически одни. Мы лежали, обнявшись на моей маленькой кровати, тесно прижавшись, насколько это позволял толстый плед, в который я была укутана словно в кокон. Ненавижу одеяло, но романтический момент может быть испорчен, если у меня застучат зубы. Если я включу обогреватель в августе месяце, Чарли это наверняка заметит...

По крайней мере, раз уж мне пришлось укутаться, то рубашка Эдварда лежала на полу. Я так никогда и не перестану восторгаться его прекрасным телом — белое, прохладное, словно отполированное мраморное изваяние. Я восхищенно провела рукой по его каменной груди и плоскому животу. По его телу пробежала легкая дрожь, и его рот снова нашел мои губы.

Я осторожно кончиком языка прикоснулась к его губам, гладким словно стекло, и он вздохнул. Его сладкое дыхание — холодное и приятное — окутало мое лицо.

Он начал отстраняться — это непроизвольная реакция возникает всякий раз, когда он думает что заходит слишком далеко, это рефлекс, срабатывающий всякий раз, когда он больше всего на свете хотел бы не останавливаться. Эдвард большую часть своей жизни провел, отказывая себе в любых физических удовольствиях. Я знала, ему страшно изменить эти привычки.

— Погоди, — произнесла я, обняла его за плечи и прижалась ближе. Высвободила ногу и обвила его за талию. — Повторенье — мать ученья.

Он усмехнулся.

— Ну, тогда мы уже должны быть профессионалами в этом деле, не так ли? Тебе за последний месяц удалось хоть раз выспаться?

— Но это генеральная репетиция, — напомнила я ему, — и к тому же, мы репетировали только кое-какие сцены. Тут нельзя оплошать.

Я подумала, что он рассмеется, но он не ответил, а его тело замерло в каком-то внезапном напряжении. Расплавленное золото в его глазах,

кажется, затвердело.

Я вспоминала свои слова и пыталась понять, что он мог в них услышать.

— Белла..., - прошептал он.

— Не начинай все сначала, — сказал я. — Сделка есть сделка.

— Я не знаю, мне сложно сосредоточиться, когда ты вот так рядом. Я ... я не могу мыслить здраво. Я не смогу контролировать себя. Ты можешь пострадать.

— Со мной все будет хорошо.

— Белла...

— Ш-ш! — я прижалась губами к его губам, чтобы остановить этот приступ паники. Я уже слышала такое раньше. Ему не отменить наш договор. Только не после того, как сначала настоял на свадьбе.

Какое-то время он целовал меня в ответ, но могу сказать, что прежнего рвения в нем уже не чувствовалось. Волнуется, всегда переживает. Что будет, когда ему больше не придется переживать за меня? Что он станет делать с этим свободным временем? Ему придется придумать себе новое хобби.

— Как твои ноги? — спросил он.

Зная, что он говорит это не буквально, я ответила:

— Теплые, аж подрумянились. (*здесь идет речь о поговорке, у невесты от страха ноги замерзают).

— Правда? И никаких сомнений? Еще не поздно передумать?

— Ты собираешься меня бросить?

Он тихо рассмеялся.

— Просто хочу убедиться. Не хочу, чтобы ты что-то делала, не будучи в этом уверена.

— Я уверена в тебе. Все остальное я смогу пережить.

Он снова задумался, а я решила, что лучше бы мне заткнуть себе пяткой рот.

— Сможешь? — тихо переспросил он. — Я не про свадьбу — я уверен, ее ты переживешь, несмотря на все твои сомнения — я про то, что произойдет после... как же Рене, и Чарли?

Я вздохнула.

— Мне будет их не хватать. — Я буду тосковать по ним даже сильнее, чем они по мне, но я не хотела подливать масла в огонь.

— Анжела и Бен, и Джессика, и Майк.

— Мне будет не хватать моих друзей, — улыбнулась я в темноте. — Особенно Майка. О, Майк! Что же мне без тебя делать?

Эдвард зарычал.

Я засмеялась, но быстро посерьезнела.

— Эдвард, мы переливаем из пустого в порожнее, снова и снова. Я знаю, что будет тяжело, но это именно то, чего я хочу. Я хочу тебя, и хочу тебя навсегда. Одной жизни, мне будет просто слишком мало.

— Навечно остаться восемнадцатилетней, — прошептал он.

— Воплощение мечты каждой женщины, — подразнила я.

— Навсегда без изменений... без движения вперед.

— Что это значит?

Он медленно ответил:

— Помнишь, как мы рассказали Чарли, что собираемся пожениться? И он решил, что ты... беременна?

— Он хотел тебя застрелить, — со смехом угадала я. — Признайся, какую-то секунду, он на самом деле об этом подумал.

Эдвард не ответил.

— Что такое, Эдвард?

— Я хотел бы... в общем, я хотел бы, чтобы он оказался прав.

— Уф, — выдохнула я.

— Больше всего я хочу, чтобы был какой-то способ, и Чарли оказался прав. Чтобы у нас была такая возможность. Мне ненавистна мысль, что я лишаю тебя этого.

Мне понадобилась минута и я ответила:

— Я знаю, что делаю.

— Белла, откуда ты можешь это знать? Посмотри на мою мать и сестру. Не так-то просто пожертвовать этим, как тебе кажется.

— Эсме и Розали прекрасно справляются. Если такая проблема возникнет, потом, мы можем поступить как Эсме, мы усыновим...

Он вздохнул и тут его голос стал жестоким:

— Это не правильно. Я не хочу, чтобы ты жертвовала ради меня. Я хочу отдавать, а не отбирать. Я не хочу красть твое будущее. Будь я человеком...

Я закрыла ему рот своей рукой.

— Ты мое будущее. А теперь остановись. Перестань хандрить или я позвоню твоим братьям, чтоб они забрали тебя. Похоже, что мальчишник тебе просто необходим.

— Прости меня. Я хандрю, да? Наверное, это нервы.

— А твои ноги не замерзли?

— Не в этом смысле. Я целый век ждал, чтобы жениться на вас, мисс Свон. Я с нетерпением жду свадебной церемонии... — он замолк на

полуслове. — О, ради всего святого!

— Что случилось?

Он сжал зубы.

— Братьям звонить не придется. Очевидно, Эммет и Джаспер не позволят мне сегодня увильнуть.

Я прижалась к нему на одну секунду, а потом отпустила. У меня не было никакого желания играть с Эмметом в перетягивание каната.

— Повеселись.

От окна раздался противный звук — кто-то специально царапал по стеклу стальными ногтями, рождая ужасно неприятный, зубодробильный скрежет. Меня передернуло.

— Если ты не отдашь нам Эдварда, — угрожающе прошипел невидимый в ночи Эммет. — То мы придем за ним сами!

— Иди, — засмеялась я. — Пока они не разрушали дом.

Эдвард закатил глаза, но встал на ноги одним плавным движением, и вторым движением его рубашка уже была на нем. Он склонился ко мне и поцеловал в лоб.

— Ложись спать. Завтра у тебя важный день.

— Спасибо, что напомнил! Теперь я окончательно упокоилась.

— Встретимся у алтаря.

— Я буду в белом.

Я улыбнулась тому, как буднично я это произнесла.

Он сказал, с легким смешком:

— Очень убедительно.

Тут он резко пригнулся, мышцы напряглись, готовясь к прыжку, и он исчез. Выскочил в окно, слишком быстро, чтобы мои глаза смогли заметить.

Снаружи раздался приглушенный удар и проклятья Эммета.

— Смотрите мне, чтобы никаких опозданий, — тихо проговорила я, зная, что они услышат.

Тут в моем окне возник Джаспер, его медовые волосы серебрились в слабом свете затянутой облаками луны.

— Не волнуйся, Белла. Мы доставим его домой во время.

Я внезапно почувствовала спокойствие, и все мои приступы растерянности потеряли смысл и важность. Как и Элис с ее необъяснимыми точными предсказаниями, Джаспер, по своему, тоже был одарен талантом. Стихия Джаспера — настроения, а не будущее, и невозможно было сопротивляться чувствам, которые он мог вам внушить.

Все еще закутанная в одеяло, я неловко села.

— Джаспер? А как вампиры проводят мальчишники? Вы ведь не поведете его в стриптиз клуб?

— Ничего ей не рассказывай! — прорычал Эммет снизу. Раздался еще один удар, и Эдвард тихо рассмеялся.

— Успокойся, — ответил мне Джаспер — и я его послушалась. — У нас Калленов, будет своя версия. Просто несколько кугуаров, да парочка гризли. Обыкновенная ночная вылазка.

Я подумала, смогу ли когда-нибудь так же непринужденно говорить о «вегетарианской» вампирской диете.

— Спасибо, Джаспер.

Он подмигнул мне и пропал из виду.

Снаружи царила тишина. Через стену доносились приглушенный храп Чарли.

Я улеглась на подушку, и мне захотелось спать. Из-под отяжелевших век, я смотрела на стены моей маленькой комнатки, выцветшей в лунном свете.

Последняя ночь в моей комнате. Последняя ночь Изабеллы Свон. Завтра вечером я стану Беллой Каллен. Хотя все свадебное испытание, казалось мне большой занозой, должна признаться, что мне нравилось как звучит мое будущее имя.

Ожидая прихода сна, я позволила себе немного помечтать. Но, через несколько минут, я почувствовала возросшее беспокойство, тревога скрутилась где-то в животе и неудобно улеглась там. Без Эдварда кровать казалось слишком мягкой и слишком теплой. Джаспер был уже далеко, и все спокойные, расслабляющие ощущения пропали вместе с ним.

Завтра будет очень длинный день.

Я подозревала, что большинство моих страхов — глупости, и я просто должна была перебороть их. Внимание — это неизбежная часть жизни. Я не смогу вечно сливаться с окружающим пейзажем. Однако, у меня была парочка особенных переживаний, и они были самой настоящей проблемой.

Во-первых, это шлейф моего платья. Элис позволила своему художественному вкусу одержать победу над практичностью, и теперь я не могла вообразить как я смогу пройти по лестнице в доме Калленов на каблуках и с шлейфом. Нужно было тренироваться.

Второе — это список гостей.

Семья Тани, клан Денали, придут перед церемонией.

Было бы оскорблением приглашать семью Тани в одну комнату с нашими гостями из Квильетской резервации, отцом Джейкоба и всеми Клируотерами. Среди Денали не было поклонников оборотней. А Ирина,

сестра Тани, вообще не придет на свадьбу. Она все еще была преисполнена мстостью к оборотням за то, что они убили ее друга Лорана (в тот самый момент, когда он собирался убить меня). Благодаря этой затаенной обиде, Денали не стали помогать семье Эдварда в тяжелый момент. Когда на нас напала орда новообращенных вампиров, нам помогли волки. Неожиданный альянс с Квильетскими волками спас всем нам жизни.

Эдвард заверил меня, что Денали вблизи Квильетов это не опасно. Таня и вся ее семья — кроме Ирины — чувствовали себя ужасно виноватыми за отступничество. Договор с оборотнями малая цена за ошибку, и эту цену они согласны были заплатить.

Это все важные проблемы. Была еще одна маленькая проблемка: моя неуверенность в себе.

Я никогда раньше не видела Таню, но была уверена, что встреча с ней не будет праздником для моего эго. Давным-давно, неверное еще до моего рождения, она заигрывала с Эдвардом — нет, я вовсе не обвиняю ее или кого-то еще в желании обладать им. И все равно, она будет прекрасна от и до. Хотя Эдвард однозначно — или по непонятной причине — предпочитал меня, я все равно не удержусь от сравнений.

Я чуть-чуть поворчала, пока Эдвард, который знал эту мою слабость, не урезонил меня и не заставил почувствовать себя виноватой:

— Мы это самое близкое, что у них есть из семьи, Белла, — напомнил он мне. — Они до сих пор ощущают себя сиротами, понимаешь? Даже спустя столько времени.

Я представила это и перестала хмуриться.

Теперь у Тани была большая семья, почти такая же большая как семья Калленов. Их было пятеро: Таня, Кейт и Ирина, к ним, почти так же как когда-то к Калленам присоединились Элис и Джаспер, присоединились Кармен и Елезар, всех их связывало желание жить более мирно, чем другие вампиры.

Несмотря на такую компанию, Таня и ее сестры были все еще одиноки. До сих пор в трауре. Потому что, очень много лет назад у них тоже была мать.

Могу представить какую рану оставила эта утрата, даже спустя тысячи лет. Я попыталась представить семью Калленов без их создателя, их центра, и их предводителя — их отца, Карлайла. И я не смогла даже представить.

В один из вечеров, когда я допоздна засиделась у Калленов дома, Карлайл рассказал мне историю Тани. Я старалась научиться как можно большему, подготовиться как можно лучше к избранному мной будущему.

История матери Тани была одна из многих, причинно-следственная связь, иллюстрирующая одно из правил которое мне нужно будет знать, когда я присоединюсь к бессмертному Миру. Только лишь одно правило, вернее — один закон, имеющий под собой тысячу пунктов — Хранить тайну.

Хранить тайну это значит много — жить не вызывая подозрений как Каллены, переезжать с места на место прежде чем люди заметят что они не стареют. Или же вообще не попадаться людям на глаза — разве что приходить поесть — так жили кочевники типа Джеймса и Виктории, и живут до сих пор друзья Джаспера Питер и Шарлотта. Это означает контроль над любым созданным вампиром, как случилось с Джаспером, когда он жил с Марией. И как не получилось у Виктории, с ее новообращенными.

И это означает запрет на создание кое-каких существ, потому что некоторые создания невозможно контролировать.

— Я не знаю, как звали мать Тани, — признался мне Карлайл, его золотые глаза, почти такого же оттенка, как и светлые волосы, наполнились грустью, вспоминая боль Тани.

— Они никогда не говорят о ней, если можно этого избежать, никогда не вспоминают ее.

Женщина, которая создала Таню, Кейт и Ирину — которая любила их, как я считаю — жила много лет до моего рождения, во время чумы в нашем мире, чумы бессмертных детей.

— О чем они думали, эти древние, я даже близко не могу понять. Они создавали вампиров из людей, которые были всего лишь детьми.

Мне пришлось сглотнуть желчь, которая накопилась в горле, когда я представила то, о чем он рассказывал.

— Они были так прекрасны, — быстро добавил Карлайл, заметив мою реакцию. — Такие милые, такие очаровательные, даже представить сложно. Их не возможно было не любить, это происходило неосознанно.

— Правда, их нельзя было ничему научить. Они замерли на том уровне развития, которого достигли, когда их укусили. Очаровательные двухгодовалые лопочущие детки с ямочками на щеках, способные в гневе уничтожить пол деревни. Если они испытывали голод, они кормились, и ни одно слово предостережения не могло их сдержать. Люди увидели их, пошли разговоры, страх вспыхнул как огонь в сухих щепках...

— Мать Тани создала такого ребенка. Так же как я не понимаю других древних, так я не понимаю и ее причины. — Он глубоко вздохнул, успокаиваясь. — Конечно же, вмешались Волтури.

Я вздрогнула, как вздрагивала всегда от звука этого имени, но, конечно

же, легион итальянских вампиров — самопровозглашенная королевская знать — была центром этой истории. Нет закона, если нет наказания, нет наказания, пока нет палача. Древние Аро, Кай и Маркус правили всеми Волтури. Я лишь однажды встретила с ними. И в это краткое знакомство, мне показалось, что Аро, с его могущественным даром читать мысли — одно единственное прикосновение и он знал все мысли когда-либо побывавшие в голове — был их настоящим лидером.

— Волтури изучали бессмертных детей, дома в Волтерре и по всему свету. Кай решил, что юные создания были неспособны хранить наш секрет. И значит, их нужно было уничтожить.

— Я уже сказал тебе, насколько они были прекрасны. В итоге, отчаянно сражавшиеся за них кланы были практически полностью истреблены. Резня не имела размаха южных войн на континенте, но по-своему была еще более разрушительна. Старинные семьи, древние традиции, друзья... Много было утрачено. В итоге, эта практика была пресечена.

Бессмертные дети стали неназываемыми, табу.

— Когда я жил с Волтури, я встречал двух бессмертных детей, так что, я лично знаю, как они выглядели. Аро уже после катастрофы виновниками которой они стали, долгие годы изучал их. Ты знаешь его пытливый ум, он надеялся, что их можно приручить. Но, в конце концов, решение было единодушным: бессмертным детям нельзя позволить существовать.

Я уже забыла о матери сестер из Денали, когда история вновь вернулась к ней.

— Не известно, что именно произошло с матерью Тани, — сказал Карлайл. — Таня, Кейт и Ирина ничего не знали до того самого дня, когда за ними пришли Волтури. Их мать и ее незаконное создание уже были их пленниками.

Жизнь Тани и ее сестрам спасло неведение. Аро прикоснулся к ним и увидел их полную невиновность, так они избежали наказания вместе с матерью.

— Никто из них никогда раньше не видел этого мальчика, даже не подозревали о его существовании. До того самого дня, когда увидели его на костре на руках их матери. Я могу только предполагать, что их мать держала все в секрете, чтобы защитить их. Но зачем она вообще создала его? Кто он такой, и что значил для нее, почему ради него она решилась нарушить самый суровый закон? Таня и остальные так никогда и не узнали ответы на свои вопросы. Но они не сомневались в виновности своей матери. И я не думаю, что они смогли ее простить.

— Хотя Аро и заверил в непричастности Тани, Кейт и Ирины, Кай хотел сжечь и их. Виновны как соучастники. Им повезло, что в тот день Аро был милосерден. Таня и ее сестры были прощены, но на их сердцах остались незаживающие раны и очень большое почтение к закону...

Не знаю, когда именно мои воспоминания превратились в сон. Вот я будто бы снова слушаю Карлайла, смотрю ему в лицо, и вот момент спустя уже смотрю на серое, бесплодное поле и чувствую густой запах горящего фимиама. Здесь я была не одна.

Группа фигур в центре поля, все закутанные в пепельные плащи, должны были напугать меня — ведь это могли быть только Волтури, и я была, несмотря на их приказ в нашу последнюю встречу, все еще человеком. Но я знала, как иногда случалось со мной во сне, что они меня не видят.

Всюду вокруг меня находились пепелища. Я узнала сладость в воздухе и не слишком внимательно изучала холмики. У меня не было желания видеть лица уничтоженных по их приказу вампиров. Я боялась, что узнаю кого-нибудь в этих тлевших погребальных кострах.

Солдаты Волтури окружили нечто, и я слышала, как в их тихих голосах росло возбуждение. Я приблизилась к ним ближе, преодоливая силу сна тянула меня посмотреть, что или кого они так внимательно рассматривали. Осторожно пробираясь между двумя шипящими вампирами, я наконец-то увидела объект их спора, он стоял на небольшом холмике перед ними.

Он был прекрасен, очарователен, именно таким как описал его Карлайл. Мальчик был совсем еще крошкой, не больше двух лет. Светло-каштановые локоны обрамляли его ангельское личико, круглые щечки и пухлые губки.

Меня охватило сильное желание спасти милого, испуганного ребенка. Волтури и их угрожающий вид больше не волновала меня. Я рванулась к ним и плевать, если они заметят меня. Я побежала, минуя их, прямо к мальчику.

Я остановилась, пошатываясь, только когда смогла полностью осмотреть пригорок, на котором он сидел. Это были вовсе не земля или камень, это была куча человеческих тел, обескровленных и безжизненных. Слишком поздно было не смотреть на лица. Я знала их всех — Анжела, Бен, Джессика, Майк...

И прямо под очаровательным мальчиком лежали тела моих папы и мамы.

Ребенок открыл яркие, кроваво-красные глаза.

Глава 3

Большой день

Мои глаза резко распахнулись.

Меня сотрясала мелкая дрожь, и я с трудом глотала воздух. Некоторое время я лежала в своей теплой постели, пытаюсь сбросить с себя оковы моего сновидения. Небо за окном успело стать серым, а затем бледно-розовым, пока ритм моего сердца не стал более менее нормальным.

Когда я полностью пришла в себя и вернулась в реальность, я ощутила, что страшно на себя злюсь. Что это за сны такие, в ночь накануне моей свадьбы!? Видимо, это результат того, что по ночам я забиваю себе голову страшными и беспокойными раздумьями.

Страстно желая избавиться от ночного кошмара, я оделась и спустилась на кухню намного раньше, чем обычно. Для начала я прибралась в уже убранных комнатах, и затем, когда Чарли встал, я испекла ему блины. Я слишком нервничала, чтобы найти хотя бы какой-то интерес в процессе поедании завтрака, так что я просто села напротив Чарли.

— Тебе нужно заехать за мистером Вебером в три, — напомнила я ему.

— У меня нет никаких планов на сегодня, кроме как забрать священника, Беллс. Так что почти невозможно забыть о своем единственном деле.

Чарли взял полный выходной день из-за свадьбы, и ему явно было нечем заняться. И в его глазах всякий раз вспыхивала искра, когда взгляд его падал на чулан, где он хранил свои рыболовные снасти.

— Это не единственное твое дело на сегодня. Тебе ещё предстоит одеться и выглядеть благопристойно.

Нахмутив брови, он уставился в миску со своими хлопьями и шепотом пробормотал: «Клоунский костюм».

Во входную дверь кто-то тихо, но оживленно постучал.

— Ты никак не можешь смириться с этим, — сказала я, скорчив гримасу. — На до мной Элис будет работать целый день.

Чарли сочувственно кивнул, согласившись с тем, что ему предстоит менее суровое испытание, нежели мне. Поднимаясь со стула, я наклонилась, чтобы чмокнуть его в макушку, Чарли покраснел от смущения и фыркнул — а затем я пошла открывать дверь моей любимой подруге и будущей сестре.

Короткие черные волосы Элис сегодня не были уложены как обычно

— колючим лохматым ежиком. Они были уложены в гладкие мелкие кудри, обрамляющие ее, будто бы эльфа, лицо, на котором застыло серьезное и деловитое выражение, весьма контрастирующее с ее образом. Едва успев сказать: «Привет, Чарли», она выволокла меня из дома.

Элис оценивающе осмотрела меня, пока я садилась в ее порше.

— Черт возьми, посмотри на свои глаза! — воскликнула она с упреком. — Что ты делала? Не спала всю ночь?

— Почти.

Она сердито посмотрела на меня.

— Я потратила столько времени, чтобы сделать тебя ошеломляющей, Белла, ты должна больше заботиться о себе!

— Никто и не надеется, что я буду ошеломляющей. Я думаю, что наибольшая проблема состоит в том, что я могу уснуть во время церемонии и не сказать «Я согласна» в нужный момент. И тогда Эдвард сбежит.

Она рассмеялась.

— Я кину в тебя своим букетом, как только ты посмеешь закрыть глаза.

— Договорились.

— В конце концов, у тебя завтра, в самолете, будет масса времени, чтобы выспаться.

Я подняла одну бровь. Завтра... Я задумалась. Если мы уедем, после вечеринки, то завтра мы уже будем на борту самолета...хм, мы же не едем в Бойсе, Айдахо. Эдвард не сделал мне ни единого намека на то, где будет проходить наш медовый месяц. Я не была слишком озабочена этим вопросом, но это было странно, не зная, где я буду спать следующей ночью. Или, надеюсь, не спать.

Элис поняла, что сболтнула лишнее и нахмурилась.

— Все твои вещи уже собраны и готовы, — сказала она, чтобы отвлечь меня.

И ей удалось.

— Элис, было бы лучше, если б ты позволяла мне самой паковать мои вещи!

— Тогда бы это растянулось надолго.

— И тогда бы ты не имела возможности делать для меня новые покупки.

— Ты официально станешь моей сестрой в ближайшие десять часов... Этого времени достаточно, чтобы смириться со своим безразличием к новой одежде.

Я не отрывала сердитого взгляда от лобового стекла вплоть до того

момента, как мы почти подъехали к дому.

— Он уже вернулся? — спросила я.

— Не волнуйся, он вернется прежде, чем зазвучит марш. Но тебе не позволено видеть его в независимости от того, когда он вернется. Мы будем придерживаться традиции.

— Традиции, — фыркнула я.

— Вот именно — жених и невеста отдельно.

— Знаешь, он наверняка все равно уже подглядел. (* Говорится о примете, согласно которой, жениху нельзя видеть невесту в свадебном платье до начала церемонии)

— Ну нет! Я единственная, кто видел тебя в платье! Я вела себя очень осторожно, и не думала об этом, когда он был поблизости.

— О, — сказала я, когда мы подъехали к дорожке, — Я вижу, ты снова использовала свои гирлянды с выпускного.

Три мили дороги, ведущей к дому, были снова окутаны сотнями тысяч сверкающих фонариков. Но на этот раз, ко всему прочему, она добавила белые атласные ленты.

— Ни много, ни мало. Наслаждайся этим, потому что ты не увидишь то, как украшен дом, пока не придет время.

Она заехала в гараж, который находился в северном крыле здания. Джила Эммета не было на месте.

— С каких это пор невесте не разрешено видеть, как украшен дом? — запротестовала я.

— С тех пор, как она доверила это дело мне. Я хочу, чтобы ты почувствовала потрясение, спускаясь вниз по лестнице.

Она прикрыла мне глаза своими ладонями, едва мы вошли в кухню. Я тут же ощутила густой аромат.

— Что это? — удивилась я.

— Неужели слишком? — ее голос стал неожиданно расстроенным. — Ты первый человек здесь, я надеюсь, что сделала все верно.

— Пахнет потрясающе! — заверила ее я — почти опьяненная. Гармония различных ароматов была нежна и безупречна. — Цветы апельсинового дерева... Сирень... И что-то еще — я права?

— Очень хорошо, Белла. Ты пропустила лишь фрейзии и розы.

Она не открыла моих глаз до тех пор, пока мы не оказались в ее огромной ванной комнате.

Я уставилась на длинную стойку, заваленную всеми атрибутами настоящего салона красоты, начав ощущать последствия моей бессонной ночи. Глаза закрывались сами по себе.

— Это действительно необходимо? Я все равно буду выглядеть обыкновенной рядом с ним, и неважно как я в действительности буду выглядеть.

Она заставила меня сесть в низкое розовое кресло.

— Никто не посмеет назвать тебя обыкновенной, когда я завершу.

— Но, только потому, что они бояться того, что ты высосешь их кровь, — пробормотала я.

Я прислонилась к спинке кресла и закрыла глаза, надеясь на то, что смогу немного вздремнуть. Я то дремала, то просыпалась, пока она делала мне маски, полировала, и наводила лоск на каждую клеточку моего тела.

Уже прошло время обеда, когда Розали незаметно проскользнула в ванную, одетая в сияющее серебристое платье, а ее золотистые волосы были словно мягкая корона на макушке головы. Она была так красива, что я была готова разреветься. Какой смысл наряжаться, когда рядом с тобой такая, как Розали?!

— Они вернулись — сказала Роуз.

Тот час же, мой ребяческий приступ отчаяния исчез. Эдвард был здесь.

— Не пускайте его сюда!

— Он не станет раздражать тебя сегодня, — заверила она Элис. — Ему пока еще дорога жизнь. Эсме поручила им закончить кое-какие дела. Тебе нужна помощь? Я могу помочь с прической.

Мой рот раскрылся от удивления. Я потрясла головой, пытаясь вспомнить, как закрыть его.

Я никогда не была любимицей Розали. Затем произошли вещи, которые сделали отношения между нами еще более натянутыми, она была абсолютно оскорблена тем выбором, который я сделала.

Да, она была невероятно красива, семья любила её, в Эммете она нашла родную душу, но она бы променяла все это на одну единственную вещь — быть человеком. И вот она я, готовая бесчувственно бросить все, что она больше всего желает в этой жизни, будто самый обычный мусор. И это, естественно не располагало к теплым отношениям между нами.

— Конечно! — сказала Элис без капли сомнения, — Ты можешь начать плести. Это будет замысловато. Фата будет проходить здесь, чуть ниже.

Ее рука начала расчесывать мои волосы, приподнимать их и по-разному поворачивать. Элис пыталась детально показать то, что она хотела бы увидеть в конечном результате. Когда она закончила, руки Розали подменили ее руки, колдуя над моими волосами своими легкими прикосновениями. Элис же вернулась к работе над моим лицом.

Последовав рекомендациям Элис, и закончив с моей прической, Розали ушла за моим платьем, а затем — предупредить Джаспера, который должен был забрать мою маму и ее мужа, Филя из отеля. Я же могла лишь слышать, как входные двери открывались и закрывались снова и снова. Голоса начали доноситься и до нас.

Элис поставила меня так, чтобы она могла одеть меня, не задев причёску и макияж. Мои колени так сильно дрожали, что как только она застегнула длинную цепочку из перламутровых пуговиц на моей спине, атлас задрожал, и покрылся мелкой рябью.

— Дыши глубже, Белла, — сказала Элис, — и постарайся заставить сердце биться ровней.

Я сделала самое саркастическое выражение лица, на какое была способна.

— Я уже почти в порядке.

— Мне нужно одеться. Надеюсь, ты сможешь держать себя руках хотя бы минуты две?

— Эмм... Может быть...

Она закатила глаза и кинулась за дверь.

Я сконцентрировалась на своем дыхании, пытаюсь сосчитать каждое движение своих легких, и рассматривала узор, который оставлял свет, на блестящей ткани подола. Я боялась взглянуть на себя в зеркало, боялась, что мое собственное отражение в свадебном платье вызовет очередной приступ паники.

Элис вернулась до того, как я сосчитала двести вдохов и выдохов, в платье, которое струилось вдоль ее стройного тела, как водопад из чистейшего серебра.

— Ух, ты, Элис!

— Ничего особенного. Никто не будет смотреть на меня сегодня. Но пока ты будешь находиться в комнате.

— Очень смешно.

— Ну как, ты уже достаточно контролируешь себя, или мне придется звать сюда Джаспера?

— Они уже приехали? Моя мама здесь?

— Она только что вошла в дом и направляется сюда.

Рене прилетела два дня назад, и, если бы я могла, я бы провела с ней каждую минуту своего времени — другими словами, все те минуты, во время которых я бы смогла оторвать ее от Эсме и украшения дома. Насколько я могу судить — ей это доставляло гораздо большее удовольствие, чем торчать в четырех стенах со мной. В некотором

отношении, я чувствовала себя едва ли не такой же обманщицей, как и Чарли. Все, это было для того, чтобы избежать ужаса ее реакции...

— О, Белла — с чувством воскликнула она, как только вошла в дверной проем. — О, милая, ты так красива! О, мне кажется, я сейчас заплачу! Элис, ты изумительна! Тебе и Эсме следует открыть своих бизнес по организации свадеб. Где вы нашли такое платье!? Оно превосходно! Такое изящное, такое элегантное! Белла, ты выглядишь так, словно сошла со страниц романов Джейн Остен, — голос моей матери звучал несколько отдаленно, и все помещение было, словно слегка в тумане. — Какая оригинальная идея, организовать все в стиле ее кольца! Так романтично! Можно подумать, что оно хранилось в семье Эдварда с восемнадцатого века!

Мы с Элис многозначительно переглянулись. Моя мама все еще лепетала что-то по поводу стиля того столетия. На самом деле, мое кольцо не было причиной этого переполоха, все это было ради Эдварда.

Со стороны двери послышался грубый гортанный голос.

— Рене, Эсме сказала, что пришло время рассаживаться в зале, — сказал Чарли.

— О, Чарли, ты выглядишь, хм, экстравагантно! — сказала она голосом, в котором чувствовалось потрясение. Это объясняло раздраженный тон Чарли:

— Руки Элис добрались и до меня.

— Уже правда пришло время? — Рене спрашивала сама себя, чуть более взволнованным тоном, чем обычно. — Все произошло так быстро. Я потрясена.

Это относилась к нам обеим.

— Дай же мне обнять тебя, пока я ещё не ушла, — настойчиво проговорила она — Осторожно, не испортить что-нибудь. Мама нежно обняла меня вокруг талии, а затем повернула меня кругом.

— О, Боже! Я чуть было не забыла! Чарли, где шкатулка?

Чарли тщательно перепроверил все свои карманы, а затем вытащил маленькую белую шкатулку, которую передал Рене. Рене приподняла крышку шкатулки и протянула ее мне.

— Кое-что голубое, — сказала она.

— И кое-что старинное. Это принадлежало бабушке Свон, — добавил Чарли. — Мы кое-что изменили, а точнее заменили камни на сапфиры.

Внутри шкатулки лежало два серебрянных гребня для волос. Темно-голубые сапфиры складывались в замысловатые цветочные узоры. К горлу подошел комок.

— Мам, Пап... не надо было...

— Элис не позволяла нам сделать что-нибудь большее, — сказала Рене. — Как только мы предпринимали попытку, она была готова разодрать нам глотки.

Истеричный смешок сорвался с моих губ.

Элис подошла, и быстрым плавным движением закрепила гребни на моих волосах.

— Что-то старинное, и что-то голубое, — задумчиво произнесла Элис, отходя на пару шагов в сторону. — А твое платье новое... Так что, держи!

Она что-то подбросила мне, и я успела поймать. В моих руках была тонкая белая подвязка.

— Это мое, так что потом вернешь.

Я покраснела.

— Вот, — удовлетворенно сказала Элис. — Немного цвета — все, что тебе нужно. Ты официально прекрасна!

С победной улыбкой на лице, она повернулась к моим родителям.

— Рене, ты должна спуститься вниз.

— Да, мам!

Рене поцеловала меня, и поторопилась скрыться за дверью.

— Чарли, не мог бы ты захватить цветы?

Когда Чарли вышел из комнаты, Элис выдернула подвязку из моих рук и нырнула под мою юбку. Я с трудом могла дышать, и задрожала, когда ее холодные руки уцепились в мою лодыжку. Она привязала подвязку.

Она уже вернулась в исходное положение, когда вернулся Чарли, держа в руках два белых букета. Приятный аромат роз, цветов апельсинового дерева и фрейзий погрузил меня в легкую дымку.

Розали — лучший музыкант в семье после Эдварда — уже начала играть на рояле. Канон Пахельбеля. Мое дыхание непозволительно участилось.

— Спокойно, Беллс, — сказал Чарли.

Он обеспокоенно посмотрел на Элис.

— Она выглядит немного болезненно. Ты думаешь, она сможет это сделать?

Голос Чарли звучал как в тумане. Ноги стали ватными.

— У нее все получится.

Она встала на цыпочки прямо напротив меня, чтобы взглянуть мне в глаза, и взяла меня за запястье своей сильной рукой.

— Возьми себя в руки, Белла. Эдвард уже ждет тебя там, внизу.

Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться.

Музыка постепенно перешла в новую мелодию. Чарли подтолкнул меня. «Беллс, мы еще можем сделать выбор».

— Белла? — спросила Элис, все еще пристально смотря на меня.

— Да, — пропищала я, — Эдвард. О'кэй.

Я позволила ей вывести меня из комнаты, вместе с Чарли, который шел рядом, держа меня под локоть.

К коридоре музыка была еще громче. Звуки мелодии поднимались вверх по лестнице, вместе с удивительным ароматом сотен цветов. Я попыталась сосредоточиться на том, что внизу меня ждет Эдвард.

Музыка стала легко узнаваемой — традиционный марш Вагнера, декорированный множеством украшений.

— Моя очередь — сказала Элис, ее голос был похож на мелодичный перезвон колокольчиков. — Досчитай до пяти и следуй за мной.

Она начала спускаться вниз, своей грациозной походкой, столь привычной для неё. Тогда я и осознала, что взять Элис в качестве единственной подружки невесты было не самой лучшей идеей, скорее даже ошибкой. Я буду выглядеть слишком неуклюжей, следуя за ней.

Неожиданно фанфары заглушили музыку. Я поняла, что это знак для меня.

— Только не позволяй мне упасть, пап. — прошептала я. Чарли взял, пропустил мою руку под его рукой, и крепко сжал ее.

Время сделать первый шаг, я сказала это сама себе, как только мы начали спускаться вниз под медленную мелодию марша. Я не собиралась отрывать глаз от лестницы до того момента, пока мои ноги не коснутся ровной поверхности пола, хотя я прекрасно слышала начавшиеся перешептывание и суматоху среди гостей, как только я ступила на лестницу. Кровь прилила к моим щекам; конечно, я рассчитывала на то, чтобы быть застенчивой невестой.

Как только я ощутила под ногами твердую и ровную поверхность пола — я посмотрела на него. На долю секунды я была отвлечена обилием белых цветов, гирляндами свисающих со всего, чего только можно было, перетянутых огромным количеством тонких белых лент. Но я оторвала свой взгляд от этого и начала искать его в толпе, я покраснела еще больше, осознав, что все лица гостей обращены ко мне. А вот и он, стоит прямо напротив алтаря, который украшен еще большим количеством лент и цветов.

Я успела осознать лишь то, что Карлайл стоит рядом с ним, а прямо за ними отец Анжелы. Я не видела ни лица своей матери, которая должна была сидеть в первом ряду, ни лиц своей новой семьи, ни лиц всех

остальных гостей — все они подождут.

Я видела только его лицо, лицо Эдварда. Оно занимало все пространство, стоя на первом плане, оно сотрясало весь мой разум, и переворачивало все вверх ногами. Его глаза горели золотом; серьезность его совершенного лица выражало всю глубину эмоций, которую он испытывал в тот момент. И тогда, как только он поймал мой взгляд, его лицо озарила ликующая улыбка.

Тогда я осознала, что рука Чарли, которая все также крепко сжимала мою руку, была единственным препятствием моему желанию кинуться бегом по проходу к нему.

Марш был слишком медленный, так что я с трудом боролась с желанием ускорить свои шаги. К счастью, проход был коротким. И вот, я, наконец... наконец, была там. Эдвард протянул свою руку, и Чарли, следуя старинной традиции, положил мою руку на его. Я могла ощутить чарующий холод его кожи. Я была дома.

Наши клятвы были самыми обычными, тысячи пар по всему свету уже произносили их до нас, но ни одна из пар на Земле не была похожа на нас. Мы попросили мистера Вебера сделать лишь одно маленькое изменение: заменить слова «до тех пор, пока смерть не разлучит нас» на «так долго, сколько продлится наша жизнь».

В тот момент, когда священник произнес эти слова, в моем мире, в котором уже все было перевернуто с ног на голову, все встало на свои места. Я осознала, насколько ничтожны были мои страхи, будто нежеланный подарок на день рождения. Я посмотрела в его светящиеся триумфом глаза и поняла, что я тоже выиграла. Потому что больше ничего не препятствовало тому, что бы я могла быть с ним.

Я и не заметила, что стала плакать, что слезы текли по моим щекам вплоть до того момента, когда я должна была произнести слова, которые должны были навсегда связать нас.

— Я согласна, — я старалась быть громче невнятного шепотка, и постоянно моргала, чтобы убрать слезы с моих глаз.

Когда настала его очередь говорить, его слова прозвучали четко и победно:

— Я согласен, — клятвенно произнес он.

Мистер Вебер объявил нас мужем и женой. Руки Эдварда бережно взяли мое лицо. Сквозь завесу из собственных слез, я пыталась осмыслить — тот, чье лицо находилось напротив моего, был полностью моим. Его золотистые глаза смотрели так, будто в них тоже были слезы, хотя, это было невозможно. Он наклонил свою голову ко мне, я встала на цыпочки,

потянувшись к нему, отбросила букет, и обняла его за шею.

Он целовал меня нежно, любяще. Я забыла обо всем — люди, место, время, причину, по которой мы все собрались. Было важно лишь то, что он любил меня, хотел меня, и я принадлежала ему.

Он начал поцелуй и должен был закончить его. Я вцепилась в него, игнорируя хихиканье в толпе. В конце концов, он отодвинул мое лицо от своего — слишком быстро, чтобы взглянуть на меня. Его неожиданная улыбка скорее походила на довольную ухмылку.

Толпа взорвалась аплодисментами. Он развернул мое лицо и тело к толпе — к родственникам и друзьям. Я же не могла оторвать взгляда от его лица, чтобы посмотреть на них.

Руки моей матери было первое, что я ощутила. Ее заплаканное и счастливое лицо было первым, что я увидела, оторвав наконец-таки свой взгляд от Эдварда. Затем все обнимали меня и сжимали мою руку, я же не могла сосредоточиться ни на чем другом, кроме как на руке Эдварда, которая бережно и крепко держала мою. Я узнавала лишь разницу между мягкими и теплыми объятиями людей и холодными объятиями моей новой семьи.

Лишь одно обжигающее объятие я узнала сразу же — Сет Клируотер, с мужеством пребывав в окружении вампиров, заменяя моего лучшего друга — оборотня.

Глава 4

Жест

В подтверждение безупречного плана Элис, свадебная церемония плавно перетекла в свадебную вечеринку.

Над рекой только-только начали сгущаться сумерки; церемония продлилась ровно столько, сколько и полагалось, солнце как раз успело скрыться за деревьями. Пока Эдвард вел меня через стеклянные двери позади дома, на деревьях мерцали огоньки, и от них светились белые цветы. Из десяти тысяч цветов был сделан благоухающий воздушный навес над танцевальной площадкой, которую устроили прямо на траве под двумя старыми кедрами.

Все замедлилось и успокоилось, когда на нас опустился приятный августовский вечер. Под мягким светом мерцающих огоньков собралась небольшая толпа, и нас снова приветствовали друзья, с которыми мы только что обнимались. Пришло время поболтать и посмеяться.

— Поздравляю вас, ребята, — сказал Сэт Клируотер, наклоня голову, чтобы не задеть цветочную гирлянду. Его мать, Сью, в напряжении стояла неподалеку и настороженно рассматривала гостей. У нее было худое и строгое лицо, его выражение подчеркивалось строгой короткой стрижкой; такие же короткие волосы, как и у ее дочери Леи — я подумала, что, наверное, она тоже подстриглась из солидарности с ней. Билли Блэк был по другую сторону от Сета, он не был так напряжен как Сью.

Когда я смотрела на отца Джейкоба, мне всегда казалось, что я вижу двух разных людей. Один — старик в инвалидном кресле, с морщинистым лицом и белозубой улыбкой, как его видели все. И второй — прямой потомок старинного рода могучих, магических вождей, укрытый властью, с которой он был рожден. Хотя магия из-за отсутствия катализатора и не затронула его поколение, Билли все равно был частью силы и легенды. Все это было в нем. Сила перешла к его сыну, наследнику магии, а он отвернулся от нее. Тогда пришлось Сэму Улею занять место легендарного магического вождя...

Учитывая повод и компанию, Билли вел себя странно непринужденно — его черные глаза поблескивали, словно он только что получил хорошие известия. Меня поразило его самообладание. Наверное, в глазах Билли, свадьба это худшее что могло произойти с дочерью его лучшего друга.

Я знала, ему было сложно сдерживать свои чувства, ведь церемония

бросала вызов древнему договору между Калленами и Квильетами. Это соглашение, которое навсегда запретило Калленам создавать других вампиров. Волки знали — грядет нарушение, но Каллены еще не знали, как именно они среагируют. До альянса, нарушение договора означало бы немедленное нападение. Войну. Возможно ли снисхождение, после того как они лучше узнали друг друга?

Словно в ответ на мои мысли, Сэт раскинув руки, склонился к Эдварду. Свободной рукой Эдвард обнял его.

Я заметила, как Сью слегка поежилась.

— Я рад, что у тебя все разбурилось, друг, — сказал Сэт. — Я за тебя счастлив.

— Спасибо, Сэт. Твои слова много значат для меня. — Эдвард отошел от Сэта и посмотрел на Сью и Билли. — И вам тоже спасибо. За то, что позволили Сэту прийти. За то, что сегодня поддержали Беллу.

— Не стоит благодарности, — произнес Билли своим глубоким, скрипучим голосом и я удивилась обилию оптимизма в его тоне. Возможно, на горизонте замаячил договор посерьезнее.

Уже начала собираться очередь, так что Сэт помахал нам на прощанье и увез Билли туда, где находилось угощение. Сью держалась за них обоих.

Следующими нас должны были поздравить Анжела вместе со своими родителями и Бен, за ними стояли Майк и Джессика — они, к моему удивлению, держались за руки. Я не слышала, чтобы они снова сошлись. Это хорошо.

За моими друзьями-людьми, стояли мои новые родственники, клан вампиров Денали. Когда первая вампирша — по рыжеватым блондинистым кудрям я узнала Таню — обняла Эдварда, я даже дышать перестала. Рядом с ней стояли еще три вампира, своими золотыми глазами они, с неприкрытым любопытством, пялились на меня. У одной женщины были длинные, очень светлые, совсем как кукурузные стебли, волосы. Двое других вампиров рядом с ней, женщина и мужчина, были черноволосыми, с легким оливковым оттенком на бледных лицах.

И все они были так прекрасны, что у меня скрутило живот.

Таня все никак не отлипалась от Эдварда.

— Ах, Эдвард, — сказала она. — Мне так не хватало тебя.

Эдвард рассмеялся, ловко высвободился из ее объятий, положил руку ей на плечо и отступил назад, словно желая рассмотреть получше.

— Так много времени прошло, Таня. Ты хорошо выглядишь.

— Ты тоже.

— Позволь представить тебя моей жене. — Эдвард произнес это слово

в первый раз после того, как мы официально поженились. Казалось, что он готов взорваться от переполняемого его удовольствия, когда произносил это. В ответ все Денали легко рассмеялись.

— Таня, это моя Белла.

Как и предсказывали мои худшие кошмары, Таня была прекрасна от и до. Она посмотрела на меня чуть более пристально, чем полагалось, а затем взяла мою руку.

— Добро пожаловать в семью, Белла. — Немного печально улыбнулась она. — Мы считаем себя частью семьи Карлайла, и я прошу прощения за, э-э, недавний инцидент, когда мы повели себя не родственному. Нам нужно было познакомиться с тобой раньше. Ты можешь простить нас?

— Конечно, — затаив дыхание ответила я. — Как хорошо, что мы познакомились.

— Теперь все Каллены имеют пару. Кейт, может быть настал и наш черед? — Она усмехнулась блондинке.

— Помечтай, — закатив золотые глаза, ответила Кейт.

Она забрала мою руку у Тани и легонько ее сжала.

— Приветствую тебя, Белла.

Черноволосая женщина положила ладонь поверх руки Кейт.

— Я Кармен, а это Элеазар. Мы так рады наконец-то познакомиться с тобой.

— И я, т-тоже, — заикаясь, сказала я.

Таня бросила взгляд на людей, ожидавших за ней — это был заместитель Чарли, Марк, со своей женой. Они выпученными глазами смотрели на клан Денали.

— Позже, мы познакомимся друг с другом поближе. У нас будут эоны времени для этого! — уходя вместе со своей семьей, рассмеялась Таня.

В дальнейшем всё было весьма традиционно. Я была ослеплена вспышками, когда мы держали нож над эффектным тортом — на мой взгляд, он был слишком большой для нашего маленького собрания из друзей и близких родственников. Мы по очереди испачкали тортом друг другу лица. Я с недоверием смотрела, как Эдвард мужественно проглотил свою порцию. Я с нетипичной для себя точностью кинула букет прямо в руки изумленной Анжелы. Эммет и Джаспер подвывали от смеха, наблюдая как я залилась краской когда Эдвард — зубами и очень осторожно — снимал мою одолженную подвязку, которую я стянула вниз чуть ли не до самой щиколотки. Быстро подмигнув мне, он кинул ее прямо в лицо Майку Ньютону.

А когда зазвучала музыка, Эдвард прижал меня к себе и мы начали традиционный первый танец. Несмотря на мой страх перед танцами — особенно танцами на публике — я охотно последовала за ним, я была счастлива, что он держал меня в объятиях. Он все делал сам, и я легко кружилась под сияющим куполом из лампочек и в ярком свете фотовспышек.

— Наслаждаетесь праздником, миссис Каллен? — прошептал он мне на ухо.

Я рассмеялась.

— Мне нужно немного времени, чтобы привыкнуть.

— У нас есть немножко, — напомнил он мне, в его голосе слышалось ликование, не прекращая танцевать, он склонился ко мне и поцеловал. Лихорадочно защелкали камеры.

Заиграла другая песня и Чарли постучал Эдварда по плечу.

Танцевать с Чарли оказалось совсем не так просто. Тут мы с ним были похожи, он не лучше меня умел танцевать, поэтому мы безопасно двигались из стороны в сторону на маленьком квадрате. Эдвард и Эсме закружились вокруг нас как Фред Астер и Джинджер Роджерс.

— Я буду скучать по тебе дома, Белла. Я уже чувствую, что одинок.

Мне тут же перехватило горло, и я попыталась обратить все в шутку:

— Я чувствую ужасную вину, за то, что тебе придется готовить самому себе — это сродни преступлению. Ты вправе арестовать меня за это.

Он ухмыльнулся.

— Думаю, с едой я справлюсь. Просто, звони мне, когда сможешь.

— Обещаю.

Кажется, я перетанцевала уже со всеми. Так хорошо было видеть всех моих старых друзей, но на самом деле быть вместе с Эдвардом я хотела больше всего на свете. Я была счастлива, когда он, через пол минуты после начала нового танца, наконец, забрал меня у партнера.

— Ты до сих пор недолюбливаешь Майка? — заметила я, после того как Эдвард увел меня от него.

— Потому что слышу его мысли. Пусть радуется, что я его вообще не вышвырнул. Или чего похуже не сделал.

— Ну да, конечно.

— Ты себя в зеркало сегодня видела?

— Х-м-м. Нет, думаю, не видела. А что?

— Значит, я подозреваю, что ты даже не представляешь, насколько ты душераздирающе красива сегодня вечером. Не удивительно, что у Майка возникли трудности с неподобающими мыслями о замужней женщине. Я

разочарован, что у Элис не возникло соблазна заставить тебя посмотреться в зеркало.

— Ты такой льстец.

Он вздохнул, остановился и развернул меня лицом к дому. В длинной стеклянной стене, совсем как в зеркале, отражался весь праздник. Эдвард указал на пару в зеркале, прямо перед нами.

— Я льщу, да?

Я мельком взглянула на отражение Эдварда — превосходная копия его прекрасного лица — и темноволосой красавицы рядом с ним. Ее кожа — сливки и розы, огромные сияющие глаза были обрамлены густыми ресницами. Узкое, облегающее фигуру, мерцающее белое платье плавно переходило в шлейф, почти как перевернутый цветок каллы. Платье было пошито так искусно, что силуэт этой девушки казался элегантным и грациозным — по крайней мере в этот момент, пока она стояла без движения.

Прежде чем я смогла моргнуть и заставить красавицу снова обернуться ко мне, Эдвард вдруг напрягся и машинально повернулся в другую сторону, словно кто-то позвал его по имени.

— О! — произнес он. На секунду он сдвинул брови и так же быстро расслабился.

Вдруг на его лице сверкнула улыбка.

— Что случилось? — спросила я.

— Неожиданный свадебный подарок.

— Чего?

Он не ответил, вместо этого он снова закружил меня в танце, уводя в противоположную его первоначальным намерениям сторону, подальше от света, в обрамлявшую освещенную танцевальную площадку густую ночную темноту.

Он не останавливался пока мы не зашли в тень за одним из огромных кедров. Затем Эдвард посмотрел прямо в темноту.

— Спасибо, — произнес Эдвард в темноту. — Это очень... любезно с твоей стороны.

— Любезность мое второе имя, — ответил из черной ночи знакомый хриплый голос. — Можно вас прервать?

Я рукой схватила за горло, и если бы меня не поддержал Эдвард, упала бы.

— Джейкоб! — произнесла я. Как только снова смогла дышать. — Джейкоб!

— Привет, Беллс.

Я пошла на звук его голоса. Эдвард придерживал меня под локоть, пока меня в темноте не перехватила другая пара сильных рук. Жар от кожи Джейкоба обжигал прямо через атласное платье, когда он прижал меня к себе. Он не пытался танцевать, он просто обнимал меня, а я уткнулась ему в грудь. Он нагнулся и прижался щекой к моей голове.

— Розали не простит мне, если я не приглашу ее официально на танец, — пробормотал Эдвард, и я поняла, что он оставляет нас — это было его подарком, этот момент с Джейкобом.

— О, Джейкоб. — плакала я, и не могла больше ничего выдавить. — Спасибо.

— Кончай реветь, Беллс. Ты платье себе испортишь. Это всего лишь я.

— Всего лишь? О, Джейк! Теперь все прекрасно.

Он фыркнул.

— Ага — пора начинать праздник. Наконец-то пришел шафер.

— Теперь здесь собрались все кого я люблю.

Я почувствовала, как он губами прикоснулся к моим волосам.

— Прости что опоздал, милая.

— Я так счастлива, что ты пришел!

— Так и было задумано.

Я посмотрела на гостей, но танцующие мешали рассмотреть место, где я только что видела отца Джейкоба. Я не знала, остался ли он.

— Билли знает, что ты здесь? — Как только я спросила, я поняла, что он должен был знать — это единственное объяснение, почему сегодня он был такой довольный.

— Я уверен, что Сэм ему рассказал. Зайду к нему после... после вечеринки.

— Она будет так рад, что ты вернулся домой.

Джейкоб немного отстранился и выпрямился. Одну руку он положил мне на талию, другой взял мою правую руку. Он приложил наши руки к своей груди, я чувствовала, как под моей ладонью бьется его сердце, и я догадалась, что он положил туда мою руку специально.

— Я не знаю, получу ли я больше чем один танец, — Сказал он и потянул меня, медленно кружа, что абсолютно не подходило темпу музыки звучавшей позади нас. — Я постараюсь сделать все как можно лучше.

Мы двигались в ритме его сердца под моей рукой.

— Я рад, что пришел, — тихо произнес Джейкоб, спустя некоторое время. — Я не думал, что приду. Но хорошо, что увидел тебя... в последний раз. Это совсем не так грустно как я ожидал.

— Я не хочу, чтобы ты грустил.

— Я знаю. И сегодня я пришел не затем, чтобы ты чувствовала себя виноватой.

— Нет — я счастлива, что ты пришел. Это самый лучший твой подарок.

Он рассмеялся.

— Это хорошо, потому что, у меня не было времени заскочить за настоящим подарком.

Мои глаза привыкли к темноте, и теперь я могла увидеть его лицо, выше, чем я ожидала. Неужели он продолжает расти? Теперь в нем больше двух метров.

Так хорошо спустя столько времени снова видеть это знакомое лицо— глубоко посаженные глаза скрытые тенью густых черных бровей, высокие скулы, блестящие зубы, полные губы растянутые в, подходящей его словам, саркастической улыбке. Края его глаз были напряжены — осторожны. Я заметила, что сегодня он вел себя очень аккуратно. Он старательно попытается сделать меня счастливой, хотел не ошибиться и не показать чего ему это стоит.

И чем только я могла заслужить, такого друга как Джейкоб?

— Когда ты решил вернуться?

— Сознательно или подсознательно? — Он глубоко вздохнул, прежде чем найти ответ на свой вопрос. — На самом деле, я не знаю. Думаю, я уже некоторое время двигался в этом направлении, может быть, именно сюда я и направлялся. Но до сегодняшнего утра я этого не понимал, а потом рванул со всех ног. Не знал, успею ли во время. — Он рассмеялся. — Не поверишь, как странно снова ходить на двух ногах. И одежда! И самое занятное то, что это кажется странным. Я этого не ожидал. Я совсем отвык от всех этих человеческих штук.

Мы продолжали кружиться.

— Все же, было бы ужасно жаль пропустить и не увидеть тебя такой. Зрелище стоит путешествия сюда. Ты невероятно выглядишь, Белла. Такая красивая.

— Элис сегодня потратила массу времени на меня. И темнота помогает.

— Ты ведь знаешь, для меня еще не темно.

— Точно. — Чутье оборотня. Так легко можно было забыть о его способностях, он казался обыкновенным человеком. Особенно сейчас.

— Ты постригся, — заметила я.

— Ага. Так проще. Решил воспользоваться тем, что у меня есть руки.

— Выглядит хорошо, — соврала я.

Он фыркнул.

— Конечно. Я сам себя постриг ржавыми кухонными ножницами. — Он широко ухмыльнулся, а потом улыбка потухла и он посерьезнел. — Ты счастлива, Белла?

— Да.

— О'кей. — Я почувствовала, как он пожал плечами. — Наверное, это самое главное.

— Как ты сам, Джейкоб? Только правду.

— Со мной все хорошо, Белла, правда. За меня тебе больше не нужно переживать. Можешь прекратить доставать Сэта.

— Я не достаю его из-за тебя. Мне нравится Сэт.

— Он хороший малый. Получше чем некоторые. Я тебе точно говорю, если бы я мог избавиться от голосов в моей голове, то быть волком это просто отлично.

Я рассмеялась над тем, как это прозвучало.

— Да уж, я тоже не могу заткнуть свои голоса.

— В твоём случае, это будет означать сумасшествие. Правда, я и так знаю, что ты чокнутая, — подразнил он.

— Спасибо.

— Сумасшествие наверно проще, чем слышать мысли всей стаи. Сумасшедшим их голоса не присылают нянек.

— Чего?

— Сэм тут. И еще кое-кто. Я думаю, просто на всякий случай.

— На какой случай?

— На случай, если я не сдержусь, что-то типа такого. На случай, если я решу испортить праздник. — Он быстро сверкнул улыбкой — кажется, такая идея пришлась ему по душе. — Но я пришел не для того, чтобы испортить тебе свадьбу, Белла. Я здесь, чтобы... — он замолчал.

— Довести её до совершенства.

— Высокая цель.

— Хорошо, что ты такой высокий.

Он застонал от моей плохой шутки и вздохнул.

— Я здесь, потому что я твой друг. Всё ещё твой лучший друг.

— Сэму следует больше доверять тебе.

— Ну, может быть это я такой сверхчувствительный. Может быть, он все равно пришел бы сюда, чтобы присмотреть за Сэтом. Здесь очень много вампиров, а Сэт не относится к этому с должной серьезностью.

— Сэт знает, что опасность ему не грозит. Он понимает Калленов лучше, чем Сэм.

— Конечно-конечно, — сказал Джейкоб примирительно, не допустив начало ссоры.

Странно было видеть его таким дипломатичным.

— Просто насчет голосов, — сказала я. — Хотелось бы мне сделать все лучше — и много что исправить.

— Не так уж все и плохо. Всёго лишь небольшое уныние.

— Ты... счастлив?

— Почти. Но мне достаточно. Сегодня звезда — ты.

Он усмехнулся.

— Спорим, ты просто в восторге от этого. Центр всеобщего внимания.

— Да. Не могу нарадоваться вниманию.

Он рассмеялся и посмотрел за мою голову. Поджав губы, он изучал мерцающее сияние праздника, грациозные па танцоров, летящие с гирлянд лепестки. Я смотрела вместе с ним. Все это было таким далеким от нашего темного, тихого места. Казалось, что мы смотрели на кружащиеся белые снежинки в стеклянном шаре.

— Этого у них не отнимешь, — сказал он. — Они знают, как организовать вечеринки.

— Элис — это природная стихия, которую не возможно остановить.

Он вздохнул.

— Песня кончилась. Как думаешь, мне позволят станцевать еще один танец? Или я прошу слишком много?

Я крепче сжала его руку.

— Ты можешь танцевать со мной сколько захочешь.

Он рассмеялся.

— Это будет забавно. Наверное, двух будет достаточно. Не хочу, чтобы пошли сплетни.

Мы снова закружились.

— Думаешь, теперь я смогу сказать тебе прощай? — пробормотал он.

Я попыталась сглотнуть комок в горле, но у меня никак не получалось.

Джейкоб посмотрел на меня и нахмурился. Он провел пальцами по моей щеке, стирая мои слезы.

— Плакать должна не ты, Белла.

— Все плачут на свадьбах, — сказала я.

— Но ты этого хочешь?

— Да.

— Тогда улыбнись.

Я попыталась. Он рассмеялся, увидев мою гримасу.

— Я хочу запоминать тебя такой. Притворюсь что...

— Что? Что я умерла?

Он сжал зубы. Он боролся с собой — с решением сделать свое появление здесь подарком, а не осуждением. Могу догадаться, что он хотел мне сказать.

— Нет, — в итоге произнес он. — Но я буду видеть тебя такой. Розовые щечки. Сердце бьется. Две левые ноги. Всю тебя.

Я специально изо всех сил наступила ему на ногу.

Он улыбнулся.

— Вот это моя девочка.

Он хотел сказать что-то еще, но резко захлопнул рот. Снова сражаясь, сжимая зубы и удерживая слова, которых он не хотел произносить.

Мои отношения с Джейкобом были такие простые. Такие же естественные как дыхание. Но после того как Эдвард вернулся в мою жизнь, они превратились в постоянное напряжение. Потому что, в глазах Джейкоба, выбрав Эдварда, я выбрала судьбу хуже, чем смерть, ну или, по крайней мере, приравненную к ней.

— Что такое, Джейк? Просто скажи. Ты можешь сказать мне все что угодно.

— Я... Мне нечего сказать тебе.

— Ох, пожалуйста. Говори.

— Это правда. Это не... не вопрос. Я хочу, чтобы ты мне кое-что сказала.

— Спрашивай.

Еще минуту он сражался, а потом выдохнул:

— Я не должен. Это не важно. Просто нездоровое любопытство.

Я поняла, о чем он спрашивал, потому что слишком хорошо его знала.

— Не сегодня, Джейкоб, — прошептала я.

Джейкоб даже больше чем Эдвард был одержим моей человечностью. Он словно сокровище ценил каждый удары моего сердца, зная, что они сочтены.

— О, — произнес он, попытавшись сгладить свою радость. — О.

Зазвучала новая песня, но в этот раз он этого не заметил.

— Когда, — прошептал он.

— Точно не знаю. Через неделю, может быть через две.

Его голос изменился, в нем слышались оборонительные, насмешливые нотки:

— А в чем причина задержки?

— Я просто не хочу провести свой медовый месяц, корчась от боли.

— А как ты хочешь его провести? В шашки играть? Ха-ха.

— Очень смешно.

— Да, шучу я, Беллс. Но я, честно, не вижу смысла. Ты не можешь провести настоящий медовый месяц с твоим вампиром, так зачем притворятся? Называй вещи своими именами. Уже не в первый раз ты откладываешь. Хотя, это хорошо. — Сказал он, резко посерьезнев. — Тут нечего стесняться.

— Я ничего не откладываю, — тут же бросила я. — И, да, я могу по-настоящему провести медовый месяц! Я могу делать все что захочу! Перестань лезть в мои дела!

Он резко остановил наше медленное кружение. На какой-то момент я думала, что он наконец-то заметил, что музыка поменялась, а я копалась в своей голове и думала как загладить нашу маленькую размолвку, прежде чем он попросится. Мы не должны расставаться на такой ноте.

И тут его глаза широко раскрылись, в них я заметила какой-то странный смущенный ужас.

— Что? — выдохнул он. — Что ты сказала?

— О чем...? Джейк? Что не так?

— Что ты имеешь в виду? Провести медовый месяц по-настоящему? Будучи человеком? Ты шутишь? Это жестокая шутка, Белла!

Я смерила его взглядом.

— Я сказала тебе, не лезь, Джейк. Это совсем не твое дело. Я не должна... мы не должны даже говорить про такое. Это личное...

Его огромные руки сжали мои предплечья, пальцы впились в кожу.

— Ой, Джейк! Пусти!

Он потряс меня.

— Белла! Ты разум потеряла? Ты не можешь быть такой дурой! Скажи, что ты пошутила!

Он еще раз потрянул меня. Его руки твердые как поручни, дрожали, посылая вибрации глубоко мне в кости.

— Джейк — остановись!

Внезапно темнота вокруг нас заполнилась.

— Убери от нее свои руки! — голос Эдварда был холоден как лед, и резал словно бритва.

За Джейкобом, из черной ночи раздался низкий рык, и затем второй, перекрывая первый.

— Джейк, братишка, отойди, — услышала я уговоры Сэта Клируотера. — Ты не в себе.

Джейкоб замер, его глаза все так же широко раскрыты и смотрели на меня.

— Ты делаешь ей больно, — прошептал Сэт. — Отпусти ее.

— Сейчас же! — прорычал Эдвард.

Руки Джейкоба упали, и кровь с болью сразу же устремилась по моим сдавленным венам. Я даже не успела заметить, как пару горячих рук заменили другие, прохладные, и вдруг воздух засвистел позади меня.

Я моргнула, и обнаружила что стою метрах в двух от того места где только что была. Передо мной стоял напряженный Эдвард. Между ним и Джейкобом стояли два гигантских волка, но мне они не показались агрессивно настроенными. Похоже, они просто пытались предотвратить драку.

И Сэт — долгоязыый, пятнадцатилетний Сэт. — Своими длинными руками обхватил трясущееся тело Джейкоба, и тянул его прочь. Если Джейкоб изменится так близко от Сэта...

— Давай же, Джейк. Идем.

— Я убью тебя, — сказал Джейкоб, его голос был полон ярости, и прозвучал тихо как шепот. Его глаза смотрели на Эдварда, и горели от бешенства. — Я сам убью тебя! Прямо сейчас! — он конвульсивно задергался.

Самый большой волк, черный, резко рыкнул.

— Сэт, уйди с дороги, — прошипел Эдвард.

Сэт снова потащил Джейкоба. Джейкоба ослепила ярость, и Сэту удалось протащить его еще на пару метров прочь. — Не делай этого Джейк. Отойди в сторону. Давай.

Сэм — самый большой черный волк — присоединился к Сэту. Он приложил свою массивную голову к груди Джейкоба и толкнул его.

Так они трое — тащащий Сэт, Джейк весь дрожа, Сэм толкая — быстро скрылись в темноте.

Второй волк смотрел им в след. В слабом свете, я не могла определить точно, какого цвета была его шерсть — может быть, шоколадно-коричневая? Это мог быть Квил.

— Мне так жаль, — прошептала я волку.

— Теперь все уже хорошо, Белла, — проговорил Эдвард.

Волк посмотрел на Эдварда. Его взгляд был не дружелюбный. Эдвард холодно кивнул ему. Волк раздраженно фыркнул и присоединился к остальным, они исчезли.

— Хорошо, — сказал Эдвард сам себе, и затем посмотрел на меня.

— Вернемся.

— Но Джейк...

— Сэм ему поможет. Он ушел.

— Эдвард, мне так жаль. Я такая дура...

— Ты ничего плохого не сделала...

— Я такое трепло! Почему бы мне... Я не должна была позволить ему такого. О чем я думала?

— Не переживай, — он коснулся моего лица. — Нам нужно вернуться на праздник, прежде чем кто-то заметит наше отсутствие.

Я потрянула головой, пытаюсь прийти в себя. Прежде чем кто-то заметит? Неужели кто-то это пропустил?

Затем, когда я все обдумала, я поняла, что стычка, которая мне показалась настоящей катастрофой, в реальности, произошла в темноте, очень тихо и быстро.

— Дай мне две секунды, — взмолилась я. Внутри меня царил хаос из паники и печали. Но все это было не важно, сейчас самое главное было — сохранять непроницаемое лицо. Я знала, теперь мне придется научиться хорошо играть свою роль.

— Мое платье?

— Ты выглядишь отлично. Ни один волосок не выбился.

Я сделала два глубоких вдоха.

— О'кей. Пошли.

Он обнял меня и вывел на свет. Когда мы прошли под мерцавшими огоньками, он осторожно развернул меня на танцевальную площадку. Мы смешались с другими танцорами, словно наш танец никто и не прерывал.

Я смотрела по сторонам на гостей, но никто не испугался и не выглядел шокированным. Только самые бледные лица демонстрировали какие-то знаки волнения, но они хорошо их прятали. Джаспер и Эммет вместе стояли у края площадки, и я подозреваю, что они были неподалеку во время столкновения.

— Ты...

— Я в порядке, — заверила я. — Не верится, что я это сделала. Что со мной не так?

— С тобой все так.

Я была так рада видеть здесь Джейкоба. И я знаю, какая для него это была жертва. А потом я все разрушила, превратила его подарок в катастрофу. Меня надо изолировать, чтобы моя глупость больше ничего сегодня вечером не испортила. Я отложу это в сторону, закрою в ящик и разберусь позже. У меня будет масса времени для самобичевания, и ничего я уже не смогу сделать, чтобы все исправить.

— Все закончилось, — сказала я. — Давай сегодня не будем об этом вспоминать.

Я ожидала, что Эдвард быстро согласиться, но он молчал.

— Эдвард?

Он закрыл глаза и прижался лбом к моему лбу.

— Джейкоб был прав, — прошептал он. — О чем я думал?

— Он не прав. — Я старалась, чтобы толпа друзей ничего не заметила на моем лице. — Джейкоб слишком предвзято ко всему относится, и поэтому не может трезво рассуждать.

Он что-то тихо бормотал, нечто вроде:

— ...нужно было позволить ему убить меня за такие мысли...

— Перестань, — яростно заявила я. Обхватила его лицо своими ладонями и ждала, когда он откроет глаза. — Ты и я. Только это важно. Сейчас тебе позволено думать только об этом. Ты слышишь меня?

— Да, — вздохнул он.

— Забудь, что приходил Джейкоб. — Я смогу это сделать, и я сделаю это. — Ради меня. Обещай, что ты забудешь это.

Он смотрел мне в глаза какое-то время, прежде чем ответить:

— Я обещаю.

— Спасибо. Эдвард, я не боюсь.

— Я боюсь, — прошептал он.

— Не нужно, — я глубоко вздохнула и улыбнулась. — Кстати, я тебя люблю.

Он слегка улыбнулся мне в ответ.

— Поэтому мы здесь.

— Ты монополизировал невесту, — сказал Эммет, показавшись из-за плеча Эдварда. — Позволь потанцевать с моей маленькой сестричкой. Может это мой последний шанс заставить ее покраснеть.

Он громко расхохотался, на него никогда не действовала серьезная атмосфера, он всегда вел себя непринужденно.

Оказалось, что еще полно народу с кем я не успела потанцевать, и я получила шанс по-настоящему собраться и отвлечься. Когда Эдвард снова потребовал меня, я обнаружила, что ящик с мыслями о Джейкобе закрыт плотно и надежно. Когда он обнял меня, я смогла снова почувствовать радость, ту свою уверенность, что все в моей жизни сегодня вечером встало на нужные места. Я улыбнулась и положила голову ему на грудь. Он крепче прижал меня к себе.

— К этому можно привыкнуть, — сказала я.

— Только не говори мне, что смогла преодолеть свои проблемы с танцами?

— С тобой танцы не так уж плохи. Но я имела в виду другое, — я

прижалась к нему теснее. — Никогда не отпускать тебя.

— Никогда, — пообещал он мне, и склонился, чтобы поцеловать меня. Это был настоящий поцелуй — настойчивый, медленно набирающий силу...

Я чуть было не забыла, где нахожусь, когда раздался голос Элис:

— Белла! Пора!

Я почувствовала легкое раздражение на свою новую сестру за такое вмешательство.

Эдвард проигнорировал ее, его твердые губы целовали меня, более убедительно, чем раньше. Сердце мое забило быстрее, и мои ладони прижались к его мраморной шее.

— Вы хотите пропустить самолет? — требовательно заявила Элис, прямо рядом со мной. — Я уверена, у вас будет отличный медовый месяц — разобьете лагерь в аэропорту и будете ждать следующего рейса.

Эдвард чуть повернулся к ней и проговорил:

— Уходи, Элис, — и снова вернулся к поцелую.

— Белла, ты хочешь оказать в самолете в этом платье?

Я мало обращала на неё внимания. В этот момент мне было все равно.

Элис тихо зарычала.

— Эдвард, я расскажу ей, куда ты ее везешь. Точно расскажу.

Он замер. Затем отстранился от меня и смерил любимую сестру яростным взглядом.

— Ты такая мелкая, но раздражать умеешь по крупному.

— Я выбирала прекрасное выходное платье не для того, чтобы его выкинуть, — отрезала она, и взяла меня за руку. — Пойдем со мной, Белла.

Она тащила меня за собой, а я встала на цыпочки, чтобы поцеловать его еще один раз. Она нетерпеливо дернула меня, утаскивая прочь от Эдварда. Вокруг нас послышались несколько смешков. Я сдалась и позволила ей увести себя в опустевший дом.

Она казалась раздосадованной.

— Прости, Элис, — извинилась я.

— Я тебя не виню, Белла, — вздохнула она. — Кажется, ты ничего не можешь с собой поделать.

Я захихикала от ее мученического вида, и она нахмурилась.

— Спасибо, Элис. Прекраснее свадьбы ни у кого никогда не было, — искренне сказала я. — Все было именно так как нужно. Ты лучшая, самая умная, самая одаренная сестра во всем мире.

После таких слов она оттаяла, и широко улыбнулась.

— Я рада, что тебе понравилось.

Рене и Эсме ждали наверху. Все втроем они быстро помогли мне снять платье и надеть выходной ансамбль от Элис. Я была благодарна, когда кто-то спас меня от возможной в будущем головной боли и вынул все заколки из моих волос, они свободно рассыпались по спине, все еще волнистые после укладки. Мама плакала не переставая.

— Я позвоню тебе, когда буду знать, куда я еду, — пообещала я, обнимая ее на прощание. Я знала, что тайна медового месяца сводит ее с ума. Мама ненавидела секреты, кроме тех случаев, когда сама была к ним причастна.

— Я скажу тебе, как только она уедет, — опередила меня Элис, самодовольно улыбаясь моему оскорбленному виду. Какая несправедливость, я узнаю все самая последняя.

— Ты должна приехать ко мне и Филу очень, очень скоро. Теперь твоя очередь ехать на юг — увидеть, наконец, солнце, — сказала Рене.

— Сегодня дождя не было, — напомнила я ей, избегая прямого ответа на ее просьбу.

— Это чудо.

— Все готово, — сказала Элис. — Твои чемоданы в машине, Джаспер их отнес. — Она потянула меня к лестнице, следом шла Рене, все еще обнимая меня.

— Я люблю тебя, мама, — прошептала я, когда мы спускались. — Я так рада, что у тебя есть Фил. Заботьтесь друг о друге.

— Я тоже люблю тебя, Белла, милая.

— Прощай, мама. Я люблю тебя, — снова сказал я, чувствую, как сдавило горло.

Эдвард ждал меня внизу лестницы. Я взяла его протянутую руку, но отстранилась, всматриваясь в небольшую толпу ожидающих нашего отъезда.

— Папа? — спросила я, ища его глазами.

— Вон там, — проговорил Эдвард. Он протацил меня через гостей, они расступались, давая нам дорогу. Мы нашли Чарли, неловко жмущегося к стенке позади всех, казалось, он что-то скрывал. Краснота вокруг глаз все объяснила.

— О, папа!

Я обняла его за талию, снова хлынули слезы — я так много плачу сегодня. Он похлопал меня в ответ.

— Иди, уже. Ты же не хочешь опоздать на самолет.

С Чарли трудно разговаривать про любовь, мы были так похожи, всегда начинали говорить о каких-то мелочах, чтобы избежать смущающей

демонстрации чувств. Но сейчас не было времени на застенчивость.

— Я всегда буду любить тебя, папа, — сказала я ему. — Не забывай это.

— Ты тоже, Беллс. Всегда любил тебя, всегда буду любить.

Мы расцеловались в щеки.

— Позвони мне, — сказал он.

— Скоро, — пообещала я, зная, что это все что я могла пообещать. Только телефонный звонок. Мои папа и мама больше никогда меня не увидят. Я очень изменюсь, и стану очень опасной.

— Тогда, иди, — хрипло сказал он. — Ты ведь не хочешь опоздать.

Гости разошлись, пропуская нас. Эдвард прижал меня сильнее, когда мы сбежали.

— Ты готова? — спросил он.

— Да, — ответила я, и знала, что это была чистая правда.

Все заплотировали, когда Эдвард поцеловал меня на пороге. Затем, когда началась рисовый водопад, поспешил к машине. Большинство риса ушло мимо цели, но кто-то, наверное Эммет, бросал с сверхъестественной точностью, и в меня попало много рикошетов от спины Эдварда.

Машина была украшена множеством цветов, которые тянулись по всей её длине, и за бампером свисали длинные тонкие ленты, к которым была привязана дюжина туфель — дизайнерская, абсолютно новая обувь.

Пока я залезала в машину, Эдвард стряхивал с меня рис, а потом он оказался внутри и мы уже уносились прочь. Я махала из окна и кричала «Я вас люблю» в сторону крыльца, где моя семья махала мне в ответ.

Последнее что я запомнила, это мои родители. Фил нежно обнял Рене. Она тоже обнимала его одной рукой, а вторую протягивала Чарли. Так много разных проявлений любви, столь гармоничных в этот момент. Эта картинка казалась мне очень обнадеживающей.

Эдвард сжал мою руку.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Я склонила голову к его руке.

— Поэтому мы и здесь, — процитировала я его.

Он поцеловал мои волосы.

Когда мы свернули на темное шоссе, и Эдвард прибавил скорости, сквозь урчание мотора, я услышала шум, который шел позади из леса. Если я слышала его, значит, и он тоже слышал. Но он ничего не сказал, когда звук медленно затихал на расстоянии. Я тоже ничего не сказала.

Пронизывающий, убитый горем вой слабел, а потом и вовсе пропал.

Глава 5

Остров Эсме

— Хьюстон? — спросила я, изумленно поднимая брови, когда мы прилетели в Сиэтл.

— Всего лишь остановка в пути, — усмехаясь, уверил меня Эдвард.

Я почувствовала, что заснула, только тогда, когда он разбудил меня. Я с трудом понимала, что происходит, когда он стал тянуть меня через терминал, и изо всех сил пыталась не забыть, как открывать глаза после каждого их закрывания. Мне понадобилось несколько минут, чтобы понять, где находимся, когда мы вновь совершили посадку, и собираемся ли мы дальше продолжить полет.

— Рио-де-Жанейро? — с тревогой спросила я.

— Всего лишь следующая остановка, — ответил он.

Перелет в Южную Америку был долгим, но мне было весьма удобно сидеть в широком кресле первого класса, да и в объятиях Эдварда, который укачивал меня.

Я спала и проснулась в сильнейшей тревоге — мы уже подлетали к аэропорту и лучи солнца проникали в окна самолета. Мы не задержались в аэропорту для следующего перелета, который я ожидала. Вместо этого мы взяли такси, пробираясь по темным, переполненным, шумным улицам Рио-де-Жанейро. Я не понимала ровным счетом ничего из того, что говорил Эдвард по-португальски водителю, но предположила, что мы поедем в гостиницу, прежде чем наша поездка продолжится. Острый приступ боли, чем-то похожий страх перед публикой, скрутил мой живот, стоило мне только подумать об этом.

Такси все ехало через толпу людей, пока она постепенно не поредела, а мы все продолжали свой путь куда-то на запад, туда, где бушевал океан.

Мы остановились в порту.

Эдвард шел впереди меня к длинной линии белых яхт, которые причаливали в почерневшей ночной воде. Лодка, у которой он остановился, была меньше, чем другие и более обтекаемой по форме — очевидно, она была предназначена для большой скорости, а не для размещения грузов. Но всё же она была куда более роскошной, да и более грациозной, нежели остальные. Эдвард легко, несмотря на тяжелые сумки, которые нес, запрыгнул на борт. Он бросил их на палубу и встал на самый край, чтобы помочь мне.

Я молча наблюдала за тем, как он подготовил лодку к отплытию, удивляясь тому, как умело он это делал, ведь до этого он никогда не упоминал что интересуется лодками. И если подумать — он ведь был хорош буквально во всем.

Поскольку мы шли на восток через открытый океан, я попыталась вспомнить всю географию, что только осталась у меня в голове. Насколько я помнила, возможно, мы были не так далеко от востока Бразилии... если конечно мы не плывем в Африку...

Но Эдвард увеличил скорость, в то время как за бортом медленно угасали огни Рио, пока вовсе не исчезли позади нас. На лице Эдварда была знакомая улыбка, он получал удовольствие от скорости. Лодка рассекала волны, и я вся покрылась брызгами.

В конце концов, любопытство, с которым я долго изо всех сил сражалась, взяло свое:

— Нам очень далеко плыть? — спросила я.

У Эдварда не было привычки забывать, что я человек, и я задавалась вопросом — не уж-то он запланировал он жить на этой лодке какое-то время?

— Примерно полчаса, — он посмотрел мне на руки, которые вцепились в сидение, и усмехнулся.

Что ж, хорошо, подумала я про себя. В конце концов, он был вампиром. Вполне возможно, мы плывем в Атлантиду.

Двенадцатью минутами позже, сквозь рев двигателя он позвал меня по имени:

— Белла, посмотри туда, — он указал прямо перед собой.

Я видела сначала только тьму, да и серебристую дорогу луны на воде. Но я никак не могла найти то, на что он показывал, пока не заметила что-то черное и низкое, освещенное блеском лунного света в волнах. Я прищурилась, и силуэт стал более ясным. Силуэт превратился в приземистый, неровный треугольник, с одной стороны вытянутый больше, чем с другой. Мы подплывали ближе, и я смогла увидеть призрачные очертания, колеблющиеся подобно легкому ветерку.

Затем я еще раз сфокусировала свой взгляд, и все части соединились в единое целое: маленький остров возвышался над водой, пальмы с волнующимися на ветру ветвями, берег, очерченный светом луны.

— Где мы? — удивленно пробормотала я, в то время как он сменил курс и мы направились к северной стороне остова.

Он услышал меня, несмотря на шум двигателя и расплылся в улыбке, которая замерцала в лунном свете.

— Это остров Эсме.

Лодка замедлила свой ход и поплыла к пристани, построенной из досок, которые в свете луны казали белыми. После того как двигатель стих, наступила тишина. Остались только волны, легко бьющие о борт лодки и шелест ветра в пальмах. Воздух был теплым, влажным и ароматным — подобно пару после горячего душа.

— Остров Эсме? — тихо произнесла я, но все же слишком громко для столь тихой ночи.

— Подарок от Карлайла — Эсме предложила нам одолжить его.

Подарок. Кто дает остров в подарок? Я нахмурилась. Я таки и не могла привыкнуть, что щедрость была для Эдварда обычной манерой поведения.

Он разместил чемоданы на пристани и обернулся ко мне, улыбаясь своей безупречной улыбкой. Вместо того чтобы взять меня за руку, он потянулся я взял меня на руки.

— Разве для этого не требуется порог? — спросила я, затаив дыхание, когда он перепрыгнул через борт лодки. Он усмехнулся.

— Я не я — если все не идеально, — сказал он, держась одной рукой за лодку, а другой — держа меня. Он пронес меня мимо пристани к белой тропинке из песка, идущей через джунгли.

В течение некоторого времени я могла видеть только темноту джунглей, но затем впереди я увидела свет. Когда свет превратился в дом, два ярких квадрата стали широкими окнами, между которыми была входная дверь, страх перед публикой напал снова, да еще сильнее, чем прежде, когда я решила, что мы направляемся в гостиницу. Мое сердце ушло в пятки, а дыхание перехватило. Я чувствовала взгляд Эдварда на своем лице, но я не хотела ответить на этот взгляд. Я смотрела прямо перед собой, не видя ничего.

Он не спросил, о чем я думаю, что было не похоже на него. Я предположила, что он также взволнован, как и я.

Он оставил чемоданы на веранде, чтобы открыть двери — они оказались не заперты.

Прежде чем переступить порог, Эдвард смотрел на меня и ждал пока я поймаю его пристальный взгляд.

Зажигая везде свет, он нес меня через весь дом, и мы оба молчали. Моим первым впечатлением о этом доме было то, что он был слишком уж большим для такого небольшого острова, да и странно, что все здесь казалось знакомым. Я привыкла к пастельным светлым тонам предпочитаемых Калленами и поэтому чувствовала себя, словно дома. Я не могла сосредоточиться ни на каких специфических особенностях. Биение,

пульсирующее в висках, делало все немного расплывчатым.

Затем Эдвард остановился и включил последний светильник. Комната была большой и белой, а дальняя стена оказалась стеклянной — всё как предпочитали мои вампиры.

За пределами дома, луна отражалась на белом песке, а в нескольких ярдах от дома сверкала волны. Но я едва придавала этому значение.

Мое внимание привлекла огромная белая кровать в центре комнаты с свисающим волнами балдахином с облаками, сделанный на манер москитной сетки. Эдвард опустил меня на ноги.

— Я... пойду за багажом.

Комната была более теплой и душной, чем тропическая ночь снаружи. Капелька пота проступила на моем затылке.

Я сделала несколько медленных шагов вперед, пока не смогла коснуться воздушной материи балдахина. Мне было просто необходимо удостовериться, что все это правда.

Я не слышала как Эдвард вернулся. Вдруг его холодные пальце стали ласкать мою шею, смахнув каплю пота.

— Что-то немного жарковато тут, — сказал он извиняющимся тоном, — я подумал... что так будет лучше.

— Терпимо, — выдохнув, пробормотала я, и он хихикнул. Это был нервный смешок, что у него редко случалось.

— Я постарался подумать обо всем, что сделает это... легче.

Я шумно сглотнула, все еще не поворачиваясь к нему. Был ли здесь медовый месяц подобный нашему? Я знала ответ. Нет. Не был.

— А что если, — сказал Эдвард медленно, — если... для начала... может ты хотела бы поплавать со мной?

Он сделал глубокий вздох, и его голос стал более спокойным, когда он снова заговорил:

— Вода очень теплая. Этот пляж тебе понравится.

— Звучит неплохо, — мой голос надломился.

— Я уверен, что ты захотела почувствовать себя человеком ещё минуту или две... Это была долгая поездка.

Я тупо кивнула. Я едва чувствовала себя человеком, возможно, несколько минут только всё же помогли бы. Его губы дотронулись до моего горла, чуть ниже моего уха.

Он засмеялся, и его прокладное дыхание щекотало мою напряженную кожу.

— Но не слишком долго, миссис Каллен.

Я вздрогнула при звуке моего нового имени. Его губы скользили вниз

по шеи до плеча.

— Я буду ждать тебя в воде.

Он прошел мимо меня к двери, которая выводила прямо на пляж.

По пути он сбросил рубашку, оставив ее на полу, и проскользнул через дверь, в залитую лунным светом ночь. Душный, соленый воздух витал в комнате после него.

Моя кожа воспламенилась? Я должна была, как следует осмотреть. Нет, ничего не горело. По крайней мере, я ничего не увидела.

Я напомнила себе, что мне необходимо дышать. Затем я споткнулась об огромный чемодан, который Эдвард оставил открытым. Наверное, это мой, потому что наверху была моя сумка туалетных принадлежностей. Тут было много всего розового, но я не узнавала ничего среди этого. Я взяла охапку одежды, ища что-нибудь привычное и удобное, к примеру, пару старых свитеров, и тут кое-что оказалось в поле моего зрения.

Бесчисленное множество шнурков и тисненого атласа. Нижнее белье. Самое откровенного из всего существующего нижнего белья, с французскими штучками.

Я не знала, как и когда, но когда-нибудь Элис поплатиться за это.

Оставшись одна, я пошла в ванну, окна которой выходили на тот же пляж что и дверь. Я не смогла увидеть его; и предположила, что он уже в воде.

Высоко в небе луна была почти полной, и песок блестел под ее сиянием.

Какое-то движение показалось мне — над одной из пальм; брошенная одежда трепетала на ветру.

Моя кожа снова вспыхнула.

Я сделала несколько глубоких вдохов и подошла к зеркалу.

Я выглядела так, словно проспала целые сутки. Я нашла свою расческу и принялась расчесать волосы, пока они не сделались гладкими, а между зубцами не остался целый клочок. Я дважды тщательно почистила зубы. Затем я умылась и брызнула водой на свою шею. Я почувствовала себя настолько хорошо, что решила вымыть и руки. А потом поняла, что и душ мне не помешает. Я знала, что смешно принимать душ перед плаваньем, но я должна была успокоиться, а горячая вода была надежный способом.

Да и ноги было бы неплохо побрить.

После душа я завернулась в большое белое полотенце.

Теперь я столкнулась с выбором, о котором не подумала раньше. Что мне надеть? Уж не купальник. Да и снова полностью одеться, тоже было

глупо.

Я даже не хотела думать о вещах, которые Элис упаковала там для меня.

Я снова начала судорожно дышать, а мои руки нервно задрожали — успокаивающий эффект душа закончил действие.

Я почувствовала головокружение, и меня охватила паника. Я села на прохладный пол и спрятала голову между коленями. Я молилась, чтобы он не увидел меня такой. Я могла только догадываться, о чем он подумает. Он мог подумать, что мы совершаем ошибку.

Но я не волновалась о том, что мы делаем ошибку. Ничуть. Я понятия не имела что делать, когда выйду из этой комнаты. Я боялась неизвестности.

Особенно во французском нижнем белье. Я знала, что я еще не готова к этому. Я чувствовала себя, как будто мне нужно выступать в театре с тысячной публикой. Как же люди делают это — преодолевают свои страхи, да еще с меньшей уверенностью, чем оставил Эдвард? Если бы там не было Эдварда, если бы я не знала каждой клеточкой своего мозга, что он любит меня настолько сильно, насколько я люблю его — всепоглощающе и безоговорочно. И если бы не это, я никогда бы не смогла встать с пола.

Но все-таки это был Эдвард.

— Не будь трусихой, — прошептала я сама себе и встала на ноги.

Я плотнее закуталась в полотенце и вышла из ванной. Мимо чемоданов, мимо большой кровати, даже не взглянув на них. Стеклопанная дверь на пляж была открыта. Все казалось черно-белым в тусклом свете луны.

Я шла медленно по песку, остановившись около скривленной пальмы, на которой висела его одежда. Я прислонилась к грубой коре и еще раз превела дыхание.

Я смотрела в темноту, ища его.

Его было не трудно найти. Он стоял спиной ко мне по талию в воде и смотрел на луну. Свет луны сделал его кожу совершенно белой, подобно песку, а его мокрые волосы совершенно черными, подобно океану.

Он стоял неподвижно; и волны ударялись об него, словно о камень.

Я смотрела на гладкие линии его спины, его плеч, его рук, его шеи, безупречной формы его...

Огонь больше не ощущался на коже; тлеело где-то внутри — моя неловкость, моя неуверенность.

Без колебаний я сбросила полотенце, оставив его на дереве вместе с его одеждой, и вышла в лунный свет. Я также казалось, сделана из белого

песка.

Я не могла слышать своих шагов, но догадалась, что он их слышит. Эдвард не обернулся.

Я вошла в воду и поняла, что Эдвард был прав — она была теплой, как в ванне. Я шла медленно, думая о том, что под ногами. Но мои заботы были напрасными — песок под ногами оказался абсолютно мягким. Постепенно углубляясь, я шла к Эдварду. Я пробиралась через воду, пока не оказалось за его спиной. Я положила свои ладони на его прохладные руки, которые были в воде.

— Как красиво, — сказала я, смотря на луну.

— Неплохо, — ответил он без энтузиазма. Он повернулся медленно; от его движений на воде во все стороны расходились круги. На его белоснежном лице, глаза, казалось, стали серебряными. Он повернул свою ладонь так, чтобы наши пальцы смогли сплестись под водой. Было достаточно тепло, и от его прикосновений не было гусиной кожи.

— Я не могу использовать слово «красиво», только не с тобой, не в сравнении с тобой.

Я слегка улыбнулась и положила свою руку — она теперь не дрожала — ему на сердце. Белое на белом; на этот раз мы соответствовали друг другу. Он вздрогнул от моего прикосновения. Его дыхание тут же участилось.

— Я обещал, что мы попробуем, — шепнул он напряженно, — если... если я сделаю что-то не так, если я сделаю тебе больно, ты должна сразу сказать мне.

Я торжественно кивнула, все еще смотря на него. Я сделала другой шаг, и моя голова оказалась на его груди.

— Не бойся, — прошептала я, — мы принадлежим друг другу.

Я была поражена, ведь мои слова были правдой. Этот момент был настолько прекрасен, что нельзя было сомневаться в нем.

Его руки сомкнулись вокруг меня. Лето и зима. В моем теле нарастало напряжение.

— Навсегда, — прошептал он и потянул меня в более глубокую воду.

Солнце, припекавшее обнаженную кожу моей спины, разбудило меня утром. Позднее утро, возможно уже день, но в этом я была не уверена.

Все, кроме времени было ясно. Я знала точно, где была — светлая комната с большой белой кроватью, солнечный свет, проникающий через открытые окна. Облака балдахина могли бы смягчить сияние.

Я не стала открывать глаза. Я была так счастлива, и не хотелось ничего менять. Единственными звуками были шум волн, наше дыхание, биение

моего сердца...

Мне было удобно, даже, несмотря на припекающее солнце. Его прохладная кожа была прекрасным средством от жары. Я лежала на его груди и его руки обнимали меня очень легко и естественно. Мне было весело вспоминать все мои опасения о сегодняшней ночи. Все страхи теперь казались глупыми.

Его пальцы нежно гладили внизу моей спины, и он знал, что я не сплю. Я так и не открыла глаз, лишь крепче обняла его вокруг шеи, чтобы быть еще ближе к нему.

Он не говорил; его пальцы перемещались вверх и вниз по моей спине, едва касаясь ее.

Я была бы счастлива остаться здесь навсегда, чтобы не нарушать этот момент, но мое тело имело другие планы. Мне стало смешно от нетерпения моего желудка. Я хотела есть. И это было подобно возвращению с небес.

— Что смешного? — прошептал он, все еще поглаживая мою спину. Звук его голоса, серьезного и охрипшего, возродил воспоминания о сегодняшней ночи, и мое лицо и шея залились румянцем.

Ответом на его вопрос было урчание в моем животе. Я засмеялась.

— Тебе тоже не удастся избежать человеческих проявлений.

Я ждала, но он так и не засмеялся. Медленно, спускаясь с небес, я пришла в себя.

Я открыла глаза; первое, что я увидела — это его бледную кожу горла и подбородка. Губы были растянулись в улыбке. Я уперлась на локоть, чтобы видеть его лицо.

Он смотрел вверх, и даже не посмотрел на меня, чтобы я могла изучить его выражение. Его лицо выражало потрясение — и послало импульс по всему моему телу.

— Эдвард? — сказала я. — Что? Что случилось?

— Это ты должна меня спросить, — сказал он жестко, без выражения.

Первое, что мне пришло в голову — результат чувства самосохранения — это то, что мне нужно задаться вопросом, что же я сделала не так. Я перебрала все в памяти, но не смогла вспомнить ничего ужасного.

Все было даже проще, чем я думала; мы приспособились быть вместе, как две части единого целого. Я была удовлетворена — мы были совместимы и физически.

Огонь и лед, так или иначе, мы могли существовать вместе, не разрушая друг друга. Больше доказательство, чем я рассчитывала. Я так и не смогла понять почему его выражение было таким строгим и холодным. Может я что-то пропустила? Его палец гладил мой лоб.

— О чем ты думаешь? — прошептал он.

— Ты расстроен. Я не понимаю. Что я...? — я не смогла закончить.

Он напрягся.

— Все так плохо, потому что я причинил тебе боль, Белла. Это правда — и даже не пытайся говорить, что это не так.

— Боль? — повторила я, и мой голос прозвучал громче, чем обычно, потому что его слова оказались для меня полной неожиданностью.

Я подняла одну бровь, его губы были напряжены.

Я быстро оценила состояние своего тела, напрягая и сгибая конечности. Просто нонсенс — все мои руки и ноги были в полном порядке. И я не чувствовала нигде боли.

Я была рассержена тем, что он омрачает это утро своими пессимистическими предположениями.

— Почему ты сделал столь поспешные выводы? Я никогда себя не чувствовала лучше, чем сейчас.

Его глаза закрылись.

— Хватит.

— Хватит что?

— Ты говоришь, что я не монстр, лишь потому, что я согласился на это.

— Эдвард, — прошептала я теперь действительно расстроенная. Он омрачил всё, что было до этого, — никогда больше не говори так.

Он не открыл глаз. Это было похоже на то, что он не хотел видеть меня.

— Посмотри на себя, Белла. И теперь скажи, что я не монстр.

Оскорбленная и потрясенная, задыхаясь, я последовала его совету. Что случилось со мной? Я не могла понять что за мягкое и пушистое, словно снег прилипло к моей коже. Я тряхнула головой, и что-то белое посыпалась с моих волос.

Я взяла мягкую и белую пушинку в руку.

— Почему я покрыта перьями? — спущено спросила я.

Он нетерпеливо выдохнул.

— Я кусал подушку. Или две. Но это не то, о чем я говорю.

— Ты... кусал подушку? Зачем?

— Посмотри, Белла! — он почти рычал. Он взял мою руку — очень осторожно — и протянул ее мне. — Посмотри на это!

На этот раз я увидела то, о чем он говорит.

Убирая перья, я увидела большие багровые синяки, которые начали проступать на бледной коже моей руки. Мои глаза стали следить за следом,

который поднимался сначала к плечу, а потом спускался к ребрам. Я дотрагивалась до синяков на моем предплечье, думая, что они исчезнут, но они снова появлялись. Кожа немного пульсировала.

Очень легко — это было так трогательно — Эдвард поместил свою руку на месте моих ушибов, каждый палец соответствовал синяку.

— Ой, — пикнула я.

Я попыталась вспомнить.

Я не смогла вспомнить момент, когда он слишком сильно сжимал меня. Напротив, я помнила только желание, чтобы он прижимал меня сильнее, это доставляло мне удовольствие.

— Мне... так жаль, Белла, — прошептал он, пока я разглядывала свои синяки, — я знал, я не должен был...

Его голос понизился.

— Я так сожалею, даже не могу передать это словами, — он закрыл рукой лицо.

Я долго сидела в полном удивлении, не зная, что сказать, я видела его страдания. Это так противоречило тому, что я чувствовала.

Потрясение медленно проходило, оставляя на своем месте лишь пустоту. Пустота. Мой мозг был пуст. Я не смогла придумать, что сказать. Как я смогу объяснить с ним правильно? Как мне сделать его таким же счастливым, как я — по крайней мере, такой, какой я была несколько мгновений назад? Я коснулась его руки, но он не ответил. Я попыталась отдернуть его руки от лица, но с таким же успехом, я могла дергать руку скульптуры.

— Эдвард.

Он даже не пошевелился.

— Эдвард.

Ничего. Это видно будет монологом.

— Я не сожалею, Эдвард. Я не... Я не могу даже говорить. Я так счастлива. Не сердись на меня. Не надо. Мне так...

— Не говори слова «хорошо», — сказал он ледяным тоном, — если ты оценила мое здравомыслие, то не говорила бы, что все хорошо.

— Но я...

— Белла, не надо, — простонал он, — не надо...

— Нет. Надо, Эдвард.

Он убрал руку, его золотые глаза наблюдали за мной.

— Не порть всё, — сказала я, — Я очень счастлива.

— Я уже все испортил.

— Я не хочу это слушать, — остановила я его. Его зубы щелкнули.

— Черт возьми, — простонала я, — Почему ты не можешь меня понять? Так тяжело когда тебя не слышат.

Его глаза немного расширились.

— Это что-то новенькое. Тебе ведь всегда нравилось, что я не могу читать твои мысли.

— Не сегодня.

Он уставился на меня.

— Почему?

В расстройстве, я вскинула руки, и только теперь почувствовала боль, которую я до этого не замечала.

— Да потому что все это лишнее. Если бы ты только знал, что я на самом деле чувствую сейчас! Или пять минут назад, не важно. Я была совершенно счастлива. Абсолютно и полностью счастлива. А сейчас я порядком рассержена.

— Ты должна сердиться на меня.

— Ну хорошо. От этого ты будешь чувствовать себя лучше?

Он вздохнул.

— Нет. Я не думаю, что сейчас что-нибудь может заставить меня чувствовать себя лучше.

— Что? Теперь я точно сержусь. Ты погубил все мои слова, Эдвард.

Он встряхнул головой и закатил глаза.

Я сделала глубокий вдох. Я чувствовала себя такой чувствительной сейчас, но это было не плохо. Я чувствовала, словно я поднимала гири. Мне довелось испытать это на пару с Рене, когда она была одержима фитнесом. Шестьдесят пять подъемов с десятью фунтами в каждой руке. Я не смогла встать на следующее утро. Это было таким же болезненным.

Я проглотила свое раздражение и попыталась чтобы голос звучал спокойно.

— Мы знали, что нам придется быть очень осторожными Я думала, что это необходимо. Но хорошо, что это оказалось намного легче, чем я думала. И это действительно не имеет значения.

Я провела пальцами по своим рукам.

— Я думаю для первого раза, когда мы не знали что ожидать, мы все сделали прекрасно. С небольшой практикой...

Его лицо вдруг настолько побледнело, что я не смогла закончить предложение.

— Необходимо? Ты ждала этого, Белла? Ты думала, что будет хуже? Ты считаешь эксперимент успехом, потому что смогла избежать худшего? Если нет сломанных костей — это, по-твоему, победа?

Я ждала, позволяя ему выговориться. Я ждала, пока его дыхание снова станет нормальным. И когда его глаза стали спокойными, я вновь заговорила.

— Я не знала чего ждать, но я определенно не ожидала, как... как... как замечательно это было, — мой голос снизился до шепота. Мой взгляд проскользнул от его лица к моим рукам.

— Да, но я не знаю, как это было для тебя. Походило ли это на мои ощущения.

Холодный палец приподнял мой подбородок.

— Это то, о чем ты волнуешься? — проговорил он через зубы, — то, что я не получил удовольствие?

Мои глаза опустились вниз.

— Я знаю, что это не одно и то же. Ведь ты не человеком. Я только хочу сказать, что для человека — это самое лучшее, что было в его жизни.

Он молчал так долго, что я, наконец, взглянула на него. Его лицо стало более мягким, он задумался.

— Кажется, мне придется извиниться, — нахмурился он, — я и не мечтал, что буду чувствовать такое, но прошлая ночь не была... Это была лучшая ночь за всё то время, что я существую. Но я не хочу думать...

Я улыбнулась.

— Правда? Лучшая? — я тихо спросила.

Он взял мое лицо в руки, все еще осторожно.

— Я спросил у Карлайла после того, как мы заключила нашу сделку. Я надеялся, что он поможет мне. Конечно, он предупреждал меня, что это может быть очень опасно для тебя, — тень покрыла его лицо.

— Он верил в меня — это была вера, которую я не заслужил.

Я хотела протестовать, но он положил на мои губы два пальца, чтобы я не смогла прокомментировать его слова.

— Также я спросил, что я должен ждать от этого. Я не знал что это... для вампира.

Он равнодушно улыбнулся.

— Карлайл сказал мне, что физическая любовь очень мощная вещь, мощнее всего прочего. Мы редко меняемся, но сильные эмоции могут нас изменить. Он сказал, что мне не нужно волноваться, так как ты уже изменила меня, — теперь он улыбнулся более искренне.

— Я так же говорил об этом с моими братьями. Они сказали, что это приносит большое удовольствие. Как в первую секунду, когда пьешь человеческую кровь, — он нахмурил брови.

— Но я уже пробовал твою кровь, нет ничего сильнее этого... Но я не

думаю, что они ошиблись. Для нас это стало другим. Чем-то большим.

— Да, это было большим. Это было всем.

— Но это не отбрасывает тот факт, что это было неправильным. Даже если ты так не считаешь.

— Что ты хочешь сказать? Ты думаешь, я всё это придумала? Почему?

— Чтобы ослабить мою вину. Но твои слова лишь попытка избавить меня от чувства вины, в то время как я совершил ошибку.

Я схватила его за подбородок и наклонилась вперед. Наши лица были в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Ты выслушаешь меня, Эдвард Каллен. Я не придумываю ничего ради тебя, понимаешь? Я даже не знаю что сказать, что сделать, чтобы ты перестал чувствовать себя несчастным. За всю мою жизнь я никогда не была так счастлива как сейчас. Даже сильнее, чем когда ты решил что твоя любовь ко мне больше, чем желание убить, или в первое утро, когда я проснулась, а ты уже ждал меня... Даже не так, когда я услышала твой голос в балетной студии, — он воскресил в памяти то опасное время, когда я была на волосок от смерти. Но я не делала паузы. Я продолжала, — или когда ты сказал «Согласен» и я поняла, что мы будем вместе навсегда. То, чтобы сейчас — самое счастливое в моей жизни, и лучшее из всего вышеперечисленного.

Он коснулся моего нахмуренного лба.

— Теперь ты чувствуешь себя несчастной. Я не хотел этого.

— Тогда не будь несчастным. Вот это неправильно.

Он напрягся, потом сделал глубокий вздох и кивнул.

— Ты права. Прошлое ушло, и я не могу сделать ничего, что изменило бы его. Нет никакого смысла в поднятии мне настроения. Я сделаю все что смогу, чтобы ты теперь была счастлива.

Я с подозрением наблюдала за его лицом, и он одарил меня улыбкой.

— Независимо от того, что делает меня счастливой?

Мой живот проорчал вместе с моими словами.

— Ты голодна.

Он стремительно встал и поднял облако из перьев. Оно напомнило мне о том, что я хотела спросить.

— Так почему ты решил разорвать подушки Эсме? — спросила я, сидя и трясая головой.

Он уже натянул штаны цвета хаки, смахивая с волос остатки перьев.

— Я не знаю, решил ли я сделать это вчера вечером, — пробормотал он, — но нам повезло — ведь это подушки, а не ты.

Он глубоко вздохнул и встряхнул головой, как будто избавляясь от

плохих мыслей. Он искренне улыбнулся, но было видно, что он приложил к этому немало усилий. Я снова разлеглась на кровати, не задевая болевших мест.

Он перестал дышать. Он отвернулся от меня и так сильно сжал руки в кулаки, что показались белые суставы.

— Я выгляжу отвратительно? — спросила я, с большим трудом, придавая голосу непринужденность.

Он опять начал дышать, но все еще не поворачивался ко мне, видно хотел скрыть свое лицо.

Я прошла в ванную чтобы поглядеть на себя и закрыла дверь за собой.

Я пристально обсмотрела свое обнаженное тело в зеркало. Я имела ужасный вид. Была слабая тень на одной из моих скул, губы немного раздулись, но кроме этого, мое лицо было в порядке. Остальная часть моего тела была украшена синими и фиолетовыми пятнами.

Я сосредоточилась на синяках, которые будет труднее всего скрыть — на руках и плечах. Но они не были настолько уж страшными. Моя кожа переносила их легко. Обычно, когда синяк появлялся, я уже забывала, как его получила. Конечно, они только что проявлялись. Завтра я буду выглядеть еще хуже. Я посмотрела на свои волосы и простонала.

— Белла? — он уже был позади меня, когда я издала звук.

— Я никогда не смогу вытащить все это из моих волос!

Я указала на мою голову, похожую на гнездо курицы. Я начала выбирать перья.

— Лучше бы ты волновалась не о своих волосах, — пробормотал он. Но он пришел, чтобы поддержать меня и стал быстро выбирать перья.

— Тебе разве не смешно? Я же так глупо выгляжу.

Он не ответил; он только продолжил выщипывать перья из моих волос. И я знала ответ — в таком настроении, ему не до смеха.

— Это не поможет, — через минуту вздохнула я.

— Это все высохло. Нужно помыть голову, — я обняла его вокруг талии, — хочешь помочь мне?

— Лучше я найду что-нибудь поесть для тебя, — сказал он тихим голосом, убирая мои руки. Я вздохнула, поскольку он уже исчез.

Это было похоже на то, что как будто мой медовый месяц уже подошел к концу. От этой мысли у меня защемило сердце.

Когда я избавилась от перьев и одела незнакомое белое платье, которое скрыло фиолетовые пятна, я пошла туда, откуда исходил запах жареных яиц, бекона и сыра.

Эдвард стоял перед плитой и готовил омлет.

Запах еды сокрушил меня. Я чувствовала, что смогу съесть и тарелку и сковородку. Мой живот заурчал.

— Сюда, — он повернулся, улыбаясь, и положил тарелку на стол. Я уселась на один из двух металлических стульев и стала уплетать яйца. Они обжигали мое горло, но меня это не волновало.

Он сел рядом.

— Я кормлю тебя не так часто как нужно.

Я проглотила кусок и напредила ему:

— Но я ведь спала. Кстати, это действительно вкусно приготовлено. Очень вкусно для того, кто не ест.

— Кулинарный телеканал, — сказал он, улыбаясь моей любимой изогнутой улыбкой.

Я была счастлива видеть это, счастлива, что он опять стал собой.

— Где ты взял яйца?

— Я попросил прислугу запасти холодильник едой. Впервые. А теперь я должен просить их убрать перья...

Он замолчал, его взгляд смотрел куда-то выше моей головы. Я не говорила, боялась опять его расстроить.

Я съела все, хотя порция была скорее для двоих.

— Спасибо, — сказала я ему. Я наклонилась через стол, чтобы поцеловать его. Он поцеловал меня на автомате, а потом отстранился от меня.

Я стиснула зубы, и задала вопрос, который мог его уязвить:

— Ты не собираешься больше прикасаться ко мне, пока мы здесь?

Он немного улыбнулся и поднял руку, чтобы погладить меня по щеке. Его пальцы гладили меня по щеке, и я не смогла побороть желание его прикосновений.

— Ты знаешь, это не то, что я подразумевал, — он вздохнул и убрал руку, — я знаю. И ты права.

Он сделала паузу. А затем заговорил снова с осуждением:

— Я не буду заниматься любовью с тобой пока ты человек. Я не могу больше причинять тебе боль.

Глава 6

Отвлечение

Моё увеселение стало первоочередной задачей на Острове Эсме. Мы плавали (ну как сказать, плавала я, в то время как он щеголял своей способностью обходиться без кислорода). Мы исследовали небольшие джунгли, которые окружали низкие скалы. Мы видели попугаев, которые жили среди ветвей в южной части острова. Мы наблюдали закат со скалистой бухты на западе. Мы плавали с морскими свинками, которые резвились среди теплых волн неподалеку. По крайней мере, с ними плавала я; как только в воде появлялся Эдвард, морские свинки немедленно исчезали, как будто бы завидев акулу.

Я знала, что все это значит. Он пробовал как можно сильнее увлечь меня, и тем самым отвлечь и не допустить приставаний с моей стороны. Всякий раз, когда я пыталась попросить его отнестись к этому спокойней с одним из миллиона DVD под плазмой с широким форматом, он выманивал меня из дома волшебными словами, такими как «коралловые рифы», «подводные пещеры» и «морские черепахи». Мы гуляли, гуляли, гуляли целыми днями, так, чтобы я успевала сильно проголодаться, и возвращались на закате солнца.

Я каждый раз валилась от усталости сразу после того как ночью заканчивала обедать; однажды я заснула прямо за кухонным столом, и ему пришлось отнести меня в кровать. Частью его плана было и то, что Эдвард всегда делал слишком много еды для одного человека, а я так хотела есть после купаний и восхождений на вершины, длящихся весь день, что съедала почти все из того, что он готовил. И тогда, будучи сытой и изнеможенной, единственное, на что я была способна — это держать глаза открытыми. Вот, несомненно, в чем его план.

Истощение не слишком способствовало моим попыткам убедить его. Но я не сдавалась. Я пробовала образумить, умолять, нудить, но все напрасно. Раньше я и не задумывалась, с помощью чего я могу повлиять в таком случае.

Теперь мои сны стали очень реалистичными — в первую очередь, это коснулось кошмаров, которые стали более яркими, пожалуй такими же яркими, как цвета на острове. Возможно всё это из-за того, что я просыпалась усталой независимо от того, как долго я спала.

Приблизительно спустя неделю или около того, как мы оказались на

острове, я решил попробовать пойти на компромисс. Раньше это срабатывало.

Теперь я спала в синей комнате. Уборщики должны были появиться не раньше следующего дня, и поэтому белая комната была все ещё услана снегом из перьев. Синяя комната была меньше, поэтому и кровать была соответствующей пропорции. Стены были темных тонов, обшитые панелями из тика, и все было украшено роскошным синим шелком.

Я одевала кое-какие вещи из коллекции дамского белья Элис для того чтобы спать в них — и это было не столько откровенно по сравнению со крошечными бикини, которые она упаковала для меня, как только ей представилась такая возможность. Я задалась вопросом, было ли ей видение того, когда бы эти вещи могли мне понадобиться, а затем вздрогнула смущенная этой мыслью.

Я не спеша начала с невинного атласного белья цвета слоновой кости, волнуясь, что демонстрация большого количества моего не приведет к желаемому результату, но я готова была испробовать что угодно. Эдвард, казалось, не замечал ничего, как будто я носила те же самые крысиные старые свитера, которые я одевала дома.

Теперь синяки смотрелись куда лучше — уже пожелтевшие в некоторых местах, и постепенно исчезающие в других. Сегодня вечером я надела один из самых ужасающих нарядов, когда я приводила себя в порядок в облицованной панелями ванной. Это было черным, кружевным, и слишком смущающим, для того чтобы хотя бы взглянуть на это, даже тогда, когда это ещё не на мне. Я боялась взглянуть в зеркало прежде, чем я окажусь в спальне. Мне не хотелось себя нервировать.

Я с удовольствием наблюдала, как выпучились его глаза, но это длилось лишь секунду, пока он не совладал с собой.

— Что ты об этом думаешь? — спросила я, совершая пируэт так, чтобы он смог разглядеть всё.

Он прочистил горло.

— Ты прекрасна. Как и всегда.

— Спасибо, — сказала я немного недовольно.

Я слишком устала для того чтобы сопротивляться мягкой и удобной кровати. Он обвил меня руками и прижал меня к своей груди, но в этом не было ничего необычного — мне было слишком жарко спать без его прохладного тела рядом.

— Я заключу с тобой сделку, — сонно проговорила я.

— Я не буду заключать с тобой никаких сделок, — ответил он.

— Ты ведь не знаешь, что я хочу предложить.

— Не имеет значения.

Я вздохнула.

— Черт возьми. Я действительно хотела ... ну да ладно...

Он закатил глаза.

Я захлопнула ловушку и позволила приманке остаться там. Я зевнула.

Понадобиться минута — не достаточно долго для того чтобы удивить меня.

— Ну, хорошо. Что же ты хочешь?

Я сцепила зубы на секунду, пытаясь удержать улыбку. Единственная причина, по которой он мог бы уступить — это возможность дать мне что-нибудь.

— Хорошо, я тут подумала ..., я знаю, что Дартмас это всего лишь статья, иллюстрация к которой дана на обложке журнала, но честно, один семестр колледжа вероятно не убьет меня, — произнесла я, в точности повторяя его давнишние слова, когда он пытался убедить меня отложить превращение в вампира. — Держу пари, Чарли бы не на шутку взволновали слухи из Дартмаса. Безусловно, весьма странно будет, если я не буду отстаиваться от самых мозговитых. Пусть будет ... восемнадцать, девятнадцать. В этом ведь нет большой разницы.

Он молчал достаточно долго. Потом, шепотом произнес:

— Ты можешь подождать. И остаться человеком.

Я молчала.

— Почему ты делаешь это со мной? — процедил он сквозь зубы внезапно сердито. — Разве не достаточно трудно безо всего этого? — Он схватился за кружева, рассыпавшихся по моему бедру. На мгновение, я решила, что он собирается разорвать их по шву. Но тут его рука ослабила хватку. — Не имеет значения. Я не буду заключать с тобой никаких сделок.

— Я хочу пойти в колледж.

— Нет, не хочешь. И нет ничего, из-за чего бы стоило рискнуть твоей жизнью вновь. Это причиняет тебе боль.

— Но я действительно хочу пойти. Ну, хорошо, дело не в колледже просто я хочу побыть человеком ещё немного дольше.

Он закрыл глаза и стал дышать через нос.

— Ты сводишь меня с ума, Белла. Разве мы не обсуждали эту причину миллион раз, и разве ты не просила сделать тебя вампиром без промедлений?

— Да, но ... теперь у меня есть причина остаться человеком, которой у меня не было раньше.

— И что же это?

— Угадай, — сказала я, и отбросила от себя подушки, чтобы

поцеловать его.

Он поцеловал в ответ, но не так что бы я могла подумать, что победа за мной. Больше это походила, на то, что он не хотел задеть моего самолюбия; он целиком и абсолютно себя контролировал. Потом мягко, он отстранил меня и стал укачивать, прижав к груди.

— Ты настолько человечна, Белла. Вся под властью гормонов, — он рассмеялся.

— Это многого стоит, Эдвард. Мне нравится это во мне. Я не хочу отречься. Я не хочу ждать годы в облиии сумасшедшей новообращенной, чтобы толика этой человечности вернулась ко мне.

Я зевнула и он улыбнулся.

— Ты устала. Спи, любимая.

Он принялся напевать колыбельную, которую сочинил, когда мы только познакомились.

— Интересно, почему я так устала, — пробормотала я саркастически. — Может это часть твоего плана или что-нибудь в этом роде.

Он коротко рассмеялся и продолжил напевать.

— Чем больше я устаю, тем лучше я буду спать, ты так думаешь?

Песня прервалась.

— Ты спала как убитая, Белла. Ты и слова не произнесла когда спала, пока мы не вернулись сюда. Если бы не храп, я бы стал волноваться, что ты впала в кому.

Я проигнорировала шутку про храп; я не храплю.

— И не единого звука? Это просто сверхъестественно. Обычно мне снятся кошмары, стоит опуститься в постель. И ещё я кричу.

— Тебе снятся кошмары?

— Очень яркие. Они так сильно утомляют меня, — я зевнула, — и поэтому я не могу поверить, что молчала всю ночь.

— О чем они?

— О разном — но все они из-за цвета.

— Цвета?

— Всё здесь такое яркое и настоящее. Обычно, когда я сплю, я знаю, что это сон. С ними же я не знаю, что сплю. И от этого становится ещё страшнее.

Он показался мне встревоженным, когда снова спросил:

— Что пугает тебя?

Я слегка задрожала.

— Больше всего... — я колебалась.

— Больше всего? — повторил он.

Я не могла понять почему, но я не хотел рассказывать ему о ребенке из сна, который все время повторялся; было что-то слишком личное в этом необычном кошмаре. И поэтому вместо того, чтобы описать ему полностью весь сон я сказала ему только об одной его части. И её было достаточно, чтобы испугать меня или кого-нибудь ещё.

— Волтури, — прошептала я.

Он крепче обнял меня.

— Они больше не станут тревожить нас. Ты скоро станешь бессмертной, и у них не будет никаких причин.

Я позволила ему успокоить себя, чувствуя себя немного виноватой, за то, что он не совсем правильно меня понял. Всё дело было вовсе не в этом. Я не испытывала страха за себя, я боялась за мальчика.

Он не был тем же самым мальчиком как в самом первом сне — ребенок-вампир с кроваво-красными глазами, который сидел на груди мертвых людей, которые были мне дороги. У того мальчика, которого я видела во сне четырежды на прошлой неделе, определенно был человеком; у него были румяные щечки, а его большие глаза были мягкого зеленого цвета. Но точно также как другой ребенок, он задрожал со страхом и отчаянием когда Волтури окружили нас.

В этом сне, как в новом, так и в старом, я просто должна была защитить этого незнакомого ребенка. И больше ничего. В то же самое время, я понимала, что мне не удастся это сделать.

Он увидел выражения опустошения на моем лице.

— Что я могу сделать, чтобы помочь тебе?

Я сбросила с себя это.

— Это ведь только сны, Эдвард.

— Ты хочешь, чтобы я пел? Я буду петь всю ночь, если это поможет укрыть тебя от дурных снов.

— Они не все такие плохие. Некоторые очень даже не плохи. Такие... красочные. Под водой, с рыбами и кораллами. Мне кажется, что это происходит на самом деле, будто это не сон. Возможно, дело в самом острове. Здесь действительно всё очень ярко.

— Ты хочешь вернуться домой?

— Нет. Пока нет. Разве мы не можем остаться здесь ещё немного?

— Мы будем здесь столько, сколько ты хочешь, Белла, — заверил меня он.

— Пока не начнется семестр? Раньше-то я не задумывалась об этом.

Он вздохнул. Возможно, он вновь стал напевать, но я заснула прежде,

чем убедилась в этом.

Позже, когда я проснулась в темноте, я чувствовала потрясение. Сон был настолько реальным ... столь ярким, столь ощутимым. ... я чувствовала, что задыхаюсь, не понимая что и где я в этой темной комнате. Лишь только секунду назад, как мне казалось, я была под сверкающим солнцем.

— Белла? — прошептал Эдвард, его руки, обвитые вокруг меня, осторожно меня встряхнули. — С тобой всё хорошо, любимая?

— Ох, — я снова задыхалась. Всего лишь сон. Не реальность. К моему полнейшему удивлению, слезы, заполнившие мои глаза, без предупреждения заструились по лицу.

— Белла! — сказал он уже громче, не на шутку взволновавшись. — Что случилось?

Он вытер слезы с моих пылающих щек ледяными, жесткими пальцами.

— Это был всего лишь сон.

Я не могла сдержать рыданий, вырывающихся из моей груди. Эти глупые слезы вызвались беспокойством, но я никак не могла совладать с охватившим меня горем. Мне было так плохо из-за того, что сон так реален.

— Все хорошо, любимая, с тобой всё в порядке, я рядом. — Он укачивал меня вперед-назад, несколько быстро, для того чтобы успокоить. — Тебе приснилось что-то другое? Всё это только сон, только сон.

— Это не кошмар, — я трянула головой, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Это был хороший сон, — голос снова надломился.

— Тогда почему ты плачешь? — в изумлении спросил он.

— Потому что проснулась! — я застонала и, обвив руками его шею, прижалась к нему со всех сил и снова зарыдала.

Он коротко рассмеялся над моей логикой, но смех был смешан с беспокойством.

— Все в порядке, Белла. Дыши глубже.

— Это было настолько реально, — плакала я. — Я так хотела, чтобы это было на самом деле.

— Расскажи мне об этом, — потребовал он. — Может, станет легче.

— Мы были на берегу... — я затихла, отстранившись, чтобы взглянуть переполненными слезами глазами в его лицо встревоженного ангела, тусклое в этой темноте. Я с задумчивостью смотрела на него, поскольку беспричинное горе стало отступать.

— Ну и? — спросил он, наконец.

Я сморгнула слезы.

— О, Эдвард...

— Скажи мне, Белла, — умолял он, в его глазах читалось сильное беспокойство из-за боли в моем голосе.

Но я не могла. Вместо этого я крепче обняла его шею и лихорадочно прижалась губами к его губам. Это не было обыкновенной прихотью — это была острая, на грани боли потребность. Он ответил мгновенно, но быстро отстранился.

Он совладал со мной так осторожно, как только мог, заставленный врасплох, и, взяв за плечи, отодвинул подальше.

— Нет, Белла, — твердо произнес он, смотря на меня так, как будто бы волнуясь, что я сошла с ума.

Мои руки опустились, признав поражение и странные слезы в новом потоке стали заливать лицо, новое рыдание нарастало в груди. Он был прав, должно быть я действительно сошла с ума.

Он смотрел на меня непонимающе, в его глазах была мука.

— Простиии, — пробормотала я.

Но он подвинул меня к себе, крепко прижав к своей мраморной груди.

— Я не могу, Белла, я не могу! — в его стоне чувствовалась мука.

— Пожалуйста, — сказала я, и мой голос был приглушен его телом, — Пожалуйста, Эдвард.

Я не знала, что именно повлияло на него — мои слезы или дрожь в моем голосе, или же он был сражен внезапностью моего нападения, или же его желание в этот момент было столь же невыносимым как и мое. Не важно, почему именно, но он со стоном прижал свои губы к моим.

И мы начали там, где закончился мой сон.

Когда утром я проснулась, я старалась не двигаться и даже не дышать. Мне было страшно открывать глаза.

Я лежала на груди Эдварда, но его руки не обнимали меня. Плохой знак. Я боялась признать, что уже проснулась и увидеть его ярость независимо от того, на кого она будет направлена сегодня.

Очень осторожно я посмотрела сквозь свои ресницы. Его взгляд был направлен в темный потолок, а руки он сложил за головой. Я приподнялась на локоть так, чтобы можно было лучше разглядеть его лицо. На нем не было ничего, никаких эмоций.

— Много неприятностей на этот раз? — тихо спросила я.

— Куча, — сказал он, повернув голову и ухмыльнувшись мне.

Я облегченно выдохнула.

— Мне жаль, — сказала я. — Я не имею в виду ... ну ладно, я точно не

знаю, что произошло этой ночью, — я встряхнула головой, вспоминая о неожиданных слезах и сокрушившим меня горе.

— Ты так и не сказала мне, о чем был твой сон.

— Да, не сказала, но в каком-то роде я показала тебе, о чем он был, — я нервно рассмеялась.

— О, — произнес он. Его глаза расширились, и он моргнул. — Интересно.

— Это был очень хороший сон, — пробормотала я.

Он ничего на это не ответил, и поэтому, спустя несколько секунд, я спросила:

— Ты простишь меня?

— Я как раз думаю об этом.

Я села, решив осмотреть себя — по крайней мере, никаких перьев вроде бы не было. Поскольку я стала двигаться, меня охватило легкое головокружение. Я покачнулась и рухнула обратно на подушки.

— Что за ... голова раскалывается.

Он обнял меня.

— Ты очень долго спала. Целых двенадцать часов.

— Двенадцать? — как странно.

Я позволила себе провести поверхностный осмотр, пока говорила, стараясь сделать это незаметно. Я выглядел неплохо. Синяки на моих руках были недельной давности, желтыми. Ради любопытства я потянулась. И опять же — все прекрасно. Даже лучше чем прекрасно.

— С вещами все в порядке?

Я смущенно кивнула.

— Подушки всё же выжили.

— К сожалению, я не могу сказать то же самое о твоей, хм... ночной рубашке. — Он показал на пол у ножки кровати, где несколько обрывков черного кружева были усыпаны сверху шелковых тряпок.

— Очень жаль, — сказала я. — Мне они нравились.

— Мне тоже.

— Случилось ли ещё что-то катастрофическое кроме этого? — робко спросила я.

— Я должен буду купить Эсме новую кроватьную раму, — признался он, посмотрев через плечо. Я последовала за его пристальным взглядом и с ужасом увидела, что большие куски дерева, очевидно, были просто оторваны от левой стороны спинки кровати.

— Хм, — нахмурилась я. — И почему же я упустила этот момент?

— Наверное, ты становишься очень невнимательной, когда увлечена.

— Я была несколько поглощена этим, — согласилась я, сильно покраснев.

Он коснулся моей пылающей щеки и вздохнул.

— Я действительно хотел бы не делать этого.

Я уставился на его лицо в поисках, каких бы то ни было, признаков гнева или раскаяния, которых я боялась увидеть. Он пристально смотрел на меня в ответ, выражения его лица было спокойный и непроницаемый.

— Как ты себя чувствуешь?

Он засмеялся.

— Как? — требовательно повторила я.

— Ты выглядишь такой виноватой, будто бы совершила преступление.

— Я чувствую себя виноватой, — пробормотала я.

— Ну... ты совратила своего горящего от желания мужа. Не слишком серьезное правонарушение.

Он определенно издевался.

Мои щеки запылали сильнее.

— Слово «совратила» подразумевает определенное количество преднамеренности.

— Возможно это не совсем подходящее слово, — согласился он.

— Ты не сердишься?

Он печально улыбнулся.

— Я не сержусь.

— И почему же?

— Ладно... — он сделал паузу. — С одной стороны я не повредил тебя. На этот раз было легче управлять собой, направлять силу на что-то другое, — его глаза вновь стрельнули в сторону разрушенной спинки кровати. — Возможно, потому что в этот раз я лучше знал, чего ожидать.

Радостная улыбка расплылась на моем лице.

— Я же говорила тебе, что всё дело в практике.

Он закатил глаза.

Мой живот заурчал, и он рассмеялся.

— Время человеческого завтрака? — спросил он.

— Пожалуй, — сказал я, вскакивая из кровати. Я двигалась слишком быстро, и до того как равновесие восстановилось, меня закачало словно пьяную. Эдвард поймал меня прежде, чем я смогла врезаться в кухонный шкаф.

— Ты в порядке?

— Если и в моем новом обличье мне не достанется нормальное равновесие, я буду требовать возмещения ущерба.

Этим утром готовила я, и это снова были яйца, поскольку я была слишком голодна, чтобы сделать нечто более замысловатое. Спустя всего несколько минут, в нетерпении, я шлепнула их на тарелку.

— С каких это пор ты съедаешь яичный желток? — спросил он.

— С этих самых.

— Ты знаешь, сколько яиц съела за неделю? — он достал мусорное ведро из-под раковины — оно было заполнено синими коробками.

— Непозволительно много, — сказал я, проглотив обжигающий кусок. — Это место влияет на мой аппетит, — и на мои сны и на мое никуда не годное равновесие, — но мне здесь нравится. Вероятно, мы скоро уедем, и я надеюсь, что мы приедем в Дартмас вовремя? Ух ты, ведь нам наверное нужно найти место где жить и много ещё чего.

Он сел рядом со мной.

— Ты теперь можешь бросить свою выдумку про колледж — ты получила что хотела. И мы не заключали сделку, таким образом, нет никаких связанных с этим условий.

Я фыркнула.

— Я ничего не придумала, Эдвард. Я не трачу своё свободное время, составляя расписание дня, как некоторые. Что нам нужно сделать, чтобы изнурить Беллу сегодня? — я попыталась изобразить его голос, а он бессовестно рассмеялся. — Я, правда, хочу ещё немного времени побыть человеком. — Я наклонилась и положила руку на его обнаженную грудь. — Я не успела насладиться.

Он с подозрением на меня посмотрел.

— Этим? — спросил он, поймав мою руку, поскольку та успела спуститься вниз, к его животу. — Всё это время дело было в сексе? — он закатил глаза. — Почему я не подумал об этом? — с сарказмом пробормотал он. — Нужно было припасти для себя больше аргументов.

Я рассмеялась.

— Вероятно да.

— Ты настолько человечна, — вновь сказал он.

— Я знаю.

Дразнящая улыбка тронула его губы.

— Так мы едем в Дартмас? Действительно?

— Вероятно, меня исключать за один семестр.

— Я тебя всему научу, — его улыбка стала ещё шире. — Ты будешь учиться в колледже любви.

— Ты думаешь, мы сможем потом найти квартиру?

Он состроил виноватое лицо.

— Ну... у нас вроде бы уже есть там дом. Ну, знаешь, на всякий случай.

— Ты купил дом?

— Недвижимость — это хорошее вложение денег.

Я подняла одну бровь и затем смирилась.

— В таком случае все уже готово.

— Я должен буду удостовериться, сможем ли мы отставить твою машину «до» ещё на некоторое время...

— Да, по воле небес я не защищена от танкового нападения.

Он усмехнулся.

— Как долго мы ещё можем остаться? — спросила я.

— Мы свободны во времени. Еще несколько недель, если хочешь. И затем мы можем навестить Чарли прежде, чем отправимся в Нью-Хэмпшир. Мы могли провести Рождество с Рене...

Его слова рисовали весьма счастливое ближайшее будущее, единственный вариант, который был лишен страданий для всех. Но ящик с Джейкобом, едва не забытый, загрохотал, и я поправила себя — почти для всех.

От этого не стало легче. Теперь, когда я, наконец, поняла что значит быть человеком на самом деле, это заставило меня изменить планы. Восемнадцать или девятнадцать, девятнадцать или двадцать ... какая в этом разница? Я не слишком бы изменилась за год. Быть человеком с Эдвардом ... выбор побуждает к большей изобретательности.

— Несколько недель, — согласилась я. И затем, поскольку и это время не казалось мне достаточным, я добавила. — Так вот, я тут подумала — помнишь, что я говорила тебя о практике?

Он рассмеялся.

— Можешь ты хоть немного не думать об этом? Я слышу лодку. Уборщики должны скоро быть здесь.

Он не хотел, чтобы я думала об этом. Так что же это значит? Он больше не собирался заниматься этим, беспокоясь о практике? Я улыбнулась.

— Позволь мне объяснять Густаво беспорядок в белой комнате, и затем мы сможем прогуляться. Есть место я джунглях на юге...

— Я не хочу гулять. И я не собираюсь сегодня пешком обойти весь остров. Я хочу остаться здесь и посмотреть кино.

Он поджал губы, пытаясь не смеяться над моим раздраженным тоном.

— Хорошо, сделаем, как ты хочешь. Почему бы тебе не выбрать что-нибудь, пока я отрываю дверь?

— Я не слышала стук.

Он повернул голову и прислушался. Пол секунды спустя в дверь постучали робко и застенчиво. Он усмехнулся и отправился в прихожую.

Я отправилась к полкам под большим телевизором и стала рассматривать названия на корешках. Было трудно решить с чего начать. Здесь было больше дисков, чем в прокате.

Я могла слышать низкий, бархатный голос Эдварда, поскольку он вновь вернулся в холл, плавно разговаривая на языке, который я бы назвала безупречным португальским. Другой, более резкий, голос, принадлежавший человеку, отвечал на том же самом языке.

Эдвард вел их в комнату через кухню. Эти два бразильца выглядели невероятно низкими и темнокожими рядом с ним. Один из них — полный мужчина, второй была маленькая женщина, оба с крупными чертами лица. Эдвард с гордой улыбкой жестом указал на меня, и я услышала своё имя, смешанное с порцией незнакомых слов. Я немного покраснела, поскольку вспомнила о пушистом беспорядке в белой комнате, с которым они скоро столкнутся. Маленький человек вежливо улыбался мне.

Но крошечная женщина, с кожей цвета кофе, не улыбалась. Она уставилась на меня со смесью потрясения, тревоги, и её расширенные глаза были полны страха. Прежде, чем я могла среагировать, Эдвард двинулся, чтобы провести их в наш курятник, и они ушли.

Когда он вернулся, он был один. Он стремительно ко мне подошел и приобнял.

— Что с ней такое? — нетерпеливо прошептала я, помня панику на её лице.

Он невозмутимо пожал плечами.

— У Кауры индийские корни. Она была воспитана так чтобы верить суевериям — ну или, ты можешь считать, чтобы быть более осведомленной, чем те, кто живет в современном мире. Она подозревает меня в том, кто я есть, или очень близка к этому, — он все еще не казался взволнованным. — Здесь у них есть свои собственные легенды. К примеру, пьющий кровь демон Либишомен, который охотится исключительно на красавиц, — при этом он покосился на меня.

Только на красавиц? Ну что ж, по крайней мере, это мне льстило.

— Она выглядела испуганной, — сказал я.

— Да, так, но главным образом она волнуется о тебе.

— Обо мне?

— Она боится из-за того, что ты здесь со мной, в полном одиночестве. Он мрачно рассмеялся, а затем посмотрел на стенд с фильмами.

— И почему же ты не выберешь что-нибудь, что мы бы могли посмотреть? Это вполне приемлемая задача для человека.

— Да, я уверена, что фильм непременно убедит ее, что ты человек. — Я рассмеялась и крепче обняла его за шею, поднявшись на цыпочки. Он нагнулся так, чтобы я могла поцеловать его, а за тем его руки сжимающие меня оторвали меня от пола, таким образом, ему не нужно было наклоняться.

— Фильм, шмилм, — бормотала я, в то время как его губы опускались ниже к моей шее, запустив пальцы в его бронзовые волосы.

И тут я услышала вздох, и Эдвард резко поставил меня на место. Каура, застыв, стояла в коридоре, в её темных волосах торчали перья, в руках она сжимала мешок в котором тоже были перья, а на её лице застыло выражение полнейшего ужаса. Она уставилась на меня с осуждением, из-за чего я покраснела и упустила взгляд в пол. Но тут она опомнилась и что-то промямлила, что даже на незнакомом языке звучало как слова извинения. Эдвард улыбнулся и ответил ей весьма тепло. Она отвела свои темные глаза и направилась в холл.

— Она знает, что я знаю о чем она знает? — пробормотала я.

Эдвард рассмеялся над моей замысловатой формулировкой, и сказал:

— Да.

— Вот это, — сказала я, не глядя протянув руку и схватив первый попавшийся диск. — Открой и мы решим, будем ли это смотреть.

Это оказалось старым мюзиклом с улыбающимися лицами и пышными нарядами на обложке.

— Весьма подходит для медового месяца, — одобрил Эдвард.

В то время как актеры на экране танцевали и пели вступительную песню, я сидела, развалившись на диване, к крепких объятиях Эдварда.

— Теперь мы вернемся в белую комнату? — праздно поинтересовалась я.

— Не знаю... я уже прикончил спинку кровати в одной комнате, которая возможно теперь и ремонту не подлежит. Может, если мы ограничимся разрушениями в одной комнате, Эсме пригласит нас сюда ещё когда-нибудь.

Я широко улыбнулась.

— Так значит, разрушений будет больше?

Он рассмеялся над выражением моего лица.

— Думаю, было бы безопасней, если обдумать это заранее, а не тогда когда ты нападешь на меня снова.

— Это было бы вопросом времени, — небрежно подтвердила я, но

пульс уже успел участиться.

— Какие-то проблемы с твоим сердцем?

— Нет. Я здорова как лошадь, — на секунду я замолчала. — А сейчас ты бы не хотел отправиться в зону разрушений?

— Возможно, было бы более вежливо пождать, пока мы не останемся одни. Может тебя и не волнует то, что я крушу мебель, но это вероятно испугало бы их.

По правде говоря, я уже и забыла про людей в другой комнате.

— Ты прав, черт возьми.

Густаво и Кауре, спокойно ходили по дому, в то время как я с нетерпением ожидала когда же они, наконец, закончат и стараясь обратить внимание на счастливый конец мюзикла. Я уже начала засыпать, несмотря на то, что, по словам Эдварда, я проспала полдня, когда грубый голос меня пробудил. Эдвард поднялся, продолжая качать меня на своих руках, и ответил Густаво на плавном португальском языке. Густаво кивнул и спокойно направился к входной двери.

— Они закончили, — сказал мне Эдвард.

— И это значит, что теперь мы одни?

— Для начала, как насчет ланча? — предложил он.

Я прикусила губу, задумавшись над дилеммой. Я действительно хотела есть.

С улыбкой, он взял меня за руку и повел на кухню. Он так хорошо знал все выражения моего лица, что тот факт, что он не может читать мои мысли не имел никакого значения.

— Это уже вышло из-под контроля, — пожаловалась я когда, наконец, почувствовала, что объелась.

— Хочешь поплавать с дельфинами? — спросил он. — Это помогло бы сжечь калории.

— Может быть потом. У меня есть другой вариант для сжигания калорий.

— И что же это?

— Ну, у нас ещё осталось от спинки кровати слева...

Но я не закончила. Он схватил меня своими руками и его губы заставили меня молчать, пока он с сумасшедшей скоростью тащил меня в синюю комнату.

Глава 7

Неожиданность

Стройные ряды черных воинов двигались на меня сквозь подобный защитному покрову туман. Я видела, как рубиновые глаза вспыхивают жадой, желанием убийства. Губы обнажают острые влажные зубы — кто-то из них рычит, кто-то улыбается.

Я услышала, как позади меня заплакал ребенок, но я не могла повернуться, чтобы посмотреть на него, хотя отчаянно хотела убедиться, что он в безопасности. Я не могла позволить себе ошибки в концентрации.

Они приблизились, их черные одежды вздымались при каждом движении. Я видела их руки с кривыми белыми когтями. Они начали разделяться, чтобы подойти к нам со всех сторон. Мы были окружены. Мы приготовились умереть.

И вдруг, как всполох света при вспышке, вся сцена изменилась. Кое-что осталось прежним — Волтури все еще преследовали нас, пытаясь убить. Но что действительно изменилось, так это то, как эта картина выглядела для меня. Внезапно, я почувствовала, что желаю этого. Я хотела, чтобы они исполнили свой приговор. Когда я наклонилась вперед, паника сменилась жадой крови, на моем лице появилась улыбка, и сквозь мои оскаленный зубы вырвалось рычание.

Меня, пораженную этим сном, затрясло как в лихорадке.

В комнате было темно. И было ужасно жарко. От пота слиплись волосы и он стекал вниз по шее.

Я протянула руку, ощупала теплые простыни и убедилась, что они пусты.

— Эдвард?

Именно тогда, мои пальцы наткнулись на что-то гладкое, плоское и жесткое. Лист бумаги, сложенный пополам.

Я взяла записку и отправилась к выключателю.

Записка была адресована Миссис Каллен.

«Я надеюсь, ты не проснешься и не заметишь моего отсутствия, но, если вдруг ты проснулась, я вернусь очень скоро. Я просто отправился на материк на охоту. Возвращайся в постель, и я буду уже рядом, когда ты проснешься в следующий раз. Я люблю тебя».

Я вздохнула. Мы были здесь почти две недели, и я должна была ожидать, что ему придется уйти, но я совсем не задумывалась о времени.

Казалось, мы существовали вне времени, живя в каком-то прекрасной стране.

Я вытерла пот со лба. Я чувствовала себя абсолютно проснувшейся, хотя часы показывали чуть больше часа ночи. Я знала, что не смогу заснуть в таком разгоряченном и липком состоянии, в каком я находилась сейчас. И это не упоминая тот факт, что я была уверена, что как только я выключу свет и закрою глаза, то вновь увижу те черные фигуры.

Я встала и бесцельно прошла через весь темный дом, по дороге включая свет. Было так пусто в этом огромном доме без Эдварда. Всё было по-другому.

Я оказалась на кухне и решила, что возможно еда это именно то, что мне сможет сейчас помочь.

Я порылась в холодильнике, пока не нашла все ингредиенты для приготовления жареного цыпленка. Шипение и потрескивание в кастрюле были приятными, столь домашними звуками; пока эти звуки заполняли тишину, моя нервозность отступала. Запах был таким аппетитным, что я начала есть прямо из кастрюли, обжигая себе язык.

После пятого или шестого кусочка, я всё-таки смогла распробовать вкус. Я стала жевать медленнее. Было что-то отталкивающее в аромате? Я проверила мясо и убедилась, что в разрезе оно было белым, но я подумала, было ли оно таким же полностью. Я откусила маленький кусочек в качестве пробы; прожевала дважды. Фу — определенно плохое. Я подпрыгнула и выплюнула все это в раковину. Внезапно запах жареного цыпленка стал мне противен. Я взяла полную тарелку и выкинула ее в мусорное ведро, затем открыла окно, пытаясь проветрить помещение. Холодный бриз ворвался в комнату. Было приятно чувствовать его на своей коже.

Я чувствовала себя утомленной, но возвращаться в жаркую комнату не хотелось. Поэтому я открыла большие окна в комнате с телевизором и легла на диван прямо напротив них. Я включила то же самое кино, которое мы смотрели на днях, и быстро заснула на первой же песне.

Когда я открыла глаза снова, солнце уже почти взошло, но не свет разбудил меня. Холодные руки обвились вокруг меня, приподнимая. В то же самое время, я почувствовала внезапную боль в моем желудке, почти такую же сильную, как если бы мне ударили по животу мячом.

— Прости — пробормотал Эдвард, кладя свою прохладную руку на мой липкий лоб. — Так много нужно было продумать. Но я не подумал, как жарко тебе будет без меня. Кондиционер установят до того, когда мне снова придется уйти.

Я не могла сконцентрироваться на том, что он говорил.

— Прости меня, — я задыхалась, изо всех сил пытаюсь высвободиться из его рук.

Он автоматически ослабил свои руки.

— Белла?

Я побежала в ванну, прикрывая рот рукой. Я чувствовала себя так ужасно, что даже не поначалу волновалась из-за того, что он последовал за мной когда я согнулась над унитазом и меня ужасно стошнило.

— Белла? Что случилось?

Я не могла ответить. Он с беспокойством взял меня на руки, убрал волосы от моего лица и ждал, пока я снова смогу нормально дышать.

— Проклятая пропавшая курица, — я застонала.

— Ты в порядке? — в его голосе явно чувствовалось напряжение.

— Нормально, — выпалила я. — Это просто пищевое отравление. Ты не должен этого видеть. Уходи.

— Не похоже на то, Белла.

— Уходи, — я застонала опять, пытаюсь подняться, чтобы прополоскать рот. Он осторожно помог мне, игнорируя моё сопротивление.

После того, как я прополоскала рот, он отнес меня в кровать и осторожно присел рядом, поддерживая меня своими руками.

— Пищевое отравление?

— Да, — прохрипела я. — Я приготовила курицу этой ночью. Я попробовала и выкинула ее. Но перед этим я съела несколько кусочков.

Он положил свою холодную руку на мой лоб. Было приятно.

— Как ты чувствуешь себя сейчас?

Я задумалась на мгновение. Тошнота прошла так же внезапно, как и началась. И я чувствовала себя как в любое другое обычное утро.

— Довольно неплохо. Немного голодна, правда.

Он заставил меня ждать час и выпить большой стакан воды, перед тем как пожарил мне яичницу. Я чувствовала себя абсолютно нормально, лишь только немного устала из-за того, что вскочила среди ночи. Он включил CNN — мы были оторваны от мира настолько, что даже начнись Третья Мировая Война, мы бы этого не узнали. Я обессиленно лежала на его коленях.

Мне надоели новости, и я повернулась, чтобы поцеловать его. Точно так же как и сегодня утром, острая боль поразила мой живот, когда я передвинулась. Я отстранилась от него, моя рука прижалась ко рту. Я знала, что на сей раз я не смогу добежать до ванной, поэтому я бросилась к раковине.

Он снова держал мои волосы.

— Может, нам стоит вернуться в Рио, и встретиться с доктором? — предложил он с беспокойством, пока я полоскала рот.

Я покачала головой и поплелась в коридор. Доктор ассоциировался у меня с иголкой.

— Я буду в порядке, как только почищу зубы.

Когда я привела в порядок свой рот, я принялась искать аптечку в чемодане, который Элис собрала для меня, полный таких необходимых человеку вещей как бинты, болеутоляющие и — объект моего поиска — Репто-Bismol.^[1] Может, я смогу привести в норму свой желудок и успокоить Эдварда.

Но пред тем, как я нашла Репто, я внезапно наткнулась на кое-что еще, что Элис запаковала для меня. Я достала небольшую голубую коробочку, положила ее на ладони и долго смотрела на нее, забыв обо всем остальном.

Затем я начала считать про себя. Один раз. Второй. Снова.

Меня остановил стук; маленькая коробочка полетела обратно в чемодан.

— Ты в порядке? — спросил Эдвард через дверь. — Тебе снова плохо?

— И да, и нет, — ответила я, но мой голос звучал приглушенно.

— Белла? Могу я зайти, пожалуйста? — это было сказано с волнением в голосе.

— ОК...

Он вошел и оценил мою позу — я сидела скрестив ноги на полу, рядом с чемоданом, и мое выражение лица, пустое и бросающееся в глаза. Он присел рядом со мной, его рука коснулась моего лба еще раз.

— Что случилось?

— Как много дней прошло со времени нашей свадьбы? — прошептала я.

— Семнадцать — ответил он автоматически. — Белла, что такое?

Я начала считать снова. Я загибала пальцы, заставляя его ждать и повторяя числа про себя. Я была неправа в подсчетах количества дней, которые прошли. Мы были здесь дольше, чем я думала. Я начала считать снова.

— Белла! — прошептал он быстро. — Ты сведешь меня с ума!

Я попыталась сглотнуть. Это не помогло. Поэтому я дотянулась до чемодана и стала рыться там, пока не нашла маленькую голубую коробочку с тампонами. Я достала их в полной тишине.

Он посмотрел на меня в замешательстве. — Что? Ты пытаешься списать недомогание на критические дни?

— Нет, — я умудрилась выдохнуть. — Нет, Эдвард. Я пытаюсь сказать тебе, что мой менструальный цикл должен был начаться пять дней назад.

Выражение его лица не изменилось. Словно я ничего и не говорила вовсе.

— И я не думаю, что у меня пищевое отравление, — добавила я.

Он не ответил. Он словно превратился в статую.

— Сны, — прошептала я сама себе тихо. — Слишком много сплю. Плачу. Вся эта еда. Ох. Ох. Ох.

Взгляд Эдварда казался стеклянным, словно он больше не мог меня видеть.

Рефлекторно, почти случайно, моя рука легла на мой живот.

— Ох! — пискнула я снова.

Я сделал шаг, плавно освобождаясь от безжизненных рук Эдварда. Я никогда не меняла маленькие шелковые шорты и рубашку, которые я одевала в постель. Я отдернула голубую ткань и уставилась на свой живот.

— Невозможно, — прошептала я.

У меня не было абсолютного никакого опыта с беременностью или детьми или какой-то другой частью этого мира, но я не была идиоткой.

Я видела достаточно фильмов и ТВ шоу, чтобы понять, как это бывает. У меня было только пять дней задержки. Даже если я была беременна, мое тело не должно было демонстрировать это. Я не должна была иметь утренних недомоганий. Я не должна была сменить свои привычки в еде и сне.

И я уж точно не должна была иметь небольшую, но реально ощутимую округлость прямо под ребрами.

Я выгнула свое тело в одну сторону, потом в другую, изучая его с каждой стороны, как если бы это могло помочь округлости на животе исчезнуть прямо сейчас. Я положила свои пальцы на небольшую выпуклость, удивляясь как твердо было под моей кожей.

— Невозможно, — повторила я снова, потому что, есть округлость или нет округлости, есть менструация или нет менструации (а здесь точно не было менструации, хотя у меня никогда не было задержки даже на день за всю жизнь), не было никакой возможности для меня быть беременной. Единственным, с кем у меня был секс — это вампир.

Вампир, который все еще сидел на полу словно замороженный, без единого признака, указывающего на то, что он когда-нибудь будет двигаться снова.

Поэтому, здесь должно быть какое-то другое объяснение. Что-то не в порядке со мной. Какое-нибудь странное Южно-Африканское заболевание

с признаками беременности, только ускоренной...

И потом я вспомнила кое-что — то утро когда я искала информацию в Интернете, которое, казалось, было целую жизнь назад. Я сидела за столом в моей комнате в доме Чарли, серый свет пробивался в окно. Уставившись на мой доисторический гудящий компьютер, я жадно читала информацию с веб-сайта «Вампиры от А до Я». Прошло меньше 24 часов с тех пор, как Джейкоб Блэк, пытаясь развлечь меня, рассказывал мне квилетские легенды, в которые еще не верил сам, но согласно которым Эдвард был вампиром. Я с беспокойством пробежала глазами по главной странице сайта, которая была посвящена мифам о вампирах со всей земли. Филиппинский данаг, еврейский Естри, румынские вараколаки, итальянские Стрегони Бенефици (на самом деле легенда была о моем настоящем свекре, ранее сотрудничавшем с Волтури, но конечно, я ничего этого не знала в то время)... Я обращала все меньше и меньше внимания на истории, так как они становились все более и более невероятными. Я помнила только смутные части этих записей. По большей части они выглядели как фантазии, призванные объяснить такие вещи как высокая детская смертность и супружеская неверность.

Нет, милый, я не изменял тебе! Эта сексуальная женщина, которую ты видела убегающей из дома, была дьявольской кровопийцей. Я — счастливиц потому что смог остаться в живых! (Конечно, учитывая то, что я знала сейчас о Тане и ее сестрах, я подозревала, что некоторые из этих случаев могли бы вполне реальным фактом). Как ты можешь обвинять меня в измене, просто потому, что ты возвращаешься домой из двухлетнего путешествия, а я беременна? Это был демон. Он загипнотизировал меня с помощью мистической вампирской силы...

Это была часть описания демонов — талант отца ребенка и беспомощность их жертвы.

Я тряхнула головой, пораженная. Но...

Я подумала об Эсме и, особенно, о Розали. Вампиры не могут иметь детей. Если бы был хотя бы малейший шанс, Розали наверняка использовала бы его. Мифы о демонах были не чем иным, как ложью.

Кроме... ну, здесь была разница. Конечно, Розали не смогла бы забеременеть, потому что она навсегда застыла в том состоянии, в котором она перешла из человеческой жизни в нечеловеческую. Абсолютно не меняясь. Но тело человека может меняться и способно выносить ребенка. Во-первых нужен месячный цикл, и затем более серьезные изменения тела, позволяющие вмещать в себе растущее дитя. Тело Розали не смогло бы измениться.

Но мое тело может. Мое уже изменилось. Я дотронулась до округлости моего живота, которой не было еще вчера.

А мужчины — ну, они практически не меняются в период от половой зрелости и до смерти. Я вспомнила один пустяк, касающийся Чарли Чаплина: ему было семьдесят, когда он стал отцом своего первого ребенка. У мужчин нет определенных лет для зачатия или циклов способности воспроизведения потомства.

Конечно, откуда кому-нибудь знать может ли вампир стать отцом, если их отношения с людьми были невозможны? Какой бы вампир стал бы проверять эту теорию со смертной женщиной? Или эту склонность?

Я могла подумать только об одном.

Часть моей головы была занята обдумыванием фактов, воспоминаний и догадок, когда другая часть — та часть, которая контролировала способность двигать даже самыми маленькими мускулами — была ошеломлена и не способна к нормальным действиям. Я не могла пошевелить губами, хотя я хотела попросить Эдварда объяснить мне, что вообще происходит. Мне нужно было вернуться к тому месту, где он сидел, но мое тело не подчинялось указаниям. Я могла только смотреть в свои потрясенные глаза, отражающиеся в зеркале, а мои пальцы осторожно ощупывали округлость на моем теле.

А потом, как в моем ярком кошмаре вчера ночью, сцена внезапно изменилась. Все что отражалось в зеркале, выглядело абсолютно иначе, хотя ничего конкретно не поменялось.

То, что изменило все — это легкий толчок, который я почувствовала рукой — толчок изнутри моего тела.

В тот же самый момент зазвонил телефон Эдварда, пронзительно и требовательно. Никто из нас не пошевелился. Звонки раздавались снова и снова. Я пыталась абстрагироваться от них, выжидаяще прикладывая пальцы к своему животу. В зеркале мое лицо не казалось больше смущенным — теперь оно было вопрошающим. Я почти не заметила, когда неожиданные слезы в полной тишине стали скатываться по моим щекам.

Телефон продолжал звонить. Я надеялась, Эдвард ответит — мне не хотелось портить замечательный момент. Возможно, самый главный момент в моей жизни.

Звонок! Звонок! Звонок!

Наконец, раздражение пересилило другие чувства. Я опустилась на колени рядом с Эдвардом — заметив, что я стала двигаться с большей осторожностью, в тысячу раз больше следя за каждым своим движением — и похлопывала по его карманам, пока не нашла телефон. Я ожидала, что

вот сейчас он очнется и ответит сам, но он был абсолютно недвижим.

Я узнала номер и без труда догадалась, почему она звонит.

— Привет, Элис, — сказала я. Мой голос звучал не лучше чем раньше. Я прочистила горло.

— Белла? Белла, ты в порядке?

— Да. Ммм. А Карлайл рядом?

— Он рядом. В чем проблема?

— Ну я... не уверена на все сто процентов...

— С Эдвардом все в порядке? — спросила она с беспокойством. Она выкрикнула имя Карлайла, а затем продолжила. — Почему он сам не ответил на звонок? — до того как я успела ответить на ее первый вопрос.

— Я не уверена.

— Белла, что происходит? Я только, что увидела...

— Что ты увидела?

Ответом мне была тишина.

— Карлайл здесь, — наконец ответила она.

Я почувствовала, словно по моим венам заструилась ледяная вода. Если бы Элис видела меня с зеленоглазым, ангелоподобным ребенком на руках, она бы мне это сказала. Правильно?

В то мгновение, что я ждала ответа Карлайла, видение, которое я представила для Элис, окрылило меня. Маленький, красивый малыш, даже еще более прекрасный, чем мальчик в моем сне — малыш Эдвард в моих руках. Тепло заструилось по моим венам, изгоняя холод.

— Белла, это Карлайл. Что случилось?

— Я... — Я не была уверена, как мне ответить. Засмеется ли он, услышав мои соображения, назовет сумасшедшей? Может быть это просто очередной яркий сон? — Я немного волнуюсь за Эдварда... Может ли вампир быть в шоке?

— Он был ранен? — голос Карлайла внезапно стал настойчивее.

— Нет, нет, — я поспешила заверить его. — Просто... Он удивлен.

— Я не понимаю, Белла.

— Я думаю... ну, я думаю... может быть... я могу быть... — я глубоко вздохнула. — Беременной.

Как будто подтверждая это, я снова почувствовала легкий толчок в моем животе.

После долгой паузы, медицинский опыт Карлайла взял верх.

— Когда был первый день твоего последнего менструального цикла?

— За шестнадцать дней до свадьбы. — Я просчитала все в уме уже несколько раз и могла ответить на этот вопрос с уверенностью.

— Как ты себя чувствуешь?

— Странно, — ответила я, и мой голос сорвался. Еще несколько слезинок скатились по моим щекам. — Это звучит неправдоподобно, я знаю. Еще слишком рано для всего такого. Может быть, я просто сошла с ума. Но меня посещают странные сны, и я постоянно ем, и плачу, и мое настроение меняется... и... Я клянусь, что-то двигается внутри меня прямо сейчас.

Голова Эдварда поднялась.

Я вздохнула с облегчением.

Эдвард протянул руку к телефону, его лицо было белым как снег и жестким.

— Ммм... Мне кажется. Эдвард хочет поговорить с вами.

— Да ему трубку, — попросил Карлайл напряженно.

Не до конца уверенная, что Эдвард сможет говорить, я вложила телефон в его руку.

Он поднял телефон к уху. — Это возможно? — прошептал он.

Он долго слушал, глядя в никуда пустыми глазами.

— А Белла? — спросил он. Его рука обвилась вокруг меня, притягивая меня ближе к себе.

Он слушал еще некоторое время и затем сказал:

— Да. Да, я сделаю.

Он убрал трубку и нажал на кнопку «окончание разговора». И сразу же стал набирать новый номер.

— Что сказал Карлайл? — спросила я нетерпеливо.

Эдвард ответил безжизненным голосом.

— Он думает, что ты беременна.

Эти слова теплотой прошлись по моему позвоночнику. Снова легкий толчок внутри меня.

— Куда ты звонишь сейчас? — спросила я, когда он поднес трубку к уху.

— В аэропорт. Мы возвращаемся домой.

Эдвард разговаривал по телефону больше часа без перерыва. Я предположила, что он пытается организовать наш перелет домой, но я не была уверена, так как он не говорил по-английски. Мне казалось, что он спорит с кем-то; он разговаривал сквозь зубы.

Разговаривая по телефону, он начал паковать наши вещи. Он перемещался по комнате как небольшое злобное торнадо, оставляя вместо разрушений идеальный порядок. Он кинул на кровать стопку моей одежды, даже не взглянув на нее, так что я решила, что пришло время одеваться. Он

продолжал свой телефонный разговор.

Когда я больше не могла выносить его бьющую через край энергию, я покинула комнату. Его безумная концентрированность вызвала боль в моем животе — не такую, как утренняя болезнь, просто мне стало некомфортно. Я подожду где-нибудь в другом месте, пока это его настроение пройдет. Разговаривать с этим холодным, сосредоточенным Эдвардом я не могла, честно говоря, он немного пугал меня.

Как обычно, я оказалась в кухне. В буфете я нашла пакет печенья. Рассеянно я стала жевать их, разглядывая через окно песок и скалы, деревья и океан — все блестело на солнце.

Кто-то толкнул меня.

— Я знаю, — сказала я. — Я тоже не хочу уезжать.

Я смотрела в окно еще мгновение, но толчок не повторился.

— Не понимаю, — прошептала я. — Что здесь не так?

Удивительно, без сомнения. Даже ошеломительно. Но неправильно?

Нет.

Так почему Эдвард в такой ярости? Ведь он сам настаивал на свадьбе.

Я не могла понять причину его поведения.

Может быть, желание Эдварда попасть домой прямо сейчас не было таким уж неправильным. Он хочет, чтобы Карлайл осмотрел меня и убедился, что мои заключения верны — хотя в моей голове не было никаких сомнений, касательно этого факта. Может быть, они хотят понять, почему я уже настолько беременна, с округлым животом, толчками и всем остальным. Это было не нормально.

Как только я подумала об этом, я была уверена, что поняла все правильно. Он, должно быть, беспокоиться за ребенка. Я просто еще не разобралась во всем, чтобы начать беспокоиться. Мой мозг работал медленнее, чем его мозг — я все еще была потрясена картиной, которую вообразила себе раньше: маленький ребенок с глазами Эдварда — зелеными, такими, какими они были, когда он был человеком — лежал спокойно и красиво на моих руках. Я надеялась, он унаследует все черты Эдварда, без какого-либо моего вмешательства.

Было забавно, как резко это видение стало для меня необходимым. От этого первого маленького касания, весь мой мир переменялся. Там, где раньше была только одна вещь, без которой я не могла жить, появилась другая. Не было никакого противоречия — моя любовь не была разделена между ними; это было совсем не так. Это выглядело так, как если бы мое сердце росло, становясь больше в два раза в этот самый момент. Все это появившееся в сердце пространство было уже заполнено. Я почти

чувствовала головокружение.

Я никогда раньше в действительности не понимала боль и обиду Розали. Я не когда не представляла себя матерью, никогда не хотела этого. Было легко пообещать Эдварду и убедить его, что я не волнуюсь о детях, потому что это так и было. Дети как таковые никогда не были важны для меня. Они казались просто громкими существами. Мне никогда не приходилось много нянчиться с ними. Когда я мечтала, что Рене подарит мне брата, я всегда представляла себе старшего брата. Кого-нибудь, кто будет заботиться обо мне, а не наоборот.

Этот ребенок, ребенок Эдварда, был абсолютно другим.

Он был нужен мне как воздух. И не потому, что выбора не оставалось.

Может быть, у меня было просто плохое воображение. Может быть, поэтому я не могла представить себя замужем, до тех самых пор, пока действительно не вышла замуж, не могла представить, как сильно я буду хотеть ребенка, пока на самом деле не забеременела...

Когда я положила руку на живот, ожидая еще одного толчка, слезы потекли по моим щекам снова.

— Белла?

Я повернулась, взволнованная тоном его голоса. Он был чересчур холодный, чересчур осторожный. Его лицо соответствовало голосу, пустое и жестокое.

А потом он увидел, что я плачу.

— Белла! — Он пересек комнату в мгновение и взял мое лицо в ладони. — Тебе больно?

— Нет, нет...

Он притянул меня к своей груди.

— Не бойся. Мы будем дома всего через шестнадцать часов. Ты будешь в порядке. Карлайл позаботится об этом, и ты будешь в порядке, ты будешь в порядке.

— Позаботиться об этом? Что ты имеешь в виду?

Он отстранился и посмотрел мне в глаза.

— Мы вытащим это, до того, как оно сможет причинить тебе боль. Не бойся. Я не позволю этому ранить тебя.

— Это? — выдохнула я, открыв рот.

Он недовольно посмотрел мимо меня на дверь.

— Черт возьми! Я забыл, что Густаво должен был прийти сегодня. Я избавлюсь от него и тут же вернусь. — И он покинул комнату.

Я облокотилась на подоконник, ища помощи. Мои колени дрожали.

Эдвард только что назвал маленького драчуна внутри меня вещью. Он

сказал, Карлайл вытащит его из меня.

— Нет, — прошептала я.

Я была неправа раньше. Он вовсе не волнуется о ребенке. Он хочет причинить ему боль. Красивая картинка в моем воображении мгновенно сменилась на что-то темное. Мой прекрасный ребенок плачет, мои слабые руки не могут защитить его...

Что мне делать? Смогу ли я договориться с ними? Что если нет? Не объясняет ли это странную тишину в разговоре с Элис? Это то, что она видела? Эдвард и Карлайл, убивающие моего маленького идеального малыша, до того, как он сможет жить?

— Нет, — пробормотала я снова, мой голос стал сильнее. Это не будет. Я не допущу этого.

Я слышала, что Эдвард снова говорит по-португальски. И снова ругается. Его голос стал ближе, и я услышала, как он фыркнул от раздражения. А потом я услышала другой голос, низкий и робкий. Голос женщины.

Он вошел в кухню опередив её и направился ко мне. Он вытер слезы с моих щек и, едва двигая губами, пробормотал прямо мне в ухо:

— Она настаивает на том, чтобы оставить продукты, которые принесла — хочет приготовить нам обед. — Если бы он был чуть менее напряжен, менее взбешен, я знала, он бы закатил глаза. — Но это просто причина — она хочет убедиться, что я еще не убил тебя. — под конец его тон стал совсем ледяным.

Кауре нервно стояла в углу, держа посуду в руках. Хотела бы я говорить по-португальски или чтобы мой испанский был чуточку лучше. Тогда я смогла поблагодарить эту женщину, которая вызывает на себя гнев вампира, только чтобы убедиться, что я в порядке.

Ее глаза метались между нами. Я видела, что она оценивает цвет моей кожи, влажность моих глаз. Пробормотав что-то, что я не смогла понять, она поставила посуду на стол. Эдвард резко сказал ей что-то; я никогда еще не слышала, чтобы он вел себя так грубо. Она повернулась, чтобы уйти и легкое колыхание ее длинной юбки донесло до меня запах еды. Он был очень сильным — лук и рыба. Я закрыла рот и бросилась к раковине. Я чувствовала руки Эдварда на моем лбу, слышала его тихое бормотание, которым он пытался успокоить меня. Его руки исчезли на мгновение, и я услышала звук закрывающегося холодильника. К счастью, вместе с этим хлопком исчез и запах, а холодные руки Эдварда прикоснулись к моему разгоряченному лицу. Все закончилось очень быстро.

Я ополоснул свой рот, пока он нежно гладил мою щеку.

Я снова почувствовала маленький толчок внутри.

Все в порядке. Мы в порядке, обратилась я к своему животу.

Эдвард развернул меня и обнял. Я положила голову ему на плечо. Мои руки, инстинктивно, накрыли мой живот.

Я услышала легкий вздох и оглянулась.

Женщина все еще была здесь, неуверенно стоя в дверях и протягивая руки, словно она хотела как-нибудь помочь. Ее глаза, не отрываясь, смотрели на мои руки, выдавая потрясение. Ее рот был широко открыт.

Эдвард вздохнул тоже и он резко повернулся к женщине, заслоняя меня своим телом. Его рука обвилась вокруг меня, как если бы он нес меня на спине.

Внезапно Кауре начала кричать на него — громко, яростно, ее непонятные слова как ножи летали по комнате.

Она подняла свой маленький кулак и, тряся им в воздухе, сделала два шага вперед. Несмотря на ее ярость, было легко увидеть страх в ее глазах.

Эдвард тоже пошел к ней навстречу, и я схватила его за руку, опасаясь за женщину. Но когда он прервал ее тираду, его голос застал меня врасплох, учитывая, как грубо он звучал тогда, когда она не кричала на него. Сейчас голос был подавленный, он словно оправдывался. Не только это, но даже само звучание было другим, более гортанным, без всяких эмоций. Я не думала, что он все еще говорит по-португальски.

На мгновение женщина уставилась на него в изумлении, а затем ее глаза сузились, и она начала долго говорить что-то на том же самом дьявольском языке.

Я видела, что его лицо стало грустным и серьезным, он кивнул один раз. Она сделала несколько шагов назад.

Он подошел к ней вплотную, жестами указывая на меня, а затем положил свою ладонь на мою щеку. Она снова начала говорить с ним злобно, обвиняюще махая руками в его направлении и жестикулируя. Когда она замолчала, он снова умоляюще сказал что-то тем же низким, настойчивым голосом.

Выражение ее лица изменилось — она пристально смотрела на него, и сомнение было написано на ее лице, пока он говорил, ее глаза изучали мое смущенное лицо. Он перестал говорить, и было ясно, что она обдумывает что-то. Она посмотрела на нас, а затем, словно бессознательно, шагнула вперед.

Руками она описала круг вокруг своего живота. Я уставилась на нее — неужели ее легенды о хищных кровопийцах не исключают этого? Может быть, она знает что-то о том, кто растет сейчас внутри меня?

Она сделала еще несколько шагов вперед, уже более уверенно, и задала несколько вопросов, на которые он терпеливо ответил. Затем он задал всего один вопрос. Она сомневалась, но затем медленно покачала головой. Когда он заговорил снова, его голос звучал так отчаянно, что я шокировано уставилась на него. Его лицо было искажено болью.

Вместо ответа, она медленно приближалась, пока не была достаточно близко, чтобы положить свою маленькую руку на мою, лежащую поверх живота. Она сказала всего одно слово по-португальски.

— Morte, — прошептала она тихо. Затем повернулась, ее плечи опустились, словно этот разговор состарил ее, и покинула комнату.

Я достаточно знала испанский, чтобы понять это слово.

Эдвард замер снова, пристально смотря ей вслед все с тем же мучительным выражением на лице. Несколько секунд спустя я услышала шум лодки и весел, а потом они были уже далеко.

Эдвард не двигался, пока я не собралась в ванную. Он тут же схватил меня за плечи.

— Куда ты идешь? — прошептал он с болью в голосе.

— Снова чистить мои зубы.

— Не волнуйся о том, что она сказала. Это просто легенды, старые рассказы для развлечения.

— Я не поняла ничего, — сказала я, хотя это было не совсем правдой. Как будто я могла не учитывать что-то, только потому, что это была просто легенда. Моя жизнь была окружена легендами со всех сторон. И все они были правдой.

— Я запаковал твою зубную щетку. Сейчас достану ее.

Он прошел в ванну вперед меня.

— Как скоро мы уезжаем? — спросила я.

— Как только ты закончишь.

Он ждал меня, чтобы снова запаковать щетку. Я вручила ее ему, как только почистила зубы.

— Я отнесу сумки в лодку.

— Эдвард...

Он обернулся.

— Да?

Я медлила, пытаюсь придумать что-то, чтобы побыть несколько секунд в одиночестве.

— Не мог бы ты... взять какой-нибудь еды? Ну, знаешь, в случае, если я снова почувствую голод.

— Конечно, — сказал он и его глаза посмотрели на меня с

нежностью. — Не волнуйся ни о чем. Мы будем у Карлайла, всего через несколько часов. Все это закончится очень скоро.

Я кивнула головой, не доверяя своему голосу.

Он развернулся и покинул комнату, неся по огромному чемодану в руке.

Я бросилась к телефону, который он оставил на подоконнике. Это было так не похоже на него, забывчивость — забыть, что Густаво должен прийти, оставить здесь свой телефон. Он был так напряжен, что перестал быть похожим сам на себя.

Я с щелчком раскрыла телефон и начала искать номер. Я была так рада, что он выключил звук, испугавшись, что он может потревожить меня. Он все еще в лодке? Или уже вернулся? Услышит ли он, если я тихонько поговорю на кухне?

Наконец я нашла номер, который был мне нужен. Номер, по которому я не звонила еще никогда в жизни. Я нажала кнопку вызова и скрестила пальцы.

— Алло? — ответил мне голос похожий на перезвон золотых колокольчиков на ветру.

— Розали? — пошептала я. — Это Белла. Ты должна помочь мне.

Книга 2. Джейкоб

Пролог

Жизнь — дерьмо, и все мы сдохнем.

Да, и я именно один из таких счастливичков.

Глава 8

В ожидании боя

— Черт подери, Пол, у тебя что, нет собственного дома?

Пол, развалившись на моей кушетке, смотря какую-то идиотскую бейсбольную игру по моему дрянному телевизору, только лишь ухмыльнулся мне, и затем — очень медленно — вытащил один Дорито^[2] из пакета, лежащего у него на коленях, и целиком запихнул его себе в рот.

— Тебе было бы лучше взять это с собой.

Хруст.

— Нет, — сказал он, все еще жуя. — Твоя сестра сказала мне, что бы я шел и взял все, что захочу.

Я попытался сделать, что бы мой голос звучал так, будто эта новость ничуть не удивила меня.

— Разве сейчас Рейчел здесь?

Не сработало. Он слышал о том, куда я уходил, и показал на пакет, стоящий у него за спиной. Он смял пакет и размазал содержимое по подушке. Чипсы превратились в грудку мелких крошек. Пол уже сжал руки в кулаки и держал их напротив своего лица, будто боксер.

— Сделай это, щенок! Мне не нужна Рейчел, чтобы защитить себя!

Я фыркнул.

— Конечно, будто бы ты не побежишь плакаться ей в жилетку при первой же возможности.

Он рассмеялся и полностью расслабился, разбросив свои руки на моей софе.

— Я не побегу ябедничать на тебя девчонке. Так что, если ты хорошенько двинешь мне — это будет только между мной и тобой. И наоборот, хорошо?

Как мило с его стороны — сделать такое предложение. Я дал своему телу расслабиться, будто я поддался его уговорам.

— Хорошо.

Его взгляд переметнулся к телевизору.

Резким движением я нанес ему удар.

Его нос соответствующе хрустнул, как только я двинул ему. Он попытался схватить меня, но я ловко увернулся из его лап, держа пакет, уже с крошками от чипсов, в своей левой руке.

— Ты сломал мне нос, идиот!

— Только между нами, помнишь, Пол?

Я отвернулся, чтобы положить чипсы. Когда я повернулся, он дергал свой нос, в попытках вернуть его в нужное положение до того, как он успеет срастись. Кровотечение уже почти остановилось; все выглядело так, будто бы и не было никакой причины того, что струйка крови стекала по его губам и подбородку. Он крепко выругался несколько раз, пока дергал за хрящ.

— Джейкоб, ты такой чувствительный! Я клянусь, я бы лучше провел это время с Леей.

— Вау! Бьюсь об заклад, что ей бы понравилось услышать об этом. Эта мысль согрела бы ей сердце.

— Забудь, что я сказал тебе об этом.

— Конечно-конечно. Я уверен эта мысль не появится в моей голове случайно.^[3]

— Ох, — пробормотал он. А затем вернулся на кушетку, вытерев кровь воротником своей майки.

Сказав это, он вернулся к просмотру игры.

Я простоял там еще пару секунд, а затем я вышел вон из своей комнаты, ворча о чужеродном вмешательстве.

Было приятно мысленно возвратиться в те дни, когда спровоцировать Пола на драку было легче простого. Тогда даже не надо было дотрагиваться и пальцем до него — любое мелкое замечание в его адрес, тот час же выводило его из себя. Конечно, по закону подлости, именно сейчас, когда я действительно хотел устроить заварушку и хорошенько подраться с ним — он вдруг утихомирился.

По-моему, это уже было слишком — еще у одного из членов нашей стаи случилось запечатление — это случилось уже с четырьмя оборотнями из десяти. Когда же это прекратится? В дурацком мифе полагалось, что это слишком редкое явление, чтобы быть таким частым. Вся эта принудительная любовь с первого взгляда была всецело омерзительной.

Почему это должна быть именно моя сестра? Почему это должен быть именно Пол?

Когда Рейчел приехала из Вашингтона в конце учебного года — досрочно получившая степень заучка — главной проблемой было то, как хранить нашу тайну в секрете от нее. Я не был приучен к тому, что бы иметь какие-то секреты от других членов своей семьи. Соккрытие этой тайны от тех, кому не дозволено было знать о ней, наполняло меня сочувствием к Эмбри и Колину, чьи родители не знали, что их сыновья — оборотни. Мать Эмбри была уверена, что ее сын просто тяжело переживает

этап переходного возраста. Эмбри старался выбираться из дома незамеченным, но ему это плохо удавалось. Каждую ночь его мать проверяла его комнату, и каждую ночь находила ее пустой. Она кричала на него — он молчал. И ему приходилось проходить через это снова и снова. Мы хотели поговорить с Сэмом, чтобы он сделал исключение для Эмбри и дал разрешение на то, что бы его мать узнала секрет, но Эмбри уверял нас, чтобы мы не беспокоились об этом — секрет гораздо важнее.

Так что, я был почти полностью подготовлен к тому, чтобы держать секрет в тайне. И вот, спустя два дня, как Рейчел приехала в резервацию, Пол столкнулся с ней на пляже. Бада-бим, бада-бум — истинная любовь. Никакие секреты не нужны, когда ты находишь свою настоящую половинку... И всякая подобная дрянь, связанная с запечатлением оборотня.

Рейчел узнала всю историю, а я получил нового родственника, в лице Пола. Я знал, Билли лучше переносил произошедшее чем я. Конечно, он стал чаще убегать к Клируотерам, особенно в последние дни. Но от этого становилось ничуть не легче. Нет Пола, но зато слишком много Леи.

Тут я подумал — интересно, пуля, которая прострелит мою голову насквозь, пройдя через мой висок убьет меня, или всего лишь оставит немного крови, которую можно с легкостью стереть?

Я рухнул на кровать. Я слишком устал, потому что не спал со времени своего последнего патруля, но я знал, что не собирался спать. Мой мозг был слишком возбужден. Мысли роились в моей голове, словно рой бешенных пчел. Такое впечатление, будто я слышал, как они сталкиваются друг с другом о стенки моего черепа. Нет не пчелы, скорее шершни. Пчелы погибают сразу после того, как ужалят кого-нибудь. Эти же мысли жалили меня снова и снова.

Это ожидание сводило меня с ума. Прошло уже почти четыре недели. Я ждал, так или иначе, что какие-нибудь новости должны были появиться со дня на день. Я не спал по ночам, мое воображение постоянно рисовало картины о том, какой оборот могли принять эти новости.

Чарли страдает, сидя у телефона, боясь за то, что с Беллой и ее новоиспеченным мужем мог случиться несчастный случай. Авиакатастрофа? Сфабриковать такое было бы довольно сложно. Разве только кровопийцы не решили убить кучу невинных людей. Может, крушение частного самолета? У них наверняка найдется такой про запас.

Вернется ли убийца домой один, если его попытка сделать ее одной из них не удастся? Или даже зайдет еще дальше? Сломит ее одним движением, как тростинку, при попытках достижения нечто большего?

Потому что ее жизнь была ничем для него, в сравнении с собственным удовольствием...

История может быть весь трагичной — смерть Беллы в ужасной катастрофе. Жертва уличного нападения. Смерть от удушья во время обеда. Смерть в автокатастрофе, также как погибла и моя мать. Это все так банально. Случается каждый день.

Привезет ли он ее домой? Похоронит ли ради Чарли? В закрытом гробу, конечно же. Гроб моей матери был забит гвоздями...

Я могу только надеяться, что он привезет ее в целости и сохранности, напротив моим убеждениям.

Может ничего и не случится. Просто Чарли позвонит моему отцу, чтобы узнать не слышал ли тот что-нибудь о Карлайле, который почему-то вдруг не вышел на работу сегодняшним днем. Дом полностью пуст. Никто из Калленов не отвечает на телефонные звонки. Тайна раскрыта какой-то второсортной ТВ программой...

Может, дом Калленов сгорит дотла и все якобы погибнут в пожаре. Конечно для этого им понадобятся тела. Восемь человеческих тел, подходящих по размеру и другим внешним параметрам. Обгоревшие без возможности опознания, даже с помощью идентификации по зубам...

Всё из этого было бы только трюком — для меня, конечно же. Будет сложно найти их, только если они сами не захотят чтобы их нашли. Конечно, я бы искал их вечно. Когда у тебя есть вечность, ты можешь просмотреть каждую соломинку в стоге сена, одну за другой, пока не найдешь иголку.

Сейчас я не думал о разборе стога. Надо было что-то делать уже сейчас. Мне была ненавистна мысль о том, что упустил свой шанс. Я дал кровососам время сбежать, если таков их план.

Мы можем пойти сегодня ночью. Пойти, и убить каждого из них, кого мы сможем найти.

Мне нравился этот план, нравился потому, что я знал Эдварда достаточно хорошо для того чтобы понять, что если я убью кого-нибудь из его вампирской шайки, то мне представится шанс покончить и с ним тоже. Он бы пришел взять реванш, отомстить за них. И я бы дал ему реванш. Я бы не позволил своим братьям разодрать его в клочья. Это был бы только наш бой — мой и его. И победил бы лучший из нас.

Но Сэм даже не хотел слышать об этом. Мы не собираемся нарушать соглашение. Позволь им нарушить его первым. У нас не было доказательств, что Каллены уже сделали что-то не так. Пока что. Пока что — потому что мы все знали, что нарушение неизбежно. Белла либо

вернется уже одной из них, либо не вернется вовсе. В любом случае, одна человеческая жизнь будет потеряна. А это значит — нарушение.

Из другой комнаты донесся лошадиный смех Пола. Может быть, он смотрел комедию. Либо по ТВ крутили смешную рекламу. Все равно. Но это действовало мне на нервы.

Я подумал о том, чтобы опять сломать ему нос. Но это был уже не тот Пол, с которым бы мне хотелось устроить потасовку. Не тот...

Я старался вслушиваться в другие звуки, в шелест листьев, колыхаемых ветром, например. Это было по-другому, не так, как для человеческих ушей. Я мог слышать тысячи мелодий ветра, которые я не мог слышать, будучи обычным человеком.

Но эти уши были слишком чувствительны. Я мог слышать не только это, но и много дальше. Шум дороги, машин проносящихся по ней в сторону моря, а затем, шум океана, шум волн, разбивающихся о скалы. Копам из Ла Пуш нравилось околачиваться там. Туристам никогда не приходило в голову снижать скорость на том отрезке дороги.

Я мог слышать голоса, доносящиеся до меня из сувенирной лавки на пляже. Я мог слышать, как мать Эмбри работала на кассе и распечатывала чек.

Я мог слышать звуки прилива, вскрики детей от холодной воды, которая омывала им ноги с каждой новой волной. Я мог слышать недовольство их мам, тем, что у них промокла одежда. Я мог услышать знакомый голос...

Я вслушивался так внимательно, что смех Пола, раздавшийся у меня над ухом, заставил меня подскочить от неожиданности.

— Убирайся из моего дома, — прорычал я.

Зная, что он не обратит ни малейшего внимания на мой совет, я последовал ему сам. Резким рывком я открыл окно и выбрался наружу, чтобы больше не видеть Пола. Это было слишком заманчиво. Я знал, что ударю Пола опять и Рейчел будет очень недовольна, когда увидит кровь на его рубашке. И она будет винить меня, даже не имея на то доказательств. Конечно, она будет права, но...

Я направился к берегу. Мои руки, находящиеся в карманах, были сжаты в кулаки. Никто даже не взглянул на меня, пока я шел к Первому Пляжу. В том, что было лето, имелся один хороший момент — никого вокруг не волновало, что на тебе не одето ничего, кроме шорт.

Я следовал за знакомым голосом, который я слышал, и довольно-таки легко нашел Квила. Он был на южной стороне полумесяца,^[4] сторонясь наибольшей части толпы туристов. Он извергал бесконечный поток

предостережений.

— Держись подальше от воды, Клэр! Ну же! Нет, нельзя! Ох! Здорово, малышка. Ты что, хочешь чтобы Эмили наорала на меня? Я не возьму тебя на пляж в следующий раз, если ты не... О, серьезно? Не — ох... Ты думаешь, что это весело, да? Ха-ха. Ну и кто же теперь посмеется?

Он щекотал малышку за лодыжку, когда я догнал их. В одной руке у нее была лопаточка, а штаны были насквозь мокрые. Ни майке Квила остался отпечаток — большое влажное пятно.

— Ставлю пять баксов на малышку! — сказал я.

— Эй, Джейк, привет!

Клэр взвизгнула и швырнула свою лопаточку на колени Квилу.

— Пусти, пусти!

Он аккуратно поставил ее на ноги. Она метнулась ко мне и обняла меня за ногу.

— Унса, Джей!

— Как делишки Клэр?

Она захихикала.

— Квил мокрый.

— Я вижу это. А где твоя мама?

— Ушла, ушла, ушла! — сказала Клэр, напевая. — Клэл с Квиллом цеееееелый дееень. Клэл не пойдет домоооой.

Она отцепилась от меня и побежала к Квилу. Он поднял ее и усадил себе на плечи.

— Звучит так, словно кто-то срубил два бакса.

— Три вообще-то. Ты пропустил вечеринку. Тема вечеринки — Принцессы. Они напялили корону на меня, а потом Эмили пришла в голову прекрасная идея — попробовать на мне новые виды макияжа.

— О, я так сожалею, что не видел этого.

— Не волнуйся, Эмили успела все заснять. Я выглядел настоящей красоткой.

— Ты такой лопух!

Он пожал плечами.

— Клэр было весело, а это главное.

Я вытаращил на него глаза. Да уж, это нелегко — находится в обществе людей, пораженных впечатлением. Не важно, кем они приходились своей половинке — нежно-любящим женихом, как Сэм, или же чрезмерно заботливой нянькой, как Квил — умиротворенность и уверенность, которую они всегда излучали, была просто тошнотворной.

Клэр взвизгнула и начала показывать пальцем в сторону земли.

— Клясивый камуфек, Квил! Мне, мне!

— Какой, крошка? Красный?

— Не клясный!

Квил опустил на колени — Клэр визжала и дергала его за волосы, будто за вожжи.

— Этот синий?

— Нет, нет, нет, нет, нет... — распевала девчонка, видимо увлеченная новой игрой.

Самым жутким было то, что это нравилось Квилу ровно настолько, насколько это нравилось ей. Вы никогда не видели даже родителей ребенка, которые были бы также увлечены очередной глупой детской игрой, которую придумал их карапуз. Я видел Квила, которой на протяжении нескольких часов играл с ней в «кукушку», и при этом, ему ни капли не наскучила эта глупость.

Я не мог разделить его радость в этом — я слишком завидовал ему.

С другой стороны, ему придется ждать еще четырнадцать лет, пока Клэр станет его одногодкой. Но была еще одна особенность — оборотни не стареют. И тем более, все выглядело так, будто это ожидание его нисколько не удручает.

— Квил, ты когда-нибудь думал о свиданиях? — спросил я.

— Этот?

— Нееееет, не зёлтый!!!

— Ну, ты понимаешь. Настоящая девушка. Я имею ввиду для настоящего момента. В свободное, от твоих нянчеств с малышкой... — продолжал я.

Он выпучил глаза, и смотрел на меня, разинув рот.

— Камуфек, камуфек! — кричала Клэр, стуча своей ладошкой по его голове.

— Прости, медвежонок. Как насчет этого фиолетового?

— Нет, — захихикала она. — Не фиолетовый!

— Ох, прошу, дай мне подсказку!

— Зелееееный — в конце концов, сказала она.

Он смотрел на камни, изучая их. Наконец он выбрал четыре — все разных оттенков зеленого.

— Он есть среди них?

— Дяяяяяяяяяяяя!

— Который?

— Всеееееееее!

Он аккуратно положил маленькие камушки в ее ладошки. Она

засмеялась, а затем, неожиданно, ударила его ими по голове. Он наигранно вздрогнул, а затем, видимо обеспокоенный ее мокрыми ногами, поставил ее на свою, и стал ходить туда-сюда, стараясь согреть ее. Хуже, чем сверхзаботливая мамаша, у которой развилась последняя стадия паранойи.

— Прости, что я был слишком навязчивым со своей идеей насчет другой девушки.

— Нет, это круто! — сказал Квил. — Хотя, я должен признать, меня удивило это. Я никогда не задумывался об этом.

— Я думаю, она бы поняла, когда подросла бы. Ведь нет ничего в том, чтобы у тебя была личная жизнь, пока она не доросла...

— Да, я понимаю. Я уверен, она бы поняла.

Он не сказал что-либо еще.

— Но тебе не хочется, так ведь? — угадал я.

— Я просто... — он говорил медленно. — Я не могу даже представить себе это. Я не вижу других, остальных девушек...

— Прибавь к этому корону и макияж, и у Клэр появится другой повод для беспокойства.

Квил рассмеялся. Сквозь смех он выдавил из себя:

— Джейк, ты свободен в эту пятницу?

— Ты угадал, — сказал я, а затем скорчил рожу.

Он задумался на секунду и спросил:

— А ты, ты когда-нибудь задумывался о свиданиях?

Я вздохнул. И зачем я полез откровенничать...

— Ну, Джейк, понимаешь, может тебе стоит задуматься о нормальной жизни?

Он говорил совершенно серьезно, а его голос был полон сочувствия. От этого стало только хуже.

— Понимаешь, я не вижу других, остальных девушек, она затмила всех... — ответил я.

Тут вздохнул и он.

Вдалеке, слишком тихо для человеческих ушей, но достаточно слышно для наших, донесся протяжный вой.

— Вот черт, это Сэм, — сказал Квил, его рука потянулась к малышке, будто он проверял на месте ли она. — Я не знаю, где ее мама.

— Все с тобой ясно. Если ты будешь нужен — я дам тебе знать, — сказал я так быстро, будто это было скороговоркой. — А почему бы тебе не оставить ее у Клируотеров? Сью и Билли могут приглядеть за ней. Они все равно в курсе всех дел.

— О'кей, встретимся на месте, Джейк!

Я побежал, не через поселок, а к ближайшей линии леса. Как только я достигнул леса, я ринулся бежать, что есть сил, продирая себе путь сквозь колючие кустарники. Я чувствовал покалывания, каждый раз, как только очередная колючка впивалась мне в кожу, но я игнорировал это. Все заживет еще до того, как я доберусь до места.

Пробравшись сквозь лес, я ринулся бежать по голой возвышенности. Кто-то просигналил мне. Момент, и я опять бежал в безопасности, в тени деревьев. Люди бы пялились на меня, если бы я бежал по открытой местности. Нормальные люди не могут бежать так быстро. Иногда я думал, что было бы неплохо поучаствовать в соревнованиях, что-то вроде Олимпийских игр. Хотелось бы посмотреть на лица атлетов-медалистов, в тот момент, когда они осознали бы, что я обставил их всех. Единственное — вряд ли я бы прошел тесты на допинг, если вспомнить хотя бы о температуре моего тела...

Как только я достиг настоящего леса, и мне перестали то и дело попадаться дороги и дома, я остановился и стянул свои шорты. Умелым движением я скрутил их и привязал к своей лодыжке. Как только я закончил завязывать узел — я начал превращение. Обжигающее пламя разлилось по моему позвоночнику, посылая огненные спазмы в руки и ноги. Это заняло не более секунды. Тепло разлилось по всему телу. Тяжелые лапы касались земли, и я, большими прыжками пересекал лес.

Превращение стало легким для меня, как только я научился контролировать в себе это начало. Это больше не составляла для меня труда. За исключением тех случаев, когда контролировать себя было слишком сложно.

На секунду я вспомнил о случившемся на свадьбе, тогда я чуть было потерял контроль. Меня обуздала ярость и я горел желанием превратится и убить этого монстра. Я был настолько сбит с толку. Я был готов умереть, но убить его. Но боялся ранить ее. Друзья стояли у меня на пути. Тогда я был по-настоящему готов сделать это, наплевав на все приказы вожака нашей стаи. Нарушить приказ Альфы.^[5] Если бы той ночью там не было Сэма, если бы там находились только Квил и Эмбри, был бы я способен прикончить этого убийцу?

Я ненавидел, когда Сэм давал такие приказы. Я ненавидел ощущение того, что у меня нет другого выбора. Я ненавидел подчиняться.

В тот момент я осознал, что был не один. Я не был наедине со своими мыслями.

— Ты всегда настолько поглощен своими эмоциями, — подумала Леа.

— Зато никакого притворства, Леа! — ответил я ей.

— Завязывайте с этим, ребята! — сказал нам Сэм.

Наступила тишина. Я почувствовал, как Леа содрогнулась, когда Сэм произнес «ребята». Раздраженно, как всегда.

Тишину нарушил Сэм:

— Где Квил и Джаред?

— Квил отводит Клэр к Клируотерам.

— Хорошо. Сюю приглядит за ней.

— Джаред пошел к Ким, — подумал Эмбри. — Хорошо, что он не слышал тебя.

Среди стаи раздалось громкое ворчание. Я простонал вместе со всеми. Когда Джаред появлялся, вне зависимости от ситуации — он постоянно думал о Ким. И никто даже не хотел вспоминать о чем были эти мысли, вплоть до настоящего момента.

Сэм встал на задние лапы и издал еще один протяжный вой.

Это был и сигнал, и приказ одновременно.

Стая находилась в нескольких милях на восток, от того места, где находился я. Я вприпрыжку бежал к ним, сквозь густую чащу леса. Леа, Эмбри и Пол, все они находились в той стороне. Леа была ближе всех — я мог слышать ее шаги, она была совсем недалеко, возможно скрывалась за ближайшими деревьями.

Мы бежали параллельно друг другу, вдоль одной линии, решив не бежать вместе, не пересекаться.

— Мы не можем ждать его целый день. Он все равно догонит нас позже.

— Что такое, босс? — поинтересовался Пол.

— Мы должны поговорить. Что-то произошло.

Я чувствовал, что мысли Сэма были обращены ко мне, — и не только Сэма, но и Сэта, Коллина и Брэди. Коллин и Брэди — недавнее пополнение нашей стаи — сегодня патрулировали территорию вместе с Сэмом, так что они знали обо всем, о чем знал он. Я знал, что Сэт тоже был там, и он тоже знал, то, чего еще не знал я.

— Сэт, расскажи им о том, что ты слышал.

Я заторопился, чтобы быть там, вместе с ними. Я слышал, что Леа тоже прибавила скорость. Она ненавидела, чтобы ее опережали. Быть быстрее всех — ее главное желание.

— Только попробуй, болван! — прошипела она и побежала быстрее. Земля под моими лапами разлеталась в разные стороны — я метнулся вслед за ней.

Видимо у Сэма было не то настроение, чтобы, как обычно, смириться

с тем, что мы опять вздорим.

— Джейк, Леа, остыньте!

Никто из нас не сбавил скорость. Сэм прорычал, но оставил все как есть.

— Сэт?

— Чарли обзванивал всех, пока не нашел Билли у нас дома.

— Да, я разговаривал с ним, — добавил Пол.

Я почувствовал как екнуло сердце стоило Сэту произнести имя Чарли. Это было то самое. Мучительное ожидание кончено. Я побежал настолько быстро, насколько мог. Я не успевал нормально дышать.

Какой же будет история?

— Чарли был вне себя. Белла и Эдвард вернулись домой на прошлой неделе, и...

Она была жива. Жива, не мертва! Пока что...

Я даже не представлял, какое потрясение мне принесут новости о том, что она жива. Ведь все это время я пытался думать о ней, как о мертвой. Я не верил, что что-то может вернуть ее. Но я не слишком радовался этой новости, я знал, что последует за этим.

— Да, брат, но есть и плохие новости. Чарли говорил с ней и ему не понравился её голос. Она сказала ему, что заболела. Карлайл перехватил трубку и сказал, что она подцепила какой-то редкий вирус, пока они были в Южной Америке. Сказал, что она на карантине. Чарли был в бешенстве оттого, что ему не дозволено навестить ее. Чарли кричал, что его не волнует, если он заразится, но Карлайл был непреклонен. Никаких посетителей. Он сказал, что все слишком серьезно, но он делает все, что может. Чарли был очень взволнован, и вот, наконец-то дозвонился до Билли. Он сказал, что ей еще хуже.

Когда Сэт закончил наступила гробовая тишина. Нам все стало понятно.

Судя по словам Чарли, она умирала от этого вируса. Позволят ли они ему увидеться с ней в последний раз? Позволят ли дотронуться ему до белоснежной прохладной кожи ее тела. Они не позволят это ему. Они не допустят ее к нему, пока она не научится полностью владеть собой. Пока она не сможет устоять перед соблазном убить его и других невинных. Но сколько это займет?

Они похоронят ее, а затем вернутся и выкопают ее из-под земли?

Все остальные слушали мои мысли в тишине. Я вкладывал в это больше, чем любой из них.

Леа достигла поляны почти в одно время со мной. Когда я подошел,

она уже стояла за спиной своего брата. Сэм стоял правее от них. Пол не мог найти себе места, и постоянно ходил взад-вперед.

— Опять обставила, — подумала Леа, но я словно не слышал ее.

— И чего же мы ждем? — спросил я.

Все молчали, но я чувствовал, что они колебались.

— Ну же?! Они нарушили договор!

— У нас нет доказательств, возможно, она и вправду просто больна.

— Боже! Ты что, действительно так думаешь?

— Хорошо, судя по всем обстоятельствам — все очевидно. Но... Джейкоб. — я чувствовал колебания в его мыслях. — Ты действительно уверен, что хочешь этого? Ты думаешь, что это действительно будет правильным решением? Мы же все знаем, что она хотела этого.

— В договоре ничего не говорилось о личных предпочтениях жертв, Сэм!!!

— А действительно ли она жертва? Почему ты сразу же повесил на нее это клеймо?!

— Да, она жертва!

— Джейк... — подумал Сэт. — Они же нам больше не враги...

— Заткнись, щенок! То, что ты якшался с кровопийцами, не отменяет договор! Они наши враги! И они перешли все границы! И мы уничтожим их! И меня не волнует, если тебе вдруг захочется биться на их стороне, понял?

— И что же ты будешь делать, когда Белла тоже будет участвовать в битве. На их стороне. А? — спросил меня Сэт.

— Она больше не Белла.

— Ты хочешь быть одним из тех, кто уничтожит ее?

Я не мог не содрогнуться от одной мысли об этом.

— Ты же не собираешься сделать это. Так что же? Ты хочешь заставить сделать это одного из нас? И затем ненавидеть его до конца жизни, кем бы из нас он ни был?

— Я не собираюсь...

— Конечно, ты не станешь делать этого! Ты не готов к битве, Джейкоб...

Инстинкты начали брать свое. Я поддался вперед и оскалился на долговязого волка песочного цвета.

— Джейкоб! — предостерег Сэм. — Сэт, заткнись на пару секунд!

Сэт кивнул головой.

— Черт, я что-то пропустил? — услышал я Квила. Он неслся к поляне, на которой находились мы, во весь опор. — Я слышал о том, что Чарли

звонил...

— Мы готовимся идти, — сказал ему я. — Почему бы тебе не добежать до Ким и не вытащить оттуда Джареда? Нам нужны все.

— Направляйся прямо сюда, Квил! — приказал ему Сэм. — Мы решили не принимать поспешных решений.

Я зарычал.

— Джейкоб, мы должны все хорошо обдумать. Много изменилось с тех пор, как наши предки заключили договор с ними. Я... я почти уверен в том, что они не предоставляют нам опасности. Тем более, ты же знаешь, они не задержатся здесь надолго. И мы сможем продолжить нормальную жизнь.

— Нормальную жизнь?

— Если мы бросим им вызов, они будут защищаться.

— Ты что, боишься?

— Ты уже готов потерять брата...? он сделал паузу. Или даже сестру?

— Я не боюсь смерти.

— Я знаю, Джейкоб. И это одна из причин, по которой я хочу от тебя большей рассудительности.

Я посмотрел в его черные глаза.

— Ты будешь уважать законы наших предков, или нет?

— Я уважаю свою стаю. Я пытаюсь сделать то, что будет лучшим решением для нас.

— Трус.

Его губа приподнялась, обнажив острые клыки.

— Хватит, Джейкоб! — тон его голоса изменился.

В его голосе зазвучали властные нотки. Его не возможно было не послушать. Истинный голос вожака. Он окинул взглядом всю стаю.

— Стая не будет нападать на Калленов, если они не спровоцируют нас первыми. Условия закона отныне меняются. Если они не предоставляют опасность для людей, значит, они не представляют опасность для людей Форксе. Белла Свон сделала свой выбор, и мы не вправе накладывать договор на ее добровольное решение.

— Слушай, слушай, — подумал Сэт с энтузиазмом.

— Я думал, что сказал тебе заткнуться.

— Упс, прости, Сэм.

— Джейкоб, и куда же ты направляешься? А?

Я покинул поляну и бежал в западном направлении от нее.

— Я направляюсь попрощаться со своим отцом. Очевидно, больше нет никакого смысла торчать здесь.

— О, Джейк! Не делай этого! Не делай это снова!

— Заткнись, Сэт! — подумали как они сразу несколько.

— Мы не хотим, чтобы ты покидал нас, — сказал Сэм. Его голос зазвучал мягче, чем раньше.

— Так прикажи мне остаться! Заставь меня подчиниться себе, ты же можешь! Сделай меня рабом твоего слова!

— Ты знаешь, что я не собираюсь делать этого!

— Значит, на этом разговор окончен.

Я бежал от них, бежал, и старался не думать о том, что будет дальше. Вместо этого я пытался сконцентрироваться на том, чтобы выкинуть все человеческое из себя, до тех пор, пока я стану больше животным, чем человеком. Жить только сейчас, есть, когда голоден, спать, когда устал, пить, когда испытываю жажду, и бежать — бежать, что есть силы. Простые потребности, простые удовлетворения потребностей. Основные инстинкты.

Это не так, как быть человеком.

Как только я приблизился к своему дому, я принял свое человеческое обличие. Я должен был все обдумать, наедине.

Я натянул свои шорты и ринулся к дому.

Я сделаю это. Я скрыл то, что решил для себя, так что Сэм уже не сможет остановить меня. Слишком поздно. Он не мог слышать меня сейчас, когда я был в человеческом обличии.

Сэм отдал очень верный приказ о том, чтобы стая не нападала на кровососов. Хорошо.

Но он не упомянул ничего об индивидуальных действиях каждого.

Нет, никто из стаи не собирался нападать на них, тем более сегодня.

Никто из стаи, кроме меня.

Глава 9

Если ты не видел ада, это еще не значит, что его нет

Я действительно не планировал прощаться с отцом.

В конце концов, один быстрый звонок Сэму и игра бы закончилась. Они бы помешали мне.

Быть может, пытаюсь таким образом обозлить или даже ранить меня — так или иначе вынуждая к перерождению, чтобы Сэм мог установить какой-нибудь новый ограничительный закон.

Но Билли ждал меня, зная, в таком я буду состоянии.

Он был во дворе, сидел в своем инвалидном кресле, вперив взгляд прямо на то место, где я оказался, глядя на меня сквозь деревья. Я видел в его глазах осуждение, когда он уверенно двинулся прямо к моему самодельному гаражу.

— Уделишь мне минутку, Джейк?

Я остановился. Взглянул на него, и снова обернулся к гаражу.

— Идем, сын. Хотя бы поможешь мне внутри.

Я стиснул зубы, но решил, что скорее всего он устроит мне неприятности с Сэмом, если я не придумаю что-нибудь в ближайшие несколько минут.

— С каких это пор ты нуждаешься в помощи, старик?

Он засмеялся своим грохочущим смехом. — У меня устали руки. Я толкал эту коляску весь путь от дома Сью.

— Это покатый склон. Ты всю дорогу, как на санях катился.

Я завез его кресло в гостиную по маленькому скату, который сделал для него сам.

— Подловил. Думаю, я выжимал что-то около тридцати миль в час. Это было здорово.

— Такими темпами ты сломаешь это кресло и будешь повсюду волочиться на локтях.

— Без вариантов. Таскать меня будет твоей работой.

— В таком случае, ты мало где сможешь побывать.

Билли положил руки на колеса и направился к холодильнику. «Какая-нибудь еда осталась?»

— О, да. Пол торчал тут весь день, так что думаю, вряд ли.

Билли вздохнул. — На придется прятать продукты, если не собираемся умереть с голоду.

— Может предложишь Рейчел пожить у него?

Шутливый тон Билли испарился, его взгляд смягчился.

— Она дома всего лишь несколько недель. На первых порах она приезжала надолго. Это тяжело — девочки были старше тебя, когда твоя мать скончалась. У них было больше забот в этом доме.

— Я знаю.

Ребекка ни разу не была дома с тех пор, как вышла замуж, но у нее есть неплохое оправдание — авиабилеты с Гавайев чертовски дорогие. Штат Вашингтон находится слишком близко, чтобы Рейчел могла отвертеться тем же способом. Хотя ей было бы лучше учиться прямо посреди летнего семестра, работая в две смены по выходным в какой-нибудь кафешке в кампусе. Если бы не Пол, она бы возможно снова быстро слиняла. Может именно поэтому Билли его не прогонял.

— Ладно, у меня дела. — Я направился к черному ходу.

— Постой-ка, Джейк. Ты не хочешь рассказать мне что случилось? Или я должен позвонить Сэму, чтобы тот мне рассказал обо всем?

Я стоял к нему спиной, пряча лицо.

— Ничего не случилось. Валяй, звони Сэму. Думаю теперь все мы лишь шайка любителей кровопийц.

— Джейк...

— Я не желаю об этом говорить.

— Ты нас оставишь, сын?

В комнате повисло напряженное молчание, пока я решал, что следует сказать.

— Рейчел может снова занять свою комнату. Знаю, она терпеть не может этот надувной матрас.

— Она лучше предпочтет спать на полу, чем потерять тебя. И я тоже.

Я фыркнул.

— Джейкоб, пожалуйста. Если тебе нужен... перерыв. Что ж, возьми его. Но не такой же длительный. Возвращайся.

— Может быть. В свадебном кортеже, например. Приму эстафету у Сэма, после Рейчел. А Джаред с Ким вообще будут первыми. Наверное мне понадобится смокинг или что-то в этом роде.

— Джейк, посмотри на меня.

Я медленно обернулся.

— Что?

Он пристально смотрел в мои глаза с минуту, показавшейся мне

вечностью.

— Куда ты направляешься?

— У меня на уме нет ничего конкретного.

Он склонил голову на бок, сощутив глаза.

— Ты уверен?

Мы сверлили друг друга взглядами.

— Джейкоб, — сказал он. В его голосе сквозило напряжение. — Джейкоб, не нужно. Оно того не стоит.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Оставь Беллу и Калленов в покое. Сэм прав.

На секунду я уставился на него, а потом пересек комнату двумя размашистыми шагами, взял телефон и разъединил кабель от коробки и гнезда. Я стиснул серый шнур в руке.

— Пока, пап.

— Джейк, стой — он окликнул меня, но я уже успел выскочить за дверь.

У мотоцикла не было той скорости, какую я мог бы развить бегом, но зато это было безопаснее. Я задавался вопросом, сколько времени понадобится Билли, чтобы раздобыть телефон и найти человека, способного передать сообщение Сэму. Готов был спорить, Сэм все еще в волчьем облиии. Проблема была еще и в том, что Пол мог вернуться к нам в любое время. Он мог моментально перекинуться в волка и сообщить Сэму, что я затеял.

Но я не собирался волноваться по этому поводу. Я шел с той скоростью, на которую был способен, и если они перехватят меня, вот тогда и буду разбираться.

Я завел байк, и помчался по грязной улице. Покинув дом, я уже не оглядывался.

Шоссе было забито машинами. Я лавировал между ними, не обращая внимания на гудки и неприличные жесты в мой адрес. Я выехал на сто первое шоссе со скоростью семьдесят миль в час. Я вынужден был вильнуть на тротуар и не съезжать с него минуту, чтобы не вмазаться в микроавтобус. Не то что бы это убило меня, но точно бы приостановило. Сломанные кости, во всяком случае большие, срастаются как минимум за несколько дней, я слишком хорошо знал это по собственному опыту.

Автострада слегка расчистилась, и я разогнал свой байк до восьмидесяти. Я не трогал тормоз, пока не выехал на дорогу, ведущую к дому. Я полагал, что путь свободен. Сэм не зашел бы так далеко, что бы остановить меня. Было слишком поздно.

Когда я решил, что сделаю это, то понятия не имел — каким образом, но теперь пришлось время задуматься.

Я снизил скорость до двадцати, петляя между деревьями, куда осторожней, чем было нужно. Я знал, что они услышат мое приближение, с байком или без байка, так что сюрприза не выйдет. Не было никакого способа скрывать мои намерения. Эдвард бы все равно распознал мои планы, как только бы я оказался достаточно близко. Возможно, он уже так и сделал. Но рассчитывал, что все сработает как надо, его самомнение было мне на руку. Он хотел драться со мной один.

Поглядел бы на меня Сэм, если бы мне только стоило заявиться к Эдварду, и тотчас вызвать его на дуэль.

Я фыркнул. Мерзкая театральщина.

А после того, как я покончу с ним, то постараюсь уничтожить как можно больше этих тварей прежде, чем они доберутся до меня. Ха — я задавался вопросом — как в этом случае на все это отреагирует Сэм? Вероятно, скажет, что я получил по заслугам. Что ж, мне совсем не хотелось оскорблять его чувства.

Передо мной простерлась лужайка. В нос ударил запах, будто стухших помидоров. Тьфу.

Вонючие вампиры. Живот скрутило. Зловоние переносилось мной с большим трудом — весь путь сюда меня окружал лишь чистый людской аромат — особенно с моим волчьим обонянием.

Я понятия не имел, чего мне ожидать, но пока не замечал никаких признаков жизни в этом большом белом склепе. Разумеется они знали, что я здесь.

Я заглушил двигатель и прислушался к тишине. Теперь я уловил напряженное рассерженное бормотание по ту сторону широких двойных дверей. Кто-то все таки в доме был. Я услышал свое имя и улыбнулся, оставшись довольным, что заставил их понервничать.

Я сделал глубокий вдох — внутри запах определенно хуже — и в один прием оказался на лестнице.

Дверь распахнулась прежде, чем я успел постучать. В дверном проеме оказался доктор, одарив меня тяжелым взглядом.

— Здравствуй, Джейкоб, — сказал он намного спокойнее, чем я ожидал. — Как дела?

Я глубоко вдохнул через рот. Сильная вонь, льющаяся изнутри дома, была невыносима. Меня несколько разочаровало, что мне открыл Карлайл. Я предпочел бы, чтобы Эдвард высунул за дверь свои клыки. Карлайл же был... вроде человека или около того. Может дело в том, что он помог мне

прошлой весной, когда я был немного не в форме. Это мешало мне глядеть ему в лицо, и не испытывать неудобство, зная, что убил бы его, если бы мог.

— Я слышал, что Белла вернулась живая, — сказал я.

— Э-м-м, Джейкоб, сейчас действительно не лучшее время..., - доктор казалось, тоже был смущен, но не по тому поводу, которого я ожидал. — Может быть, ты зайдешь позже?

Я ошеломленно уставился на него. Он что, предложил отложить смертельный бой на более подходящее время?

А потом я услышал голос Беллы, надломленный и сердитый, и уже не мог думать ни о чем больше.

— Почему нет? — спрашивала она кого-то. — Мы что, и от Джейкоба держим секреты? Что за новости?

Ее голос был совсем не таким, какой я ожидал услышать. Я попытался вспомнить голоса молодых вампиров, с которыми мы боролись весной, но все, кого я помнил, были способны лишь рычать. Может быть, у тех новообращенных не было способности к речи до той поры, пока они не становились взрослее. Возможно, голоса всех молодых вампиров звучали так же хрипло.

— Джейкоб, пожалуйста, проходи, — голос Беллы стал громче.

Карлайл нахмурился.

Я подумал: а была ли Белла голодна? И прищурился, глядя ему в глаза.

— Прошу прощения, — сказал я доктору, обходя его. Это было не легко — мне пришлось поступиться всеми своими принципами и пойти против всех инстинктов для того, чтобы повернулся спиной к одному из них. Не так уж и невозможно. Если и существовала такая штука, как безопасный вампир, то им был их странно галантный вожак.

Я избегал бы Карлайла, если бы началась борьба. Здесь хватало вампиров, которых можно было убить, даже исключив его.

Я ступил в дом, держась спиной к стене и пробежался взглядом по комнате — все здесь было непривычным. Когда в последний раз я был тут, все было переставлено по другому для вечеринки. То, что казалось таким ярким тогда, сейчас выглядело бледным, включая и шестерых вампиров, стоявших рядом друг с другом у белого дивана. Все они были здесь. Все вместе. Но не это было тем, что парализовало меня, заставив подбирать челюсть с пола.

Это был Эдвард, вернее выражение его лица.

Я видел его озлобленным, высокомерным, и даже когда ему было больно, но то, что я видел сейчас, было настоящей агонией. Полубезумные

глаза. Он не просто смотрел на меня, он впивался в меня взглядом, будто кто-то зажег внутри него огонь. Его руки словно когти впивались в обивку дивана.

Я не мог даже наслаждаться его муками. Я думал лишь о том, что послужило причиной такого взгляда, и проследил за направлением его взора, сразу увидел ее, почувствовал ее аромат. Ее теплый, чистый, человеческий аромат.

Белла была наполовину скрыта подлокотником дивана, она лежала, свернувшись калачиком, обхватив руками колени. В течение одной долгой секунды я не мог видеть ничего, кроме того, что она все еще была Беллой, которую я любил, ее кожа — до сих пор была мягкой и нежной, подобная бледному персику, а ее глаза — по прежнему имели тот же самый шоколадно-коричневый оттенок. Мое сердце странно екнуло и пропустило удар. Я не знал, был ли это всего лишь сон, от которого я вскоре очнусь.

И тогда я по-настоящему разглядел ее.

Под глазами пролегли глубокие темные круги, лицо казалось измученным. Кожа выглядела еще бледнее и тоньше, щеки осунулись, скулы сильно выпирали. Волосы, откинутаые с лица, сваялись в спутанный грязный узел и несколько прядей прилипли к испарине на лбу и шее. Ее пальцы и запястья казались настолько хрупкими, что становилось страшно.

Она была больна. Очень больна.

Все правда. История, которую Чарли рассказал Билли, не была просто досужей выдумкой. В то время как я смотрел, ее ресницы трепетали над бледно-зеленой кожей.

Белокурая кровопийца — кажется, Розали, склонилась над ней, отрезая от моего взгляда, в странном защитном жесте.

Это было ошибкой. Я знал, что Белла сейчас чувствовала — ее мысли были настолько очевидны (иногда казалось, будто они отпечатаны прямо у нее на лбу) что она могла не посвящать меня в детали дела, что бы я понял в чем суть. Я знал, что Белла не любила Розали. Я видел это на ее лице, когда Белла говорила о ней. И не только то, что она ее не любила. Она боится Розали. Или боялась.

Но сейчас во взгляде Беллы, устремленном на нее, не было ни капли страха. Скорее нечто примирительное или что-то в этом роде. Розали подняла с пола тазик и подставила под подбородок Беллы, ее вырвало.

Эдвард опустился на колени подле Беллы, в глазах по-прежнему была мука, и Розали выставила руку, попросив его воздержаться.

Ничто из этого не имело смысла.

Когда Белла смогла поднять голову, то смущенно улыбнулась мне.

— Прости за это, — прошептала она.

У Эдварда вырвался тихий стон. Его голова опустилась на колени Беллы. Она прикоснулась рукой к его щеке, будто успокаивала его.

Я не осознавал, что придвинулся ближе, до тех пор, пока Розали, зашипев, не возникла между мной и диваном. Она была похожа на телезвезду. Но меня совсем не волновало, что она находится здесь. Она не казалась реальной.

— Роуз, не надо — шепнула Белла. — Все в порядке.

Блондинка убралась с моего пути, хотя, держу пари, не горела желанием. Нахмурившись, она присела у изголовья. Ее оказалось легче игнорировать, чем я мог себе представить.

— Белла, что случилось? — шептал я.

Не думая о своих действиях, я оказался на коленях, рядом с ее... мужем. Он, казалось, не замечал меня, и я лишь бросил на него мимолетный взгляд. Я взял свободную руку Беллы, заключив в своих ладонях. Кожа была ледяной. — Ты в порядке?

Идиотский вопрос. Она молчала.

— Я так рада, что ты пришел повидать меня, Джейкоб, — проговорила она.

Я знал, Эдвард не может читать ее мысли, но казалось, он распознал какое-то значение в этих словах, недоступное мне. Он снова застонал, уткнувшись лицом в ее одеяло, и она погладила его щеку.

— Что это, Белла? — настаивал я, ласково сжимая в руках ее холодные хрупкие пальцы.

Вместо ответа, она окинула взглядом комнату, как будто искала что-то, в ее глазах было и предупреждение и просьба. Шесть пар взволнованных тигриных глаз глядели ей в ответ. Наконец, она обернулась к Розали.

— Поможешь мне встать, Роуз? — спросила она.

Губы Розали приоткрылись, обнажив белоснежные клыки. Она оскалилась в мою сторону так, будто хотела порвать мне горло. Уверен, что так оно и было.

— Роуз, пожалуйста.

Блондинка строила гримасу, и поглядела на Эдварда, который не сдвинулся ни на дюйм. Она положила руку надежно и крепко на плечи Беллы.

— Нет, — прошептал я, — Не вставай. — Она выглядела такой слабой.

— Я пытаюсь ответить на твой вопрос, — ответила она, и это немного походило на то, как она общалась со мной прежде.

Розали приподняла Беллу с дивана. Эдвард остался на прежнем месте,

уткнувшись лицом в подушку. Одеяло упало к ногам Беллы.

Тело Беллы раздулось, подобно странному одутловатому воздушному шару. Это было заметно по тому, как натянулась ее серая выцветшая рубашка, казавшаяся слишком большой для ее рук и плеч. Остальное тело в сравнении выглядело тоненьким и хрупким, будто бы эта выпуклость разрасталась, высасывая его изнутри. Мне понадобилось время, чтобы понять, какая именно часть ее тела настолько изменилась. И не понимал до тех пор, пока она не провела руками по животу, нежным жестом, вверх-вниз, как будто бы качая в колыбели.

Тогда я все понял, но все еще не мог поверить. Я видел ее всего лишь месяц тому назад. Она не могла быть беременна. Просто не могла.

Но все же была.

Я не желал этого видеть, не желал думать об этом. Я не хотел видеть его — в ней. Я не хотел знать, что то, что я ненавидел настолько сильно, пустило свои корни в теле, которое я так любил. Содержимое моего желудка рвануло наружу и я с трудом превозмог тошноту.

Но все было хуже, намного хуже. Ее искаженное тело, кости, выпирающие сквозь кожу. Я мог только предположить, почему она так выглядела — беременна и больна — то, что было в ней, отбирало ее жизнь, чтобы питать свою.

Потому что это был монстр. Подобный его отцу.

Я всегда знал, что он убьет ее.

Эдвард вскинул голову, услышав мои мысли.

Еще секунду мы продолжали оставаться на коленях, а потом он оказался на ногах, возвышаясь надо мной. Его глаза были черными дырами, а круги под ними имели фиолетовый оттенок.

— Снаружи, Джейкоб, — прорычал он.

Я уже был на ногах, глядя теперь на него сверху вниз. Это было то, ради чего я пришел.

— Давай сделаем это, — согласился я.

Здоровяк, Эмметт, оказался с одной стороны от Эдварда, пронзая меня свирепым взглядом, с другой расположился Джаспер. Меня это не заботило. Может моя стая соберет те кусочки, что от меня останутся, когда они покончат со мной. А возможно и нет. Неважно.

На крошечную долю секунды краем глаза я заметил движение за спиной. Эсме. Элис. Маленькие воинственные дамочки. Что ж, я был уверен, что другие убьют меня прежде, чем я успею дотянуться до них. Я не хотел убивать девчонок... даже если девчонки были вампирами.

Хотя я мог бы сделать исключение для той блондинки.

— Нет, — Белла задыхалась, и потеряв равновесие, ухватилась за руку Эдварда. Розали последовала за ней, будто замыкая звенья цепи между ними.

— Я собираюсь всего лишь поговорить с ним, Белла, — Эдвард понизил голос, обращаясь только к ней.

Он коснулся ее лица, погладив щеку. Комната перед моими глазами будто бы воспламенилась, на миг став адовой пастью. После всего, что он сделал с ней, он позволяет себе еще и дотрагиваться до нее!

— Не напрягайся, — продолжал он, умоляя. — Пожалуйста, отдохни, мы оба вернемся через несколько минут.

Она пристально всматривалась в его лицо, читая что-то в глазах. Потом кивнула и осела на диван. Розали помогла ей опуститься на подушки.

Белла поймала мой взгляд.

— Держите себя в руках, — сказала она. — И возвращайтесь.

Я не ответил. Сегодня я не мог ничего обещать. Я отвел взгляд и вышел вслед за Эдвардом в парадную дверь.

Безотчетный случайный голосок в моей голове отметил, что не так уж сложно было отделить его от семейства, может быть слишком легко?

Он шел, ни разу не оглянувшись, и не беспокоясь о том, что я могу наброситься на его незащищенную спину. Я решил, что видимо он этом не нуждался. Он знал бы, когда я решусь напасть. Это означало, что мне придется принимать решение очень быстро.

— Я не готов сейчас давать тебе возможность убить себя, Джейкоб Блэк, — прошептал он, быстро удаляясь от дома, — Запаси немного терпения.

Как будто мне было дело до его планов. Я зарычал сквозь сжатые зубы.

— Терпение не мой конек.

Он продолжал идти, отходя от дома на несколько сотен ярдов, я следовал за ним попятам. Я весь горел, пальцы дрожали. Я был на пределе, в полной готовности и ждал.

Он остановился без предупреждения и, обернувшись, оказался ко мне лицом. Выражение его лица снова меня поразило.

На секунду я ощутил себя младенцем — мальчишкой, который всю свою жизнь прожил в маленьком городке. Всего лишь ребенок.

Потому что я знал — для того, что бы понять эту бесконечную муку в глазах Эдварда, я должен был прожить на земле гораздо дольше, испытать и постичь намного больше.

Он поднял руку, будто хотел утереть пот со лба, но его пальцы впились в мрамор лица так, словно он желал порвать на себе кожу. Его черные глаза горели в провалах глазниц так, будто не замечали ничего вокруг, а видели совершенно иные вещи. Он приоткрыл рот, словно собираясь закричать, но я ничего не услышал.

Это было лицо человека, сгорающего заживо.

На мгновение я лишился дара речи. Это выражение было слишком правдоподобным — то, что я видел в его глазах тогда, в доме, было лишь тенью того, что я увидел сейчас. И это было концом. Последним гвоздем в ее гробу.

— Это убивает ее, верно? Она умирает.

И я знал, что когда произнес это, на моем лице, была та же мука, будто эхо. Отдаленное и не такое сильное, потому что я все еще пребывал в шоке.

Ото всего этого кружилась голова — все случилось так быстро.

В отличие от меня, у него не было времени, чтобы дойти до такого состояния.

Разница была в том, что я уже терял ее много раз, всевозможными способами и путями в своих мыслях.

Разница была в том, что она никогда не была всецело моей.

Разница была в том, что все это было не моей ошибкой.

— А моей... — прошептал Эдвард. Его колени подогнулись, и он рухнул предо мной, такой уязвимый, самая легкая мишень, какую только можно было вообразить.

Но я чувствовал в себе только холод, ледяной холод, и никакого жара.

— Да, — простонал он, стоя в грязи, и глядя в землю. — Да, это убивает ее.

Его смирение и беспомощность раздражали меня. Я жаждал драки, а не казни. Куда делось его самодовольное чувство превосходства?

— Почему Карлайл ничего не сделал? — прорычал я — Он же доктор или как? Пусть достанет из нее эту дрянь.

Он поднял на меня взгляд и ответил утомленным тоном, как будто воспитатель, вынужденный объяснять что-то ребенку по десятому разу.

— Она нам не позволяет.

Потребовалось время, чтобы мозг воспринял эти слова. Господи, да она сделает все, чтобы настоять на своем. Ну конечно, умереть ради того, что бы монстр выжил. В этом вся Белла.

— Ты так хорошо ее знаешь, — шептал он. — Как быстро ты все понял. А я нет... Слишком поздно. Она даже не говорила со мной по дороге домой. Я думал, она была напугана, это же естественно. Я считал, она

сердится на меня за то, что я поселил в нее это, и подверг опасности ее жизнь. Снова. Я даже представить себе не мог, на что она решилась. До тех пор, пока моя семья не встретила нас в аэропорту и она не кинулась в объятия Розали. Розали! И тогда я услышал о чем думала Роуз. Я не мог поверить. Я не понимал, пока не услышал. Представляешь, всего лишь секунда... — Он издал полувздых, полустон.

— Какая к черту секунда? Она никогда тебе не позволит. — в моем голосе слышался ядовитый сарказм. — Может ты и не заметил, но она не сильнее любой другой обычной в-сто-десять-фунтов человеческой девчонки.^[6] Или вы, вампирюги, настолько тупы? Дайте ей какой-нибудь наркотик и выбейте из нее эту тварь.

— Я хотел, — прошептал он. — Карлайл мог бы...

Они что, все, блин, такие благородные?

— Нет. Не благородные. Ситуацию усложняет ее «телохранитель».

О. Вся эта история до сих пор не имела для меня большого смысла, теперь же все встало на свои места. Так вот для чего нужна была блондинка. А ей то что за дело? Эта королева красоты мечтает, чтобы Белла умерла смертью похуже?

— Возможно, — сказал он. — Но Розали этот способ не по душе.

— Так примитесь сначала за блондинку. Объединив силы, вы легко с ней справитесь, так? Уберите ее с дороги и позаботьтесь о Белле.

— Эмметт и Эсме ее поддержали. Эмметт никогда бы не позволил нам... Да и Карлайл никогда не будет помогать мне против Эсме... — его голос постепенно затихал, и наконец он умолк вовсе.

— Вы должны были оставить Беллу со мной.

— Да.

Поздновато, но все же. Может ему стоило подумать об этом прежде, чем давать жизнь, сидящему в ней монстру.

Он взглянул на меня из глубины своего ада, и я понял, что он согласен со мной.

— Мы не знали, — произнес он, его голос был не громче дыхания. — Я даже и не мечтал. До меня и Беллы не было никого подобных нам. Откуда мы могли знать, что человек в состоянии зачать ребенка от вампира?

— И в результате человека разорвет на клочки.

— Да, — согласился он напряженным шепотом. — По природе мы кровожадные демоны, суккубы. Они существуют. И соблазнение всего лишь прелюдия к банкету. Никто не выживает.

Он тряхнул головой так, словно его только что посетила идея. В нем

что-то изменилось.

— Не думал, что для вас существует особое название, — выплюнул я. Он поднял голову, его лицо выглядело на тысячу лет.

— Даже ты, Джейкоб Блэк, не можешь ненавидеть меня так, как я сам себя ненавижу.

Я был слишком в ярости, чтобы отвечать.

— Мое убийство теперь не спасет ее, — сказал он спокойно.

— И что же делать?

— Джейкоб, ты должен кое-что для меня сделать.

— Иди к черту, кровосос!

Он продолжал смотреть на меня своими полуутомленными, полубезумными глазами.

— А для нее?

Я с трудом стиснул зубы.

— Я сделал все, что мог, чтобы удержать ее подальше от тебя. Абсолютно все. Теперь уже слишком поздно.

— Ты знаешь ее, Джейкоб. Вы общаетесь на таком уровне, который мне никогда не постичь. Ты — часть нее, и она — часть тебя. Она не будет слушать меня, потому что считает, что я ее недооцениваю. Она думает, что достаточно крепка для того, чтобы выдержать все это. — у него перехватило дыхание и он сглотнул. — Она может послушать тебя.

— Почему?

Он покачался, его глаза казалось, разгорелись еще ярче, став совсем дикими. Я подумал, может он и вправду сходит с ума? Может ли вампир спятить?

— Возможно, — ответил он на мою мысль. — Я не знаю. Но похоже на то, — он тряхнул головой. — Я должен попробовать скрыть это от нее, ей нельзя волноваться. Она этого не вынесет. Я должен быть собран; я не имею права все усугубить. Но сейчас это не имеет значения. Она должна тебя послушать!

— Я не скажу ей ничего такого, что бы она не слышала от тебя. Что ты хочешь, что бы я сделал? Сказать ей, что она глупенькая? Она скорее всего это знает. Сказать, что она умирает? Держу пари, она в курсе.

— Ты можешь предложить ей то, чего она хочет.

Я не увидел никакого смысла в его словах. Бред сумасшедшего?

— Меня сейчас ничто не волнует кроме того, что бы оставить ее в живых, — сказал он, внезапно сосредоточившись. — Если она хочет ребенка, она может его иметь. У нее может быть хоть дюжина детей. Все, что она пожелает. — Он сделал паузу перед решающим выпадом.

— У нее могут быть щенки, если это то, что ей нужно.

На мгновение я встретил его взгляд, и прочел бессильную ярость на его лице, проглядывающую сквозь маску спокойствия. Мой твердый угрюмый вид слетел, как только я осознал значение его слов. У меня отвисла челюсть.

— Все что угодно, лишь бы не это! — зашипел он прежде, чем я пришел в себя. — Лишь бы не то существо, что высасывает из нее жизнь, в то время, как я стою там, совершенно беспомощный! Наблюдать, как она чахнет, изнывая от отвращения. Смотреть, как она умирает. — Он дышал быстро и прерывисто, будто кто-то ударил его под дых. — Ты должен открыть ей глаза, Джейкоб. Меня она больше не будет слушать. Розали вечно рядом с ней, обнадеживая, питая безумными надеждами. Защищая ее. Нет, защищая это существо, жизнь Беллы для нее ничего не значит.

Из горла послышалось утробное клокотание, будто меня душили.

Что он такое сказал? Что Белла должна? Иметь ребенка? От меня? Что? Как? Он бросал ее? Или думал, что она не будет возражать против нашего дележа?

— Что угодно. Что угодно, лишь бы она выжила.

— Это самая ненормальная вещь, какую я от тебя слышал, — пробормотал я.

— Она любит тебя.

— Недостаточно.

— Она готова умереть, лишь бы иметь ребенка. Возможно, она бы приняла нечто менее кардинальное.

— Ты что, совсем ее не знаешь?

— Я знаю, я знаю. Чтобы убедить ее, понадобится время. Именно поэтому ты мне нужен. Ты знаешь, как она мыслит. Заставь ее увидеть в этом смысл.

Я не мог даже подумать о том, что он мне предлагал. Это слишком. Невозможно. Неправильно. Это безумие. Позаимствовать Беллу на выходные, а потом вернуть к понедельнику, как фильм, взятый напрокат? Так мерзко.

И так заманчиво.

Я не собирался об этом думать, не желал представлять себе, но картинки сами всплывали у меня в голове. Я так много грезил о Белле, так долго, но всякий раз явь оборачивалась горьким разочарованием, когда становилось ясно, что у меня нет никаких шансов. Ни единого. У меня опускались руки. Но сейчас я не мог остановиться. Белла в моих объятиях, Белла зовущая меня по имени...

Хуже всего, что к моим фантазиям присоединилась еще одна картинка, никогда ранее меня не посещавшая, та, которой по всем правилам быть не должно. Не сейчас. Видение, которое бы никогда меня не посетило быть может еще много лет, если бы он не запихнул его в мою голову, посадив, как сорняк — ядовитый и убийственный. Белла, здоровая и цветущая, отличающаяся от прежней тем, что ее тело не было настолько деформировано, а всего лишь изменено, просто и естественно. Моим ребенком.

Я попытался избавиться от ядовитого сорняка в своем сознании.

— Заставить Беллу видеть смысл? В какой вселенной ты живешь?

— По крайней мере я пытаюсь...

Я тряхнул головой. Он ждал, игнорируя отрицательный ответ, потому как слышал мои противоречивые мысли.

— К чему вся эта психологическая атака? Как ты вообще до такого додумался?

— Я думал только о способах спасти ее, как только понял, что она собирается совершить. Что она может умереть в результате. Но я не знал, как с тобой связаться. Я не знал, будешь ли ты меня слушать, если бы я позвонил тебе. Я бы приехал, чтобы поскорее тебя отыскать, если бы ты не пришел сегодня сам. Но это так трудно — оставить ее, даже на несколько минут. Ее состояние... меняется так быстро. И то нечто, оно... растет. Стремительно. Я не могу надолго покидать ее.

— Что это?

— Никто из нас не может ничего предположить. Но оно сильнее ее. Уже.

Я тут же представил — раздувающееся чудовище, разрывающее ее изнутри.

— Помоги мне остановить это, — прошептал он. — Помоги мне помешать этому случиться.

— Как? Предлагая свои услуги в качестве быка-осеменителя? — Он даже не вздрогнул, когда я произнес это. — Ты и вправду спятил. Она никогда не будет слушать такое.

— Попытка. Уже нечего терять. Как это может повредить?

Это ломает меня. Я слишком долго пытался отвыкнуть от Беллы, и что теперь?

— Что, слишком большая цена для ее спасения?

— Но это не сработает.

— Возможно. Может это смутит ее. Может она будет колебаться с решением. Один лишь миг ее сомнения — это все, что мне нужно.

— И тогда ты выбьешь почву у нее из под ног? «Всего лишь шутка, Белла?»

— Если она хочет ребенка, она его получит. Я воспрепятствую.

Я не мог поверить, что вообще задумываюсь над его предложением. Белла наверняка снова мне врежет, не то что бы меня это заботило, но я боялся, как бы она снова не повредила себе руку. Я не должен был позволить ему уговаривать меня, дать хаосу воцариться в своей голове. Я должен был убить его.

— Не сейчас, — шептал он — Потом. Правильно это или нет, но это добьет Беллу окончательно. И ты это знаешь. Спешить нет никакой необходимости. Если Белла не слушает тебя, ты получишь свой шанс. В тот момент, когда сердце Беллы перестанет биться, я позову тебя, и мы начнем.

— Тебе не придется долго ждать.

Уголок его губ изогнулся в подобии прежней ухмылки.

— Я очень на это рассчитываю.

— Тогда по рукам.

Он кивнул и протянул ко мне свою холодную каменную ладонь. Поборов отвращение, я обхватил ее пальцами и коротко встряхнул, в ответном пожатии.

— По рукам, — согласился он.

Глава 10

Почему я не смог просто уйти? Ах да, я же идиот

Я чувствовал себя как — не знаю как. Будто бы это не было настоящим. Подобно тому, что я вдруг оказался в какой-то мрачной версии плохого ситкома. Вместо того чтобы быть идиотом, пригласившим на свидание капитана группы поддержки, я был оборотнем, пришедшим вторым, который попросит жену вампира сойтись и размножиться. Мило. Нет, я не должен этого делать. Как-то это все извращенно и неправильно. Я собирался забыть все, что он сказал. Но я должен был поговорить с ней. Должен попытаться заставить выслушать меня. Но она не послушает. Впрочем, как всегда. Эдвард никак не отвечал и не комментировал мои мысли, пока он шел назад к дому. Я задавал себе вопрос о месте, которое он выбрал для нашего разговора. Было ли достаточно далеко от дома, чтобы другие не могли услышать его шепот? Было ли это так? Возможно.

Когда мы вошли в дверь, взгляды Каленов выглядели подозрительными и озадаченными. Никто не смотрел с отвращением или возмущением. Значит, они не должны были услышать, что сказал мне Эдвард. Я колебался, замерев в дверном проеме, не уверенный в том, что делать сейчас. Здесь было намного лучше — толика свежего воздуха доносилась с улицы.

Эдвард прошел в середину этой компании, сжав голову в плечи. Белла взглянула на него с тревогой, и как только она посмотрела в мою сторону, её глаза вспыхнули. Затем она опять посмотрела на него. Ее лицо побледнело, и теперь мне стали понятны слова Эдварда о том, что от любых волнений ей становится ещё хуже.

— Пускай Джейкоб и Белла поговорят с глазу на глаз, — сказал Эдвард. В его голосе ничего не изменилось. Одним словом — робот.

— Только через мой труп, — прошипела Розалии. Она все еще вертелась рядом с головой Беллы, одна из ее холодных рук лежала на болезненной щеке Беллы как будто она принадлежала ей.

Эдвард даже не посмотрел на нее.

— Белла, — он сказал абсолютно безжизненным голосом, — Джейкоб хочет поговорить с тобой. Ты боишься оставаться с ним наедине?

Белла со смущением посмотрела сначала на меня, затем на Розали.

— Роуз, все хорошо. Джейк не собирается обижать нас. Иди с Эдвардом.

— Это может быть ловушка, — предупредила блондинка.
— Не представляю, каким образом, — сказала Белла.
— Карлайл и я будем всегда в твоём поле зрения, Розали, — сказал Эдвард. Бесчувственный голос надломился, раскрыв гнев. — Мы одни из тех, кого она опасается.
— Нет, — прошептала Белла. Её глаза заблестели, ресницы увлажнились. — Нет, Эдвард, я не ...
Он покачал головой, слегка улыбаясь. Улыбка выглядела болезненной.
— Я не это имел ввиду, Белла. Я в порядке, не беспокойся обо мне.

Противно. Он был прав — она занималась самобичеванием, причем ранила и его чувства тоже. Девочка была типичной мученицей. Она действительно должна была родиться в другом веке. Должна жить в прошлом, и отдать себя на съедение хищникам, найдя для этого весомую причину.

— Пойдемте, — сказал Эдвард, его рука напряженно указала на дверь, — пожалуйста.

Его самообладание, которое он сохранял специально для Беллы, того и гляди могло пошатнуться. Я видел, что он был близок к тому чтобы воспламениться изнутри. Другие это тоже видели. Молча они стали выходить за дверь, когда я вышел из проема. Они прошли быстро, мое сердце сделало всего лишь два удара, когда комната опустела, за исключением Розали, в сомнении застывшей на середине комнаты и Эдварда все еще стоящего у двери.

— Роуз, — спокойно сказала Белла. — Я хочу, чтобы ты ушла.

Блондинка впиалась взглядом в Эдварда и жестом приказала идти первым. Он исчез за дверью. Она посмотрела на меня долгим предостерегающим взглядом и потом тоже исчезла. Наконец, когда мы остались одни, я пересек комнату и сел рядом с Беллой. Я взял её холодные руки в свои, осторожно потер их.

— Спасибо, Джейк. Стало лучше.

— Я не собираюсь врать тебе. Ты ужасно выглядишь.

— Знаю, — вздохнула она. — На меня страшно смотреть.

— Как на бледную поганку, — согласился я.

Она улыбнулась.

— Как хорошо, что ты здесь со мной. Есть повод для улыбки. Я не знаю, сколько еще драмы я смогу вынести.

Я закатил глаза.

— Хорошо, хорошо, — она согласилась. — Оставлю это при себе.

— Да уж давай. О чем ты думаешь, Беллс? Серьезно!

— Эдвард просил тебя поговорить со мной?

— Вроде того. Хотя, я не представляю себе, почему он думает, что ты будешь слушать меня. Ты никогда не слушала меня раньше.

Она вздохнула.

— Я же говорил... — начал я.

— Знал ли ты, что у сказанного тобой семь раз «Я же говорил тебе» есть брат? — спросила она, перебивая меня. — Его имя «Заткнись, черт тебя возьми».

— Один-ноль в твою пользу.

Она ухмыльнулась. Ее кожа выглядела так, будто была натянутой на кости.

— Я не могу похвастаться, что придумала это сама, услышала в одной из серии Симпсонов.

— Минус один.

— Это было забавно.

Мы молчали где-то минуту. Ее руки начали медленно согреваться.

— Он действительно просил тебя поговорить со мной?

Я кивнул.

— Сказать нечто, что тронет тебя. Внутри тебя идет борьба, главное не упустить, когда это начнется.

— Так почему же ты согласился?

Я не ответил, потому что не был уверен, что знаю ответ. Я знал только одно — что каждую проведенную с ней секунду только собирался добавить к часам боли, которые будут позже. Сродни наркоману с ограниченным запасом наркотиков, для меня наступил день их подсчета. Чем больше я возьму сегодня, тем будет труднее, когда запас кончится.

— Всё будет хорошо, — сказала она после минуты нашего молчания. — Я верю.

Я опять разозлился.

— Один из твоих теперешних недугов — это слабоумие? — огрызнулся я.

Она засмеялась, но меня охватил такой гнев, что затряслись мои руки, сжимавшие её.

— Может быть, — сказала она. — Я не утверждаю, что все будет легко, Джейк. Но как я могу жить, уже пережив то, что я пережила, и не верить в волшебство?

— Волшебство?

— Объясню специально для тебя, — сказала Белла. Она улыбнулась.

Вытащила одну руку и потрепала меня по щеке. Рука теплее, чем до этого, но моя кожа еще чувствовала прохладу, прохлада была во многих отношениях.

— Больше чем кто-либо ты обладаешь волшебством, которое только ждет, чтобы изменить все вокруг тебя.

— О чем это ты болтаешь?

Белла продолжала, все еще улыбаясь.

— Эдвард рассказал мне однажды, что это похоже на ваше запечатление. Он сказал, что это было подобно сну в летнюю ночь, подобно волшебству. Ты найдешь ту, которую действительно ищешь, Джейкоб, и может быть, тогда эти слова приобретут смысл.

Если бы она не выглядела такой хрупкой, то я бы рассвирепел. Но разве можно было сердиться на нее?

— Если ты думаешь, что запечатление может вызвать это умопомешательство... — я с усилием произнес это. — Неужели ты думаешь, что только потому что я однажды запечатлю какую-нибудь незнакомку, то это делает эту ситуацию правильной?

Я указал на опухшее тело.

— Раскрой мне смысл всего этого тогда, Белла! Какой смысл моей любви к тебе? Какой был смысл твоей любви к нему? Когда ты умрешь, — огрызаясь произнес я. — это будет тоже правильным? Какой смысл всей этой боли? Моей, твоей, его? Ты убьешь и его тоже. Не то чтобы это меня заботило...

Она вздрогнула, но я продолжил.

— Так какой был смысл всей этой вашей закрученной любовной истории, в конце всего? Есть ли вообще какой-нибудь смысл? Пожалуйста, расскажи мне о нем, потому что я его не вижу.

Она вздохнула.

— Пока что я не знаю, Джейк. Но я просто...чувствую...что все будет хорошо, каким бы трудным это не казалось сейчас. Мне кажется, что ты бы назвал это верой.

— Твоя смерть будет бессмысленной, Белла! Бессмысленной!

Ее рука опустилась с моего лица к опухшему животу и нежно погладила его. Ей не надо было говорить мне слов, я и так знал, о чем она думает. Для нее был смысл, она умерла бы.

— Я не собираюсь умирать, — сказала она сквозь зубы, я мог бы сказать, что уже слышал эти слова от нее. — Мое сердце будет биться. Я достаточно сильна для этого.

— Ты не понимаешь что делаешь, Белла. Ты всё время пытаешься

сражаться со сверхъестественным. Ни один нормальный человек не смог бы. Ты не настолько сильна.

Я взял ее лицо в свои руки. Мне не надо было напоминать себе о нежном обращении с ней. Все, что было связано с ней, просто кричало о ее хрупкости.

— Я смогу сделать, смогу, — бормотала Белла, как детская книжка про маленький моторчик.

— Не смотри так на меня. И каков же твой план? Надеюсь, он хотя бы есть.

Она кивнула, не встречаясь с моим взглядом.

— Знал ли ты, что Эсме, прыгнула с утеса? Я имею в виду, когда она была человеком.

— И что?

— А то, что она была почти мертва, никто даже не побеспокоился отправить её в больницу, её сразу отправили в морг. Ее сердце все еще билось, когда Карлайл нашел ее.

Так вот что она имела ввиду, когда говорила, что ее сердце будет биться.

— Ты не собираешься остаться человеком, — тупо изрек я.

— Нет, я не настолько глупа, — она встретила со мной взглядом. — Мне кажется, что у тебя свое мнение на этот счет.

— Экстренная вампиризация, — пробормотал я.

— Это сработало с Эсме. Эмметтом и Розали, и даже с Эдвардом. Никто из них не был в таком хорошем состоянии, как я. Карлайл только изменил их, потому что либо это, либо смерть. Он не лишил их жизни, а всего лишь спас.

Внезапно я почувствовал приступ вины из-за хорошего вампирского доктора, как и тогда. Я спрятал это чувство поглубже и начал сначала.

— Послушай меня, Беллс. Не делай этого таким образом.

Как и до этого, когда позвонил Чарли, я знал, что это действительно имеет значение для меня. Я понял, что мне необходимо чтобы она осталась жива, оставалась человеком. Да кем угодно!

Я глубоко вздохнул.

— Не жди, когда станет поздно. Не таким путем. Живи. Ладно? Просто живи. Не поступай так со мной... с ним, — мой голос стал сильнее и громче, — Ты же знаешь, что он сделает, если ты умрешь. Ты же видела это раньше. Хочешь, чтобы он опять отправился к этим итальянским убийцам?

Она съежилась на диване.

Я не учел, что эти слова были не так уж и необходимы.
Пытаясь сделать голос более мягким, я спросил:
— Помнишь, когда я был ранен новорожденным вампиром?
— Что ты пытаешься мне сказать?
Я ждал, но она не отвечала. Только поджала губы.
— Ты сказала мне быть хорошим мальчиком и слушал Карлайла, — напомнил я ей, — И что я сделал? Послушался вампира. Ради тебя.
— Ты послушался, потому что в тот момент это было правильно.
— Ладно, перейдем к другой причине.
Она глубоко вздохнула.
— Сейчас не то же самое.
Ее пристальный взгляд коснулся большого живота и она зашептала, затаив дыхание.
— Я не хочу убивать его.
Мои руки опять затряслись.
— О, а я и не слышал самой главной новости. Прекрасный здоровый мальчик, как бы ни так. Нужно закупить голубых воздушных шариков.
Ее лицо порозовело. Цвет был так прекрасен, что у меня скрутило живот, будто ножом. Зазубренным, ржавым и обломанным.
Я собирался уступить. Опять.
— Не знаю, мальчик ли это, — робко заметила она, — ультразвук не сработал бы. Оболочка вокруг ребенка твердая, как их кожа. И значит, это останется маленькой тайной. Но я всегда вижу мальчика когда думаю об этом.
— Это не просто какой-нибудь миленький малыш, Белла.
— Посмотрим, — сказала она почти самоуверенно.
— А вот и нет, — огрызнулся я.
— Ты такой пессимист, Джейкоб. Определенно есть шанс, что я смогу избежать того, о чем ты говоришь.
Я не мог ответить. Смотрел вниз, дышав медленно и глубоко, пытаясь сдержать ярость.
— Джейк, — сказала она и погладила мои волосы, затем щеку, — Все будет хорошо, шшшш, все хорошо.
Я не смотрел на неё.
— Нет, не будет хорошо.
Она стерла что-то влажное с моей щеки.
— Шшшш.
— В чем дело, Белла? — я уставился на светлый ковер. Мои ноги были грязными, оставляли на нем следы. Отлично.

— Я думал, что весь смысл заключался в том, что ты больше всего хотела своего вампира. И теперь ты хочешь отказаться от него. Это бессмысленно. Отказываешься, когда захотела стать мамой. Если ты так сильно хотела стать мамой, то тогда зачем вышла замуж за вампира?

Я был опасно близок к тому чтобы сказать о том, что предложил мне Эдвард. Я чувствовал, что слова уводили меня в то направление, но ничего не мог с этим сделать.

Она вздохнула.

— Совсем не так. На самом деле я никогда не задумывалась о детях. Я не думала об этом. Дело не в том чтобы просто иметь ребенка. А в том чтобы... иметь этого ребенка.

— Он убийца, Белла. Посмотри на себя.

— Не в нем дело. Это все я. Всего лишь слаба и человечна. Но смогу вынести это, Джейк. Я могу.

— Эй, остановись. Замолчи, Белла. Ты можешь говорить эту чушь своему кровопийце, но меня тебе не одурачить.

— Ты же знаешь, что не сможешь перенести.

Она впиалась в меня взглядом.

— Я просто не знаю как. И поэтому, разумеется, волнуюсь.

— Волнуется она, — повторил я сквозь зубы.

Тогда Белла задохнулась и схватилась за живот. Моя ярость исчезла, подобно тому, как выключается свет.

— Все в порядке, — она задыхалась, — ничего страшного.

Но я её слышал; она подняла свитер, и я впиался испуганным взглядом, в обнаженное тело. Ее живот выглядел как будто покрытый большими чернильными пятнами.

Она увидела, куда я смотрю, и попыталась вернуть свитер на место.

— Он силен просто-напросто, — оправдываясь сказала она.

Эти чернильные пятна были синяками.

Я заставил себя замолчать, вспомнив что Эдвард говорил о том, как это существо причиняет ей вред. Внезапно, я почувствовал что меня охватило безумие.

— Белла, — сказал я.

Она услышала перемену в моем голосе и посмотрела в замешательстве, всё ещё тяжело дыша.

— Белла, не делай этого.

— Джейк...

— Послушай меня, не перебивай. Хорошо? Только слушай. Что если...?

— Что?

— Что если все это пустяк? Ничего или почти ничего не значащим пустяком? Что если ты послушаешь Карлайла, как хорошая девочка и будешь продолжать жить?

— Не хочу.

— Я еще не закончил. Значит, ты будешь жить и начнешь все сначала. Не получилось, попробуй снова.

Она нахмурилась, подняла руку и дотронулась до места, где сошлись мои брови. Ее пальцы гладили мой лоб в тот момент, когда она пыталась осмыслить сказанное.

— Я не понимаю.....Что ты имеешь ввиду под «попробуй еще раз»? Ты не думал, что Эдвард позволил бы мне? В чем была бы разница? Я уверена, что любой ребенок....

— Да, — я ухватился за эти слова, — любой его ребенок будет таким же, как этот.

Было видно, что она еще больше запуталась — это отразилось на её лице.

— Что?

Но я больше не мог говорить. Не было смысла. Я никогда не был в состоянии спасти ее от себя же самой. Я никогда не был в состоянии сделать это.

Тогда она моргнула, и я увидел, что до нее дошел смысл моих слов.

— О. Хм... Пожалуйста, Джейкоб. Неужели ты думаешь, что я убью своего ребенка и заменю его каким-то человеческим существом? Искусственное оплодотворение? — она выглядела немного безумной. — Почему я должна хотеть ребенка от какого-то незнакомца? Я предполагаю, что это не имеет значение? Какая разница от кого ребенок?

— Я не это имел ввиду, — бормотал я, — не от незнакомца.

Белла наклонилась вперед.

— Тогда о чем ты говоришь?

— Не о чем. Совсем не о чем. Все как всегда.

— Откуда у тебя вообще эти мысли?

— Забудь, Белла.

Она с подозрением нахмурилась.

— Он просил тебя сказать это?

Я заколебался, удивленный тем, что она поняла так быстро.

— Нет.

— Он сказал, не так ли?

— Не он, правда. Эдвард вообще не говорил об искусственном

оплодотворении.

Её лицо смягчилось, она опустилась обратно на подушки, казалось, что она опустошена.

Смотря в сторону, она начала говорить не со мной, а вообще.

— Он должен сделать хоть что-нибудь. Я причиняю ему столько боли... Но о чем он думает? Что я променяла ребенка, — ее рука двигалась по животу, — на какого-то незнакомого...

Она пробормотала последние слова, и голос затих. Её глаза увлажнились.

— Ты не должна причинять ему боль, — зашептал я.

Слова горели ядом у меня во рту, потому что я буквально умолял за него и знал, что именно эти слова имеют большее влияние на неё и, быть может, помогут спасти её жизнь. Шанс один из тысячи.

— Ты можешь сделать его счастливым, Белла. И я действительно думаю, что поймет. Честно, я бы понял.

Казалось, что она не слушает, ее рука вся гладила её многострадальный живот, пока она жевала губы. Достаточно долго было тихо. Я задумался на тем, насколько далеко от дома сейчас были Каллены. Далеко ли, чтобы не услышать мои попытки патетически порассуждать с ней.

— Не от незнакомца? — пробормотала она.

Я вздрогнул.

— Что именно тебе сказал Эдвард? — тихо спросила меня она.

— Ничего. Он только думал, что ты выслушаешь меня.

— Не это. Я про «попытаться снова».

Ее глаза сфокусировались на мне, и я мог видеть, что сказал достаточно.

— Ничего.

Ее рот немного приоткрылся.

— Ого!

Несколько ударов сердца была тишина. Я снова посмотрел на свои ноги, не в силах взглянуть на нее.

— Неужели он настолько растерялся? — прошептала она.

— Я же сказал, он сходил с ума. Буквально, Беллс.

— Я удивлена что ты не воспрепятствовал ему. Подкинул проблему.

Когда я посмотрел на неё, она усмехалась.

— Подумай об этом, — я попытался усмехнуться в ответ, но получилась только кривая улыбка. Она знала, что я предлагал, и не собиралась думать дважды. Я знал, что она не будет думать.

Но это ее задело.

— Ты бы не сделал это, так ведь? — прошептала она, — я правда не знаю, почему ты настолько беспокоишься. Я не заслуживаю этого.

— Тем не менее, это не имеет никакого значения, правда?

— Не в этот раз, — вздохнула она. — Мне жаль, что я не могу объяснить так, чтобы ты понял. Я не смогу причинить ему боль, — она показала на свой живот, — даже больше, я могла бы взять ружье и выстрелить в тебя. Я люблю его.

— Почему ты любишь всегда не тех, Белла?

— Вовсе нет.

Чтобы мой голос стал тверже, как мне хотелось бы, я прочистил горло.

— Поверь мне.

Я встал на ноги.

— Куда ты собрался?

— Бессмысленно оставаться здесь.

Она протянула свою теплую руку в мольбе.

— Не уходи.

Я чувствовал, как потребность в ней съедала меня изнутри, требуя чтобы я был с ней рядом.

— Мне нечего здесь делать. Я должен вернуться.

— Почему же ты пришел? — спросила она мягко.

— Только для того, чтобы увидеть, что ты действительно жива. Я не поверил, что ты настолько больна, как сказал Чарли.

Я не мог определить, поверила она мне или нет.

— Вернешься ли ты снова? Раньше ты....

— Я не собираюсь бродить вокруг и наблюдать, как ты будешь умирать, Белла.

Она вздрогнула.

— Ты прав, прав. Ты должен идти.

Я подошел к двери.

— Прощай, — прошептала она мне, — Я люблю тебя, Джейк.

Я едва не вернулся. Чуть было ни развернулся и не упал на колени, и не начал снова умолять. Но я знал, что она бы отреагировала на это с холодным упрямством, перед тем как окончательно добить меня, как если бы собиралась добить его.

— Конечно, конечно, — бормотал я на выходя.

Я не увидел ни одного из вампиров. Не обратил внимания на свой байк, стоящий в одиночестве посреди лужайки. Байк был не достаточно быстр для меня. Мой отец, должно быть, обезумел, Сэм тоже. Как

отреагировала стоя на то, что я не объявлялся так долго? Думали ли они, что Каллены добрались до меня, до того, как у меня был бы шанс? Я разделся, совсем не заботясь о том, что меня могут увидеть, и побежал, обернувшись в волка в течении первого большого шага.

Они ждали меня. Конечно ждали.

— Джейкоб, Джейк, — сошлись в хоре восемь голосов.

— Возвращайся сейчас же домой, — приказал голос Альфы. Сэм был в ярости.

Я чувствовал, что Пол постепенно исчезал, и знал, что Билли и Рейчел хотели скорее услышать, что со мной. Пол был слишком взволнован, чтобы рассказывать всю историю о том, что я не стал едой вампира. Мне не хотелось разговаривать со стаей, я был уже почти на полпути — они могли видеть размытый лесной пейзаж, я бежал домой. Также я не сказал им, что был немного не в себе. Мои страдания были очевидны.

Они увидели весь этот ужас: пятнистый живот Беллы, ее хриплый голос, силу её ребенка, агонию Эдварда, который наблюдал всё то, что творилось с ней, ее увядание.....картина того, как это ранит ее, Розали, которая носиться с Беллой и для которой жизнь Беллы ничего не значит — и на этот раз ни у кого из них не было слов.

Их шок был тишиной в моей голове. Безмолвной. Я был на полпути домой, когда все оправились от шока. И тогда они побежали мне навстречу.

Почти уже совсем стемнело — тучи полностью скрыли закат. Я рисковал выбегать на автостраду и делал это лишь тогда, когда не боялся быть замеченным.

Мы встретились в десяти милях от Ла Пуша, на поляне, покинутой лесорубами. Это было далеко от дороги и располагалось у подножий двух гор, там где нас никто не увидел бы. Пол нашел это место, пока я был в пути.

Итак, вся стая в сборе.

Гомон голосов в моей голове представлял собою хаос. Все кричали одновременно.

Шерсть Сэма стояла дыбом, и он непрерывно рычал, ходя из стороны в сторону по кругу у подножий. Пол и Джаред двигались за ним, как тени, их уши были прижаты к голове. Вся стая была взволнована, это было заметно по их лапам и рыку.

Сначала их гнев был неопределенным, и я подумал, что являюсь причиной гнева. Я был слишком озадачен этим. Они могли бы, если хотели, перехитрить меня. И затем разрозненный беспорядок мыслей начал двигаться в одном направлении.

- Как это возможно?
- Что это значит?
- Что будет?
- Спасения не будет.
- Неправильно.
- Опасно.
- Не естественно.
- Чудовищно.
- Отвратительно.
- Мы не можем этого допустить.

Теперь стая стала одним целым, думая об одном, вместе со мной, и вместе со всеми.

Я сидел рядом, будто с каждым из братьев, слишком ошеломленный, чтобы думать и смотреть самому, и видел только рядом сидящего, а стая все кружила вокруг.

- Соглашение не подразумевает этого.
- Каждый будет в опасности.

Я пытался разобрать этот вихрь голосов, пытался влиться в поток и увидеть к чему они пришли, но было бесполезно.

Картинка в центре их мыслей была моей картинкой — худшая из всех. Синяки Беллы, лицо Эдварда, сраженного агонией.

- Они тоже боятся этого.
- Но ничего не станут с этим делать.
- Защитить Беллу Свон.
- Мы не можем позволить, чтобы это влияло на нас хоть как-то.
- Безопасность наших семей, каждого из нас, намного важнее одного человека.

- Если они не убьют ЭТО, то мы убьем.
- Защитить род.
- Защитить наши семьи.
- Мы убьем ЭТО пока не поздно.

Другая картинка: слова Эдварда. «Это существо растет очень быстро».

Я изо всех сил пытался сосредоточиться, чтобы выделить отдельные голоса.

- Нельзя тянуть, — думал Джаред.
- Это будет означать войну, — предостерег Эмбри, — плохо.
- Мы готовы, — настаивал Пол.
- С нашей стороны это будет неожиданностью, — думал Сэм.
- Если мы разделим их, то сможем победить. Значит наши шансы на

победу увеличатся, — думал Джаред, уже сейчас планируя план нападение.

Я тряхнул головой, медленно поднимаясь на ноги. И почувствовал головокружение, будто волки бегали вокруг меня. Волк рядом со мной тоже встал. Его плечо поддержало меня.

— Подождите, — подумал я.

Водоворот мыслей остановился на мгновение и затем продолжил свое движение.

— У нас нет времени, — сказал Сэм.

— Но о чем вы думаете? Вы ведь только сегодня не хотели напасть на них из-за нарушения договора. А сейчас вы уже планируете засаду, хотя соглашение все еще действует.

— Это совсем не относится к нашему соглашению, — ответил Сэм. — Существует опасность для каждого человека в округе. Мы не знаем, какое существо породили Каллены, но это что-то сильное и быстрорастущее. И это существо будет слишком маленьким, чтобы соблюдать хоть какое соглашение. Вспомни новообращенных вампиров, с которыми мы сражались. Дикие, жестокие, беспринципные и несдержанные. А теперь представь, что одного из таких будут защищать Каллены.

— Мы же не знаем точно, — я попытался вмешаться.

— Не знаем, — согласился он, — но мы не можем так рисковать. Мы можем позволить Калленам существовать, пока уверены, что они никому не причинят вред. Это....этому существу мы не можем доверять.

— Им нравится это так же как и нам.

Сэм вытащил из моей памяти лицо Розали, как она защищала Беллу и показал всем.

— А кто-то ведь готов сражаться за это существо, независимо от того, какое оно.

— Это всего лишь дитя, которое кричит и плачет.

— Не надолго, — зашептала Леа.

— Джейк, приятель, это большая проблема, — сказал Квил, — мы не можем игнорировать ее.

— Вы раздуваете из мухи слона, — парировал я, — Единственный кто в опасности — так это Белла.

— Опять из-за ее собственного выбора, — сказал Сэм, — Но в этот раз ее выбор касается всех нас.

— Я так не думаю.

— Мы не можем рисковать. Не позволим кровопийце охотиться на нашей земле.

— Тогда скажи им, чтобы уезжали, — сказал волк, который

поддерживал меня.

Это был Сэт, конечно он.

— И тогда эта угроза принесет вред другим? Когда вампиры пересекут наши земли, то мы уничтожим их, независимо от того, где они планируют поохотиться. Мы защитим каждого, кого сможем.

— Это безумие, — сказал я, — Только этим днем ты боялся вовлечь стаю в опасность.

— Днем я не знал, что наши семьи в опасности.

— Поверить не могу! Как же ты собираешься убить это существо, не причинив вреда Белле?

Не было слов, но эта тишина все объяснила.

У меня вырвался вой.

— Она тоже человек. Неужели ваша защита не распространяется на нее?

— Она все равно умрет, — подумала Леа, — мы только ускорим процесс.

Это стало последней каплей. Я прыгнул от Сэта к его сестре с обнаженными клыками. Хотел поймать ее за левую лапу, когда почувствовал зубы Сэма на своем боку, тащившие назад.

Я взвыл от боли и ярости, повернувшись к нему.

— Остановись! — приказал он голосом на два тона выше, голосом Альфы.

Мне казалось, что ноги разъезжаются подо мной. Я пытался остановить их, буквально одной силой воли.

Он отвел свой пристальный взгляд от меня.

— Не будь так жестока к нему, Леа, — приказал он ей.

— Жертва Беллы — это тяжелое бремя, и мы осознаем, что забирая человеческую жизнь, мы идем против своих идеалов, всего того, что мы поддерживали. Сделаем исключение из этих идеалов ради истребления порождения тьмы. Мы будем сожалеть о том, что сделаем сегодня ночью.

— Сегодня? — пораженно подумал Сэт, — Я думал, что мы уделим больше внимания обсуждению этой ситуации. Наконец, поговорим со старейшинами. Ты не можешь так серьезно рассуждать об этом.

— Никто сейчас не будет слушать о твоей симпатии к Калленам. Нет времени на рассуждение. Ты сделаешь так, как тебе говорят, Сэт.

Колени Сэта подогнулись, и его голова поникла под весом приказа Альфы.

Сэм ходил кругами вокруг нас двоих.

— Для битвы нам нужна вся стая, Джейкоб, ты наш самый сильный

боец. Ты будешь сражаться с нами сегодня ночью. Я понимаю, что это трудно для тебя, но ты должен сконцентрироваться на других бойцах — Эмметте и Джаспере Калленах. И ты не должен быть вовлечен в бой с.....другими. Квил и Эмбри будут с тобой.

Мои колени задрожали. Я изо всех сил пытался держаться вертикально, пока голос Альфы давил на мою волю.

— Пол, Джаред и я возьмем на себя Эдварда и Розали. Думаю, что исходя из информации, предоставленной Джейкобом, они одни из тех, кто будет охранять Беллу. Карлайл и Элис также будут поблизости, возможно еще и Эсме. Брэди, Колли, Сэт и Леа возьмут их на себя. Все должны придерживаться плана.

Мы услышали, как он мысленно заикнулся о Белле, что существо само займется ей.

— Главная задача — уничтожить существо.

Стая нервно зарычала в согласии с планом. Напряжение чувствовалось в каждой шкуре. Шаги бели резче, когти скребли почву.

Только Сэт и я, все еще оставались в центре шторма из обнаженных клыков и прижатых ушей.

Нос Сэта почти касался земли, находящийся под тяжестью приказа Сэма. Я чувствовал его боль из-за вынужденного предательства. Да, для него это было предательством, ведь был день союза, сражение плечом к плечу с Эдвардом Калленом. Сэт действительно стал другом вампира. Однако он не сопротивлялся. Он повиновался бы независимо от того, насколько его это ранило. У него не оставалось другого выхода.

А какой выбор был у меня? Когда Альфа говорил, то стая шла за ним. Сэм никогда раньше не показывал свою власть в такой мощи. Я знал, что ему действительно не нравилось смотреть на то, как Сэт становился на колени, как раб перед хозяином. Сэм не сделал бы этого, зная, что есть другой выход. Он не мог нам врать об этом, особенно когда мы были мысленно связаны. Он правда верил, что нашей обязанностью является уничтожить Беллу и монстра, которого она носит. Он правда верил, что мы не должны терять времени. Он верил, и этого было достаточно, чтобы умереть за это. Я видел, как он представляет лицо Эдварда перед собой. Способность Эдварда читать наши мысли делала его самой большой угрозой в мыслях Сэма. И Сэм не позволил кому бы то ни было взять на себя эту опасность. Второй самой сильной угрозой он считал Джаспера, которого он дал мне. Он знал, что у меня больше шансов, в отличие от других членов стаи, выиграть этот бой. Он оставил самые легкие цели для младших волков и Леи. Маленькая Элис была не опасна, ведь она не могла

видеть нас в своих видениях и мы знали со времен нашего союза, что Эсме не боец. Карлайл был бы большей проблемой, если бы это не препятствовала его ненависть к насилию.

Мне было больнее, чем Сэту, поскольку я видел, как Сэм распланировал все, пытаясь выработать стратегию, которая даст каждому члену стаи больше шансов остаться в живых.

Совсем недавно все было наоборот. Я был готов атаковать вампиров. Но Сэт был прав — это не было бы битвой, к которой я был бы готов. Меня ослепляла ненависть. Она не позволяла мне смотреть более внимательно, потому что я быть может знал, что я увижу, если бы напал.

Карлайл Каллен. Если посмотреть на него без ненависти, застилающей глаза, я не мог не признать что его убийство было бы настоящим убийством. Он хороший. Хороший как люди, которых мы защищаем. Наверное, даже лучше. Другие тоже, как я предполагаю, но не чувствую уверенности насчет них. Я знал их не достаточно. А это был Карлайл, который не стал бы сопротивляться, чтобы спасти даже свою собственную жизнь. Это и было причиной, почему мы должны убить его — потому что он не будет желать нашей смерти.

Это неправильно.

И это не только поэтому, что убив Беллу я буду чувствовать, будто убил себя, будто совершил самоубийство.

— Нам нужно держаться вместе, Джейкоб, — приказал Сэм, — Род на первом месте.

— Я был сегодня не прав, Сэм.

— Тогда у тебя были свои неверные причины. Но сейчас у нас есть долг который надо исполнить.

Я пытался укрепить себя в этой мысли.

Нет.

Сэм огрызнулся и остановился прямо передо мной. Он посмотрел в мои глаза, и глухое рычание вырывалось сквозь его клыки.

— Да, — это был приказ Альфы и его громкий голос вскипел от жара власти, — Сегодня нет никаких вариантов для спасения. Ты, Джейкоб, будешь сражаться против Калленов с нами. Ты, Квил и Эмбри позаботитесь о Джаспере и Эмметте. Ты обязан защитить род. Именно поэтому ты существуешь. Ты должен это сделать.

Мои плечи сгорбились, когда приказ сокрушил меня. Мои ноги подкосились и я оказался на животе.

Никто из членов стаи не мог отказать Альфе.

Глава 11

В моем списке есть две основные вещи, которые я никогда не буду делать

Сэм начал построение стаи, пока я еще лежал на земле. Эмбри и Квил были по обе стороны от меня, ожидая, когда я приду в себя и займу свое место.

Я чувствовал настойчивую необходимость подняться на ноги встать в их главе, она росла, и было бесполезно подавлять ее. Я съежился.

Эмбри тихо заскулил рядом со мной. Он не хотел выражать свои мысли словами, боясь, что это снова привлечет ко мне внимание Сэма. В его бессловесной просьбе он настаивал на том, чтобы я встал и заканчивал с этим.

Стая чувствовала страх. Не так уж много для одного из нас, но достаточно много для всех. Мы не могли даже представить, что случится этой ночью. Кого из братьев мы потеряем?

Чьи мысли покинут нас навсегда? Чьи скорбящие семьи придется утешать утром?

Мое сознание начало работать вместе со стаей, наши мысли слились воедино. Так мы делились своими страхами. Я поднялся с земли и встряхнулся. Эмбри и Квил облегченно вздохнули. Квил коснулся своим носом моего бока. Их сознания были заполнены только предстоящим делом и нашим вызовом.

Мы вспоминали ночи, когда смотрели, как Каллены готовятся к битве с новообращенными. Эммет Каллен был сильнейшим из них, но Джаспер будет самой большой проблемой. Он двигался как вспышка молнии: сила, скорость и смерть, совмещенные в одно целое. Какой вековой опыт у него за плечами? Достаточный, для того, чтобы другие Каллены выбрали его как руководителя.

— Я займу эту позицию, если ты собираешься зайти с фланга, — предложил Квил. Он был более возбужден, чем другие. Когда Квил следил за инструкциями Джаспера в те ночи, ему до смерти хотелось применить все эти методы против вампиров. Он считал это обычным соревнованием. Даже зная, что на кону его жизнь, он не мог воспринимать это иначе. Пол тоже чувствовал нечто подобное, как и дети, которые никогда не были в битве — Колин и Бреди. Сет определенно чувствовал бы себя так же, если

бы противники не были его друзьями.

— Джейк? — Квил подтолкнул меня — так в какой позиции ты хочешь быть? Я только встряхнул головой. Я не мог сосредоточиться — принуждение следовать приказам заставляло чувствовать себя марионеткой, словно к каждому моему мускулу были привязаны веревки. Один шаг вперед, теперь другой. Сет шел в хвосте за Колином и Бреди. Леа двигалась рядом с ними.

Она игнорировала Сета, планируя что-то с другими. Я видел, что она бы предпочла, что бы он не участвовал в битве. В ее чувствах к брату проявился материнский инстинкт. Леа хотела, чтобы Сэм отослал его домой, но Сет не разделял ее опасений. Он просто выполнял приказ.

— Может, ты перестанешь сопротивляться... — прошептал Эмбри. — Сосредоточься лишь на нашей задаче, на нашей главной задаче. Мы сможем победить их. Мы их сделаем. — Квил подбадривал себя так, как обычно это делают болельщики перед большой игрой.

Я понимал, что будет не сложно думать только о том, что я должен был сделать. Нетрудно представить Джаспера или Эммета в атаке. Мы уже видели это раньше.

Я уже когда-то думал о них, как о врагах, довольно-таки долго. Что ж, я смогу вспомнить об этом снова. Но мне придется забыть, что они защищают то, что я и сам защитил бы любой ценой, я должен забыть причину, по которой я хотел, чтобы победили они.

— Джейк, — предостерег Эмбри, — не думай о постороннем. — Я вяло переставлял лапы, сопротивляясь веревкам, вынуждающих их двигаться.

— Нет смысла пытаться бороться с этим — прошептал Эмбри снова.

Я бы сделал то, что хочет Сэм. Если бы он не приказывал это сделать против моей воли. А он приказывает. И это очевидно.

Есть весомая причина для власти Альфа. Стая, даже такая сильная как наша, была бы ничем без лидера. Нам приходилось думать вместе, двигаться вместе, чтобы представлять собой что-то значительное. У нас должен быть вожак.

Но что, если Сэм сейчас не прав? Никто ничего не мог сделать, никто не мог оспорить его решение...

Кроме...

Вот она... мысль, которую я никогда не захотел бы озвучить.

Но сейчас, без возможности сделать что-либо помимо воли Сэма, я осознал это исключение с облегчением, даже больше чем с облегчением, с жестокой радостью. Никто не мог оспорить решение Альфа... Никто,

кроме меня.

Я ничего не заслуживал, но было кое-что, что родилось вместе со мной, то, что я так и оставил нетронутым.

Я никогда не хотел возглавить стаю. Я не хотел этого и сейчас. Мне не хотелось, чтобы ответственность за наши судьбы легла на мои плечи. Сэм справлялся с этим лучше, чем когда либо это смог я.

Но этой ночью он был неправ.

Я был рожден не для того, чтобы преклоняться перед ним. Оковы упали с меня в ту же секунду, как я осознал права, данные мне с рождения.

Я чувствовал как свобода и странная пустая сила наполняют меня. Пустая — потому что сила вожака идет от его стаи, а у меня ее не было. На секунду одиночество овладело мной.

У меня больше нет стаи.

Но я был силен и статен, когда направлялся к тому месту, где стоял Сэм, обсуждая что-то с Полом и Джаредом. Он повернулся на звук моего приближения и его черные глаза сузились.

— Нет, — повторил я.

Он услышал мой ответ и выбор, который я сделал — это прозвучало в моих мыслях с интонацией Альфа.

— Джейкоб? Что ты делаешь?

— Я не буду следовать за тобой, Сэм. Не сейчас, когда ты не прав.

Он ошеломленно уставился на меня.

— Ты выбираешь ... Ты предпочитаешь врагов своей семье?

— Они не, — я встряхнул головой, проясняя ее, — они не наши враги. И никогда ими не были, до того момента, пока я не подумал об их уничтожении. Но тогда я этого не понимал.

— Дело не в них, — прорычал Сэм, — дело в Белле. Она никогда не была предназначена для тебя, она никогда не выбирала тебя, но ты продолжаешь ломать свою жизнь из-за нее!

Это были жестокие слова, но они были правдивы. Я глубоко вздохнул.

— Может ты и прав. Но ты собираешься уничтожить стаю из-за нее, Сэм! Не имеет значения, сколько из них выживет сегодня ночью, но каждый из них будет иметь у себя за плечами убийство.

— Нам необходимо защитить свои семьи!

— Я знаю, что ты уже решил, Сэм, но ты не можешь решать и за меня, больше не можешь.

— Джейкоб, ты не можешь отвернуться от всех!

Я услышал двойное эхо приказа Альфа, но сейчас это не имело для меня значения, и поэтому не произвело никакого эффекта. Он лязгнул

зубами, пытаюсь силой заставить меня отвечать на его слова.

Я пристально смотрел в его взбешенные глаза.

— Сын Эфраима Блэка был рожден не для того, чтобы подчиняться сыну Леви Улея.

— Это все, Джейкоб Блэк? — Его шерсть встала дыбом, он оскалил зубы. Пол и Джерад повторили его действия и встали по бокам рядом с ним.

— Даже если ты сможешь победить меня, стая никогда не последует за тобой!

Я отступил назад, неожиданное завывание вырвалось из моей груди.

— Победить тебя? Я не собираюсь драться с тобой, Сэм.

— Тогда, каков твой план? Я не отступлю в сторону, позволив тебе защищать вампирское отродье ценой клана.

— Я не говорю о том, что ты должен отступать в сторону.

— Если ты прикажешь им следовать за тобой...

— Я никогда не отниму у них возможность выбирать.

Сэм отшатнулся от обвинения, прозвучающего в моем голосе, его хвост заметался из стороны в сторону. Потом он сделал шаг вперед, мы почти касались друг друга. До этого момента я даже не замечал, что стал выше него.

— В стае не может быть больше, одного Альфа. Стая выбрала меня. Ты разделишь нас? Ты повернешься спиной к своим братьям? Или ты прекратишь это безумие и снова присоединишься к нам?

Каждое произнесенное им слово звучало как команда, но его приказы больше не действовали на меня. Кровь предводителя бежала по моим венам.

Я понимал, почему в стае мог быть только один Альфа.

Мое тело реагировало на вызов. Во мне рос инстинкт защищать свои права. Примитивная суть моего волчьего «я» напряглась, готовая к бою за свое главенство.

Мне понадобились все силы, чтобы держать под контролем эту реакцию. Я не начну бессмысленную и разрушительную схватку с Сэмом. Он все еще был моим братом, даже несмотря на то, что я отвергал его.

— В этой стае только один предводитель, не отрицаю. Только я выбираю идти своим путем.

— Ты все еще в стае, Джейкоб?

Я отступил.

— Я не знаю, Сэм... Но я принял решение, — Он отстранился, почувствовав в моем голосе тон вожака. Это произвело на него куда более

сильный эффект, чем когда-либо его голос производил на меня. Я был рожден, для того, чтобы возглавить его, — Я всегда буду между вами и Калленами. Я не собираюсь просто смотреть, как стая убивает невинных, — было нелегко применить это слово к вампирам, но я считал, что это правильно, — людей. Стая должна быть выше этого. Управляй ими в правильно, Сэм. — Я повернулся к нему спиной, и целый хор завываний наполнил лес.

Впиваясь когтями в землю, я бежал от шума, который поднял. Времени было мало. По крайней мере Леа была единственной, кто имел шанс догнать меня.

Вой утихал постепенно и я начал успокаиваться, звук продолжал затихать в тишине ночи. Они пока не преследуют меня.

Необходимо было предупредить Калленов до того как стая соберется вместе и попробует остановить меня. Если стая будет подготовлена, это даст Сэму повод передумать, пока не стало слишком поздно.

Я побежал по направлению к белому дому, который по прежнему ненавидел, оставляя собственный дом позади. Он больше не принадлежал мне. Я отвернулся от него.

Сегодняшний день должен был начаться как и любой другой. С дождливым рассветом, завтраком с Билли и Рейчел, дрянным телевизором, потасовкой с Полом. Как вышло, что все так серьезно переменилось? Каким образом все успело настолько перепутаться и испортиться, что я оказался совсем один, непреклонный Альфа, отрезанный от своих братьев, променявший их на вампиров?

Звук, который я боялся услышать, прервал мои сбивчивые мысли — мягкое касание земли большими лапами, преследующих меня. Я кинулся вперед, мчась сквозь черный лес.

Мне нужно только достаточно близко подобраться к дому, чтобы Эдвард смог услышать предупреждение, которое звучало в моей голове. Леа не станет пытаться остановить меня самостоятельно. Вскоре я услышал мысли своего преследователя. В них не было злости, только энтузиазм. Не преследование... попытка догнать. Я сбился с ритма, и мне пришлось ненадолго сбавить скорость.

— Погоди! Мои лапы не такие длинные, как твои!

— Сет! Что ты делаешь? Иди домой!

Он не ответил, но я почувствовал его возбуждение. Поскольку он бежал недалеко от меня, я мог видеть его глазами так же, как и он моими. Для меня эта ночь была холодной, полной отчаянья. Для него же она была полна надежды.

Не осознавая, я сбавлял темп бега, когда неожиданно он оказался сбоку от меня.

— Я не шучу, Сет! Здесь тебе не место, убирайся!

Неуклюжий коричневый волк фыркнул.

— Я принимаю твою сторону, и думаю, что ты прав. Я не собираюсь стоять рядом с Сэмом, когда...

— О, да! Ты, черт тебя подери только что собирался поддержать его! Возвращай свой пушистый зад в Ла-пуш и делай то, что говорит Сэм!

— Нет.

— Иди, Сет!

— Это приказ, Джейкоб?

Его вопрос заставил меня остановиться. Я шел спиной вперед к своей цели по грязи, мои когти оставляли глубокие борозды.

— Я не собираюсь никому приказывать что-либо делать. Я лишь говорю тебе то, о чем ты и так знаешь.

Он сел рядом со мной.

— Я скажу тебе, что знаю. Я скажу, что здесь невыносимо тихо, ты не заметил?

Я моргнул. Мой хвост заметался из стороны в сторону, поскольку я понял, что он хотел сказать. Завывания продолжались далеко на западе, по-прежнему заполняя воздух.

— Они не отступили, — сказал Сет.

Я знал это. Стая сейчас будет в полной готовности. Они будут использовать мысленную связь, чтобы хорошенько осмотреться. Однако я не слышал их мысли. В моей голове звучал только голос Сета и никого больше.

Кажется, те, кто отделился от стаи не связаны с ней мысленно.

— Ха, у наших отцов не было повода узнать об этом раньше, из-за отсутствия причин разделять стаю. Никогда не было достаточного количества волков, чтобы поделить одну стаю на две. Вау! Действительно тихо... Жутковато. Но в то же время довольно приятно, не находишь? Я думаю, что Эфраиму, Квилу и Леви было так же легко, как нам сейчас. Не какой-то гвалт голосов одновременно звучащих у тебя в голове, а всего три голоса, или как сейчас два.

— Замолчи, Сет!

— Есть, Сэр!

— Прекрати! Нет никаких двух стай, есть только одна стая и есть еще я. И все. Так что можешь идти домой.

— Если нет двух стай, то как ты объяснишь то, что мы слышим только

мысли друг друга, но не слышим остальных? Думаю, что когда ты отвернулся от Сэма, это было довольно существенным поступком. Изменение. И когда я последовал за тобой, это так же повлекло изменения.

— У тебя пунктик на эту тему? — предположил я, — но то, что можно изменить, можно вернуть и назад.

Он поднялся и устремился на восток, — Сейчас не время спорить. Мы должны быть как можно дальше, пока Сэм...

В этом он был прав. Не было времени для спора. Я снова перешел на бег, но на этот раз не такой стремительный. Сет не отставал, держась на своем традиционном месте, справа от меня.

— Я могу бежать где-нибудь еще, — предложил он, немного опустив нос, — прости, что не последовал за тобой сразу...

— Мне все равно, где ты будешь бежать. Для меня это не имеет значения.

Звуки преследования были не слышны. Мы бежали синхронно, но во мне начло подниматься беспокойство. Невозможность читать мысли стаи, значительно усложняло мне задачу. Возможностей предугадать атаку стаи сейчас у нас было не больше чем у Каленов.

— Мы можем патрулировать, — предложил Сет.

— А что ты предлагаешь делать, если стая бросит нам вызов? — сузил я глаза, — Атаковать наших братьев, твою сестру?

— Нет, мы заранее услышим их и уйдем от нападения.

— Хороший ответ. Но что потом? Я не думаю...

— Я знаю, — согласился он, уже менее уверенно, — я тоже не думаю, что смогу драться с ними. Но и они не будут не в восторге от того, что им придется нас атаковать. Этого должно хватить, чтобы остановить их. Плюс их сейчас всего лишь восемь.

— Прекрати быть таким... — мне потребовалась минута, чтобы подобрать нужное слово, — оптимистистом! Это меня раздражает.

— Нет проблем! Ты хочешь, чтобы я был мрачным и угрюмым? Или чтоб я просто заткнулся?

— Просто заткнись.

— Это я могу.

— Правда? Что-то не похоже!

В конце концов, он замолчал. Чуть позже мы уже бежали вдоль дороги и продвигались сквозь лес, окружавший дом Каленов. Сможет Эдвард нас услышать?

— Может нам стоит выразить мысленно, что-то вроде «мы пришли с миром»?

— Ну, давай.

— Эдвард? — он назвал имя неуверенно, — Эдвард, ты там? Ну вот, теперь я чувствую себя глупо.

— Звучишь ты тоже глупо.

— Думаешь, он слышит нас?

Теперь мы были где-то в миле от дома.

— Я думаю, что слышит. Эй, Эдвард, если ты меня слышишь, выйди на встречу, кровосос. У тебя проблемы.

— У нас проблемы, — поправил Сет.

Мы вышли из-за деревьев на большую поляну. В доме было темно, но он не был пуст. Эдвард стоял на крыльце между Эмметтом и Джаспером. Они выглядели такими белыми, словно снег в бледном свете.

— Джейкоб, Сет? Что случилось?

Я затормозил, а потом отступил на пару шагов. Запах был таким резким для моего волчьего носа, что казалось, будто он сжигает меня.

Сет тихо заскулил, поколебался, а потом расположился за моей спиной. Чтобы ответить Эдварду я начал прокручивать в своем сознании последние события, дополняя общую картину мыслями Сета. Сет делал тоже самое, давая возможность увидеть все с другого ракурса. Когда мы дошли до части отворачивания, пришлось остановиться, потому что Эдвард взбешенно прошипел, соскочив с крыльца.

— Они хотят убить Беллу? — прорычал он.

Эммет и Джаспер, не слышавшие начала разговора, восприняли вопрос Эдварда как утверждение. В одно мгновение они оказались рядом с ним и начали надвигаться на нас.

— Эй, вы! — Сет, попятился назад.

— Эм, Джаз, не они. Другие, остальная стая собирается напасть на нас.

Эммет и Джаспер вернулись обратно на свои места. Эмметт повернулся к Эдварду, а Джаспер не сводил с нас глаз.

— А какие у них проблемы? — потребовал ответа Эмметт.

— Такие же, как и у меня, — прошептал Эдвард, — Но у них свои планы на счет того, как их разрешить. Позови остальных. Позвони Карлайлу. Они с Эсме должны сейчас же быть здесь.

Я тревожно заскулил — они были не вместе.

— Они не далеко, — сказал Эдвард тем же безжизненным голосом, как и прежде.

— Я собираюсь пробежаться и осмотреться, — сказал Сет, — обойти западный периметр.

— Это опасно, Сет? — спросил Эдвард.

Сет и я обменялись взглядами.

— Не думаю, — ответили мы вместе, и затем я добавил: — Но, наверное, я тоже должен пойти, на всякий случай.

— Они не станут нападать на меня одно, слишком легкая добыча. Я всего лишь ребенок для них.

— Для меня ты тоже только ребенок.

— Но тебе необходимо скоординировать действия с Калленами.

Он повернулся и исчез в темноте. Я не собирался приказывать Сету вернуться, поэтому позволил ему уйти. Мы с Эдвардом стояли в темноте, глядя друг другу в глаза. Я слышал, как Эммет что-то тихо говорит в трубку. Джаспер смотрел туда, где только что скрылся за деревьями Сет. Элис появилась на крыльце и с беспокойством посмотрела на меня, затем быстро подошла к Джасперу. Я предположил, что Розали осталась в доме с Беллой, охраняя ее от непредвиденных опасностей.

— Это уже не первый раз, когда я благодарю тебя, Джейкоб, — сказал Эдвард, — Я никогда не стал бы просить тебя об этом.

Я вспомнил вопрос, который он задавал мне сегодня. Когда речь заходит о Белле, нет таких барьеров, которые он не смог бы преодолеть.

— Нет, ты стал бы.

Он подумал и ответил.

— Да, полагаю, ты прав.

— Ну, это не первый раз, когда я делаю это не ради тебя.

— Правда, — тихо ответил он.

— Прости, я не сделал сегодня ничего полезного. Говорил же, что она не станет меня слушать.

— Знаю, на самом деле я не очень верил в то, что она послушается. Но попробовать стоило.

— Ей лучше?

Его голос и взгляд стали пустыми...

— Хуже.

Он вздохнул, я не хотел вдумываться в это слово. Я был благодарен Элис, когда она заговорила.

— Джейкоб, не мог бы ты сменить образ? Я хочу знать, что происходит. — Мне пришлось затрясти головой, и Эдвард сразу ответил:

— Ему необходимо держать связь с Сетом.

— Ну, тогда ты, будь добр, расскажи мне, что происходит.

Он коротко, лишенным всяких эмоций голосом, объяснил ей ситуацию.

— Стая думает, что Белла становится проблемой. Они видят потенциальную опасность в том... в том, кого она вынашивает. Они чувствуют, что обязаны убрать эту проблему. Джейкоб и Сет сбежали предупредить нас, остальные планируют атаковать сегодня.

Элис зашипела, отстраняясь от меня. Эммет и Джаспер обменялись взглядами и начали осматривать деревья.

— Тут никого нет, — доложил Сет, — На западной стороне все тихо.

— Они могут обойти.

— Я проверю.

— Карлайл и Эсме уже едут, — сказал Эммет, — будут через двадцать минут, не больше.

— Мы должны подготовиться к обороне, — сказал Джаспер.

Эдвард кивнул.

— Пойдемте в дом.

— Я буду патрулировать периметр с Сетом. Если убегу далеко, и ты не сможешь читать мои мысли, слушай лай.

— Хорошо.

Они направились в дом, по пути осматриваясь. Еще до того, как они зашли внутрь, я развернулся и устремился на запад.

— Я до сих пор ничего не обнаружил, — доложил Сет.

— Я возьму на себя полукруг. Двигайся быстро — мы не можем дать им возможность проскользнуть мимо нас.

Сет ринулся вперед с небывалой скоростью.

Мы бежали в тишине, шли минуты, я прислушивался ко всем звукам вокруг Сэта, проверяя его бдительность.

— Эй, кто-то приближается. И быстро, — сказал он через пятнадцать минут молчания.

— Прямо к нам!

— Оставайся на месте, я не думаю, что это стая. Звуки другие.

— Сет...

Но он поймал запах, принесенный ветром. Я услышал это в его мыслях.

— Вампир. Это Карлайл.

— Сет, вернись назад! Это может быть кто-то другой.

— Нет, это он, я узнаю его запах. погоди, я собираюсь перехватить его и все объяснить.

— Сэт, я думаю...

Но он уже ушел. С тревогой я бежал на запад, к границе. Разве это не замечательно? Я не смог позаботиться о Сэте в течение одной ночи. Что,

если с ним что-нибудь случиться, пока он под моим присмотром? Леа порвет меня на кусочки. По крайней мере, паренек справился быстро. Не прошло и двух минут, как я снова ощутил его присутствие в своем сознании.

— Точно, Карлайл и Эсме. Они были очень удивлены, увидев меня. Я уверен, они уже в доме. Карлайл сказал спасибо.

— Он хороший парень.

— Да, и это одна из причин, почему мы поступаем правильно.

— Надеюсь.

— Почему ты такой грустный, Джейк? Бьюсь об заклад, что Сэм не поведет стаю сегодня. Он ведь не самоубийца.

Я вздохнул. Сэм волновал меня сейчас меньше всего.

— Ох, ты ведь не о Сэме сейчас думаешь, не так ли?

Я развернулся, когда патрулируемая мной территория закончилась. Я почувствовал запах Сета там, где он повернул в последний раз. Мы не оставляли пробелов.

— Ты точно уверен, что Белла умрет? — прошептал Сет.

— Да, умрет.

— Бедный Эдвард! Он, должно быть, сходит с ума.

— В буквальном смысле.

Имя Эдварда заставило другие воспоминания всплыть на поверхность и закипеть. Сет начал выть.

— О, Боже! Ты не мог! Джейкоб, ты тоже это знаешь! Я не могу поверить в то, что ты пообещал убить его! Что же это такое! Ты должен был сказать ему нет!

— Замолчи, замолчи, ты идиот! Они могут подумать, что стая на подходе!

— Ой... — Он прекратил завывания. Я описал круг и стал неуклюже двигаться в сторону дома.

— Просто держись подальше от всего этого! И займись патрулированием всего круга.

Сет вскипел, но я проигнорировал его.

— Ложная тревога, ложная тревога, — предупреждал я мысленно, подбегая ближе к дому, — извини, Сет молод, он многое забывает, все в порядке, никто не атакует.

Выбежав на поляну, я тут же увидел Эдварда, пристально смотрящего из темного окна. Я ждал подтверждения, что он получил мое сообщение.

— Ничего не случилось, ты слышал меня?

Он кивнул. Было бы проще работать вместе, умей я тоже читать его

мысли, но в то же время я был рад, что не могу копаться в его голове. Обернувшись, он посмотрел в глубину дома, и я увидел, как дрожь прошла по его телу. Он сделал жест рукой, давая понять, чтобы я возвращался к патрулированию, и даже не обернувшись, ушел из поля моего зрения.

— Что происходит?

Вообще-то я хотел получить ответ на свой вопрос. Я сидел все там же, на поляне, и слушал. Своими ушами я мог слышать мягкие шаги Сета по земле в паре миль отсюда. Было очень легко услышать каждый шорох в темном доме.

— Была ложная тревога, — Эдвард объяснял тем же безжизненным голосом, просто повторяя то, что я ему только что сказал, — Сет был расстроен чем-то другим и забыл, что мы ждем сигнала. Он еще очень молод.

— Как мило иметь рядом такого малыша, который тебя охраняет, — прозвучал еще более низкий голос.

Эммет, подумал я.

— Они оказали нам сегодня просто колоссальную услугу, Эммет, — напомнил Карлайл, — для этого им пришлось принести большую жертву.

— Да, я знаю. Это просто зависть, я бы предпочел тоже оказаться снаружи.

— Сет думает, что Сэм не пойдет сейчас в атаку, — сказал Эдвард, — не тогда, когда мы предупреждены. И не против двух членов своей стаи.

— А что Джейкоб думает по этому поводу? — спросил Карлайл.

— Ну, он не настолько оптимистичен.

Никто не разговаривал. Был только слабый звук падающих капель, но я не мог определить, что его издает. Я слышал их тихое дыхание и мог отделить дыхание Беллы от остальных. Оно было более резким и тяжелым, неровным, с постоянно меняющимся ритмом. Я слышал, как бьется ее сердце... Оно билось слишком быстро. Я сравнил его с собственным сердцебиением, но подумал, что в этом нет смысла. Её сердцебиение было не таким, как у обычного человека.

— Не трогай ее! Иначе разбудишь, — послышался голос Розали.

Кто-то вздохнул.

— Розали... — прошептал Карлайл.

— Не начинай, Карлайл! Мы не должны будить ее!

Казалось, что Розали и Белла были единым целым. Как будто они тоже были своего рода стаей.

Я тихо ходил перед домом, приближаясь к нему все ближе с каждым шагом. Темные окна были как включенные телевизоры в скучных,

угрюмых комнатах. На них невозможно было не смотреть. Через несколько минут я уже был возле крыльца. Через окна можно было увидеть верхнюю часть стены, потолок и висящую в середине люстру. Я был достаточно высок, так что все, что мне требовалось — это вытянуть шею, и, может быть, положить одну лапу на перила крыльца.

Я украдкой бросил взгляд в большую переднюю комнату, не ожидая увидеть там ничего необычного. Однако помещение изменилось настолько, что я сначала поразился. Долю секунды я думал, что ошибся комнатой.

Стеклянная стена пропала, теперь она была металлической, мебель была сдвинута в сторону. Белла лежала на кровати, стоявшей посередине освобожденного пространства. Это была одна из тех кроватей, которые обычно стоят в госпиталях, с перегородками по обе стороны. Так же как в госпитале, вокруг были мониторы, подключенные к ней, и трубки, идущие от тела Беллы.

Лампочки на мониторах мигали, но были бесшумны. Капающие звуки шли от капельницы, которой была проколота рука Беллы.

Она задыхалась в беспокойном сне. Эдвард и Розали постоянно находились около нее. Ее тело вздрагивало, и она тихо плакала. Розали гладила ее лоб рукой. Эдвард стоял неподвижно. Я видел его спину, но выражение его лица не возможно было разглядеть, так как Эммет метался между ними так часто, что я едва успевал моргать. Он положил руки на плечи Эдварда.

— Не этой ночью, Эдвард. У нас есть другие дела, о которых стоит позаботиться. — Эдвард отвернулся. Он снова был непроницаем. На секунду наши глаза встретились, и я поднялся на лапы.

Я бежал в темный лес, чтобы присоединиться к Сету, уносясь от того, что осталось позади.

Хуже... Ей стало хуже...

Глава 12

Кое-кто не схватывает суть понятия «нежеланный»

Я был где-то на грани между сном и реальностью.

Солнце за облаками встало еще час назад, и сейчас лес был уже не черный, а серый.

Даже после того как мы пробежали всю ночь, мне с трудом удавалось заглушать свои мысли, чтобы уснуть, и равномерный бег Сета мне очень помог. Раз, два, три, четыре, раз, два, три, четыре — бах-бах-бах — огромные лапищи шлепали по сырой земле, снова и снова, пока не сделали довольно обширный круг вокруг дома Калленов. Мысли Сэта были совершенно пусты, лишь какое-то пятно древесного серо-зеленого цвета проносилось у него в голове.

Я был спокоен. Это помогало мне видеть то, что видел он, и это было предпочтительнее, чем концентрироваться на своих мыслях. Вдруг пронзительный вой Сета взорвал утреннюю тишину. Земля ушла из-под ног, и я рванул вперед. Я бежал к тому месту, где Сэт застыл в ожидании, до нас донесся приближающийся тяжелый топот.

— Доброе утро, мальчики!

Сквозь зубы Сэта вырвался возглас потрясения. Проникая все глубже в новые мысли, мы зарычали.

— О Боже! Леа, уходи! — простонал Сэт.

Подойдя к Сэту, я замер, его голова была запрокинута назад в готовности завывать — на этот раз, чтобы выразить недовольство.

— Заглохни, Сэт.

Сэт застонал и опустился на передние лапы, впиваясь когтями в сырую землю и оставляя в ней глубокие следы. Леа появилась внезапно, ее маленькое серое тело показалось из подлеска.

— Хватит выть, Сэт. Какой же ты все еще ребенок.

Прижав уши к голове, я рывкнул на нее. Она невольно отпрыгнула на шаг назад.

— Что ты делаешь, Леа?

Она раздраженно фыркнула. — Это же очевидно! Я присоединяюсь к твоей паршивой стае предателей. К служебным собакам вампиров. Она громко и саркастично рассмеялась.

— Нет, ты не с нами. Поворачивай назад, пока я не надрал тебе задницу.

— Как будто ты меня поймаешь!! — Ухмыльнулась она, оскалив зубы, и приготовилась к атаке. — Хочешь посоревноваться, о, бесстрашный вожак?

Я глубоко вздохнул. Затем, убедившись, что я не собираюсь кричать, порывисто выдохнул.

— Сэт, иди, передай Каленам, что это всего лишь твоя глупая сестра. — Я произнес эти слова так жестоко, как только мог. — Я разберусь. Сэт скрылся в доме.

Леа взвыла, ее шерсть поднялась дыбом, и она бросилась за ним. — И ты позволишь ему бежать к вампирам одному?

— Я уверен, будет лучше, если он попадется им, чем проведет еще минуту с тобой.

— Заткнись, Джейкоб.

— Что ты, черт возьми, тут делаешь?

— А ты думаешь, что я буду сидеть дома, пока мой маленький братец добровольно работает жвачкой для вампиров?

— Сэту не нужна твоя защита. Вообще-то ты здесь никому не нужна.

— Ой- ой, нашел, чем обидеть! Скажи, кому я здесь нужна, и я мигом исчезну.

— Дело ведь не в Сэте, не так ли?

— Конечно в нем. Я лишь подчеркнула, что быть ненужной мне не впервой. Это, конечно, не мотивирующий фактор, ну, ты понимаешь, что я имею ввиду.

Я стиснул зубы, стараясь держать голову прямо. — Это Сэм послал тебя?

— Если бы я была здесь по поручению Сэма, то ты бы меня даже не услышал. Моя преданность больше не принадлежит ему.

Я осторожно вслушивался в мысли, которые смешивались со словами. Если бы это был ложный маневр или уловка, я должен был почувствовать сигнал тревоги. Но я ничего не чувствовал. Ее заявление было правдиво. Неохотная, почти отчаянная правда.

— И ты решила сейчас проявить преданность по отношению ко мне? — спросил я с глубоким сарказмом.

— Мой выбор ограничен. Я имею дело с тем, что у меня есть. Поверь, мне это нравится не больше, чем тебе.

Это была ложь. Какое-то острое волнение было в ее сознании. Она была несчастна от этого, но подавляла свое странное состояние. Я копался

в ее сознании, пытаюсь понять.

Она оцетибилась, возмущаясь такому вторжению. Я обычно пытался отключиться от ее мыслей, но никогда не пытался понять ее. Нас прервал Сэт, обдумывающий объяснения для Эдварда. Леа взволнованно завывала. Эдвард, показался в том же окне, что и вчера, его лицо не выражало никакой реакции на новость, оно было такое же бледное и безжизненное.

— Ого, он выглядит паршиво — пробормотал про себя Сэт. Вампир не выказал никакой реакции и на эти мысли, лишь скрылся в доме. Сэт повернулся и направился к нам. Леа немного расслабилась.

— Что происходит? — Спросила Леа.

— Какая разница? Ты все равно не останешься.

— Вообще-то, мистер Альфа, остаюсь. Я должна принадлежать чьей-либо стае, и я выбрала твою. Я хотела быть сама по себе, но, ты же сам знаешь, что это невозможно.

— Леа, ты не выносишь меня, я не выношу тебя.

— Спасибо, мистер очевидность, но для меня это не имеет значения. Я остаюсь с Сэтом.

— Ты не любишь вампиров. Ты не думаешь, что в данном случае это противоречит интересам?

— Ты тоже не любишь вампиров.

— Но я предан этому альянсу, а ты нет.

— Я буду держать дистанцию. Я могу стоять на страже как и Сэт.

— И я должен тебе это доверить?

Поднявшись на цыпочки, она вытянула свою шею, пытаюсь сровняться со мной, и пристально посмотрела мне в глаза. — Я не придам свою стаю.

Я хотел откинуть голову и завывать, как это сделал недавно Сэт.

— Это не твоя стая! Это даже не стая. Это просто моя попытка самостоятельно уйти, одному! Да что тебе от меня надо? Почему вы все не можете отстать от меня?

Сэт идет. Завыл. Я его обидел. Просто прекрасно.

— Я ведь был полезен, Джейк, не так ли?

— Ты не доставил много неприятностей, парень, но если ты и Леа в одной упряжке, и если это единственный способ избавиться от нее, то лучше тебе вернуться домой.

— Леа, ты все портишь!

— Да, я знаю, — ответила она, и эта мысль была полна отчаяния.

Я почувствовал боль в этих трех коротких словах, но в них было что-то большее. Я не хотел чувствовать это. Я не хотел чувствовать ее боль. Конечно, стая поступила с ней жестоко, но она принесла это все с собой,

эту горечь, которая пропитала все ее мысли и сделала мое пребывание в них сплошным кошмаром. Сэт тоже чувствовал вину.

— Джейк, ты же не отошлешь меня обратно, да? Леа не так уж и плоха. Правда. Я имею ввиду, что с ней мы могли бы расширить периметр. И это уменьшает количество стаи Сэма до семи. Он никак не сможет напасть. Это очень хорошо...

— Сэт, ты знаешь, что я не хочу возглавлять стаю.

— Так не возглавляй — предложила Леа.

Я фыркнул. — Звучит заманчиво. Беги домой сейчас же.

— Джейк, — подумал Сэт, — Я с вами, я люблю вампиров. Во всяком случае, Калленов. Для меня они люди, и я собираюсь защищать их, потому что это наш долг.

— Может ты и с нами, но твоя сестра нет. А она собирается идти туда же куда и ты.

Я прервался на полуслове, потому что заметил кое-что, когда произносил эти слова. Что-то, о чем Леа пыталась не думать. Леа никуда не собиралась. Полагаю, это из-за Сэта, — подумал я с горечью.

— Конечно, я здесь из-за Сэта, — уклончиво ответила она, — И что бы не быть с Сэмом.

Она сжала зубы. — Я не собираюсь перед тобой объясняться. Я просто должна делать то, что мне приказали. Я в вашей стае, Джейкоб. И все тут.

Я отошел от нее, зарывав. Черт! Я никогда не избавлюсь от нее. Она меня не выносила так же, как и Калленов. Да она была бы просто счастлива поубивать всех вампиров прямо сейчас и до чертиков бесилась от того, что вместо этого должна их защищать. Но, ни что из этого не могло сравниться с тем, что она чувствовала, освободившись от Сэма. Леа не любила меня, и мое желание отделаться от нее было понятно. Она все еще любила Сэма. Желание Сэта избавиться от нее доставляло ей большую боль, чем тот факт, что ей пришлось выбирать. Она бы сделала другой выбор. Даже если это значило быть с Калленами в качестве их комнатной собачки.

— Не знаю, зашла бы я так далеко или нет, — подумала она. Леа пыталась придать словам жесткость, агрессивность, но в ее демонстративности были трещины.

— Леа, послушай.....

— Нет, это ты послушай, Джейкоб. Хватит спорить со мной, потому что ни к чему хорошему это не приведет. Я не буду стоять у тебя на пути, и сделаю все, что ты захочешь. За исключением одного — я не вернусь в стаю к Сэму и не буду жалкой экс-подружкой, от которой он не может избавиться. Если ты хочешь, что бы я ушла, — она села и пристально

посмотрела мне в глаза, — то тебе придется заставить меня сделать это.

Мой злобный рык звучал целую минуту. Я начинал сочувствовать Сэму, несмотря на то, как он поступил со мной и Сэтом.

— Сэт, ты очень сильно расстроишься, если я прибью твою сестру?

Сет притворился, что задумался на минуту.

— Нуу...да, наверное.

Я вздохнул.

— Ну ладно, мисс «делаю все что захочу», почему бы тебе не быть полезной и не рассказать нам, что ты знаешь? Что случилось после нашего ухода прошлой ночью?

— Вы, наверное, слышали несмолкаемый вой. Он был настолько громкий, что нам потребовалось много времени, что бы убедиться, что мы не слышим больше вас. Сэм был...

Слова застряли у нее в горле, но мы могли прочитать ее мысли. Мы оба съежились.

— После этого мы быстро поняли, что надо все переосмыслить. Первым делом, Сэм планировал этим утром поговорить с другими старейшинами. Мы должны были встретиться и рассчитать план игры. Он не собирался проводить атаку сразу. Я не знаю, что они будут делать, но если бы я была кровопийцей, то не стала бы бродить по лесу в одиночестве. Сейчас открыт сезон охоты на вампиров.

— Ты решила избежать встречи этим утром? — спросил я.

— Черт! Ты сказала маме? — воскликнул Сэт с досадой.

— Сэт, отстань от сестры на секунду. Продолжай, Леа.

— Я решила поразмыслить над этим пару минут, в итоге думала всю ночь. Держу пари, все считали, что я сплю. В конце концов, я взвесила безопасность Сэта и, э... другие преимущества против идеи превратиться в предателя и нюхать вампирские зловонья не известно сколько времени. И знаешь, что я решила... Я оставила записку маме. Думаю, мы услышим, когда Сэм выяснит.....

Леа навестила свои уши на запад.

— Мда, думаю, мы услышим, — согласился я.

— Это все. И что мы теперь будем делать? — спросила она.

Она и Сэт посмотрели на меня в ожидании. Это было как раз то, чего мне совсем не хотелось.

— Думаю, что нам следует быть настороже. Это все, что мы пока можем сделать. Тебе нужно отдохнуть, Леа, ты мало спала. — И все же ты собиралась сделать то, что тебе приказали?

— Да. Это уже не актуально, — проворчала она, и, зевнув,

добавила, — мне все равно.

— Я побегу к границе, Джейк, я вообще не устал, — Сет был очень рад, что его не отправили домой.

— Конечно, конечно. А я пойду проведу Каленов.

Сет побежал по новой тропе, протоптанной в сырой земле.

— Эй, Сет, давай проверим, сколько раз я смогу обогнать тебя, а?

— НЕТ!

Издав низкий кашляющий смешок, Леа рванула за ним.

Я зло прорычал, но было уже поздно.

Леа старалась для себя же самой. Она свела свое упрямство к минимуму, но я-то знал о переменчивости ее настроения. Не хочу жаловаться, ведь прибавление на одного — это уже много. Но если бы нас могло быть трое, то трудно представить кого-то вместо нее.

— Пол? — предложила она.

— Хм, возможно.

Она засмеялась тихо и жизнерадостно, чтобы не раздражать меня.

— Я постараюсь быть не такой надоедливой, как Пол.

— Да уж, постарайся.

Я превратился в нескольких ярдах от дома, но не планировал ходить в человеческом виде долгое время, не хотел терпеть занудство Леи. Я надел свои рваные шорты и пошел по лужайке.

Дверь мне открыл Карлайл прежде, чем я подошел к лестнице. Он выглядел очень уставшим и измотанным, насколько это возможно. На миг мое сердце замерло. Я стоял как вкопанный, не в состоянии выговорить ни слова.

— Ты в порядке, Джейкоб? — спросил Карлайл.

— А Белла...? — промямлил я.

— Она... Так же, как и вчера... Я напугал тебя? Прости. Эдвард сказал мне, что ты придешь в человеческой форме, и я вышел встретить тебя, поскольку сам он не хотел отходить от нее. Белла очнулась.

Конечно, Эдвард не хотел терять ни минуты, проведенной вместе с ней.

Прошло немало времени с тех пор, как я спал в последний раз, и теперь это отчетливо ощущалось. Я сделал шаг вперед и сонно опустился на ступеньку.

Двигаясь настолько бесшумно, как только могут вампиры, Карлайл присел рядом со мной.

— У меня не было шанса вчера поблагодарить тебя за все, Джейкоб. Ты не представляешь, как я признателен за твое участие. Я знаю, твоя цель

— защитить Беллу, но я благодарю тебя за сохранение покоя всей моей семьи. Эдвард рассказал мне, что тебе пришлось сделать...

— Не стоит об этом вспоминать, — пробормотал я.

— Конечно...

Теперь мы сидели в тишине, и я мог слышать другие голоса в доме. Эммет, Элис и Джаспер говорили наверху вполголоса, Эсми мелодично напевала что-то в другой комнате. Розали и Эдвард стояли рядом с Беллой, её дыхание было измененным до невозможности. Я слышал как бьется ее сердце. И оно было...невероятно слабым.

Сложившаяся ситуация вынуждала делать меня все, что было в моих силах. Я был почти уверен — что-то произошло в течение этих двадцати четырех часов. Но теперь я здесь, мечусь из угла в угол в ожидании ее смерти.

Я больше не намерен никого слушать, мне необходимо с ней поговорить.

— Ты принял ее в свою семью? — удивленно спросил я Карлайла. Потому что он сказал, что я защищал покой его семьи.

— Она почти моя дочь. Любимая дочь.

— Но ты позволяешь ей умирать.

Он молчал довольно долго, и я решил взглянуть на него. Он выглядел очень измотанным. Как же я его понимаю...

— Я могу представить, что ты обо мне думаешь, — наконец сказал он. — Но я не могу игнорировать ее желания. Было бы неправильно сделать с ней это, принуждать ее.

Я просто не мог злиться на него. Он бросил мои же слова мне в лицо, переиначив их.

Раньше они звучали благоразумно, но не сейчас. Не сейчас, когда Белла умирает.

И все же...

Я вспомнил, каково мне было лежать под тяжестью тела Сэма, — не имея выбора, быть вовлеченным в убийство того, кого ты любишь. Да, это было не то же самое. Но Сэм ошибался. А Белла любила вещи, которые не следовало любить.

— Ты думаешь, у нее есть шанс...? Стать вампиром и все такое. Она рассказала мне про...Эсме.

— Я думаю, шанс есть, — сказал он тихо. — Я видел, какие чудеса творит яд вампира, но сейчас даже он бессилен. Сейчас ее сердце едва бьется. И если оно остановится... я уже ничем не смогу помочь.

Ее сердце тревожно билось, сбиваясь с ритма, предавая отчаянность

его словам.

Похоже, планета начала вращаться в обратном направлении.

Как я мог надеяться именно на то, что когда-то казалось мне хуже всего на свете?..

— Что эта штука с ней вытворяет? — шептал я. — Ей стало намного хуже. Я видел...Капельницы и все такое. Через окно.

— Плод не совместим с ее телом. Слишком силен для нее, но она еще сможет терпеть какое-то время. Самая большая проблема в том, что плод не позволяет ей питаться так, как нужно. Ее тело отвергает еду. Я пытался кормить ее внутривенно, но она просто не вынесет этого. Ее тяжелое состояние прогрессирует очень быстро. Я наблюдаю за ней, — и, не столько за ней, сколько за плодом, — они оба могут умереть от голода в течение нескольких часов. Я не могу это остановить или, хотя бы, притормозить. Я не могу понять, что ему нужно. — Его голос дрогнул на последнем слове.

Я почувствовал то же, что и вчера, когда увидел черное пятно на ее животе, — ярость и безысходность. Руки сжались в кулаки от потрясения.

Я ненавидел это существо в ее животе, оно причиняет ей огромную боль. Для этого монстра было недостаточно просто убивать ее изнутри.

Возможно, эта тварь искала, куда бы вонзить свои зубы, — в шею, из которой можно выпить кровь. Пока еще оно не достаточно большое, чтобы убить кого-то еще, но достаточно сильное, чтобы высасывать жизнь Беллы.

Я точно мог сказать, чего оно хочет: крови и смерти, смерти и крови.

Я дышал медленно, стараясь успокоиться, вся кожа горела.

— Я бы хотел знать поточнее, с чем мы имеем дело, — бормотал Карлайл. — Плод хорошо защищен. У меня даже нет возможности сделать ультразвук. Я сомневаюсь, что есть вероятность ввести иглу в амниотическую оболочку, да и Розалии не позволит мне этого сделать.

— Иглу? — промямлил я. — И чем это поможет?

— Чем больше я узнаю про плод, тем лучше смогу оценить его способности. Чего бы только я не отдал, чтобы изучить хоть часть околоплодных вод. Если бы мне было известен хотя бы набор хромосом...

— Можете меня не просвещать, док. Давайте опустим подробности?

Он впервые усмехнулся, но даже его смех звучал сухо и измученно.

— Если тебе угодно... Вы уже начали проходить по биологии хромосомные пары?

— Вроде да. У нас их двадцать три.

— Да, у людей.

— А сколько тогда их у тебя?

— Двадцать пять.

Я нахмурился и на секунду взглянул на свои кулаки.

— И что это значит?

— Это значит, что наши виды совершенно разные. Как, например, лев и домашняя кошка. Но эта новая жизнь... Оказывается, что мы генетически более совместимы, чем я думал. — Он грустно вздохнул: — Я не знал, что их надо было предупредить.

Я справедливо недолго любил Эдварда, в общем, как и он меня. Но мне не за что было признать Карлайла; может, потому что я не завидовал ему так, как Эдварду.

— Знание о количестве хромосом могло бы помочь узнать, к какому виду принадлежит плод. У меня были бы хоть какие-то предположения. — Он пожал плечами. — Нужно сделать хоть что-то, нельзя сидеть на месте.

— Интересно, а сколько пар хромосом у меня? — невзначай спросил я, неожиданно вспомнив те Олимпийские тесты на стероиды. Любопытно, что с ними было бы при виде моего ДНК?

Карлайл смущенно кашлянул.

— А у тебя их двадцать четыре пары, Джейкоб.

Я медленно повернулся и в изумлении уставился на него.

Он выглядел смущенным.

— Мне было... Любопытно. Я позволил себе это, когда лечил тебя в прошлом июне.

Я думал об этом не больше секунды.

— Наверное, это должно было здорово меня разозлить. Но сейчас мне все равно.

— Прости. Мне нужно было спросить тебя.

— Все нормально, док. Ты не сделал ничего плохого.

— Я обещал, что не причиню тебе вреда. Просто... Ваш вид меня удивляет. Элементы природы вампиров стали казаться мне банальностью, ведь столько времени прошло. Расхождение твоей породы с человеческой я нахожу более интересным. Почти что магия.

— Абра-Кадабра, — буркнул я. Сейчас он был точь-в-точь как Белла со всей этой волшебной фигней.

Карлайл выдавил из себя еще один изможденный смешок.

В доме послышался голос Эдварда и мы перестали говорить, прислушиваясь.

— Я сейчас вернусь, Белла. Мне нужно минутку поговорить с Калайлом. Розали, может, ты пойдешь со мной? — Голос Эдварда зазвучал по-другому. Добавилась частичка жизни, искорка чего-то. Возможно, не

надежда, но хотя бы желание надеяться.

— В чем дело, Эдвард? — хрипло спросила Белла.

— Ничего такого, о чем тебе стоит волноваться, дорогая. Я всего лишь на минуту. Идем, Розали?

— Эсме? — крикнула Розали. — Присмотришь за Беллой?

Подобно ветру, Эсме бесшумно впорхнула в комнату.

— Конечно, — сказала она.

Карлайл повернулся к двери, и в ту же секунду из дома вышел Эдвард с Розали. Его лицо, как и голос, больше не были холодными и безжизненными. Он казался сосредоточенным. Розалии оглядела меня недоверчиво и подозрительно.

Эдвард закрыл дверь за её спиной.

— Карлайл... — тихо начал он.

— Что случилось?

— Мы поступаем неверно. Я слышал твой разговор с Джейкобом, и когда ты заговорил про...плод... У Джейка появились неплохие соображения на этот счет.

У Меня??? Что он опять выудил из моих мыслей? Ну, кроме очевидной ненависти и признания к этому существу, хотя, я не единственный, кто так думал. Наверняка Эдварду нелегко давать этому существу столь мягкое определение- плод.

— Мы не думали об этой идее, — Эдвард вышел. — Попробуем дать ей то, что ей нужно. И ее тело возьмет столько, сколько сможет. Возможно, мы должны обратить внимание прежде всего на... плод. Если мы сможем удовлетворить его потребности, для Беллы это будет намного эффективнее.

— Я так не думаю, Эдвард, — мягко возразил Карлайл.

— Подумай об этом, Карлайл. Если в этом существе больше от вампира, чем от человека, не трудно догадаться, чего оно жаждет. Это очевидно! Спроси у Джейка!

А Я тут причем? Я прогонял в памяти наш разговор, пытаюсь вспомнить свои мысли.

— О..., - выдал он удивленно. — Ты думаешь это...жажда...?

Розали тихо зашипела. Она больше не выказывала недоверчивости. Ее возмущенное красивое лицо все святилось, глаза расширились от возбуждения.

— Конечно...! — невнятно сказала она. — Карлайл, это хорошая идея, — добавила она, по-прежнему не стараясь не глядеть на меня.

— Хммм.... — Карлайл задумчиво потер подбородок. — Даже если так... Как лучше всего это организовать...

Розали покачала головой: — У нас нет времени думать об этом. Сделаем все традиционно.

— Постойте-ка..., - прошептал я. — Притормозите...Вы что, собираетесь напоить ее кровью?

— Между прочим, это была твоя идея, пес, — нахмурившись, сказала Розалии, едва окинув меня взглядом.

Проигнорировав ее выпад, я ждал реакцию Карлайла. Та же искра маленькой надежды, которую я прежде увидел на лице Эдварда, промелькнула на его лице. Он задумчиво поджал губы.

— Это просто..., - я не мог найти подходящего слова, просто не мог.

— Чудовищно? Омерзительно? — Эдвард как нельзя точно отразил мои мысли.

— Да, именно так.

— А если ей это поможет? — прошептал он.

Я зло покачал головой.

— И что же ты собираешься делать? Запихнуть ей трубку в шею?

— Я спрошу, что она думает по этому поводу. Мне просто хотелось сперва переговорит с Карлайлом.

Розали добавила:

— Если ты скажешь ей, что это поможет ребенку, она будет согласна на что угодно. Даже на питание через трубку.

Теперь, когда я услышал, как выразительно она сказала слово ребенок, я понял — блондиночка предпримет любые действия, лишь бы помочь выжить этому мелкому кровопийце. Похоже, Розали была не так уж и против этого ребенка.

Краем глаза я увидел, как Эдвард рассеяно кивнул, стараясь не смотреть на меня. Он ответил на мой невысказанный вопрос.

Ха. Я и не думал, что у этой хладнокровной куклы может быть материнский инстинкт. Все только, чтобы защитить Беллу, — она даже готова собственноручно втиснуть трубку в ее шею.

Губы Эдварда сжались, превратившись в тонкую полоску, и я снова оказался прав.

— Так, у нас нет времени сидеть здесь и обсуждать это, — нетерпеливо сказала Розали, она не могла ждать. — Так что думаешь, Карлайл. Мы можем попробовать?

Карлайл глубоко вздохнул и встал на ноги.

— Мы спросим Беллу.

Блондиночка самодовольно усмехнулась, — что касается Беллы, то она бы с удовольствием избавилась от нее.

Я устало волочился по лестнице, следуя за ними. Не знаю, почему. Какая-то нездоровая любознательность. Все было, как в ужаснике — везде монстры и кровь.

Белла лежала на больничной кровати, ее живот обтягивало покрывало. Она выглядела словно восковая фигура — бледная и как будто прозрачная. Глядя на нее можно было решить, что она мертва, если не замечать неглубокое дыхание. Она устало и подозрительно наблюдала за нами. Быстро метнувшись размытым пятном к кровати, все уже были около нее. Это было жуткое зрелище. Так что я предпочел ходить нормально.

— Что происходит? — требовательно прошептала Белла. Ее бледная рука легла на круглый живот, защищая его.

— У Джейкоба появилась идея...И мы думаем, это может помочь тебе — ответил Карлайл. Я очень надеялся, что он не припишет мне это, ведь я ничего не предлагал. Эта идея принадлежит ее муженьку-кровососу. — Это неприятно, но...

— Это поможет ребенку, — оборвала Розали. — Мы думаем, его нужно покормить. Это может быть выходом.

Веки Беллы задрожали. Она выдавила из себя слабенький смешок.

— Неприятно? — прошептала она. — Боже, всё это очень сильно изменит ситуацию. — Она посмотрела на трубку в своей руке и снова усмехнулась.

Блондиночка засмеялась вместе с ней.

Она выглядела так, будто ей оставалось жить всего несколько часов, ей было очень больно, но она еще и шутить умудрялась. Да, это наша Белла... Пытается хоть немного разрядить обстановку, сделать лучше для всех.

Эдвард обошел Розали, его лицо было по-прежнему сосредоточенно и серьезно. Ему было гораздо хуже, чем мне. Он взял ее руку, но не ту, которой она все еще защищала свой живот.

— Белла, любимая, мы собираемся попросить тебя сделать кое-что омерзительное, — сказал он, употребляя те же самые определения, что и при мне. — Чудовищное.

По крайней мере, он сказал правду.

— На сколько омерзительное? — ее голос дрожал.

— Нам кажется, что плод предпочитает не человеческую еду. Его мучает жажда, — взял на себя смелость ответить Карлайл.

Ее глаза сверкнули.

— О, Боже...

— Твое состояние очень быстро ухудшается. У нас нет времени ждать или искать идею получше. Самый быстрый способ проверить нашу

теорию...

— Я должна это выпить..., - прошептала она, еле-еле кивнув, — Я смогу сделать это. Заодно попрактикуюсь на будущее, — ее бледные губы слегка скривились в улыбке, как только она посмотрела на Эдварда. Его суровое выражение лица вернуло ее к реальности, и она уже не улыбалась.

Розали стала нетерпеливо постукивать пальцами, этот звук ужасно меня раздражал. Интересно, чтобы она сделала, если б я ее швырнул об стенку?

— И где же мой разъяренный гризли? — опять прошептала Белла.

Эдвард и Карлайл переглянулись. Розали перестала быть источником отвратительного звука.

— Что? — удивленно спросила Белла.

— Белла, будет лучше, если... Мы поступим немного по-другому..., - объяснил Карлайл.

— Если плод жаждет крови, — стал переводить Эдвард, — это не обязательно должна быть кровь животного.

— Не думай об этом, Белла. Никакой разницы не будет, — поддержала Розали.

Ее глаза расширились:

— Кто? — спросила Белла на выдохе и устремила пристальный взгляд на меня.

— Не смотри на меня так, я неподходящий донор, — проворчал я.

— У нас все есть, — перебила меня Розали, полностью игнорируя мое присутствие. — Не волнуйся ни о чем. Все будет хорошо, я уверена, Белла. И тебе и ребенку будет намного лучше.

Белла погладила свой живот.

— Что ж... — она чуть скрипнула зубами. — Я согласна, думаю, и он тоже, — это еще одна попытка пошутить, — Ну что, приступим? Это будет моя первая жертва.

Глава 13

Хорошо, что у меня крепкий желудок

Карлайл и Розали молниеносно бросились наверх. Я слышал, как они спорят, нужно ли для нее это подогреть. Тьфу. Готов был поспорить, они держат где-то здесь весь арсенал дома ужасов. Как уже выяснилось, холодильник, полный крови здесь оказался... Что еще? Камера пыток? Склеп?

Эдвард остался, держа руку Беллы. Его лицо снова осунулось. Казалось, у него не осталось энергии поддерживать даже ту кроху надежды, что еще слабо теплилась. Они смотрели друг другу в глаза, но отнюдь не бездумно. Скорее это больше походило на разговор. Отчасти они напомнили мне Сэма и Эмили.

Нет, совсем не бездумные взгляды, но от этого не становилось легче.

Я знал, что испытывала Леа, вынужденная видеть это все время. Слышать это в голове Сэма. Разумеется, все мы паршиво себя чувствовали из-за нее, но так или иначе это не превращало нас в монстров. Думаю, мы осуждали ее скорее за то, как она с этим обращалась. Набрасывалась на каждого, пытаясь сделать нас всех столь же несчастными.

Я никогда бы не обвинил ее снова. Любой на ее месте не выдержал бы страданий. Любой бы начал искать спасения в том, чтобы поделиться болью с окружающими, тем самым пытаясь избавиться от бремени.

И если это означало, что у меня должна быть стая, как я мог обвинить ее в том, что она отняла мою полную свободу? Я бы сделал то же самое. Если бы был способ избежать этой боли, я бы поступил так же.

Розали кинулась вниз, подобно стремительному бризу, пронеслась через комнату, оставляя за собой запах гари. Она остановилась на кухне, и я услышал, как скрипнула дверца буфета.

— Отлично, Розали, — пробормотал Эдвард, закатив глаза.

Белла с любопытством взглянула на него, но тот лишь покачал головой в ответ.

Розали пронеслась обратно и вновь исчезла.

— Это была твоя идея? — прошептала Белла, стараясь говорить громче, чтобы я мог услышать. Напрасно, я и так все замечательно слышал. Отчасти мне это даже понравилось, прошло столько времени, а она, казалось, забыла, что я уже был не полностью человеком. Я придвинулся

ближе, что бы она не напрягала голос.

— Не вини меня. Это твой вампир подло накопал в моей голове каких-то мыслишек.

Она слегка улыбнулась.

— Я не ожидала снова тебя увидеть.

— Да уж, я тоже, — буркнул я.

Было бы просто сказочно повалиться куда-нибудь, но вампиры убрали всю мебель для того, чтобы разместить медицинскую аппаратуру. Разумеется, какая им разница, сидеть или стоять? Абсолютно никакой, когда ты камень. И мне тем более плевать, если бы я еще не был настолько измотан.

— Эдвард рассказал, на что ты вынужден был пойти. Мне так жаль.

— Да все нормально. Скорее всего это был лишь вопрос времени. До тех пор, пока меня бы окончательно не достало слушать указы Сэма, — соврал я.

— И Сет, — прошептала она.

— Он то просто счастлив помочь.

— Я не хочу усложнять тебе жизнь.

Я хохотнул — скорее прокаркал.

Она тихонько вздохнула.

— Думаю, в этом нет ничего нового, правда?

— Нет, абсолютнейшая неправда.

— Ты не должен оставаться и наблюдать... за этим, — сказала она, подыскивая нужные слова.

Я мог уйти. Может быть, это была хорошая идея. Но только не по той причине, которую она только что назвала, я не мог позволить себе пропустить еще целых пятнадцать минут ее жизни.

— Я пока никуда не тороплюсь, — ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и ровно — Обличие волка стало куда менее привлекательным с тех пор, как к нам присоединилась Леа.

— Леа? — задыхнулась она.

— Вы ей не сказали? — спросил я Эдварда.

Он только пожал плечами, не отрывая взгляд от ее лица. Судя по всему, он не посчитал эту новость слишком значимой, чтобы включить в число куда более важных.

Белла не отнеслась к этому так легкомысленно. Похоже, ей это не понравилось.

— Почему? — вырвалось у нее.

Я не хотел разворачивать тут всю ленту событий.

— Что бы присматривать за Сетом.

— Но Леа нас ненавидит, — прошептала она.

Нас. Отлично. И все же я видел, что она боится.

— Леа не собирается шпионить за каждым, — кроме меня — Она в моей стае, — я поморщился, произнося эти слова — и подчиняется моим приказам. — Тьфу ты.

Кажется, Беллу я не убедил.

— Ты боишься Леи, а сама братаешься с блондинкой-психопаткой.

Со второго этажа донеслось низкое шипение. Чудесно, она меня услышала.

Белла, нахмурившись, смотрела на меня.

— Перестань. Роуз... понимает.

— Да уж, — проворчал я — Она понимает, что ты собираешься умирать, но ее это не слишком заботит, поскольку ей достанется мутантский выродок, хорошенькая сделка.

— Прекращай трепаться, Джейкоб, — прошептала Белла.

Она выглядела слишком слабой, что бы выходить из себя. Вместо этого я попытался улыбнуться.

— Ты так говоришь, как будто это вообще возможно.

На секунду Белла пробовала улыбаться мне в ответ, но уголки ее губ, будто бы сами собой тянулись вниз.

И вот уже Карлайл с упомянутой выше психопаткой были тут как тут. Карлайл держал в руке пластмассовый стаканчик с крышечкой и согнутой соломинкой. О, теперь все предельно ясно. Эдвард не хотел, чтобы Белла даже думала о том, что делает что-то из ряда вон выходящее. Поэтому все было устроено так, чтобы она не видела содержимого стакана.

Но я чувствовал этот запах.

Карлайл колебался, рука со стаканчиком замерла на полпути. Белла следила за ним испуганными глазами.

— Мы можем поискать иной выход, — спокойно предложил Карлайл.

— Нет, — прошептала Белла — Нет, мы перепробовали все. У нас больше нет времени...

Поначалу я подумал было, что она наконец очнулась и начала волноваться о себе, но в этот момент она слабо потянулась к животу.

Белла взяла стаканчик. Ее рука слегка дрожала, и я слышал, как жидкость внутри плещется и хлюпает. Она попыталась привстать на локоть, но смогла лишь приподнять голову. Тревожный жар пробежал по моей спине, когда я увидел насколько она ослабла всего лишь за день.

Розали протянула руку, приобняв Беллу за плечи, придерживая ей

голову словно новорожденному младенцу.

У блондинки в голове были только дети.

— Спасибо, — прошептала Белла. Ее глаза лихорадочно блестели, глядя на нас. Она знала достаточно, что бы застесняться. Если бы она не была настолько истощена, то, держу пари, еще бы и покраснела.

— Не обращай на них внимания, — проворковала Розали.

Это заставило меня почувствовать себя не в своей тарелке. Я должен был уйти, когда Белла давала мне шанс. Я не был частью их круга, даже присутствуя здесь. Я подумал, что может быть стоило потихоньку выскользнуть из дома, но понял, что только наврежу тем самым Белле. Добью окончательно. Ведь она бы решила, что я ухожу из-за того, что мне противно. И это было почти так.

До сих пор. Я не желал брать на себя ответственность за эту идею, и в то же время не хотел причинять ей лишней боли.

Белла поднесла стакан ко рту, когда ее губы сомкнулись на соломинке, по телу пробежала дрожь, на лице застыла мука.

— Белла, любимая, мы найдем другой выход, — сказал Эдвард, протягивая руку за стаканом.

— Включи свое обоняние, — предложила Розали. Она впивалась взглядом в руку Эдварда, словно желая сомкнуть на ней клыки. Я бы даже поддержал ее в этом начинании. Но готов был спорить, что Эдвард бы такого наглежа не потерпел, а я бы тогда с удовольствием посмотрел, как от Розали разлетались ошметки.

— Нет, дело не в этом... Но что в стакане? — Белла сделала глубокий вдох — Неплохо пахнет, — добавила она тоненьким от испуга голосом.

Я с трудом сглотнул, изо всех сил стараясь не показать своего отвращения.

— Это то, что нужно, — нетерпеливо ответила Розали Белле — И если все получится, то мы на верном пути. Попробуй.

Учитывая новое выражение лица блондинки, я очень удивился, что она тут же не пустилась в пляс.

Белла прихватила соломку губами, зажмурилась и сморщила нос. Я слышал, как кровь булькает и плещется внутри стакана. Белла потягивала ее в течение секунды, затем тихонько застонала, не размеживая веки.

Эдвард и я одновременно шагнули к ней. Он коснулся ее лица. Я сжал руки за спиной.

— Белла, любимая...

— Я в порядке, — шепнула она.

Она распахнула глаза и посмотрела на нас. В ее взгляде было...

смирение.

Испуг. Жалостливость.

— И на вкус, кажется, тоже неплохо.

Мой желудок грозил вот-вот расстаться со своим скудным содержимым. Я стиснул зубы.

— Вот и чудно, — воодушевленно повторила блондинка — Хороший знак.

Эдвард только приложил ладонь к ее лицу, обводя контуры хрупких черт.

Белла вздохнула и снова обхватила губами соломинку. На этот раз с большей уверенностью. Казалось, что его инстинкты берут верх над ее слабостью.

— Как твой живот? Не чувствуешь отторжения? — спросил Карлайл.

Белла покачала головой.

— Нет, я чувствую себя лучше, — прошептала она — Это главное, да?

Розали просияла.

— Превосходно.

— Думаю, еще рано говорить об этом, Роуз, — пробормотал Карлайл.

Белла сделала еще один глоток крови. И встретила взглядом с Эдвардом.

— Откроем счет? — шепнула она — Или начнем считать после того, как я стану вампиром?

— Здесь никто не ведет счета, Белла. В любом случае, пока никто не умер, что бы его открыть. — Он слабо улыбнулся — Так что пока по нулям.

Ну конечно.

— Объясню позже, — сказал Эдвард, его голос был не громче дыхания.

— Что? — переспросила Белла.

— Говорю сам с собой, — очень правдоподобно соврал.

Если бы чувства Беллы были настолько же обострены, он бы точно заработал неприятностей. Губы Эдварда дернулись, поборов улыбку.

Белла выпила залпом остатки, глядя мимо нас, в окно. Вероятно, старалась не замечать нашего присутствия. Или может быть, только моего присутствия. Ведь больше никто в этой компании не чувствовал отвращение к тому, что она делает. Только разве что желание отнять несчастный стаканчик прямо из ее рук.

Эдвард закатил глаза.

Господи, как они только с ним живут? Какая жалость, что он не может слышать мысли Беллы. Может тогда бы она от него устала.

Эдвард усмехнулся. Белла покосилась на него, неуверенно улыбнувшись.

— Что смешного? — спросила она.

— Джейкоб, — ответил он.

Она посмотрела на меня с утомленной улыбкой на лице.

— Джейк в ауте, — согласилась Белла.

Великолепно, теперь я был местным шутом.

— Яба-даба-ду... — пробормотал я в ответ, не слишком впечатлившись искрометными подначками.

Она снова улыбнулась и сделала еще один большой глоток. Меня передернуло, когда соломинка издала скрежещущий звук, потянув пустоту.

— Я сделала это, — довольно сообщила она.

Ее голос стал чище и сильнее, совсем не тот, что был больше похож на шепот.

— Если у меня получится это переварить, вы вытащите из меня иглы, Карлайл?

— И как можно скорее, — пообещал он — По правде говоря, они не приносят большой пользы.

Розали погладила лоб Беллы, и они обменялись обнадеживающими взглядами.

И любой мог подтвердить — выпитая кровь способствовала сближению, тем не менее, возымев благоприятный эффект. Румянец постепенно возвращался к ее бледным щекам. Теперь она не так уж и нуждалась в помощи Розали. Дыхание нормализовалось, и готов был поклясться, сердце забилося сильно и ровно.

В мгновение ока все изменилось.

Призрак надежды в глазах Эдварда обрел твердый остов.

— Хочешь еще? — предложила Розали.

Белла пожала плечами.

Эдвард сверкнул глазами в сторону Розали, прежде чем заговорить с Беллой.

— Ты не должна сейчас много пить.

— Да, я знаю. Но... Мне хочется, — хмуро добавила она.

Розали пропустила тонкие пряди волос Беллы через пальцы.

— Не смущайся этого, Белла. У твоего тела есть потребности. Мы все это понимаем — начала она успокаивающим тоном, а затем резко добавила — А кто не понимает, может катиться.

Очевидно, реплика предназначалась мне, но я не собирался позволить ей до меня докопаться. Я был рад, что Белла чувствовала себя лучше.

Единственное, что мне не нравилось, так это используемые средства, которые якобы придумал я. Не смотря на то, что я вообще то молчал.

Карлайл взял стакан из рук Беллы.

— Я сейчас вернусь.

Когда он скрылся, Белла, взглянула на меня.

— Фигово выглядишь, Джейк, — просипела она.

— Смотрите, кто заговорил.

— Серьезно — когда ты в последний раз спал?

Я задумался:

— Хах. Точно не уверен.

— Блин, Джейк, теперь твое здоровье на моей совести. Не глупи.

Я стиснул зубы. Значит ей можно позволить гробить себя из-за какого-то монстра, а мне нельзя провести пару ночей без сна, чтобы посмотреть, как она это делает?

— Пожалуйста, отдохни хоть немножко, — продолжала она — наверху есть несколько кроватей, займи любую.

Выражение лица Розали ясно дало мне понять, что я не самый желанный постоялец. Это натолкнуло меня на мысль, а так уж ли и нужна была кровать Спящей Красавице? Что ей было делать с этой никчемной подпоркой для тела?

— Спасибо, Беллс, но я бы предпочел поспать на земле. Ну, знаешь, подальше от этого зловония.

Она скорчила рожицу.

— Знаю.

Когда Карлайл вернулся, Белла рассеянно потянулась за стаканом, будто витала мыслями где-то далеко. С тем же отсутствующим выражением на лице, она принялась за соломинку.

Она действительно выглядела лучше. Белла потянулась вперед, поддерживая стакан, и села. Розали стояла рядом, готовая подхватить ее, если та вдруг ослабеет. Но Белла похоже не нуждалась в ее помощи.

Делая глубокие вдохи в промежутках между глотками, Белла быстро осушила второй стакан.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Карлайл.

— Хорошо. Немного голодна... Только не совсем уверена, голод это или жажда. Не знаете?

— Карлайл, ты только взгляни на нее, — перебила Розали, излучая безграничное самодовольство, разве что пух изо рта не летел. — Это же очевидно — она должна пить еще.

— Она все еще человек, Розали. И поэтому, кроме всего прочего,

нуждается в пище. Давай повременим, посмотрим, как это на ней отразится, а потом возможно дадим поесть. Тебе хочется чего-нибудь конкретного, Белла?

— Яиц, — немедленно ответила она, обменявшись с Эдвардом понимающими взглядами. Его улыбка была неуверенной, но лицо ожило.

Я моргнул, чуть ли не забыв открыть глаза.

— Джейкоб, — обратился ко мне Эдвард — Ты действительно должен поспать. Раз Белла предложила, то разумеется, добро пожаловать, хотя думаю, ты предпочтешь спать снаружи. Ни о чем не беспокойся, я разбужу тебя, если что-то случится.

— Да, да... — бормотал я в ответ. Теперь, когда я был уверен, что у Беллы есть еще несколько часов, я мог убежать. Пойти, свернуться где-нибудь под деревом... Подальше от запаха. Кровосос разбудит меня, если что-то пойдет не так, как надо. Он был мне обязан.

— Так и есть, — согласился Эдвард.

Я кивнул и дотронулся до Беллы. Она была ледяной.

— Поправляйся, — шепнул я.

— Спасибо, Джейкоб. — она сжала мою ладонь. Я почувствовал тонкий обод ее обручального кольца, свободно скользящего по исхудалому пальцу.

— Укройте ее хотя бы одеялом, что ли, — пробормотал я на полпути к двери.

Прежде, чем я успел выскользнуть прочь, вой двух волков прорезал утренний воздух. С безотлагательностью в интонации. На сей раз никакого недоразумения.

— Черт, — выругался я и бросился за дверь. Я кинулся с крыльца, позволив огню пробежать по всему телу, наполняя все пространство вокруг меня. Послышался звук разрываемой на клочки ткани, ошметки моих шорт разлетелись во все стороны. Дерьмо. Это была моя единственная одежда. Теперь уже не важно. Я приземлился на лапы и помчался на запад.

Что это? — мысленно прокричал я.

Они на подходе, — отвечал Сет — по крайней мере, трое.

Они разделились?

Я бежал напрямик к Сету, развивая небывалую скорость, Леа двигалась так же быстро. Я чувствовал, как воздух проходит через ее легкие, лес впереди расступался. Неудачный момент для нападения.

Сет, не провоцируй их. Жди меня.

Они замедляются. Блин, плохо, что мы не можем их слышать. Думаю...

Что?

Кажется, они остановились.

Ждут других членов стаи?

Шшш... Чувствуете это?

Я вклинился в его сознание. Слабый, почти неслышный хлопок в воздухе.

Чье-то перерождение?

Похоже на то, — согласился Сет.

Леа влетела на небольшое открытое пространство, где нас дожидался Сет, затормозив лапами, как гоночная машина, разбрызгивая грязь.

Прикрой спинку, братишка.

Они приближаются, — Сет явно нервничал, — Медленно. Пешком.

Почти на месте, — сказал я им, стараясь мчаться так же, как Леа. Я чувствовал себя ужасно, на расстоянии от Леи и Сета, осознавая, что опасность ближе к ним, чем ко мне. Я должен быть с ними, между ними, независимо от того, что к нам приближалось.

Поглядите-ка, какой заботливый папочка, — насмешливо подумала Леа.

Уймись и гляди в оба, Леа.

Четверо, — определил Сет. У малыша были чуткие уши — три волка, один человек.

Сделав еще одно небольшое усилие, я, наконец, добрался до цели. Сет облегченно вздохнул, а затем выпрямился и занял место справа от меня. Леа встала слева, с куда меньшим энтузиазмом.

Чудесно, теперь я занимаю место при Сете, — проворчала она про себя.

Ну раз пришла, то и подай, — подумал самодовольно Сет.

Эти двое еще никогда прежде не входили в состав Альфа Триады. Стоило поработать над усовершенствованиями.

Моего маленького братишку уже не усовершенствовать.

Тихо! — шикнул я на них. — Не забывайте, где вы находитесь. Заткнитесь и приготовьтесь.

Они появились в поле нашего зрения несколько секунд спустя, передвигаясь, как и подумал Сет, шагом. Джаред в человеческом облике шел впереди, с поднятыми руками. Пол, Квил и Коллин на четыре шага позади него. В их позах не было агрессии. Они держались позади Джареда настороженно, испуганно, но не воинственно.

Но... Странно было, что Сэм послал Коллина, а не Эмбри. Если бы я посылал парламентаров в стан врага, то ни за что бы так не поступил. Я бы

не стал посылать ребенка, я послал бы опытного борца.

Диверсия? — подумала Леа.

А Сэм, Эмбри и Брейди шатаются где-то в одиночку? Маловероятно.

Хочешь, проверю? Я могу оставаться на связи и вернусь через пару минут.

Мне предупредить Калленов? — спросит Сет.

А что если все это для того, что бы нас разделить? — спросил я — Каллены в курсе. Они наготове.

Сэм же не настолько глуп... — прошептала Леа, страх шевельнулся в ее сознании. Она представила Сэма, нападающего на Калленов только с двумя членами своей стаи.

Нет, Сэм не дурак, — уверил я ее, хотя чувствовал себя не в своей тарелке от посетивших ее мыслей.

Джаред и три волка застыли в ожидании, глядя на нас. Было жутковато не слышать, о чем Квил, Пол и Коллин переговариваются друг с другом. По их мордам нельзя было прочесть абсолютно ничего.

Джаред откашлялся и кивнул мне.

— Белый флаг, Джейк, перемирие. Давай поговорим.

Думаете, это правда? — спросил Сет.

Имеет смысл, но...

Вот именно, — согласилась Леа. — Но.

Мы не расслабились.

Джаред нахмурился.

— Нам было бы легче общаться, если бы и мы могли вас услышать.

Я смутил его. Но не собирался перерождаться обратно до тех пор, пока не разберусь в ситуации. Пока это не будет иметь смысл.

Почему Коллин? Этот вопрос волновал меня больше остальных.

— Ладно. Полагаю, говорить придется только мне, — сказал Джаред — Джейк, мы хотим, что бы вы вернулись.

Квил тихонько заскулил у него за спиной в подтверждении слов.

— Вы разделили нашу семью. А так быть не должно.

Я бы с этим поспорил, но не стоит заикливаться. Между мной и Сэмом пока существовали весомые разногласия.

— Мы знаем, что ты чувствуешь... касательно ситуации с Калленами. Мы знаем, что это проблема. Но твоя реакция это уж слишком.

Сет заворчал.

Слишком? А нападение на наших союзников без предупреждения, это не слишком?

Сет, слышал выражение «горячая голова»? Ну так вот, остынь.

Прости.

Взгляд Джареда перебежал от Сета ко мне.

— Сэм готов еще раз все обдумать, Джейкоб. Он успокоился и говорил со Старейшинами. Они решили, что поспешные действия в этом деле ни к чему не приведут.

Перевожу: их уже ничем не удивишь, — подумала Леа.

Было даже странно, когда мы начали так думать: стая уже была стаей Сэма, их стаей, а не нашей. Одни и другие. И особенно странно, что именно Леа подумала об этом, и что теперь она была частью нас.

— Билли и Сью согласились с тобой, Джейкоб. Мы можем подождать, пока Белла... устранит эту проблему. Ее убийство не прибавит счастья никому из нас.

И хотя я только что дал Сету по носу за такие дела, но сам не мог удержаться от небольшого комментария. «Итак, они не считали убийство веселеньким занятием. Надо же! Ха!»

Джаред снова поднял руки.

— Тише, Джейк. Ты знаешь, что я имею в виду. Мы собираемся ждать и еще раз переосмыслим ситуацию. Будем решать, только если возникнут проблемы с этой... вещью.

Ха, — подумала Леа — Чудесная вещичка.

Хочешь такую же?

— Я знаю, что ты думаешь, Джейк, что думает Сэм. Они ставят на то, что Белла умрет так, или иначе. И тогда, ты обезумеешь до такой степени, что...

Что нападку на Каленов сам. Я прижал уши к голове. То, что Леа считала прелестным приобретением, было действительно заманчивой целью... Очень может быть, так все и получится. Когда... Если эта вещь убьет Беллу, мне придется позабыть все, что я чувствую к семье Карлайла в тот же миг. Я буду снова смотреть на них лишь как на врагов, и они станут для меня не более чем кровососущими тварями.

Я тебе это припомню, — прошептал Сет.

Да знаю, малыш. Вопрос в том, буду ли я тебя слушать.

— Джейк? — позвал Джаред.

Я раздраженно вздохнул.

Леа, наверни кружок, только чтобы убедиться. Мне все же придется поговорить с ним, и хочу быть уверенным, что не случится ничего непредвиденного, если я перекинусь.

Позволь мне остаться, Джейкоб. Ты можешь перерождаться и при мне. Не смотря на все мои усилия, я все таки уже видела тебя голым, так что

большой проблемы в этом не будет.

А я и не собираюсь строить из себя святую невинность в твоих глазах, Леа. Просто пытаюсь защитить наши тылы, так что дуй отсюда.

Леа фыркнула, но все же умчалась в лес. Я слышал, как ее лапы впивались в землю, устремляя тело все глубже в чащу. Нагота была неудобной, но неизбежной частью жизни в стае. Мы никогда прежде особо не задумывались над этим, до тех пор, пока не появилась Леа. Тогда и начались неудобства. Лее понадобилось не меньше времени, чем каждому из нас, что бы научиться перерождаться вне зависимости от сполохов настроения, разрывая на клочки одежду. Так что видели мы достаточно. Не похоже было, что она что-то замечала, было гораздо хуже, когда в последствии она начала подлавливать нас на этих мыслях.

Джаред и остальные проследили взглядами за скрывшейся в лесу Леей, с настороженным выражением на лицах.

— Куда она направилась? — спросил Джаред.

Я проигнорировал его вопрос, закрыв глаза и снова сосредотачиваясь. Было такое чувство, что воздух дрожал вокруг меня, и, отталкиваясь от тела, шел мелкой рябью. Я поднялся на задние лапы, как только уловил момент перерождения.

— О, — сказал Джаред, — привет, Джейк.

— Привет, Джаред.

— Спасибо, что согласился со мной поговорить.

— Да уж.

— Мы хотим, что бы ты вернулся в стаю, старик.

Квил снова заскулил.

— Не думаю, что это будет так просто, Джаред.

— Возвращайся домой, — повторил он, наклонившись ближе, в его взгляде застыла мольба — мы сможем все уладить. Здесь тебе не место. Позволь Лее и Сету тоже вернуться.

Я засмеялся.

— Верно. Как будто бы я не прошу их одуматься каждый час, с тех пор как мы оказались вместе.

Сет позади меня фыркнул.

Джаред это услышал, и в его глазах сразу же появилась настороженность.

— И что теперь?

Он ждал, пока я обдумывал его слова.

— Я не знаю. Но не думаю, что все сможет стать, как прежде, Джаред. Понятия не имею, как это работает — не думаю, что смогу отключить эту

Альфа-штуку, а потом включить снова, когда мне вздумается. Похоже, это надолго.

— Ты все еще один из нас.

Я приподнял бровь.

— Два самца Альфа не могут сосуществовать вместе, Джаред. Вспомни, как далеко мы могли зайти вчера вечером? Инстинкт падок на конкуренцию.

— Так что же, вы собираетесь провести остаток жизни, болтаясь рядом с кровососами? — огрызнулся он. — У вас здесь нет дома, а теперь даже нет одежды! Вы собираетесь постоянно оставаться волками? Сам знаешь, как Лее не нравится питаться в таком обличье.

— Если Леа проголодается, то сможет делать все, что захочет. Она здесь по своей воле. Я никому не указываю, что делать.

Джаред вздохнул.

— Сэм сожалеет о том, как поступил с тобой.

Я кивнул в ответ.

— Я больше не сержусь.

— Но?

— Но не вернусь, не теперь. Мы подождем и посмотрим, как будут дальше развиваться события, и не спустим с Калленов глаз столько, сколько понадобится. Ты не прав, думая, что дело только в Белле. Мы защищаем тех, кому требуется защита. Это относится и к Калленам.

Во всяком случае, большинству из них.

Сет тихонько повизгивал, соглашаясь.

Джаред нахмурился.

— В таком случае, мне больше нечего тебе сказать.

— Сейчас нет. Поглядим, как все обернется.

Джаред обернулся к Сету, уже не обращая на меня никакого внимания.

— Сюю попросила сказать ... нет, передать вам, чтобы возвращались домой. Вы разбили ей сердце, Сет, оставили совсем одну. Понятия не имею, как вы с Леей могли так с ней поступить, бросили ее с этим грузом сейчас, когда совсем недавно умер ваш отец...

Сет заскулил.

— Потихе, Джаред, — предупредил я.

— Я только сказал ему все, как есть на самом деле.

Я фыркнул.

— Разумеется.

Сюю была сильнее и тверже всех, кого я знал. Сильнее, чем мой отец, сильнее, чем я. Она была достаточно жестокой, чтобы играть на любви

своих детей, если это поможет вернуть их домой. Было несправедливо поступать так с Сетом.

— И давно Сюю в курсе всех этих дел?.. И готов спорить, большую часть этого времени она провела с Билли, Старым Квиллом и Сэмом. О, конечно, она страдает от одиночества. Сет, ты можешь идти, если хочешь, ты это знаешь.

Сет фыркнул. Затем насторожил уши на север. Должно быть, Леа близко. Ух ты, как все-таки быстро. В два прыжка Леа вылетела из леса, оказавшись на поляне, в нескольких ярдах от нас. Она неслась сюда, ведомая мыслями Сета. Леа потянула носом воздух, явно стараясь не глядеть в мою сторону.

Я это оценил.

— Леа? — позвал Джаред.

Она оскалилась, встретив его пристальный взгляд.

Кажется, Джареда не удивила ее враждебность.

— Леа, ты же знаешь, что не хочешь сейчас здесь находиться.

Она зарычала на него. Я предупредил ее взглядом, но мой намек остался незамеченным. Сет заскулил и подтолкнул ее плечом.

— Прости, — спохватился Джаред, — Думаю, мне не следует продолжать. Тебя ничто не связывает с этими кровопийцами.

Леа очень пристально поглядела на своего брата, а потом на меня.

— Таким образом, ты хочешь присмотреть за Сетом, я понимаю, — его глаза на мгновение остановились на мне, словно проверяя мою реакцию на сказанное, затем вновь вернулись к ней. — Но Джейк не позволит, чтобы с ним что-то случилось, да и сам он не боится находиться здесь. — Джаред изменился в лице — В любом случае, Леа, пожалуйста, мы хотим, чтобы ты вернулась. Сэм хочет, чтобы ты вернулась.

Хвост Леи заметался по земле.

— Сэм приказал мне умолять тебя. Он сказал, чтобы я буквально на коленях упрашивал тебя вернуться. Он хочет, чтобы ты вернулась обратно, Ли-Ли, в свой родной дом.

Я видел, что Леа вздрогнула, когда Джаред назвал ее прозвищем, придуманным для нее Сэмом. Но когда он произнес последнюю фразу, шерсть у Леи на загривке стала дыбом, из пасти вырвался протяжный вой.

Я мог и не читать ее мысли, что бы понять, как далеко она его только что послала, да и он тоже. Мы могли вообразить себе каждое слово.

Я подождал, пока она закончит.

— Я не собираюсь заново расхлебывать всю эту кашу, и хочу сразу предупредить, что Леа вольна быть там, где ей хочется.

Леа заворчала, но потому как продолжала при этом смотреть на Джареда, я решил, что она соглашалась.

— Слушай, Джаред, мы все еще семья, правильно? Мы закончим враждовать рано или поздно, но пока оставайтесь на своей территории. Так мы избежим недоразумений. Никто не хочет семейных склок, так? В первую очередь Сэм.

— Конечно, нет, — отреагировал Джаред — Мы будем придерживаться своей территории. Но где ваша земля, Джейкоб? Это — земля вампиров.

— Нет, Джаред. Сейчас мы беспризорники. Но не волнуйтесь, это не навсегда, — я подавил вздох — Осталось ждать... не так долго. Ладно? И тогда Каллены уйдут, а Сет и Леа вернутся домой.

Члены моей стаи хором заскулили, повернув ко мне морды.

— А как на счет тебя, Джейк?

— Думаю, вернусь в лес. Слоняться поблизости от Ла Пуш не самая хорошая идея. Два Альфы могут создать слишком большое напряжение. Я чувствовал, что все так и будет. Еще перед этими беспорядками.

— Что, если нам понадобится поговорить?

— Повой, но не пересекай границу, хорошо? Мы придем. И Сэм не должен больше посылать такую толпу, нам не нужна драка.

Джаред нахмурился, но кивнул. Ему не нравилось, что я ставлю Сэму условия.

— Увидимся еще, Джейк... а может и нет.

Он помахал мне без особого энтузиазма.

— Постой, Джаред. С Эмбри все в порядке?

Он удивился:

— Эмбри? Да, в полном. Почему ты спросил?

— Просто удивился, почему Сэм послал Колина.

Я наблюдал за его реакцией: он насторожился и казалось, что-то обдумывал. Я увидел вспышку понимания в его глазах, но не понял, что это означает.

— Это не твое дело, Джейк.

— Конечно нет. Просто любопытствовал.

Краем глаза я заметил движение за его спиной, но не подал виду, потому что не хотел подставлять Квила. Он то точно все знал.

— Я передам Сэму твои... условия. До свидания, Джейкоб.

Я вздохнул.

— Да. Пока, Джаред. Эй, скажи отцу, что я в порядке, ладно? Что мне очень жаль, и что я его люблю.

— Хорошо.

— Спасибо.

— Пошли, парни, — сказал Джаред. Из-за того что Леа находилась рядом, ему пришлось отвернуться, что бы переродиться. Пол и Коллин развернулись вслед за ним, но Квил колебался. Он тихонько заскулил и я подошел ближе.

— Да, я тоже скучаю по тебе, братишка.

Квил трусцой подбежал ко мне, мрачно понутив голову. Я потрепал его по плечу.

— Все будет в порядке.

Он жалобно тявкнул.

— Скажи Эмбри, что я буду рад видеть вас двоих рядом с собой.

Он кивнул и прижался носом к моему лбу. Леа фыркнула. Квил обернулся, но не к ней. Он смотрел через плечо, вслед остальным.

— Да, иди домой, — подтолкнул я его.

Квил снова заскулил и кинулся прочь, Джаред никогда не отличался терпением.

Как только он скрылся из виду, я позволил жару разлиться по всему телу.

Спустя одно мгновение я снова стоял на четырех лапах.

— Похоже, ты был не прочь разделить с ним пару мыслишек, — хихикала Леа.

Ее шпилька осталась без комментариев.

— Все хорошо? — спросил я их.

Во время переговоров, меня крайне тревожило то, что я не мог их слышать. Поэтому и не хотел что-либо предпринимать. В этом я не собирался следовать примеру Джареда. Разве я сказал хоть, что-то, что мы не обсудили? Исключительно ради себя?

— Ты был великолепен, Джейк! — похвалил меня Сет.

— Может, ты и не сразил Джареда наповал, — подумала Леа — но был к этому близок.

— Думаю, я знаю, почему Эмбри не позволили прийти, — размышлял Сет.

— Не понял, что ты хочешь этим сказать?

— Джейк, ты видел Квила? Он был сам не свой, верно? Ставлю десятку, что Эмбри в полном здравии. Но у Эмбри нет Клэр. У Квила не остается другого выхода, кроме как торчать в Ла Пуш, он не может уйти. А

Эмбри — запросто. Таким образом, Сэм пресекает любую возможность того, что он решит дезертировать с корабля. Сэм не хочет, что бы наша стая стала чуточку больше.

— Ты так думаешь? Сомневаюсь, что Эмбри стал бы возражать против убийства кое-кого из Калленов.

— Но он — твой лучший друг, Джейк. Он и Квил поддержали бы тебя в любом случае.

— Что ж, тогда я рад, что Сэм оставил его дома. Эта стая и так слишком большая — я вздохнул — Пока нас хватит. Сет, не мог бы ты какое-то время подежурить и вообще следить за положением дел? Мы с Леей слишком измотаны. Вроде бы все хорошо, но кто знает? Вдруг это был отвлекающий маневр?

Я не всегда страдал паранойей, но помнил обещания Сэма. Сейчас я сосредоточился только на том, что бы устранить надвигающуюся опасность. Я не знал, что он использует в своих целях, а что оставит без внимания.

— Без проблем! — Сет из кожи вон лез, что бы сделать все, что было в его силах. — Может стоит сходить к Калленам, объяснить, что произошло?

— Скорее всего они и так все поняли.

— Знаю. Просто хочу проверить, как обстоят дела.

Они уловили картинку в моих мыслях.

Сет заскулил от удивления.

— Фуу...

Леа встряхнула головой, словно хотела избавиться от изображения стаканов с кровью в своем сознании.

— Это самая поганая и мерзкая вещь, какую я только слышала в жизни. Фе. Если бы у меня в желудке что-то было, меня бы точно стошнило.

— Они же вампиры. Я думаю... — Сет подождал, давая Лее время прийти в себя — думаю, это имеет смысл. И если оно поможет Белле, то это просто замечательно, правда?

Мы с Леей уставились на него.

— Что?

— Мама часто роняла его в младенчестве, — сказала мне Леа.

— Он точно стучался головой.

— А еще он часто грыз дощечки забора.

— Покрашенные свинцовосодержащей краской?

— Похоже на то, — подумала она.

Сет фыркнул.

— Мило. Почему бы вам не заткнуться и не лечь поспать?

Глава 14

«Знаете, плохи дела, когда ты чувствуешь вину за то, что был груб с вампирами»

Вернувшись к дому, я увидел, что снаружи меня никто не ждет. Ну как, готовы? Круто, устало подумал я.

Я тут же обнаружил небольшие перемены в таких знакомых мне уже местах.

На крыльце лежала какая-то ткань. Приглядевшись к ней, я задержал дыхание, почуяв знакомый отвратительный запах кровососов.

Кто-то из них решил пожертвовать мне одежду. Хм. Эдвард должно быть уловил мое присутствие, когда я подошел к двери. Мило. И странно.

Взяв в зубы одежду, я затопал обратно к деревьям, опасаясь, что это была шутка, подстроенная белобрысой психопаткой. Держу пари, она бы не прочь была полюбоваться, как я стою, в чем мать родила среди деревьев. Разжав зубы, я бросил кипу смердящего тряпья на траву и принял человеческий облик. Взяв одежду, я принялся усердно махать ею из стороны в сторону, надеясь хоть как-то избавиться от этого тошнотворного запаха. Это была определенно мужская одежда брюки и белая рубашка на пуговицах. Мне некогда было разглядывать их, но размер вроде бы мой. Должно быть, Эмметт раскошелился. Рукава-то я подвернул, но вот с брюками была проблема. Покрываясь мурашками и стиснув нос, я кое-как оделся. Не могу же я сбегать домой за парочкой штанов. А они бы сейчас не помешали.

Я должен признать, что в одежде чувствовал себя лучше, единственным, что совершенно меня не устраивало являлась жуткая вонь. Иногда, я жалею, что не могу передвигаться со скоростью реактивного самолета, не могу молниеносно оказаться дома и взять пару старых брюк, когда они так нужны. Бездомная вещь (тряпка), не имеющая нигде места. Никаких доставляющих хлопоты владений, хотя, возможно, я скоро получу эти хлопоты.

Уставший, я медленно поднялся на веранду Каленов в своем «новом», фантастическом одеянии, явно побывавшем в секонд-хенде, и притормозил у входной двери.

Я постучал? Дурак, они наверняка уже знали, что я здесь.

Я удивился, почему никто не признал тот факт что сказал мне или

прийти или исчезнуть, как бы то ни было. Я пожал плечами и вошел. Большие изменения! Комната вернулась в почти нормальное состояние за какие-то 20 минут. Большая, прозрачная стена была звуконепроницаема, за ней летела какая — то птица, до которой никому не было дела. Карлайл и Эсме стояли у окна, открывавшего вид на лесную реку. Эллис, Джаспер и Эмметт были вне поля зрения, но я слышал их голоса наверху. Как и вчера Белла лежала на кушетке с одной воткнутой в нее капельницей. Еще четыре стояли за диваном. Она была обернута как лепёшка с начинкой в нескольких толстых стеганых одеял. Так, они хотя бы прислушались ко мне!

Розалии, скрестив ноги, сидела у изголовья. Эдвард же сидел на другом конце кушетки с ногами Беллы, похожими на бурито, на коленях. Он увидел, как я вошел и улыбнулся мне, только небольшое подергивание его рта, что могло ему понравиться?

Белла меня не услышала. Она улыбнулась увидев, что он улыбается. Ее лицо озарилось радостной улыбкой. Я не помню, чтобы она когда-нибудь так радовалась мне. Что же ее так гложет? Она удачно вышла замуж и непохоже чтоб ее любовь к кровососу канула в Лету. Да еще и забеременела.

Почему же она так чертовски рада меня видеть. Как я хотел унести ее отсюда. Если бы она только не переживала так ... Хочет ли она чтобы я был рядом? Мне было бы гораздо легче, если бы я держался подальше от нее.

Эдвард по-видимому был согласен с моими мыслями. Он выглядел таким же помешанным, каким я видел его в последний раз. Он хмурился, глядя как Белла радостно улыбается мне.

— Они всего лишь хотели поговорит. — услышал я свой голос как бы со стороны. Я падал с ног от усталости. — На горизонте все чисто.

— Да. — ответил Эдвард. — Я слышал большую часть разговора.

Меня это немного озадачило, ведь между нами были ни мало, ни много три мили.

— Как?

— Просто слушал как вы по дружески общались, а когда вы находитесь в своем человеческом обличье, то читать ваши мысли намного легче. Таким образом я слышал большую часть того, что у вас там происходило.

— Ого. — Меня это немного озадачило. Я пожал плечами. — Ну и ладно. Ненавижу повторяться.

— Тебе лучше пойти немного поспать. — проговорила Белла, — но я догадываюсь, что ты примерно через несколько секунд все равно

поднимешься наверх, так что в этом нет никакого смысла.

Я поразился насколько лучше она стала выглядеть. Я почуял запах свежей крови и увидел, что она опять держит в руках стакан. Сколько же нужно крови, чтобы поддержать ее? Наверное они скоро по соседям пойдут.

Я направился на выход, подумав, что помощников у нее и без меня хватает.

— Раз Миссисипи... два Миссисипи.

— Где наводнение, придурок? — пробормотала Розали.

— Знаешь, как можно утопить блондинку, Розали? — спросил я у нее, даже не утруждая себя повернуться к ней. — Положить зеркало на дно бассейна.

Я услышал, как Эдвард неуклюже закрыл за мной дверь. Его настроение улучшалось по мере того, как поправлялась Белла.

— Мне это уже говорили. — крикнула мне в спину Розали.

Я изо всех сил шагал подальше от дома к деревьям, надеясь, что там воздух почище. Я планировал прикопать где-то неподалеку от дома одежду, чтобы потом снова воспользоваться ею, а не привязывать к ноге, так я не буду чувствовать их запах.

Я ожесточенно воевал с пуговицами на рубашке, раздумывая о том, что пуговицы не в стиле оборотней.

Дойдя до газона, я услышал их голоса.

— Куда ты собрался? — спросила Белла.

— Есть кое-что, о чем я забыл ему рассказать.

— Позволь Джейкобу немного отдохнуть, это подождет.

— Да, на здоровье, пусть себе спит.

— Это займет всего минуту.

Я медленно обернулся. В дверях стоял Эдвард. По мере того, как он ко мне приближался, выражение его лица менялось.

— Здорово, что теперь?

— Прошу извинить меня, — он замялся. Я не знал, о чем он думает, что хочет сказать. Что у тебя на уме, телепат?

Когда ты раньше говорил с делегацией Сэма, — начал он, — я позволил сыграть Карлайлу и Эсме, да и остальным. Они были заинтересованы.

— Послушай, мы не снимем охрану. Вы не должны доверять Сэму так, как делаем это мы. Тем не менее мы держим ухо востро.

— Нет, нет, Джейкоб, я не об этом. Мы доверяем вам. Скорее Эсми беспокоит что-то, что ты делаешь, вызывает затруднения. Она попросила,

чтобы я лично с тобой поговорил.

— Это заинтересовало меня.

— Затруднения?

— То, что ты теперь бездомный. Она очень расстроена, что тебе пришлось лишиться...

Я фыркнул. Эта курица, мать вампира очень странная.

— Мы в порядке. Скажи ей, чтобы не волновалась.

— Она все еще хочет сделать то, что ей под силу. Я подумал, что Лея предпочитает поесть не в ее волчьей форме...

— И? — потребовал я.

— Ну, у нас есть нормальная человеческая еда, Джейкоб. Соблюдение приличий, и, конечно же, для Беллы. Если Лея захочет — добро пожаловать. Все вы.

— Я подумаю.

— Лея ненавидит нас.

— И что?

— Так попробуйте поговорить с ней так, чтобы заставить ее, если вы не возражаете.

— Я сделаю все, что смогу.

— А еще у нас есть одежда.

Я мельком взглянул на них, я был измотан.

— О да. Спасибо, — Это вероятно не было бы благовоспитанно, упомянуть, как плохо они пахли.

— Он слегка улыбнулся.

— Хорошо, мы в состоянии помочь вам во всем, что нужно. Элис редко позволяет нам носить ту же самую вещь дважды. У нас есть груды совершенно новой одежды, предназначенной для благотворительности. И я предполагаю, что, например, Леа близка по размеру с Эсме.

— Не уверен, что она будет чувствовать себя хорошо в обносках кровопийцы. Она не так практична, как я.

— Я полагаю, что Вы можете представить наше предложение в самом лучшем свете. Так же это касается и другого. Вы, возможно, нуждаетесь в перевозке или в чем-нибудь еще. В душе так же особенно с тех пор, как вы предпочитаете спать на открытом воздухе.

— Пожалуйста...не отказывайтесь от домашних удобств, — Он произнес последнюю фразу мягко, не пытаясь сохранять спокойствие на сей раз, но с некоторой неподдельной добротой в голосе. Я пристально посмотрел на него и сонно моргнул.

— Это очень мило с вашей стороны. Скажи Эсме, что мы ценим ее

идеи. Но периметр пересекает реку в нескольких местах, таким образом, мы остаемся довольно чистыми, спасибо.

— Но может, ты все равно передашь наше предложение?

— Конечно- конечно.

— Спасибо.

Я отвернулся от него, чтобы полностью прекратить наш разговор, как из дома раздался грудной крик полный боли. Я оглянулся, но его уже не было.

Что теперь?

Я пошел за ним, передвигаясь, как зомби, и используя то же количество мозговых клеток. Не думаю, что у меня был выбор. Что-то было не так. Я пошел посмотреть, что же случилось. Мог ли я чем-нибудь помочь? Мне стало плохо: это казалось неизбежно.

Я снова вернулся. Белла задыхалась, скрючившись над своим животом. Розалии держала ее, Эдвард, Карлайл и Эсме были рядом.

Боковым зрением я заметил движение на лестнице: Эллис стояла на ступеньках, приложив руки к вискам и смущенно смотря в комнату.

Это было странно: неужели ей запретили спускаться?

— Дайте мне секунду, Карлайл, — Белла задыхалась.

— Белла, — с тревогой ответил доктор, — я слышал, как что-то хрустнуло, я должен посмотреть.

— Великолепно, — тяжелое дыхание, — это было ребро. Ой. Да. Прямо здесь, — она осторожно показала на свою левую сторону.

Сейчас оно ломало ее кости.

— Я должен сделать рентген. Могли остаться осколки. Мы не хотим, чтобы оно прокололо что-нибудь.

Белла глубоко вздохнула:

— Хорошо.

Розалии осторожно подняла Беллу. Эдвард, казалось, собирался возразить, но она оскалила свои белоснежные зубы и прошипела:

— Я уже взяла ее.

Что ж, Белла была сильнее сейчас, но и ситуация была труднее.

Ты не можешь истощить одного, не проделывая то же самое с другим, это происходило и сейчас. Нет возможности победить. Блондинка быстро поднималась по лестнице с Беллой на руках. Карлайл и Эдвард следовали попятам. Никто из них не заметил, что я стоял в дверном проеме.

И так у них дома был банк крови и рентген... Доктор перенес свою работу домой?

Я прислонился к стене и сполз по ней. Дверь была все еще открыта, и

я высунул нос на улицу, к счастью там был чистый ветерок. Я оперся головой о косяк и прислушался. Я мог услышать звук рентгена наверху. А может, мне это только показалось. За тем на лестнице раздались легкие шаги. Я не стал смотреть, кто из вампиров это был.

— Тебе принести подушку? — спросила меня Эллис.

— Нет, — пробормотал я. Снова это настойчивое гостеприимство? Оно начинает меня доставать.

— Это же не удобно, — проявила она наблюдательность.

— Не совсем.

— Почему ты тогда не двигаешься?

— Устал. А почему ты не наверху с остальными?

— Голова болит, — ответила она.

Я повернул голову, чтобы посмотреть на нее. Эллис была совсем крошечной. Сейчас она выглядела еще меньше, чем обычно: вся ссутулилась, сжалась.

— У вампиров бывают головные боли?

— Нет, у нормальных вампиров не бывает головных болей.

Я фыркнул. Нормальные вампиры.

— Так почему ты не бываешь больше с Беллой? — мой вопрос прозвучал как обвинение. Такого со мной не происходило ранее, так как моя голова была забита другим, но было странно, что Эллис никогда не крутилась рядом с Беллой за все мое пребывание здесь. Возможно, они не поделили что-то с Розали.

— Думаю вы две походили на это, — я соединил два своих пальца вместе, — вы были неразлучны.

— Я уже сказала, — она села на пол обхватив руками колени, — у меня болит голова.

— У тебя болит голова из-за Беллы?

— Да.

Я нахмурился. Довольно, я устал от загадок. Я снова повернул голову к двери и закрыл глаза.

— Ну, не из-за самой Беллы, — поправила она, — ...из-за зародыша.

Она сказала слово неохотно, как это делал Эдвард.

— Я не могу ничего увидеть, — сказала она мне, хотя, возможно, просто размышляла вслух.

— Я не вижу ничего о них так же, как тебя, — Я вздрогнул и сжал зубы. Терпеть не могу, когда меня сравнивают с этими существами.

— Белла мешает. Она напрямую связана с ребенком, поэтому я вижу ее расплывчато, как при плохом приеме сигнала по телевизору, пытаюсь

сосредоточить взгляд на расплывчатых людях на экране. От этого у меня начинает болеть голова. Я не вижу будущее дальше нескольких минут, так как.... зародыш — большая часть будущего Беллы. Когда она решила..., когда она узнала, что хочет этого, я перестала ее видеть. Это напугало меня до смерти, — Эллис помолчала с минуту, а потом добавила.

— Я думаю, что ей легче, от того, что ты с нами, несмотря на собачий запах. Все исчезает, как будто мои глаза закрыты. Еще эта головная боль...

— Рад, что оказался полезным, — пробормотал я.

— Я не имею ничего общего с этим существом, которое по капле высасывает у нее жизнь — сквозь зубы сказал я.

— Хорошо, но все же что-то общее есть.

Я не ответил. Жар отступал. Я до того устал, что даже не было сил злиться.

— Ты не возражаешь, если я посижу с тобой? — спросила она меня.

— Конечно, нет. Все равно здесь и так жутко смердит.

— Спасибо, — сказала она. — Мне уже лучше, слава Богу, а то я же не могу принять аспирин.

— Что не проходит головная боль? Тогда поспи.

Она не ответила, внезапно замолкнув. Я потерял счет времени.

Я задремал, но жутко хотелось пить. Передо мной стоял стакан воды. Я схватил его и сделал огромный глоток, однако быстро понял, что это была не вода, а отбеливатель. Я закашлял, разбрызгивая содержимое стакана. Все внутри горело.

Боль в носу, разбудила меня и я понял где нахожусь. Запах был довольно жестким, даже не смотря на то, что мой нос практически торчал на улице. Тьфу. Кто-то сильно шумел. Откуда-то доносился громкий смех. Знакомый смех, но не принадлежащий вампиру. Запах не принадлежал смеющемуся.

Я застонал и открыл глаза. Небо было серым, однако на улице еще был день, но я не знал который сейчас час. Наверное день близился к закату — ведь уже довольно темно.

— Во время, — бормотала блондинка, копошащаяся неподалеку от меня. — Твой вид меня немного утомил.

— Я моргнул и повернулся. Белла не слишком изменилась за это короткое время, разве что теперь она сидела в центре дивана, а трубки исчезли. Блондинка сидела у нее в ногах, положив голову ей на колени. Я видел, как она небрежно касалась ее. Эдвард сидел с другой стороны от нее и держал ее за руку. Элис, как и Розали, сидела на полу. На ее лице больше не было напряжения. Наверное, она нашла себе подходящие таблетки.

— Эгей, Джейк вернулся! — заорал Сэт.

Он сидел по другую сторону от Беллы, по-хозяйски положив руку ей на плечо, на коленях у него стояла тарелка с едой.

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Он пришел, чтобы найти тебя, — сказал Эдвард, в то время как я поднимался на ноги. — И Эсме убедила его остаться на завтрак.

Сэт заметил мое выражение и торопливо забормотал:

— Да, Джейк, я только хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Лея волновалась. Я сказал ей, что ты, вероятно, превратился в человека, но ты же знаешь ее. Так или иначе, тут у нас есть еда, — он повернулся к Эдварду, — он совсем неплохо готовит.

— Спасибо, — пробормотал Эдвард.

Сэт, услышав замечание Эдварда, посмотрел на выражение моего лица и ему резко понадобились обе руки, чтобы поесть. Он снял руку с плеча Беллы и стал усиленно пережевывать пищу. Я подошел к кушетке.

— Лея контролирует территорию? — спросил я Сэта. Мой голос все еще был сонным.

— Да, — пробормотал он с набитым ртом. На Сэте была новая одежда. И она шла ему больше, чем мне. — Она все еще там. Никаких проблем, Если что-нибудь произойдет, она будет выть. Мы остались до полуночи. Я бегал двенадцать часов, — он гордился этим, это было слышно по его голосу.

— Полночь? Погодите. Сколько времени сейчас?

— Рассвет, — сказал он, глянув в окно.

Проклятье. Я спал весь остаток дня и ночи.

— Вот черт. Очень жаль, Сэт. Надо было растолкать меня раньше.

— О, нет. Тебе нужно было выспаться. Когда ты в последний раз нормально спал? Ночь перед последним патрулем Сэма? Сколько? Сорок пять часов? Пятьдесят? Ты не машина, Джейк. Странно, что ты ничего не пропустил.

Ничего вообще?

Я быстро поглядел на Беллу. К ней вернулся ее прежний цвет. Бледный, но совсем чуть-чуть. Ее губы снова порозовели. Даже волосы выглядели более-менее солнечными. Она видела, что я это оценил и усмехнулась.

— Как ребро? — спросил я.

— Рентген показал неплохие результаты. Я даже ничего не чувствую.

Я отвел глаза и услышал, как Эдвард заскрипел зубами. Я полагаю, что ее отношение ко всему этому напугало его.

— Что на завтрак? — с сарказмом спросил я. — Первая отрицательная или третья положительная группа крови?

Она показала мне язык. Такая же, как и раньше.

— Омлет, — сказала она, но ее глаза быстро скользнули вниз и я заметил, что ее стаканчик крови был втиснут между ее ногой и ногой Эдварда.

— Иди завтракать, Джейк, — сказал Сэт. — Все на кухне. Ты, должно быть, голоден.

Я заглянул ему в тарелку. Смахивало на омлет с сыром. Мой живот заурчал, но я проигнорировал его.

— А что на завтрак у Леи? — спросил я критически.

— Эй, я отнес ей немного еды, прежде чем сам схомячил чего-нибудь, — защищался он. — Она сказала, что скорее съестдохлое животное, чем притронется к еде. Держу пари, она уже об этом жалеет. Это были рогастики с корицей, — казалось, он в недоумении.

— Я пойду поохочусь с ней.

Сэт вздохнул, поскольку я повернулся и направился к выходу.

— Погоди, Джейкоб.

Это был Карлайл. Когда я обернулся, мое лицо приняло более уважительное выражение, чем было бы, если б меня окликнул кто-нибудь другой.

— Да?

Карлайл подошел ко мне, в то время как Эсме вышла прочь в другую комнату. Он остановился неподалеку, но несколько дальше, чем принято для разговора у двух нормальных людей. Я не мог этого не заметить.

— Что касается охоты... — начал он мрачным тоном. — Это проблема для моей семьи. Я понимаю, что наше предыдущее перемирие является недействительным в настоящее время, таким образом я хотел бы попросить у тебя совета. Может ли Сэм угрожать нам вне периметра? Мы не хотим рисковать, не хотим, чтобы кому-нибудь из нас причинили вред. Если бы ты был на нашем месте, как бы ты поступил?

Я отклонился назад, меня немного удивил его вопрос. Что бы я делал, если бы был на месте кровопийцы? Но с другой стороны, я ведь и правда хорошо знал Сэма.

— Это опасно, — сказал я, стараясь не обращать внимания на взгляды, обращенные на меня и смотреть только на Карлайла. — Сэм спокоен, но я уверен, что он еще не выработал четкий план. Пока он думает, что племя или любой другой человек находятся в реальной опасности, он не станет задавать вопросы, если Вы понимаете, о чем я. Его приоритет — это

безопасность Ла-Пуш. Действительно, у него нет достаточно людей, чтобы следить за большой территорией. Я держу пари, что он держится близко к дому.

Карлайл глубокомысленно кивнул.

— Таким образом, я думаю, что на всякий случай я бы держался вместе. Вероятно, вы должны выйти днем, ведь мы бы ожидали ночи. Традиционное время вампиров.

Вы быстрые — перебегаете горы и охотитесь очень далеко, так что нет никакого шанса, что он послал бы кого-то за вами так далеко от дома.

— И оставить Беллу беззащитной?

Я фыркнул.

— А мы на что?

Карлайл засмеялся, а затем снова посерьезнел.

— Джейкоб, ты не сможешь бороться против своих братьев.

Я сощурил глаза.

— Я не говорю, что это так, но если бы они действительно хотели ее убить, то я был смог остановить их.

Карлайл беспокойно тряхнул головой.

— Нет, я не подразумевал, что ты будешь...неспособен. Но это было бы очень неправильно. Я не могу оставить это на своей совести.

— Это было бы уже не ваше дело, док. А мое. И я могу оставить это на своей совести.

— Нет, Джейкоб. Мы сначала удостоверимся, что это не понадобится, — он снова задумался. — Мы пойдем втроем, — решил он тут же. — Это, вероятно, лучшее, что мы можем сделать.

— Я не знаю, док. Но разделиться — это не самая лучшая стратегия.

— У нас есть несколько дополнительных способностей, которые смогут помочь. Если Эдвард будет этим одним из трех, то он сможет обезопасить нас.

Мы посмотрели на Эдварда. По его выражению лица сразу стало ясно, что Карлайл глубоко заблуждается.

— Я уверен, что есть и другие пути, — сказал Карлайл. Теперь понятно, что никакая сила не оторвет сейчас Эдварда от Беллы. — Элис, я полагаю, ты сможешь увидеть, как поступить?

— Мы исчезнем из поля зрения, — сказала Элис, кивая. — Легко.

Эдвард расслабился, согласный с первым планом Карлайла. Белла посмотрела на Элис, небольшая складка залегла на ее переносице.

— Тогда хорошо, — сказал я. — Это улажено. Я тогда пойду. Сэт, я буду ждать тебя в сумраке, чтобы подремать где-нибудь там, хорошо?

— Конечно, Джейк. Я прослежу за всем и вернусь. Если... — он поколебался, посмотрев на Беллу. — Я еще нужен здесь?

— Я в порядке, Сэт, спасибо, — быстро сказала Белла.

И затем Эсме впорхнула обратно в комнату, в ее руках было большое блюдо. Она остановилась около Карлайла. Ее широкие, темные золотые глаза смотрели на меня. Она протянула блюдо и сделала нерешительный шаг ко мне.

— Джейкоб, — спокойно сказала она. Ее голос был не такой, как у других. — Я знаю, что это...не слишком аппетитно для тебя... идея поесть здесь, где столь неприятный запах. Но я буду чувствовать себя немного лучше, если ты возьмешь еду с собой. Я знаю, что ты не можешь пойти домой. Пожалуйста, я так сожалею. Возьми что-нибудь поесть. — Она протянула мне пищу, в ее лице было столько мольбы. Я не знаю, как она сделала это, потому что она выглядела не старше 20 лет, она была бледной, так же что-то в выражении ее лица напомнило мне о моей маме.

Великолепно.

— Ох, конечно, конечно, — пробормотал я. — Я думаю, Лея все еще голодна.

Я потянулся и взял тарелку одной рукой, придерживая другой. Я выкинул бы это под ближайшим деревом. Но я не хотел, чтобы она чувствовала себя плохо.

А потом я вспомнил про Эдварда.

«Не говори ей! Пусть она думает, что я это съем.»

Я не стал смотреть на него, чтобы удостовериться, согласился ли он. Он должен был согласиться. Этот кровопийца должен мне.

— Спасибо, Джейкоб, — сказала Эсме, улыбаясь мне.

— Спасибо, — ответил я. Мое лицо было красным, краснее чем обычно.

Это было проблематично общаться с вампирами. Они начали менять мое мировоззрение. Они начали чувствовать себя моими друзьями. Я стал привыкать к ним.

— Ты вернешься позже, Джейк? — спросила Белла, поскольку я повернулся, чтобы уйти.

— Ох, я не знаю.

Она поджала губы, как обычно, когда она пыталась сдержать улыбку.

— Пожалуйста. Я могу простудиться.

Я вздохнул, а затем понял, что это была плохая идея.

— Возможно.

— Джейкоб? — спросила Эсме. Я отступил к двери, поскольку она

продолжала. — Я оставила корзину с одеждой на ступеньках. Она для Леи. Я недавно выстирала ее и высушила, стараясь ее не касаться, — она нахмурилась. — Ты не против взять ее?

— Да-да, — пробормотал я и выскочил из двери, прежде чем кто-нибудь смог бы предложить мне что-нибудь еще

Глава 15

«Тик-так. Тик-так. Тик-так»

«Эй, Джейк, думал ты захочешь, что бы я прибежал до наступления темноты. Так как так случилось, что Леа меня не разбудила?»

«Потому что ты мне не нужен. Я в порядке».

Он уже прочесал всю северную половину круга.

«Ты что-то разведывал?»

Он только что пересек одну из дорог, которой я совершал визит на ту сторону. Учужал мой свежий след.

«Ага, неохотно выдавил я, ты знаешь, просто проверка. Собираются ли Каллены на охоту».

Обманка сработала.

Сэт сделал петлю и начал возвращаться обратно к главному периметру.

Бежать с Сэтом было куда легче, чем с Леей. Думаю, она старалась — старалась очень сильно, — это было запрятано где-то в уголке ее сознания. Но она не хотела быть здесь. Не хотела чувствовать эту странную слабость, находясь среди вампиров, ту же самую, что чувствовал я сам. Не хотела иметь дело с милой дружбой Сэта с вампирами, дружбой, которая становилась только крепче.

Забавно. Я мог бы подумать, что ее самой большой проблемой стану я. В конце концов, мы вечно играли на нервах друг друга у Сэма в стае. Но я не чувствовал вокруг себя ни малейшего проявления враждебности. Почему? Может, это была её благодарность за то, что я не вынуждал её уходить. Или же просто я сам начал понимать её намного лучше. Как бы то ни было, бежать рядом с Леей было и вполнину не так сложно, как я ожидал.

Конечно, сильно она задачу не облегчала. Еда и вещи, которые передала ей Эсми, в данный момент чудесным образом сплавлялись вниз по реке. Даже после того как у неё на глазах я съел свою часть, — и не потому, что еда вдруг начала так невероятно аппетитно пахнуть вдали от вампирского логова, а просто для того, что бы подать Лее пример самоотверженной толерантности, — она отказалась. Крошечный олень, которого она поймала где-то в полдень, не мог полностью справиться с ее аппетитом, что, думаю, не улучшило её настроения. Она терпеть не могла сырое мясо.

«Мы могли бы сходить в разведку на восток», предложил Сэт. «Зайти

поглубже, удостоверится, что они нас ждут».

Я подумал немного и в итоге согласился. «Но давайте сделаем это чуть позже, когда все будут готовы. Я не хочу ослаблять нашу охрану. Сделаем это сразу перед попыткой Калленов. Не сейчас».

«Ок».

Но мысли уже зароились в моей голове.

Если Каллены смогут покинуть эту территорию благополучно, то они реально могли бы продолжить идти. Наверняка же потеряли бы не более секунды, прежде чем мы сможем появиться и предупредить их. Им нужно будет найти, где остановится... А там, на севере, у них есть друзья, правильно? Это было бы таким очевидным решением всех их проблем.

И по идее я мог бы предложить им этот вариант... но в чем загвоздка, так это в том, что я боялся, что они меня послушают. А я не хотел, чтобы Белла исчезла, не хотел никогда не узнать, что с ней, справилась она или нет.

Нет, глупо. Я должен сказать. Им нет смысла здесь оставаться, а что касается меня, то это было бы даже лучше, не менее болезненно, но лучше, если бы Белла ушла.

Легко говорить, когда её нет поблизости, такой взволнованной моим присутствием и цепляющейся за жизнь кончиками пальцев...

«Ох, я уже спрашивал про это Эдварда», подумал Сэт.

«Что?»

«Я спрашивал, почему они не ушли до сих пор. Скрылись бы у этой Тани, или еще где-нибудь. Где-нибудь далеко, где Сэм не смог бы до них добраться».

Я напомнил себе, что хотел дать Калленам совет. Просто совет. Так что я не был зол на Сэта за то, что тот уже сделал эту не самую приятную работу за меня.

«И что он сказал? Они ждут подходящего времени?»

«Нет. Они не собираются уходить».

Это прозвучало как не самая хорошая новость.

«Почему? Это же просто глупо».

«На самом деле нет, — уже больше защищаясь, сказал Сэт, — понадобится время, что бы соорудить всю эту больницу на дому. Здесь у Карлайла есть практически всё, что нужно для ухода за Беллой, плюс возможность достать необходимое в случае чего. Это одна из причин, почему они собираются на охоту. Карлайл считает, что им понадобится больше крови для Беллы в будущем. Он еще и покупать ее будет. Ты знал, что вот так вот просто можно купить кровь? Если ты доктор».

И что?

«По-прежнему тупо. Они могут взять все это с собой, и украсть, что понадобится по пути. Законы предусмотрены только для живых людей».

«Эдвард не хочет рисковать».

«Но Белла с тех пор чувствует себя намного лучше».

Сэт вынужден был согласиться. У себя в голове он сравнивал мое воспоминание о Белле, неподвижной, облепленной медицинскими трубками и свое собственное, когда она улыбалась и махала ему рукой на прощание.

«Но она все равно едва может шевелиться. Эта штука высасывает из нее всю жизнь».

Я судорожно сглотнул и почувствовал, как внутри все сжимается. «Я знаю».

«...сломало ей еще одно ребро», мрачно добавил он.

Мое дыхание неожиданно сбилось, и я вынужден был на секунду остановиться, чтобы потом опять войти в ритм.

«Карлайл наложил повязки и сказал, мол, еще один перелом. А знаешь, что заявила Розали? Бывали случаи, когда и человеческие дети ломали ребра своим матерям в утробе. Эдвард чуть шею ей не свернул».

Плохо, что не свернул, мелькнула у меня мысль.

Очевидно, Сэт был настроен предъявить мне полный отчет обо всем, что сам успел узнать, понимая, насколько жизненно необходима для меня эта информация, и насколько невозможным мне представлялось спросить об этом самому.

«Целый день у неё, то подскакивает, то падает температура. Карлайл не до конца уверен как это понимать, по идее она должна просто болеть. Ослабленная иммунная система, все такое.

Короче, все очень странно.

А так, мне показалось, она в хорошем настроении. Разговаривала с Чарли, смеялась...»

Чарли?! «Что ты имел в виду, когда сказал, она разговаривала с Чарли?!»

Сэт чуть было не споткнулся, так удивила его моя реакция.

«Вроде как они с Чарли созваниваются каждый день. Иногда ей звонит ее мать. Белле удалось уверить их, что идет на поправку».

На поправку?!

Какого черта они себе думают? Дать Чарли надежду, что бы потом неожиданно обрушить на него известие о ее смерти? Я думал, они постараются подготовить его к этому! Как бы невероятно это не звучало. Я

думал она даст ему время для...

«Джейк, она не умрет», тихо произнес Сэт.

Я сделал глубокий вдох в попытке кое-как успокоиться. «Нет, Сэт, даже если она не умрет, даже, если она выберется из всего этого, она не собирается быть человеком. И прекрасно об этом знает, как и все остальные. Если она не умрет, то превратится в симпатичную разновидность мертвеца, чувак. А потом исчезнет в неизвестном направлении. И я думал, что они попытаются как-то облегчить эту потерю для Чарли. Так какого же?..»

«Это была ее идея. Никто ничего не сказал, но лицо Эдварда выражало именно то, о чем ты сейчас думаешь».

Опять на одной волне с кровососом.

Дальше минут десять мы бежали в тишине. Я сменил направление, продвинувшись на юг.

«Не заходи слишком далеко».

«Почему?»

«Белла попросила меня, чтобы я попросил тебя зайти».

Я стиснул зубы.

«И ты нужен Элис. Она сказала, что уже устала сидеть на чердаке как летучая мышь на башне».

Он коротко усмехнулся. «Я уже дежурил с Эдвардом раньше. Надо просто поддерживать температуру Беллы. Ну, знаешь, когда холодно согреть и наоборот. По мере надобности. Но я считаю, если ты не хочешь, ты не должен, я мог бы...»

«Нет. Я все понял».

Дальнейших комментариев от Сэта не последовало. Все его внимание было сконцентрировано на пространстве вокруг.

Еще некоторое время я придерживался южного направления, надеясь натолкнуться на что-нибудь новенькое, и повернул назад, как только начали встречаться первые признаки жизни. Нет, до ближайшего города было еще далеко, но, тем не менее, я не хотел давать, ни малейшего повода для появления среди народа каких бы то ни было слухов. Мы были милыми и невидимыми уже достаточно долго.

На обратном пути я пересек периметр, и теперь бежал в направлении дома. Самое смешное, что чем больше я понимал весь идиотизм того, что делаю, тем меньше оставалось для меня возможностей себя остановить. Я наверное мазохист.

«Это не с тобой что-то не так, Джейк, просто ситуация не из стандартных».

«Заткнись, Сэт, ради всего святого».

В этот раз я долго не сомневался, стоя перед дверью в дом, а уверенно, почти по-хозяйски, зашел внутрь. Само собой я сообразил, что Розали взбесится, но думать об этом оказалось напрасной тратой времени: ни ее, ни Беллы в поле моего зрения не оказалось.

— Она в порядке, — прошептал Эдвард, — никаких перемен.

Он сидел на диване, сгорбившись, спрятав лицо в ладони, и даже не поднял головы. Эсми была тут же, легонько приобнимая его за плечи.

— Здравствуй, Джейкоб, — мягко произнесла она, — Я очень рада, что ты вернулся.

— Я тоже, — многозначительно добавила Элис. Девушка вприпрыжку спустилась с лестницы. Выражение лица у нее было такое, будто я опоздал на какую-то официальную встречу.

— Привет, — сказал я. Стараться быть учтивым было, как минимум, причудливо, — Где Белла?

— В ванной, — ответила Элис, — преимущественно жидкая пища плюс все эти штуки, связанные с беременностью, о которых тебе лучше не слышать.

Я что-то промычал в ответ и продолжил неуклюже стоять посреди гостиной, перекачиваясь с носков на пятки.

— О, восхитительно, — раздался за моей спиной недовольный голос. Я повернул голову и увидел Розали. Она вышла из ванной, аккуратно неся Беллу на руках, — Я сразу почувствовала, как завоняло.

И точно также как в прошлый раз на лице у Беллы появилось такое выражение, как у ребенка в рождественское утро. Как будто я принес какой-нибудь потрясающий подарок.

И это, черт побери, было нечестно.

— Джейкоб, — вздохнула она, — ты пришел.

— Привет, Беллз.

Эдвард и Эсми одновременно встали. Я видел, как бережно Розали положила Беллу на диван. И я видел как, несмотря на это, Белла побледнела и задержала дыхание.

Эдвард легонько провел рукой по ее лбу. Он старался, чтобы это выглядело, как будто он убирает выбившуюся прядь волос, но жест был чисто докторский. Очевиднее было бы разве что градусник под мышку засунуть.

— Тебе холодно? — тихо спросил он.

— Я в порядке.

— Белла, ты же знаешь, что сказал тебе Карлайл, — вставила

Розали, — не пытайся ничего приуменьшить. Это вовсе не помогает нам заботиться о тебе как положено.

— Ладно, мне немного холодно. Эдвард, подай мне, пожалуйста, вон то шерстяное одеяло.

Я закатил глаза.

— Разве это не то зачем я здесь?

— Да ты же только что зашел, — сказала Белла, — после того как, могу поспорить, пробежал целый день. Отдохни немного. Не пройдет и трех минут, как я опять согреюсь.

Я проигнорировал ее и спокойно уселся на полу возле дивана, пока она продолжала раздавать мне какие-то забавные указания. На самом деле я даже не знал как... Она выглядела такой восхитительно хрупкой, было страшно не то что ее подвинуть, а даже прикоснуться. Так что я просто склонился рядом так, что моя рука лежала рядом с её, и аккуратно сжал её тоненькую ладонь. Потом с такой же несвойственной мне аккуратность обнял второй рукой ее крошечное лицо.

— Спасибо, Джейк, — произнесла она, и я почувствовал как по ее коже прошлись мурашки.

Я кивнул в ответ.

Эдвард неподвижно сидел на самом краю софы, у ног Беллы, его глаза неотрывно следили за ее лицом.

Само собой было бы тупостью с моей стороны надеяться, что в небольшой комнате, набитой монстрами с супер-слухом, бурчание моего живота останется незамеченным.

— Розали, почему бы тебе не принести что-нибудь из кухни для Джейкоба? — сказала Элис. Самой ее не было видно, так как она тихо сидела, прислонившись к спинке дивана.

Розали недоверчиво уставилась на то место, откуда доносился голос Элис.

— Спасибо, Элис, но, честно говоря, я бы не хотел, чтобы блондинистая даже рядом с моей едой проходила. Нет гарантий, что мой организм так же легко переносит яды как все остальное.

— Розали никогда не посмеет подвести Эсми, демонстрируя такое негостеприимство.

— Конечно нет, — самым сладким тоном ответила Розали, мгновенно заставляя увериться в обратном. Не прошло и секунды, как она выпорхнула из гостиной.

Эдвард вздохнул.

— Скажешь, если она реально что-нибудь отравит? — спросил я.

— Да.

И по некоторым причинам я ему поверил.

В течении какого-то промежутка времени из кухни доносился грохот посуды, и — что подозрительно — скрежет метала. Эдвард опять вздохнул, но на этот раз почти незаметно улыбнулся. Не успел я это обдумать, как в гостиной опять появилась Розали. Она услужливо улыбнулась и бросила мне на пол металлическую миску.

— Наслаждайся, дворняга.

По всей очевидности в прошлом это была чаша для смешивания, но ее дно было искусственно приплюснуто и вся она было погнута таким образом, что теперь отчетливо напоминала собачью миску. Мастерство Розали должно было меня поразить, как и ее внимание к деталям. На внешней стороне посуды ровными буквами красовалась надпись «Фидо». [7] Почерк превосходный.

И лишь только потому, что сама еда выглядела просто восхитительно, — огромный стейк и картофель с соусом, — я сказал ей «Спасибо».

Она фыркнула.

— А знаешь, как называют блондинок с мозгами? — и сам же продолжил, — золотистый ретривер.

— Я где-то это уже слышала, — холодно ответила она, больше не улыбаясь.

— Я буду стараться не повторяться, — пообещал я и принялся за еду.

Розали скорчила лицо в отвращении и закатила глаза. Потом она уселась в одно из кресел, взяла в руки пульт и начала щелкать каналами с такой скоростью, что различить картинки было просто невозможно.

Еда была отличной, разве что эта извечная вонь от вампиров. И то, у меня мелькнула мысль, что я начинаю привыкать. Ха. Не то, чего бы мне хотелось. Определенно.

Когда я закончил, и уже было подумал вылизать за собой миску, — чего только не сделаешь, чтобы позлить Розали, я почувствовал, как холодные пальчики Беллы начали перебирать мои волосы. Она небрежно пригладила их вдоль моего затылка и опять растрепала.

— Пора стричься?

— Ну да, ты становишься немного лохматым, — спокойно ответила она.

— Дай предположить, среди присутствующих есть люди, работавшие в лучших парикмахерских Парижа?

Белла захихикала.

— Вполне возможно.

— Нет, спасибо, — быстро вставил я, опасаясь, что она и вправду предложит мне сейчас постричься, — еще на пару недель потянет.

На пару недель... Мысли сами вернулись в привычное русло. Я попытался придумать, как бы повежливей спросить.

— М...так когда именно. э, ну, ты знаешь, день икс для маленького монстра?

Она непроизвольно сжала сильнее, чем обычно мои волосы, но ничего не ответила.

— Я серьезно, — продолжил я, — хочу знать, сколько я еще здесь пробуду.

Сколько здесь пробудешь ты, добавил я про себя, и повернулся к ней. Выражение лица у нее было задумчивое, между бровей залегла морщинка.

— Не знаю, — прошептала она, — то есть, не точно. Очевидно, что под девятимесячную модель я не подхожу. Ультразвук мы сделать не можем, так что исходить приходится только из того насколько большой живот. Обычно в этом месте, — она бережно прикоснулась к своему довольно внушительному животу, — должно быть около сорока сантиметров, к концу срока. По сантиметру в неделю. У меня уже сегодня все тридцать и каждый день прибавляется еще два, а иногда больше...

Каждый день за две недели. Ее жизнь стремительно ускользала от нее, как будто кто-то нажал на кнопку ускоренной перемотки. Так сколько ей оставалось дней, если считать до сорока? Четыре? Мне понадобилось время, чтобы вспомнить, как дышать.

— Джейк?

Я кивнул, неуверенный, что если начну говорить, сумею справиться с голосом.

Эдвард отвернулся, пока мы разговаривали, но он читал мои мысли, а я видел его отражение в стеклянной поверхности стены. И он был на взводе. Опять.

Забавно, но точные даты делают все только хуже. Понимать, что когда-то она уйдет из моей жизни и знать, когда именно это произойдет — абсолютно разные вещи. Я был рад, что Сэт уже все выяснил, и теперь у меня хоть была уверенность в том, что она никуда не уедет отсюда. Было бы невыносимо жить с мыслью, что в один момент они исчезнут и заберут один, два или три дня из этих четырех. Моих четырех дней.

А еще смешнее, что даже зная, что все кончено, чувства никуда не уходят, моя зависимость, те нити, которыми она меня связала, они никуда не деваются. Порвать, сломать все это казалось тяжелее, чем когда-либо.

Целую минуту я старался смотреть на Беллу со стороны, так, как бы, возможно, смотрел, если бы этой тяги не существовало. И я знал, что это была не игра воображения. Я нуждался в ней так отчаянно сильно, как никогда раньше. Из-за того, что она умирала? Или потому что я знал, что даже, если бы это было неправдой, она бы превратилась в кого-то или во что-то, чего бы я не узнал и не понял, — все еще лучший из предложенных сценариев?

Она дотронулась кончиками пальцев до моей скулы и там, где она касалась, кожа была влажной.

— Все будет в порядке, — ласково прошептала Белла. Плевать, что смысла в этих словах не было. Она сказала это так нежно, чуть нараспев, также читают детям короткие стишки, чтобы они успокоились.

— Да, — пробормотал я.

Она снова прижалась к моей руке и положила голову мне на плечо.

— Я не думала, что ты придешь. Мне говорили и Сэт, и Эдвард, а я все равно не верила.

— Почему нет? — мрачно поинтересовался я.

— Здесь ты чувствуешь себя несчастным.

— Но я тебе нужен.

— Я знаю. Но я поступила несправедливо по отношению к тебе, когда попросила прийти. Могла бы и сообразить.

В комнате повисла тишина. Лица Эдварда по-прежнему не было видно. Он уткнулся взглядом в телевизор, на котором бессмысленно продолжали мигать картинки. Розали все щелкала и щелкала пультом, в левом верхнем углу экрана мелькнула цифра 600, и я подумал о том, сколько времени займет пролистать все каналы обратно до первого.

— Спасибо тебе, что ты здесь, — прошептала Белла.

— Могу я кое о чем спросить?

— Конечно.

Эдвард выглядел так будто совершенно забыл о нашем существовании, но он знал о чем я собираюсь спросить, и тем не менее не попытался выставить меня идиом.

— Почему ты хочешь, чтобы я был здесь? Сэт мог бы помочь поддерживать твою температуру, с ним уж куда легче, чем со мной. Но только когда я вошел, у тебя было такое лицо...как будто я самый важный человек во всем мире.

— Ты один из них.

— Это фигня, ты знаешь.

— Да, — она вздохнула, — прости.

— Так все-таки почему? Ты не ответила.

Эдвард по-прежнему смотрел в другую сторону, только перевел взгляд с экрана телевизора на окно. Его лицо в отражении было лишено каких бы то ни было эмоций.

— Это так...правильно, когда ты рядом, Джейкоб. Как будто вся моя семья вместе. Я имею ввиду, то есть, ты знаешь, у меня никогда не было большой семьи. А теперь как будто есть. Это необыкновенно, — ее губ коснулась легкая улыбка, — но это ощущение появляется только, когда ты рядом.

— Я никогда не стану частью твоей семьи, Белла.

Я мог бы. Но это лишь крошечная возможность, которая умерла прежде, чем получила шанс на жизнь.

— Ты уже ее часть, — не согласилась она.

Я скрипнул зубами.

— Ответ неверный.

— А какого ты ждешь?

— Как насчет «Джейкоб, меня начинает прикалывать делать тебе больно».

Я почувствовал, как она вздрогнула.

— Ты бы этого хотел?

— Ну. это проще, по крайней мере. Над этим голову ломать не пришлось бы. Я бы мог с этим справиться.

Я снова повернулся к ней, ее лицо оказалось слишком близко. Глаза были закрыты, она хмурилась.

— Мы сошли с колеи, Джейк. Все как-то неправильно. Ты должен быть частью моей жизни, я это чувствую, как и ты, если бы захотел открыть глаза на правду, — она замолчала на секунду, наверное, ждала, что я начну спорить, но когда моим ответом стала тишина, продолжила, — но не так. Понимаешь? Не так. Мы допустили ошибку. Я допустила ошибку, и мы сошли с колеи...

Её голос затих, и хмурые морщинки на лице разгладились. Я подождал пока, может, она скажет еще что-нибудь, но вместо этого услышал лишь тихое сопение у себя над ухом.

— Она очень устала, — прошептал Эдвард, — сегодня был жутко длинный день. Я думал, отнести её спать пораньше, но она хотела дожидаться тебя.

— Сэт сказал, у нее сломано еще одно ребро.

— Да. Ей стало тяжелее дышать.

— Восхитительно.

— Дай мне знать, когда у нее поднимется температура.

— Ага.

Та рука, которой я не касался, была по-прежнему покрыта гусиной кожей. Я поднял голову, чтобы найти одеяло, но Эдвард уже принес плед и бережно накиннул на Беллу.

Иногда, чтение мыслей значительно упрощает жизнь. Экономия времени и все такое. Например, вряд ли у меня бы вышло словами выразить все свои идеи по поводу ситуации с Чарли. Подвести к этому разговор, подобрать не слишком резкие выражения. А так Эдварду было достаточно просто услышать как я зол...

— Да. Это не лучшая идея.

— Тогда зачем? Зачем Белла сказала Чарли будто идет на поправку? Что за бред?

— Она не смогла больше смотреть, как он умирает от беспокойства.

— И это лучше, по-твоему?

— Нет. Это не лучше. Но я не собираюсь заставлять Беллу делать вещи, от которых ей плохо. Что бы это ни было, при любом раскладе. Чарли на проводе делает ее счастливее. А с остальным я буду разбираться потом.

Это звучало неправильно. Белла не стала бы так играть на чувствах Чарли. Даже умирая. Это была не она. Та Белла, которую я знал, обязательно придумала бы что-нибудь другое.

— Она абсолютно уверена, что будет жить, — сказал Эдвард.

— Но не как человек, — запротестовал я.

— Да, не как человек. Но она все равно надеется увидеть Чарли.

Чудесно, чем дальше в лес, тем больше дров.

— Увидеть. Чарли, — я наконец посмотрел на Эдварда, не веря своим ушам, — после всего. Увидеть Чарли, когда она вся будет белая как простынь с горящими как у монстра красными глазами. Я, конечно, не кровосос и, может, чего-то не улавливаю, но Чарли достаточно странный выбор для первого блюда.

Эдвард вздохнул.

— Она знает, что около года общаться с ним не сможет. Но потом-то она придет в норму. Скажет по началу, что должна уехать в специальную клинику на лечение на другой конец света. Они будут по-прежнему созваниваться.

— Это сумасшествие.

— Да.

— Чарли не тупица. Даже, если она не попытается его прикончить, он

увидит разницу.

— В некотором роде она на это и рассчитывает.

Я не сводил с него взгляда, ожидая дальнейших разъяснений.

— Она не сможет постареть. Так что любое объяснение, какое бы она не придумала, даже при условии, что он поверит, рано или поздно себя исчерпает, — на его губах появилась слабая улыбка. — Ты помнишь, как пытался рассказать Белле о своих превращениях? Подвести её саму к разгадке?

Моя свободная рука невольно сжалась в кулак.

— Она рассказывала тебе об этом?

— Да, когда старалась донести свою идею. Ей нельзя рассказать Чарли правду, — это будет для него опасно. Но он сообразительный, практичного склада ума человек. Она думает, он сможет сам придумать свое собственное объяснение. И она предполагает, что оно будет не совсем верным, — Эдвард фыркнул. — В конце концов, мы ведь не совсем подходим под стандартное представление о вампирах. Он сделает свои неправильные выводы, а мы согласимся. И она сможет встречаться с ним... время от времени.

— Сумасшествие, — повторил я.

— Да, — он опять согласился.

Это было слабостью с его стороны, потакать таким безумным идеям, лишь бы сделать ее немного счастливее на короткий промежуток времени. Ничего хорошего из этого не могло выйти в принципе.

И это заставило меня подумать, что он уже не надеялся, что она выберется. Просто давал ей все, чего она хочет. Чтобы мгновения умиротворения и счастья длились дольше.

— Потом я сумею разобраться со всем чем угодно, — прошептал он и отвернулся от меня так, что я не мог видеть выражения его лица, — а сейчас я не хочу причинять ей боль.

— Выходит четыре дня? — спросил я, после нескольких минут тишины.

Эдвард так и не повернулся.

— Приблизительно.

— И что потом?

— О чем конкретно ты спрашиваешь?

Я вспомнил о том, что однажды сказала Белла. Он силе и неуязвимости кожи вампира, которой защищен монстр в ее животе и прочих вещах. Так как же это должно работать? Как это существо появится на свет?

— Из небольшого исследования, которое удалось провести, выяснилось, что оно буквально прогрызет себе путь наружу, — прошептал Эдвард.

Мне стало плохо. Воздух вокруг куда-то делся. Меня буквально затрясло от гнева.

— Исследования, — спросил я. Голос меня не слушался.

— Вот почему здесь сейчас нет Эмметта и Джаспера. Это то, чем сейчас занимается Карлайл. Пытаюсь найти какие-нибудь древние истории и мифы. Хотя какую-нибудь информацию, которая могла бы нам помочь спланировать дальнейшие действия.

— Истории? Но если есть такие мифы, то значит...

— Значит это не первый случай такого рода? — продолжил за меня Эдвард. — Может быть. Эти знания очень фрагментарны. Мифы могут быть всего лишь порождениями страха и больного воображения, хотя, — он засомневался, — твой миф оказался правдой, так? А они даже чем-то похожи, как будто взаимосвязаны...

— Как ты узнал?..

— В Южной Америке мы столкнулись с одной женщиной. Она была воспитана в традициях своего народа и слышала кое-какие истории, предупреждения, легенды о случаях подобных нашему.

— Какие именно предупреждения?

— Это создание должно быть немедленно убито. Прежде, чем обретет слишком большую силу.

То, о чем говорил Сэм. Был ли он прав?

— Само собой их легенды один в один такие же как наши. Мы все должны быть уничтожены. Бездушные убийцы, бла-бла-бла...

Эдвард невесело усмехнулся.

А что в этих историях говорится о... матерях?

На лице Эдварда выразилась такая мука, что казалось его боль, вонзилась иголками в мое собственное тело. Я знал, что он не собирался отвечать. Я сомневался, что он вообще мог сказать хоть слово.

Первой нарушила тишину Розали, которая с тех пор как заснула Белла сидела так тихо и неподвижно, что я успел забыть о ее существовании.

Она насмешливо хмыкнула.

— Конечно, выживших не было, — сказала она. Фраза звучала бездушно и жестко. — Роды посреди кишасщего болезнями болота с сумасшедшим знахарем вместо врача, чертящего на лбу крест слюной ленивца, чтобы изгнать злых духов не самый безопасный метод. Да в то время половина обычных родов были со смертельным исходом. Ни у кого

не было того, что есть у этого ребенка. Семь человек с четким пониманием о том, что нужно делать, как правильно заботится о малыше. Один из лучших докторов в мире с полностью уникальными знаниями о природе и свойствах вампиров. План по проведению родов. Яд, который поможет в том случае, если что-то пойдет не так. Ребенок будет в порядке. И те, другие, матери, наверняка бы выжили, имея они все это, если, конечно, они вообще существовали. В чем я сильно сомневаюсь.

Ребенок, ребенок. Как будто только он имел значение. Спасение жизни Беллы для Розали было делом второстепенным.

И без того бледный Эдвард стал белым, как снег. На лице появилось хищное, озлобленное выражение, пальцы впились в обивку кресла. Полностью эгоцентричная и равнодушная ко всему, Розали повернулась в кресле, спиной к нам. Хватило секунды сообразить, что Эдвард наклоняется, приседая перед прыжком.

— Позволь мне, предложил я.

Он замер, вопросительно подняв одну бровь.

Очень тихо я поднял свою собачью миску с пола. Затем быстрым кистевым броском запустил ее прямо в голову блондинистой с такой силой, что отлетев с оглушительным стуком от ее затылка, она отрикошетила через всю комнату и снесла верхнюю часть деревянного столбика на лестничных перилах.

Белла вздрогнула во сне, но не проснулась.

— Тупая блондинка, — пробормотал я.

Розали очень медленно повернула голову, ее глаза пылали ненавистью.

У меня. Теперь. Еда. В волосах.

И это было очень точно подмечено.

Вынести ее вид было просто невозможно. Я на секунду отодвинулся от Беллы, чтобы не потревожить ее и засмеялся так сильно, что на глазах выступили слезы. Очень скоро к моему смеху присоединился звонкий смех Элис из за дивана.

Я удивился, что Розали не накинулась на меня тут же. Но потом я понял, что мой смех разбудил Беллу.

— Что-то смешное? — пробормотала она спросонья.

— Розали нечаянно упала головой в тарелку с моей едой, — ответил я и безобидно улыбнулся.

— Я тебе это припомню, блохастый, — прошипела Розали.

— А я бы тебе не советовал полагаться на свою блондинистую память. У таких как ты в одно ухо влетает, в другое вылетает.

— Придумай себе новых шуточек, — гаркнула она.

— Ладно, Джейк, оставь Роуз в..., - вместо того, что бы продолжить предложение, она судорожно вздохнула. В ту же самую секунду к ней подскочил Эдвард, переступив через мои ноги. Она как будто билась в конвульсиях, дыхание было беспорядочным, она постоянно выгибалась в спине, вцепившись руками в диванные подушки.

— Он просто шевелится, — вздохнула Белла.

Ее губы побелели, зубы были стиснуты, как будто она старалась сдержать, рвущийся изнутри крик.

Эдвард бережно обхватил ладонями ее лицо.

— Карлайл, — позвал он тихим настойчивым голосом.

— Я здесь, — сказал доктор. Я даже не слышал, когда он пришел.

— Все хорошо, — сказал Белла, хотя по-прежнему тяжело дышала и руки у нее заметно дрожали. — Думаю, все закончилось. Бедному малышу не хватает места у мамочки в животе. Он становится таким большим.

Это было реально невыносимо слышать с каким обожанием Белла говорила про это существо, которое в данный момент разрывало ее на части. Особенно после идиотского монолога Розали.

Сама же Белла моего настроение явно не уловила.

— Знаешь, он напоминает мне тебя, Джейк, — тяжело дыша, но все с той же нежностью в голосе сказала она.

— Не сравнивай меня с этой штукой, — проговорил я сквозь зубы.

— Я просто имела ввиду всплеск роста, — ответила она обиженно. Замечательно. — Ты у меня на глазах становился все больше и больше, буквально каждую минуту. И малыш точно также. Так быстро растет.

Я прикусил язык, чтобы сдержаться и не высказать все, что вертелось в голове по этому поводу. Прикусил достаточно сильно, так что во рту появился неприятный привкус крови. И само собой рана заживет еще до того, как я успею сделать следующий вдох. Вот что нужно Белле. Быть неуязвимой, также как я, иметь возможность исцеляться...

Теперь ее дыхание пришло в норму, и она расслабленно откинулась на софу.

— Хм, — донесся тихий голос Карлайла. Я поднял глаза и увидел, что его взгляд направлен на меня.

— Что?

Эдвард чуть склонил голову набок, явно размышляя над тем, о чем думал Карлайл.

— Вы знаете, я много размышлял о генах зародыша, Джейкоб. О его хромосомах.

— Каких хромосомах?

— Анализировал те сходства, которые у вас есть.

— Сходства? — прорычал я, обращая внимание на множественное число.

— Гипер-ускоренный рост, тот факт, что вас не видит Элис.

Я почувствовал, как краска сползает с моего лица. О последнем я и забыл.

— Так вот, я задавался вопросом, может, это и есть ответ. Если эти сходства есть и на генном уровне...

— Двадцать четыре пары, — прошептал Эдвард на выдохе.

— Вы не можете этого знать.

— Не можем. Но это интересная тема для размышлений, — спокойно ответил Карлайл.

— Ага. Просто шикарная.

И легкое сопение Беллы во сне приятно оттеняло мой сарказм.

Они продолжили разговаривать на тему генетики, разговор, в котором единственными словами, которые я понимал были предлоги. Ну и мое собственное имя, конечно. Время от времени Элис вставляла свои замечания.

Но даже зная, что речь идет обо мне, я не пытался понять к каким выводам они приходят. Мне было о чем подумать без этого, те несколько фактов, которые я пытался как-то увязать между собой.

Первое, Белла сказала, что это существо защищено чем-то настолько же сильным как кожа вампира, чем-то, что не пропускает ультразвук и слишком прочным, чтобы проткнуть его иглой. Второе, Розали заявила, что у них есть план как достать существо безопасным способом. Третье, Эдвард сказал, что согласно мифу, крошечный монстр сам прогрызает себе путь наружу.

По моему телу прошла дрожь.

Потому что четвертым было то, что совсем немного существ могут повредить такую кожу как у вампиров. Зубы у полу-монстра, — согласно мифу, — были достаточно сильными. Мои зубы тоже были достаточно сильными.

И зубы вампиров были достаточно сильными.

Было тяжело не заметить очевидного, хотя я бы многое отдал чтобы за такую возможность. Потому что у меня появилась очень хорошая идея насчет того, как именно Розали планировала извлечь «малыша» безопасно.

Глава 16

«Тревога! Информационная перегрузка»

Я проснулся очень рано еще до наступления рассвета. Спал я недолго и не очень хорошо, устроившись на боковой спинке дивана. Эдвард разбудил меня, когда у Беллы вновь подскочила температура, и он занял мое место, чтобы охладить её. Я потянулся и решил, что отдохнул достаточно, чтобы немного поработать.

— Спасибо, — тихо сказал Эдвард, разгадав мои планы, — если путь свободен, то они отправятся сегодня. Я тебе скажу.

Было просто здорово вернуться в свое волчье обличие, я просто одеревенел от долгого неподвижного сидения. Я побежал размашисто, разрабатывая суставы.

— Доброе утро, Джейкоб, — поприветствовала меня Леа.

— Хорошо, что уже не спишь. Сэт давно ушел?

— Не так, чтобы совсем ушел, — сонно подумал Сэт, — почти что ушел. Что ты хотел?

— Как думаешь, часа тебе хватит?

— Конечно. Без проблем, — Сэт вскочил на лапы, встряхиваясь.

— Давай-ка хорошенько пробежимся, Леа. Сэт, контролируй периметр.

— Понял, — Сэт перешел на легкую рысь.

Надо бы присмотреть за вампирами, — Леа заворчала.

— Проблемы?

— Конечно, нет. Я же просто обожаю возиться с этими милыми кровопийцами.

— Отлично. Посмотрим, насколько быстро мы можем бегать.

— Легко. Я уже достаточно проснулась для этого.

Леа была на дальней западной границе периметра. Срезав поближе к дому Каленов, она начала бегать по кругу, чтобы встретиться со мной. Я рванул прямо на восток, зная, что даже с учетом моего быстрого старта, она моментально меня догонит, если я дам слабину хоть на секунду.

— Нос к земле, Леа. Это не гонка, это поиск.

— Я могу делать все одновременно и надрать тебе задницу.

Я представил, как бы это выглядело, — Я знаю.

Она засмеялась.

Мы петляли по тропам восточных гор. Это был знакомый маршрут. Мы бегали по этим горам, когда год назад после ухода вампиров сделали

эту местность частью нашего патрулирования для лучшей охраны людей. Потом мы остались в своих прежних границах, когда Каллены вернулись. Это была их территория по договору.

Но на деле для Сэма это сейчас вряд ли имело значение. Договор был расторгнут. И вопрос в том, насколько он готов увеличить свое влияние и здесь. Не намеревается ли он расквитаться с Калленами по одному на их же территории? Говорил ли тогда Джаред правду или скрыл что-то, воспользовавшись преимуществом того, что мы теперь не слышим друг друга.

Мы все дальше и дальше уходили в горы, не находя следов стаи. Едва уловимые следы вампиров были повсюду, но теперь это были уже знакомые запахи. Я дышал ими целыми днями.

На одной из троп я уловил большую концентрацию запаха, говорившую, что недавно они все, кроме Эдварда, проходили здесь. Теперь, видимо, причина их совместных вылазок сюда была позабыта как раз с тех пор, как Эдвард приволок свою беременную умирающую жену домой. Я стиснул зубы. Как бы это ни было, я ничего не мог поделать.

Леа не обгоняла меня, хотя теперь у нее была такая возможность. Я сейчас был больше занят каждым новым запахом, чем гоночным соревнованием. Она держалась справа от меня, рядом, не обгоняя.

— Мы убежали очень далеко, — прокомментировала она.

Да, если Сэм сейчас охотился, то в скором времени мы наткнемся на его след.

Логичнее для него окопаться сейчас в Ла Пуш, — подумала Леа, — он знает, что благодаря нам у кровопийц сейчас ушей и ног больше на три комплекта. Он не сможет застать их врасплох.

— Это всего лишь предосторожность.

— Не хотим давать нашим очаровательным пиявкам лишний повод для беспокойства.

— Не хотим, — согласился я, игнорируя сарказм.

— Ты так изменился, Джейкоб. Просто развернулся на 180°.

— Ты тоже не совсем та Леа, которую я знал и любил.

— Пусть так. Но сейчас я достаю тебя куда меньше, чем Пол...?

— Удивительно...но да.

— Ах, какое достижение.

— Поздравляю.

Мы опять побежали молча. Уже пора было возвращаться, но никому из нас не хотелось этого делать. Было приятно вот так просто бежать. Мы уже очень долго бегали небольшими кругами по тропам. Было так здорово

размять мышцы и сделать кросс по пересеченной местности. Мы никуда не торопились, и я подумал, что мы могли бы поохотиться на обратном пути. Леа была заметно голодна.

— Мням-мням, — кисло подумала она.

— Это все только в твоей голове, — сказал я ей, — Именно так питаются волки. Это нормально. Это вкусно. Если ты перестанешь об этом думать с точки зрения человека.

— Оставь эту болтовню, Джейкоб. Я буду охотиться, но я не должна любить это делать.

— Конечно-конечно, — легко согласился я, в конце концов, это не моё дело если она хочет усложнить себе жизнь.

Она молчала несколько минут. Я уже начал обдумывать обратную дорогу.

— Спасибо, — вдруг сказала Леа с совершенно другой интонацией.

— За что?

— За то, что принимаешь меня как есть. За то, что позволил мне остаться. Ты относишься ко мне гораздо лучше, чем я заслуживаю, Джейкоб.

— Ну-у-у, нет проблем. Т. е. я действительно так думаю. Меня совсем не напрягает твое присутствие, хотя раньше мне казалось обратное.

Она фыркнула, будто усмехнулась, — Ах, какое замечательное одобрение!

— Не бери в голову.

— Хорошо. Ты тоже, — она помолчала секунду, — Я думаю, что ты хороший вожак. Не такой, как Сэм, но по-своему. За тобой легко следовать, Джейкоб.

Мой разум впал в ступор от удивления. Мне понадобилось время, чтобы прийти в себя и найти ответ.

— М-м-м, спасибо.

Это будет уже потруднее выкинуть из своей головы. С чего она это взяла?

Она не стала давать прямого ответа, и я стал слушать ее безмолвные мысли. Она думала о будущем, о том, что я сказал Джареду тем утром. О том, что скоро все изменится, и я вернусь в лес. О том, что я дал обещание, что она и Сэт вернуться в стаю, как только Каллены уйдут...

— Я хочу остаться с тобой, — сказала она.

От шока я встал как вкопанный.

Она пролетела мимо меня и затормозила. Медленно подошла к месту, где я замер.

— Слушай, я не причиню боли, я клянусь. Я не буду преследовать тебя. Ты пойдешь своей дорогой, а я своей. Ты будешь связан со мной только в волчьем облике, — она подошла еще ближе и села передо мной, её длинный серый хвост нервно метался по земле, — я надеюсь, что перестану перекидываться, как только научусь контролировать себя... может быть это будет происходить не так часто.

Я не знал, что сказать.

— Сейчас, когда я в твоей стае, я гораздо счастливее, чем была раньше в течение многих лет.

— Я тоже хочу остаться, — тихо подумал Сэт. Я не думал, что он прислушивается к нашим разговорам, бегая по периметру.

— Мне нравится эта стая.

— Эй, слушай! Сэт, не долго существовать этой стае, — Я постарался собраться с мыслями, чтобы убедить его, — сейчас у нас есть цель, но когда...после того, как все кончится, я просто снова стану волком. Сет, тебе нужна цель. Ты хороший парень. Ты такого склада, что тебе всегда надо кого-то защищать. Но ты не должен покидать Ла Пуш сейчас. Ты должен закончить школу. Ты должен позаботиться о Сью.

Я не хочу исковеркать твое будущее.

— Но...

— Джейкоб прав, — вдруг сказала Леа.

— Ты соглашаешься со мной?

— Конечно. Только это все не относится ко мне. Я все равно уеду. Найду работу где-нибудь подальше от Ла Пуш. Может быть, проучусь пару курсов в колледже. Займусь йогой, освою медитацию, чтобы научиться контролировать свой характер...И останусь частью этой стаи, потому что от этого зависит мое душевное равновесие. Джейкоб, ты же понимаешь, что это имеет смысл, верно? Я не достаю тебя, ты не беспокоишь меня, все счастливы.

Я развернулся и медленно двинулся в сторону запада.

— Слишком многое завязано, Леа. Дай мне подумать, хорошо?

— Конечно. У тебя есть время.

Обратно мы бежали гораздо дольше. Я не старался бежать быстро. Я сконцентрировался на том, чтобы не встрять головой в какое-нибудь дерево. Сэт что-то там ворчал на задворках моей головы, но я мог игнорировать его. Он знал, что я прав. Он не сможет и не будет бросать свою мать. Он вернется в Ла Пуш, чтобы защищать людей, как и должен. Но я не мог представить, что Леа поступит также. И это меня просто пугало.

Стая из нас двоих? Не важно каково будет расстояние между нами, я не мог представить себе...интимность этой ситуации. Я гадал, обдумала ли она свое решение или это просто был безотчетный порыв, чтобы остаться свободной.

Леа не проронила ни слова, пока я все это переваривал. Казалось, что так она показывает мне, насколько легко нам будет вдвоем. Мы выбежали на след стада чернохвостых оленей, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая облака позади нас. Леа коротко вздохнула, но мешкать не стала. Её прыжок был чист и эффективен, даже грациозен. Она повалила здорового самца до того, как испуганное животное полностью осознало опасность. Я не остался в стороне, повалил не менее крупного и тут же сжал челюсти на его шее, чтобы животное не почувствовало ненужной боли. Я чувствовал как в Лее отвращение борется с голодом, и я постарался сделать это проще для нее, позволив моей волчьей натуре полностью занять мой разум. Я слишком долго жил в облике волка и я знал, что значит стать полностью зверем, видеть как он, думать как он. Я выпустил наружу инстинкты, чтобы она почувствовала это тоже. Она замялась на секунду, но тут же, будто пробуя, она потянулась ко мне, чтобы начать чувствовать также, освобождая свой рассудок. Это было так странно — оба наших сознания оказались вдруг настолько близки друг другу, насколько никогда не были раньше, потому, что мы оба пытались думать вместе.

Странно, но это помогло ей. Ее зубы прорвались сквозь мех и кожу на загривке ее жертвы и вырвали здоровенный кусок свежего мяса. Не вздрогнув, как хотелось бы ее человеческой натуре, она позволила действовать своей волчьей сущности инстинктивно. Похоже было, что она просто застыла, перестала думать. Но это дало ей возможность нормально поесть.

Для меня все было просто. И я была рад, что я этого не забыл. Это скоро снова станет моей жизнью. Легко ли будет для Леи стать частью такой жизни? Неделю назад я бы нашел эту идею ужасающей. Я бы не выдержал подобного. Но сейчас я знал её гораздо лучше. И освобожденная от постоянной боли она стала другим волком. Другой девушкой.

Мы ели вдвоем пока не насытились полностью.

«Спасибо», — сказала она мне позже, очищая свою морду и лапы о мокрую траву. Я на это времени не тратил, уже начинало моросить, и в скором времени нам придется переплывать реку по дороге домой. Я смогу почиститься как следует.

— Было не так уж плохо думать по-твоему.

— Пожалуйста.

Сэт уже еле волочился, когда мы добрались до периметра. Я отправил его поспать, мы с Леей взялись за патрулирование. Сознание Сэта отключилось буквально через несколько секунд.

— Ты вернешься к кровопийцам? — спросила Леа.

— Может быть.

— Тебе тяжело находиться там и тяжело быть далеко. Я понимаю, что ты чувствуешь.

— Знаешь, Леа, тебе надо подумать немного о будущем, о том, чего ты действительно хочешь. Моя голова точно не будет самым счастливым местом на земле. И тебе придется страдать вместе со мной.

Она подумала, как бы мне ответить.

— Ух-ты, звучит ужасно. Но, честно, мне будет гораздо проще сталкиваться с твоей болью, чем испытывать мою.

Довольно честно.

— Я знаю, как паршиво будет тебе, Джейкоб. Я понимаю это гораздо лучше, чем ты думаешь. Она мне не нравится, но...она твой Сэм. Она все, что ты хочешь и все, что ты не можешь получить.

Я не смог ответить.

— Я знаю, так хуже для тебя. В конце концов, Сэм счастлив. Он жив и у него все в порядке. Я люблю его достаточно сильно, чтобы желать этого, — она вздохнула, — Я просто не хочу мотаться рядом и видеть все это.

— Надо ли нам говорить об этом?

— Думаю, надо. Потому что я хочу, чтобы ты знал, я не сделаю все еще хуже. Черт возьми, может, я даже помогу тебе. Знаешь ли, я не родилась бесчувственной стервой. Я привыкла быть довольно милой, между прочим.

— Моя память не простирается так далеко.

Мы одновременно рассмеялись.

— Мне очень жаль, Джейкоб. Мне очень жаль, что тебе больно. Мне очень жаль, что все становится только хуже.

— Спасибо, Леа.

Она думала обо всех этих болезненных вещах, об этих черных картинках в моей голове, пока я пытался отключиться от неё без особого успеха. Она могла смотреть на все это отстраненно, в перспективе, и я должен признать, что это помогало. Я мог представить, что может быть я смогу ко всему этому относиться также, через несколько лет.

Она думала о забавной стороне всех тех раздражающих моментов при общении с вампирами. Ей нравились мои перепалки с Розали, она хихикала

и предлагала еще варианты того, как можно подколоть блондинку. Но тут же её мысли стали серьезными, она вдруг задумалась о выражении лица Розали, которое меня пугало.

— Ты знаешь, что ненормально? — спросила она.

— Ну, практически все сейчас ненормально. Ты о чем именно?

— Блондинистая вампирша, которую ты так ненавидишь — я очень хорошо её понимаю.

На секунду я подумал, что она решила подшутить надо мной в такой идиотской манере. А потом, когда я понял, что она серьезна, вырвавшийся гнев было просто невозможно удержать. Ей очень повезло, что для наблюдения мы разбегаемся на большое расстояние, расстояние, не позволяющее её цапнуть.

— Тихо! Дай объяснить!

— Не хочу слушать! Я уже близко!

— Уймись! Уймись! — умоляла она, пока я пытался успокоиться и остановиться, — Ну же, Джейк!

— Леа, это был далеко не самый лучший способ убедить меня, что я захочу проводить с тобой много времени в будущем.

— Блин, что за реакция! Ты даже не представляешь, о чем я говорю.

— Ну-у-у, и о чем же ты говоришь?

И вдруг она тут же стала той самой Леа, измученной болью, — Я говорю о том, каково это быть тупиковой генетической ветвью, Джейкоб.

Острые, как осколки, её слова заставили меня заколебаться. Я не ожидал, что мой гнев так быстро сдуется.

— Я не понимаю.

— Ты поймешь. Если перестанешь думать, как все остальные. Если мои женские проблемы, — она произнесла эти слова саркастически, — не заставят тебя рвануть в кусты, как это делают все тупоголовые самцы, то ты сможешь обратить внимание на то, что я говорю.

— Ой.

Да, никто из нас не думал о ней в этом плане. Кто бы стал? Конечно, я помнил панику Леи в тот первый месяц, когда она только присоединилась к стае, и я помнил свое желание свалить подальше как и все остальные. Потому что она не могла быть беременной — ну, за исключением какой-нибудь религиозной фигни вроде непорочного зачатия. Она не была ни с кем кроме Сэма. И потом когда недели шли за неделями и ничего, абсолютно ничего не происходило ни в ту, ни в другую сторону, она поняла, что её тело больше не следует привычному циклу. Ужас — что же это с ней такое? Неужели её тело изменилось из-за того, что она стала

оборотнем? Или она стала оборотнем потому что с ней что-то не так? Единственный оборотень женского пола за всю историю их существования. Случилось ли это потому, что она не была настолько девушкой, насколько должна быть? Никто из нас не хотел связываться с этими её переживаниями. На самом деле, мы просто не могли сопереживать.

— Знаешь, почему, как думает Сэм, происходит запечатление? — подумала она уже спокойнее.

— Конечно. Чтобы продолжить линию.

— Верно. Чтобы наплодить много маленьких вервольфиков. Выживание вида, передача генов. Ты запечатляешься с человеком, который максимально подходит для продолжения рода оборотней.

Я ждал, пока она соберется, чтобы досказать мне свою мысль.

— Если бы я была хороша для этого, Сэм был бы запечатлен со мной.

Её боль была настолько велика, что я не смог перешагнуть через неё.

— Но я не подхожу. Что-то не так со мной. Я не могу передать гены сама по себе, не смотря на то, что являюсь потомком такой же уникальной ветви. Итак, я стала вырождаком — волчицей — негодной ни на что больше. Я — тупиковая ветвь, и мы все знаем это.

— Нет, не все, — не согласился я с ней, — это только теория Сэма. Мы не знаем из-за чего происходит запечатление. Билли думает, что причина не в этом, есть что-то еще.

— Я знаю, я знаю. Он думает, что мы запечатляемся, чтобы вырастить более сильных волков. Потому что и ты, и Сэм просто огромные монстры, гораздо крупнее ваших отцов. Но в любом случае, я не кандидат. Я...у меня климакс. Мне 20 лет и у меня климакс.

Ох, как же не хотел я этого разговора.

— Ты не знаешь этого, Леа. Это просто из-за того, что мы не вырастем, не меняемся в обычном смысле. Когда ты перестанешь перекидываться и снова станешь человеком, ты начнешь становиться старше. И все твои...и все станет нормально как раньше.

— Да, я могу так думать, только никто не будет запечатлен со мной, никому не нужна моя впечатляющая родословная. Знаешь, — добавила она задумчиво, — если бы не было тебя, у Сэта были бы все шансы, благодаря его крови, стать вожаком. Конечно, никто не берет в расчет меня...

— Ты действительно хочешь запечатлиться или чтобы тебя запечатлили, или как там? — спросил я, — что такого в том, чтобы влюбиться как влюбляются обычные люди? Запечатление — это просто другой путь для обретения своей половинки.

— Сэм, Джаред, Пол, Квил...не похоже, чтобы они возражали.

— Но никто из них не мог возражать.

— Ты хотел бы быть запечатленным?

— Боже, нет!

— Это просто потому, что ты любишь её. Это все уйдет, как только произойдет запечатление. И тебе не придется больше испытывать эту боль.

— Ты хочешь забыть свои чувства к Сэму?

Она задумалась на секунду, — думаю, да.

Я вздохнул. Она уже была на стадии излечения в отличие от меня.

— Но возвращаясь к тому, с чего начала, Джейкоб. Я понимаю, почему блондинистая вампирша так хладнокровна — фигурально выражаясь. Она сосредоточена. Она уже видит свой приз, свою цель, понимаешь? Потому что ты больше всего хочешь то, что никогда, никогда не сможешь получить.

— Ты бы вела себя также? Ты бы убила кого-нибудь, потому что именно это она и делает, не позволяя никому вмешаться в то, что убивает Беллу — ты бы сделала тоже самое ради ребенка? С каких пор ты рассуждаешь так, будто занимаешься разведением животных?

— Я просто хотела бы иметь то, чего не могу, Джейкоб. Может быть, если бы у меня не было такой проблемы, я бы никогда не стала задумываться об этом.

— Ты бы убила ради этого? — потребовал я ответа, не давая ей уклониться.

— Но это не то, что она делает. Я думаю, что это похоже на то, как будто она переживает тоже самое. И...если бы Белла попросила меня помочь с этим..., - она задумалась, сосредотачиваясь, — я бы не задумывалась о ней. Я бы вела себя также, как эта кровопийца.

Громкий рык прорвался сквозь мои зубы.

— Потому что при обратной ситуации я б хотела, чтобы Белла сделала тоже самое для меня. Также и Розали. Мы поступили бы также.

— Та такая же как они!

— Это вот забавный момент в том, чтобы желать невозможного. Ты становишься отчаянным.

— И...это мой предел. Прямо здесь. Разговор окончен.

— Хорошо.

Того, что она просто согласилась со мной, этого было недостаточно, мне не хватало гораздо более жирной точки в разговоре.

Я был где-то в миле от того места, где спрятал одежду, потому я перекинулся человеком и пошел пешком. Я не думал о нашем разговоре. Не потому, что мне не о чем было поразмышлять, а потому, что я просто не мог выносить этого. Я не видел это в таком свете — но было очень трудно

не сделать этого, когда Леа передавала свои мысли и эмоции напрямую мне в голову. Да, определенно я не буду с ней бегать, когда все это закончится. Пусть возвращается в Ла-Пуш и будет там несчастна. Один маленький приказ вожака до того, как я все здесь брошу, никого не убьет.

Было еще действительно рано, когда я подошел к дому. Белла, наверно, еще спала. Я решил, что загляну на пару минут, узнаю, как дела, расскажу, как обстоит ситуация с их выходом на охоту, а потом найду где-нибудь островок мягкой травы и завалюсь спать в человеческом облике. Я не собирался перекидываться, пока Леа не заснет.

Но внутри дома мне слышались голоса, потому я решил, что Белла, видимо, уже не спит. К тому же где-то наверху я услышал звук какого-то аппарата — опять рентген? Зашибись. Такое ощущение, что первый день из оставшихся четырех до часа икс уже начинается с большого бума.

Элис открыла мне дверь, до того как я подошел к ней.

Она кивнула, — Привет, волк.

— Привет, коротышка. Что там творится наверху?

Большая комната была пуста, все звуки голосов шли со второго этажа.

Она пожала своими маленькими плечиками, — Возможно очередной перелом. Она попыталась произнести эти слова обыденно, но я уловил пламя, вспыхнувшее в ее глазах. Мы с Эдвардом были не единственными, кого все это сжигало изнутри. Элис тоже любила Беллу.

— Очередное ребро? — спросил я хрипло.

— Нет. Тазовая кость на этот раз.

Надо же насколько это каждый раз задевало меня, как будто было неожиданностью. Когда же я уже перестану так реагировать? С учетом всего уже произошедшего в каждой новой катастрофе уже не было ничего удивительного.

Элис смотрела на мои дрожащие руки.

А потом мы услышали голос Розали наверху.

— Видишь, я же сказала, что нет никакого перелома. Тебе надо проверить слух, Эдвард.

Ответа не последовало.

Элис скорчила рожицу, — Очень скоро у Эдварда кончится терпение, и он порвет Розали на много маленьких кусочков. Невероятно, что она до сих пор не замечает этого. Хотя может она думает, что Эммет заступится за нее.

— Эммета я возьму на себя, — предложил я, — а ты можешь помочь Эдварду с расчленением.

Элис ухмыльнулась.

Наконец-то процессия спустилась вниз, в этот раз Беллу нес Эдвард.

Она держала свой стакан с кровью обеими руками, её лицо было блее снега. Я видел, как он старается, чтобы ни одно самое крошечное движение его тела не задевало её, ей было больно.

— Джейк, — прошептала она и попыталась улыбнуться сквозь боль.

Я уставился на неё, не в силах произнести хоть слово.

Эдвард аккуратно устроил Беллу на её диване, и сел рядом на полу около её головы. Вдруг мне подумалось, отчего же они не оставят её наверху, и тут же понял, что это была идея Беллы. Ей хотелось, чтобы все выглядело так, будто ничего страшного не происходит, избегая всего этого больничного антуража. И он пытался помочь ей в этом. Действительно. Карлайл медленно спустился последним, его лицо было полно тревоги. Из-за этого он вдруг стал выглядеть заметно старше, можно было принять его за обычного доктора.

— Карлайл, — обратился я, — мы почти дошли до Сиэтла. Никаких следов стаи. Вы можете идти.

— Спасибо, Джейкоб. Ты очень вовремя. Как раз то, что нам нужно, — его черные глаза на миг взглянули на кружку, в которую вцепилась Белла.

— Честно говоря, я думаю, что вполне безопасно пойти большинству из вас. Я практически уверен, что Сэм сейчас сконцентрирован на Ла Пуш.

Карлайл кивнул, соглашаясь. Меня удивило, как легко он принял мой совет, — Если ты так думаешь, то Элис, Эсме, Джаспер и я пойдем сейчас. Потом Элис сможет вывести Эммета и Роза...

— Ни за что, — перебила Розали, — Эммет тоже может пойти сейчас.

— Ты должна поохотиться, — мягко сказал Карлайл. Но её это не смягчило.

— Я пойду, когда и он пойдет, — прорычала она, мотнув головой в сторону Эдварда.

Карлайл вздохнул.

Джаспер и Эммет оказались внизу со скоростью молнии, в следующую секунду Элис уже присоединилась к ним, вылетев через заднюю стеклянную дверь. Эсме возникла рядом с Элис.

Карлайл коснулся моей руки. Ледяное прикосновение не было приятным, но я не дернулся назад, частично потому, что был слишком удивлен, частично потому, что не хотел его обидеть.

— Спасибо, — еще раз сказал он и тут же вместе с остальными четырьмя выскользнул наружу. Я следил за ними, пока они неслись по поляне, они исчезли из пределов видимости еще до того, как я вздохнул во второй раз. Мда, видимо, их потребности были уже куда острее, чем я себе представлял.

С минуту было тихо. Я чувствовал на себе взгляд, и я хорошо знал, кому он принадлежит. Вообще-то я собирался свалить и поспать где-нибудь, но шанс, чтобы испортить утро Розали, было жаль упускать.

Я развалился в кресле по соседству с креслом Розали так, чтобы моя голова была повернута в сторону Беллы, а моя левая нога болталась рядом с лицом Розали.

— Фу, кто-нибудь вышвырните собаку на улицу, — пробормотала она, сморщив нос.

— А это ты слышала, психованная? Как умирают мозговые клетки блондинки?

Она промолчала.

— Ну? — спросил я, — улавливаешь смысл или как?

Она сосредоточенно смотрела в телевизор, игнорируя меня.

— Она слышала это? — спросил я Эдварда.

На его напряженном лице не отразилось и тени юмора, он не отводил глаз от Беллы. Но ответил, — нет.

— Ну, и замечательно. Так вот наслаждайся, кровопийца — мозговые клетки блондинки умирают в одиночестве.

Розали все также не смотрела на меня. «Я убивала в сто раз чаще, чем ты, отвратительная тварь. Не забывай об этом».

— Когда-нибудь, Королева красоты, тебе надоеет просто угрожать мне. И я очень жду этого момента.

— Хватит, Джейкоб, — сказала Белла. Я глянул вниз, она, нахмурившись, смотрела на меня. Похоже, что вчерашнее хорошее настроение прошло давным-давно.

Ну, что ж, мне не хотелось докучать ей.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — предложил я.

До того, как я успел понадеяться или испугаться, что она вдруг наконец-то устала от меня, она моргнула и тут же перестала хмуриться. Казалось, что она шокирована моим умозаключением, — Нет, конечно же нет.

Я вздохнул и услышал такой же очень тихий вздох Эдварда. Я знал, ему бы тоже очень хотелось, чтобы она перестала цепляться за меня. Очень скверно, что он никогда не попросит её о том, что может сделать её несчастной.

— Ты выглядишь усталым, — прокомментировала Белла.

— Почти до смерти, — согласился я.

— Я б хотела помочь, чтоб до смерти, — пробормотала Розали слишком тихо для ушей Беллы.

Я просто еще глубже сел в кресло, устраиваясь поудобнее. Моя голая нога покачивалась еще ближе к Розали, и она напряглась. Через несколько минут Белла попросила Розали вновь наполнить её кружку. Меня обдало ветром от скорости Розали, взлетевшей наверх, чтобы принести еще крови. Было действительно тихо. Что ж можно и вздремнуть, подумалось мне. И тут же Эдвард озадаченно спросил, — Ты что-то сказала? Странно. Потому что никто ничего не говорил, а так как слух Эдварда ничуть не хуже моего, то он должен был это знать. Он смотрел на Беллу, а она на него, оба выглядели удивленными.

— Я? — спросила она через секунду, — я ничего не говорила.

Он встал на колени, придвинувшись еще ближе к ней, выражение его лица вдруг совершенно изменилось. Его черные глаза застыли на её лице.

— О чем ты думаешь прямо сейчас?

Она непонимающе смотрела на него, — Ни о чем. В чем дело?

— О чем ты думала минуту назад? — спросил он.

— Ну-у-у...об острове Эсме. О перьях.

Для меня это прозвучало как бред, но она тут же покраснела, и я понял, что лучше бы мне не знать.

— Скажи еще что-нибудь, — прошептал он.

— Что именно? Эдвард, да, в чем дело?

Его лицо снова изменилось, и он сделал то, от чего у меня отпала нижняя челюсть. Я услышал шумный вдох позади себя, я знал, что это вернулась Розали, и что она также изумлена как и я. Эдвард очень осторожно положил обе руки на огромный круглый живот Беллы.

— Этот пл... — он проглотил слово, — ...ребенку нравится звук твоего голоса.

На долю секунды повисла мертвая тишина. Я не мог пошевелить ни одной мышцей, даже моргнуть. И тут же...

— Господи Боже, ты его слышишь! — закричала Белла и тут же вздрогнула.

Рука Эдварда потянулась к самой верхушке ее живота и погладила то место, куда только что пришелся толчок.

— Ш-ш-ш..., - пробормотал он, — ты пугаешь это...его.

Его глаза становились все больше от удивления. Она погладила себя по животу, — Прости, малыш.

Эдвард тщательно вслушивался, приблизив лицо прям к животу.

— О чем он сейчас думает? — спросила она надрывно.

— Оно...он или она..., - он замолчал и заглянул ей в глаза. Его глаза были полны того же благоговения, только более осторожного и

недоверчивого.

— Он счастлив, — неверящим голосом произнес Эдвард.

Её дыхание сбилось, трудно было не увидеть фанатичного блеска в её глазах. Обожание и восхищение. Большие тяжелые капли слез катились из её глаз по лицу к улыбающимся губам. Он смотрел на неё, и его лицо больше не выражало ни злости, ни испепеляющей его боли, ни еще какой-нибудь эмоции, которые он испытывал с момента их возвращения. Он любовался ею.

— Конечно ты счастлив, милый малыш, конечно счастлив, — сквозь слезы сказала она, глядя себя по животу, а слезы так и текли по её щекам, — как же ты можешь быть не счастлив, ты в тепле и в безопасности, и ты так любим. Я очень тебя люблю, мой маленький ЭйДжей, конечно, ты счастлив.

— Как ты его назвала? — спросил с любопытством Эдвард.

Она снова покраснела, — Ну, не так чтобы совсем назвала. Не думала, что тебе понравится...ну, теперь знаешь.

— ЭйДжей?^[8]

— Имя твоего отца тоже было Эдвард.

— Да, тоже. Что...? — он замолчал и промолвил, — хм-м-м.

— Что?

— Мой голос ему тоже нравится.

— Ну, конечно же, нравится, — теперь её голос был полон счастья, — у тебя самый восхитительный голос во всей вселенной. Кому же он может не нравиться?

— А у тебя есть запасной план? — спросила Розали, расположившись позади дивана, с таким же удивленным и радостным лицом, как и у Беллы, — что если он это она?

Белла вытерла мокрые глаза, — ну, я тут прикидывала кое-что. Совмещая Рене и Эсми. Вот подумалось...Ренесми.

— Ренесмей?

— Р-е-н-е-с-м-и. Слишком чудно?

— Нет, мне нравится, — уверила ее Розали. Их головы были близко друг к другу, золотистая и цвета красного дерева, — оно прекрасно. Единственное в своем роде, так что подходит.

— Я все еще думаю, что он Эдвард.

Эдвард смотрел куда-то в пространство, его лицо светлело, пока он слушал.

— Что? — спросила Белла, — что он сейчас думает?

Сначала он ничего не ответил, а потом, шокировав всех нас в

очередной раз, вызвав три отчетливых отдельных вдоха, он приложил ухо аккуратно прямо к животу.

— Он любит тебя, — сказал Эдвард ошарашено, — он просто обожает тебя.

И в этот момент я понял, что остался один. Совершенно один.

Я хотел пристукнуть себя, как только понял, насколько я рассчитывал на этого омерзительного вампира. Как же глупо было доверять этой пиявке. Конечно, он предал меня в самом конце.

Я думал, что он на моей стороне. Я думал, что он страдает еще больше, чем я. И более того, я был уверен, что он ненавидит ту штуку, сидящую внутри Беллы и убивающую её, больше, чем я. Я доверял ему поэтому.

А вот теперь они были вместе, теперь они вдвоем склонились над этим будущим, невидимым монстром с их глазами и светятся как счастливая семья.

А я был совершенно один с этой своей ненавистью и болью, которые были настолько сильными, что казались пыткой. Как будто меня медленно тянули через кровать, испещренную заточенными лезвиями. Боль была такой невыносимой, что смерть стала бы облегчением. Мои застывшие мышцы окатило жаром, и я вскочил на ноги.

Все три головы повернулись в мою сторону, и я увидел, как моя боль отражается на лице Эдварда, как только он прочитал мои мысли.

— Ох, — еле выдохнул он.

Я не знал, что мне делать. Я стоял там, дрожа, готовый уцепиться за любую первую попавшуюся возможность сбежать оттуда. Двигаясь со скоростью змеи при ударе, Эдвард метнулся к угловому столику и вырвал что-то из ящика. Он бросил это мне, я поймал предмет совершенно инстинктивно.

— Давай, Джейкоб. Сматывайся отсюда, — он сказал это не резко, скорее он бросил мне эти слова, как спасательный круг. Он помогал мне обрести то спасение, без которого я умирал сейчас.

Предметом в моей руке оказались ключи от машины.

Глава 17

**«Ну, как я выгляжу? Как волшебник страны ОЗ?!
Тебе нужны мозги? А, может, сердце? Валяй.
Возьми моё. Забери все то, что я в себе ненавижу»**

В моих мыслях уже созрел определенный план действий, когда я подбегал к гаражу Калленов.

Второй его частью являлось превратить тачку кровопийц в гармошку.

Я очень удивился, обнаружив там не серебристый «Вольво» Эдварда, а совсем другую машину — она сразу бросалась в глаза даже среди всех их ослепительных крутых авто.

Он что, решил дать мне покататься на «Aston Martin Vanquish»,^[9] или это просто случайность?

Я не хотел бы думать о чем-то подобном, но ведь это могло изменить вторую часть моего плана.

Урчание мотора в любой другой день скорее вывело бы меня из себя, но сейчас, благодаря этому звуку, я смог сосредоточиться и не поддаваться соблазну разбить машину о какой-нибудь столб.

Меня откинуло назад, как только моя нога вдавила педаль газа. Машина будто летела по воздуху.

Вылетев из зеленого тоннеля на большую дорогу, я заметил среди папоротников мелькание серой шерсти Леи. На полсекунды меня заинтересовали ее мысли, но потом я решил, что мне абсолютно все равно.

Пришлось повернуть на юг, потому что у меня не было ни малейшего желания подвозить кого-либо или останавливаться, и вообще делать хотя бы что-то, что могло бы заставить меня отпустить педаль.

Каким-то странным образом это был мой счастливый день — 120 миль в час,^[10] и никаких копов. Хм, а маленькая погоня выглядела бы даже забавно.

Впервые я заметил, как темно-коричневый мех мелькает между деревьями, передвигаясь параллельно мне всего в нескольких милях по южной стороне Форкса.

По-моему, это Квил. Он, должно быть, тоже меня заметил, поэтому и исчез через минуту.

Какого черта он тут делает? Ах, да, мне же абсолютно все равно.

Я ехал по длинной дугообразной дороге, направляясь в самый

большой город, который только можно найти. Это и было первой частью моего плана.

Казалось, прошла вечность, может, потому что я все еще балансировал на острие ножа, но на самом деле путь не занял и двух часов перед тем, как я повернул на север к застройке между Такомой и Сиэтлом. Я сбавил скорость, чтобы ненароком не сбить какого-нибудь невинного свидетеля.

Да, это был поистине глупый план. Он не сработает. Я пытался думать обо всем на свете, лишь бы только не чувствовать боли, но слова Леа продолжали врезаться в мысли: «Ты же знаешь, что все пройдет. Пройдет, если ты запечатлишься. Тогда ты больше не причинишь ей боль».

Может, когда выбор делают за тебя, это не так уж неразумно и несправедливо. По-моему, чувствовать то, что чувствую я сейчас — вот, что хуже всего на свете.

Я уже видел всех девчонок в Ла-Пуш и в Форксе, так что мне нужно расширить границы охоты.

Для начала мне нужно где-нибудь найти толпу. В поисках счастливого местечка я пропустил сразу несколько аллей, где вряд ли можно найти приличную кандидатуру моего возраста. Хочу ли я запечатлиться с какой-то девчонкой, слоняющейся по паркам целый день?

Я повернул на север, по дороге встречалось все больше и больше людей. Я забрел в какой-то парк, полный детишек и их родителей, скейтбордистов и просто отдыхающих. Да, на самом деле сегодня был не такой уж плохой день. Солнце, птички и все такое.

Я гулял довольно долго, тщательно всматриваясь в лицо каждой девушки, проходящей вблизи меня, отмечая: милую внешность, голубые глаза, слишком яркий макияж. Я пытался найти в каждом лице хоть что-то интересное, и это оказалось очень трудоемким и выматывающим занятием. У одной был безобразно длинный нос, другой девушке челка закрывала пол-лица, а еще одна могла бы рекламировать новомодную губную помаду, если бы все ее лицо было так же безупречно, как губы.

Иногда они обращали на меня внимание и даже выглядели напуганными, будто думали: «С чего это этот здоровяк так на меня пялится?». Иногда в их взглядах я видел заинтересованность, хотя, скорее всего, дело было в моем самолюбии, просто решившим поиграть со мной.

В общем, ничего. Даже когда я встретился с самой обаятельной, красивой и шикарной девчонкой в этом парке, а, может, даже в городе, и она посмотрела на меня с интересом — я ничего не почувствовал. Только то же отчаянное желание найти лекарство от боли.

Почти потеряв надежду, я стал сравнивать их. Сравнить с Беллой.

Вон у той девушки волосы того же цвета. А у этой глаза такой же формы, как и у Беллы. Еще у одной такая же маленькая линия на переносице — будто она волнуется о чем-то...

Я практически сдался. Глупо было надеяться на то, что, выбрав нужное место и время, у меня получится так легко впустить кого-то в свою душу, лишь потому, что я столь безрассудно этого хотел.

Только время зря потратил. У меня все равно не было шансов найти ее. Если Сэм был прав, то самое лучшее место для поисков моей второй половинки — Ла-Пуш. Безусловно, здесь никто не отвечал всем заявленным требованиям.

Я вернулся к машине, оперся на капот и стал задумчиво вертеть ключи в руках.

Наверное, я был таким, как думала Леа — пораженным одной из разновидностей смерти. Или моя жизнь просто чья-то большая подлая шутка.

— Эй, ты в порядке?

Непонятные возгласы на секунду вернули меня к реальности, понимая, что они были адресованы мне, я решил взглянуть на нарушителя моего спокойствия.

Девчонка, на вид вроде знакомая, с тревогой смотрела на меня. Я понял, почему узнал ее — я наблюдал за ней минутой раньше. Светлые золотисто-рыжие волосы, гладкая кожа, россыпь веснушек на носу и щеках, а глаза цвета корицы.

— Если ты прячешь свое раскаяние за активной рекламой этой украденной тачки, то можешь приезжать сюда в любое время.

— Я не украл ее, а позаимствовал, — прошипел я сквозь зубы. Мой голос звучал ужасно, будто я плакал или что-то вроде того. Было стыдно.

— Это ты скажешь в суде.

— Тебе что-то нужно? — разозлился я.

— Да ладно тебе, я же пошутила! Просто ты выглядел таким грустным, и я... Я Лиззи, — она дружелюбно протянула мне ладонь.

Я смотрел на нее, пока, наконец, она не опустила руку.

— Ладно..., - неловко пробормотала она, — Я подумала, что тебе нужна помощь. Ты вроде кого-то искал... — Она посмотрела в сторону парка и пожала плечами.

— Да.

Она ждала продолжения.

Я тяжело вздохнул, по-прежнему смотря вниз.

— Мне не нужна помощь. Ее здесь нет.

— Ооо...Мне жаль...

— Да, и мне тоже, — промямлил я.

Я снова взглянул на нее. Лиззи. Хм, а она хорошенькая. Почему она не может быть той единственной? Почему все не может сложиться так хорошо? Симпатичная, приятная и веселая девушка. Почему бы и нет?

— Красивая машина, — сказала она. — Жаль, что больше таких не делают. Я имею ввиду, что стиль Vantage просто шикарный, но доVanquish им еще далеко...

Симпатичная девчонка, которая разбирается в машинах. Ну и ну! Я всматривался в ее лицо, надеясь на чудо. Ну же, Джейк! Давай запечатлись уже!

— Ну а скорость? — спросила она.

— Трудно представить, пока не прокатишься.

Она приветливо улыбнулась мне, и я просто не смог не ответить ей.

Но мое сердце не откликнулось на ее улыбку, она не заставила почувствовать изменений в теле, в мыслях, не перевернула весь мир в один миг... Не важно, насколько я хотел этого, но она была не той.

Я не собирался влюбляться как обычный человек. Не сейчас, когда сердце принадлежит другой. Может, если бы это все было десять лет назад и сердце Беллы не билось бы, возможно я заставил бы себя пройти через все тяжелые испытания — может тогда я бы смог прокатить Лиззи на этой тачке и узнал бы ее получше. Но сейчас этому не суждено произойти.

Магия не спасет меня, и я должен принять эту пытку как подобает мужчине.

Она ждала, наверное, надеясь, что я прокачу ее.

— Лучше будет, если я верну тачку ее хозяину, — пробормотал я.

— Я рада, что ты принял правильное решение.

— Это ты меня убедила.

Она смотрела, как я сажусь в машину. Наверное, я выглядел как самоубийца, решивший сорваться с обрыва. Я бы так и поступил, если бы это сработало.

Она робко помахала мне вслед.

На обратном пути я ехал уже более спокойно. Я не хотел возвращаться в тот дом, в тот лес. К той боли, от которой стремительно пытаюсь убежать.

Так, ладно, это уже напоминает драму. Я все равно не буду в полном одиночестве.

Леа и Сэт будут страдать вместе со мной. Я был рад, что Сэту не придется долго мучиться. Он не станет рыться в руинах моих мыслей. Леа, конечно, тоже не горит желанием, но сейчас она меня понимает как никто.

Глубоко вздыхая, я продолжал думать о том, что же нужно Лее. Она ведь обязательно получит желаемое, я знаю. Я был все еще зол на нее, но не мог игнорировать возможность сделать ее жизнь легче. Теперь, когда я узнал ее получше, я был почти уверен, что она сделает это для меня, даже если наши взгляды будут различаться.

Подобные выводы казались мне довольно интересными, но еще более странным было считать Лею другом.

Мы очень сильно раздражали друг друга, это было трудно не заметить, но сейчас она единственная понимала то, что творится в моей душе.

Я думал о сегодняшней охоте, и как точно совпадали наши мысли в тот момент. Так непривычно, даже немного неловко. Теперь все по-другому.

Мне незачем оставаться одному.

Я знал, что Леа поможет пережить мне следующие месяцы. Месяцы и годы. Эти тяжелые раздумья заставили меня почувствовать усталость и на время забыть о грядущем будущем.

Как будто я смотрел вдоль необъятного океана, который мне предстояло переплыть от берега до берега перед тем, как я, наконец, обрету покой.

Казалось бы еще столько времени впереди, и все же осталось так мало до начала... до того, как я погружусь в этот океан. Три с половиной дня, и вот я здесь, попросту растрачиваю тот маленький кусочек времени, который еще был у меня.

Спидометр опять пополз вверх.

Я видел Сэма и Джареда, когда ехал по дороге в Форкс. Они хорошо замаскировались за тонкими ветками. Ожидая чего-то подобного, я без труда заметил их и просто проехал мимо. Какая разница, что они думают о моей сегодняшней прогулке.

Я думал о Сэте и Лее, когда останавливался на подъездной дороге Калленов. Сгущались сумерки, и небо заполнили темные облака, но не возможно было не заметить их глаза, сверкающие как драгоценные камни в приглушенном свете фонарей.

Я все объясню им, только позже. Для этого времени еще предостаточно.

Каково было мое удивление, когда я увидел в гараже ждущего меня Эдварда, ведь в последнее время он постоянно сидел с Беллой. Вид у него более спокойный, чем раньше. Мой желудок болезненно сжался, когда я вспомнил причины его радости.

Эх, как жаль, что я забыл разбить его машину (при всех-то моих сегодняшних похождениях). Ну и ладно. Этот кровопийца специально

подсунул именно эту машину, знал ведь, что мне будет жалко поцарапать такую красавицу.

— Поговорим, Джейкоб, — сказал он, как только я остановил машину.

Я глубоко вздохнул, задержав дыхание на минутку, потом медленно вылез из авто и отдал ему ключи.

— Спасибо за одолжение, — сказал я кисло. Но ведь это только начало нашего разговора. — Что тебе теперь надо?

— Во-первых... Я знаю, как тебе не удобно отдавать приказы своей стае, но...

Я мог только догадываться, о чем он собирался говорить.

— Что?

— Если ты не можешь или не хочешь контролировать Лею, то я...

— Леа? — перебил я, говоря сквозь зубы. — Что случилось?

Лицо Эдварда моментально переменилось. — Она пришла узнать, почему ты так неожиданно уехал. Я пытался ей объяснить, но ни к чему хорошему это не привело.

— Что она сделала?

— Она приняла человеческую форму и...

— Серьезно? — перебил я снова, на этот раз шокированный. Леа обратилась в человека прямо под носом у смертельных врагов?

— Она хотела...поговорить с Беллой.

— С Беллой?

Эдвард выдохнул со свистом, — Я не хочу расстраивать Беллу. И меня не интересуют оправдания Леи. Ты же знаешь, что я не обидел бы ее, но в следующий раз я выставлю ее из дома.

— Да подожди ты. Что она сказала? — Я все еще понятия не имел, в чем дело.

Он снова глубоко вздохнул, — Леа была слишком резка. Я не стал притворяться, что понимаю, почему Белла не может отпустить тебя, и, поверь, она никоим образом не хочет тебя обидеть. Она очень болезненно воспринимает нашу с тобой горечь от того что просит тебя остаться. Ссора с Леей ее очень расстроила.

— Постой. Леа кричала на Беллу из-за меня?

Он коротко кивнул.

Вау. — Я не просил ее делать это.

— Я знаю.

Я закатил глаза. Ну, естественно, он знает. Он все знает.

Да, на Лею это похоже. Но все же невероятно — Леа расхаживала в теле человека перед берлогой кровопийц, чтобы пожаловаться на

несправедливое обращение со мной.

— Я не могу ничего обещать, — продолжил я. — И не хочу даже пробовать контролировать ее. Но я поговорю с Леа, идет? Не думаю, что подобное повторится.

— Я надеюсь.

— Мне нужно поговорить с Беллой о случившемся. Я не хочу, чтобы она чувствовала себя плохо. Это все из-за меня.

— Я уже все уладил с Беллой.

— Ну, конечно, кто бы сомневался. С ней все нормально?

— Сейчас она спит. Роуз сидит с ней.

О, ну да. Блондинистая психопатка Роузи.

Эдвард проигнорировал эти мысли, ответив на более важный вопрос, крутящийся в моей голове.

— Она... чувствует себя лучше в какой-то мере, если не брать во внимание бесполезную тираду Леи и испытываемое после этого чувство вины.

Великолепно! И все потому, что Эдвард услышал мысли своего маленького монстра, и теперь все просто счастливы. Фантастика!

— Нет, все не так, как ты думаешь..., - пробормотал он, — Теперь, когда я могу слышать его мысли, очевидно, что он или она прекрасно развивается. Он может понимать и слышать нас.

От удивления моя челюсть чуть не оказалась на земле. — Ты что, серьезно?

— Да. Он, конечно, имеет смутное представление о том, что может сделать ей больно, но пытается избегать этого, на сколько это возможно. Он... любит ее.

Я ошеломленно смотрел на Эдварда. Кажется, сейчас мои глаза выпадут из орбит. Ведь даже слепой бы заметил, что ни чем хорошим это не закончится!

Монстр убедил его в своей любви — вот что изменило Эдварда.

Он не мог ненавидеть то, что любила Белла. Наверное, поэтому он не мог ненавидеть меня. Конечно, я — это другое дело. Я не убиваю ее.

Эдвард продолжал, делая вид, что не слушает мои мысли:

— У нас есть большие успехи, несмотря на наши ожидания. Когда придет Карлайл...

— Они не вернулись? — Я вспомнил о наблюдающих за дорогой Джаредом и Сэмом. Им же любопытно, что здесь происходит?

— Элис и Джаспер здесь. Карлайл отправил всю кровь, которой располагал, но этого оказалось недостаточно — аппетит Беллы растет.

Теперь Карлайл нашел другой выход. Я не думаю, что сейчас это необходимо, но он хочет быть готовым к любым случайностям.

— Почему это не нужно? А если ей понадобится больше?

Он осторожно наблюдал за моей реакцией, продолжая объяснять: — Я попытаюсь убедить Карлайла извлечь ребенка, как только он вернется.

— Что-что?

— Ребенок пытается избегать движений, но это очень сложно. Он весьма крупный. Ждать — это безумие, плод развивается быстрее, чем предполагал Карлайл. Белла слишком хрупкая и слабая, она может не выдержать, поэтому и мы не можем ждать.

Его слова выбили почву у меня из-под ног. Теперь я понимаю, что считал события тех четырех дней как само собой разумеющееся. Я рассчитывал на них.

И снова этот бесконечный океан невыносимой боли, которая протягивала свои клешни к сердцу.

Я затаил дыхание.

Эдвард ждал. Я смотрел ему в лицо, обдумывая сказанное им.

— Ты думаешь, она согласится, — прошептал я.

— Да. Это еще один пункт, который мне нужно с тобой обсудить.

Я не мог вымолвить ни слова. Эдвард дал мне время прийти в себя и спустя минуту продолжил.

— Да, — повторил он снова, — Ждать, пока ребенок будет готов, очень опасно — в любой момент может стать поздно. Если мы будем действовать быстро и решительно, я думаю, все кончится хорошо. К счастью, Белла и Розали со мной согласились.

— Когда Карлайл будет здесь? — я все еще говорил шепотом. Мое дыхание ни как не могло восстановиться.

— Завтра днем.

Ноги подгибались, и мне пришлось опереться на машину.

— Прости, — прошептал Эдвард, — Мне правда очень жаль, Джейкоб. Хотя ты меня ненавидишь, ты должен знать, что я не чувствую того же по отношению к тебе. Ты мне как...брат. Как друг. Я разделяю и сочувствую твоим терзаниям больше, чем ты думаешь. Но Белла выживет, — когда он сказал это, его голос зазвучал неистово и решительно, — и я знаю, что для тебя это так же важно, как и для меня.

Да, возможно, он прав. Об этом слишком трудно говорить.

Мое сердце яростно отбивало ритм, будто готовясь вырваться из груди, пульс стучал в висках, словно барабан.

— Мне бы не хотелось делать этого сейчас, но боюсь осталось очень

мало времени. Я должен попросить тебя кое о чем, даже умолять, если придется.

— У меня ничего не осталось, — выдавил я.

— Я знаю, скольким тебе пришлось пожертвовать, — сказал он тихо, — Но то, о чем я попрошу, мне можешь дать только ты, Джейкоб. Я прошу тебя как истинного Альфа, как наследника Эфраима. Мне нужно твое разрешение на отклонение от договора, который мы когда-то заключили с Эфраимом; я прошу всего лишь об одном исключении. Мне нужно твое разрешение на спасение ее жизни. Ты знаешь, я спасу ее в любом случае, но я не хочу портить отношения между нами. Мы никогда не брали свое обещание назад и сейчас не намерены делать это. Я хочу, чтобы ты меня понял, Джейкоб, потому что ты точно знаешь, для чего мы это делаем.

Я попытался сглотнуть. Сэм, думал я, Тебе нужно говорить об этом с ним.

— Нет. Это право принадлежит тебе. Ты не отнимешь у него власть, но никто не посмеет оспаривать твое решение.

Я не имею права решать.

— Нет, имеешь, Джейкоб, и ты знаешь это. Твое слово либо оправдывает нас, либо приговорит. Только ты можешь дать мне то, о чем я прошу.

Я не знаю.

— У нас не так много времени, Джейкоб, — он глянул в сторону дома.

Нет, времени нет вообще. Дни летят все стремительнее, превращаясь в часы.

Я не знаю. Дай мне подумать. Просто дай мне минутку, ладно?

— Конечно.

Я пошел к дому, Эдвард последовал за мной. Это было так легко — идти в темноте рядом с вампиром. Ни намека на опасность или дискомфорт, я как будто просто шел с обычным человеком. Только мне никогда не встречались люди, от которых так разит.

Я заметил движение около кустарника на газоне и низкое подвывание.

Сэт, приминая папоротники, неуклюже поплелся к нам.

— Здорово, брат, — пробормотал я.

Он склонил голову, и я потрепал его по плечу.

— Все нормально, — лгал я, — Я все расскажу тебе позже.

Сэт оскалился на меня.

— Эй, еще скажи своей сестренке, чтоб она отвалила сейчас, ладно? Достаточно.

Он кивнул.

— Возвращайся к работе, — сказал я, на этот раз толкнув его плечо.

Сэт попятился назад, отшатнувшись от меня, и скрылся между деревьями.

— Он один из самых честных, бескорыстных и добрых существ, которых я когда-либо видел, — пробормотал Эдвард, когда Сэт уже скрылся. — Тебе повезло с другом.

— Я знаю, — проворчал я.

Мы направились к дому и оба моментально вскинули головы, когда слышали, как кто-то пьет через соломинку. Эдвард заторопился. Он взбежал на лестницу и исчез в доме.

— Белла, любимая, я думал, что ты спишь, — слышался его голос, — Прости. Я не должен был уходить.

— Не волнуйся, все в порядке. Меня замучила жажда, поэтому я проснулась. Хорошо, что Карлайл скоро приедет, ребенку понадобится еда.

— Да, хорошо, что он скоро вернется.

— Может, ему захочется что-то еще, — задумчиво проговорила она.

— Мы все уладим.

Когда я вошел, Элис воскликнула «Ну наконец-то!», и глаза Беллы переместились на меня. Неотразимая улыбка на миг озарила ее лицо и сразу же погасла. Губы сжались в тонкую линию, словно она едва сдерживала слезы.

Мне захотелось помыть рот Лее с мылом за ее дурацкие слова.

— Привет, Беллз, — быстро сказал я, — Как ты тут?

— Я в порядке, — ответила она.

— Нелегкий день сегодня, да? Столько всего нового.

— Не надо, Джейкоб.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — не прерывая разговора, я прошел в комнату и сел у изголовья кровати.

Она укоризненно посмотрела на меня. — Я так...

Я приложил палец к ее губам.

— Джейк, — бормотала она, пытаясь убрать мой палец. Ее попытки были довольно слабые, так что с трудом верилось в то, что она действительно старалась.

Я покачал головой. — Мы поговорим, если ты не будешь нести всякую чушь.

— Ладно, — ее голос все еще звучал невнятно.

Я опустил руку.

— Прости! — быстро пробормотала она, усмехнувшись.

Я закатил глаза и улыбнулся ей.

Когда я смотрел в ее глаза, я видел все то, что искал во всех тех девушках.

Завтра она будет уже другой. Но, слава богу, живая, это ведь считается, правда? Она глядела на меня точно так же, как и всегда. Так же улыбалась. Она все еще знала меня лучше всех, даже тех, кто постоянно рылся в моих мыслях.

Леа могла быть интересным партнером, даже другом, тем, кто заступился бы за меня. Но она не была моим лучшим другом, им всегда оставалась и останется Белла. Кроме невероятной любви, что я испытывал к ней, нас связывали и другие узы, не менее крепкие и глубокие.

Завтра она станет моим врагом. Или моим союзником. Это отличие сильно меня волновало.

Я вздохнул.

«Отлично!» — думал я, отдавая последнее, что мог отдать, это заставляло меня почувствовать пустоту в душе. «Ну, давай же! Спаси ее. Как приемник Эфраима, я даю тебе разрешение, слово, что это не нарушит договор. Другие будут обвинять меня, но ты был прав — они не смогут отрицать, что у меня есть право с этим согласиться.»

— Спасибо, — поблагодарил Эдвард низким тихим голосом, чтобы Белла ничего не услышала. Это слово будто пылало, и краем глаза я увидел, как другие вампиры уставились на нас.

— Итак, — невзначай спросила Белла. — Как прошел твой день?

— Отлично. Катался на машине. Шатался по парку.

— Звучит заманчиво.

— Ну да, очень.

Неожиданно на ее лице проступила гримаса.

— Роуз?

Блондинка хихикнула.

— Опять?

— По-моему, я выпила два галлона, ^[11] — объяснила Белла.

Я и Эдвард встали, чтобы не мешать Розали поднять Беллу с кровати и отвести в ванную.

— Можно, я пройду? Мои ноги будто окаменели.

— Ты уверена, что сможешь? — заволновался Эдвард.

— Роуз меня поймает, если я запутаюсь в своих ногах. А это запросто может случиться, если учитывать то, сколько я их уже не видела.

Розали помогла Белле подняться на ноги, поддерживая ее за плечи.

— Вроде все нормально, — вздохнула она. — Ооо, я такая большая.

Вот это уж точно — ее живот стал отдельной частью тела.

— Еще один день, — сказала она, поглаживая свой живот.

Я не мог заглушить невыносимую боль, поразившую все тело словно электрический разряд, но я старался держать ее внутри. Я же смогу спрятать ее еще на один день, да?

— Все нормально. Ой, ой, ой, нет!

Белла опрокинула чашку, оставленную на кровати, темно-красное пятно разлилось на бледной ткани.

Автоматически, несмотря на три руки, схватившие ее, Белла, тем не менее, попыталась поймать чашку. Станный приглушенный звук исходил из середины ее тела.

— Ай! — выдавила она, задыхаясь.

Она резко начала оседать на пол, но Розали успела ее поднять, пока она еще не упала. Эдвард тоже оказался рядом, забыв о беспорядке на кровати.

— Белла?! — нервно спросил он, в его голосе чувствовалась паника.

Спустя секунду Белла закричала.

Это был не просто крик, это был резкий пронзающий вопль в жестокой агонии. Ужасный звук прервало бульканье, ее глаза закатились. Тело дергалось в судорогах и извивалось в руках Розали, и тогда Беллу вырвало кровью.

Глава 18

«У меня нет слов, чтобы описать это»

Тело Беллы, истекая кровью, начало дергаться, биться в руках Розали, будто через него пропускали электричество. Все это время ее лицо было бледным — она была без сознания. Жуткие удары исходили изнутри из центра ее тела, двигая ее. Когда она билась в конвульсиях, резкое потрескивание и хруст доносились с каждой судорогой.

Розали и Эдвард замерли на короткие полсекунды, а потом резко начали действовать. Розали подняла тело Беллы на руки и закричала что-то так быстро, что было сложно отделить слова друг от друга, они с Эдвардом помчались к лестнице, ведущей на второй этаж.

Я побежал за ними.

— Морфий! — Эдвард провопил Розали.

— Элис, быстро звони Карлайлу! — заорала Розали.

Комната, в которую я попал, следуя за ними, выглядела как отделение скорой помощи, устроенное посреди библиотеки. Свет был сверкающим и белым. Белла была уже на столе под ярким светом, ее кожа казалась прозрачной под светом прожектора. Её тело билось, как рыба на песке. Розали придавила Беллу, дергая и разрывая её одежду, которая попадалась ей под руку, в то время как Эдвард воткнул шприц ей в руку.

Сколько раз я представлял ее обнаженной? Но сейчас я не мог смотреть на это. Я боялся, что эти воспоминания надолго останутся в моей голове.

— Что происходит, Эдвард?

— Он задыхается!

— Должно быть плацента отделилась!

Примерно в этот момент Белла пришла в себя и ответила на их слова воплем, чуть не разорвавшим мои барабанные перепонки.

— **ВЫТАЩИТЕ** его! — кричала она. — Он не может **ДЫШАТЬ!** Сделайте это! **СЕЙЧАСЖЕ!**

Еще один поток крови хлынул у неё из горла, не давая ей дышать, и заглушил её вопль. Он держал её голову поднятой, отчаянно пытаясь прочистить ей рот так, чтобы она смогла снова дышать.

Элис вбежала в комнату и прикрепила маленький голубой наушник под волосами Розали. Затем Элис унеслась прочь, ее золотые глаза были широко открытыми и горящими. Розали что-то шептала в трубку.

В ярком свете кожа Беллы казалась больше пурпурно-черной, чем белой. Глубокий красный просачивался из-под кожи в области ее выпуклого живота. В руках у Розали был скальпель.

— Дай морфию подействовать! — проорал на нее Эдвард.

— На это нет времени, — прошептала Розали. — Он умирает.

Ее руки опустились на живот Беллы, ярко красная жидкость хлестала там, где она разрежала кожу. Это походило на то, что получается, если перевернуть полное ведро, или до отказа открыть кран. Белла дергалась, но не кричала. Она все еще задышалась.

А затем Розали потеряла над собой контроль. Я видел выражение на ее изменившемся лице, видел, как ее губы отступили от зубов и ее глаза загорелись жаждой.

— Нет, Роуз! — взревел Эдвард, но его руки были заняты, держа голову Беллы вертикально, чтобы та смогла дышать.

Я бросился на Розали, которая прыгала на стол, не обращая внимания на фразу Эдварда. Когда я ударял ее каменное тело, толкая к выходу, я почувствовал как скальпель, зажатый в ее руке, глубоко вонзился в мою левую руку. Моя правая ладонь сокрушительно ударила её по лицу, закрывая челюсть и блокируя ее дыхание.

Я использовал свое преимущество на лице Розали, чтобы поворачивать её тело так, чтобы я мог ударом выпихнуть ее, это было, как будто я ударил бетон. Она вылетела в дверной проем, раздробив одну его сторону. Маленький наушник в ее ухе разлетелся вдребезги. Элис уже была там, хватая ее за горло, чтобы вытащить в холл.

Но я должен был отдать должное блондинке — она не устроила драку. Она хотела, чтобы мы ее победили. Она дала мне ударить себя так сильно, чтобы спасти Беллу. Ну, чтобы спасти существо.

Я выдернул лезвие из моей руки.

— Элис, убери ее отсюда! — проорал Эдвард. — Отведи её к Джасперу и держи её там! Джейкоб, ты мне нужен!

Я не смотрел, как Элис закончила со своим поручением. Я вернулся к операционному столу, где Белла стала уже почти синей, а ее глаза были широко распахнуты и вытаращены.

— Искусственное дыхание? — прорычал на меня Эдвард быстро и требовательно.

— Да!

Я стремительно оглядел его лицо, ища признаки того, что он собирался отреагировать на происходящее как Розали. Но на его лице не было ничего, кроме целеустремленной свирепости.

— Заставь ее дышать! Мне надо сначала достать его!

Еще один разрушительный хруст послышался из её тела, самый громкий пока еще, настолько громкий, что мы оба застыли, пораженные, ожидая её ответного вопля. Его не последовало.

Ее ноги, которые до этого бились в агонии, теперь стали мягкими и вытянулись очень неестественно.

— Ее позвоночник... — вскрикнул он с ужасом.

— Вытаскивай это из нее! — прорычал я, бросая ему скальпель, — теперь она ничего не почувствует!

Затем я склонился над её головой, её рот выглядел чистым, я прислонил свой рот к ее губам, и вдул в него целые легкие воздуха. Я чувствовал, как её тело расширялось, значит, ничто не блокировало её горло. Её губы имели вкус крови.

Я слышал её сердце, бьющееся неровно. «Продолжай», я с отчаянием думал, вдувая еще один глоток воздуха в её тело. «Ты обещала. Заставляй свое сердце биться». Я услышал мягкий звук скальпеля, скользящего поперек ее живота. Больше крови закапало на пол.

Еще один, неожиданно ужасный звук донесся до меня. Звук металла, разрываемого на клочки. Звук вернул меня в борьбу, которая была много месяцев назад, я снова слушал рвущийся звук разрываемых новообращенных. Я осмотрелся, чтобы увидеть лицо Эдварда, надавливающее на выпуклость. Зубы вампира — самый лучший способ чтобы, разрезать кожу вампира.

Я дрожал, потому что вдул еще больше воздуха в Беллу.

Она начала кашлять от воздуха, ее глаза щурились, вращаясь вслепую.

— Ты должна остаться со мной сейчас, Белла! — я завопил ей. — Ты слышишь меня? Останься! Ты не должна покидать меня! Заставляй свое сердце биться!

Её глаза вертелись, ища меня, или его, но она не видела ничего. Я все равно смотрел в них, не отрывая глаз.

Внезапно её тело успокоилось под моими руками, хотя её дыхание все еще тяжело восстанавливалось, сердце продолжало глухо стучать. Я осознал, что неподвижность означала, что все было закончено. Внутреннее избиение закончилось... Это должно быть было уже вне неё.

Оно было снаружи.

Эдвард прошептал, — Ренесми...

Что ж, Белла ошибалась. Это был не мальчик, которого она себе представляла. Это не было большим сюрпризом. На счет чего она еще ни разу не ошиблась?

Я не оторвал взгляд от её покрасневших глаз, но я почувствовал, как её руки слабо поднялись.

— Позволь мне, — прошептала она ломающимся голосом. — Дай её мне.

Я подозреваю, что должен был знать, что он всегда дает ей то, чего она хочет, не имеет значения, насколько глупа ее просьба. Но я не предполагал, что он послушает её сейчас. Так что, я даже не попробовал остановить его.

Что-то теплое дотронулось до моей руки. По идее это должно было сразу привлечь мое внимание, но ничего не казалось мне теплым сейчас.

Я не мог оторвать взгляд от лица Беллы. Она моргнула, пристально всматриваясь куда-то, в итоге что-то разглядев.

Она издала странное, слабое пение.

— Ренес...ми. Такая красивая...

Потом она начала задыхаться. Задыхаться от боли.

К тому времени, когда я заметил это, было уже слишком поздно. Эдвард выхватил теплое, кровавое это из её обмякших рук. Мои глаза осматривали её кожу. Она вся была красной из-за крови, кровь лилась из её рта, кровь заливала все её тело, и свежая кровь, била ключом из крошечных двойных разрезов от укуса, располагающихся прямо на её левой груди.

— Нет, Ренесми, — прошептал Эдвард так, будто он пытался научить монстра хорошим манерам.

Я не смотрел на него или на это. Я смотрел только на Беллу, её глаза закатились.

Её сердце последний раз слабо стукнуло и умолкло.

Прошло всего немного времени, столько, сколько требуется для одного стука её сердца, а мои руки уже были на её груди, делая надавливания, я считал в своей голове, пытаясь придерживаться ритма. Один. Два. Три. Четыре.

Спустя секунду, я вдул в её легкие еще один глоток воздуха.

Я не мог больше видеть. Мои глаза стали влажными и все стало расплываться. Но я очень четко слышал все звуки, которые были в комнате. Слабое тук-тук её сердца под моими требовательными руками, стук моего собственного сердца и другого, чье биение было слишком быстрым, слишком легким. Я не мог сделать её сердцебиение более равномерным.

Я направил больше воздуха Белле в рот.

— Чего ты ждешь? — Я до удушья задерживал дыхание, надавливая на ее сердце снова. Раз. Два. Три. Четыре.

— Возьми ребенка, — сказал Эдвард торопливо.

— Выкини его в окно! — Раз. Два. Три. Четыре.

— Дай её мне, — прозвучал тихий голос из дверного проема.

Эдвард и я прорычали одновременно.

— Я контролирую себя, — обещала Розали, — Дай мне ребенка, Эдвард. Я позабочусь о ней, до того, как Белла...

Я снова выдохнул в Беллу воздух, когда Эдвард отдавал ребенка. Трепещущее тук-тук-тук исчезало.

— Подвинь свои руки, Джейкоб.

Я оторвал свой взгляд от белых глаз Беллы, все еще надавливая на ее грудную клетку. В руках у Эдварда был шприц, серебряного цвета, как будто сделанный из стали.

— Что это?

Его каменные руки отбросили мои, пробираясь к её груди. Раздался тихий треск — он сломал мне мизинец, убирая мои руки. В ту же секунду он воткнул иглу прямо ей в сердце.

— Мой яд, — Сказал он, выдавливая содержимое шприца.

Я услышал шлепок, раздавшийся в её сердце, будто бы веслом по воде.

— Продолжай, — распорядился он. Его голос был ледяной. Как у мертвеца. Жестокий и легкомысленный. Как будто он был машиной.

Я игнорировал боль от заживления в моем пальце и начал заставлять её сердце биться снова. Стало сложнее делать это. Как будто её кровь замораживалась, стала более густой и медленной. Пока мои надавливания заставляли её кровь выливаться из артерий, я наблюдал за тем, что он делал.

Было похоже на то, что он целовал её, прикладывал свои губы к её горлу, к запястью, к внутренней части её руки. Но я слышал, как её кожа разрывалась, когда он прокусывал её зубами, снова и снова, внедряя свой яд в её тело везде, где мог достать.

Я видел, как он водит своим бледным языком по истекающим кровью глубоким ранам, но прежде чем это заставило меня страдать или разозлиться, я понял, что он делал. Он размывал яд по коже языком, одновременно закрывая раны, чтобы яд и кровь оставались в её теле.

Я выдохнул еще больше воздуха ей в рот, но это не принесло никаких результатов. Только её грудь безжизненно поднималась. Я продолжал делать искусственное дыхание, считая, в то время как он продолжал работать над её телом. Стараясь соединить её позвоночник.

Но ничего больше не было. Только я, только он.

Мы работали над трупом.

Это все, что осталось от девушки, которую мы оба любили. Этот изломанный, искореженный труп. Мы не могли оживить её снова.

Я знал, что было слишком поздно. Я знал, что она мертва. Я мог сказать это с уверенностью, потому что пропало всякое напряжение. Я не чувствовал больше необходимости быть здесь, рядом с ней. Она больше не была тут. Это тело больше ничего не значило для меня. Бессмысленная потребность в том, чтобы быть рядом с ней отпала.

Может, конечно, было лучше сказать, что она (потребность) переместилась. Казалось, что я чувствовал притяжение из другого направления. Из дверей, вниз по лестнице. Стремление убраться отсюда и никогда, никогда не возвращаться.

— Отойди, — сказал он и убрал мои руки снова, но на этот раз занял мое место. Было чувство, как будто уже три пальца были сломаны. Я выправил их, не обращая внимания на пульсацию боли.

Он нажимал на её мертвое сердце быстрее, чем я.

— Она не мертва, — прорычал он. — Все будет хорошо.

Я не был уверен, что он обращался ко мне.

Развернувшись, оставляя его с мертвой, я медленно пошел к дверям. Так медленно. Мои ноги не могли двигаться быстрее.

Это пришло. Океан боли. Другой берег был так далеко, через кипящую воду, что я даже не мог представить его, не то, что увидеть.

Я почувствовал пустоту, я потерял свою цель. Сохранность Беллы — это было то, за что я боролся все это время. Но ее уже не спасти.

Она охотно пожертвовала собой, чтобы быть разорванной на части маленьким монстром, таким образом, моя борьба была проиграна. Все закончилось.

Я вздрогнул при звуке, доносящемся сзади, когда я спускался по лестнице. Звук мертвого сердца, которое заставляли стучать. Я хотел, чтобы кто-нибудь насыпал хлорки в мою голову, чтобы она сжарила мой мозг. Чтобы сожгла любые воспоминания о последних минутах Беллы. Я бы с удовольствием повредил свой мозг, если бы это стерло все это — крики, кровотечения, невыносимый хруст и треск из-за того, что новорожденный монстр рвался из нее наружу.

Я хотел унести прочь, перескакивая сразу через десять ступенек, выбежать в дверь, но мои ноги были тяжелыми, как железо, а тело было уставшим настолько, насколько еще никогда не было. Я спускался по лестнице как хромо́й старикашка.

Я отдыхал на последней ступеньке, собирая свою силу для того, чтобы выбраться за дверь.

Розали сидела на крае дивана спиной ко мне, воркуя и бормоча над чем-то завернутым в ткань у нее на руках. Она наверняка слышала, что я

остановился, но проигнорировала, наслаждаясь моментами украденного у нее материнства. Должно быть она счастлива сейчас. У Розали было то, что она хотела, Белла никогда не придет и не отберет это маленькое существо у нее. Я поражался, что ЭТО было как раз то, о чем мечтала эта испорченная блондинка все свое существование.

Она держала что-то темное в руках, и от маленького убийцы, лежавшего у нее на руках, доносились жадные, причмокивающие звуки.

Запах крови витал в воздухе. Человеческой крови. Розали кормила его. Конечно, ему хотелось крови. Чем еще вы бы стали кормить такого монстра, который жестоко искалечил собственную мать? Возможно он так же пил кровь Беллы.

Силы возвращались ко мне. Я слушал звуки кормления маленького палача.

Сила, ненависть и жар, жуткий жар ударили в мою голову, жар, сжигающий все, но не стирающий ничего... Изображения были топливом для того ада, который творился в моей голове, но они не сгорали. Я чувствовал, как трясусь с головы до ног, но я не пытался остановить это.

Розали была полностью поглощена существом, не обращая на меня внимания. Она не сможет быть достаточно быстрой, чтобы остановить меня, она растеряется.

Сэм был прав. Это существо было отклонением, его существование было противоестественно. Темный, мертвый демон. Что-то, что не имело прав на существование.

Что-то, что должно быть уничтожено.

Казалось, что мое напряжение ведет меня совсем не к двери. Я чувствовал это теперь, оно подстрекало меня, тащило вперед. Подталкивало меня, чтобы я покончил с этим, избавил мир от этого отвратительного существа.

Розали попытается убить меня, когда это существо умрет, но я буду драться с ней. Я не был уверен, что смогу расправиться с ней до того, как другие придут на помощь. Может, не успею. Но все равно это не очень сильно меня волновало.

Меня не заботило, будут ли волки мстить за меня, или скажут, что Каллены были правы, отомстив. Ничего из этого меня не волновало. Моя месть была единственным, что меня волновало. Эта штука, которая убила Беллу, не проживет больше ни минуты.

Если Белла все же выживет, она возненавидит меня за это. Она захочет меня убить сама.

Но меня не волновало это. Ее ведь не волновало то, что она делает со

мной, позволяя себя убить, как животное. Почему я должен придавать значения ее чувствам?

А еще есть Эдвард. Должно быть, он сейчас очень занят, он очень далеко зашел в своем безумии, пытаюсь вернуть к жизни труп, чтобы слушать мои планы.

Ну что ж, у меня не будет возможности сдержать обещание, данное ему, это было не то, на что стоило бы делать ставки. Я смогу выиграть борьбу против Розали, Джаспера и Элис, три на одного. Даже если я выиграю, то не думаю, что соберусь убить Эдварда.

А все из-за того, что у меня не было достаточно сострадания для этого. Почему я должен даровать ему облегчение от того, что он натворил? Не будет ли лучше позволить ему жизнь с этим ужасным, невыносимым чувством пустоты на душе?

Это почти заставило меня улыбнуться, ненависть заполняла меня, когда я представлял все это себе. Нет Беллы. Нет того отродья, которое убило её. И так же исчезнет столько членов его семьи, сколько я смогу уничтожить. Конечно, он сможет собрать их снова по кусочкам, когда я уже не буду способен сжечь их. В отличие от Беллы, которую никогда нельзя будет сделать прежней, их можно восстановить.

Мне стало интересно, сможет ли это создание восстановиться. Я сомневался. Оно — часть Беллы. Должно быть, оно унаследовало часть её уязвимости. Я мог слышать быстрые стуки его крошечного сердца.

Сердце этого существа билось. Её сердце нет.

Всего секунда потребовалась мне, чтобы принять это легкое решение.

Дрожь становилась более напряженной и быстрой. Я развернулся, готовясь рывком приблизиться к блондинке и вырвать это маленькое оружие из ее рук зубами.

Розали проворковала над этим существом снова, отставляя пустую металлическую бутылочку и подняла существо в воздух, прижав к своей щеке.

Замечательно. Новое положение ребенка было просто превосходно для атаки. Я двинулся вперед, но внезапно почувствовал, как пыл начинает изменять мне, несмотря на то, что напряжение и желание убить росли, но другое чувство было сильнее всего этого, сильнее всего, что я когда-либо испытывал, такое сильное, как приказ Альфа, будто оно раздавит меня, если я ослушаюсь.

Но на этот раз я хотел подчиниться.

Убийца смотрел на меня через плечо Розали. Существо смотрело намного сосредоточеннее, чем любой другой новорожденный.

Теплые коричневые глаза, цвета молочного шоколада, точно такого же цвета, как были у Беллы.

Я, колеблясь, остановился. Жар прошел через меня, сильнее, чем до этого, но другой, не сжигающий.

Он был пылающим.

Все чувства во мне уничтожились, когда я смотрел на фарфоровое личико полувампира-получеловека. Все, что держало меня в этой жизни, было поспешно разрезано на кусочки, разрезаны, словно ниточки от связки воздушных шаров. Все, что составляло меня, любовь к мертвой девушке, лежащей наверху, моя любовь к отцу, моя лояльность к новой стае, любовь к другим моим братьям, мой дом, мое имя, я сам, отсоединилось от меня и улетучилось в космос.

Но я не остался дрейфовать там. Новая нить связывала меня теперь с этим миром.

Даже не одна... миллион. Даже не нити, а стальной трос. Миллион стальных тросов, притягивающих меня к одной вещи, к центру всей вселенной.

Я видел это сейчас, понимал, что вся вселенная вертится вокруг одной вещи. Я никогда не знал о строении вселенной до этого, но сейчас это стало очевидным.

Гравитация земли больше не притягивала меня к месту, где я стоял.

Все, что держало меня здесь — это маленькая девочка, лежащая на бледных руках вампира.

Ренесми.

Сверху донесся новый звук. Единственный звук, который мог тронуть меня в этот бесконечный момент. Бешеный звук, ускоряющееся сердцебиение.

Меняющееся сердце.

Книга 3. Белла

Любовь — это богатство, которое ты можешь иметь только в том случае, когда все враги твои истреблены. До этого же, каждый кого ты любишь — заложник, ослабляющий твое бесстрашие и подкупающий трезвость твоего рассудка.

Орсон Скотт Кард, Империя

Пролог

ЭТО БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО МОИМ НОЧНЫМ КОШМАРОМ. Темные силуэты надвигались на нас, рассекая завесу густого тумана.

«Мы все умрем!» — в панике подумала я, в безнадежных попытках спасти свое сокровище. Но даже мысль об этом являлась понижением моего внимания и сосредоточенности, чего я не могла допустить.

Они приближались все ближе и ближе. Их мантии колыхались, синхронно движениям их тел. Я видела их мертвенно-бледные руки, сжатые в кулаки. Они разошлись, окружая нас со всех сторон. Нас было меньшинство. Все кончено.

И тут, словно яркая вспышка, все изменилось. Конечно, изменилось совсем ничего — Волтури продолжали наступать, окружали со всех сторон, желая убить нас. Единственное, что изменилось — мое видение всего происходящего. Я жаждала этого, я хотела атаковать их в ответ, защищаться. Паника сменилась чистейшим хладнокровием, на моем лице появилась улыбка и тот час же сменилась злобным рычанием сквозь зубы.

Глава 19

Агония

Боль ставила меня в тупик.

Именно так — я была сбита с толку. Я не могла понять, не могла осознать то, что происходит со мной.

Я старалась блокировать боль, но все больше и больше проваливалась в темноту, которая секундами, а может даже минутами заставляла меня биться в агониях. Становилось все труднее и труднее оставаться на связи с реальностью.

Я старалась разделить их. Реальности.

Нереальность была черной и не причиняла мне слишком сильную боль.

Реальность была ярко-красной, и казалось, будто меня разрезали пополам. Будто меня переехал автобус, будто меня избили, будто меня топтало стадо быков, будто меня топили в кислоте. И все одновременно.

Реальность заставляла мое тело извиваться и корчиться от боли.

Реальность знала, что есть что-то более важное, чем мои муки, но не позволяла вспомнить, что именно это было.

Реальность неслась так быстро.

В какой-то момент все встало на свои места. Я была окружена людьми, которых я любила. Улыбки. И как бы все плохо не выглядело бы, я была намерена получить все, за что я боролась раньше.

И затем, одна маленькая, казалось бы незначительная, вещь пошла не так.

Я увидела, как чашка, что я держала в своих руках, опрокинулась, и темно-красное кровавое пятно разлилось на бледной ткани. Я наклонилась посмотреть на это и поняла, что теряю равновесие. Быстрые сильные руки подхватили меня.

Внутри меня будто что-то дернуло со всей силы.

Боль. Ломка. Агония.

Темнота поглотила меня и накатила новой волной невыносимой боли. Я задыхалась, захлебываясь в чем-то — мне приходилось тонуть раньше, и это было совсем непохоже на то. Горло словно обжигало огнем. Слишком сильно.

Меня словно раздирали на куски.

Темнота еще больше поглотила меня.

Голоса, все происходящие, крики, боль.

— Должно быть плацента отделилась!

Слова полоснули меня словно острые лезвия, и дали начало новому приступу. Отделенная плацента — я знала, что это значило. Это значило, что мой ребенок погибает внутри меня!

— Вытащите его! — кричала я Эдварду. Почему он не сделал этого до сих пор?! — Он не может дышать! Сделай это! Сейчас же!

— Морфий!

Он хочет ждать, пока на меня подействуют болеутоляющее, позволяя нашему ребенку умереть??!!

— Нет, сейчас... — я захлебнулась и не смогла договорить фразу.

Комната поплыла перед глазами и я ощутила новый приступ боли исходящий из моего живота. Я старалась бороться — защитить своего ребенка, своего маленького Эдварда-Джейкоба, но я была слишком слаба. Мои легкие болели, и кислород в них словно испарился.

Боль была такой, что у меня было чувство, будто я могу прикоснуться к ней. Мой ребенок, мой малыш умирает...

Сколько уже прошло? И секунд или минут? Боль ушла. Я была парализована и не чувствовала ничего. Я не могла ничего видеть, зато я могла слышать. В моих легких опять был воздух. Он перерывами проникал в мои дыхательные пути и затем вырывался наружу.

— Ты должна остаться со мной сейчас, Белла! Ты слышишь меня? Останься! Ты не должна покидать меня! Заставляй свое сердце биться!

Джейкоб? Джейкоб был здесь! Он старался спасти меня!

«Конечно!»- хотела ответить ему я. Конечно, я заставлю свое сердце биться! Разве я не пообещала это им обоим?

Я старалась почувствовать свое сердце, найти его, но оно потерялось где-то во мне. Я не могла чувствовать то, что должна была, и ничто не шло как надо. Я моргнула и нашла свои глаза. Я увидела свет. Не то, что я искала, но все же лучше, чем ничего. Только мои глаза привыкли к свету, как я услышала, что Эдвард прошептал:

«Ренэсми».

Ренэсми?

Не мертвенно-бледный и прекрасный мальчик из моих снов? На какой-то момент я испытала шок. Но затем тепло наполнило мое тело.

Ренэсми.

Я заставила свои губы пошевелиться, пока слыбый поток воздуха на моих губах не превратился в шепот. И протянула свои слабые руки навстречу.

— Позволь мне. Дай её мне.

Солнечные зайчики плясали вокруг, отражаясь от, мерцающих на свету, рук Эдварда. Они были с красным оттенком, с оттенком крови, покрывающей его руки. Еще больше красного было в его руках. Что-то маленькое, все в крови. Эдвард поднес ее ко мне, это выглядело так, будто я сама держала ее. Ее влажная кожа была горячей, обжигаяще горячей, как у Джейкоба.

Наконец-то я смогла сфокусировать свой взгляд.

Ренэсми не плакала, но она дышала очень быстро и прерывисто. Ее глаза были открыты, она явно была шокирована, это было даже забавно. Маленькую головку покрывали кровавые кудри. Ее глазки были легко узнаваемы, но изумительны — цвета молочного шоколада. Ее кожа была цвета слоновой кости. На ее щеках загорелся румянец.

Ее маленькое личико было таким идеальным, что это, пожалуй, ошеломило меня. Она была даже красивее, чем ее отец, Эдвард. Невероятно. Невозможно.

— Ренэсми... — прошептала я. — Такая... красивая!

На ее лице появилась широкая улыбка. За ее розовыми губками спрятался целый ряд белоснежных молочных зубов.

Она наклонила свою голову к моей груди, в поисках тепла. Ее кожа была шелковистой и теплой, но все же не такой, как моя.

И вдруг, опять боль — только одна вспышка боли. Я задыхалась.

И она ушла. Моего ангелочка не было рядом. Я не могла услышать или увидеть ее.

— Нет! — мне хотелось кричать. — Верни мне ее обратно!

Но моя слабость была слишком большой. Мои руки, казалось, были ватными. Я не могла ничего чувствовать. Ни рук, ни всю себя. Я не чувствовала себя.

Я провалилась во тьму, полностью, не так, как в прошлые разы. Будто мне завязали глаза, быстро и крепко. Будто на меня давило нечто. И было так сложно бороться. Я знала, что намного легче было поддаться. Позволить темноте поглотить меня и унести туда, где нет ни боли, ни страха, ни переживаний.

Если бы это все касалось только меня, то я давно бы перестала бороться. Я всего лишь человек, с обычными человеческими возможностями. Но я старалась справиться со сверхъестественной задачей, как сказал Джейкоб.

Это ведь касалось не только меня. Если я опущу руки и дам темноте поглотить меня, то это убьет их всех.

Эдвард, Эдвард! Наши жизни были единым целым. Погибнет один из нас — умрет другой. Если он погибнет, то я не собиралась жить дальше. Если умру я, то он тоже не собирался жить дальше, также как и я. Мир же без Эдварда был бы абсолютно серым. Эдвард должен жить.

Джейкоб — он говорил мне «прощай» уже сотни раз, но каждый раз возвращался, как только я нуждалась в нем. Джейкоб, которому я и так причинила слишком много боли. Это было бы преступлением. Я не могла ранить его еще больше, в сотни раз больше, чем раньше. Он оставался со мной вопреки всему. И единственное, что он просил у меня — остаться, не покидать его сейчас.

Но было так темно, я не могла видеть их лиц. Все казалось таким нереальным, что было слишком сложно сопротивляться.

Я еще старалась бороться с темнотой, поглощающей меня, больше рефлекторно, чем осознанно. Я уже была не в силах сбросить ее оковы с себя полностью, но я старалась, не дать ей поглотить меня совсем. Я не была Атлантом,^[12] а темнота казалась тяжелой, словно целая планета на моих плечах; я не могла больше держать ее. Все что я могла — стараться не быть раздавленной под ее тяжестью.

Отчасти, это был шаблон моей жизни — я никогда не была настолько сильной, чтобы справиться с чем-либо, что я не могла контролировать, сражаться с врагами или превзойти их. Уклоняться от боли. Всегда слаба и человечна. Я теряла то единственное, на что я когда-либо была способна. Я должна выдержать это испытание, я должна выжить.

И на этом хватит. Хватит на сегодня. Я буду держаться, пока не поспеет помощь.

Я знала, Эдвард сделает все, что будет в его силах. Он не сдастся. И я тоже не сдамся.

Я удерживала темноту небытия из последних сил.

Но мне не хватало сил, темнота засасывала меня, поглощала, нужно было что-то, что могло придать мне силу.

Я не могла представить ни Эдварда, ни Элис или Розали, или Чарли, или Рэне, или Карлайла, или Эсме... Ничто не могло помочь. Это пугало. Неужели уже было слишком поздно?

Я чувствовала, что реальность почти ускользнула от меня, не за что было уцепиться.

НЕТ! Я должна была выжить! Эдвард верил в меня. Джейкоб. Чарли, Элис, Розали, Карлайл, Рене, Эсме...

Ренэсми.

И вдруг, несмотря на то, что я не могла что-либо слышать, я смогла

почувствовать. Я представила, что могу чувствовать свои руки, а затем, что-то маленькое, тяжелое и очень-очень теплое в них.

Мой ребенок, мой маленький ангел.

Я должна была сделать это. Несмотря на все, я должна была жить, хотя бы до той поры, когда Ренэсми сможет жить без меня.

Иллюзия того, что я держала ее в своих руках становилась все реальнее. Я прижала ее ближе ко мне. К своему сердцу. И теперь, удерживая с сознанием теплое воспоминание о своей дочери, я точно знала, что буду бороться с темнотой так долго, сколь это понадобится.

Тепло у моего сердца становилось все более и более реальной, все теплее и теплее. Жарче. Тепло было таким явным, что было сложно поверить в то, что это всего лишь иллюзия.

Жарче.

Уже невыносимо жарко. Слишком жарко. Слишком-слишком жарко.

Будто ухватившись за не тот конец бруска раскаленного железа — моя реакция была такой же, я выронила то, что так бережно держала в своих руках. Но ничего не было в моих руках, они не были обожжены. Мои руки бездвижно лежали вдоль моего, почти бездыханного, тела. Жар был внутри меня.

Пламя внутри меня росло — росло и росло, все росло и росло, пока не поглотило всю меня так, что обогнала все то, что я чувствовала когда-либо.

Я могла почувствовать свой бешено возрастающий пульс, и поняла, что снова могу чувствовать биение своего сердца, как раз в тот момент, когда я хотела что бы его не было вообще.

Чтобы сорвать с себя оковы темноты, этой пытки, я готова была вырвать собственное сердце из груди, но я не могла пошевелить ни одним пальцем.

Джеймс, который сломал мою ногу, со все силы наступив на нее. Это было ничем, по сравнению с тем, что было сейчас. Это были еще цветочки. Я была готова принять на себя это хоть сотни переломов, и была бы благодарна.

Мой ребенок, ломающий мне кости изнутри, превращая мои ребра в кучу осколков. Это было ничем, по сравнению с тем, что было сейчас. Это тоже были еще цветочки. Я была готова принять на себя это хоть сотни раз, и была бы благодарна.

Пламя полыхало, сжигая меня изнутри, мне хотелось кричать. Хотелось умолять кого угодно, чтобы меня убили прямо сейчас, до того как я еще хоть секунду испытаю эту ужасную боль. Но я не могла пошевелиться, ни капли, не могла сказать хоть что-то. Тем более, нечто

большое и тяжелое до сих пор давило на меня.

И я поняла, что теперь не темнота давила на меня, а свое собственное тело. Такое тяжелое. Хоронило меня в огненном пламени, которое разлилось от моего сердца по всему телу.

Почему я не могла пошевелиться? Почему я не могла закричать? Этого не было в историях.

Мой разум был чист, я смогла получить ответ на свой вопрос, едва задав его.

Морфий.

Казалось, это было сто лет назад, мы обсуждали это — Эдвард, Карлайл и я. Карлайл надеялся, что достаточное количество обезболивающего поможет бороться с болью, которую приносил яд вампира. Карлайл проделывал это с Эмметтом, но яд быстро поглотил все лекарство.

Я сохраняла свое лицо спокойным, и была благодарна, за то, что Эдвард не мог читать моих мыслей.

Потому что во мне были яд и морфий, потому что я знала правду, пусть и не было ни единого факта подтверждающего это.

Я и не предполагала, что морфий мог иметь такой, полностью парализующий, не позволяющий издать и звука, эффект.

Я знала все их истории. Знала, как Карлайл хранил молчание во время своего превращения, боясь быть обнаруженным. Знала, что по словам Розали, крики не принесут ничего хорошего, никаких облегчений. И я знала, что каждый мой крик, сорвавшийся с моих губ, ранит Эдварда.

Мое единственное желание на данный момент казалось мне глупой шуткой.

Если я не могла кричать, как бы я могла сказать им что так хочу смерти?

Единственное что я хотела — умереть, не существовать. Никогда не рождаться.

Позволь мне умереть, позволь мне умереть, позволь мне умереть.

И это было единственным, чего я желала. Самая малость для того, чтобы мои мучения прекратились и я умерла. Разве это так много? Казалось, мои мучения бесконечны, будто им не было начала, и никогда не будет конца. Просто бесконечная боль.

Случилось лишь одно, внезапно моя боль увеличилась вдвое. Та меньшая половина тела, что была полностью парализована морфием, внезапно тоже захватило пламя. Все зажившие переломы, будто возникли снова.

Бесконечное пламя свирепствовало внутри меня, словно ураган.

Это могло занять секунды или дни, недели или годы, но, в конце концов, время снова стало что-то означать.

Три вещи произошли одновременно, исходя одна из другой, так что я не могла понять какая из них была первой: время возобновилось, действие морфия прекратилось и я почувствовала прилив сил.

Я могла почувствовать, как способность контролировать собственное тело возвращалась ко мне. Я знала, что уже могла пошевелить пальцами ноги или сжать руки в кулаки, но я не стала этого делать.

До этого была лишь одна вещь, способность к которой я не потеряла, в то время, когда языки пламени лизали мое тело. Я могла думать.

Я помнила, почему я не кричала. Я помнила, почему я решила выдержать эти муки. Я могла помнить все вплоть до настоящего момента, и я помнила, что за цена была у всех этих мучений.

Для любого, кто сейчас наблюдал за мной, не было изменений, но они были для меня.

Я была достаточно сильна, чтобы врать о том, что уже могу двигаться, до тех пор, пока жизнь вконец не загорится во мне.

Мой слух восстанавливался, я уже могла слышать отчетливые яростные удары моего сердца, будто отсчитывающие время.

Я могла считать вздохи, слыша каждый из них.

Я могла услышать каждый вздох тех, кто находился вокруг меня. Они были медленнее, так что, я попыталась сконцентрироваться на них. Именно эти вздохи пронесли меня сквозь последние секунды моего горения.

Я продолжала набирать силы, мои мысли становились яснее. Слух становился все острее. Я прислушивалась к новым звукам.

Я могла слышать легкие шаги и легкий ветерок со стороны двери. Шаги приближались, я смогла почувствовать как рука сомкнулась на моем запястье, но не могла почувствовать холода прикосновения. Пламя внутри меня унесло все воспоминания о холоде.

— Никаких изменений?

— Никаких...

Я почувствовала как пальцы сомкнулись сильнее и как кожу коснулось легкое дыхание.

— В организме не осталось и следа морфия.

— Я знаю.

— Белла, милая, ты слышишь меня?

Я знала, несмотря на все сомнения, что если я попытаюсь сказать что-либо, открыть глаза или сжать пальцы, то тут же потеряю контроль над

собой.

— Белла? Белла, любимая!? Ты можешь открыть глаза? Ты можешь сжать мою руку?

Он сжал мои пальцы. Было сложно не ответить ему, но я все ещё была парализована. Я знала, что боль в его голосе — ничто, по сравнению с тем, что он испытывает. Он был страшен напуган моими страданиями.

— Может... Карлайл, может было слишком поздно?

Он еле слышно прошептал это, и его голос надломился на слове «поздно».

Я колебалась, я уже не была так уверена в своем решении.

— Прислушайся к ее сердцу, Эдвард. Оно сильнее, чем когда-то было сердце Эмметта. Ни один из звуков, что я когда-либо слышал, не был преисполнен такой жизненной силой. Она будет прекрасна.

Теперь я была полна решимости придерживаться своего решения. Карлайл убедит Эдварда, что все будет хорошо.

— А ее... Ее позвоночник?

— Ее травмы были легче, чем повреждения Эсме в свое время. Яд вылечит ее также, как и Эсме.

— Но она не меняется. Может я сделал что-то не так.

— Или что-то так, Эдвард. Сын, ты сделал все, что мог сделать я, и даже большее. Перестань заниматься самобичиванием. С Беллой все будет хорошо.

Срывающийся шепот:..

— Она должна биться в агониях...

— Я не думаю, что это должно быть так, мы же не знаем точно. В ее организме было очень большое количество морфия. И мы не знаем, как она должна отреагировать на это.

Он слабо сжал мой локоть. Я слышала, что он шептал мне:

— Белла, прости меня. Белла, я люблю тебя.

Мне так хотелось ответить ему. Но я не хотела причинять ему еще большую боль, ведь я не была уверена, что продержусь до конца.

После того, как пламя стало стихать, внутри у меня образовалось много пространства для мыслей. Появилось место для мыслей о том, что со мной происходило, что происходит сейчас.

Место для тревоги.

Где мой ребенок? Почему её здесь нет? Почему они не говорят о ней?

— Нет, я останусь здесь. — Эдвард видимо ответил на мысленный вопрос кого-то из присутствующих. — Они уладят этот вопрос.

— Интересная ситуация, — ответил Карлайл. — Я думаю, что

вообразил бы себе все возможное и невозможное.

— Я разберусь с этим. Мы разберемся с этим, — что-то мягко сдавило мою ладонь.

— Я уверен, во всех нас. Мы сможем удержаться от бойни и кровопролития.

Эдвард вздохнул.

— Я не знаю чью сторону принять. Я бы предпочел быть за обе. Что же, разберемся потом.

— Интересно, что думает Белла по этому поводу — чью сторону примет она, — размышлял Карлайл.

Один тихий смешок.

— Я уверен, она удивит меня своим решением. Она всегда так делает.

Я услышала удаляющиеся шаги Карлайла, и думала о том, как понять их загадочный разговор. Они что, говорили о чем-то так загадочно только чтобы раздражить меня?

Я вернулась к подсчету вдохов Эдварда, чтобы отсчитывать время.

Десять тысяч девятьсот сорок три вдоха и выдоха прошло, пока не послышались шаги, более отчетливые и ритмичные, чем шаги Карлайла.

Странно, что я могла слышать различия между шагами разных людей, раньше такого не было.

— Сколько еще? — спросил Эдвард.

— Еще немного, — ответила ему Элис. — Ты видишь, что ее состояние улучшается? Я могу видеть ее яснее, — подчеркнула она.

— Тебе все еще плохо?

— Спасибо, что напомнил, — проворчала она. — Ты бы тоже ощущал себя подавленным, если бы понял, что скован своими же способностями! Я вижу вампиров отлично, потому что я одна из них. Я вижу людей хорошо, потому что я была одной из них. Но я не могу видеть их, эту помесь, потому что они ничто. Так что, наверное, я переживаю. Бах!

— Сконцентрируйся, Элис.

— Все хорошо, сейчас я вижу Беллу намного лучше, чем до этого.

Затянувшаяся тишина, но потом я услышала радостный возглас Эдварда.

— С ней действительно все будет хорошо, — выдохнул он.

— Конечно, так и будет.

— Ты не была столь оптимистична последние два дня.

— Я не могла толком увидеть ее два дня назад. Но сейчас все нормально.

— Ты можешь сделать это для меня?

— Такой нетерпливый! Дай мне секунду...

Теперь я слышала только тихое дыхание.

— Спасибо, Элис, — его голос звучал более радостно.

Как же долго? Они что, не могли сказать об этом вслух ради меня?! Я что, опять прошу слишком многого? Сколько еще я буду «догорать»? Несколько секунд? Может, десять тысяч? Двадцать? Или еще дольше?!

— Она будет великолепно.

Эдвард недовольно проворчал.

— Она и так прекрасна.

Элис фыркнула.

— Ты же понимаешь о чем я. Только взгляни на нее!

Эдвард ничего не ответил. Но все же, Элис дала мне надежду на то, что я выгляжу не такой помятой, как мне казалось. Мне чудилось, что я была грудой костей, не более того. Что каждая частица моего тела сгорела дотла.

Я услышала, как Элис выпорхнула из комнаты своей летящей походкой. Я слышала ветер, трепещущий листья, за окном. Слышала, как Элис взяла в руки какой-то кусок ткани. Я могла слышать все.

Кто-то внизу смотрел бейсбол по телевизору. «Маринерс» опережали на два очка.

— Моя очередь, — сказала Розали, в ее голосе слышались нотки недовольства.

— Эй, погоди, — предупредил Эмметт.

Кто-то зашипел.

Я напрягла слух, но не слышала ничего, кроме игры. Бейсбол не был настолько мне интересен чтобы отвлечь от боли, так что я опять стала прислушиваться к дыханию Эдварда, отсчитывая секунды.

Спустя двадцать одну тысячу девятьсот семнадцать и еще пару секунд, боль переменялась.

Положительная сторона этой перемены была в том, что боль стала постепенно все больше и больше уходить из кончиков моих пальцев. Она отступала. Но это был ещё не конец, было кое-что еще.

Кое-что плохое... Пламя обжигающее мое горло стало не таким, как раньше. Я уже не горела, я была выжжена. Сухая как кость. Измученная жаждой... сгорая от огня и от голода...

И ещё плохие новости: огонь в моем сердце разгорался с новой силой.

Разве такое возможно?

Биение сердца было и так слишком быстрым, а теперь, огонь в моем сердце довел его темп до неистовой быстроты.

— Карлайл, — позвал Эдвард. Его голос был тихим, но отчетливым. Я знала, Карлайл услышит его, если находится в доме или где-то поблизости.

Карлайл вошел в комнату. Элис следовала за ним. Звук шагов каждого из них был столь отчетлив, что я могла сказать, что Элис шла справа от Карлайла, и опаздывала от него на полшага.

— Слушайте, — сказал им Эдвард.

Самым громким звуком в комнате был бешеный ритм моего сердца.

— О! — сказал Карлайл. — Почти завершилось.

Моя реакция на эти слова была оттенена горением моего сердца. Хотя боль уже полностью ушла из лодыжек и запястий.

— Скоро, — согласилась Элис. — Мне следует сказать Розали, что...

— Да, уведите ребенка!

ЧТО? Нет!!! Нет! Что значит «уведите ребенка»? О чем он вообще думает?!

Моя рука вздрогнула. Все находящиеся в комнате задержали дыхание. Его рука сомкнулась на моей.

— Белла? Белла, любимая?

Могла ли я ответить, не накричав на него?! Я подумала над этим секунду, и вдруг, пламя внутри меня разгорелось еще больше. Пожалуй, не стоит испытывать судьбу.

— Пойду, скажу им, — проговорила Элис настойчивым тоном. Я уловила дуновение ветра, в тот момент, когда она покинула комнату.

И тогда — ох!

Мое сердце забилося с яростной силой, казалось, что оно вот-вот выпрыгнет из груди. Это было похоже на звук вращающихся лопастей вертолета. Огонь был таким, что полностью оглушил меня. Моя спина изогнулась, боль с огнем резко устремились ввысь.

Это была битва внутри меня — мое отчаянное сердце сражалось с мощностью огня. И оба проигрывали. Адское пламя сжигала все, что можно, а сердце отбивало свои последние удары.

Весь огонь сконцентрировался на моем сердце. Оно резко дернулось. Ответом на это послужил глухой удар. Оно дважды запнулось и совершило удар в последний раз.

Ни звука. Ни вдоха. И не только моего.

На какой-то момент отсутствие боли стало единственным, что я смогла осознать.

И тогда я открыла глаза, и в удивлении посмотрела вверх.

Глава 20

Другая

Все было таким...ясным. Определенным до остроты.

Свет, исходящий сверху, был все таким же ослепляюще ярким, но теперь я определенно могла видеть раскаленные пружины внутри лампочек. Я могла видеть каждый цвет спектра в этом белом свете, и где-то на самом его углу, я видела восьмой цвет радуги, названия которому не знала.

Где-то за этим светом я могла видеть мельчайшие элементы темного потолочного дерева наверху. А прямо перед ними я видела танцующие пылинки, с одной стороны подсвеченные светом, а с другой закрытые тенью, каждую саму по себе, в отдельности.

Они двигались как маленькие планеты, кружась друг с другом в причудливом танце.

Пыль была настолько прекрасной, что я замерла от удивления. Воздух потянулся вниз по моему горлу, скручивая пылинки в воронку. Что-то было не так. Я сосредоточилась и поняла, что это действие не принесло мне привычного облегчения. Мне не нужен был воздух. Мои легкие его не требовали. Им мой вдох был совершенно безразличен.

Мне не нужен был воздух, но он мне нравился. С его помощью я могла почувствовать всю комнату, окружающую меня, почувствовать эти замечательные пылинки, смесь устоявшегося запаха комнаты, перемешивающегося с легким свежим ветерком, идущим из открытой двери. Почувствовать насыщенный аромат шелка. Уловить легкий намек на что-то теплое и желаемое, что должно быть мокрым, но не было...Этот запах тут же заставил гореть мое горло от жажды, отдаленное эхо от жжения яда, не смотря на то, что этот запах был забит запахом хлора и нашатырного спирта. Но больше всего я чувствовала такой медово-солнечно-сиреневый аромат, который был сильнее и ближе мне, чем все остальные.

Я услышала другие дыхания, вздохнув еще раз, как уже делала. Их дыхания перемешивались с этим похожим на мед, солнце и сирень, принося новые ароматы. Корица, гиацинт, груша, морская вода, свежий хлеб, сосна, ваниль, кожа, яблоко, мох, лаванда, шоколад...Я перебирала в голове тысячи подходящих определений, но ничего не подходило на 100 %. Они были слишком нежные и приятные.

Где-то внизу бормотал телевизор, и я услышала как кто-то — Розали? — легко переместился на первом этаже. Я также слышала нечеткий бьющий ритм и голос, зло оравший под эти удары. Рэп? Я озадачилась на секунду, но звук тут же затих, исчезая вслед за машиной с открытыми окнами. Для начала я определилась, что именно так оно и было. Интересно, я теперь могу слышать все, что происходит на автостраде?

До этого я не осознавала, что кто-то держит мою руку, пока этот самый кто-то не сжал ее легонько. Так же, как раньше оно реагировало на боль, мое тело теперь замерло от удивления. Это было не то прикосновение, которого я ждала. Кожа была безупречно гладкой, но температура ей не соответствовала. Она не была холодной.

После того, как первые заморозившие меня секунды шока прошли, мое тело отреагировало на незнакомое прикосновение способом, изумившим меня еще больше. Воздух вылетел из моего горла, вырываясь через сцепленные зубы, с таким низким гулом, который издает целый рой пчел. До того, как затих этот звук, мои мышцы сжались и спружинили, в один толчок избавляя меня от неведомого. Я развернулась с такой скоростью, что она должна была размыть комнату для меня в расплывчатое пятно, но этого не случилось. Я точно также видела пылинки, точно также различала части обитых деревом стен, каждую мельчайшую частицу самой крошечной детали, пока мои глаза скользили по ним.

Когда примерно через шестнадцать секунд я обнаружила себя прижатой к стене в поисках укрытия, я поняла, что меня так напугало, и на что вовсе не стоило так реагировать.

Ну, конечно же, Эдвард. Теперь он не был для меня таким холодным. Теперь мы были одной с ним температуры.

Я задержалась в этой позе еще секунд на восемь, осматриваясь.

Эдвард лежал на операционном столе, на котором я недавно умирала, его рука тянулась ко мне, он был крайне озабочен.

Лицо Эдварда было самым важным из того, что я видела, но мое периферическое зрение охватывало и все остальное, так, на всякий случай. Инстинкт самозащиты был включен, и я автоматически продолжала искать признаки опасности.

Моя вампирская семья напряженно ждала у дальней стены у двери. Эммет и Джаспер стояли впереди всех. Как будто бы где-то была опасность. Мои ноздри тут же раздулись, исследуя угрозу. Я ничего не почувствовала. Едва уловимый запах чего-то вкусного, но приглушенный многочисленными химикатами, вновь заставил мое горло сжаться от боли и жжения.

Эллис стояла, держась за локоть Джаспера и оскалившись, свет отражался на ее зубах все той же восьмицветной радугой.

Этот оскал наконец-то сложил в моей голове все детали вместе. Джаспер и Эммет прикрывали всех остальных от опасности, это я поняла верно. Единственную вещь я не поняла сразу — той опасностью была я.

Но все это было не так важно. Основную часть моих чувств и моего рассудка занимало сейчас лицо Эдварда. Я никогда раньше не видела его до этой секунды. Как много раз я смотрела на него и любовалась его красотой? Как много часов, дней, недель своей жизни проводила я, мечтая о том, что было для меня абсолютной красотой? Я думала, что знаю его лицо лучше своего собственного. Я думала, что на свете ни существует никакого другого определения для него, кроме как совершенство. Видимо, до этого я была просто слепой.

Вот теперь в первый раз, когда размытые тени и ограниченность моего человеческого зрения исчезли из моих глаз, я увидела его лицо. Я задыхнулась и начала бороться со своим словарным запасом, не в состоянии найти слова для описания, мне нужны были слова получше, чем я знала.

В это же время, другая часть моего внимания сфокусировалась на том, что мне не угрожало никакой опасности и это автоматически сняло напряжение, прошла всего секунда как я уже оказалась около стола. Я моментально озадачилась способом передвижения моего тела. В тот момент, когда я что-то собиралась сделать, оказывалось, что я это уже сделала. Невозможно было уловить, в какой период времени укладывается мое движение, изменения происходили настолько ежесекундно, как будто никакого движения и не происходило.

Я опять смотрела на лицо Эдварда, снова неподвижное.

Он медленно обошел вокруг стола, каждый шаг длился с полсекунды, каждый шаг был таким тягучим, как движение воды, омывающей большие камни, его рука все еще была протянута.

Я смотрела, с какой грациозностью он двигается, исследуя ее своим новым зрением.

— Белла? — произнес он тихим успокаивающим голосом, но беспокойство в его голосе заставило мое имя дрожать.

Я не смогла ответить сразу же, потерявшись в бархатных оттенках его голоса. Это была совершенная симфония, симфония одного инструмента, инструмента более идеального, чем когда-либо созданного человеком...

— Белла, милая? Извини, я знаю, что ты растеряна. Но ты в порядке. Все хорошо.

Все? Мой ум тут же прокрутил назад последний час моей

человеческой жизни. Конечно, в памяти все было мутно, как будто я смотрю через тонкую, темную ткань; конечно, ведь мое человеческое зрение было полуслепым. Все было таким размытым. Когда он сказал, что все в порядке, он подразумевал Ренесми? Где она? С Розали? Я пыталась вспомнить ее лицо, я помнила, что оно было прекрасным, но было почти невозможно разглядеть его через человеческие воспоминания. Ее лицо было закрыто темнотой, едва освещаемой...

А как же Джейкоб? Он в порядке? Мой так долго страдающий друг, ненавидит ли он меня сейчас? Вернулся ли он в стаю Сэма? А Сэт и Леа тоже?

Были ли Каллены в безопасности, или моя трансформация спровоцировала войну со стаей? Включает ли это все фраза Эдварда? Или он просто пытается меня успокоить?

А Чарли? Что я теперь скажу ему? Он наверняка звонил, пока я тут умираю? Что они сказали ему? Что, по его мнению, случилось со мной?

Пока я металась от одного к другому, думая, о чем мне спросить в первую очередь, Эдвард осторожно подошел ко мне и провел пальцами по щеке. Прикосновение мягкое как атлас, легкое как перышко и абсолютно одинаковой со мной температуры.

Оно проскочило сквозь кожу моего лица прямо до костей. Сквозь кости, вдоль по позвоночнику это наэлектризованное чувство проскочило к моему животу и затрепетало где-то там. Стоп, подумалось мне, как только дрожь в животе растеклась по мне волной теплого сильного желания. Разве не предполагалось, что я лишусь этого? Разве не была утрата этого чувства частью сделки?

Я была новорожденным вампиром. Сухая, обжигающая боль в горле определенно это подтверждала. И по рассказам я хорошо знала, что значит быть им. Человеческие чувства и желания должны были бы вернуться ко мне в каком-то роде, но я принимала то, что этого не будет в самом начале. Только жажда. Это была та самая цена, которую я согласилась заплатить.

Но как только рука Эдварда коснулась моего лица будто покрытая атласом сталь, желание пронеслось по моим высохшим венам, разбегаясь от макушки до пяток.

Он приподнял одну совершенную бровь, ожидая, пока я скажу хоть слово.

Я обвилась вокруг него руками.

Вот опять, это было так, будто никакого движения не было. Вот только что я стою прямо и ровно будто статуя, и в тот же момент он уже в моих объятиях.

Теплый — ну, по крайней мере, мне так ощущалось. С тем самым сладким вкусным запахом, который я не могла ощутить в полную меру будучи человеком, но это был на 100 % Эдвард. Я прижалась лицом к его мягкой щеке.

Он тут же попытался высвободиться, отступая от моего смущения. Я уставилась на его лицо, смущенная и испуганная его отступлением.

— Ух...осторожнее, Белла. Ой.

Я тут же убрала руки, сцепив их за спиной, как только до меня дошло. Я была слишком сильной.

— Упс, — пробормотала я.

Он улыбнулся той самой улыбкой, которая остановила бы мое сердце, если бы оно еще билось.

— Ничего страшного, любимая, — сказал он, прикасаясь рукой к моим губам, раскрытым в ужасе, — ты просто немного сильнее меня на данный момент.

Мои брови сошлись на переносице. Я это знала, конечно, но именно это казалось самым нереальным из всего случившегося. Я была сильнее Эдварда. Я заставила сказать его «ой».

Он опять прикоснулся к моей щеке, и я тут же забыла свои переживания, сбита еще одной волной желания, прокатившейся по моему неподвижному телу.

Все эти эмоции были такими сильными, что я никак не могла поток каждой мысли направить в верный отдел моего мозга. Каждая новость переполняла меня. Я вспомнила, как сказал однажды Эдвард — тем голосом, что был для меня сейчас лишь тенью от того кристально чистого и музыкального, что я слышала сейчас — что его вид, наш вид, очень легко отвлекается.

Теперь я понимала почему.

Я приложила невероятное усилие, чтобы сконцентрироваться. Мне надо было кое-что сказать. Кое-что очень важное. Очень осторожно, так осторожно, чтобы мое движение можно было хотя бы различить, я вытащила руку из-за спины, чтобы дотронуться до его щеки. Я запретила себе отвлекаться на жемчужный цвет моей руки, или на мягкий шелк его кожи, или на заряд, пробегающий через кончики моих пальцев.

Я уставилась в его глаза и в первый раз услышала свой собственный голос.

— Я люблю тебя, — сказала я, но прозвучало это так, будто пропела. Мой голос звенел и переливался будто колокольчик.

Его ответная улыбка ослепила меня куда больше сейчас, чем когда это

было в моей человеческой жизни, теперь это было очевидно.

— Как и я люблю тебя, — ответил он.

Он аккуратно взял мое лицо руками и притянул к себе, достаточно медленно, чтобы напомнить мне об осторожности. Он поцеловал меня мягко, легко будто шепот, а потом вдруг сильнее, страстно. Я попыталась помнить еще, что нужно быть нежнее с ним, но очень трудно было удержать что-то в голове, будучи охваченной чувством, сложно было удержать хоть какую-то конкретную мысль.

Опять было ощущение, что он никогда раньше не целовал меня, это был наш первый поцелуй. Ну и, на самом деле, он никогда раньше так не целовал меня.

Это опять заставило меня чувствовать себя виноватой. Ведь я же была связана контрактом. Я никак не должна была испытывать этого тоже.

Хотя мне и не нужен был сейчас кислород, мое дыхание сбилось и стало таким частым, будто бы я опять горела. Только это был совсем другой огонь.

Кто-то кашлянул, Эммет. Я моментально распознала этот звук, ухмыляющийся и прерывающий одновременно.

Я забыла, что мы не одни. И поняла что, то, как я обвилась вокруг Эдварда сейчас, вряд ли можно назвать приличным для общества.

Смущенная, я отступила на пол шага тем же неуловимым движением.

Эдвард, усмехнувшись, шагнул за мной, крепко обнимая меня за талию. Его лицо сияло — будто белое пламя просвечивало через бриллиантовую кожу.

Я сделала один ненужный вдох, что успокоить себя.

Насколько другим был этот поцелуй! Я посмотрела на выражение его лица, пока сравнивала свои разрозненные человеческие воспоминания с этим ясным и четким ощущением. Он выглядел...самодовольным.

— Ты постоянно сдерживался со мной, — обвинила я своим напевным голосом, прищурившись.

Он засмеялся, светясь от облегчения, все это — страх, боль, неопределенность, ожидание, все это было теперь позади для нас.

— Иногда это было просто необходимостью, — напомнил он мне, — теперь твоя очередь не сломать мне что-нибудь.

Он снова засмеялся.

Я нахмурилась, осознав, что смеется не только Эдвард.

Карлайл обошел Эммета и подошел ко мне, его глаза были лишь слегка тревожны, но Джаспер тенью встал за ним. Лицо Карлайла я тоже до этого никогда не видела. Мне пришлось моргнуть, было такое ощущение,

что я смотрю на солнце.

— Как ты себя чувствуешь, Белла? — спросил он.

Я думала над этим целых шестьдесят четыре секунды.

— Переполненной. Так много всего..., - произнесла я, прислушиваясь к звуку колокольчика в моем голосе.

— Да, пожалуй, все это сбивает с толку.

Я быстро кивнула, — Но я чувствую себя собой. Очень похожей. Я не ожидала этого.

Эдвард мягко сжал мою талию, — Я же тебе говорил.

— Ты хорошо себя контролируешь, — удивился Карлайл, — лучше, чем я ожидал, даже с учетом того, что умственно ты была ко всему готова.

Я подумала о заметных колебаниях моего настроения, о трудностях с концентрацией и прошептала, — я не уверена насчет этого.

Он серьезно кивнул и тут же его золотые глаза зажглись интересом, — Похоже, что в этот раз мы совсем не зря использовали морфин. Скажи, что ты помнишь о трансформации?

Я замешкалась, интуитивно отстраняясь от дыхания Эдварда, скользящего по моей щеке и посылающего электрические разряды по моей коже.

— Вокруг было так...темно до этого. Я помню, что ребенок не мог дышать...

Я посмотрела на Эдварда, моментально испугавшись своих воспоминаний.

— Ренесми здорова и в полном порядке, — уверил меня он с блеском, который я никогда раньше не видела в его глазах. Он произнес ее имя с придыханием. С благоговением. Так верующие люди говорят о своих богах.

— А что ты помнишь после этого?

Мне пришлось сосредоточиться на выражении своего лица, я никогда не была хорошим лжецом.

— Сложно вспомнить. Было очень темно. А потом...потом я открыла глаза и увидела все.

— Удивительно, — выдохнул Карлайл, его глаза сияли.

Жар пробежал по мне, и я ждала, когда он доберется до моих щек и выдаст меня с головой. А потом я вспомнила, что никогда больше не смогу покраснеть. Может быть это защитит Эдварда от правды.

Хотя Карлайлу лучше все-таки как-нибудь рассказать правду. Когда-нибудь. Если вдруг он снова соберется сделать кого-то вампиром. Эта вероятность была очень мала и позволяла мне не переживать так сильно по поводу своей лжи.

— Я хочу, чтобы ты подумала и рассказала мне все, что помнишь, — возбужденно сказал Карлайл, и я не могла удержать гримасу, появившуюся на моем лице. Я не хотела больше врать, потому что в любой момент могла проколоться.

И я не хотела вспоминать о своей агонии. В отличие от человеческих воспоминаний, эта часть была для меня абсолютно четкой, и я поняла, что совсем не хочу вспоминать о ней в деталях.

— Ох, прости, Белла, — тут же извинился Карлайл, — конечно, твоя жажда сейчас досаждаст тебе. Этот разговор может подождать.

До того, как он упомянул об этом, мне не казалось, что жажда неконтролируема. В голове было слишком много разных отделов. И отдельная часть моего мозга контролировала жажду, это было своего рода рефлексом. Также как раньше мой мозг контролировал моргание и дыхание.

Но упоминание Карлайла заставило жажду вырваться на первый план. Вдруг сухая боль в горле стала единственным, о чем я могла думать, она стала сильнее. Я обхватила горло рукой, как будто можно было смягчить снаружи горевшее внутри пламя. Кожа шеи под моими пальцами была странной. Гладкой, даже можно сказать, мягкой, но в то же время твердой, как камень.

Эдвард разжал руки и, взяв меня за другую руку, сказал, — Давай, поохотимся, Белла.

Мои глаза расширились, и боль в горле уступила место изумлению.

Я? Охотиться? С Эдвардом? Но....как? Я совершенно не знала, что делать.

Он увидел мою тревогу и ободряюще улыбнулся — Это легко, милая. Инстинктивно. Не переживай, я покажу тебе. Когда я не пошевелилась, он хмыкнул, и его брови поползли вверх, — Странно, а я ведь был уверен, что ты всегда очень хотела увидеть, как я охочусь.

Я засмеялась той доле юмора в его словах, что напомнила мне о наших туманных человеческих разговорах (часть меня в этот момент с удивлением слушала звучащие колокольчики). И тут же у меня отняло целую секунду времени, что вспомнить все первые дни общения с Эдвардом, чтобы убедиться, что я еще помню их и никогда не забуду. Я не ожидала, что вспоминать будет так трудно. Как будто разглядываешь что-то в мутной воде. Я знала, со слов Розали, что если буду достаточно часто вспоминать свое прошлое, то я не потеряю его со временем. Я не хотела бы забыть ни одной минуты, проведенной с Эдвардом, даже сейчас, когда перед нами была открыта вечность. Я хотела убедиться, что мои человеческие

воспоминания нашли себе место в моем безупречном разуме вампира.

— Ну, так как? — спросил Эдвард. Он потянулся, чтобы убрать руку, все еще сжимавшую мое горло. Его пальцы погладили меня по шее, — Я не хочу, чтобы тебе было больно.

Он это сказал так тихо, что раньше я ни за что не услышала бы его.

— Я в порядке, — сказала я медленно, как привыкла говорить раньше, — Подожди. Сначала...

Было так много всего. У меня было так много вопросов. Так много гораздо более важных вещей, чем боль.

— Да? — спросил Карлайл.

— Я хочу ее увидеть. Ренесми.

Было невероятно трудно произнести ее имя. Моя дочь, эти слова было трудно произнести даже в мыслях. Все это было так далеко. Я пыталась вспомнить, что чувствовала три дня назад, и автоматически, высвободив руки из рук Эдварда, я обняла свой живот.

Плоский. Пустой. Я подняла светлый шелк, прикрывавший мою кожу, паникуя снова, в то время пока другая часть моя сознания успела понять, что Элис меня одела.

Я знала, что ничего не осталось внутри меня, и я едва-едва помнила ту кровавую сцену извлечения ребенка, но физическое тому доказательство было сложно осознать. Все, что я знала это то, что я любила того маленького «футболиста» внутри меня. Вне меня она была тем, что я могла только представлять себе. Прекрасная мечта — мечта, которая была наполовину кошмаром.

Пока я разбиралась в своих чувствах, Эдвард и Карлайл обменялись осторожным взглядом.

— В чем дело? — спросила я.

— Белла, — мягко сказал Эдвард, — Это не очень хорошая идея. Она ведь наполовину человек, милая. Ее сердце бьется, и кровь бежит по ее венам. Пока твоя жажда не находится под твердым контролем... Ты же не хочешь подвергнуть ее опасности, верно?

Я нахмурилась. Естественно, этого я не хотела.

Было ли мне сложно себя контролировать? Ну, скажем, да. Была ли я рассредоточена, да. Но опасна? Для нее? Для моей дочери? Я не могла сказать, что ответом однозначно будет «нет». Придется мне набраться терпения. Это будет трудно.

Потому что пока я не увижу ее снова, она не станет реальностью. Она будет лишь прекрасной мечтой...о неизвестном...

— Где она? — я усиленно прислушивалась, и услышала, как бьется

сердце этажом ниже. Я слышала дыхание больше, чем двух человек, тихое, будто они тоже слушали. Также был звук какого-то дрожания, треньканья, который я не знала к чему отнести... А звук сердцебиения бы такой влажный, такой зовущий, что мой рот тут же наполнился слюной.

Да, мне определенно придется научиться охотиться прежде, чем я увижу ее. Мою странную малышку.

— Розали с ней?

— Да, — резко ответил Эдвард, и я увидела, что что-то, о чем он думает, расстраивает его. Я думала, что теперь у них больше нет разногласий. Неужели их враждебность не исчезла? До того, как я успела спросить, он убрал мои руки с живота, и опять мягко потянул.

— Подожди, — снова запротестовала я, стараясь сосредоточиться, — А что там с Джейкобом? И Чарли? Расскажи мне все, что я пропустила. Как долго я была... без сознания?

Похоже, Эдвард не заметил мою запинку перед последним словом, он в очередной раз обменялся тревожным взглядом с Карлайлом.

— Что не в порядке? — прошептала я.

— Все в порядке, — сказал Карлайл, произнося последнее слово с какой-то странной интонацией, — На самом деле почти ничего не изменилось. Ты пропустила всего два дня. Это было очень быстро, с учетом того, как обычно это происходит. Эдвард отлично сработал. Проявил изобретательность, ввести яд напрямую в твое сердце было его идеей, — он замолчал и с гордостью улыбнулся своему сыну, затем вздохнул, — Джейкоб все еще здесь, а Чарли думает, что ты все еще больна. Он думает, что сейчас ты в Атланте, проходишь обследование в Центре контроля за заболеваниями. Мы дали ему неверный номер, так что он немного в растерянности. Он разговаривал с Эсме.

— Я должна позвонить ему, — пробормотала я сама себе, но, услышав свой новый голос, я осознала новые трудности. Он не узнает мой голос. Это не переубедит его. Тут же до меня дошел смысл первой новости, — Стойте-ка, Джейкоб все еще здесь?

Опять обмен взглядами.

— Белла, — быстро сказал Эдвард, — говорить можно очень долго, а для начала нужно позаботиться о тебе. Тебе должно быть больно...

Когда он сказал об этом, я опять вспомнила о жжение в своем горле и конвульсивно сглотнула.

— Но Джейкоб...

— У нас мировой запас времени, дорогая, — напомнил он мне мягко.

Конечно, я смогу немного подождать ответов, будет гораздо легче

слушать их, когда жестокая боль от иссушающей жажды не будет больше отвлекать меня, — Ладно.

— Стоп, стоп, стоп, — закричала Элис от двери. Она протанцевала через комнату, фантастически грациозно. Так же, как это было с Эдвардом и Карлайлом, я уставилась на ее лицо, будто видела впервые. Такая хорошенькая.

— Вы обещали мне, что я буду присутствовать при этом в первый раз. Вдруг вы двое что-нибудь пропустите.

— Элис.... — запротестовал Эдвард.

— Это займет всего секунду! — и с этими словами Элис исчезла из комнаты.

— О чем это она говорит?

Но Элис уже вернулась, она тащила огромное зеркало с позолоченной рамой из комнаты Розали, зеркало было в два раза ее выше и в несколько раз шире.

Джаспер был тих и медлителен, что я даже и не замечала его, пока он двигался вслед за Карлайлом. А вот сейчас он подошел к Элис, прикрывая ее, изучая выражение моего лица. Потому что я представляла собой опасность.

Я знала, что он постоянно сканирует атмосферу моего настроения вокруг меня, и что теперь он знает о том шоке, который я испытала, впервые тщательно разглядывая его лицо.

Моим незрячим человеческим глазам его шрамы, полученные им на Юге от армии новообращенных, были практически невидимы. Только при ярком свете, когда их едва проступающие края позволяли разглядеть их местонахождение, я видела их.

А вот теперь я могла видеть, что шрамы Джаспера являются его самой основной чертой. Мне было сложно отвести глаза от его изуродованной шеи и нижней челюсти, сложно было поверить, что даже вампир мог выжить от того количества зубов, что когда-то вцепилось в его горло. Инстинктивно, я попыталась защитить себя. Любой вампир, увидевший Джаспера, сделал бы то же самое. Эти шрамы были как рекламный плакат. Опасно, кричали они. Как много вампиров пыталось убить Джаспера? Сотни? Тысячи? А сколько еще погибло в попытках укусить? Джаспер увидел и почувствовал мой ужас, мою тревогу за себя, и усмехнулся.

— Эдвард заставил меня не показывать тебе зеркало до свадьбы, — сказала Элис, отвлекая меня от своего пугающего возлюбленного, — но теперь избавиться от меня не удастся.

— Избавиться от тебя? — скептически спросил Эдвард, приподняв

бровь.

— Может я и преувеличиваю, — пробормотала она рассеянно, поворачивая ко мне зеркало.

— А может, ты это делаешь для этого, чтобы самой получить определенное удовольствие? — предложил он.

Элис подмигнула ему.

Я едва следила за их диалогом. Большая часть меня была сосредоточена на том, кого я видела в зеркале.

Первой моей реакцией было бездумное любование. То незнакомое существо в зеркале было неопишимо прекрасно, настолько же прекрасно, как Элис и Эсме. Она впечатляла, даже не двигаясь, ее совершенное лицо было бледным как луна в сравнении с обрамлением из темных, тяжелых волос. Все остальные части тела были гладкими и сильными, они слегка переливались, сияя будто жемчужины.

Второй моей реакцией был ужас.

Кто это? На первый взгляд, я нигде не могла найти ничего похожего на себя в этих гладких совершенных чертах. А ее глаза? Хотя я и знала, чего ожидать, но от них меня пронзал ужас. Все это время пока я стояла и реагировала на отражение, ее лицо там было совершенной композицией, изображением богини, и в нем совершенно не отражалась буря эмоций, царившая внутри меня. А потом вдруг ее губы шевельнулись.

— Глаза? — прошептала я, не в состоянии произнести слово «мои», — Это надолго?

— Они потемнеют через несколько месяцев, — сказал Эдвард успокаивающим голосом, — кровь животных меняет цвет глаз быстрее, чем диета из человеческой крови. Сначала они становятся янтарными, а потом золотыми.

Мои глаза будут гореть этим ужасным алым огнем месяцами?

— Месяцы? — мой голос стал выше от страха. В зеркале ее идеальные брови изумленно изогнулись над святающимися кроваво-красными глазами — такими яркими, какие я никогда раньше не видела.

Джаспер сделал шаг вперед, встревоженный интенсивностью моего внезапного испуга. Он знал молодых вампиров слишком хорошо, неужто эта эмоция была расценена им как выход из себя? На вопрос мне никто не ответил. Я обернулась на Эдварда и Элис. Их взгляды были рассеяны, они оба следили за тем, что последует за реакцией Джаспера. Слушая, каждый за по-своему, что случится в ближайшее будущее.

Я сделала еще один глубокий, ненужный вдох.

— Я в порядке, — пообещала я им. Мои глаза мельком вернулись к

той, что отражалась в зеркале, — Просто...надо ко многому привыкнуть.

Бровь Джаспера изогнулась, поднимая два шрама над его левым глазом.

— Я не знаю, — пробормотал Эдвард.

Женщина в зеркале нахмурилась, — Какой вопрос я пропустила?

Эдвард ухмыльнулся, — Джасперу любопытно, как ты это делаешь.

— Делаю что?

— Контролируешь свои эмоции, Белла, — ответил Джаспер, — я никогда раньше не видел, чтобы новообращенный мог вот так останавливать вспыхивающие эмоции. Ты была расстроена, но как только ты увидела нашу настороженность, ты тут же справилась с этим, совладала с собой. Я был готов помочь, но тебе это не понадобилось.

— Это не правильно? — мое тело тут же замерло, ожидая вердикта.

— Нет, — ответил он, но в его голосе не было уверенности.

Эдвард провел рукой по моей руке, привлекая к себе внимание, — это очень впечатляюще, Белла. Но мы этого не понимаем. Мы не знаем, как долго это продлится.

Я задумалась на секунду. Могу ли я сорваться с любой момент? И превратиться в монстра? Я не могла почувствовать ничего подобного... может быть нельзя было спрогнозировать подобные моменты.

— Ну, так что ты скажешь? — нетерпеливо спросила Элис, показывая на зеркало.

— Я не уверена, — замешкалась я, не желая показывать, насколько на самом деле я была испугана.

Я уставилась на прекрасную женщину с ужасными глазами в поисках себя. Там было что-то в форме ее губ, если пробиться через всю эту красоту, то можно было увидеть, что ее верхняя губа была чуть-чуть больше, чем надо, чтобы гармонировать с нижней. Обнаружение этой одной знакомой мне особенности дало мне почувствовать себя немного лучше. Может и вся остальная я тоже была где-то здесь. Я, пробуя, подняла руку, и женщина в зеркале скопировала мое движение, поднеся руку к щеке, ее глаза смотрели на меня с беспокойством.

Эдвард вздохнул.

Я повернулась к нему, отвернувшись от нее и приподнимая бровь.

— Разочарован? — мой голос зазвенел звонче.

Он засмеялся. Да, — согласился он.

Я почувствовала, как шок разбивает напрочь мою совершенную маску, следуя за приливом жара.

Элис фыркнула. Джаспер вновь двинулся вперед, ожидая, когда я

взорвусь.

Но Эдвард проигнорировал их обоих, он крепко обнял мою застывшую фигуру и поцеловал в щеку.

— Я то надеялся, что может быть смогу слышать твои мысли тогда, когда твой разум станет более похож на мой, — пробормотал он, — но вот опять, я стою и ничего не понимаю, гадая, что там может происходить в твоей голове.

Мне сразу стало лучше.

— Ну, что ж, — легко сказала я, радуясь, что мои мысли все еще только мои, — я думаю, что мой мозг никогда не будет работать правильно. По крайней мере, я красива.

Было гораздо легче шутить с ним, когда я адаптировалась, начала думать в привычном русле. Стала собой.

Эдвард прошептал мне в ухо, — ты никогда еще не была так невероятно красива.

Тут же его лицо отдалилось от моего и он вздохнул.

— Ладно, ладно, — ответил он кому-то.

— Что? — спросила я.

— Из-за тебя Джаспер постоянно напряжен, он сможет немного передохнуть, когда ты поохотишься.

Я посмотрела на обеспокоенное лицо Джаспера и кивнула. Мне бы не хотелось выйти из себя здесь, если бы уж я не смогла сдержаться. Лучше быть окруженной деревьями, чем семьей.

— Ладно. Давайте поохотимся, — согласилась я, нервная дрожь от предчувствия сжала мой желудок. Я разжала руки Эдварда, обнимавшие меня, взяла его за руку и повернулась обратно к той странной и прекрасной женщине в зеркале.

Глава 21

Первая охота

— Через окно? — Спросила я, поглядывая на землю двумя этажами ниже.

На самом деле я никогда не боялась высоты, но способность видеть все детали с такой ясностью, делала подобную перспективу малопривлекательной — камни внизу казались острее, чем я предполагала.

Эдвард улыбнулся.

— Это самый удобный выход. Если боишься, могу понести тебя.

— В нашем распоряжении целая вечность, а ты волнуешься о времени, которое потеряешь, если выйдешь через черный ход?

Он немного нахмурился.

— Ренесме и Джейкоб сейчас внизу.

— Ох.

Да, теперь я была монстром, мне приходилось держаться подальше от запахов, которые могли бы разбудить во мне мою дикую сущность, особенно от людей, которых я люблю и даже от тех, кого я не знаю.

— Думаешь, с Ренесме будет все в порядке, пока она вместе с Джейкобом? — прошептала я. Я догадалась, что тихий стук, который я слышала ранее, был сердцебиением Джейкоба. Я напрягла слух, но смогла услышать только одно устойчивое биение сердца, — Мне кажется, он ее недолюбливает...

Эдвард поджал губы.

— Поверь мне, она в полной безопасности. Я ведь знаю, о чем думает Джейкоб.

— Конечно, — буркнула я и снова взглянула вниз на землю.

— Боишься? — допытывался он.

— Немного. Я не знаю, как...

Я чувствовала позади себя свою семью, они спокойно наблюдали. Ну, почти. Эмметт уже не мог сдерживать хихиканье. Одна моя ошибка, и он начнет кататься по полу от смеха. И тогда начнутся шутки о самом неуклюжем вампире на свете.

Проблема была еще и в платье, которое должно быть Элис надела на меня, когда происходило мое перевоплощение. Я этого даже не заметила. Однако это платье совершенно не подходило для охоты или прыжков. Облегающее, шелковое, холодного синего цвета. Интересно, она и впрямь

считает, что оно мне понадобится? Может вечером планируется коктейльная вечеринка?

— Смотри на меня, — сказал Эдвард. Затем, совершенно небрежно сделал шаг от высокого открытого окна и прыгнул вниз.

Я внимательно следила, пытаюсь запомнить даже то, под каким углом он согнул колени, чтобы смягчить падение. Звук его приземления был очень мягким и приглушенным, таким, какой обычно издает осторожно прикрытая дверь или аккуратно положенная на стол книга.

Это выглядело довольно просто.

Стиснув зубы и сконцентрировавшись, я попыталась повторить его «шаг в пустоту».

Ха! Казалось, что земля приближается ко мне настолько медленно, что мне ничего не стоило спокойно на нее ступить. Интересно, во что обула меня Элис? Шпильки?! О чем она только думала?! Но, как ни странно, даже в них приземление оказалось легким, словно обычный шаг на ровной поверхности. Я постаралось приземлиться на носочки, чтобы не отбить пятки.

Мое приземление было таким же тихим, как у Эдварда. Я усмехнулась.

— Действительно, легко.

Он улыбнулся мне.

— Белла?

— Да?

— Это было очень грациозно. Даже для вампира.

Какое—то мгновение я обдумывала его слова, а потом просияла. Если бы он сказал это с сарказмом, Эмметт бы уже смеялся. Но его слова никому забавными не показались, значит он действительно сказал правду. Первый раз в жизни кто-то назвал меня грациозной, ну или впервые с тех пор, как я существую.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Потом сбросив свои серебристые туфли, я забросила их обратно в открытое окно. Возможно с небольшим трудом, но я услышала, как кто—то поймал их до того, как они повредили деревянную обшивку.

Элис проворчала:

— Похоже, чувство стиля у нее не намного улучшилось, в отличие от чувства равновесия.

Эдвард взял мою руку (я не переставала поражаться тому, насколько гладкой и необычайно привычной температуры была его кожа) и помчался через задний двор к берегу реки. Я тотчас последовала за ним.

Любое движение давалось с чрезвычайной легкостью.

— Нам придется плыть? — спросила я, когда мы остановились у воды.

— И испортить твоё прелестное платье? Ну уж нет. Мы перепрыгнем.

Я прикусила губу, сосредотачиваясь. Река тут была пятнадцать ярдов в ширину.

— Ты первый, — предложила я.

Он коснулся моей щеки, затем отошел на два шага назад, и, разогнавшись, оттолкнулся от плоского камня, плотно врытого в берег реки.

Я наблюдала за его стремительными движениями, от начала прыжка через воду, до того момента, пока он не исчез за толстыми деревьями с другой стороны реки.

— Ты где? — пробормотала я и услышала его смех.

Я на всякий случай отошла назад на пять шагов, и глубоко вздохнула.

Неожиданно во мне вновь проснулось беспокойство, но не о том, что упаду или разобьюсь, меня больше волновала сохранность леса.

Я медленно шла вперед, и ощущала как грубая, колоссальная сила скапливается в каждой клеточке тела. Неожиданно я почувствовала уверенность в том, что если бы мне захотелось сделать туннель под рекой, пробив его прямо в скале, чтобы преправиться на тот берег, это не заняло бы много времени. Все вокруг меня вдруг стало казаться такими хрупкими: деревья, кусты, дом...

Понадеявшись на то, что Эсме не особо нравятся деревья вдоль реки, я приготовилась к прыжку, но тут же затормозила, когда туго натянутый атлас платья разошелся на бедре. Элис!

Ну, оставалось лишь надеяться, что ее не очень расстроит порванная шмотка, особенно если учесть, что Элис все равно выбрасывала недорогую одежду, пусть и всего лишь раз ношеную.

Одним небольшим усилием я разорвала платье по шву до самого бедра. То же самое проделала с другой стороны, для симметричности.

Ну вот, так то лучше.

Из дома до меня донесся смех. Не только со второго этажа, но и с первого — я сразу отличила этот грубоватый, хриплый смешок от всех остальных, по тому, как скрипнули стиснутые зубы.

Джейкоб тоже наблюдал? Я не представляла себе, о чем он сейчас думает или чем занимается. Могла лишь вообразить нашу встречу, если конечно он простит меня, тогда я уже буду гораздо спокойней и уверенней в себе, а время успеет залечить сердечные раны, которые я же ему и нанесла.

Я не обернулась, чтобы взглянуть на него, боялась потерять настрой. Нельзя позволить чувствам настолько овладеть мной, чтобы потерять над

собой контроль. Страхи Джаспера перекинулись и на меня. Чтобы спокойно находиться с кем-то рядом, мне требовалось хорошо поохотиться. Я попыталась выкинуть из головы лишние мысли, и сосредоточиться.

— Белла? — из леса раздался голос Эдварда, он возвращался, — Если хочешь, покажу еще раз?

Нет уж, я прекрасно все запомнила, и разумеется, мне бы не хотелось давать Эмметту лишний повод для шуток. У меня должно все получиться просто подсознательно. Я глубоко вздохнула и побежала к реке.

Юбка мне больше не мешала, так что я оказалась у воды в одно мгновение. Всего лишь миг, показавшийся вечностью, мои глаза и ум двигались так быстро, что одного шага оказалось достаточно. Все оказалось очень просто — сначала поставить правую ногу на камень и, оттолкнувшись, направить тело прямо в воздух. Направление я выбрала точное, а вот силу не рассчитала. Расстояние в пятнадцать ярдов оказалось плевым делом. ^[13]

Это было странное, головокружительное, незабываемое, но очень короткое мгновение. Не прошло и пары секунд, как я уже была на другой стороне.

Я ожидала, что у меня возникнут проблемы с деревьями на том берегу, но они, к моему удивлению, оказались весьма кстати. Это оказалось просто — приближаясь к земле, уверенно протянуть руку и схватиться за удобную расположенную ветку. Я легко качнулась на суку и опустилась на другую ветвь ели, в пятнадцати футах от земли. ^[14]

Это было невероятно.

Сквозь восторженный смех, я услышала, как Эдвард ищет меня. Мой прыжок был вдвое дальше его. Он добрался до моего дерева, глядя широко распахнутыми от удивления глазами. Я перемахнула на ветку поближе, бесшумно приземлившись.

— Я справилась? — В моем голосе слышалось радостное возбуждение.

— Справилась, и просто превосходно! — Он одобрительно улыбнулся, стараясь скрыть удивление за будничным тоном.

— Может попробуем еще раз?

— Белла, сосредоточься, мы же на охоте.

— Ох, верно, — пробормотала я, — на охоте.

— Следуй за мной... — усмехнулся он, на лице играла усмешка, — ... Если сможешь — и в то же мгновение сорвался с места.

Он был быстрее меня. Я не могла представить, как ему удастся

передвигаться с такой невероятной скоростью. Но я была сильнее, и каждый мой шаг был длиннее одного его в три раза. Мы летели сквозь зеленую паутину леса. Во время бега, я не могла сдерживать тихий восторженный смех. Но он мне совершенно не мешал.

Теперь я понимала, почему Эдвард никогда не врывается в деревья. Это был один из самых потрясающих моментов, баланс между скоростью и ясностью завораживал подобно невероятному чуду. Я думала, что во время стремительного бега весь окружающий мир размоется, превращаясь в одно нечеткое пятно, но, оказалось, что я прекрасно могла видеть каждый крохотный листик на любом кусте, который миновала.

Ветер развевал мои волосы и платье. И даже понимая, что такого не может быть, я чувствовала как по моей коже разливается тепло. Так же, как грубая лесная почва не должна была походить на бархат, когда я касалась ее своими босыми ступнями, так же как хлеставшие меня ветки не должны были быть похожи на ласковые перышки.

Лес был живой, я даже не подозревала о существовании всех тех маленьких букашек, которые сидели на листьях, все они замолкали, когда мы проносились мимо них, замирая от страха. Животные более трезво относились к нашему запаху, чем люди. Конечно, все это производило на меня впечатление.

Я ждала, когда начнется отдышка, но мне дышалось легко. Я ждала боли в мускулах, но моя сила, казалось, только возрастала. Я увеличила скорость, и теперь Эдварду приходилось поспевать за мной. Из груди вырвался ликующий смех. Эдвард отставал. Мои ноги так редко касались земли, что это больше походило на полет, чем на бег.

— Белла, — позвал он меня небрежно, даже с ленцой. Я больше ничего не слышала, значит он остановился.

Было жаль останавливаться, но, вздохнув, я развернулась и легко подбежала к нему выжидательно глядя в его глаза. Эдвард улыбался, приподняв одну бровь. Он был так прекрасен, что мне оставалось только смотреть на него, не в силах отвести взгляд.

— Ты остаешься в стране? — спросил он, — или планировала побывать сегодня в Канаде?

— Было бы неплохо, — согласилась я, уделяя больше внимания не тому, что он говорил, а тому, как двигались его губы, вовремя разговора. Было трудно отвести взгляд, настолько все теперь выглядело иначе, — На кого мы будем охотиться?

— На лосей, для начала надо выбрать что-нибудь полегче. — Ему

понравилось, как я сузила глаза на слове «полегче».

Но я не собиралась спорить. Жажда была очень сильной. Стоило мне обратить внимание на сухое жжение в горле, как оно стало единственным, о чем я могла думать. Определенно становилось хуже. По силе жажды можно было подумать, что я нахожусь в июньский полдень где-нибудь посреди пустыни.

— Ну и где они? — спросила я, нетерпеливо осматривая деревья. Теперь, когда я вспомнила о своих потребностях, казалось, что они заменили все остальные мысли в моей голове, вытесняя более приятные, например о беге, губах Эдварда, и поцелуях, и ... это невыносимо. Я не могла избавиться от этого навязчивого ощущения.

— Подожди минутку, — сказал он, положив руки мне на плечи. От его прикосновения настойчивая жажда сразу же отступила.

— Теперь, закрой глаза, — прошептал он. Подчинившись, я почувствовала, как он сжал мое лицо в ладонях, поглаживая пальцами скулы. Я ощутила, как участилось дыхание и ждала проявления румянца, которого разумеется не было.

— Слушай, — учил меня Эдвард, — Что ты слышишь?

Я могла ответить только то, что слышу его великолепный голос, его дыхание, движение его губ, когда он говорил, щебетание птиц, сидящих на вершинах деревьев, биение их сердец, шелест листьев, тихое копошение муравьев, следующих друг за другом по длинному стволу ближайшего дерева. Но я понимала, что он подразумевает нечто определенное, и позволила своим ощущениям освободиться, ища звуки, отличающиеся от этого тихого гама, окружавшего меня. Рядом с нами было открытое пространство и звуки, доносившиеся оттуда, немного отличались. Там, возле шума воды и лакающих языков, слышались сердцебиение и ток крови, бегущей по венам.

Спазм сдавил мое горло.

— Недалеко от устья реки, на северо-запад? — спросила я, стоя с закрытыми глазами.

— Да, — ободряюще согласился он, — Теперь, дождись ветра, что ты чуешь?

В основном его — этот странный медово—лавандово-солнечный парфюм, еще насыщенный, земляной запах гнили, моха, смолы, вечнозеленых растений, теплый, но очень резкий аромат мелких грызунов, копошащихся внизу, у корней. А потом я почувствовала запах воды, которая была крайне непривлекательна, несмотря на испытываемую мной жажду. Я сфокусировалась на запахах у воды и нашла тот, который сопровождал

биение сердца и ток крови. И еще один запах, сильный и терпкий, более мощный, чем остальное и настолько же непривлекательный, как запах ручья. Я сморщила нос.

Эдвард засмеялся, — Знаю, это не так то просто.

— Три? — предположила я.

— Пять, еще двое в лесу, позади остальных.

— Что мне надо делать?

— А что бы ты сделала? — в его голосе слышалась улыбка.

Я задумалась, мои глаза все еще были закрыты. Я вслушивалась, потягивая носом воздух. Меня снова опалила жажда, вторгающаяся в мое сознание — неожиданно теплый, острый аромат уже не казался таким отталкивающим. Рот наполнился слюной, я распахнула глаза.

— Не думай об этом, — посоветовал он, как только убрал руки от моего лица и сделал шаг назад, — Просто следуй инстинктам.

Я позволила себе идти за запахом к месту, откуда он исходил. Тело машинально подалось вперед. Притаившись в кустах папоротника, растущего между деревьев, я увидела крупного самца с огромными ветвистыми рогами. Возглавляя четырех других, он медленно вел их на восток через лес.

Я сосредоточилась на запахе особи мужского пола, на его шее, где пульсация ощущалась наиболее сильно. Всего тридцать ярдов разделяли нас. Два или три прыжка. Я приготовилась к атаке, мои мускулы напряглись.

Ветер переменялся и усилился, дуя с юга. Мчась за деревьями, я не прервалась для раздумий, стараясь не отвлекаться от намеченного — загнать лося вглубь леса. Приближаясь, я, вдруг, уловила новый аромат, такой привлекательный и не оставляющий выбора, действующий на меня как принуждение.

Запах полностью захватил меня. У меня была четкая цель, я выслеживала ее в надежде на утоление жажды. Голод усиливался, но сейчас он был настолько болезненным, что заглушал все мои мысли, напоминая о яде в моих венах.

Была только одна вещь, способная завладеть моим вниманием. Инстинкт более сильный, чем жажда — инстинкт защищаться от опасности. Самосохранение.

Неожиданно я заметила, что меня преследуют. Притяжение запаха воевало с импульсом повернуться и не дать противнику напасть на мою жертву. Непонятный звук вырвался из моей груди, рот приоткрылся в оскале, предупреждающе обнажая клыки. Я помедлила, необходимость

защищать тыл боролась с желанием утолить жажду.

А затем я услышала, как мой преследователь ускорил движение, и желание защитить себя победило.

Дикое рычание, вырвавшееся из моего собственного горла, было таким неожиданным, что я резко остановилась. Это вывело меня из равновесия, и я секунду приходила в себя, пытаясь взять жажду под контроль, несмотря на то, что она все нарастала.

Ветер применился и сейчас обдувал мое лицо ароматом сырой земли и приближающегося дождя, освобождая от влияния запаха, который был настолько великолепным, что не оставлял никаких сомнений в том, что он принадлежит человеку.

Эдвард оказался в паре футов от меня, его руки поднялись и обхватили меня, стараясь задержать. Он настороженно смотрел, как я замираю от страха.

Осознав, что чуть не атаковала его, я рывком выпрямилась из своей оборонительной позиции. Я задержала дыхание, опасаясь, что аромат вернется с юга.

Эдвард увидел, как способность рассуждать возвращается ко мне, и отступил, опуская руки.

— Мне надо убраться отсюда, — прошипела я, используя воздух, оставшийся в легких.

На его лице отразился шок:

— Ты можешь уйти?

У меня не было времени спрашивать, что он хотел этим сказать. Я знала, что возможность мыслить здраво будет длиться ровно столько, сколько я смогу не думать о...

Я сорвалась с места и побежала на север, сосредоточившись исключительно на чувстве ошутимого лишения, которое, казалось, было единственной реакцией моего тела на отсутствие воздуха. Моей единственной задачей было убежать достаточно далеко, чтобы потерять этот запах, чтобы его было невозможно найти, даже если очень захочу.

Я снова поняла, что меня преследуют, но на этот раз я держала себя в руках. Я пыталась побороть свой инстинкт дышать воздухом, используя запахи, витающие в воздухе, для того, чтобы убедиться в том, что это был Эдвард. Мне не пришлось долго с собой бороться, я бежала так быстро, как никогда прежде, словно комета по самой прямой траектории, которую могла разглядеть среди деревьев. Эдвард догнал меня через минуту. Внезапно ко мне пришла мысль. Я остановилась. Я была уверена, что там, где я стояла, было уже безопасно, но на всякий случай я снова задержала

дыхание.

Эдвард промелькнул мимо, удивленный моей внезапной остановкой. Развернулся и в ту же секунду уже был рядом со мной. Он положил руки мне на плечи, пристально глядя в глаза. Выражение его лица по прежнему было удивленным, даже шлокированным.

— Как ты это сделала? — требовательно спросил он.

— Но ты бы все равно вовремя меня остановил, разве не так? — потребовала я в ответ, игнорируя вопрос. — Я думала, что поступаю правильно!

Когда я открыла рот и сделала первый вдох, я поняла, что в нем больше не витало того запаха, разжигающего мою жажду. Я глубоко вздохнула.

Он пожал плечами и встряхнул головой, не желая сдаваться.

— Белла, как ты сделала это?

— Убежала?

— Да, как ты прекратила охоту?

— Когда ты подошел сзади... прости меня.

— Почему ты извиняешься? Это я был неосторожен. Я не думал, что кто-то отойдет так далеко от тропы! Мне надо было сначала проверить. Какая глупая ошибка! Тебе незачем извиняться.

— Но я рычала на тебя, — я все еще была напугана тем, что физически была способна на такое.

— Конечно, ты зарычала, но сделала это неосознанно, и я не понимаю, как ты смогла убежать.

— А что еще мне оставалось делать? — удивленно спросила я. Его позиция шокировала меня, он что, хотел, чтобы я напала? — Это ведь мог быть тот, кого я знаю!

Эдвард смотрел на меня и, внезапно запрокинув голову, разразился громким смехом.

— Что смешного?

Он осекся и снова насторожился.

Держи себя под контролем, сказала я сама себе. Мне приходилось контролировать свою вспыльчивость, как будто я была молодым оборотнем, а не вампиром.

— Я не над тобой смеюсь, Белла, все дело в шоке. И я в шоке, потому что ... просто поражен.

— Почему?

— Ты не должна была делать ничего подобного, и не могла быть такой... рациональной. Ты не должна стоять сейчас со мной и спокойно,

без всяких эмоций разговаривать. И еще ты не должна была прерывать охоту, почуяв в воздухе запах человеческой крови. Даже зрелым вампирам удается это с трудом, мы всегда очень осторожны с выбором места охоты, и стараемся не подвергать себя искушению. Белла, ты ведешь себя так, будто тебе уже несколько десятилетий, а не один день.

— Ох, — но я понимала, что будет трудно, поэтому и была осторожна, я знала, что начнутся сложности.

Он обхватил ладонями мое лицо, сияя от восторга.

— Я бы многое отдал, чтобы хоть ненадолго заглянуть в твои мысли.

Так много эмоций. Я была подготовлена к невыносимой жажде, но не к этому. Я была уверена, что после превращения его прикосновения покажутся мне другими, но я они казались мне такими же как и прежде.

Даже лучше.

Я начала водить пальцами по его лицу, чертя какие-то линии, замедлив движения у губ.

— Я думала, что теперь мои чувства притупятся? — Моя интонация сделала предложение вопросом, — Но все еще хочу тебя.

Он был поражен.

— Как ты можешь думать об этом? Тебя ведь должна мучить невыносимая жажда.

Конечно, она мучила меня, особенно когда он напомнил о ней.

Я попыталась сглотнуть и закрыла глаза, это помогало сконцентрироваться. Я дала волю чувствам, пытаюсь найти какой-нибудь другой ароматный запах.

Эдвард убрал руки с моих плеч, стараясь не дышать, пока я прислушивалась к лесу, в поисках запахов и звуков, необходимых мне. В воздухе был намек на какой-то непонятный запах, слабо тянущийся к востоку.

Я быстро распахнула глаза, по-прежнему сосредоточившись на своих чувствах, стрелой устремилась на восток.

Земля мелькала под ногами, я бежала в охотничьей манере, близко к земле, взбираясь на деревья, когда это было несложно. Я чувствовала сильнее, чем Эдвард, который тихо бежал за мной, позволяя лидировать.

Чем выше мы взбирались, тем меньше растительности было вокруг. Запах смолы усиливался, как и аромат жертвы, которую я преследовала. Он был теплый, более резкий чем у лося, но и более приятный. Спустя несколько секунд, я уже слышала как тихо передвигаются чьи-то большие лапы, звук был мягче чем звук копыт. Среди деревьев он был слышнее, чем на земле. Жертва была уже совсем близко. Машинально я вспрыгнула на

верхнюю ветку пихты, чтобы приобрести более выгодную позицию.

Прямо под собой я слышала мягкую поступь.... Краем глаза я заметила, а затем увидела ниже чуть левее меня коричнево-рыжую большую кошку,двигающуюся вдоль толстой ветки ели. Кот был большой, в четыре раза тяжелее меня. Его глаза были устремлены на землю, горный лев тоже охотился. Я уловила запах чего-то маленького, с очень нежным, по сравнению с моей жертвой, запахом. Хвост горного льва метался, в то время как он готовился к прыжку.

Легким прыжком я опустилась на спину льва. Почувствовав дрожь дерева, он начал вертеться, пронзительно заревев от неожиданности и терзая пространство между нами, его глаза горели яростью. Наполовину обезумевшая от жажды, игнорируя выставленные клыки и крючковатые когти, я бросила нас обоих на землю.

Это был неравный бой.

Его грозные лапы казались лишь ласковыми прикосновениями пальцев, зубы так и не сомкнулись на моем плече и горле. Я почти не чувствовала его веса. Мои зубы безошибочно отыскивали горло, и его инстинктивное сопротивление не шло ни в какое сравнение с моей силой. Я вонзила зубы в горло, где поток крови был самым сильным — это было так легко, словно нож сквозь масло. Как стальные лезвия, они прорезали мех, жир и сухожилия, будто их там и не было.

Аромат чуть изменился, но кровь была горячей и влажной, она успокаивала неровную, зудящую жажду, пока я жадно пила. Горный лев боролся все слабее и его рев стал походить на бульканье. Тепло крови согревало все мое тело, до кончиков пальцев рук и ног.

Я закончила со львом раньше, чем успела насытиться. Жажда по-прежнему не покидала меня, даже когда я высосала из зверя все до последней капли. Я с отвращением отпихнула его безжизненную тушу. Как я могу чувствовать жажду после всего этого?

Я выпрямилась одним резким движением. Поднявшись, я осознала, что надо привести себя в порядок. Я вытерла лицо тыльной стороной ладони и постаралась поправить платье. Когти, которые не смогли причинить вред моей коже, изрядно потрепали ткань.

— Хм... — донесся голос Эдварда. Я посмотрела в его сторону. Он стоял у ствола дерева, изучая меня с задумчивым видом.

— Думаю, что смогла бы сделать это лучше, — я была вся покрыта грязью, с спутанными волосами, кровавыми пятнами на платье, порванным в лохмотья. Эдвард никогда не возвращался с охоты в таком виде.

— Ты все сделала очень хорошо, — уверил он меня, — Просто.... За

этим было гораздо труднее наблюдать, чем я предполагал.

Я смущенно приподняла одну бровь.

— Это противоестественно, — объяснял он, — позволить тебе бороться с пумой. У меня все время было страстное желание вмешаться и атаковать.

— Глупо.

— Я знаю. Взрослых особей нелегко убивать. Но, тем не менее, мне нравится твое платье.

Если бы я умела краснеть, я непременно бы это сделала.

— Почему я до сих пор голодна?

— Потому что ты молода.

Я вздохнула, — Не думаю, что поблизости есть еще парочка горных львов.

— Но есть стадо оленей.

Я состроила гримасу, — Они не так хорошо пахнут.

— Травоядные. Хищники пахнут почти так же, как и люди, — объяснил Эдвард. — Мы можем вернуться, — сказал он торжественно. В его глазах горел дразнящий огонек.

— Кто бы там ни был в тот раз, ему уже нечего волноваться за свою жизнь. Но даже если бы ты им и повстречалась, ничего страшного в этом нет. — Его глаза снова пробежались по моему разорванному платью, — На самом деле они подумают, что уже умерли и попали на небеса, только увидев тебя.

Я закатила глаза.

— Пойдем, поохотимся на вонючих травоядных.

На пути к дому мы обнаружили большое стадо оленей. На этот раз Эдвард охотился вместе со мной, поскольку суть охоты мне уже была ясна. Я повалила одного большого самца, правда, наделав при этом столько же шума, как и со львом. Он уже заканчивал с двумя, пока я возилась с одним, при этом его волосы не были растрепаны, а на рубашке не видно ни пятнышка. Мы преследовали перепуганное стадо, но вместо того, чтобы утолять жажду, я наблюдала за Эдвардом, рассчитывая понять, как он делает все настолько аккуратно.

Каждый раз, когда я хотела, чтобы Эдвард не уходил от меня на охоту, мне было легче от уверенности, что видеть этот мир — страшно, ужасающе. Наблюдая за его охотой, я поняла, что он окончательно стал для меня вампиром.

Конечно, это была не лучшая перспектива для меня. Но я сомневалась, что даже мои человеческие глаза упустили бы всю красоту момента.

Это был потрясающе чувственный опыт наблюдать за тем, как охотиться Эдвард. Его прыжок был как гибкий удар змеи, руки излучали уверенность и силу — из них невозможно было вырваться. Его полные губы были идеальны, когда обнажали мерцающие зубы. Он был великолепен. Неожиданно я почувствовала прилив гордости и желания — он был моим, и ничто не могло нас разлучить. Мне потребовалось приложить усилия, чтобы его догнать. Он был очень стремителен.

Эдвард обернулся и встретился с моим, пожирающим его, взглядом.

— Больше не чувствуешь жажды? — спросил он.

Я пожала плечами.

— Ты отвлек меня. У тебя намного лучше получается охотиться.

— Века практики, — улыбнулся он. Сейчас его глаза излучали золотистое сияние.

— Всего один век, — поправила я его.

Он рассмеялся.

— Ты закончила на сегодня или хотела бы продолжить?

— Думаю, что это все, — в теле ощущалась определенная сытость, хотя я не знала сколько еще смогу выпить крови, тем не менее жажда, обжигающая мое горло, стала почти не уловимой. Однако я знала, теперь она будет неотъемлемой частью этой жизни и тем самым ухудшать ее.

Я поняла, что могу себя контролировать. Возможно, ощущение безопасности было ложным, но я чувствовала себя великолепно и не собиралась сегодня больше никого убивать.

Если бы мне не были подвластны все мои человеческие качества, могла бы я любить моего ребенка-полувампира и продолжать дружбу с оборотнем?

— Я хочу увидеть Ренесме, — Теперь, когда жажда была усмирена, мои прежние опасения вернулись. Я хотела сравнить незнакомку, которая была моей дочерью, с существом, которое я полюбила три дня назад. Было так странно, не ощущать ее внутри себя, это вызывало чувство опустошенности, мне было непросто.

Эдвард протянул мне руку. Я взяла ее, и его кожа показалась мне теплее, чем когда-либо, на его щеках разлился румянец, тени под глазами исчезли.

Я не могла побороть желание прикоснуться к его лицу — снова и снова.

Я забыла обо всем на свете, пока все мое внимание было обращено на его золотые глаза.

Хотя это было почти так же сложно, как и устоять от запаха человеческой крови, но я как-то сохранила необходимость быть

осторожной и настойчивой, когда поднялась на носочки и обвила его шею своими руками. Мягко.

В его движениях не было колебаний. Его руки обвили мою талию и притянули к себе, губы мягко впились в мои. Я ответила на поцелуй.

Как и раньше я почувствовала будто растворяюсь в нем, от прикосновений его кожи, его губ, его рук. Каждой частичкой моего тела. Я не могла представить, как можно любить сильнее.

Раньше мое сознание просто не могло вместить в себя такое количество любви. Мое старое сердце не было достаточно сильным, чтобы это выдержать.

Возможно, все это пришло ко мне в новой жизни. Как сострадание Карлайла и преданность Эсме. Я наверняка не смогу делать ничего выдающегося, как Эдвард, Элис или Джаспер. Может, я просто буду любить Эдварда больше, чем кто-либо любил за всю историю.

Я смогу жить с этим.

В моей голове пронеслись обрывки воспоминаний о наших ласках — мои пальцы в его волосах, черчение линий на его щеках — но все остальное было новым для меня. Он был новым. Это был совершенно иной опыт. Эдвард целовал меня без всяких опасений, так сильно. Я ответила так же страстно, и внезапно мы упали.

— Упс, — сказала я, а он рассмеялся, — Не думала, что получится так мощно. Все в порядке?

Он обескураженно посмотрел на меня.

— Даже лучше, чем в порядке.

— Ренесме? — спросил он неуверенно, пытаясь удостовериться, что это то, чего в настоящий момент я хочу больше всего. Довольно сложный вопрос, учитывая то, что мне хотелось очень много вещей одновременно.

Я догадывалась, что Эдвард не хотел возвращаться, было сложно думать о чем то еще, кроме нас двоих. Я чувствовала его кожей почти повсюду, ведь от платья действительно осталось очень мало. Но я думала о Ренесме, о том, какая она была до рождения, а какая сейчас. И мысли о ней стали похожи на сон. Все мои воспоминания о ней были человеческими. То, что я не видела моими нынешними глазами, казалось выдумкой.

Каждое мгновение воспоминания об этом маленьком человечке улетучивались.

— Ренесме, — согласилась я печально, и встала на ноги, потянув его за собой.

Глава 22

Обещанное

Разговоры о Ренесми перенесли её на центральное место в моем странном, новом, просторном, но возбужденном сознании. Так много вопросов.

— Расскажи мне о ней, — попросила я, как только он взял мою руку. То, что теперь мы шли вместе, почти не никак не отразилось на нашей скорости.

— Она единственная в своем роде, — сказал он мне, и отголоски почти религиозного трепета снова слышались в его голосе.

Я почувствовала острый укол ревности из-за этой незнакомки. Он знал ее, а я нет. Это было несправедливо.

— Насколько она похожа на тебя? Насколько на меня? Или хотя бы на такую, какой я была раньше.

— Она прекрасна в своей двойственности.

— Да, она же теплокровна, — вспомнила я.

— Да. У нее есть сердцебиение, хотя оно немного чаще человеческого. И ее температура немного выше обычно. А еще она спит.

— Правда?

— Весьма хорошо для новорожденной. Единственные родители в мире, которым не нужен сон, и наш ребенок, который спит всю ночь, — усмехнулся он.

Мне нравилось, как он произносит «наш ребенок». Слова делали ее более реальной.

— У нее точно твой цвет глаз — так что он не пропал, в конце концов, — он улыбнулся, — Они так красивы.

— А что в ней от вампира? — спросила я.

— Ее кожа, похоже, будет столь же непроницаемой как наша. Никому не хочется проверить это предположение.

Я моргнула, потрясенная его словами.

— Конечно, никто не будет проверять, — уверил он меня снова, — Ее питание... ну, она предпочитает пить кровь. Карлайл все еще пытается убедить ее выпить немного детской смеси, но она не проявляет к ней никакого интереса. Не могу сказать, что виню ее за это — смесь ужасно дурно пахнет, даже для человеческой пищи.

На этот раз, я уже в открытую уставилась на него — звучало, как будто

они могли вести с ней разговор.

— Убедить ее?

— Она невероятно, даже шокирующе, умна и развивается поразительно быстро. Не смотря на то, что она еще не говорит — у нее есть очень эффективный способ общения.

— Не говорит. Пока еще.

Он пошел медленнее, давая мне возможность все это осмыслить.

— Что ты имеешь в виду говоря, о ее эффективном общении? — потребовала я ответа.

— Я думаю, что тебе будет проще понять... если ты все увидишь своими глазами. Это достаточно трудно описать.

Я ненадолго задумалась. Я знала, что очень многое мне надо увидеть лично, и только тогда это станет для меня реальностью. Я не была уверена, на сколько еще меня хватит, и сменила тему разговора.

— Почему Джейкоб все еще здесь? — спросила я, — Как он выдерживает все это? Почему? — мой звонкий голос слегка дрожал, — Почему он должен страдать еще больше?

— Джейкоб не страдает, — сказал он странным тоном.

— Хотя возможно, я был бы не против изменить его состояние, — добавил Эдвард сквозь зубы.

— Эдвард! — прошипела я, дергая его, чтобы он остановился (и чувствуя удовлетворение от того, что была в состоянии сделать это).

— Как ты можешь говорить такое? Джейкоб отдал всё, чтобы защитить нас! Через что ему пришлось пройти из-за меня! — Меня передернуло от мутных воспоминаний стыда и вины. Теперь это казалось странным, что тогда я так сильно нуждалась в нем.

То чувство опустошенности, когда его не было рядом со мной, теперь исчезло, видимо, это была просто человеческая слабость.

— Ты увидишь именно то, о чем я говорю, — пробормотал Эдвард, — я обещал, что я позволю ему самому все объяснить, но сомневаюсь, что ты сможешь отнестись к этому иначе, чем я. Хотя, конечно, я часто ошибался относительно твоих мыслей, не так ли? — он посмотрел на меня, поджав губы.

— Объяснить что?

Эдвард покачал головой, — Я обещал. Хотя не знаю, должен ли теперь ему действительно что-нибудь, вообще хоть что-нибудь... — он стиснул зубы.

— Эдвард, я не понимаю, — расстройство и негодование брали надо мной верх.

Он погладил мою щеку и затем мягко улыбнулся, когда мое лицо просияло в ответ, желание на мгновение взяло верх над раздражением.

— Я знаю, что тебе намного тяжелее, чем ты хочешь это показать. Я помню.

— Мне не нравится чувствовать себя растерянной.

— Я знаю. И поэтому давай-ка доставим тебя до дома, чтобы ты смогла все увидеть сама, — его глаза пробежались по остаткам моего платья, пока он говорил о возвращении домой, и он нахмурился. — Хм-м.

Немного подумав, он расстегнул свою белую рубашку и, протянув её мне, помог просунуть руки в рукава.

— Настолько все плохо?

Он усмехнулся.

Я просунула руки в рукава и затем быстро застегнула рубашку над рваным лифом платья. Конечно, он остался без рубашки, и было невозможно не заметить этого обстоятельства.

— Наперегонки? — предложила я, и затем предостерегла, — не смей поддаваться на этот раз!

Он выпустил мою руку и усмехнулся, — По твоей команде...

Найти путь к моему новому дому было проще, чем спуститься вниз по улице Чарли к моему старому. Наш аромат оставил четкий след, по которому можно было бежать даже с такой скоростью.

Эдвард обгонял меня, пока мы не пересекли реку. Я рискнула и раньше него сделала прыжок, пытаясь использовать мою сверх силу, в расчете победить.

— Ха! — ликовала я, когда услышала, что мои ноги первыми коснулись травы.

Прислушиваясь к его приземлению, я вдруг уловила звуки, которые не ожидала здесь услышать. Что-то громкое и слишком близкое — бьющееся сердце.

Эдвард оказался около меня в ту же секунду, его ладони сильно сжали мои предплечья.

— Не дыши, — быстро предостерег он меня.

Я попыталась не паниковать, замерев на середине дыхания. Единственное чему я позволила двигаться, были мои глаза, я инстинктивно осматривалась, пытаясь найти источник звука.

Джейкоб стоял у кромки леса, где он переходил в лужайку у дома Калленов, его руки были скрещены на груди, зубы напряженно стиснуты. В лесу позади него, я услышала еще два больших бьющихся сердца, и слабый хруст папоротника, ломающегося под огромными лапами.

— Осторожнее, Джейкоб, — предупредил Эдвард. Рычание, доносившееся из леса, подтвердило беспокойство в его голосе, — Возможно, это не лучший способ.

— Думаешь, что было бы лучше пустить ее сначала к ребенку? — прервал его Джейкоб, — безопаснее сначала увидеть, как Беллаотреагирует на меня. Я исцеляюсь быстро.

Это было испытание? Чтобы увидеть, смогу ли я не убить Джейкоба прежде, чем попытаюсь сделать это с Ренесми? Я чувствовала странную дурноту, не имеющую никакого отношения к моему желудку, только к моему сознанию. Было ли это идеей Эдварда?

Я бросила на него встревоженный взгляд. Эдвард, казалось, задумался на мгновение, но затем выражение его лица поменялось с обеспокоенности на что-то другое. Он пожал плечами, и в его голосе чувствовалась скрытая враждебность, — Ну, это твоя шея.

На этот раз рычание из леса было разъяренным; без сомнений это была Леа.

Что было с Эдвардом? После всего через что нам пришлось пройти, не должен ли он смягчиться по отношению к моему лучшему другу? Я надеялась, возможно, это было глупо, что теперь Эдвард тоже был в некотором роде другом Джейкоба. Должно быть, я неправильно поняла их.

Но что вытворял Джейкоб? Почему он предложил себя как испытание, чтобы защитить Ренесми?

Для меня это не имело никакого смысла. Даже если наша дружба выжила...

И как только мои глаза встретились с глазами Джейкоба, я поняла, что возможно это так. Он все еще выглядел как мой лучший друг. Но изменился не он. Кто я теперь для него?

Затем он улыбнулся своей знакомой улыбкой, такой родной, и она вселила в меня уверенность, что наша дружба не пострадала. Это было точно так же, как прежде, когда мы болтались в его самодельном гараже, двое друзей, проводящих свободное время.

Просто и безобидно.

И снова я заметила, что та странная потребность в нем, которую я ощущала до того как изменилась — совершенно исчезла. Он был просто моим другом, как и должно было бы быть.

Хотя то, что он делал сейчас, все еще не имело никакого смысла.

Был ли он действительно настолько самоотверженным, чтобы попытаться защитить меня — даже ценой собственной жизни — от совершения чего-то в неконтролируемые доли секунды, о чем бы я потом

вечно сожалела в муках? Это должно было быть не просто принятием того, кем я сейчас стала, а фантастическим желанием остаться моим другом. Джейкоб был одним из лучших людей, которых я знала, но казалось что это слишком много, чтобы принять нечто подобное от кого бы то ни было.

Он ухмыльнулся еще шире и затрясся от смеха, — Прости, Беллс, но я должен это сказать. Ты просто натуральный чудик.

Я улыбнулась в ответ, легко вернувшись в наш обычный стиль общения. Эта была та сторона его характера, которую я хорошо знала.

Эдвард зарычал — Следи за собой, дворняжка.

Ветер подул из-за моей спины, и я быстро вдохнула, заполняя легкие безопасным воздухом, чтобы обрести возможность говорить, — Нет, он прав. Глаза — действительно нечто, не так ли?

— Супержуткие. Но все не так кошмарно, как я предполагал.

— Ну и дела — спасибо за удивительный комплимент!

Он закатил глаза, — Ты знаешь, что я имею в виду. Конечно, сейчас уже нельзя сказать, что ты та самая Белла, но в то же время выглядишь так, будто не менялась, — Он снова улыбался мне и на его лице не было и следа от огорчения или негодования. Потом он хохотнул, — Так или иначе, я думаю, что я достаточно скоро привыкну к глазам.

— Привыкнешь? — спросила я растерянно. Замечательно, что мы все еще оставались друзьями, но не похоже было, что мы продолжим проводить вместе много времени.

Что-то странное отразилось в его глазах, стирая улыбку. Он выглядел... виноватым? Затем его взгляд переместился на Эдварда.

— Спасибо, — сказал он. — Я не был уверен, сможешь ли ты скрывать это от неё, несмотря на обещание. Обычно, ты просто даешь ей все, что она хочет.

— Может я надеюсь, что она сорвется и, наконец, оторвет тебе голову, — предложил Эдвард.

Джейкоб фыркнул.

— Что происходит? У вас обоих есть секреты от меня? — скептически спросила я.

— Я объясню позже, — смущенно пообещал Джейкоб; выглядело так, будто он не собирался этого в действительности делать, и сразу сменил тему разговора — Ну, что ж давайте устроим это показательное выступление на дороге, — Его усмешка стала вызовом и он медленно начинал приближаться ко мне.

Позади него раздалось протестующее ворчание, и затем серое тело Леи выскользнуло из-за деревьев.

Более высокий, песочного цвета Сэт расположился сразу за ней.

— Остыньте, ребята, — сказал Джейкоб, — Не вмешивайтесь.

Я была рада, что они не послушали его, и лишь последовали за ним немного помедленнее.

Ветер уже утих, и не мог унести от меня его запах.

Он был достаточно близко, чтобы я могла чувствовать жар его тела, вибрирующий в воздухе между нами и заставляющий мое горло гореть.

— Давай, Беллз. Сделай самое плохое, на что ты способна.

Леа зашипела.

Я не хотела дышать. Это было неправильно иметь такое опасное преимущество над Джейкобом, несмотря на то, что он сам предложил себя на роль жертвы. Но я не могла убежать от логики. Как еще я могла убедиться, что не причину вреда Ренесми?

— Я тут состарюсь, Белла, — подразнил Джейкоб, — ладно, пусть не на самом деле, но ты поняла о чем я. Давай уже, сделай вдох.

— Держи меня, — сказала я Эдварду, вжимаясь ему в грудь.

Его руки напряглись на моих плечах.

Я замерла, надеясь, что смогу контролировать свое тело. Я решила, что пройду испытание не хуже, чем на охоте. В крайнем случае, я перестану дышать и сбегу. Готовая ко всему, я нервно сделал крошечный вдох.

Было немного больно, но мое горло всё равно уже горело тупой болью. Джейкоб пах человеком не более, чем горный лев. Его звериная сущность ясно отражалась в его крови. И не смотря на то, что громкий звук его сердца привлекал меня, аромат, исходивший от него, заставил меня поморщиться. Как ни странно было проще умерить мою реакцию на запах, чем на звук и тепло его пульсирующей крови.

Я вздохнула еще раз и расслабилась, — Ух, теперь я поняла, что все имели в виду. Ты воняешь, Джейкоб.

Эдвард захохотал, его руки соскользнули с моих плеч, чтобы обвиться вокруг талии. Сэт залаял низким сдавленным смехом одновременно с Эдвардом; он подобрался немного ближе, в то время как Леа отступила назад. И тогда я узнала о других присутствующих, когда услышала низкий, характерный хохот Эмметта, немного приглушенный стеклянной стеной между нами.

— Смотрите, кто заговорил, — сказал Джейкоб, театрально закрывая свой нос. Он был абсолютно невозмутим, пока Эдвард обнимал меня, и, даже когда Эдвард невозмутимо прошептал мне на ухо «я люблю тебя».

Джейкоб только продолжал усмехаться. Это дало мне надежду, что наши отношения все же наладятся, и станут таким же каким не было уже

давно.

Возможно, теперь я могла действительно быть его другом, с тех пор как мой запах стал для него отвратителен, он не будет любить меня так же как прежде. Возможно это было именно то, что требовалось.

— Хорошо, итак я справилась, верно? — сказала я, — теперь-то вы расскажете мне, что это за большая тайна?

Джейкоб занервничал, — Тебе не о чем волноваться в данный момент...

Я услышала как Эмметт громко ухмыльнулся в с предвкушении.

Возможно, я и настояла бы на своем вопросе, но, услышав смех Эмметта, до меня донеслись и другие звуки — дыхание семи человек. Легкие одного из них дышали учащеннее остальных. Только одно сердце, трепетало как крылья птицы, легко и быстро.

Я была полностью удовлетворена. Моя дочь была всего лишь по другую сторону тонкой стеклянной стены. Я не могла видеть ее — свет отражался от зеркальных окон. Я могла видеть только себя — непривычно бледную и неподвижную по сравнению с Джейкобом. Однако если сравнивать с Эдвардом, я выглядела вполне нормально.

— Ренесми, — прошептала я. Напряжение снова сковало меня, превратив в статую. Ренесми не пахла как животное. Не подвергну ли я ее опасности?

— Пойдем, и ты сама все увидишь, — предложил Эдвард, — я знаю, что ты сможешь контролировать себя.

— Ты pomoжешь мне? — прошептала я, губы едва двигались.

— Конечно, помогу.

— А также Эмметт, и Джаспер, на всякий случай?

— Мы позаботимся о тебе, Белла. Не волнуйся, мы будем готовы. Ни один из нас не стал бы рисковать Ренесми. Я думаю, ты будешь удивлена, насколько крепко она держит всех нас в своих маленьких пальчиках. Она будет в полной безопасности, ни смотря ни на что.

Мое желание увидеть ее, желание понять то обожание в его голосе, заставило меня сдвинуться с места. Я сделала шаг вперед.

И тут же Джейкоб появился у меня на пути, его лицо выражало беспокойство.

— Ты уверен, кровосос? — настойчиво спросил он Эдварда, но его голос почти умолял. Я никогда не слышала, чтобы он так говорил с Эдвардом, — Мне это не нравится это. Думаю будет лучше, если она подождет.

— Ты ее испытал, Джейкоб.

Так это было проверкой Джейкоба?

— Но..., - начал Джейкоб.

— Никаких «но», — оборвал Эдвард, с внезапным раздражением в гоосе, — Белла хочет увидеть нашу дочь. Уйди с дороги.

Джейкоб метнул на меня странный, безумный взгляд и, развернувшись, почти бегом бросился в дом.

Эдвард зарычал.

Я не могла уловить смысл в их разногласии, но в то же время у меня не получалось сконцентрироваться на этом. Я могла только думать о расплывчатом лице ребенка, всплывающем в моей памяти и бороться с туманом в голове, пытаюсь вспомнить это лицо поточнее.

— Идем? — спросил Эдвард, его голос был снова нежен. Я нервно кивнула.

Он крепко сжал мою ладонь и повёл меня по дороге в дом.

Они ждали меня, вытянувшись в линию, которая была и приветствием и защитой. На их лицах были улыбки, но глаза выражали настороженность. Розали расположилась на несколько шагов позади остальных, около парадной двери. Она стояла там одна, пока Джейкоб не присоединился к ней и встал впереди нее — ближе, чем обычно. Чувствовалось, что им неприятно стоять рядом, они оба будто съеживались от этой необходимости. Кто-то очень маленький тянулся вперед из рук Розали, выглядывая из-за Джейкоба. Моментально она полностью захватила моё внимание, каждую мою мысль, как ничто иное еще не затрагивало меня, с тех пор как я открыла глаза.

— Меня не было только два дня? — я задыхалась, не в силах поверить.

Незнакомому ребенку в руках Розали должно было быть несколько недель, если не месяцев. Она была возможно в два раза больше размером, чем ребенок в моей мутной памяти, и она, похоже, уже хорошо умела держаться, поскольку тянулась ко мне самостоятельно. Ее блестящие волосы цвета бронзы локонами падали на плечи. Шоколадно-карие глаза рассматривали меня с недетским интересом, как-то по взрослому, осознанно и понимающе. Она подняла одну руку, на мгновение протянув ее ко мне, но затем, изменила направление и коснулась шеи Розали.

Если бы ее лицо не было удивительно в своей красоте и совершенстве, я бы не поверила, что это был тот же самый ребенок. Мой ребенок.

Но Эдвард был там — в чертах ее лица, и я была там в цвете ее глаз и щек. Даже Чарли имел место в ее густых локонах, хотя их цвет был таким же как у Эдварда. Она действительно наша, невероятно, но это правда.

То, что я видела этого невероятного маленького человечка, по-прежнему не делало ее реальнее, наоборот, это только сделало ее более фантастической.

Розали ласково погладила ее по ручке, и пробормотала, — Да, это она.

Глаза Ренесми неподвижно смотрели на меня. Затем также как в первые секунды после своего насильственного рождения, она улыбнулась мне — блестящая вспышка крошечных, прекрасных белых зубок. С внутренним трепетом, я сделала неуверенный шаг к ней.

Все двигались очень быстро.

Эмметт и Джаспер оказались прямо передо мной, плечом к плечу, готовые в любую секунду остановить меня. Эдвард схватил меня сзади, напряженные пальцы, снова сжались на моих плечах. Даже Карлайл и Эсме переместились, встав по бокам от Эмметта и Джаспера, в то время как Розали отступала к двери, прижимая к себе Ренесми, Джейкоб тоже подвинулся, приняв оборонную стойку прямо перед ними.

Только Элис оставалась на месте.

— О, ну, доверьтесь ей немного, — упрекнула она их, — она не собиралась сделать ничего эдакого. Приглядитесь же вы в конце концов.

Элис была права. Я контролировала себя. Я была готова ко всему, даже к такому же невыносимо притягательному запаху людей, которых почувствовала в лесу. Искушение здесь было действительно не сопоставимо. Аромат Ренесми совершенным образом балансировал между ароматом самых красивых духов и ароматом самой восхитительной пищи. В нем было достаточно от сладкого запаха вампира, чтобы человеческая часть запаха не была столь подавляющей.

Я могла справиться с этим. Я была уверена.

— Я в порядке, — заверила я, погладив руку Эдварда на моем плече. Потом я заколебалась и добавила, — держись поближе, так, на всякий случай.

Глаза Джаспера были напряжены, сосредоточены. Я знала, что он был в курсе моего эмоционального состояния, и старалась привести его в устойчивое спокойствие. Я почувствовала, как Эдвард освободил мои руки, поскольку он прочитал мысли Джаспера. И хотя Джаспер чувствовал мое спокойствие как никто другой, он по-прежнему не казался убежденным.

Услышав мой голос, слишком смысленный ребенок заерзал в руках Розали и потянулся ко мне. Каким-то образом выражение лица малышки стало нетерпеливым.

— Джас, Эм, пропустите нас. Белла контролирует себя.

— Эдвард, это риск..., - предостерег Джаспер.

— Минимальный. Послушай, Джаспер, на охоте она уловила запах каких-то туристов, которые оказались не в том месте и не в то время...

Я услышала, что Карлайл резко вздохнул. На лице Эсме внезапно отразилось беспокойство смешанное с страданием. Глаза Джаспера расширились, но он лишь слегка кивнул, как будто слова Эдварда ответили на какие-то одному ему понятные вопросы. Рот Джейкоба, скривился в гримасе отвращения. Эмметт пожал плечами. Розали казалась еще менее обеспокоенной, чем Эмметт, поскольку она пыталась удерживать ворочающегося ребенка в своих руках.

Выражение лица Элис ясно дало мне понять, что ее не так легко обмануть. Ее суженные глаза, с пристальным интересом сосредоточились на моей заимствованной рубашке, казалось, что её больше волновало, что я сделала со своим платьем, чем что-либо еще.

— Эдвард! — сказал Карлайл с упреком, — Как ты мог быть настолько безответственным?!

— Я знаю, Карлайл, знаю. Я был просто глупцом. Мне нужно было не торопиться, чтобы удостовериться, что мы были в безопасной зоне прежде, чем отпустить ее.

— Эдвард... — я бормотала, смущенная тем, как они уставились на меня. Казалось, они пытались разглядеть насыщенный ярко-красный оттенок в моих глазах.

— Он абсолютно прав, что упрекает меня, Белла, — сказал Эдвард с усмешкой, — я сделал огромную ошибку. Тот факт, что ты сильнее, чем любой, кого я когда-либо знал, не изменяет этого.

Элис закатила глаза, — Отличная шутка, Эдвард.

— Я не шутил, я объяснял Джасперу, почему я знаю, что Белла может справиться. Это не моя вина, что все пришли к неверным выводам.

— Подожди, — Джаспер задыхался, — Так она не охотилась на людей?

— Она начала, — сказал Эдвард, явно наслаждаясь. Мои зубы сжались.

— Она была полностью сосредоточена на охоте...

— Что же случилось? — прервал его Карлайл. Его глаза неожиданно вспыхнули, удивленная улыбка, начала появляться на его лице. Это напомнило мне о том что было прежде, когда он хотел узнать детали относительно моего опыта превращения. Острая жажда новой информации.

Эдвард оживился и склонился к нему.

— Она услышала меня позади себя и начала защищаться. Но как

только мое преследование вмешалось в ее концентрацию, она мгновенно прервала охоту. Я никогда не видел ничего подобного. Она сразу поняла, что случилось, и затем... задержала свое дыхание и покинула опасное место.

— Ничего себе, — пробормотал Эмметт, — Серьезно?

— Он кое-что недоговаривает, — пробормотала я, еще более смущенная. — Эдвард упустил ту часть, где я рычала на него.

— Неужели ты врезала ему пару раз? — Эмметт спросил нетерпеливо.

— Нет! Конечно, нет.

— Нет, неужели? Ты действительно не напала на него?

— Эмметт! — возмутилась я.

— Ай, какое упущение, — простонал Эмметт, — Ведь ты вероятно единственная из тех, кто мог бы достать его, он же не слышит твоих мыслей, чтобы мошенничать, и к тому же у тебя было бы великолепное оправдание, — он вздохнул, — Я бы отдал правую руку, лишь бы увидеть, как он будет выкручиваться без этого преимущества.

Я впиалась в него холодным взглядом, — Я никогда бы этого не сделала.

Хмурый взгляд Джаспера привлек мое внимание; он казался даже более тревожным, чем прежде.

Эдвард толкнул Джаспера в плечо, — Понимаешь теперь, о чем я?

— Это не нормально, — пробормотал Джаспер.

— Она, могла напасть на тебя — ей всего несколько часов отроду! — Эсме ругала себя, положив руку на сердце, — о, мы должны были пойти с вами.

Когда Эдвард закончил свой рассказ, я уже перестала обращать на них внимание, разглядывая великолепного ребенка, который так же продолжал смотреть на меня. Ее маленькие ручки с ямочками потянулись ко мне, как будто она точно знала, кто я такая. Машинально, моя рука поднялась, копируя ее жест.

— Эдвард, — попросила я, отстраняясь в сторону от Джаспера, чтобы лучше ее видеть, — пожалуйста?

Зубы Джаспера были сжаты; он не двигался.

— Джас, она совсем не то, с чем ты сталкивался прежде, — сказала Элис спокойно, — поверь мне.

Их глаза, на секунду встретились, после чего Джаспер кивнул. Он отошел в сторону, но положил одну руку мне на плечо, двигаясь вместе со мной, пока я медленно шла вперед.

Я думала о каждом шаге прежде, чем сделать его, анализируя мое

настроение, пожар в моем горле, расположение остальных вокруг меня. Взвешивая свое состояние, я старалась предугадать насколько быстро они смогут остановить меня. Это была медленная процессия.

Все это время ребенок в руках Розали ерзал и вырывался, выражение его лица становилось всё более и более раздраженным, пока, наконец, он не издал высокий, звенящий вопль. Все отреагировали так, будто подобно мне, никогда раньше не слышали ее голос.

Они в одно мгновение сбежались к ней, оставив меня стоять в одиночестве, застыв на месте. Звук плача Ренесми, прошел прямо сквозь меня, пригвоздив меня к полу. Мои глаза, покалывало странным образом, как будто я собиралась заплакать.

Казалось, что все прикасались к ней, глядя и успокаивая. Все, кроме меня.

— В чем дело? Ей больно? Что случилось?

Это был голос Джейкоба, перекрывший все остальные голоса. Я в шоке наблюдала, как он добрался до Ренесми, и затем в чрезвычайном ужасе, как Розали отдала её ему без борьбы.

— Нет, с ней все в порядке, — заверила его Розали.

Розали утешала Джейкоба?

Ренесми весьма охотно пошла на руки к Джейкобу, вытягивая свою крошечную ручку к его щеке, но затем стала крутиться, чтобы снова протянуться ко мне.

— Видишь? — сказала ему Розали, — Она просто хочет к Белле.

— Она хочет ко мне? — прошептала я.

Глаза Ренесми — мои глаза — нетерпеливо уставились на меня.

Эдвард метнулся назад ко мне. Он положил легонько свои руки мне на плечи и слегка подтолкнул вперед.

— Она ждала тебя почти три дня, — сказал он мне.

Теперь мы были на расстоянии всего нескольких футов от нее. Порывы жара, казалось, дрожали, выходя из нее, чтобы коснуться меня.

Или возможно это была дрожь Джейкоба. Я видела, что его руки подрагивали, когда я подошла ближе. И все же, несмотря на его очевидное беспокойство, его лицо было более безмятежным, чем в последнее время.

— Джейк, я в порядке, — напомнила я ему. Меня охватила паника стоило увидеть Ренесми в его дрожащих руках, но я старалась контролировать себя.

Нахмурившись, он глядел на меня напряженным взглядом, мысль о Ренесми в моих руках явно пугала его.

Ренесми нетерпеливо хныкала и протягивала свои маленькие ручки,

сжимая их в кулачки снова и снова.

И в этот момент внутри меня все встало на свои места. Звук ее плача, ее родные глаза, то, что она ожидала наше воссоединение не меньше, чем я — все это стало абсолютно нормальным, пока она ручками хваталась за воздух между нами. Внезапно, она стала абсолютно реальна, и, конечно, я знала ее. Это было совершенно естественным, что я должна сделать тот последний легкий шаг и потянуться к ней, взять на руки.

Джейкоб вытянул свои руки так, чтобы я могла качать Ренесми, но так и не отпустил её. Он вздрогнул, когда наши руки соприкоснулись. Его кожа, прежде всегда такая теплая для меня, сейчас казалась подобно обжигающему пламени. У него была почти та же самая температура, что и у Ренесми, может быть с разницей в один-два градуса.

Ренесми казалось не обращала внимания на прохладу моей кожи, или по крайней мере уже успела привыкнуть к ней.

Она посмотрела вверх и снова мне улыбнулась, показывая свои ровные небольшие зубки и две ямочки на щеках. И тут она очень осознанно прикоснулась к моему лицу.

В ту секунду, когда она сделала это, ко мне протянулись сразу все руки, опасаясь моей реакции. Но я едва заметила это.

Я задыхалась, ошеломленная и напуганная странным, тревожным изображением, которое заполнило мой разум. Это походило на очень яркое воспоминание — я могла все еще видеть глазами, в то же время, как я видела это в своей голове — но это было ни на что не похоже. Я смотрела сквозь это на выжидающее выражение на лице Ренесми, пытаюсь понять, что произошло, и отчаянно борюсь, чтобы держаться спокойно.

Помимо того, что изображение было отвратительным и незнакомым, оно было также каким-то неправильным — я почти узнала в нем моё прежнее лицо, но это было исключено, это было в прошлом. Я задыхалась, оттого, что увидела свое лицо таким, каким его видели другие, скорее искаженным в отражении.

Мое лицо в этом воспоминании было искривлено, измучено, покрыто потом и кровью. Несмотря на это, его выражение в видение озарилось обожающей улыбкой; мои карие глаза пылали над глубокими кругами под ними. Мое лицо все приближалось к точке, где-то за гранью виденья, и потом резко исчезло.

Ренесми убрала свою руку с моей щеки. Она улыбнулась шире, и на ее щеках снова появились ямочки.

В комнате царил полнейшая тишина, были слышны лишь удары

сердец. Никто, кроме Джейкоба и Ренесми, не дышал. Тишина затянулась, казалось, что они ждали, пока я скажу, хоть слово.

— Что... это... было? — задыхалась я.

— Что ты видела? — спросила Розали с любопытством, наклоняясь сбоку от Джейкоба, который, казалось, находился сейчас где-то не здесь, — Что она показывала тебе?

— Она показала мне это? — прошептала я.

— Я же говорил тебе, что это трудно объяснить, — прошептал Эдвард мне на ухо, — но очень эффективно как средство общения.

— Что это было? — спросил Джейкоб.

Я несколько раз быстро моргнула, — Хм-м-м. Думаю, это была я. Но я выглядела ужасно.

— Это было единственное воспоминание у неё о тебе, — объяснил Эдвард. Очевидно, что он видел то, что она показывала мне, поскольку она думала об этом. Его голос был нечетким, грубым на фоне ослабевающего воспоминания.

— Она дает тебе знать, что она установила связь, что она знает кто ты.

— Но как она это сделала?

Ренесми, похоже, не волновали мои испуганные глаза. Она улыбалась и тянула локон моих волос.

— Как я слышу мысли? Как Элис видит будущее? — спросил Эдвард риторически, и затем пожал плечами, — у неё дар.

— Это — интересный поворот, — сказал Карлайл Эдварду, — как будто она делает то, что полностью противоположно твоим умениям.

— Интересно, — согласился Эдвард, — я удивлен...

Я знала, что они обсуждают, но мне уже было все равно. Я уставилась на самое красивое лицо в мире. Она была такая горячая в моих руках, напоминая мне о моменте, когда чернота почти победила, когда не было ничего в мире, способного меня удержать. Ничего достаточно сильного, чтобы протянуть меня через сокрушающую темноту. Мгновение, когда я думала о Ренесми и нашла кое-что, что я никогда не отпущу.

— Я тоже помню тебя, — сказала я ей тихо.

Это казалось таким естественным наклониться и поцеловать ее в лоб. Она пахла замечательно. Аромат ее кожи заставил мое горло гореть, но на это было легко не обращать внимания. Это не отнимало радости у этого мгновения.

Ренесми была реальна, и я знала ее. Она была той самой, за которую я боролась с самого начала. Мой маленький «футболист», та, которая тоже любила тогда меня изнутри. Половина Эдварда, прекрасная и милая. И

половина меня, удивительно, но сделавшая ее лучше вместо того, чтобы испортить.

Я была права все время — она стояла борьбы.

— Она в порядке, — пробормотала Элис, вероятно Джасперу. Я чувствовала, что они колебались, не доверяя мне.

Разве экспериментов для одного дня не достаточно? — спросил Джейкоб, от напряжения его голос был немного выше обычного. — Хорошо, Белла ты отлично справляешься, но давайте не будем испытывать судьбу.

Я впиалась в него взглядом с неподдельным раздражением. Джаспер напрягся рядом со мной. Мы стояли так близко друг от друга что каждое крошечное движение казалось очень ощутимым.

— В чем дело, Джейкоб? — потребовала я ответа. Я слегка потянула Ренесми из его хватки, но он только шагнул еще ближе ко мне. Он прижался прямо ко мне и Ренесми, касаясь нас обоих.

Эдвард зашипел на него, — Только, потому, что я понимаю, это не означает, что я не вышвырну тебя вон, Джейкоб. Белла удивительно хорошо справляется. Не порть момент.

— Я помогу ему выкинуть тебя, пес, — пообещала Розали, она заводилась, это чувствовалось в её голосе, — я задолжала тебе хороший пинок под дых.

Очевидно, не было никаких изменений в этих отношениях, не считая того, что они стали еще хуже.

Я уставилась на взволнованное полусердитое выражение лица Джейкоба. Его глаза остановились на лице Ренесми. Все прижимались друг к другу, он должен был касаться, по крайней мере, шести различных вампиров одновременно, но это будто и не волновало его.

Он действительно прошел бы все это только, чтобы защитить меня от меня самой? Что, могло, случиться во время моего превращения — моего изменения в то, что он ненавидел — что это настолько потеряло для него значение?

Я ломала голову над этим, наблюдая за ним, уставившись на мою дочь. Он смотрел на нее так, как... как будто он был слепым человеком, видящим солнце впервые в жизни.

— Нет! — задохнулась я.

Джаспер сжал зубы и руки Эдварда, обхватили меня вокруг груди как кольца удава. В ту же самую секунду Джейкоб выхватил Ренесми из моих рук, но я не попыталась удержать ее. Я почувствовала, что это начинается — то, чего все с опасением ждали, то, что заставило меня потерять

контроль.

— Роуз, — сказала я сквозь зубы, очень медленно и строго, — забери Ренесми.

Розали протянула руки, и Джейкоб тут же вручил ей мою дочь. Они оба двинулись в обратном от меня направлении.

— Эдвард, я не хочу причинить тебе боль, так что, пожалуйста, отпусти меня.

Он колебался.

— Пойди и встань перед Ренесми, — предложила я.

Он подумал и затем отпустил меня.

Я приняла охотничью стойку и сделала два медленных шага вперед к Джейкобу.

— Ты не сделаешь этого, — рыкнула я.

Он отступил назад, выставив ладони вперед, и попытался успокоить меня. — Ты же знаешь, что я могу это контролировать.

— Ты глупая образина! Как ты мог? Мой ребенок!

Отступив к входной двери, поскольку теперь я преследовала его, он побежал вниз по ступенькам.

— Это была не моя идея, Белла!

— Я держала ее всего один раз, и ты уже думаешь, что у тебя есть к ней какое-то идиотские волчьи права на нее? Она моя!

— Я могу поделиться, — сказал он умоляюще, бегом пересекая лужайку.

— Платить тебе, — услышала я голос Эмметта позади меня. Маленькая часть моего мозга задалась вопросом, кто держал пари против того, что это произойдет. Я не могла задумываться об этом. Я была слишком разъярена.

— Как посмел ты запечатлеться с моим ребенком? Ты сошел с ума?

— Это вышло не специально! — настаивал он, отступая в деревья.

Там он уже не был одинок. Два огромных волка вновь появились, окружая его с обеих сторон. Леа огрызнулась на меня.

Внушающий страх рык вырвался из моего горла ей в ответ. Звук встревожил меня, но недостаточно чтобы остановить моё продвижение вперед.

— Белла, постарайся послушать всего лишь секунду? Пожалуйста? — просил Джейкоб, — Леа, остынь, — добавил он.

Леа оскалилась, глядя на меня, и не пошевелилась.

— Почему я должна слушать? — прошипела я. Ярость затуманивала рассудок, затмевая все остальное.

— Поскольку ты — та, кто сказал мне это. Ты помнишь? Ты сказала, что наши жизни принадлежат друг к другу, верно? Что мы семья. Ты сказала, что именно так мы и должны быть связаны. Так это то, чего ты хотела.

Я посмотрела на него с яростью. Я действительно смутно помнила те слова. Но мой новый быстрый мозг был на два шагами впереди его ничтожного.

— Думаешь, что ты будешь частью моей семьи в качестве зятя, — визжала я. Мой звенящий голос повысился на две октавы, но все еще продолжал звучать как музыка.

Эмметт смеялся.

— Останови ее, Эдвард, — пробормотала Эсме, — Она расстроиться, если причинит ему боль.

Но я не чувствовала погони позади меня.

— Нет! — Джейкоб продолжал настаивать, — как ты можешь даже думать такое? Она ведь всего лишь ребенок, черт возьми!

— Именно так я и думаю! — вопила я.

— Ты знаешь, что я не думаю о ней так! Считаешь, что Эдвард позволил бы мне жить так долго, если бы это было так? Все, чего я хочу, чтобы она была в безопасности и счастлива — разве это плохо? Это так отличается от того, чего хочешь ты? — кричал мне в ответ он. Неспособная говорить от злости, я яростно зарычала на него.

— Она поразительна, не так ли? — донесся до меня ропот Эдварда.

— Она не бросилась к его горлу ни разу, — согласился Карлайл, его голос был ошеломленным.

— Ладно, ты выиграл на этот раз, — сказал Эмметт неохотно.

— Ты должен держаться от неё подальше! — шипела я на Джейкоба.

— Но я не могу сделать этого!

Я сказала сквозь зубы, — Попробуй. Начинай прямо сейчас.

— Это не возможно. Разве ты не помнишь, как сильно хотела, чтобы я был рядом три дня назад? Как трудно это было быть врозь друг от друга? Это прошло для тебя, не так ли?

Я зло смотрела на него, не до конца понимая, что он подразумевал.

— Это была она, — сказал он мне, — с самого начала. Мы должны были быть вместе, даже тогда.

Я вспомнила, и затем поняла — крошечная часть меня вздохнула с облегчением, поняв, что этому безумию все же было объяснение. Но это облегчение каким-то образом еще больше рассердило меня. Он что же, ожидал, что этого будет для меня достаточно? Что это маленькое уточнение

позволит мне смириться?

— Беги отсюда, пока ты еще можешь, — угрожающе прошептала я.

— Перестань, Беллз! Несси я тоже нравлюсь, — настаивал он.

Я замерла. Мое дыхание остановилось. Позади себя я слышала звук, говоривший о том, что они встревожились.

— Что... как ты назвал её?

Джейкоб сделал еще один шаг назад, пытаясь выглядеть робким.

— Ну-у-у, — пробормотал он, — то имя, что я сказал, это вроде как прозвище и...

— Ты дал моей дочери прозвище как Лох-Несскому чудовищу? — заорала я.

И кинулась к его горлу.

Глава 23

Воспоминания

— Мне так жаль, Сэт. Мне надо было быть ближе.

Эдвард все еще извинялся, но я не считала повод, ни подходящим, ни справедливым. В конце концов, Эдвард ведь не потерял контроль над своей вспыльчивостью непростительно и полностью. Эдвард не пытался оторвать Джейкобу голову, который, в свою очередь, даже не пытался себя защитить, а затем совершенно случайно сломал Сэту плечо и ключицу, когда тот прыгнул между ними. Не он ведь едва не убил своего лучшего друга.

Не то чтобы у лучшего друга не было парочки вещей в запасе, которыми он мог ответить, но, возможно как раз его бездействие могло смягчить мое поведение.

Разве я не должна быть единственной, кто обязан извиниться? Я попыталась снова.

— Сэт, я...

— Не волнуйся об этом, Белла. Я в полном порядке, — сказал Сэт в то время, как Эдвард говорил: Белла, дорогая, никто не осуждает тебя. Ты и так отлично справляешься.

Они все еще не дали закончить мне предложение.

Тот факт, что Эдвард с трудом удерживал на своем лице улыбку, еще больше все ухудшало. Я знала, что Джейкоб не заслужил от меня столь бурной реакции, но Эдвард, кажется, находил это удовлетворительным. Может быть ему было весьма жаль, что у него нет такого оправдания как у меня, для того чтобы сделать нечто подобное с Джейкобом.

Я пыталась полностью сбросить с себя гнев, но это было тяжело, зная, что Джейкоб был вместе с Ренесми сейчас. Защищая от меня, спятившей новообращенной.

Карлайл прикрепил еще одну часть распорки к руке Сэта и он вздрогнул.

— Прости, прости! — взмолилась я, зная, что я никогда не сумею сказать отчетливое и полноценное извинение.

— Не капризничай, Белла, — сказал Сэт, глядя мое колено здоровой рукой, в то время как Эдвард тер мою руку с другой стороны.

Казалось, что Сэт не испытывал отвращения из-за того, что я сидела рядом с ним на софе, пока Карлайл обрабатывал его руку.

— Все придет в норму через полчаса, — продолжал он, все еще

поглаживая моё колено, как будто забыв о холоде, которым отдавала моя кожа. Любой бы поступил так же... я о Джейке и Нес... — он опустил среднюю часть последнего слова и быстро поменял тему. — Я том, что, по крайней мере, ты не укусила меня или что-то вроде того. Вот это было бы действительно хреново.

Я закрыла лицо руками и содрогнулась при мысли, что такая возможность действительно была. Это могло запросто произойти. Обратни не реагируют на яд вампира так же, как люди. Они мне это рассказали только сейчас. Яд отравляет их.

— Я плохая.

— Конечно же нет! Это мне нужно было... — начал Эдвард.

— Прекрати это, — вздохнула я. Мне не хотелось, чтобы он брал вину за случившееся на себя, ведь он все время брал всё на себя.

— Хорошо, что Нес... Ренесми не ядовитая, — сказал Сэт после секунды неловкой тишины.

— Потому что она кусает Джейка все время.

Я опустила руки.

— Кусает?

— Конечно. Когда они с Роузи не успевают класть обед ей в рот достаточно быстро. Роуз думает, что она довольно шумная.

Я смотрела на него, потрясенная, и так же чувствуя себя смущенной и виноватой, за то, что какое-то крошечное мгновение эта новость обрадовала меня.

Конечно, я уже знала, что Ренесми не была ядовита. Я была первой, кого она укусила. Я не сделала это замечание вслух, все еще симулируя, что потеряла воспоминания о тех моментах.

— Ну, Сэт, — Сказал Карлайл, выпрямляясь и отступая от нас на шаг, — Я думаю это все, что я могу сделать. Постарайся не двигать ей пару часов, я полагаю, — Карлайл издал смешок, — Как бы я хотел, чтобы лечить людей было так же быстро и просто. Он положил руку на черные волосы Сэта. — Оставайся здесь, — распорядился он и исчез наверху.

Я слышала, как закрылась дверь его кабинета, мне стало интересно, убрали ли они все следы моего пребывания там.

— Я, конечно, могу посидеть еще немного, — согласился Сэт, когда Карлайл уже ушел, и широко зевнул. Осторожно, пытаясь не дернуть плечо, он опрокинул голову на спинку софы и закрыл глаза. Пару секунд спустя его рот расслабился.

Я, хмурясь, смотрела на его умиротворенное лицо пару минут. Как и Джейк, Сэт, кажется, умел засыпать когда хочет. Зная, что мне не придется

в ближайшее время вновь приносить извинения, я встала — это движение не дало ни малейшего толчка дивану. Все движения было так просто осуществлять. Но остальное...

Эдвард последовал за мной к заднему окну и взял за руку.

Леа шагала вдоль реки, останавливаясь каждую минуту, чтобы посмотреть на дом. Было легко определить — когда она высматривала брата, а когда меня. Она бросала или обеспокоенные или убийственно свирепые взгляды.

Я слышала, как Джейкоб и Розали снаружи, на ступеньках тихо спорят о том, чья очередь сейчас кормить Ренесми. Их взаимоотношения были такими же как и всегда, с вечными противостояниями, единственная вещь, с которой она оба были согласны это то, что меня надо было держать подальше от моего ребенка до тех пор, пока я на сто процентов не стану устойчивой в своих эмоциях. Эдвард хотел оспорить их вердикт, но я на это согласилась. Я тоже должна быть уверена. Но я беспокоилась, что мои сто процентов уверенности и их сто процентов были двумя очень разными вещами.

Не считая их перебранки, тихого дыхания Сэта и надоедливого дыхания Леа, в доме было очень тихо. Эмметт, Элис и Эсми охотились. Джаспер остался, чтобы присмотреть за мной. Он стоял неприметно за стержнем винтовой лестницы, стараясь не быть навязчивым.

Мне было приятно думать о вещах, которые Эдвард и Сэт говорили мне, когда Карлайл обрабатывал руку Сэта. Я упустила очень многое с момента моего перерождения, и это был хороший шанс для меня, чтобы наверстать упущенное.

Главным событием было прекращение вражды со стаей Сэма, поэтому другие были в безопасности, когда приходили или уходили куда-либо, они снова были довольны. Перемирие было крепче, чем когда либо. Но с другой стороны ещё более запутанным.

Запутанным, потому что самым главным законом в стае было то, что один волк не должен убивать того, кто является запечатленным для другого волка. Боль от этой потери станет невыносимой для всей стаи. Ошибка, случайная или намеренная, не сможет быть прощена. Волки будут биться до смерти — по-другому и не могло быть. Это уже случалось однажды — Сэт рассказал мне об этом, но тогда это было страшной случайностью. Ни один волк никогда намеренно не уничтожил бы так своего брата.

Так что, моя Ренесми была в безопасности из-за того, что Джейкоб теперь чувствовал по отношению к ней. Я пыталась сосредоточиться на облегчении от этой мысли, а не на досаде от нее. Мое сознание было

достаточно широко, чтобы ощущать эти два чувства одновременно.

И Сэм также не мог иметь что-то против моего обращения, потому что Джейкоб, говоря как истинный Альфа, запретил это делать. Я мучилась, все больше и больше осознавая, сколь многим я была обязана Джейкобу, хотя я бы предпочла ненавидеть его.

Я преднамеренно направляла свои мысли в другое русло, чтобы контролировать свои эмоции. Я обдумывала другое интересное явление — хотя тишина между двумя стаями продолжалась, Джейкоб и Сэм обнаружили, что Альфа могут разговаривать друг с другом, находясь в волчьей форме. Это было не так, как раньше, они не могли слышать все мысли, как у них было до раскола. Это было больше похоже на речь вслух, объяснял мне Сэт. Сэм слышал только те мысли, которыми Джейкоб хочет поделиться. Они поняли, что могут общаться на любом расстоянии, и теперь они снова разговаривали друг с другом.

Они не знали этого до того момента, пока Джейкоб не остался один, без Леа и Сэта, чтобы объяснить Сэму о Ренесми. Это был единственный раз, когда он оставил её с того момента, как посмотрел на неё впервые.

После того, как Сэм понял, насколько все поменялось, он вернулся вместе с Джейкобом, чтобы поговорить с Карлайлом. Они разговаривали в человеческой форме (Эдвард отказался уходить от меня, чтобы переводить), и договор был обновлен. Но дружеские чувства никогда не станут прежними.

Одной большой проблемой меньше.

Но была еще одна, не такая опасная, как воинственно настроенная волчья стая, но более неотложная для меня проблема.

Чарли.

Он разговаривал с Эсме сегодня утром, но это не помешало позвонить ему снова. Дважды, сразу через несколько минут после того, как Карлайл обработал руку Сэту. Карлайл и Эдвард не стали брать трубку.

Что будет лучше сказать ему? Были ли Каллены правы? Было ли лучшим выходом сказать ему, что я умерла? Нужно ли мне будет лежать в гробу, пока мои мама и отец будут оплакивать меня?

Я не считала, что это правильно. Но подвергнуть Чарли или Рене опасности из-за Волтури с их навязчивой идеей о сокрытии существования вампиров — этого мы не могли допустить.

Была еще моя идея, заключавшаяся в том, чтобы дать Чарли возможность меня проводить, когда я буду готова к этому, и позволить ему делать свои неверные выводы. Технически, вампирские законы не будут нарушены. Не будит ли лучше для Чарли знать, что я жива, ну, или почти

жива... и счастлива? Даже если я буду странной и другой и определенно немного устрашающей?

Мои глаза, в частности, сейчас были совершенно ужасающими. Сколько должно пройти времени, чтобы я могла контролировать себя, и мои глаза стали нормальными для встречи с Чарли?

— Что случилось, Белла? — Джаспер спросил тихо, видя моё растущее напряжение, — Никто не злится на тебя — тихое рычание донеслось от реки, противоречащее его словам, но он не обратил внимания, — может, даже все просто удивлены. Ну, я полагаю, что мы действительно удивлены. Поражены тем, как быстро ты адаптируешься ко всему. Ты все делаешь хорошо, лучше, чем кто-либо ожидал от тебя.

Пока он говорил, в комнате вдруг стало очень спокойно. Дыхание Сэта превратилось в тихое похрапывание. Я почувствовала себя более умиротворенной, но я не забыла о своих беспокойствах.

— Ну, вообще-то я думала о Чарли.

Пререкание снаружи прекратилось.

— Ох, — пробормотал Джаспер.

— Нам действительно обязательно уезжать? — спросила я.

— На чуть-чуть, совсем ненадолго. Притворимся, что мы в Атланте или где-нибудь еще.

Я чувствовала, как Эдвард пристально наблюдает за моим лицом, но я смотрела на Джаспера. Он был единственным, кто отвечал мне серьезно.

— Да, это единственный способ, чтобы защитить твоего отца.

Я размышляла недолго.

— Я буду очень скучать по нему. Я буду по всем здесь скучать.

И по Джейкобу, подумала я, злясь на себя. Несмотря на то, что тоска по нему одновременно и исчезла и появилась с новой силой, и я была значительно освобождена от раздумий об этом, он все еще был моим другом. Он был кем-то, кто знал меня настоящую и принимал такой, какая я есть. Даже как монстра.

Я подумала о том, что Джейкоб сказал мне до того, как я напала на него.

— Ты сказала, что наши жизни принадлежат друг к другу, верно? Что мы семья. Ты говорила, что так и должно было быть... Что ж, теперь так и есть. Это то, чего ты хотела.

Но это было не то, чего я хотела. Не совсем то. Я вспоминала давно минувшие, разлетающиеся, как пух, слабые воспоминания о моей человеческой жизни. Я возвращалась к той части, которую тяжелее всего вспоминать, времени без Эдварда, времени таком темном, что я пыталась

зарыть его в своей памяти. Я не могла подобрать правильные слова. Я только помню, что хотела, чтобы Джейкоб был моим братом, чтобы мы могли любить друг друга без всяких предрассудков и боли. Семья. Но я никогда не хотела впутывать в это свою дочь.

Я вспомнила то, что было немного позже, один из многих-многих раз, когда я сказала Джейкобу «пока», удивляясь вслух тому, кто в конце концов сможет вернуть его жизнь в прежнее русло после того, что я натворила. Я сказала что-то вроде того, что, кем бы она ни была, она не будет достаточно хороша для него.

Я фыркнула, и Эдвард вопросительно поднял одну бровь. Я только покачала головой ему в ответ.

Но чем больше я начинала скучать по своему другу, тем сильнее я осознавала еще одну намного более существенную проблему. Могли ли Сэм, Квил или Джерад провести целый день, не повидав объект своей привязанности, Эмили, Ким или Клер? Могли ли? Что сделает с Джейкобом разлука с Ренесми? Это заставит его страдать?

Во мне было слишком много мелочного гнева на него, чтобы довольствоваться этим, но не его болью, а от мысли о том, чтобы удержать Ренесми подальше от него. Как я собиралась обходиться с её принадлежностью Джейкобу, когда она только-только стала моей?

Звук движения прервал мои мысли. Я слышала, как они поднялись и через мгновение они были в дверях. В то же самое время Карлайл сошел вниз по лестнице, в его руках было полно странных вещей для измерения веса. Джаспер возник рядом со мной. Как будто был какой-то сигнал, который я упустила, даже Леа села снаружи и стала пристально смотреть в окна с таким выражением, будто она ждала чего-то, что было в одно и то же время хорошо знакомым и абсолютно неинтересным.

— Должно быть шесть, — сказал Эдвард.

— Ну и? — спросила я и мои глаза остановились на Розали, Джейкобе и Ренесми. Они стояли в дверях, Ренесми была на руках у Розали. Роуз выглядела настороженной. Джейкоб выглядел обеспокоенным. Ренесми была красивой и нетерпеливой.

— Время обмерять Нес... Ренесми, — Объяснил Карлайл.

— О, ты делаешь это каждый день?

— Четыре раза в день, — поправил меня Карлайл, отходя от меня, так как остальные направлялись к дивану. Мне показалось, что я увидела, как Ренесми вздохнула.

— Четыре раза? Каждый день? Зачем?

— Она всё еще очень быстро растет, — объяснил мне Эдвард, его

голос был очень тихим и он растягивал слова. Он сжал мою руку, а другая его рука на всякий случай обвила мою талию, наверное, потому, что ему самому нужна была поддержка.

Я не могла оторвать глаз от Ренесми, чтобы увидеть выражение его лица.

Она выглядела прекрасно, совершенно здоровой. Она была бледной, под цвет гипса и окрас её щек казался розовыми лепестками по сравнению со всем остальным. Как что-то могло быть не так с такой сияющей красотой? Конечно, в её жизни не будет ничего более опасного, чем её мать.

Разница между ребенком, которого я родила, и которого увидела час назад была бы очевидна любому. Разница между Ренесми, которую я увидела час назад и той, которую я видела сейчас, была почти неуловима. Глаза человека никогда бы не увидели эту разницу, но мои могли.

Её тело стало незначительно длиннее. Совсем немного похудевшее, её лицо уже не было таким круглым, оно становилось более овальным с каждой секундой. Её локоны свисали на 16 дюймов ниже плеч. Она выпрямилась в руках Розали, помогая Карлайлу, пока он измерял её рост и затем обхват головы. Он ничего не записывал. Безупречная память.

Я осознала, что руки Джейкоба были плотно прижаты к груди, а руки Эдварда обвивали меня. Его густые брови сошлись вместе в одну линию над его глубоко посаженными глазами.

Её развитие из одной клетки до ребенка, готового к рождению прошло всего за несколько недель. Она выглядела довольно хорошо, несмотря на то, что развилась до ребенка, начинающего ходить всего за пару дней после рождения. Если такой темп развития продолжиться...

Мой разум вампира не имел проблем с математикой...

— Что нам делать? — прошептала я с ужасом.

Руки Эдварда сжались. Он понял, о чем говорю.

— Я не знаю.

— Рост замедляется, — процедил Джейкоб сквозь зубы.

— Ну, нам надо еще несколько дней измерять её, чтобы проследить темп развития, Джейкоб. Я не могу ничего обещать.

— Вчера она выросла на два дюйма, сегодня уже меньше.

— Одна тридцать вторая дюйма, если мои измерения правильны, — сказал Карлайл тихо.

— Ты не имеешь права ошибаться, док, — сказал Джейкоб, его слова звучали угрожающе.

Розали напряглась.

— Ты же знаешь, что я делаю все, что могу, — уверил его Карлайл.

Джейкоб прошептал:

— Это все, что я могу у тебя спросить.

Я снова почувствовала нарастающее раздражение, как будто Джейкоб опять что-то отнимал у меня, наносил удар.

Ренесми тоже казалась раздраженной. Она стала корчиться и затем протянула руку по направлению к Розали. Розали подвинулась вперед так, чтобы она могла дотронуться до её лица. Спустя секунду Роуз вздохнула.

— Что она хочет? — требовательно спросил Джейкоб, снова переступая грань.

— Беллу конечно, — сказала ему Розали, ее слова немного растопили лед, который был во мне. Затем она посмотрела на меня. — Как ты?

— Взволнована, — сказала я, и Эдвард крепче обнял меня.

— Все мы взволнованы. Но я не это имела в виду.

— Все под контролем, — пообещала я. Жажда сейчас почти совсем меня не мучила. Наоборот, Ренесми пахла очень вкусно, но не так, как еда.

Джейкоб дернул губой, но не сделал никаких движений, чтобы остановить Розали, когда та передавала мне ребенка. Я видела, как напряжена была Розали, и я поразилась тому, насколько все нуждалась сейчас в Джаспере. Может он был сфокусирован только на мне, забыв про остальных?

Ренесми протянула ко мне руки так же, как и я протянула к ней свои, её личико озарила сияющая улыбка. Она так хорошо разместилась у меня на руках, как будто они были предназначены специально для неё. Она сразу прижалась своей теплой головкой к моей щеке.

Хотя я была подготовлена, мне все еще было сложно видеть воспоминания картинками в моей голове. Её воспоминания были такими яркими и красочными, в то время как мои были абсолютно прозрачными.

Она помнила, как я атаковала Джейкоба на лужайке перед домом, помнила, как Сэт вскочил между нами. Она слышала и видела все абсолютно четко. Это было не похоже на меня, этот грациозный хищник, прыгающий на свою жертву, как стрела, выпущенная из лука. Это должно быть был кто-то другой. Это заставило меня чувствовать себя немного виноватой, потому что Джейкоб стоял там, беззащитный, вскинув руки перед собой. Его руки не дрожали. Эдвард посмеивался, смотря мысли Ренесми вместе со мной. Мы все вздрогнули от звука ломающихся костей Сэта.

Ренесми улыбнулась своей сверкающей улыбкой и остальные её воспоминания, которые полились в хаотичном порядке, были связаны с Джейкобом. Я ощутила еще одно приятное воспоминание, она не пыталась

им отогнать другие, оно всплыло непроизвольно, о том, как она наблюдала за Джейкобом. Мне показалось, что она была рада, что Сэт вскочил передо мной, прыгающей на Джейкоба. Она не хотела, чтобы Джейкобу было больно. Он был её.

— Ох, замечательно, — простонала я. — Замечательно.

— Это все только потому, что он пахнет лучше, чем все остальные, — уверил меня Эдвард. Его жесткий голос был пропитан раздражением.

— Я же говорил, что тоже ей нравлюсь, — дразнил меня Джейкоб с другой стороны комнаты, смотря на Ренесми. Он уже наполовину расслабился, но расположение его бровей не изменилось.

Ренесми потрогала моё лицо нетерпеливо, привлекая моё внимание. Другое воспоминание. Розали осторожно расчесывающая каждый локон. Это выглядело очень мило. Карлайл, со своими измерительными приборами — она знала, что ей надо выпрямиться и замереть. Это не было интересно для неё.

— Кажется она собралась рассказать тебе о всем, что ты упустила, прокомментировал Эдвард мне на ухо.

Мой нос сморщился и она стала показывать мне еще одно. Запах, исходящий из странной металлической чашки, достаточно сильный для того, чтобы учуять его с легкостью, мгновенно принес невыносимое жжение моему горлу. — Ох.

Потом Ренесми не была уже у меня на руках, которые держали у меня за спиной. Я не пыталась бороться с Джаспером, я просто смотрела в испуганное лицо Эдварда.

— И что я сделала не так?

Эдвард посмотрел на Джаспера, стоящего у меня за спиной, а затем снова на меня.

— Но она вспоминала свою жажду, — сказал Эдвард, на его лбу появились складки. — Она вспоминала вкус человеческой крови.

Джаспер сильнее сжал мои руки вместе. Часть моего сознания заметила, что это было очень неудобно, но не больно, как было бы, будь я человеком. Это просто надоедало мне. Я была уверена, что смогу вырваться, но не стала этого делать.

— Да, — согласилась я. — И?

Он смотрел на меня хмуро еще секунду, а затем растерялся. Он издал смешок.

— Похоже, что действительно ничего. На этот раз я перестарался, Джаз, отпусти её.

Державшие меня руки исчезли. Я потянулась за Ренесми сразу же, как

освободилась. Эдвард передал ее мне без колебаний.

— Я не могу понять, — сказал Джаспер. — Не могу поверить в это.

Я удивленно смотрела, как Джаспер широкими шагами выходит сквозь заднюю дверь. Леа отошла, пропуская его, когда он подошел к реке и в один прыжок оказался на другой стороне.

Ренесми дотронулась до моей шеи, повторяя только что произошедшие события. Это было как постоянный повтор. Я слышала вопрос в её мыслях, эхо моего вопроса.

Я уже преодолела удивление от её маленького странного дара. Это казалось совершенно неотделимым от неё, тем, что должно было быть. Может быть теперь, когда я сама стала необыкновенной по человеческим меркам, я никогда не буду так скептична.

Но что случилось с Джаспером?

— Он вернется, — сказал Эдвард, неизвестно для кого, для меня или для Ренесми, я не могла сказать с уверенностью. — Ему нужно немного времени, чтобы привести в порядок его взгляды на жизнь, — на уголках его губ играла легкая усмешка.

Другое человеческое воспоминание — Эдвард говорит мне, что Джаспер будет чувствовать себя лучше, если мне будет сложнее приспособливаться к жизни вампира. Это было перед нашей беседой о том, скольких людей я убью в первый год своей жизни как новообращенной.

— Он зол на меня? — тихо спросила я.

Глаза Эдварда расширились.

— Нет, с чего ему злиться?

— Тогда, что с ним случилось?

— Он недоволен собой, не тобой, Белла. Он волнуется о... о том как все это сложилось у него самого.

— Как так? — спросил Карлайл до того, как я успела это сделать.

— Он размышляет, действительно ли сумасшествие новообращенных так сложно преодолеть, как мы всегда думали, и еще о том, что при сильном стремлении и правильной позиции, все могли бы преодолевать это так легко, как Белла. Даже сейчас, возможно у него такие трудности, потому что он полагает, что это подсознательно и неизбежно. Может, если он ожидал бы от себя большего, он оправдал бы свои ожидания. Ты заставила его переосмыслить множество истин, Белла.

— Но это несправедливо, — сказал Карлайл. — Все мы разные, и у всех свои трудности. Может то, что Белла делает, выходит за пределы нормального. Может это и есть ее дар?

Я застыла, пораженная, Ренесми почувствовала разницу и дотронулась

до меня. Она вспомнила последнюю секунду и удивлялась, почему так произошло.

— Это интересная теория и очень правдоподобная, — сказал Эдвард.

Что до меня, я была разочарована. Что? Никаких волшебных, молний из глаз или чего-то вроде? Ничего полезного или же крутого? Ничего?

И я поняла, что это должно было значить — моя «суперсила» была ничем иным как моя исключительная способность к самоконтролю.

По крайней мере, у меня был дар. Могло так получиться, что у меня ничего не было бы.

Но больше всего я надеялась, что Эдвард был прав, и я смогу перескочить через ту стадию, которую боялась больше всего.

Что если я не должна была быть новообращенной? Ну, по крайней мере не сумасшедшей машиной для убийств. Что, если я смогу быть такой же, как все Каллены с самого первого дня? Что если мне не придется прятаться где-то в отдалении целый год, в ожидании пока я «подрасту»? Что, если как Карлайл, я не убью никого за всю мою жизнь? Что, если я смогу сразу быть хорошим вампиром?

Я смогу увидеть Чарли.

Я вздохнула, когда реальность развеяла мою надежду. Я не смогу увидеть Чарли прямо сейчас. Глаза, голос, лицо. Как я объясню ему это? Но я в тайне была довольна тем, что у меня была парочка причин для того, чтобы отложить все ненадолго. Чем больше я хотела как-то оставить Чарли в своей жизни, тем больше я боялась, что все обернется так же, как и моя первая встреча с человеком. Видеть, как его глаза хлопают, когда он будет оглядывать мое новое лицо, мою кожу. Знать, что ему будет страшно. Думать о том, какое жуткое объяснение появиться в его голове.

Я была достаточно молода для того, чтобы подождать год, пока мои глаза не станут другими. И я подумала, что я стану бесстрашной, когда осознаю, что я непобедима.

— Ты когда-нибудь встречал самоконтроль как талант? — спросил Эдвард Карлайла. — Ты действительно думаешь, что это её дар, а не результат того, она была подготовлена к этому?

Карлайл ответил.

— Это очень похоже на то, что Сиобан всегда умела делать, но она никогда не называла это даром.

— Сиобан — это твоя подруга из Ирландии? — спросила Розали. — Я не думала, что у неё есть какие-то способности. Я предполагала, что Мэгги — единственная, кто имеет какой-то талант в их группе.

— Да, Сиобан думает так же. Но она может ставить перед собой

задачи, а затем воплощать их в реальность. Она считает, что это просто умение хорошо все спланировать, но я всегда подозревал, что это что-то большее. Когда она взяла к себе Мэгги, к примеру. У них было очень маленькая территория, но Сиобан взялась решить эту задачу и ей это удалось.

Эдвард, Карлайл и Розали сидели в креслах и продолжали свою дискуссию. Джейкоб сел рядом с Сэтом — на всякий случай, он выглядел так, как будто ему все надоело. Но по тому, как опускались его веки, я была уверена, что он с минуты на минуту уснет.

Я слушала, но моё внимание было рассеяно. Ренесми все еще рассказывала о том, как провела день. Я держала её около стеклянной стены, мои руки непроизвольно покачивали её, когда мы смотрели друг другу в глаза.

Я осознала, что у других не было причин сидеть. Мне было очень удобно стоять. Это помогало отдохнуть так же, как если бы я растянулась на кровати. Я знала, что смогу стоять так, без единого движения, целую неделю. И я буду такой же расслабленной в конце этой недели, как и в ее начале.

Должно быть, они сидели по привычке. Люди начнут что-то подозревать, если кто-то будет стоять часами на одном месте даже не перенося свой вес на другую ногу. Даже сейчас, я видела, как Розали провела рукой по волосам, а Карлайл скрестил ноги. Небольшие движения, чтобы не казаться слишком неподвижными, слишком вампироподобными. Мне надо начать обращать внимание на то, что они делают, надо начать набираться опыта.

Я переступила на левую ногу, почувствовав себя немного глупо.

Может они давали мне немного времени, чтобы я смогла побыть наедине со своим ребенком, но так, чтобы Ренесми была вне опасности.

Ренесми рассказывала мне о событиях каждой минуты этого дня, я чувствовала течение её маленьких историй. Она хотела, чтобы я знала каждое мгновение её жизни так же сильно, как хотела и я. Она беспокоилась, если я что-то пропускала, рассказывала как воробей, подпрыгивал все ближе и ближе, когда Джейкоб держал её, находясь рядом с большим растением. Птицы не стали подлетать близко к Розали. Или о зверски неприятной смеси для детей, которую Карлайл положил в её чашку — она пахла как прокисшая грязь. Или о песне, которую Эдвард напевал ей, и ей она настолько понравилась, что Ренесми показала мне её дважды. Я была поражена тем, что я была на заднем плане того воспоминания, все еще малоподвижная, все еще выглядевшей полностью разбитой. Я

вздрагнула, вспоминая тот момент. Ужасный огонь...

Спустя почти час все остальные все еще были поглощены дискуссией, Сэт и Джейкоб похрапывали в полнейшем спокойствии, воспоминания Ренесми стали замедляться. Они стали немного расплывчатыми по краям и дрейфовали, а не были такими как прежде, всегда доходящими до конца. Я уже хотела в панике позвать Эдварда, чтобы спросить все ли с ней в порядке, но тут её глаза затрепетали и закрылись. Она зевнула, её пухлые розовые губки превратились в букву О, и её глазки больше не открылись.

Когда она погрузилась в сон, её рука упала с моего лица, её веки были бледно лавандового цвета редких облаков перед рассветом. Осторожно, чтобы не потревожить её, я положила её ручку на мою кожу и держала её там. Сначала я не видела ничего, а потом, через несколько минут, мелькание разных цветов, как бабочки стали наполнять её мысли.

Очарованная, я смотрела её сны. В них не было никакого смысла. Просто цвета, формы и лица. Я была обрадована тем, как часто оба моих лица, ужасное человеческое и чудесное бессмертное, появлялись в её мыслях. Чаше, чем лица Эдварда или Розали. Но так же часто, как лицо Джейкоба. Я попыталась не придавать этому значения.

Теперь я поняла причину того, почему Эдвард оставался посмотреть на меня спящую, просто для того, чтобы услышать, как я говорю во сне. Я бы могла смотреть сны Ренесми вечно.

Перемена в голосе Эдварда привлекла мое внимание, когда он сказал.

— Ну наконец-то, — и обернулся для того, чтобы пристально взглядеться в окно. Снаружи была глубокая ночь, но я могла видеть так же далеко, как и прежде. Ничего не скрывалось в темноте, только поменяло свои цвета.

Леа, все еще сердито смотря, встала и начала красться к лесу, как только Элис показалась на другой стороне реки.

Элис качалась взад-вперед на ветках, как гимнаст на трапеции, пальцы ног коснулись рук, до того, как она бросила свое тело в грациозный прыжок через реку. Эсмэ поступила более традиционно, в то время как Эмметт бросился в воду, расплескивая её так сильно, что она долетала до заднего окна. К моему удивлению, Джаспер вышел следом и его собственный ловкий прыжок казался мимолетным, даже неуловимым по сравнению с другими.

Рот Элис растянулся в широкой усмешке, которая была неясной, даже странной. Неожиданно все посмотрели на меня, Эсмэ с нежностью, Эмметт взволнованно, Розали немного с превосходством, Карлайл снисходительно, а Эдвард ожидающе.

Элис вошла в комнату впереди всех остальных, её руки были вытянуты перед собой и её нетерпение создавало фактически видимую ауру вокруг неё. В её ладони был обычный латунный ключ, перевязанный розовой лентой.

Она протягивала ключ мне, и я непроизвольно схватила Ренесми понадежнее правой рукой, чтобы освободить левую. Элис бросила в неё ключ.

— С днем рождения! — звонко крикнула она.

Я закатила глаза.

— Никто не начинает подсчет в день его реального рождения, — напомнила я ей. — Мой первый день рождения будет через год, Элис.

Её усмешка лучилась от самодовольства.

— Мы не отмечаем твой день рожденья как вампира. Пока еще. Сегодня тринадцатое сентября, Белла. С девятнадцатилетием!

Глава 24

Сюрприз

— Нет! Ни за что! — я неистово замотала головой и затем мельком взглянула на лицо с самодовольной улыбкой своего семнадцатилетнего супруга. — Нет, это не считается. Я остановила свой возраст три дня назад. Я восемнадцатилетняя навсегда.

— Ну и что, — сказала Элис, отклоняя мой протест, быстро пожав плечами. — Мы празднуем в любом случае, как бы ужасно это не звучало.

Я вздохнула. С Элис редко кто спорил. Ее ухмылка стала невероятно широкой, когда она увидела уступчивость в моих глазах.

— Ты готова открыть свой подарок? — пропела Элис.

— Подарки, — уточнил Эдвард, и он вытащил из своего кармана другой ключ — этот был длиннее и серебристей с менее кричащим голубым бантом.

Я отчаянно старалась не таращить глаза. Я тотчас же поняла, от чего был этот ключ — от «машины после». Я задалась вопросом, должна ли я чувствовать удивление. Казалось, после того как я стала вампиром, у меня пропал всякий интерес в спортивных автомобилях.

— Мой первый, — сказала Элис и высунула свой язык, предвидя его ответ.

— Мой ближе.

— Но посмотри, как она одета, — слова Элис были почти ворчанием. — то целый день выводила меня из себя. Очевидно, что первое, с чем мы должны разобраться, так это с ее одеждой.

Я нахмурила брови, так как удивилась, какое отношение может иметь ключ к появлению у меня новой одежды. Неужели она добыла мне целый сундук?

— Я знаю — чтобы решить, мы сыграем с тобой, — предложила Элис. — Камень, ножницы, бумага.

Джаспер захихикал и Эдвард вздохнул.

— Почему ты просто не скажешь мне, кто победил? — сказал Эдвард сухим тоном.

Элис засияла.

— Победила я. Превосходно.

— В любом случае это, наверное, лучше, чем, если бы я ждал до утра.

Эдвард криво усмехнулся мне и затем кивнул Джейкобу и Сету,

которые выглядели так, будто провели на ногах всю ночь; я могла только удивляться, как долго они держались все это время.

— Я думаю, всем бы нам было веселее, если бы Джейкоб проснулся перед вручением подарка, разве нет? Чтобы хоть кто-нибудь смог испытать достаточную степень энтузиазма.

Я ухмыльнулась в ответ. Он хорошо меня знал.

— Ох, — пропела Элис. — Белла, отдай Несс...Ренесми Розали.

— Где она обычно спит?

Элис пожала плечами.

— На руках у Розали. Или у Джейкоба. Или у Эсме. У тебя же был мысленный образ. За всю свою жизнь она никогда не получала нагоняй. Она станет самым избалованным полу-вампиrom в мире.

Эдвард засмеялся, в то время как Розали с готовностью взяла Ренесми в свои руки.

— Она также самый неиспорченный полу-вампир в мире, — сказала Розали. — Красота этого существа единственная в своем роде.

Розали улыбнулась мне и я была рада увидеть, что ее улыбка по-прежнему выражала новые дружеские отношения, установившиеся между нами. Я не была полностью уверена это продолжится после того как жизнь Ренесми отдалиться от моей. Но, может быть, мы достаточно долго сражались бок о бок, чтобы остаться такими же друзьями, как сейчас. В итоге я сделала тот же выбор, что сделала и она, если бы оказалось на моем месте. Это могло означать, что она не будет в обиде за все мои следующие поступки.

Элис впихнула мне в руки украшенный лентами ключ, затем схватила меня за локоть и потащила по направлению к задней двери.

— Идем-идем, — щебетала она.

— Он снаружи?

— В некотором роде, — сказала Элис, проталкивая меня вперед.

— Наслаждайся своим подарком, — сказала Розали. — Он от всех нас. Особенно от Эсме.

— А вы не идете со мной? — Я поняла, что больше никто не пошевелился.

— Мы даем тебе шанс оценить его по достоинству самой, — промолвила Розали. — Ты можешь рассказать нам о нем... позже.

Эмметт захохотал. Что-то в его смехе заставило меня покраснеть, хотя я и не могла понять почему.

Я осознала, что множество моих привычек — такие, например, как неприятие всяких сюрпризов и подарков вообще — ни капельки не

изменились. Было облегчением и откровением обнаружить, как много из моих основных характерных черт пришли со мной в это новое тело. Я не ожидала оказаться самой собой.

Я широко улыбнулась.

Элис потянула мой локоть, но я не могла перестать улыбаться, следуя за ней в багровую ночь. Только Эдвард пошел с нами.

— Вот и энтузиазм, которого я ждала, — прошептала Элис одобрительно. Затем она отпустила мою руку, сделала две гибких прыжка, и перепрыгнула через реку.

— Давай, Белла, — позвала она с другого берега.

Эдвард прыгнул в один момент со мной; это было также забавно как и сегодня днем. Может даже еще забавнее, потому что ночь окрасила все вокруг богатыми красками.

Элис уже мелькала пятками впереди нас, направляясь точно на север. Было легче следовать за звуком ее ног, которые шелестели по земле, и свежим следом ее запаха — все это не давало мне потерять ее из виду в густой растительности.

Я не поняла почему, но тут она повернулась и кинулась назад ко мне, там где я застыла.

— Не нападай на меня, — предупредила она и запрыгнула на меня.

— Что ты делаешь? — потребовала я, испытывая неловкость от того, что она вскарабкалась на мою спину и положила ладони на мое лицо. Я чувствовала желание сбросить ее, но сдерживала себя.

— Хочу убедиться, что ты ничего не увидишь.

— Я могу позаботиться об этом и без этого представления, — предложил Эдвард.

— Ты можешь позволить ей жульничать. Возьми ее руки и води ее вперед.

— Элис, я... не волнуйся, Белла. Мы сделаем это по-моему.

Я ощутила пальцы Эдварда, сплетающиеся с моими.

— Еще всего лишь несколько секунд, Белла. Потом она будет докучать кому-нибудь другому.

Он потянул меня вперед. Я легко последовала за ним. Я не боялась врезаться в дерево; дерево было единственной вещью, которая могла бы повредить мне в этом сценарии.

— Ты должен быть немного более благодарным, — упрекнула его Элис. — Все это как для неё, так и для тебя.

— Согласен. Спасибо тебе еще раз, Элис.

— Да. Да. Конечно, — голос Элис внезапно замолк в волнении. —

Остановитесь здесь. Поверни ее немного направо. Да, вот так. Ты готова? — пропищала Элис.

— Готова.

Здесь были новые запахи, возбуждающие мой интерес, усиливавшие мое любопытство. Запахи, которые не принадлежали густому лесу. Жимолость. Дым. Розы. Опилки? Также что-то металлическое. Плодородие чрева земли, вскопанной и открытой. Я склонилась к таинственному сюрпризу. Элис спрыгнула с моей спины, убрав ладони с моих глаз.

Я изумленно смотрела в фиолетовую темноту. Там, удобно устроившись на маленьком участке в лесу, стоял крошечный каменный домик, лилово-серый в свете звезд. Он так гармонично смотрелся здесь, что казался выросшим из камня, природным строением. Жимолость вилась вверх по одной стене в виде решетки, изгибаясь по пути по толстой деревянной кровле. Поздние летние розы цвели в тени сада размером с носовой платок, у дома были глубоко расположенные в стенах окна. Здесь же была маленькая тропинка из плоских камней, ночью напоминавшие аметисты, которая вела к причудливой сводчатой деревянной двери. Потрясенная, я сжала руками свой ключ, который держала.

— Что ты об этом думаешь? — сейчас голос Элис был нежным; он подходил совершенному спокойствию этого пейзажа из сказки.

Я открыла свой рот, но ничего не произнесла.

— Эсме считает, что по желанию мы можем жить отдельно; но она не хочет, чтобы мы были слишком далеко, — прошептал Эдвард. — И она с радостью воспримет любую реставрацию. Это маленькое местечко потихоньку ветшает здесь, по крайней мере, лет сто.

Я продолжала изумленно смотреть, широко раскрыв рот, как рыба.

— Тебе не нравится? — лицо Элис осунулось. — Я имею в виду, что мы можем сделать все по-другому, если хочешь. Эмметт был за то, чтобы присоединить к нему несколько тысяч квадратных метров, второй этаж, колонны, и башню, но Эсме подумала, что тебе понравится, если он будет выглядеть небольшим.

Ее голос начал повышаться и стал быстрее.

— Если она ошибалась, мы можем вернуться к работе. Это не займет много времени.

— Шшш, — скомандовала я.

Она поджала губы вместе и стала ждать. Я пришла в себя через несколько секунд.

— Ты даришь мне дом на мой день рождения? — прошептала я.

— Мы, — уточнил Эдвард. — И это не больше чем домик. Я думаю

слово «дом» предполагает большие размеры.

— Не придирайся к моему дому, — прошептала ему я.

Элис засияла.

— Тебе нравится!

Я утвердительно помахала головой.

— Любишь его?

Я кивнула.

— Я не могу дождаться, чтобы сказать Эсме!

— Почему она не пришла?

Улыбка Элис немного поблекла, искривилась по сравнению с той, которой была, как будто на мой вопрос было трудно ответить.

— О, ты знаешь... они все помнят, как ты относишься к подаркам. Они не хотели слишком давить на тебя, чтобы он тебе понравился.

— Но конечно он мне понравился. Другого и не могло быть!

— Они будут рады, — она похлопала меня по руке. — Как бы то ни было, чуланом ты обеспечена. Используй его разумно. И... Я полагаю это все.

— Ты не зайдешь внутрь?

Она небрежно отступила на несколько шагов назад.

— Эдвард знает все дороги вокруг. Я приду в гости... позже. Позовите меня, если вам потребуется совет в правильном подборе одежды.

Она с сомнением посмотрела на меня, а затем улыбнулась.

— Джас хочет поохотиться. Увидимся.

Она метнулась к деревьям, словно изящная пуля.

— Это было необыкновенно, — сказала я, когда полностью затих звук ее шагов. — Я и вправду такая плохая? Они не пришли. Сейчас я чувствую себя виноватой. Я даже не поблагодарила ее как следует. Мы должны вернуться, сказать Эсме.

— Белла, не глупи. Никто, правда, не думает что ты неблагоразумна.

— Тогда что?

— Их подарок — оставить нас вдвоем. Элис пыталась намекнуть на это.

— О.

Все это заставило дом исчезнуть. Мы могли быть где угодно. Я не видела деревьев или камней, или звезд. Был только Эдвард.

— Давай я покажу тебе, что они сделали, — сказал он, потянув меня за руку.

Он упустил то обстоятельство, что электрические потоки тут же запульсировали, растекаясь моему телу как адреналин, будоражащий кровь.

Я снова почувствовала странное равновесие, ожидая реакцию своего тела, на которую оно больше не было способно. Мое сердце, вероятно, колотилось как паровой двигатель, едва не сотрясая нас. Оглушительно. Мои щеки, наверное, должно быть сияли краснотой. Впрочем, я должна была быть истощена. Это был самый длинный день в моей жизни.

Я громко засмеялась — просто один незаметный маленький смешок от потрясения — когда я поняла, что этот день никогда не кончится.

— Я сказал какую-то шутку?

— И не очень хорошую, — сказала я ему, когда он вел меня к полукруглой двери. — Я просто думаю — сегодня первый и последний день вечности. Это так трудно — забить мою голову всем этим. Даже этим дополнительным домом.

Я снова засмеялась.

Эдвард захихикал вместе со мной. Он схватил руками дверную ручку, в почтении ожидая меня. Я вставила ключ в замочную скважину и повернула его.

— Ты так естественно ведешь себя, Белла. Я забыл, каким все это должно быть странным для тебя. Я хотел бы слышать это.

Он резко наклонился и рывком поднял меня на руки так быстро, что я не заметила как это произошло — это было что-то.

— Эй!

— Порог — один из надлежащих к выполнению пунктов моей работы, — напомнил он мне. — Но я сгораю от любопытства. Расскажи, про что ты думаешь прямо сейчас.

Он открыл дверь — она отворилась с едва слышным скрипом — и прошел в маленькую каменную гостиную.

— Обо всем, — сказала я ему. — Ты знаешь, обо всем в одно и то же время. О хороших вещах и вещах, которые меня беспокоят, и о вещах, которые для меня новы. Я превосходно удерживаю в голове очень многие вещи... Я думаю, Эсме — художница. Все так идеально!

Комната домика как будто сошла со страниц волшебной сказки. Пол состоял из совершенно ровно подобранных гладких камней. Низкий потолок был покрыт балками, некоторые из которых были такой высоты, что Джейкоб точно бы стукнулся о них головой. Стены в некоторых местах были из теплого дерева, в других — из каменной мозаики. В жужжащем словно рой пчел камине в углу трепетал медленно мерцающий огонь. В нем горел сплавной лес — маленькие языки пламени были голубыми и зелеными от соли. Он также частично снабжался электричеством, но не смотря на такие различия все это выглядело вполне гармонично. Одно

кресло казалось, относилось к средневековью, в то время как низкая тахта возле огня была более современной и, книжная полка напротив окна напоминали мне кинотеатр в Италии. Каким-то образом каждый кусочек подходил к другому, как большие трехмерные пазлы. Было несколько картин на стене, которые я узнала — несколько моих любимых из большого дома. Несомненно, бесценные оригиналы, но они также принадлежали этому месту, как и все остальное. Это было место, где любой мог поверить в существование волшебства. Место, где вы точно ждете появления Белоснежки с яблоком в руке, или того, что вдруг появиться единорог и будет есть, пощипывая маленькими кусочками, куст роз.

Эдвард всегда думал, что он принадлежит миру страшных сказок. Конечно, я знала, что то, что мертв — это не правильно. Было очевидно, что он принадлежит этому месту. Волшебной сказке. И сейчас я была в сказке вместе с ним.

Я нашла себе преимущество в том, что он так и не поставил меня на ноги и что его остроумно-ухмыляющееся лицо было лишь в дюймах от меня, когда он сказал:

— Нам повезло, что Эсме додумалась добавить ещё одну комнату. Для Несс-Ренесми ничего не планировалось.

Я хмуро взглянула на него, мои мысли перетекли в менее приятное русло.

— И ты тоже ничего не планировал, да? — пожаловалась я.

— Извини, любимая. Я слышал это в их мыслях все время, ты знаешь. Это действовало на меня.

Я вздохнула. Моя малышка, мое морское чудовище. Возможно, ничто не могло исправить это. Хорошо, что я не сдалась.

— Я уверен, ты до смерти хочешь увидеть этот чулан. Или, по крайней мере, я скажу Элис, что ты это сделала, чтобы осчастливить ее.

— Я должна бояться?

— Ужасно.

Он осторожно опустил меня в тесной каменной прихожей с крошечными арками на потолке, как будто это был наш собственный миниатюрный замок.

— Это будет комната Ренесми, — сказал он, кивая в пустую комнату с бледным деревянным полом. У них не было времени много заниматься этим из-за злых оборотней.

Я тихо рассмеялась, поражаясь, как быстро все пришло в порядок, когда еще неделю назад все выглядело таким кошмарным. Пропади ты пропадом, Джейкоб, совершенно все изменивший таким образом.

— Это наша комната. Эсме постаралась привнести сюда немного той обстановки, что была на острове. Она догадалась, что мы к ней привяжемся.

Кровать была громадной и белой, с облачками органзы, спускавшейся вниз от балдахина до пола. Бледный деревянный пол подходил другой комнате, и я поняла, что это был именно цвет нетронутого пляжа. Почти все стены были бело-голубыми, словно в яркий солнечный день, и у задней стены была большая стеклянная дверь, открывающаяся в маленький скрытый сад. Вьющиеся розы и небольшой круглый пруд, ровный как зеркало и горка со сверкающими камнями. Крошечный, спокойный океан предназначенный нам.

— О, — все, что я могла сказать.

— Я знаю, — прошептал он.

Мы остановились здесь на минуту, погружившись в воспоминания. Хотя воспоминания были человеческими и туманными, они полностью завладели моими мыслями.

Он растянул губы в сверкающей улыбке и затем рассмеялся.

— Чулан прямо за этими двойными дверьми. Я должен предупредить тебя — он больше, чем эта комната.

Я даже не взглянула на двери. В мире не было ничего и никого, кроме него — его руки обвили меня, его ласковое дыхание на моем лице, его губы в дюйме от моих — не было ничего, что могло бы отвлечь меня сейчас, будь я новорожденным вампиром или кем-то другим.

— Мы скажем Элис, что я подобрала одежду правильно, — прошептала я, запустив свои пальцы в его волосы и притянув свое лицо ближе к его. — Мы скажем, что я потратила часы, играя в переодевание. Мы сохрем.

В мгновение он поймал мое настроение, или, может, он уже был в нем, и он просто по-джентельменски пытался дать мне полностью оценить подарок на день рождения, Он привлек мое лицо к своему неожиданно яростно, издав низкий гортанный стон. Звук послал электрический ток по моему телу, близкому к безумию; как будто я не могла быть достаточно близко к нему так скоро, как мне хотелось. Я слышала звук разрывающейся ткани под нашими руками, и я была рада, что от моего наряда и так почти ничего не осталось. Было слишком поздно для этого. Я чувствовала, что мы поступаем жестоко, забыв про прекрасную белую кровать, но мы просто не были в состоянии ждать.

Эта секунда нашего медового месяца не была похожа на самую первую. Наше время на острове было олицетворением моей человеческой

жизни. Самым лучшим из нее. Я была готова остаться человеком только чтобы сохранить эти ощущения ещё немного дольше. Потому что, как мне казалась, такие ощущения больше никогда не повторятся. Я должна была предположить, что после такого дня как этот, это должно оказаться ещё лучше. С помощью моего нового, более совершенного зрения теперь я могла по-настоящему оценить его — могла как следует рассмотреть каждую прекрасную линию его идеального лица, его длинного, безупречного тела, каждую его изгиб и рельеф. Я могла ощутить его безупречный яркий аромат на своем языке и почувствовать невероятную нежность его кожи под моими чувствительными кончиками пальцев.

Моя кожа была столь же чувствительна и под его руками. Он был полностью другим, непохожим, когда наши тела сплелись в единое на бледно-песочном полу. Без осторожности, без ограничений. Не было никаких опасений. Мы могли любить друг друга, делая это вместе с равной силой. Наконец-то равной.

Также как наши поцелуи до этого, каждое прикосновение теперь было большим, чем то, к чему я привыкла. Раньше он во многом себе сдерживал. Раньше это было необходимо, но я не могла поверить, как много мне пришлось потерять. Я все время пыталась не забывать, что теперь была сильнее его, но было так сложно сконцентрироваться на чем-то во время таких сильных ощущений, миллион разных мест на моем теле привлекали мое внимание каждую секунду; если я и делала ему больно, он не жаловался.

Очень, очень маленькая часть моего сознания обдумывала интересную загадку, которую преподнесла данная ситуация. Я никогда не устану, и он тоже. Нам не надо восстанавливать дыхание или отдыхать, или есть, или даже мыться; у нас больше не было земных человеческих потребностей. У него было самое красивое, безупречное тело в мире и все оно было предоставлено в мое распоряжение; но все равно я не ощущала, что когда-нибудь приду к какому-нибудь ответу. Сейчас мне было достаточно одного дня. Но я всегда буду хотеть еще. И наши дни никогда не подойдут к концу. Поэтому, как мы когда-нибудь остановимся в данной ситуации? Меня совершенно не беспокоило то, что у меня совсем не было ответа на этот вопрос. Я пыталась разобраться во всем этом, когда солнце показало свои первые лучи. Крошечный океан снаружи превратился из черного в серый, и жаворонок запел где-то совсем близко, может быть у него было гнездышко среди кустов роз.

— Ты скучаешь по этому? — спросила я Эдварда, когда жаворонок закончил свою песню.

Мы говорили не впервые, но кто-то один из нас никогда не мог правильно поддержать разговор.

— Скучаю по чему? — прошептал он.

— По всему этому — по теплу, нежной коже, вкусному аромату... ведь мне не пришлось ничего потерять и мне просто хочется знать стало ли это для тебя большой утратой.

Он тихо и ласково рассмеялся.

— Будет трудно найти кого-нибудь, кто бы был сейчас печальнее меня. Возможно, это и было рискованно. Не многие получают все что они хотели до последней мелочи, плюс все то, на что они и не надеялись, и все и один и тот же день.

— Ты избегаешь ответа?

Он снова прижал свои руки к моему лицу.

— Ты теплая, — сказал он мне.

В каком-то смысле это действительно было так. Для меня его руки были теплыми. Это не было похоже на прикосновение обжигающей как огонь кожи Джейкоба, оно было более приятным. Более естественным.

Затем он стал водить пальцами вниз по моему лицу, очерчивая линию от подбородка, по моей шее, а затем, дальше к моей талии. У меня даже слегка закатились глаза.

— Ты мягкая.

Его пальцы на моей коже были похожи на атлас, и я могла понять, что он имеет в виду.

— А что касается запаха, то не могу сказать, что совсем его потерял. Ты помнишь запах тех путешественников на нашей охоте?

— Я очень сильно стараюсь не вспоминать.

— Представь как это на вкус.

Мое горло заполнил огонь, как будто натянулся шнурок, пропуская горячий воздух в воздушный шар.

— О.

— Совершенно верно. Поэтому ответ — нет. Я исключительно счастлив, так как ничего не потерял. Ни у кого нет столько, сколько сейчас есть у меня.

Я уже собралась проинформировать его об одном изъёме в его утверждении, но мои губы неожиданно стали очень занятыми.

Когда маленький пруд окрасилась под лучами восходящего солнца в жемчужный цвет, я придумала ему другой вопрос.

— Как долго это продолжается? Я имею в виду, у Карлайла и Эсме, Эмметта и Роуз, Элис и Джаспера — они же не проводят весь день,

закрывшись в своих комнатах. Они все время на людях, полностью одетые. Это... тяга когда-нибудь ослабевает?

Я прижалась еще крепче к нему — фактически полностью слившись в одно целое — чтобы показать ему, про что я говорю.

— Сложно сказать. Все разные, и, конечно, ты больше всего отличаешься от других. Обычный молодой вампир настолько одержим жаждой, что больше ничего не замечает. Что, кажется, к тебе совсем не относится. Тем не менее, по прошествии своего первого года обычный вампир начинает узнавать и про другие свои потребности. Ни жажда, ни любое другое желание по-настоящему никогда не исчезают. Просто укрощенная сущность уравнивает их, учит смирению и расстановке приоритетов.

— Как долго?

Он улыбнулся, немного поморщив нос.

— Розали и Эммет были хуже всех. Прошло целое десятилетие прежде, чем я смог приблизиться к ним ближе, чем на пять миль. Даже Карлайл и Эсме пережили трудные времена, вынужденные выносить это. В конечном счете, они избавились от этой счастливой парочки. Эсме им также сделала для них дом. Он был грандиозней, чем этот, но, в конце концов, Эсме знает вкусы Роуз, и она знает, что нравится тебе.

— А по прошествии десяти лет?

Я была полностью уверена, что у Розали и Эмметта не было ничего общего с нами, но хоть это и звучало самоуверенно, у меня бы это заняло больше десятилетия.

— И все снова стали нормальными? Такими, как сейчас?

Эдвард снова улыбнулся.

— Ну я не знаю, что ты имеешь в виду под словом «нормально». Ты видела мою семью при свете дня, когда они придерживаются довольно человеческого поведения, но ночами ты спала.

Он подмигнул мне.

— Остается огромное количество времени, когда ты не должен спать. Это весьма просто уравнивает твои... интересы. По этой причине я лучший музыкант в семье, вот почему — за исключением Карлайла — я прочитал больше всего книг, изучил больше всего наук, могу разговаривать на большинстве языков... Эмметт говорил тебе, что я знаю так много, потому что читаю мысли, но правда в том, что тогда у меня было много свободного времени.

Мы вместе рассмеялись, и наш смех интересным образом повлиял на наши тела, которые снова сплелись, эффективно завершая этот разговор.

Глава 25

Услуга

Прошло некоторое время, когда Эдвард напомнил мне о моих обязанностях.

Напоминанием послужило всего лишь одно слово:

— Ренесми...

Я вздохнула. Она уже должна была скоро проснуться, ведь было уже около семи утра. Будет ли она ждать и искать меня? Внезапно, нечто близкое к панике заставило меня застыть на месте. Как она будет выглядеть сегодня?

Эдвард не мог не обратить внимания на мое состояние.

— Все в порядке, милая. Одевайся и мы доберемся до дома в течение пары секунд.

Вероятно я напоминала мультяшку, когда я аж подскочила, оглянувшись, посмотрела на него — его тело сияло в рассеянных лучах утреннего солнца — затем вдаль, на запад, там где уже, должно быть, ждала меня Ренесми, потом опять на него и так несколько раз. Эдвард улыбался, но так и не засмеялся; какой сильный мужчина.

— Все находится в равновесии, любимая. Ты так хороша во всем этом. Я не думаю, что это займет много времени — включить все в перспективу.

— И у нас есть целая ночь, не так ли?

Он улыбнулся шире.

— Ты думаешь, я бы смог выдержать, чтобы оставить тебя одетой, если бы на то не было такой причины?

Это должно было быть достаточным, чтобы выдержать целый день. Я сохраню все в равновесии, даже излишне, потому что у меня было огромное желание быть хорошей — как же трудно было вообразить себе это слово.

И даже несмотря на то, что Ренесми была абсолютно реальной и занимала теперь огромное место в моей жизни, была очень сложно представлять себя матерью. Я допускала, что каждая чувствовала бы себя также, без девяти месяцев, дающих возможность свыкнуться с этой мыслью. С ребенком, который рос не по дням, а по часам.

Мысль о ее стремительном развитии тот час же повергла меня в напряжение. Я даже не успела вдохнуть, когда пройдя сквозь покрытые узорчатым орнаментами двухстворчатые двери, поняла что натворила Элис.

Я была намерена одеть то, что первое попадется под руку. И я должна была учесть, что это будет не так-то просто.

— Что именно их этого — мое? — прошипела я. Как он и обещал, комната была больше, чем наша спальня. Она даже была больше, чем все комнаты в нашем доме вместе взятые, конечно, мне следовало измерить ее шагами, чтобы быть уверенной, но все же. В голове промелькнула мысль о Элис, которая наверняка убеждала Эсме пересмотреть свои взгляды на стандарты классических архитектурных пропорций и позволить это безобразие. Я была удивлена, ведь Элис это удалось.

Все помещение утопало в одежде, сумках с одеждой, белизне и чистоте. Ряд за рядом, ряд за рядом, ряд...

— Насколько мне известно все в этом доме, так что эта полка. — он указал на ряд вешалок, тянувшийся на половину стены налево от двери. — Она твоя.

— Все это?!

Он кивнул головой.

— Элис. — сказали мы одновременно. Он произнес это так, будто это объясняло все. Я произнесла это чуть ли не как ругательство.

— Весело. — пробормотала я, и рванула молнию на первой попавшейся сумке. У меня перехватило дыхание, когда я увидела нечто нежное, летящее, в пол нежно-розового цвета.

Да уж, найти себе что-нибудь нормальное и подходящее явно займет куда больше времени, чем я предполагала.

— Позволь мне помочь. — произнес Эдвард. Он вдохнул немного воздуха и последовал за каким-то ароматом в самый конец комнаты. Там был встроенный в стену комод с зеркалом. Он вдохнул еще раз и открыл один из ящиков комода. С триумфальной улыбкой на лице, он излек оттуда пару голубых джинс, специально выбеленных в некоторых местах.

В мгновение ока я оказалась рядом с ним.

— Как ты сделал это?!

— У хлопчатобумажной ткани свой специфический запах, впрочем, как и у каждой ткани. Ну что, что-нибудь из эластичного хлопка?

Он последовал за запахом и нашел белую рубашку с длинным рукавом. Он кинул ее мне.

— Спасибо. — ответила ему я. Я вдохнула запах каждой вещи, стараясь запомнить его как можно лучше, чтобы облегчить себе, в следующий раз, поиски нормальной одежды в этом дурдоме. Я запомнила шелк и атлас — буду избегать их.

Поиски его одежды заняли у него чуть ли не долю секунды — если бы

я не видела его обнаженным, то была бы готова поклясться, что нет на свете мужчины красивее его, одетого в светло-бежевый пуловер — затем он взял меня за руку. Мы помчались по тайному саду, легко перепрыгнули каменную стену, и пулей ворвались в лес. Я выдернула свою руку из его руки, чтобы было легче бежать.

Ренесми уже встала; она сидела на полу, вместе с Эмметтом и Роуз, порхающими вокруг нее, играя с кучей покореженного столового серебра. В ее правой руке была искореженная ложка. Как только она увидела меня, она отшвырнула ложку в сторону — бросок оставил заметный след в деревянном полу — и настойчиво указала пальцем в мою сторону. Ее публика рассмеялась; Элис, Джаспер, Эсме и Карлайл сидели на диване и наблюдали за ней, словно смотрели какой-нибудь, до жути увлекательный, фильм.

Я прошла сквозь дверь, пройдя всю комнату и одним стремительным движением подхватила ее на руки, едва они успели рассмеяться. Теперь мы смотрели друг на друга, улыбаясь.

Она изменилась, но не слишком сильно. Немного длиннее опять, пропорции ее тело тремительно меняли из младенческих в детские. Ее волосы стали длинней на четверть дюйма, ее кудряшки подпрыгивали словно пружинки с каждым движением ее тела. Я позволила своему сознанию вернуться на день позже, опровергая все мои страхи, было ясно, что изменения ее тела значительно замедлились. Они стали практически незаметными, что было ясно и без измерений Карлайла.

Ренесми погладила меня по щеке. Я вздогнула. Она опять была голодна.

— Как давно она проснулась? — спросила я, как только Эдвард исчез в дверном проеме кухни. Я была уверена, что он отправился за ее завтраком. Он мог видеть ее мысли также ясно, как их видела я.

Я была удивлена, он знал каждый ее каприз, каждую причуду. Он знал что именно и когда нужно ей. Для него же это было словно так, будто она говорила ему обо всем сама.

— Пару минут назад. — ответила мне Роуз. — Мы только собирались позвонить вам. Она спрашивала о тебе, точнее сказать, требовала твоего незамедлительного присутствия. Эсме пришлось пожертвовать своим вторым лучшим набором столового серебра, чтобы как-то занять малышку. — Розали посмотрела на малышку взглядом так полным любви, что весь ее критицизм казался невесомым. — Мы не хотели, эмн, особо беспокоить вас.

Розали сжала губы и отвела свой взгляд, стараясь не рассмеяться. Я

могла почувствовать беззвучный смех Эмметта у себя за спиной. Его смех заставлял воздух колебаться слишком часто, и я чувствовала это.

Я гордо приподняла подбородок.

— Мы сейчас же приступим к обустройству твоей комнаты. — сказала я Ренесми. — Тебе понравится коттедж. Он волшебен.

Я взглянула на Эсме.

— Спасибо Эсме, правда, большое спасибо. Он безупречен.

Эмметт опять засмеялся, еще до того как Эсме успела ответить что-либо. И это уже не было беззвучно. Это был взрыв хохота.

— Так он все еще стоит?! — выдавил он сквозь смех. — Я то думал, что вы его разнесете в груды камней. И что же вы делали прошлой ночью? Обсуждали свой национальный долг перед страной? — Он захлебнулся в смехе.

Я стиснула зубы и напредила себе о негативных последствиях, когда я дала выйти себе из под контроля вчера днем. Конечно, Эмметт не был столь хрупким как Сэт...

Мысль о Сэте заставила меня задуматься. «Где были волки сегодня?» Я посмотрела сквозь прозрачную стену, но не нашла ни намека на какое-либо присутствие Леи.

— Джейкоб ушел сегодня рано утром. — произнесла Розали неодобрительным тоном. — Сэт последовал за ним.

— Чем же он был так расстроен? — спросил Эдвард как только вошел в комнату, держа в руках бутылочку для Ренесми. Должно быть в сегодняшних воспоминаниях Розали было куда больше, чем она сказала вслух.

Задержав дыхание, я передала Ренесми Розали. Супер-самоконтроль, может быть, но пока не было ни одной причины, по которой я хотела укунить ее. Пока.

— Я не знаю, точнее меня это не волнует. — пробурчала Роуз, но все же ответила на его вопрос. — Он смотрел за спящей Нэсси, открыв рот, как последний болван, которым он, впрочем, и является. И тут он вдруг переступил с ноги на ногу — без намека на что-либо, как мне показалось — и метнулся прочь. Я была рада избавиться от него. Чем больше времени он проводит здесь, тем сложнее будет выветреть запах псины.

— Роуз, — сказала Эсме мягким предупредительным тоном.

Розали встряхнула своими волосами.

— Я полагаю, что это не имеет особого значения. Мы не собираемся задерживаться здесь надолго.

— Я думаю, что стоит отправиться сразу в Новый Хэмпшир и дать

время, чтобы все утряслось. — сказал Эмметт, продолжая раннюю дискуссию. — Белла уже поступила в Дартмут. Не похоже, что у нее займет много времени — способность привыкания к учебе — он повернулся и взглянул на меня с дразнящей усмешкой на губах. — Ты поразишь свою группу своими знаниями. У тебя же нет никаких дел по ночам, кроме как учебы, так ведь?

Розали захихикала.

«Не теряй контроль, не теряй контроль!»- говорила я сама себе. И я даже была горда тем, что до сих пор могу сохранять трезвость рассудка.

И я была очень удивлена, что Эдвард не смог.

Он зарычал — неожиданный и резкий звук — и нечто черное метнулось к нему, словно ураган.

До того как кто либо из нас понял что происходит вокруг, Элис уже вскочила на ноги.

— Что он делает? Что он делает, что каждый раз разрушает весь мой график?! Я не могу ничего видеть! Нет! — она посмотрела на меня взглядом полным боли и мучения.

На какую-то долю секунды я была благодарна Джекобу за все, что он когда-либо делал.

Руки Эдварда сжались в кулаки и он произнес:

— Он разговаривал с Чарли. Он думает, что то последует за ним. Сюда. Сегодня.

Элис произнесла слово, которое мне никогда не доводилось слышать от нее. Ничего подобного. В ту же секунду она словно растаяла в воздухе, на самом же деле она стремительным движением метнулась вон сквозь заднюю дверь.

— Он рассказал Чарли? — я негодовала. — Он что, не понимает??? Как он мог сделать это?!

Чарли не должен был знать обо мне! Он не должен был знать о вампирах! Это поставит его под удар, под угрозу. От которой, до настоящего времени, так успешно скрывали его Каллены.

— Нет!!!

— Джейкоб сейчас находится в пути. — произнес Эдвард сквозь зубы.

Должно быть вдалеке на востоке шел дождь. Он вошел в двери тряс головой, словно собака, капли дождя летели в разные стороны, оставляя темные пятнышки на белой поверхности дивана и ковров. Он улыбался, в его глазах читалось волнение и возбуждение. Его движения были отрывисты. Все выглядело так. Будто его ничуть не волновало то, что он в мгновение ока разрушил жизнь моего отца.

— Привет, ребята! — сказал он, усмехаясь.

Ответом ему послужила гробовая тишина.

Леа и Сэт следовали за ним, находясь у него за спиной. В человеческом облике — на тот момент. Их руки дрожали. В комнате чувствовалось сильное напряжение.

— Роуз! — сказала я, протягивая свои руки вперед. Не сказав ни слова, она передала мне Ренесми. Я прижала ее ближе к моему безмолвному сердцу, держа ее, словно оберег, предохраняющий от вспышки внезапного гнева. Я собиралась держать ее у себя до тех пор, пока сама не буду убеждена в том, что мое желание прибить Джейкоба было непосредственно рациональным решением, а не поспешным выводом, связанным с моей внезапной яростью.

Она была очень тиха, смотрела и прислушивалась. Интересно, как многое она уже осознает?

— Чарли будет здесь довольно скоро. — сказал мне Джейкоб совсем обыденным тоном. — Всего лишь навестит. Я предложил Элис дать тебе солнечные очки или что-то вроде того.

— Это уже слишком... — ответила я, крепко стиснув зубы, — Что. Же. Ты. Наделал!?

Джейкоб нерешительно улыбнулся, но было видно, что он хочет урегулировать этот вопрос без каких-либо шуточек.

— Блондинка и Эмметт разбудили меня своими разговорами, они все продолжали и продолжали мусолить тему твоего уезда отсюда. Будто я могу позволить тебе уехать. Чарли же является для тебя главной зацепкой здесь, так что же, теперь проблема решена.

— Ты что, вообще не понимаешь что ты НАДЕЛАЛ? Не понимаешь какой опасности подвергаешь его?!

Он фыркнул.

— Я не подверг его никакой опасности, кроме как тебя. Но у тебя есть супер-самоконтроль, так ведь? Конечно это не так хорошо, как чтение мыслей, если ты спросишь меня. Ну, чуть менее захватывающе.

Эдвард стремительно пересек комнату и встал лицом к лицу с Джейкобом. Эдвард был на полголовы ниже Джейкоба, но Джейкоб съежился под, полным ярости, взглядом Ждварда так, что теперь Эдвард возвышался над ним.

— Это всего лишь теория, дворяшка! — прорычал он. — Ты думаешь, что мы бы проверили ее на Чарли?! Ты что не понимаешь какую физическую боль это принесет Белле, даже если она сможет сопротивляться?! А какую эмоциональную, если не сможет?! Я полагаю, что

чтобы с ней не случилось, это будет касаться тебя совсем недолго. — Он словно выплюнул последние слова ему в лицо.

Ренесми с тревогой приложили свой палец к моей щеке, и я тот час же увидела красочный повтор только что развернувшихся событий.

Слова Эдварда наконец-то пробили, казалось бы непроницаемую, броню Джейка. Он нахмурил брови, губы превратились в тонкую нить.

— Белла будет испытывать боль?

— Разве что ты сможешь подавить разжигающееся пламя в ее горле, которое подобно раскаленному до бела железу.

Я передернулась, вспомнив аромат чистой человеческой крови.

— Я не знал этого. — прошептал Джейкоб.

— Тогда, наверно, ты должен был спросить, прежде чем делать что-то. — огрызнулся Эдвард.

— Ты мог остановить меня!

— Тебе следовало остановиться самому!

— Дело не во мне, — прервала их я. — Дело в Чарли, Джейкоб. Как ты мог подвергнуть его опасности, особенно таким путем? Ты понимаешь, что теперь ему суждено либо стать одним из нас, вампиром, либо умереть?

Мой голос дрожал вместе со слезами, которым больше никогда не было суждено скатиться по моей щеке.

Джейкоб все еще был обеспокоен обвинением Эдварда. Но мои обвинения похоже все не волновали его.

— Успокойся, Белла. Я не сказал ему ни слова о том, о чем не сказала бы ему ты сама.

— Но он собирается приехать сюда! Он будет здесь!

— Да, идея в этом. К тому же «позволим ему сделать неправильные выводы», разве это не была твоей идеей? Я думаю, что мог бы сказать, что провел отличный отвлекающий маневр, будь это моей идеей.

Мои пальцы ужу было соскользнули с Ренесми, но я быстро вернула свою руку на место.

— Говори прямо, Джейкоб. Или у меня не хватит терпения.

— Я не рассказывал ему ничего о тебе. Не совсем так. Я рассказывал ему все о себе. Ну, наверно «показал» будет более уместным словом в этой ситуации.

— Он обратился на глазах у Чарли. — прошепел Эдвард.

— Ты что? — прошептала я.

— Он храбрый. Такой же как и ты. Его не вырвало, он не упал в обморок или что-то в этом роде. Должен сказать, я был впечатлен. Ты должна была видеть его лицо, когда я начал раздеваться. Так нелепо.

— Ты круглый debil! Ты мог довести его до сердечного приступа!

— С ним все хорошо. Он крепкий орешек. Если бы ты дала мне минуту, то поняла бы, что я оказал тебе услугу.

— У тебя есть половина, Джейкоб. — мой голос был тверд и непоколебим. — У тебя есть ровно тридцать секунд, чтобы сказать мне хоть что-то, пока я не передам Ренесми Розали и не оторву тебе твою безмозглую голову! И Сэт не будет способен остановить меня на этот раз.

— Черт, Белла. Не надо так драматизировать. Разве это так присуще вампирам?

— Двадцать шесть.

Он закатил глаза и развалился поудобней, плюхнувшись в ближайшее кресло. Леа же наблюдала за мной. Ее верхняя губа подрагивала, обнажая ряд белоснежных зубов.

— Я постучал в двери дома Чарли сегодня утром и пригласил его прогуляться со мной. Он был немного сконвужен, но когда узнал, что речь пойдет о тебе и о том, что ты уже в городе, то сразу же последовал за мной в сторону леса. Я рассказал ему что ты больше не болеешь, и те вещи, что сейчас происходят с тобой могут показаться немного жуткими, но на самом деле в них нет ничего плохого. Он сказал, что хочет навестить тебя, но я прервал его и сказал, что должен ему, для начала, кое-что показать. И затем я перекинулся в волка.

Джейкоб пожал плечами.

Мои зубы были сжаты словно тиски.

— Я хочу слышать все слово в слово, урод.

— Ну, ты кажется говорила что-то про тридцать секунд — ладно-ладно!

Наверняка весь мой внешний вид говорил о том, что я была далеко не в настроении шутить.

— Дай мне подумать... Я перебросился обратно в человека, оделся, и когда Чарли наконец-то смог нормально дышать сказал ему что-то вроде: «Чарли ты не живешь в том мире, в котором ты думаешь, что живешь. Есть хорошие новости — ничего не изменилось, кроме того, что ты узнал. Жизнь продолжает течь по своему течению, по тому, что текла всегда. В конце концов, ты можешь вернуться обратно и убеждать себя, что ты ничему не веришь». У него заняло примерно минуту, чтобы собраться с мыслями. Тогда он захотел узнать всю правду о твоей ужасной тропической болезни, что было на самом деле. Я сказал ему, что ты была больна, но сейчас тебе гораздо, гораздо лучше. И что было только одно маленькое изменение в процессе твоего выздоровления. Он захотел узнать что я имел

ввиду и я ответил, что ты стала больше похожа на Эсме, чем когда-то была похожа на Рене.

Эдвард что-то прошипел, пока я уставилась на Джейкоба глазами полными ужаса; все шло совсем не в ту сторону, куда должно было.

— Через несколько минут он спросил меня не превращаешься ли ты в животное тоже, на что я ответил: «Она бы хотела стать такой клевой!»

Джейкоб захихикал.

Розали издала звук, явно означающий отвращение.

— Я начал была рассказывать ему больше обо всем, но не смог рассказать почти ничего — Чарли оборвал меня на полуслове, сказав, что не желает знать все слишком подробно. И затем он спросил знала ли ты во что влипла до того, как вышла замуж за Эдварда. Я ответил: «Конечно, она знала об этом годами, с того самого момента, как только приехала в Форкс!» Что ему не очень понравилось. Я дал ему время прийти в себя. Как только он успокоился, он хотел только двух вещей. Он сказал, что очень хочет увидеть тебя, на что я ответил, что мне нужно время, чтобы объяснить все вам.

Я глубоко вдохнула.

— И какой — же была вторая вещь?

Джейкоб улыбнулся:

— Его главное, эмн, пожелание состояло в том, что если у тебя есть что-то, что ты скрываешь, то можешь оставить свои секреты при себе, только дай ему знать и все.

Я почувствовала облегчение. Впервые с того момента, как Джейк сегодня зашел в эту комнату.

— Я справлюсь с этой частью.

— И еще кое-что, — добавил Джейком. — Он будет делать вид, что все находится в порядке вещей. — он улыбнулся еще шире.

— Что ты рассказал ему о Ренесми? — Я передернулась. Все настолько необдуманно, настолько неправильно. Хотя, если вмешательство Джейкоба принесло такие плоды, то я могу надеяться...

— Ах да, я сказал ему, что вы удочерили маленького ребенка. — Он взглянул на Эдварда. — Она сирота и находится под вашим опекуном, как Брюс Уэйн и Дик Грейсон^[15] — фыркнул Джейк. — Я и не думал врать, это все часть игры, так ведь?

Эдвард ничего не ответил, так что Джейкоб продолжил говорить.

— Чарли сначала был в шоке, а потом сказал: «Типа дочка? Значит я что-то вроде дедушки?». Я сказал ему «да». «Мои поздравления, дедуля!» и что-то еще в этом роде. Он даже улыбнулся.

Нечто похожее на слезы вернулось к моим глазам. Но это были не от горя или злости. Чарли улыбнулся от одной мысли, что стал дедушкой? Чарли не против встретиться с Ренесми?

— Но она меняется слишком быстро! — прошептала я.

— Я сказал ему, что она особенная, она особенней, чем все мы вместе взятые. — Джейкоб сказал это мягким голосом. Он встал и начал продвигаться в мою сторону, Сэт и Леа последовали за ним, но Джейкоб жестом показал им, что беспокоиться больше не о чем и они замерли на месте. Ренесми потянулась к нему, но я еще сильнее обняла ее и прижала ее к своей груди.

— Я сказал ему: «Верь мне. Я знаю, что ты не хотел слышать об этом, но если ты игнорируешь все странности окружающего мира, прикидываясь слепцом, то я скажу тебе — ты будешь поражен. Она самая великолепная в этом мире». И затем я сказал ему, что если он способен считаться с тем, что узнал в тот раз, то ты будешь здесь и у него будет шанс познакомиться с ней. Но если он решит, что все это слишком для него, то ты уйдешь. Он сказал, что никто никогда не взваливал на него такое количество информации одновременно, поэтому он готов смириться со всем происходящим.

Джейкоб смотрел на меня с кривой усмешкой на лице, ожидая какой-либо реакции.

— Я не собираюсь благодарить тебя за это. — сказала я. — Ты все еще подставил Чарли под смертельный риск.

— Мне очень жаль, что это ранит тебя. Я не знал, что все так. Конечно, мы сейчас очень разные, но кое-что останется по прежнему таким как было. Я всегда буду твоим лучшим другом для тебя, а я всегда буду любить тебя. Но я буду любить тебя правильно, теперь. Теперь все находится в равновесии. У нас у обоих есть люди без которых нам и не жить вовсе.

Он улыбнулся той самой улыбкой, которую я так любила.

— Друзья? — спросил он.

Несмотря на все свои сопротивления, я должна была улыбнуться, какая-то крошечная улыбочка.

Он протянул свою руку; сделка.

Я сделала глубокий вдох и перехватила Ренесми. Теперь, держа ее одной рукой, я протянула ему свою левую — он наверняка и не чувствует холода моей кожи.

— Если я не убью Чарли сегодня ночью, я подумаю над тем, чтобы простить тебе все это.

— Когда ты не убьешь Чарли сегодня, ты станешь моей должницей.

Я закатила глаза.

Он протянул свои руки к Ренесми.

— Можно?

— Вообще-то, я держу ее в руках, чтобы ненароком не убить тебя, так что, как-нибудь в другой раз.

Он покачал головой, но не подгонял меня. Как умно с его стороны.

Вдруг, Элис пулей внеслась в комнату. Весь ее вид показывал ее ненависть.

— Ты, ты и ты. — прогаркала она на оборотней. — Если вы остаетесь, то идите, сядьте где-нибудь за углом и не высовывайте оттуда своих носов! Я должна видеть! Белла, было бы лучше отдать Ренесми им. Твои руки должны быть пустыми, в любом случае.

Лицо Джейкоба озарила триумфальная улыбка.

Страх чистой воды сковал мои внутренности от той чудовищной вещи, что я должна была совершить. Я собиралась поспорить с мой сомнительным самообладанием на собственного человеческого отца как на какую-то морскую свинку. Слова, сказанные Эдвардом, вновь гремели в моих ушах.

А ты подумал о той боли, что придется испытать Белле, даже если она сможет себя сдержать? Или о её душевной боли, если ей не удастся?

Я не могла даже вообразить какой будет боль, если я не сдержу себя. Горло перехватило в приступе удушья.

— Возьми ее, — прошептала я, отдавая Ренесми на руки Джейкобу.

Он кивнул, его лоб сморщился от беспокойства. Он махнул остальным, и все они перешли в дальний угол комнаты. Сет и Джейк тут же ссутулились на полу, но Леа только тряхнула головой и поджала губы.

— Мне-то разрешено уйти? — процедила она. Леа выглядела так, как будто ей было неудобно в человеческом теле, она была одета в ту же самую грязную футболку и хлопковые шорты, которые были на ней, когда она пришла чтобы закатить мне скандал, ее короткие волосы, торчали тут и там спутанными клочками. Ее руки все еще подрагивали.

— Конечно, — сказал Джейк.

— Направляйся к востоку, тогда тебе не придется повстречать Чарли, — добавила Элис.

Леа не взглянула на Элис; она выскользнула через черный ход и потопала к кустарникам, чтобы перевоплотиться.

Эдвард повернулся ко мне и погладил моё лицо.

— Ты сможешь это сделать. Я знаю, что ты сможешь. Я помогу тебе, мы все поможем.

Я встретила взгляд Эдварда с выражением панического ужаса на лице. Был ли он настолько силен, чтобы остановить меня, если я сделаю неверное движение?

— Если бы я не считал, что ты сможешь справиться с этим, то мы бы уехали сегодня же. В эту самую минуту. Но ты можешь. И ты будешь более счастливой, если Чарли останется в твоей жизни.

Я попыталась дышать медленнее.

Элис протянула руку. В её ладони была маленькая белая коробка.

— Они скроют глаза — не причинят вреда, но они как бы закроют пеленой твое зрение. Это контактные линзы. Это конечно не будет как твой старый цвет глаз, но все лучше, чем ярко-красный, правда?

Она подбросила коробку в воздух, и я поймал её.

— И когда ты успела...

— До того, как вы отправились в медовый месяц. Я был готова к нескольким возможным вариантам будущих событий.

Я кивнула и открыла контейнер. Мне никогда раньше не приходилось носить линзы, но это вряд ли могло быть чем-то сложным. Я взяла маленькую коричневую выпуклую сферу и прижала вогнутой стороной к своему глазу.

Я моргнула и весь обзор мне преградила пленка. Конечно же, я могла через неё видеть, но я так же видела текстуру тонкого экрана. Мой глаз продолжал фокусироваться на микроскопической заслонке и узорчатых сегментах.

— Я вижу, что ты имела ввиду, — пробормотала я пока вставляла другую. На сей раз я старалась не моргать. Мой глаз инстинктивно хотел убрать преграду.

— Как я выгляжу?

Эдвард улыбнулся.

— Безупречно. Как и...

— Да, да, она всегда выглядит безупречно, — Элис нетерпеливо закончила его мысль. — Это лучше чем красный, но ничего хорошего я по этому поводу больше сказать не могу. Грязно-коричневый цвет. Твой коричневый был куда приятней. Имей в виду, что это не на всегда — яд в твоих глазах разрушит их через несколько часов. И поэтому если Чарли задержится здесь больше, чем надо, ты попросишь прощения и выйдешь чтобы их сменить. Что, в общем-то очень даже не плохой предлог, потому что людям нужно изредка отлучаться в ванную комнату, — она тряхнула головой. — Эсмэ, дай её несколько дельных указаний по поводу того, как должен вести себя человек, а я пока отправлюсь снабжать дамскую комнату

контактными линзами.

— Сколько у меня есть?

— Чарли будет здесь через пять минут. Вообрази, что все будет просто. Эсмэ кивнула и, подойдя ко мне, взяла за руку.

— Главное — ты не должна сидеть слишком долго или двигаться слишком быстро, — сказала она мне.

— Сядешь, если он сядет, — вставил замечание Эмметт. — Люди не любят долго стоять.

— Пусть твой взгляд будет перемещаться каждые тридцать секунд, — добавил Джаспер. — Люди не смотрят в одну точку слишком долго.

— Положи ногу на ногу примерно на пять минут, затем смени позу и скрести лодыжки для следующих пяти, — сказала Розали.

Я согласно кивала головой на каждое их замечание. Я заметила это, пытаюсь сделать кое-что из таких штучек вчера. Думаю, я бы смогла подражать их поведению.

— И моргай по крайней мере три раза в минуту, — сказал Эмметт. Он нахмурился, затем со скоростью молнии схватил телевизионный пульт, который только что был на противоположном конце стола. Переключил канал на футбольную игру между колледжами и кивнул на себя.

— Меняй положения рук. Ты можешь убрать волосы назад или сделай вид, что у тебя что-то зачесалось, — сказал Джаспер.

— Я обращалась только к Эсмэ, — пожаловалась Элис, как только вернулась. — Вы завалили её рекомендациями.

— Нет, думаю, что все поняла, — сказал я. — Сидеть, смотреть по сторонам, моргать, суесться.

— Все верно, — одобрила Эсмэ. Она обняла меня за плечи.

Джаспер хмурился.

— Ты будешь сдерживать своё дыхание так тщательно, как только сможешь, но ты должна слегка двигать плечами как будто бы действительно дышишь.

Я сделала один вдох и снова кивнула.

Эдвард обнимал меня с моей свободой стороны.

— Ты можешь сделать это, — вновь сказал он, бормоча ободряющие слова мне на ухо.

— Две минуты, — сказала Элис. — Возможно, ты должна лечь на диван. Ты ведь перенесла болезнь как-никак. Таким образом, он сразу должен заметить, что ты двигаешься правильно.

Элис опустила меня на диван. Я пробовала совершать все движения медленно, чтобы мои конечности казались неуклюжими. Она закатила

глаза, потому что, наверное, смотрелось это не очень.

— Джейкоб, мне нужна Ренесми, — сказал я.

Джейкоб хмурился, не двигаясь.

Элис покачала головой.

— Белла, она не поможет мне увидеть.

— Но она нужна мне. С ней мне спокойнее, — паника в моем голосе была очевидна.

— Ну хорошо... — простонала Элис. — Держи её у себя так крепко, как можешь, и я попробую увидеть вокруг нее. — Она устало вздохнула, будто бы её заставили работать сверхурочно во время праздника. Джейкоб тоже вздохнул, но отдал Ренесми мне, а затем быстро отступил, избегая пристального взгляда Элис.

Эдвард занял место рядом со мной и обнял меня и Ренесми. Он наклонился и очень серьезно посмотрел Ренесми в глаза.

— Ренесми, к нам придет кто-то очень особенный, чтобы увидеть тебя и твою маму, — сказал он торжественно, как будто ожидая, что она поймет каждое его слово. А что она? Она смотрела на него в ответ очень ясным серьезным взглядом. — Но он не похож, ни на нас, ни даже на Джейкоба. Мы должны быть очень осторожны с ним. Ты не должна разговаривать с ним, так, как ты это делаешь с нами.

Ренесми коснулась его лица.

— Именно, — сказал он. — И он вызовет у тебя мучительную жажду. Но ты не должна кусать его. Он не будет заживать как Джейкоб.

— Она понимает тебя? — прошептала я.

— Понимает. Ты будешь осторожна, хорошо Ренесми? Ты поможешь нам?

Ренесми вновь дотронулась до его лица.

— Нет, меня не волнует, что ты кусаешь Джейкоба. С этим все в порядке.

Джейкоб засмеялся.

— Может тебе стоит уйти, Джейкоб — сказал Эдвард холодно и надменно. Эдвард так и не простил Джейкоба, потому что знал, что независимо от того, что уже случилось, мне придется испытать боль. Но я бы с радостью перенесла это жжение, если бы это было самым плохим, что может случиться этим вечером.

— Я сказал Чарли, что буду здесь, — сказал Джейкоб. — Он нуждается в моральной поддержке.

— Моральная поддержка, — Эдвард усмехнулся. — Насколько известно Чарли, ты — самый неприглядный монстр из всех нас.

— Неприглядный? — возразил Джейк, а затем тихо рассмеялся.

Я услышала, как автомобиль съехал с шоссе на приглушающую, утрамбованную дорогу к дому Калленов, и своё дыхание, которое вновь участилось. Моё сердце должно было застучать. И тут мне стало не по себе из-за того что мое тело не реагировало правильно на происходящее.

Я сконцентрировался на устойчивом сердцебиении Ренесми, чтобы успокоить себя. Это довольно быстро подействовало.

— Неплохо справляешься, Белла — одобрительно прошептал Джаспер.

Эдвард сжал мои плечи.

— Ты уверен? — спросила я его.

— Определенно. Все в твоих руках. — Он улыбнулся и поцеловал меня.

Это не было легким касанием губ, и мои дикие вампирские инстинкты вновь стали рушить мое самообладание. Поцелуй Эдварда был сродни выстрелу наркотического вещества прямо в мою нервную систему. Мне тут же хотелось ещё. Потребовалась вся моя концентрация, чтобы помнить о том, что в руках я держу ребенка.

Джаспер, конечно же, почувствовал изменение моего настроения.

— Хм... Эдвард, ты не мог бы не отвлекать её подобным образом? Она должна быть сосредоточена.

Эдвард отстранился.

— Упс, — сказал он.

Я засмеялась. Это было мне свойственно с самого начала, с самого первого поцелуя.

— Позже, — сказал я, и предвкушение заполнило мой живот.

— Сконцентрируйся, Белла — напомнил Джаспер.

— Верно, — я с трудом отодвину свои чувства на задний план. Сейчас Чарли был важнее всего. Сегодня нужно было уберечь его от всякой опасности. У нас впереди вся ночь....

— Белла.

— Прости, Джаспер.

Эмметт засмеялся.

Мы слышали приближение машины Чарли. Последние навязчивые мысли схлынули, и все приготовились. Я скрестила ноги и попрактиковалась в моргании.

Автомобиль подъехал к дому и в течение нескольких секунд ничего не происходило. Я задавалась вопросом, ощущал ли Чарли то же беспокойство что и я. В тот момент заглох двигатель, хлопнула дверца. Три шага по

траве, и затем восемь звонких и громких шага по деревянной лестнице. Четыре ещё более громких шага по крыльцу. И тишина. Чарли дважды глубоко вздохнул.

Тук, тук, тук.

Я сделала вдох в последний раз. Ренесми глубже зарылась в мои объятия, пряча свое личико в моих волосах.

Карлайл открыл дверь. Его взволнованное выражение лица сменилось на приветственное, словно переключился телевизионный канал.

— Здравствуй, Чарли, — сказал он, изобразив смущение. В конце концов, мы должны были быть сейчас в Атланте, в Лечебном Центре. Чарли знал, что ему лгали.

— Карлайл, — натянуто поприветствовал его Чарли. — Где Белла?

— Я здесь, папа.

Черт! Мой голос звучал неправильно. Плюс ко всему, я израсходовала часть своего воздушного запаса. Я быстро сделала вдох, снова наполнив легкие, радуясь тому, что аромат Чарли ещё не успел заполнить комнату.

Пустое выражение на лице Чарли подсказало мне насколько изменился мой голос. Его глаза округлились и расширились, задержавшись на мне.

Я наблюдала за эмоциями, которые последовательно появлялись на его лице.

Шок. Недоверие. Боль. Потеря. Страх. Гнев. Подозрение. Снова боль.

Я прикусила губу. Это оказалось довольно забавное ощущение. Мои новые зубы теперь ощущались острее на моей гранитной коже, чем мои человеческие зубы на моих мягких человеческих губах.

— Это ты, Белла? — прошептал он.

— Да, — я вздрогнула от звенящего ветра в моем голосе. — Привет, папа.

Он глубоко вздохнул, чтобы хоть как-то придти в себя.

— Привет, Чарли, — Джейкоб приветствовал его из угла. — Ну и как тебе это?

Чарли бросил на Джейка негодующий взгляд, вздрогнул, что-то вспомнив, и затем снова уставился на меня.

Медленно Чарли пересек комнату, пока он не оказался в нескольких шагах от меня. Он на мгновение с осуждением впился взглядом в Эдварда и затем его глаза снова сверкнули на мне. Я ощущала теплоту биения его сердца с каждым новым ударом.

— Белла? — спросил он снова.

Я ответила более низким голосом, стараясь убрать из него звучание колокольчиков.

— Это действительно я.

Его челюсти сжались.

— Мне жаль, пап, — сказала я.

— С тобой все в порядке? — требовательно спросил он.

— Полностью и абсолютно прекрасно, — заверила его я. — Здорова как лошадь.

Это было тем самым для моего кислородного запаса.

— Джейк сказал мне, что это было ... необходимо. Что ты... умирала, — он произнес это так, словно не верил не единому слову.

Я собрала все силы в кулак, сосредоточилась на тепле Ренесми в моих руках, склонилась к Эдварду для ободрения и глубоко вздохнула.

Аромат Чарли огненным залпом перехватил всё моё горло. Но это было намного больше чем просто боль. Это было обжигающее, острое как нож желание. Чарли пахнул ещё более прекрасно, чем я только могла вообразить. По сравнению с неизвестными путешественниками, что встретились нам на охоте, Чарли соблазня вдвойне. И он был на расстоянии всего лишь нескольких шагов, излучая аппетитный аромат теплой крови в сухом воздухе.

Но сейчас я не на охоте. И он был моим отцом.

Эдвард сочувственно сжал мои плечи, и Джейкоб бросал виноватые взгляды с другого конца комнаты.

Я попыталась взять себя в руки и ни обращать внимание на боль и неумную жажду. Чарли ждал моего ответа.

— Джейкоб сказал тебе правду.

— Это объясняет немного, — прорычал Чарли.

Я надеялась, что Чарли сможет разглядеть раскаяние сквозь все изменения на моем лице. Спрятанная под моими волосами Ренесми фыркнула, потому что она тоже почувствовала аромат Чарли. Я сжала её крепче.

Чарли заметил мой беспокойный взгляд и последовал за ним.

— О, — сказал он, и весь гнев враз уменьшился, но только его лицо осталось потрясенным. — Это она. Джейкоб сказал, что вы удочерили сироту.

— Моя племянница, — с легкостью соврал Эдвард. Он, должно быть, решил, что сходство между ним и Ренесми слишком очевидно, чтобы игнорировать. Лучше всего дать понять, что они родственники с самого начала.

— Я думал, что ты потерял свою семью, — обвиняя, сказал Чарли, опять перейдя на свой привычный тон.

— Я лишился своих родителей. Моего старшего брата усыновили, как и меня. После этого я ни разу не видел его. Но в суде разыскали меня, когда он и его жена погибли в автокатастрофе, у их единственного ребенка не осталось никакой другой семьи.

Эдвард был просто прекрасен. В его голосе даже звучало необходимое количество невинности. Мне нужно было много практиковаться, чтобы уметь такое делать.

Ренесми выглянула из-под моих волос, снова фыркая. Она застенчиво поглядывала на Чарли из-за своих длинных ресниц, а потом снова спряталась.

— Она ... она...ну, в общем, она красивая.

— Да, — согласился Эдвард.

— Но ведь это требует большой ответственности. Вы двое слишком молоды.

— А что нам оставалось делать? — Эдвард слегка провел пальцами по её щечке. Я видела, что он на одно мгновение коснулся ее губ — чтобы напомнить. — Ты бы отказался от неё?

— Хмм... Ну ладно, — он рассеянно потрянул головой. — Джейк сказал, что вы называете ее Несси?

— Нет, мы не называем, — колко и ядовито произнесла я. — Ее зовут Ренесми.

Чарли уставился на меня.

— И как ты собираешься с этим справляться? Может быть, Карлайл и Эсмэ могли бы...

— Она моя, — перебила его я. — Она нужна мне.

Чарли нахмурился.

— Ты собираешься сделать меня таким молодым дедушкой?

Эдвард улыбнулся.

— Карлайл тоже дедушка.

Чарли с недоверием посмотрел на Карлайла, который все ещё стоял у входной двери, и был похож на младшего и более привлекательно брата Зевса.

Чарли фыркнул и затем засмеялся.

— Теперь, я думаю, это должно заставить меня чувствовать себя лучше, — его взгляд вернулся к Ренесми. — На неё, безусловно, стоит посмотреть.

Его теплое дыхание заполнило пространство между нами.

Ренесми потянулась за запахом, избавляясь от моих волос и посмотрела на него впервые полностью открыв своё личико. Чарли

поперхнулся.

Я знала, что он видел. Мои глаза — его глаза — безупречно скопированные на её прелестном лице.

Чарли начал задыхаться. Его губы дрожали, и я могла читать числа, что он беззвучно повторял. Он отсчитывал назад, пытаясь свести девять месяцев в одном. Он пытался сопоставить это, но не мог выудить для себя хоть каких-нибудь доказательств, чтобы его теория имела хоть какой-то смысл.

Джейкоб вставал и подошел к Чарли со спины. Он наклонился и зашептал Чарли что-то на ухо, только Чарли не знал, что мы могли все слышать.

— Ты должен знать, Чарли. Все в порядке. Я обещаю.

Чарли делал глотательные движения и кивал. И затем сделал несколько шагов по направлению к Эдварду, его глаза сверкали, а руки сильно сжались в кулаки.

— Я не хочу знать все, но я имею дело с обманом!

— Мне жаль, — сказал Эдвард спокойно, — но вам лучше знать историю для всех, чем знать правду. Если вы собираетесь быть частью этой тайны, история для всех остальных — имеет значение. Это должно защитить Беллу и Ренесми так же как и всех нас. Вы можете смириться с ложью ради них?

Вдруг в комнате не осталось никого кроме недвижимых статуй. Я скрестила свои лодыжки.

Чарли на мгновение вспыхнул и затем сверкнул взглядом на меня.

— Ты заставила меня волноваться.

— Думаешь, так бы действительно было легче?

Он нахмурился, и затем опустился на колени на пол прямо передо мной. Я могла видеть, как течет кровь в его шее под кожей. Я могла чувствовать волны тепла исходящие от него.

Это же могла и Ренесми. Она улыбнулась и потянулась своей розовой ручкой к нему. Я удержала её. Тогда она дотронулась другой рукой до моей шеи — жажда, любопытство, и лицо Чарли в ее мыслях. Это был послание с тонким намеком, которое заставило меня думать, что она прекрасно поняла слова Эдварда; она признала, что чувствует жажду, но не позволяла себе её в той же мысли.

— Стоп, — Чарли задыхался, его глаза задержались на её прекрасных зубах. — Сколько ей уже?

— Хм...

— Три месяца, — сказал Эдвард, и затем добавил медленно, — Точнее

она в какой-то степени выглядит как трехмесячный ребенок. В чем-то она отстаёт в развитии, где-то, наоборот, опережает.

Словно в подтверждение его словам Ренесми помахала ему ручкой.

Чарли непонимающе заморгал.

Джейкоб толкнул его локтем.

— Я же сказал тебе, что она особенная, не правда ли?

От такого прикосновения Чарли болезненно сморщился.

— Да ладно тебе, Чарли, — простонал Джейкоб. — Я — тот же самый человек, которым я всегда был. Только притворись, что не помнишь, что было сегодня.

Напоминание об этом заставило губы Чарли побелеть, но он коротко кивнул.

— Только какова твоя роль во всем этом, Джейк? — спросил он. — Билли знает об этом? И почему ты здесь?

Он смотрел на лицо Джейкоба, которое пылало, потому что он пристально смотрел на Ренесми.

— Ну, я могу тебе рассказать об этом — Билли уже знает абсолютно все — но в таком случае придется затронуть тему об оборот...

— Чтоб тебя! — предостерег его Чарли, затыкая уши. — Не имеет значения.

Джейкоб усмехнулся.

— Все будет отлично, Чарли. Только попробуй не верить всему тому, что ты видишь.

В ответ папа что-то невнятно пробормотал.

— Гооол! — внезапно прогремел Эмметт своим утробным басом. — Вперед, Аллигаторы!

Джейкоб и Чарли подскочили. Все остальные наоборот застыли.

Придя в себя Чарли, заглянул Эмметту за плечо.

— Флорида выиграла?

— Засчитан первый тачдаун, — подтвердил Эмметт, он бросил взгляд в мою сторону, вздернув брови, как форменный злодей из водевиля, — хотя недавно кое-кто уже открыл счет.

Я раздраженно зашипела. Прямо при Чарли? Это уже ни в какие рамки.

Но Чарли был сейчас не способен разглядеть в этом тайный смысл. Он сделал ещё один глубокий вздох, и это было похоже на то, будто он пытался наполнить себя до кончиков пальцев на ногах. Я завидовала ему. Он слегка пошатнулся, отодвинулся от Джейкоба и рухнул на стул.

— Итак, — вздохнул он, — Думаю, у нас будет достаточно времени,

что бы увидеть смогут ли они сохранить лидерство.

Глава 26

Блистающая

Выходя, одной ногой уже переступив порог, Чарли замешкался и сказал:

— Не знаю, сколько из всего этого нужно рассказывать Рене.

Он потянулся, и у него заурчало в животе.

Я кивнула.

— Знаю. Не хочу волновать ее. Будет лучше уберечь Рене от этого. Это не для слабонервных.

Он печально скривил губы в улыбке.

— Я тоже попытался бы защитить тебя, если бы знал как. Но предполагаю, что ты никогда не принадлежала к категории пугливых, не так ли?

Я улыбнулась в ответ, втягивая свое горячее дыхание сквозь зубы.

Чарли рассеянно погладил свой живот.

— Я что-нибудь придумаю. У нас ведь есть время, чтобы обсудить это, правда?

— Правда, — пообещала я.

Кое в чем этот день выдался долгим, и кое в чем таким коротким. Чарли опаздывал на обед — Сью Клируотер готовила для него и Билли. Это будет неловкий вечер, но, по крайней мере, он поест настоящей еды; я была рада, что кто-то, зная об отсутствии у Чарли кулинарных способностей, пытался спасти его от голода.

Весь день из-за атмосферы напряженности минуты текли медленно; Чарли так и не расслабил напряженные плечи. Но и уезжать он тоже не спешил. Он посмотрел целых два матча — к счастью, он был настолько погружен в свои мысли, что не обращал никакого внимания на наводящие на размышления шуточки Эмметта, которые стали более резкими и менее связанными с футболом — и комментарии после игры, и затем новости; он не двигался с места, пока Сэт не напомнил ему о времени.

— Чарли, ты хочешь, чтобы Билли и моя мама заждались нас? Поехали. Белла с Несси будут здесь и завтра. Давай-ка поедem, поедим, а?

По глазам Чарли было ясно, что он не доверяет доводам Сэта, но позволил ему идти впереди. Сомнения его никуда не делись, и он замер в дверях. Облака разошлись, дождь прошел. Возможно, что как раз перед закатом покажется солнце.

— Джейк сказал, что вы ребята, собирались уехать от меня, — пробормотал он.

— Я не хотела делать этого, если была бы какая-нибудь другая возможность. Именно поэтому мы все еще здесь.

— Он сказал, что вы могли бы остаться на некоторое время, но только если я выдержу, и буду держать рот на замке.

— Да ... но папа, я не могу обещать, что мы никогда не уедем отсюда. Это все довольно сложно...

— Я хочу знать, — напомнил он мне.

— Точно.

— Вы ведь зайдете ко мне, если вам нужно будет уехать?

— Я обещаю, папа. Теперь, когда ты знаешь столько, я думаю, что это сработает. Я буду держаться поблизости, так близко как ты сам захочешь.

Он пол секунды пожевал губу, затем медленно наклонился ко мне, осторожно раскинув руки. Я переместила Ренэсми — которая уже засыпала — на левую руку, сжала зубы, задержала дыхание, и очень легко обняла его за теплую, мягкую талию правой рукой.

— Держись очень близко, Беллс, — бормотал он. — Совсем рядом.

— Люблю тебя, папа, — прошептала я сквозь зубы.

Он задрожал и отпрянул от меня. Я опустила руку.

— Я тоже люблю тебя, детка. Несмотря на все изменения, это осталось по-прежнему. — Он одним пальцем дотронулся до розовой щеки Ренэсми. — Она точно похожа на тебя.

Я ничем не показала свои чувства, выражение лица у меня не изменилось.

— Я думаю, что больше на Эдварда.

Поколебавшись, я добавила:

— У нее твои кудряшки.

Чарли начал было говорить, затем фыркнул:

— Ха. Наверное, так оно и есть. Ха. Дедушка. — Он с сомнением покачал головой. — Мне когда-нибудь позволят ее поддержать?

Шокированная я моргнула и затем постаралась собраться. После полусекундного размышления и взглянув на Ренэсми — она, кажется, совсем уснула — я решила — если рисковать так рисковать — ведь сегодня все шло так хорошо...

— Вот, — сказал я, протягивая ее Чарли. Он машинально, неуклюже сложил руки, чтобы принять ребенка, и я уложила Ренэсми в эту импровизированную колыбельку. Его кожа не была столь же горяча как ее, но от его тепла у меня защекотало в горле, я чувствовала, как жар течет под

тонкой оболочкой. В местах, где моя белая кожа соприкоснулась с его кожей, у него пробежали мурашки. Я не была уверена в причинах этой реакции, то ли это произошло от моей новой температуры или это было что-то психологическое.

Чарли тихо хмыкнул, когда почувствовал ее вес.

— Она ... крепенькая.

Я нахмурилась. Мне она казалась не тяжелее перышка. Возможно, у меня было отключено чувство веса.

— Крепкая, это хорошо, — сказал Чарли, заметив мое выражение.

Затем он пробормотал себе под нос:

— Она должна быть крепкой, со всем этим сумасшедшим домом вокруг.

Он немножко покачал ее на руках из стороны в сторону.

— Самый красивый ребенок из всех, что я когда-либо видел, включая и тебя, детка. Прости, но это правда.

— Я знаю, так оно и есть.

— Красавица, — повторил он, но теперь это было скорее воркование.

Я видела это в его лице — я наблюдала, как оно росло. Чарли оказался столь же беспомощен против ее волшебства, как и все мы. Две секунды у него на руках, и он уже принадлежал ей.

— Можно я приду завтра?

— Конечно, папа. Конечно. Мы будем здесь.

— Вы должны быть, — серьезно, произнес он, но его лицо было мягким, он все еще пристально глядел на Ренэсме. — До завтра, Несси.

— Не начинай еще и ты!

— Чего?

— Ее имя Ренэсми. Как Рене и Эсме вместе. Никаких вариантов.

Я изо всех сил пыталась успокоиться, на сей раз без глубокого дыхания.

— Хочешь узнать ее второе имя?

— Кончено.

— Карли. Через «К». Как Карлайл и Чарли вместе.

Лицо Чарли осветила широкая улыбка, его реакция застала меня врасплох.

— Спасибо, Беллс.

— Спасибо тебе, папа. Так быстро многое изменилось. Моя голова все еще кружится. Если бы у меня не было теперь тебя, я не знаю, как бы я удержалась... в реальности.

Я собирался сказать «превратившись в то, чем являюсь теперь».

Вероятно, это было бы лишнее для него.

У Чарли заурчал желудок.

— Иди, поешь, папа. Мы будем здесь.

Я вспомнила, эти ощущения, то первое неудобное погружение в фантастику — когда мне казалось, что все исчезнет в свете поднимающегося солнца.

Чарли кивнул и неохотно возвратил Ренэсми мне. Он поглядел мимо меня в дом; его глаза были немного дикие в течение минуты, когда он осматривал просторную яркую комнату. Все они находились там, кроме Джейкоба, который судя по доносившимся из кухни звукам, совершал набег на холодильник: Джаспер склонил голову на колени Элис сидящей на нижней ступеньке лестницы, Карлайл уткнулся в объемную книгу, Эсме, набрасывая что-то в блокноте, напевала себе под нос, а Розали и Эмметт выстраивали основание для монументального карточного домика под лестницей, Эдвард прошел к своему фортепьяно и очень тихо что-то наигрывал сам себе. Ничто не говорило, что день подходил к концу, что настало время для еды или приготовления ко сну. Нечто неуловимое изменилось в атмосфере. Каллены в этот момент не столь усердно играли в человеческие игры, как обычно — человеческая маскировка ослабла лишь на чуть-чуть, но достаточно для Чарли, чтобы почувствовать разницу.

Он вздрогнул, покачал головой, и вздохнул.

— До завтра, Белла, — он нахмурился и затем добавил, — я хочу сказать, что ты вовсе не выглядишь... плохо. Я привыкну к этому.

— Спасибо, папа.

Чарли кивнул и задумчиво направился к своей машине. Я смотрела, как он отъезжал; только когда я услышала, как его колеса покатали по шоссе, я поняла, что сделала это. Я выдержала целый день и не навредила Чарли. Совершенно самостоятельно. Я определенно должна обладать сверхспособностями!

Все это казалось слишком хорошо, чтобы быть правдой. Неужели действительно у меня может быть и своя новая семья, и я смогу сохранить часть своего прошлого? А я еще думала, что вчера было прекрасным.

— Ничего себе, — прошептала я. Я моргнула и почувствовала, как растворилась третья пара контактных линз.

Звук фортепьяно смолк, и руки Эдварда обвились вокруг моей талии, его подбородок лег мне на плечо.

— Ты украла мои слова.

— Эдвард, у меня получилось!

— У тебя получилось. Ты вела себя просто невероятно. Столько

переживаний из-за того, что ты новообращенная, и вдруг ты через все это просто перешагиваешь, — он тихо засмеялся.

— Я даже не верю, что она вообще вампир, уже не говоря о том, что новообращенный, — из-под лестницы раздался голос Эмметта. — Она слишком ручная.

Все смущающие комментарии которые он сделал перед моим отцом снова зазвучали в моих ушах, и наверное хорошо, что на руках у меня была Ренэсми. Скрыть свою реакцию совсем я не смогла и тихо зарычала.

— О-о-о, боюсь-боюсь, — рассмеялся Эмметт.

Я зашипела, и Ренэсми, заметалась в моих руках. Она несколько раз моргнула, затем с испуганным видом огляделась. Она фыркнула и коснулась моего лица.

— Чарли вернется завтра, — заверила я ее.

— Превосходно, — сказал Эмметт. На сей раз Розали засмеялась вместе с ним.

— Ничего выдающегося, Эмметт, — презрительно заметил Эдвард, протягивая руки, чтобы взять у меня Ренэсми. Он подмигнул мне, когда я замешкалась, и немного смутившись, отдала ему дочь.

— Что ты хочешь сказать? — потребовал ответа Эмметт.

— Разве ты не думаешь, что немного глупо, враждовать с самым сильным вампиром в доме?

Эмметт отбросил голову назад и фыркнул:

— Я тебя умоляю!

— Белла, — бормотал Эдвард мне, в то время как Эмметт подслушивал, — помнишь, как несколько месяцев назад, я попросил, чтобы ты сделала мне одолжение, после того как обретишь бессмертие?

Эти слова что-то смутно напомнили мне. Я постаралась вспомнить расплывчатые человеческие беседы. Через мгновение я вспомнила, и выдохнула:

— О!

Элис залилась переливистым смехом. Джейкоб высунул голову из-за угла, с полным ртом еды.

— Что? — прорычал Эмметт.

— Правда? — спросила я Эдварда.

— Поверь мне, — ответил он.

Я глубоко вздохнула.

— Эмметт, как насчет небольшого состязания?

Он сразу же вскочил на ноги.

— Отлично. Начинай.

Я закусила губу на секунду. Он был такой огромный.

— Разве что, ты слишком боишься ...? — предложил Эмметт.

Я распрямила плечи.

— Ты. Я. Армрестлинг. Обеденный стол. Сейчас же.

На лице Эмметта расцвела ухмылка.

— Э-э, Белла, — быстро обратилась ко мне Элис, — думаю что Эсме, любит этот стол. Как ни как — антиквариат.

— Спасибо, — поблагодарила Эсме.

— Никаких проблем, — сверкая улыбкой, сказал Эмметт. — Прямо туда, пошли, Белла.

Я последовала за ним к гаражу; я слышала, как остальные потянулись за нами. Там находился большой гранитный валун, он оказался на этом месте после падения скал около реки, очевидно, он и бы целью Эмметта. Хотя большой камень и был немного скруглен и неровен, он прекрасно подойдет для нашего дела.

Эмметт поставил свой локоть на скалу и махнул мне.

Я снова занервничала, поскольку увидела большие мышцы в согнутой руке Эмметта, но мое лицо не выдало эмоций. Эдвард обещал, что некоторое время, я буду сильнее всех. Он казался очень уверенным в этом, и я чувствовала себя сильной. Настолько сильной? Спрашивала я себя, смотря на бицепс Эмметта. Мне не было даже двух дней от роду, тем не менее, и это должно кое-что значить. Разве что у меня все было не так. Возможно я не был столь же сильна как обычный новообращенный. Возможно именно поэтому мне так легко себя контролировать.

Я попытался выглядеть как можно более беззаботно, когда поставила свой локоть на камень.

— О'кей, Эмметт. Побеждаю я, и ты ни единого слова больше не скажешь про мою сексуальную жизнь никому вообще, даже Роуз. Никаких намеков, никаких инсинуаций — ничего.

Его глаза сузились.

— Идет. Я побеждаю, и все станет гораздо хуже.

Он заметил, что у меня перехватило дыхание, и зло усмехнулся. Не было никакого намека на блеф в его глазах.

— Сестричка, ты так легко сдашься? — насмехался Эмметт. — В тебе не слишком-то много дикости, не так ли? Держу пари, что в вашем доме не осталось ни царапины, — засмеялся он. — Эдвард рассказывал тебе, сколько зданий мы с Роуз переломали?

Я заскрежетала зубами и схватила его большую руку.

— Раз, два...

— Три, — он зарычал, и навалился на мою руку.

Ничего не произошло.

О, я чувствовала силу, которую он проявлял. Мой новый разум оказался довольно хорош во всех видах вычислений, и я могу сказать, что, если бы он не встретил сопротивления, его рука без труда вошла бы прямо в камень. Давление увеличилось, и я беспорядочно размышляла, обладает ли такой силой грузовик с цементом на сорока милях в час при резком спуске. Пятьдесят миль в час? Шестьдесят? Вероятно больше.

Это не было достаточно, чтобы сдвинуть меня. Его рука налегала на мою, с сокрушительной силой, но не причиняла мне никакого дискомфорта. В некотором странном смысле, это было даже приятное ощущение. Я была настолько осторожна с тех пор как проснулась в последний раз, так старалась ничего не сломать. Это было странное облегчение использовать свои мускулы. Позволять силе течь вместо того, чтобы изо всех сил сдерживать ее.

Эмметт зарычал; его лоб изрезали морщины, и все его тело напряглось и сосредоточилось на одном препятствии, на моей неподвижной руке. Я заставила его «попотеть» — фигурально выражаясь — некоторое время, в то время как я наслаждался ощущением сумасшедшей силы, пробегающей по моей руке.

Всего несколько секунд и я даже немного заскучала. Я сосредоточилась; Эмметт потерял дюйм.

Я засмеялась. Эмметт издал резкий рык сквозь сцепленные зубы.

— Просто держи рот закрытым, — напомнила я ему, и затем шлепнула его руку на валун. Оглушительный звук эхом отозвался в деревьях. Скала задрожала, и часть — приблизительно одна восьмая массы — надломилась по невидимой линии поражения и упала на землю. Кусок упал на ногу Эмметту, и я захихикала. Я слышала приглушенный смех Джейкоба и Эдварда.

Эмметт пнул скальный обломок в сторону реки. Каменный кусок перерезал пополам молодой клен прежде, чем упасть к подножью большой ели, которая покачнулась и упала на другое дерево.

— Матч-реванш. Завтра.

— Это так быстро не проходит, — сказал я ему. — Возможно, тебе следует подождать месяц.

Эмметт рычал сверкая зубами.

— Завтра.

— Эй, большой брат, все что хочешь, лишь бы ты был счастлив.

Повернувшись, чтобы уйти, Эмметт кулаком ударил гранит, вызвав

лавину каменной крошки и порошка. Это было сделано по-детски аккуратно.

Очарованная бесспорным доказательством того, что я была сильнее, чем самый сильный известный мне вампир, я положила руку, широко расставив пальцы на камень. Тогда я медленно вонзила пальцы в камень, сокрушая, а не врезаясь; консистенция камня напомнила мне твердый сыр. Я вынула руку сжимая в ладони горсть гравия.

— Круто, — пробормотала я.

На моем лице растянулась улыбка, я крутанулась на месте и ударом карате расколола камень ребром ладони. Камень завопил, застонал и — с громким пыльным «пуф» — раскололся на две части.

Я засмеялась.

Я не обращала внимания на смешки позади меня, в то время как я била кулаком и пинками разбивала остальную часть валуна на мелкие куски. Не переставая хохотать, я была слишком занята весельем. Только когда я услышал новые маленькие смешки, тонкий перезвон колокольчиков, только тогда я отвлеклась от своей глупой игры.

— Она что, смеялась?

Все уставились на Ренэсми с тем же самым ошалевшим выражением, которое, должно быть, было и на моем лице.

— Да, — сказал Эдвард.

— А кто не смеялся? — пробормотал Джейк, закатывая глаза.

— Только не говори мне, пес, что ты в первый свой забег слегка не увлекся, — подразнил его Эдвард, без всякой враждебности в голосе.

— Это другое, — сказал Джейкоб, и я удивленно наблюдала как он шутя двинул Эдварду в плечо. — Белла должна быть взрослой. Замужняя женщина, мать семейства и все такое. Разве не должно у нее быть больше достоинства?

Ренэсми нахмурилась, и коснулась лица Эдварда.

— Что она хочет? — спросила я.

— Меньше достоинства, — сказал Эдвард с усмешкой. — Она почти с тем же удовольствием что и я, смотрела как ты радуешься своей силе.

— Я забавная? — спросила я Ренэсми, бросаясь назад и протягивая ей руки в то же самое время, когда она протянулась ко мне. Я взяла ее из рук Эдварда и предложил ей обломок скалы в моей руке.

— Хочешь попробовать?

Она улыбнулась своей блестящей улыбкой и взяла камень в обе руки. Она сжала, и поскольку она сосредоточилась, между ее бровями появилась небольшая морщинка.

Раздался тоненький звук ломающегося камня, и появилось немного пыли. Она нахмурилась, и протянула кусок мне.

— Понятно, — сказал я, втаптывая камень в песок.

Она захлопала и засмеялась; восхитительный звук ее смеха заставил нас всех присоединиться.

Внезапно солнце прорвалось сквозь облака, осветив нас десятерых длинными рубиновыми и золотыми лучами, и я немедленно потерялась в красоте собственной кожи в закатном свете. Я была ошеломлена этим зрелищем.

Ренэсми погладила гладкую алмазно-яркую кожу, затем приложила свою руку рядом с моей. У ее кожи была лишь слабое свечение, изящное и таинственное. Ничего такого, что заставило бы ее сидеть внутри в солнечный день как мое пылающее свечение. Она коснулась моего лица, думая о различии и чувствуя недовольство.

— Ты самая красивая, — уверила я ее.

— Не уверен, что я могу согласиться с этим, — сказал Эдвард, и когда я развернулась, чтобы ответить ему, солнечный свет на его лице ошеломил меня до такой степени, что я потеряла дар речи.

Джейкоб прикрыл лицо рукой, притворяясь, что защищает глаза от яркого свечения.

— Странная Белла, — прокомментировал он.

— Что она за удивительное создание, — пробормотал Эдвард, почти соглашаясь с ним, как будто комментарий Джейкоба был комплиментом. Он был одновременно великолепен сам и ослеплен моим великолепием.

Это было странное чувство — не удивление, я предполагаю, что теперь мне все кажется странным — это в некотором роде было естественным состоянием. Как человек, я никогда не была в чем-нибудь хороша. Я не плохо справлялась с Рене, но вероятно много людей, справились бы лучше; Фил, справлялся весьма не плохо. Я была хорошей ученицей, но никогда не была лучшей в классе.

Очевидно, что меня можно вычеркнуть из спортивных достижений. Я ни рисовала, ни музицировала, никаких особых талантов, какими можно было бы похвастаться. Никто никогда не давал наград за чтение книг. После восемнадцати лет посредственности, я привыкла к тому, чтобы быть средней. Теперь я поняла, как давно забросила любые стремления быть яркой в чем-нибудь. Я лишь прикладывала все усилия к тому, с чем имела дело, и никогда не вписывалась в свой мир.

Таким образом, все было действительно по-другому. Теперь я была удивительная — для них и для самой себя тоже. Словно я была рождена,

чтобы быть вампиром. Сама идея заставила меня рассмеяться, но еще мне захотелось петь. Я нашла свое истинное место в мире, место, в которое я вписалась, место, где я блистаю.

Глава 27

Дорожные планы

С тех пор, как я стала вампиром, мое отношение к мифологии стало гораздо серьезнее.

Часто, когда я задумывалась о своих первых трех месяцах бессмертия, я представляла, как могла бы выглядеть сейчас моя нить в полотне Судьбы, на тот случай, если все-таки оно существует. Я была уверена, что моя нить должна была изменить цвет. Я думала, что сначала, вероятно, она была светло-бежевая, что-нибудь сопутствующее и не выделяющееся, отлично подходящее для тканой основы. Теперь же моя нить должна была быть насыщенного темно-красного цвета или цвета переливающегося золота.

Гобелен из нитей моей семьи и друзей, оплетенных вокруг меня, был прекрасной, светящейся вещью, полной их ярких, дополняющих друг друга цветов.

Я была удивлена теми нитями, что пришлось вплетать в мою жизнь. Оборотни, с их глубокими древесными цветами, были не тем, что я ожидала; Джейкоб и Сэт, конечно, но и мои старые друзья, Квил и Эмбри стали частью ткани, присоединившись к стае Джейкоба, даже Сэм и Эмили стали радушнее. Отношения между нашими семьями стали проще, в основном благодаря Ренесми — ее легко было любить.

Сью и Леа Клиурвотер тоже стали частью нашей жизни больше, чем я могла ожидать. Сью, похоже, взяла на себя заботу о Чарли, стараясь облегчить для него вовлечение в мир невероятного. Она приходила вместе с Чарли к Калленам достаточно часто, но ей никогда не было у них настолько комфортно, насколько себя чувствовал ее сын и большинство стаи Джейкоба. Она почти не разговаривала, она просто старалась быть рядом с Чарли, оберегая его.

Она всегда была первым человеком, на которого он смотрел, когда Ренесми вытворяла что-то из ряда вон выходящее, а это случалось часто. В ответ, Сью многозначительно смотрела на Сэта, как бы говоря «Да, расскажи-ка мне об этом».

Лее было еще менее комфортно, чем Сью, она была единственной из нашей недавно увеличившейся семьи, кто с неприкрытой враждой относился к объединению. Однако у нее с Джейкобом было новое соглашение, которое удерживало ее рядом с нами. Я однажды спросила об этом у Джейкоба, нерешительно, потому что не хотела просто

любопытствовать, но их отношения настолько отличались от уже привычных, что мне стало интересно. Он пожал плечами и сказал, что это дела стаи. Теперь она была второй по главенству в стае, его Бетой, как сказала я, когда-то очень давно.

— Я понял, что раз уж я на самом деле стал вожаком стаи, — объяснил Джейкоб, — то надо было уладить все формальности.

Новая ответственность вынуждала Лею часто встречаться с Джейкобом для отчетов, а так как он был постоянно с Ренесми...

Лее не доставляла радость необходимость быть рядом с нами, но она была исключением. Счастье было основной составляющей моей новой жизни, основным рисунком на гобелене. Настолько, что наши отношения с Джаспером стали гораздо ближе, чем я могла когда-либо надеяться. Хотя в первое время меня это напрягало.

— Бо-о-оже, — пожаловалась я однажды вечером Эдварду, после того как мы уложили Ренесми в ее кованую кровать, — если уж я не убила Чарли и Сью до сих пор, то это точно уже никогда не случится. Я бы хотела, чтобы Джаспер перестал кружить возле меня все время!

— Никто не сомневается в этом Белла, ни на йоту, — уверил он меня, — ты ведь знаешь Джаспера, он не может устоять, когда чувствует хорошую эмоциональную атмосферу. А ты настолько счастлива все время, что он старается быть ближе к тебе, не задумываясь об этом.

А потом Эдвард крепко обнял меня, потому что ничто не радовало его больше, чем переполнявший меня восторг от моей новой жизни. И я была в эйфории основную часть времени, потому что днем мне не хватало времени, чтобы полностью насладиться восхищением от моей дочери, а ночью — не хватало часов, чтобы унять мою потребность в Эдварде.

Н у этой радости была и обратная сторона. Если перевернуть ткань наших жизней, то мне казалось, что рисунок с этой обратной стороны сплетен из унылых серых нитей сомнений и страха. Ренесми произнесла свое первое слово, когда ей была всего одна неделя. Этим словом было «Мама», которое бы осчастливило весь мой день, если бы я не была настолько испугана ее прогрессом, что мне пришлось заставлять свое застывшее лицо улыбаться ей в ответ. Легче мне не стало оттого, что ее первое слово тут же на одном дыхании продолжилось ее первым предложением.

— Мама, где дедушка? — спросила она чистым высоким сопрано, напрягаясь только потому, что приходилось говорить громко, так как я была на другом конце комнаты от нее. Она уже задала этот вопрос Розали, используя свой нормальный (или совершенно ненормальный, с другой

точки зрения) способ общения. Розали не знала ответа, и Ренесми обратилась ко мне.

Когда она сделала свои первые шаги меньше чем через три недели, все было также. Она просто долго смотрела на Элис, пристально разглядывая, как ее тетя собрала букеты в вазах, расставленных по комнате, и протанцевала обратно по этажу с руками, полными цветов. Ренесми встала на ноги, ни разу не пошатнувшись, и пересекла этаж почти также грациозно. Джейкоб ударился в аплодисменты, потому что именно этой реакции ждала Ренесми. То, как он был связан с ней, всегда отводило его собственную реакцию на второй план, его первым рефлексом было дать Ренесми то, что она хочет. Но наши глаза встретились, и вся паника в моих глазах отразилась в его. Я тоже начала хлопать в ладоши, пытаясь скрыть от нее свой страх. Эдвард тихо зааплодировал рядом со мной, и нам не надо было обмениваться вслух мыслями, чтобы знать, что они совпадают.

Эдвард и Карлайл усиленно занимались исследованием в поисках хоть каких-то ответов, чего ожидать. Находилось очень немного, и ничего нельзя было проверить.

Элис и Розали обычно начинали наш день с показа мод. Ренесми никогда не надевала одну и ту же одежду дважды, частично потому, что перерастала свою одежду практически немедленно, частично потому, что Элис и Розали пытались создать детский фотоальбом, который должен был охватывать года, а не недели. Они делали тысячи фотографий, документируя каждый этап ее ускоренного детства.

В три месяца Ренесми походила либо на большого годовалого малыша, либо на еще маленького двухлетнего. Она не была похожа на ребенка, только начавшего ходить, она была тоньше и грациознее, ее пропорции были скорее, как у взрослого человека. Ее бронзовые локоны спадали до талии, и я бы не смогла остричь их, даже если бы позволила Элис. Она говорила с безупречной грамматикой и артикуляцией, но редко утруждала себя этим, предпочитая просто показывать то, что она хочет. Она могла не просто ходить, а также бегать и танцевать. Она могла даже читать.

Однажды ночью я читала ей Теннисона, потому что течение и ритм его поэзии были расслабляющими (мне срочно был нужен новый материал, Ренесми, в отличие от остальных детей, не любила, когда на ночь ей повторяли одни и те же истории, и ее не интересовали книжки с картинками). Она потянулась к моей щеке, рисуя в своей голове наш образ, но только с ней, держащей книгу. Я отдала ей книгу, улыбаясь.

— Есть музыка, — прочитала она без колебаний, — чей вздох нежнее упадает, чем лепестки отцветших роз, нежнее, чем роса, когда она блистает,

роняя слезы на утес; нежнее, чем падает на землю...

Мой голос был лишен интонаций, когда я забрала книгу.

— Если ты будешь читать, то как же ты уснешь? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

По подсчетам Карлайла рост ее тела постепенно замедлялся, а вот ее разум только ускорил свое развитие. Даже если ее взросление будет держаться в том же темпе, что сейчас, она станет взрослой, не позднее, чем к своим четырем годам.

Четыре года. Пожилая женщина в пятнадцать.

Только пятнадцать лет жизни.

Но она была такой здоровой. Живой, яркой, сияющей и счастливой. Ее бросающееся в глаза хорошее самочувствие облегчало для меня радость от общения с ней в настоящее время и позволяло не думать о будущем.

Карлайл и Эдвард тихими голосами, которые я старалась не слушать, обсуждали наши дальнейшие действия на будущее с разных сторон. Они никогда ничего не обсуждали, когда по близости был Джейкоб, потому что один способ остановить взросление был, но Джейкобу он вряд ли бы понравился. Мне не нравился. Слишком опасно! Кричали мои инстинкты. Джейкоб и Ренесми были во многом так похожи, оба были двойственными существами, две сути в одном. И все легенды об оборотнях настойчиво утверждали, что яд вампира был скорее смертным приговором, а не способом обрести бессмертие...

Карлайл и Эдвард исчерпали все способы для исследования на расстоянии, и теперь мы собирались последовать за старыми легендами к их источникам. Мы собирались начать с Бразилии. У племени Тикунас были легенды о детях, таких как Ренесми... Если когда-нибудь существовали дети, подобные ей, то может быть еще сохранились рассказы о жизни полу-смертных детей.

Единственным оставшимся вопросом было то, когда именно мы отправимся.

Я все тормозила. Частично потому, что не хотела уезжать из Форкса до окончания праздников, ради спокойствия Чарли. Но в основном потому, что сначала мне надо было совершить еще одну поездку, это, безусловно, было приоритетом. К тому же ехать надо было одной.

Это был единственный предмет наших споров с Эдвардом, с тех пор как я стала вампиром. Главной частью противостояния было то, что я собиралась ехать одна. Но дела обстояли так, что мой план был единственным, имеющим рациональное зерно. Я собиралась посетить Волтури и собиралась сделать это совершенно одна.

Даже не считая старые кошмары, и вообще все остальные сны, невозможно было забыть о Волтури. Да, и они не оставляли нас без напоминаний.

До появления подарка от Аро, я не знала, что Элис отправила свадебное приглашение предводителям Волтури. Мы тогда были далеко, на острове Эсме, когда у Элис было видение воинов Вольтури — Джейн и Алека, близнецов, по своей ужасающей силе, превосходивших всех в клане. Кайус планировал отправить разведывательную партию, чтобы проверить, не являюсь ли я до сих пор человеком, вопреки их приговору (поскольку я знала о существовании вампиров, то я должна была либо стать одной из них либо замолчать...навечно). Так что Элис отправила им приглашение, предвидя, что это остановит их, как только они поймут скрытый смысл в этом послании. Но когда-нибудь они все-таки придут. Это было очевидно.

Сам по себе подарок не представлял угрозы. Экстравагантный — да, почти пугающий в своей экстравагантности. Угроза была внутри поздравительной открытки Аро, написанная им собственноручно черными чернилами на квадрате ровной белой бумаги.

«Я очень рассчитываю на личную встречу с новой миссис Кален».

Подарок был вручен в старой деревянной шкатулке с затейливой резьбой, украшенной золотом и перламутром и инкрустированной россыпью драгоценных камней. Элис сказала, что шкатулка сама по себе невероятное сокровище, которое затмило бы любое другое, за исключение того, что внутри нее.

— Мне всегда было любопытно, куда пропали королевские драгоценности после того, как Английский Джон^[16] заложил их в тринадцатом веке, — сказал Карлайл, — Думаю, что мне не стоит удивляться, что Волтури приложили к этому руку.

Ожерелье было простым — золото, плетенное тонкой цепью из чешуек, словно гладкой змеей, плотно обхватывающей горло, всего с одним камнем в подвеске, бриллиантом размером с мяч для гольфа.

Неприкрытое напоминание в записке Аро интересовало меня больше, чем камень. Волтури хотели видеть, что я бессмертна, что Каллены послушны указаниям Волтури, и они хотели увидеть меня как можно скорей. Нельзя было допустить их появления в окрестностях Форкса. Был только один способ сохранить здесь нашу жизнь в безопасности.

— Ты не поедешь одна, — настаивал Эдвард сквозь зубы, сжимая руки в кулаки.

— Они не тронут меня, — говорила я настолько мягко, насколько могла, заставляя свой голос звучать уверенно, — у них нет на то причин. Я

вампир. Дело закрыто.

— Нет. Ни за что.

— Эдвард, это единственный способ защитить ее.

И с этим он не мог спорить. Моя логика была нерушима.

Даже за то короткое время, что я общалась с Аро, я поняла, что он коллекционер, и наиболее ценными в его коллекции были живые экземпляры. Его интерес к красоте, талантам и особенностям его бессмертных спутников был куда живее, чем к драгоценностям, запертым в его чертогах. Было уже более чем достаточно того, что он проявлял интерес к способностям Эдварда и Элис, и я не собиралась предоставлять ему еще один повод для зависти к семье Каленов. Ренесми была красива, одарена и уникальна — одна единственная в своем роде. Он не должен ее увидеть, даже через чьи-то мысли.

И я была единственной, чьи мысли, он не мог прочесть. Конечно, я собиралась ехать одна.

Элис не видела никаких проблем в моей поездке, но ее беспокоило, что в ее видениях не было четкости. Она говорила, что также мутно бывает тогда, когда сторонние решения, ещё не ставшие конкретными, могут помешать. Из-за этого сомневающийся Эдвард становился категорически против моей поездки. Он собирался сопровождать меня до Лондона, но я не хотела оставлять Ренесми без обоих родителей. Вместо него со мной собрался Карлайл. То, что он будет всего в нескольких часах от меня, позволяло и мне, и Эдварду немного расслабиться.

Элис продолжала просматривать будущее, но то, что она видела, никак не относилось к тому, что она искала. Новый друг в супермаркете; возможный визит примирения от Ирины, хотя ее решение еще не было твердым; снежная буря, которая случится не ранее, чем через шесть недель; звонок от Рене (я практиковалась со своим «грубым» голосом, и получалось все лучше с каждым днем, чтобы Рене знала, что я все еще больна, но уже поправляюсь).

Мы купили билеты в Италию на день, следующий за днем, когда Ренесми исполнится три месяца. Я рассчитывала, что поездка будет очень короткой, поэтому не стала говорить об этом Чарли. Джейкоб знал и принял позицию Эдварда. Однако сегодня спор касался Бразилии. Джейкоб настаивал на поездке вместе с нами.

Трое из нас, Джейкоб, Ренесми и я охотились вместе. Диета из крови животных не очень-то привлекала Ренесми, и поэтому Джейкобу было разрешено отправиться одному. Джейкоб устраивал соревнование между ними, и это подстегивало ее как ни что другое.

Ренесми четко понимала, что значит хорошо, а что плохо относительно охоты на людей, просто она считала, что донорская кровь является неплохим компромиссом. Человеческая кровь насыщала ее и, видимо, являлась подходящей ее внутреннему строению, но на все варианты другой твердой пищи она реагировала с тем же терпением мученика, с каким отнеслась однажды на предложенные мной цветную капусту и фасоль. Кровь животных была, по крайней мере, лучше, чем это. У нее была склонность к соперничеству, и желание победить Джейкоба пробуждало в ней интерес к охоте.

— Джейкоб, — сказала я, пытаюсь урезонить его, пока Ренесми танцевала перед нами по длинной прогалине в поисках симпатичного ей запаха, — у тебя есть обязательства здесь. Леа, Сэт...

Он фыркнул.

— Я не нянька для своей стаи. Так или иначе у них у всех есть другие обязанности в Ла Пуш.

— А у тебя их нет? Неуж-то ты официально бросил школу? Если ты собираешься и дальше быть рядом с Ренесми, тебе придется учиться гораздо усерднее.

— Я просто взял отпуск на год. Я вернусь, когда все...замедлится.

Когда он сказал это, я потеряла весь пыл для продолжения спора и мы оба автоматически посмотрели на Ренесми. Она смотрела на снежные хлопья, высоко парящие прямо над ее головой. Они таяли, не долетая до желтеющей травы на длинном лугу, по форме напоминающем острие стрелы, на котором мы стояли. Ее одежда цвета слоновой кости и вся в оборках была чуть темнее снега, а ее красно-коричневые кудряшки мерцали на свету, хотя солнца совсем не было видно из-за облаков. Пока мы смотрели, она присела и тут же прыгнула вверх в воздух на 15 футов.^[17] Ее маленькие ладошки поймали снежинку и она мягко приземлилась на землю.

Она повернулась к нам, улыбаясь своей ошеломляющей улыбкой — действительно это было не то, к чему можно привыкнуть — и открыла руки, чтобы показать нам идеальную восьмиугольную снежную звезду в своей ладошке до того, как та растаяла.

— Красиво, — одобряюще сказал ей Джейкоб, — но, по-моему, ты увиливаешь, Несси.

Она прыгнула обратно к Джейкобу, он поднял руки, как раз в тот момент, когда она в них влетела. Они двигались абсолютно синхронно. Она всегда так делала, когда собиралась что-то сказать. Она все еще предпочитала не говорить вслух. Ренесми дотронулась до его лица,

очаровательно сморщившись, пока мы все слушали шорох от маленького стада лосей, двигавшегося далеко в лесу.

— Ну, коне-е-ечно, ты не голодна, Несси, — сказал он немного саркастически, но больше со снисхождением в голосе, чем с чем-нибудь еще, — ты просто боишься, что я поймаю самого большого.

Она выпрыгнула из рук Джейкоба, мягко приземлившись на ноги, и округлила глаза — она была так похожа на Эдварда, когда так делала. Тут же она сорвалась с места и скрылась в деревьях.

— Я догоню, — сказал Джейкоб, когда я наклонилась, собираясь последовать за ней. Он сорвал с себя футболку, бросившись за ней в лес, и уже дрожа.

— Не жульничать! — крикнул он Ренесми.

Я, улыбнувшись листьям, которые трепетали попав в их вихрь, покачала головой. Иногда Джейкоб казался еще большим ребенком, чем Ренесми.

Я остановилась, давая своим охотникам фору. Будет проще некуда найти их по следу, а Ренесми будет рада удивить меня размерами своей добычи. Я снова улыбнулась.

Узкий луг был очень спокоен, очень пуст. Снежинки кружили и таяли надо мной, снегопад почти прошел. Элис видела, что его не будет еще несколько недель.

Обычно мы отправлялись на эти охотничьи вылазки вместе с Эдвардом. Но сегодня Эдвард остался с Карлайлом для обсуждения поездки в Рио, за спиной Джейкоба...я нахмурилась. Когда вернусь, займу сторону Джейкоба. Он должен поехать с нами. Для него это имело большее значение, чем для любого из нас — вся его жизнь была поставлена на карту, также как и моя.

Пока мои мысли были заняты нашим ближайшим будущим, мои глаза привычно скользили по горному склону в поисках добычи, в поисках опасности. Я не задумывалась об этом, все это я делала автоматически.

Хотя возможно причина моего столь пристального наблюдения существовала — мои сверх обостренные чувства уловили какое-то крошечное движение до того, как я его осознала.

Пока мои глаза скользили по границе далекого утеса такого неподвижного серо-голубого в сравнении с темно-зеленым лесом, отблеск серебра — или золота? — привлек мое внимание.

Мой взгляд сосредоточился на цветке, который никак там не должен был быть, так далеко, что орел вряд ли смог что-то разглядеть. Я всмотрелась.

Она в ответ посмотрела на меня.

То, что она была вампиром, было очевидно. Ее кожа была белоснежной, в миллион раз более гладкой, чем человеческая. Даже не смотря на облака, ее кожа мягко переливалась. Если бы ее не выдавала кожа, ее выдавала бы неподвижность. Только вампиры и статуи могут быть настолько недвижимы.

Ее волосы были светлыми, пепельными, почти серебряными. Это и был тот блеск, что уловили мои глаза. Они лежали совершенно ровно, достигая до изгиба подбородка, немного касаясь его центра.

Она была мне не знакома. Я была абсолютно уверена, что никогда раньше не видела ее, даже как человека. Ни одно из лиц в моей мутной памяти не было похоже на это. Но я узнала ее сразу по ее темно-золотым глазам.

После всего случившегося Ирина все-таки решила прийти.

На одно мгновение мы стояли и смотрели друг на друга. Я пыталась понять, догадалась ли она сразу же, кто я такая. Я приподняла руку, собираясь помахать, но ее губы тут же сжались в тонкую линию, сделав выражение ее лица внезапно враждебным.

Я услышала победный крик Ренесми из леса, услышала эхо воя Джейкоба и увидела, как лицо Ирины рефлексивно метнулось на звук, которой дошел до нее на несколько секунд позже. Ее взгляд скользнул чуть вправо, и я знала, что она видела. Огромного красно-коричневого волка, возможно того самого, что убил ее Лорана. Как долго она наблюдала за нами? Я была уверена, что достаточно долго, чтобы увидеть наше нежное общение до этого.

Ее лицо исказилось болью.

Инстинктивно я развела руки в извиняющемся жесте. Она повернулась ко мне, ее губа вздернулась, обнажив зубы. Разжав челюсти, она зарычала.

Когда до меня дошел этот звук, она уже, развернувшись, исчезла в лесу.

— Вот дерьмо! — простонала я.

Я рванулась в лес по следам Джейкоба и Ренесми, не желая упускать их из виду. Я не знала, куда именно унеслась Ирина, и насколько взбешена она была сейчас. Месть для вампиров была одной из навязчивых идей, одной из тех, с которыми было не просто совладать.

Меня, бежавшей на полной скорости, понадобилось всего две секунды, чтобы догнать их.

— Мой больше, — услышала я, как настаивала Ренесми, в то время как я прорвалась через колючие кусты на маленькое открытое

пространство, где они находились.

Джейкоб прижал уши, как только увидел выражение моего лица, он подался вперед, обнажая зубы — его морда была перепачкана кровью добычи. Его глаза рыскали по лесу. Я слышала, как в его горле зарождается рычание.

Ренесми встревожилась так же, как и Джейкоб. Игнорируя мертвого оленя у ее ног, она взлетела в мои ожидающие объятия, прижимая свои любопытные ручки к моим щекам.

— Я переволновалась, — быстро разуверила их я, — думаю, все в порядке. Подождите.

Я достала мобильный и нажала кнопку быстрого набора. Эдвард ответил после первого же гудка. Джейкоб и Ренесми внимательно слушали меня, пока я разговаривала с Эдвардом.

— Приходи, возьми Карлайла, — тараторила я так быстро, что не знала, успевает ли за мной Джейкоб, — Я видела Ирину, и она видела меня, но потом она увидела Джейкоба и, как мне показалось, убежала взбешенная. Тут она не появлялась — пока, по крайней мере — но выглядела она действительно очень расстроенной, так что может если не объявится, то вам с Карлайлом надо пойти за ней и отыскать ее. Я ужасно себя чувствую.

Джейкоб заворчал.

— Мы будем через полминуты, — уверил меня Эдвард, и я услышала свист ветра от его скорости.

Мы вновь вернулись на луг и молча ждали, пока я и Джейкоб внимательно вслушивались во все звуки чьего бы то ни было приближения, который не был нам знаком.

Когда звук стал слышен, мы его узнали. И тут же Эдвард встал рядом со мной. Через несколько секунд появился Карлайл. Я была удивлена, услышав тяжелую поступь больших лап, следующих за Карлайлом. Хотя удивляться тут было не чему. Понятно, что при малейшей угрозе для Ренесми, Джейкоб тут же позвал подмогу.

— Она была вон там на утесе, — сказала я им, показывая место.

Если Ирина уже убежала, то она уже довольно далеко. Остановится ли она, чтобы выслушать Карлайла? Судя по выражению ее лица, ответ «нет».

— Может быть, позвонить Эммету и Джасперу, чтобы они пошли с тобой. Она выглядела...очень расстроенной. Она рычала на меня.

— Что? — спросил Эдвард со злостью.

Карлайл положил руку ему на плечо.

— Она очень переживает. Я пойду за ней.

— Я с тобой, — настаивал Эдвард.

Они долго смотрели друг на друга — возможно Карлайл сравнивал степень гнева на Ирину Эдварда и степень полезности от его способностей читать мысли. В конце концов, Карлайл кивнул, и они ушли искать след вдвоем, не позвав Эммета и Джаспера.

Джейкоб нетерпеливо запыхтел и ткнул меня в спину носом. Он хотел вернуть Ренесми домой, в безопасность, на всякий случай. Я согласилась с ним, и мы поспешили домой, с Сэтом и Леей, бежавшим по бокам.

Ренесми сидела у меня на руках, ее рука все еще была прижата к моему лицу. Так как наша охота была прервана, она снова будет пить донорскую кровь. В её мыслях было немного самодовольства.

Глава 28

Будущее

Карлайл и Эдвард не смогли поймать Ирину до того, как ее след растворился в звуках леса. Они бы последовали за ней вплавь до другого берега, но не было ни единого намека на ее присутствие на многие мили в сторону восточного берега.

Это все было моей виной. Она пришла, как и предвидела Элис, чтобы заключить мир с Калленами, и была возмущена моей столь близкой дружбой с Джейкобом. Мне бы так хотелось узнать о её приближение до того, как она заметила Джейка, мне бы хотелось чтобы отправились в тот день охотиться в другое место.

Очень многое было упущено. Карлайл позвонил Тане, чтобы сообщить ей печальные вести. Таня и Кэйт не видели Ирину с тех пор, как они решили прийти к нам на свадьбу, и они едва ли не обезумели о того, что Ирина пробралась так далеко и до сих пор не вернулась домой. Самым трудным для них было бы потерять сестру, однако, разлука не должна была быть столь тяжелой. Я думала, что, возможно, это заставило вспомнить их о том времени, когда они потеряли свою мать много веков тому назад.

Элис пыталась увидеть ближайшее будущее Ирины, но так и не смогла разглядеть ничего конкретного. Но насколько Элис могла сказать, Ирина не собиралась возвращаться к Денали. Будущее Ирины было расплывчато и туманно. Все, что смогла усидеть Элис, так это то, что Ирина была чрезвычайно расстроена. Она бродила по снегу (на сервере? на востоке?) с отсутствующим, опустошенным, выражением лица. Не было никаких вестей о том, куда она именно направляется — её путь не имел цели.

Шли дни... Я ничего не забыла, образ Ирины и выражение боли на ее лице не покидали мои мысли. Но были и другие, не менее важные вещи, о которых тоже стоило задуматься. Я собиралась отправиться в Италию в течение нескольких дней. По моему возвращению мы должны были уехать в Южную Америку.

Каждая деталь этой поездки обсуждалась уже сотни раз. Мы начнем с Тикуны, отслеживая и анализируя все легенды, взяв их из первоисточника. Сейчас было решено, что Джейкоб поедет с нами. Он четко фигурировал в наших планах — весьма маловероятно, что с нами будут говорить люди, которые не верят в существование вампиров. Если в Тикуне ничего не получится, то было еще несколько близко относящихся к подобному мест.

У Карлайла было пару старых друзей в Амазонии; если мы найдем их, то нам удастся добыть еще кое-какую информацию. Никто не знал, сколько займут поиски.

Я пока еще не сказала ничего Чарли о предстоящей длительной поездке. Я долго думала над тем, как сказать ему об этом, пока Карлайл и Эдвард продолжали обсуждать поездку. Как правильно преподнести ему это?

Пока мы говорили об этом, я наблюдала за Ренесми. Она свернулась клубочком на софе, ее дыхание было глубоким и размерным, она спала. Кудряшки обрамили ее личико.

Обычно мы с Эдвардом забирали ее в наш коттедж, чтобы уложить в кроватку, но сегодня мы задержались с семьей, обсуждая наши планы.

Эмметт и Джаспер обсуждали возможности будущей охоты — животный мир Амазонии кардинально отличался от того, где жили мы. Ягуары и пантеры, например. У Эмметта появилось желание сразиться с гигантской анакондой. Эсме и Розали составляли планы того, что они возьмут с собой. Джейкоб полностью отделился от стаи Сэма, ссылаясь на постоянное собственное отсутствие.

Элис передвигалась слишком медленно для себя — она скользила по комнате, прибирая и так безукоризненно чистые комнаты и поправляя, аккуратно развешанные Эсме, гирлянды. Сейчас она повторно выстраивала вазы Эсме. Я могла видеть частные смены выражений ее лица — сосредоточенное и задумчивое, затем пустое, ничего не выражающее, затем опять задумчивое — она пыталась увидеть будущее. Я предполагала, что сквозь пробелы, которые оставляли в её видениях Ренесми и Джейкоб она пыталась увидеть что нам ждать от нашего путешествия в Южную Америку. Это длилось до тех пор, пока Джаспер не сказал:

— Оставь это, Элис. Это не наша забота.

Комнату окутало облако сосредоточенности и тишина. Должно быть, Элис опять взволновалась из-за появления Ирины.

Она показала ему свой язык и подняла одну из ваз, в которой стояли красные и белые розы, и направилась в сторону кухни. Только в одном из стоявших в вазе цветков можно было заметить намек на некоторое увядание, но похоже, что Элис решила устранить все несовершенности, как старалась устранить и все пробелы в ее видениях.

Отвлекаясь на Ренесми я не заметила, как ваза выскользнула из пальцев Элис. Я уловила лишь порыв воздуха, а как только подняла глаза, увидела, что хрустальная ваза разбилась на сотни маленьких осколков, разлетевшиеся по поверхности мраморного пола на кухне.

Мы видели, как блистали сотни осколков, в мгновение все взгляды устремились к Элис.

Моей первой мыслью было то, что она разыграывает нас. Потому что Элис никак не могла выронить вазу из-за неуклюжести. Я бы метнулась через комнату и подхватила бы вазу, если бы не была уверена в том, что Элис поймает ее сама. И как же она все же выскользнула из ее рук? Из ее, всегда уверенных в своих движениях, цепких рук...

Я никогда не видела, чтобы вампир уронил что-либо по случайности. Никогда.

И вот когда Элис повернулась, она сделала это так быстро как не мог никто другой.

Ее глаза были рассредоточены. Одной частицей своего зрения наблюдало за будущим, другой — за тем, что происходило в комнате. Она смотрела на нас как-будто выглядывала из могилы. Я была в ужасе, отчаянии, агонии от её пристального взгляда.

Я слышала, что Эдвард дышал с трудом, я слышала его прерывистое дыхание.

— Что? — прорычал Джаспер, подскочив к ней — осколки вазы стерлись с порошок под его ногами. Он взял ее за плечи и резко встряхнул ее. Звенящая тишина повисла в воздухе. — Что такое, Элис?!

Эмметт встал в стойку, направив свой корпус в сторону окна. Его губы приподнялись, обнажив клыки.

Эсме, Карлайл и Розали все еще были тихи. Как и я.

Джаспер тряхнул Элис еще раз.

— Что, Элис?

— Они идут за нами, — одновременно прошептали Эдвард и Элис. — Каждый из них.

Тишина.

В один миг я поняла, потому что их слова позволили возникнуть в сознании моему собственному видению. Это было призрачное воспоминание из сна — темные фигуры в плащах, надвигающиеся на нас сквозь туман, оковывая плотным кольцом. Смутные воспоминания об одном из моих человеческих кошмаров. Я не могла видеть огонь, пылающий в их глазах. Но я знала о нем.

Намного сильнее, чем воспоминание, всплыло желание защитить всех, кто был рядом со мной.

Я хотела взять Ренесми, прижать ее к себе, защитить её от всего. Но я не могла даже взглянуть на нее. Я ощущала себя глыбой льда. Впервые с того момента, как я переродилась в вампира я ощущала холод.

И вот я услышала подтверждение своих страхов. Все это было не нужно, я уже и так знала.

— Волтури, — со стоном произнесла Элис.

— Все они, — одновременно с ней выдохнул Эдвард.

— Зачем... — прошептала Элис явно обращаясь к себе. — Как?

— Когда? — прошептал Эдвард.

— Зачем? — Эсме отозвалась эхом.

— Когда? — повторил Джаспер. Его голос был словно скован льдом.

Глаза Элис не моргали, будто какая-то пелена покрыла их; они словно бы затуманились. Рот Элис раскрылся в ужасе.

— Недолго, — сказали они одновременно.

Затем заговорила только Элис.

— Там снег в лесу. Ждать меньше месяца.

— Зачем? — спросил Карлайл.

Эсме ответила:

— У них должна быть причина. Может они хотят увидеть...

— Нет, Белла не есть причина, — ответила Элис ничего не выражающим голосом. — Идут все они — Аро, Кайус, Маркус, каждый член охраны, даже жены.

— Жены никогда не покидают крепости, — возразил ей Джаспер. — Ни во время южного противостояния, ни во время Римского вторжения в Вольтерру. Даже тогда, когда Волутри охотились за бессмертными детьми, жены не выходили из крепости. Никогда.

— Они уже в пути, — прошептал Эдвард.

— Но почему? — опять спросил Карлайл. — Мы не сделали ровным счетом ничего! А даже если сделали, что же могло заставить спуститься и их тоже?!

— Нас слишком много, — произнес Эдвард. — Они хотят убедиться, что...

Он не закончил предложения.

— Это не дает ответа на главный вопрос. Почему?

Я почувствовала, что знаю ответ на его вопрос. Ренесми была причиной этого, я была уверена. Я знала с самого начала, что они придут за ней. Мое подсознание предупреждало меня об этом еще до того, как я забеременела. Будто всегда знала, что Волтури придут и отнимут у меня самое дорогое.

Но это не отвечало на вопрос.

— Вернись туда, Элис. — попросил Джаспер. — Попытайся найти причину. То, что послужило началу.

— Это началось из ничего, Джас. Я не следила за ними, или за кем-то из нас. Я следила только за Ириной. Она не была там, где я ожидала ее увидеть...

Элис замолчала, ее глаза опять смотрели в пустоту.

Вдруг она резко подняла голову. Эдвард задержал дыхание.

— Она решила пойти к ним, — сказала Элис. — Ирина решила пойти к Волтури. И они решили... Будто они уже приняли решение и только ждут ее...

Наступила гробовая тишина. Что же такое сказала им Ирина, что стало причиной такому видению Элис?

— Мы можем ее остановить? — спросил Джаспер.

— Никаких шансов. Она почти на месте.

— Что она делает? — спросил Карлайл, но я уже не обращала внимания на их дискуссию. Все мое внимание сосредоточилось на картинке, сложившейся в моей голове.

Я видела Ирину, стоявшую на скале и наблюдавшую за нами. Что же видела она? Вампира и оборотня, которые были лучшими друзьями. Я сфокусировалась на этом, чтобы понять ее реакцию. Это было не все, что она видела.

Она видела ребенка. Изумительно красивого ребенка, на фоне белого снега. Явно больше, чем просто человеческого ребенка.

Ирина... осиротевшие сестры... Карлайл рассказывал, что потеря их матери, путем суда Волтури заставил их стать борцами за справедливость.

Только полминуты назад Джаспер произнес: «Даже тогда, когда Волутри охотились за бессмертными детьми...» Бессмертные дети — главное нарушение, и главное табу в этом мире.

С учетом прошлого Ирины, как могла она подумать что-то другое о том, что увидела в тот день на маленьком лугу?

Ведь она не была настолько близка, чтобы услышать биение сердца Ренесми, чтобы почувствовать тепло, исходящее от ее тела. А розовые щечки Ренесми, из-за всего, что она знала, она могла счесть всего лишь уловкой с нашей стороны.

Кроме того, Каллены объединились с оборотнями. Возможно, с точки зрения Ирины, это выглядело так, будто мы перешли все границы...

Ирина, сжимала руки на снежном просторе не от грусти по Лорану после всего, а от понимания, что она обязана сообщить о Калленах, и понимания, что с ними произойдет, если она сделает это. Очевидно, что ее совесть встала выше столетий дружбы.

И ответ Волтури на подобное нарушение был автоматическим, все уже

было решено.

Я развернулась и накрыла собой спящее тело Ренесми, закрывая ее своими волосами, пряча свое лицо в ее кудряшках.

— Подумайте о том, что она увидела тем днем, — перебив Эмметта, тихо произнесла я, не обращая внимания на то, что он хотел сказать, — для того, кто потерял свою мать из-за бессмертного ребенка, кем будет выглядеть Ренесми?

Вокруг была абсолютная тишина, пока остальные вникали в то, что я уже поняла.

— Бессмертным ребенком, — прошептал Карлайл.

Я почувствовала, что Эдвард встал на колени около меня и обнял нас обеих.

— Но она ошибается, — продолжила я, — Ренесми не такая, как те, другие дети. Их развитие остановилось, а она так быстро растет каждый день. Их невозможно контролировать, а она никогда не причинила вреда Чарли или Сью, она даже не показывала им то, что могло бы их расстроить. Она может себя контролировать. Она уже умнее многих взрослых. Нет никакой причины...

Я продолжала бормотать, ожидая, что-то кто вздохнет с облегчением, ожидая, что спадет ледяная напряженность в комнате, как только они поймут, что я права. Но казалось, что в комнате стало еще холоднее. Постепенно мой тихий голос утонул в тишине.

Долгое время все молчали.

Потом Эдвард прошептал мне на ухо.

— Это не то преступление, по которому они проводили бы разбирательство, милая, — сказал он тихо, — Аро увидел доказательство в мыслях Ирины. Они придут уничтожать, не вникая в причины.

— Но они ошибаются, — упорствовала я.

— Они не станут ждать, пока мы докажем им.

Его голос все еще был тихим, нежным, бархатным... но в нем сквозили боль и безысходное отчаяние.

Его голос был таким, как взгляд Элис — словно из могилы.

— Что же нам делать? — спросила я.

Мирно спящая в моих руках Ренесми была такая теплая и идеальная. Я так беспокоилась о быстром взрослении Ренесми, беспокоилась, что у нее чуть более десятилетие жизни... Этот ужас сейчас казался смешным.

Чуть больше месяца...

Неужели это было пределом? Я была счастлива так, как не был способен не один человек. Неужели был какой-то мировой закон,

распределяющий равные доли счастья и несчастья на свете? Неужели моя радость нарушила этот баланс? Неужели четыре месяца — это все, что я могла иметь?

Эмметт ответил на мой риторический вопрос.

— Мы будем биться, — спокойно сказал он.

— Мы не одолеем их, — прорычал Джаспер.

Я могла представить себе, как выглядит его лицо, как он, защищая, обнимает Элис.

— Что ж, мы не можем убежать. Не при наличии Деметри, — сказал Эмметт с отвращением, и я инстинктивно поняла, что его раздражает не преследование Волтури, а мысль о побеге, — и я бы не сказал, что мы не можем победить, — добавил он. — Есть способы, которые стоит обдумать. Мы не должны сражаться одни.

Я вскинула голову.

— Но мы и не собираемся приговаривать Квильетов к смерти, Эмметт!

— Спокойно, Белла, — выражение его лица не отличалось от того, с каким он обдумывал борьбу с анакондами. Даже угроза полного уничтожения не могла изменить настроения Эмметта, его желания ввязаться в битву. — Я не имел в виду стаю. Но хотя, на деле, ты же не думаешь, что Джейкоб или Сэм будут игнорировать вторжение? Даже если бы это не касалось Ренесми? Не говоря уже о том, что благодаря Ирине, Аро к тому же знает и о нашем соглашении со стаей. Я думал о других наших друзьях.

Карлайл вторил мне шепотом.

— Других наших друзей мы тоже не будем приговаривать к смерти.

— Эй, пусть они сами это решают, — примиряющее сказал Эмметт, — я не говорю, что они должны биться с нами вместе.

Я увидела, как в его голове появляется план.

— Им всего лишь надо быть с нами достаточно долго, чтобы Волтури стали сомневаться. В конце концов, Белла права. Если мы сможем остановить их и заставить выслушать, то это может быть устранит всякую причину для сражения.

Теперь на лице Эмметта было какое-то подобие улыбки. Удивительно, что никто еще не врезал ему до сих пор. Я хотела.

— Да, — с готовностью произнесла Эсме, — это имеет смысл, Эмметт. Все, что нам нужно, это остановить Волтури на время. Настолько долго, чтобы они могли нас выслушать.

— Нам понадобится просто целая труппа свидетелей, — резко сказала Розали, ее голос звенел как стекло.

Эсме кивнула, соглашаясь, будто не услышав сарказм в голосе Розали.

— Большого от друзей мы просить не сможем. Только свидетельство.

— Мы бы сделали для них тоже самое, — сказал Эмметт.

— Мы должны обратиться к ним прямо сейчас, — пробормотала Элис. Ее глаза снова были полны непроглядной пустоты.

— Им стоит показывать ее очень осторожно.

— Показывать? — спросил Джаспер.

Элис и Эдвард посмотрели на Ренесми. Глаза Элис вновь остекленели.

— Семья Тани, — сказала она, — группы Сиобан и Амуна. Кое-кто из кочевников — Гаррет и Мэри, точно. Может быть Алистер.

— Как насчет Питера и Шарлоты? — боязливо спросил Джаспер, будто надеясь на отрицательный ответ, и что его брат избежит участия в резне.

— Может быть.

— Амазонки? — спросил Карлайл, — Качири, Зафрина и Сенна?

Показалось, что Элис была слишком поглощена своим видением, чтобы сразу же дать ответ, наконец, она вздрогнула, моргнула и вернулась к реальности.

Она на сотую долю секунды встретила взглядом с Карлайлом и тут же опустила глаза.

— Я не вижу.

— Что это было? — спросил Эдвард, его шепот был требовательным. — Та часть, что про джунгли. Мы собираемся отправиться на их поиски?

— Я не вижу, — повторила Элис, избегая его взгляда.

Секундное замешательство отразилось на лице Эдварда.

— Мы должны разделить и не терять времени, надо успеть до того, как ляжет снег. Надо разыскать всех, кого только сможем, и привести сюда, чтобы показать ее.

Она снова просканировала будущее:

— Спросите Элеазара. Дело не только в бессмертном ребенке.

Снова надолго повисла зловещая тишина, пока Элис была в трансе. Когда видение ушло, она медленно моргнула, ее глаза все еще были затуманены, не смотря на то, что она уже вернулась в реальность.

— Так много всего. Нам надо торопиться, — прошептала она.

— Элис? — спросил Эдвард, — это были слишком быстро, я не понял. Что там...?

— Я не вижу! — рявкнула на него Элис, — Джейкоб почти здесь.

Розали шагнула к двери.

— Я разберусь с...

— Нет, пусть идет, — быстро сказала Элис, ее голос становился напряженнее с каждым словом.

Она схватила Джаспера за руку и поволокла его к задней двери, — я буду лучше видеть если буду и от Несси подальше. Мне надо идти. Я должна сконцентрироваться. Мне надо видеть все, что смогу увидеть. Я должна идти. Давай, Джаспер, у нас нет времени!

Мы все слышали шаги Джейкоба по ступенькам. Элис нетерпеливо дергала Джаспера за руку. Он поспешил за ней с тем же замешательством в глазах, что и у Эдварда. Они выбежали из дверей в серебряную ночь.

— Торопитесь! — кричала она нам издали, — вы должны найти их всех!

— Найти кого? — спросил Джейкоб, закрывая за собой дверь. — Куда ушла Элис?

Никто не ответил; все уставились в одну точку.

Джейкоб стряхнул воду с волос и вытащил руки из рукавов футболки, не сводя глаз с Ренесми.

— Привет, Беллс! Я думал, что вы, ребята, будете уже у себя дома...

Наконец он взглянул на меня, моргнул и замер. Я наблюдала за выражением его лица, пока он осознавал атмосферу, царившую в комнате. Он широко раскрытыми глазами разглядывал мокрые пятна на полу, разбросанные розы, осколки хрусталя. Его пальцы задрожали.

— Что? — спросил он мертвым голосом — Что случилось?

Я не знала с чего начать. И никто не мог найти слов.

Джейкоб в три длинных шага пересек комнату и упал на колени рядом со мной и Ренесми. Я чувствовала, как жар волнами растекается по его телу, как дрожь его рук скатывается к трясущимся ладоням.

— Она в порядке? — спросил он, прикасаясь к ее лбу, прижимая к ней голову, чтобы услышать сердце, — Не мучай меня, Белла, пожалуйста!

— Ничего страшного не случилось с Ренесми, — выдавила я, расставляя слова в странном порядке.

— Тогда с кем?

— Со всеми нами, Джейкоб, — прошептала я. И в моем голосе он зазвучал тоже — звук, исходящий из глубины могилы, — все кончено. Мы все приговорены к смерти.

Глава 29

Измена

Мы просидели там всю ночь, застыв в страхе и печали, а Элис так и не вернулась.

Мы все были на грани, замерев в полной тишине. Карлайл едва был способен шевелить губами, чтобы объяснить все Джейкобу. Казалось, что от пересказа становилось еще хуже, даже Эмметт был все еще молчалив с того момента.

Ничего не произошло до восхода солнца, и я знала, что Ренэсми скоро зашевелится у меня на руках, и в тот момент я впервые удивилась, что же так сильно могло задержать Элис. Я надеялась узнать побольше, перед тем как столкнусь с любопытством своей дочери. Получить больше ответов. Какую-нибудь самую маленькую, крошечную долю надежды, чтобы я была способна улыбнуться, а также уберечь ее от ужасающей правды.

Кажется, мое лицо надолго застыло в маске, которая не сходила с меня всю ночь. Я не была уверена что была способна ещё когда-нибудь улыбнуться.

Джейкоб похрапывал в углу, гора шерсти на полу тревожно подергивалась во время его сна. Сэм все знал — волки прочитали в мыслях друг у друга, что надвигалось. От того, что они знали об этом, не было никакого толку — их ждала смерть, как и мою семью.

Солнечный свет пробивался сквозь заднее окно, искрясь на коже Эдварда. Мои глаза не отрывались от него с того времени, как уехала Элис. Мы смотрели друг на друга всю ночь, смотрели на то, что оба боялись потерять: одного из нас. Я увидела, как промелькнуло мое отражение в его безумных глазах, когда лучи солнца коснулись моей кожи.

Его брови чуть-чуть сдвинулись, затем открылся его рот:

— Элис, — сказал он.

Его голос был подобен треску таящего льда. Всех нас немного отпустило, немного расслабило. Мы вновь могли двигаться.

— Она давно ушла, — удивленно пробормотала Розали.

— Где она может быть? — размышлял Эмметт, сделав шаг к двери.

Эсме сложила ладони.

— Мы не хотим мешать...

— Она никогда не исчезала на столь долго, — сказал Эдвард.

Новое беспокойство разрушило маску, образовавшуюся на его лице.

Его черты вновь ожили, его глаза внезапно расширились от нового страха, в чрезвычайной панике. — Карлайл, ты не думал о некотором преимуществе? Было ли у Элис время, чтобы увидеть, послали они кого-нибудь за ней?

Полупрозрачное лицо Аро всплыло у меня в голове. Аро, который видел все уголки разума Элис, который знал все, на что она была способна...

Эмметт ругнулся довольно громко, от чего Джейкоб вздрогнул, зарывчав. Во дворе его стая отозвалась на рык. Моя семья пришла в действие, превратившись в размытое пятно.

— Оставайся с Ренэсми! — почти закричала я на Джейкоба, в то время как бросилась через дверь.

Я все еще была сильнее их всех, и я воспользовалась этой силой, чтобы вырваться вперед. Я обогнала Эсме за несколько прыжков, и ещё Розали лишь за несколько больших шагов. Я неслась через густой лес, пока не оказалась прямо позади Эдварда и Карлайла.

— Разве они могут застать её врасплох? — спросил Карлайл, его голос был таким, будто он, скорее, стоял неподвижно, а не бежал на полной скорости.

— не представляю себе как такое может быть, — ответил Эдвард. — Но Аро знает ее лучше, чем кто-либо еще. Лучше меня.

— Это ловушка? — прокричал Эмметт позади нас.

— Возможно, — сказал Эдвард. — Нет ни каких других запахов, кроме Элис И Джаспера. Куда же они пошли?

След Элис и Джаспера вился широкой дугой: он тянулся с восточной стороны дома, но вел к северу на другой берег реки, а затем после нескольких миль — обратно на запад. Мы пересекли реку, все шестеро, прыгнув, в секунде друг от друга. Эдвард бежал впереди, полностью сосредоточившись.

— Вы не уловили этого запаха? — крикнула нам Эсме спустя пару мгновений, после того как мы перепрыгнули реку во второй раз. Она была позади всех, на дальнем левом краю нашей погони. Она указала жестом на юго-восток.

— Держись основного следа — мы почти на границе с Квильеттами, — кратко распорядился Эдвард. — Держимся вместе. Посмотрим, свернули ли они севернее или южнее.

Я не была настолько осведомлена о границе по договору, как все остальные, но я смогла почувствовать намек на волка в ветерке, дувшем с востока. Эдвард и Карлайл по привычке немного замедлились, и я сумела

увидеть как они вертят головами по сторонам в ожидании, что след изменит направление.

Затем волчий запах внезапно усилился, и голова Эдварда быстро сменила направление. Он неожиданно остановился. Мы все тоже замерли.

— Сэм? — спросил Эдвард безжизненным голосом. — Что это?

Сэм вышел из-за деревьев в нескольких сотнях ярдов, быстро идя к нам в своем человеческом облики, по обе стороны которого находились два волка — Пол и Джаред. Сэму понадобилось время, чтобы нагнать нас, его человеческий шаг выводил меня из терпения. Мне не хотелось думать о том, что произошло. Я хотела двигаться, делать что-нибудь. Я хотела обхватить Элис руками, знать точно, что она была в безопасности.

Я видела, что лицо Эдварда стало совершенно белым, когда он прочел мысли Сэма. Сэм же проигнорировал его, смотря прямо на Карлайла, в то время как остановился и начал говорить.

— Сразу после полуночи Элис и Джаспер пришли на это место и попросили разрешения пересечь нашу землю по пути к океану. Я разрешил им это сделать и сам проводил к берегу. Они тот час же вошли в воду и не вернулись. Пока мы шли, Элис сказала мне, что большое значение имеет, что бы я ничего не сообщал Джейкобу о том, что видел ее, пока не поговорю с вами. Я ждал, что вы придете сюда ее искать, чтобы потом передать вам эту записку. Она сказала мне послушаться ее, так как наши жизни зависят от этого.

Лицо Сэма было мрачным, когда он протягивал сложенный лист бумаги, который весь был испещрен маленьким черным текстом. Эта была страница из книги. Мои острые глаза прочли напечатанные слова, в то время как Карлайл раскрывал ее, чтобы прочесть, что написано на другой стороне. Та сторона, которая была видна мне, была страницей из «Венецианского купца». От нее веяло намеком на мой собственный запах, когда Карлайл встряхнул бумагу, чтобы выровнять ее. Я поняла, что это страница была вырвана из одной из моих книг. Я принесла в коттедж пару вещей из дома Чарли: несколько комплектов нормальной одежды, все письма от своей матери и свои любимые книги. Моя изорванная коллекция шекспировских книг в бумажной обложке была вчера утром на полке в маленькой гостиной коттеджа...

— Элис решила покинуть нас, — прошептал Карлайл.

— Что? — вскрикнула Розали.

Карлайл повернул страницу, так чтоб мы все смогли прочесть.

Не ищите нас. Нельзя терять время. Запомните: Таню, Сиобан, Амун, Алистер, всех странников, которых сможете найти. Мы разыщем по пути

Питера и Шарлоту. Нам очень жаль, что пришлось так вас покинуть, без каких-либо прощаний или объяснений. Но это единственный выход для нас. Мы вас любим.

Мы опять замерли, наступила абсолютная тишина, не учитывая звука сердцебиения волков, их дыхания. Должно быть, их мысли также были громкими. Эдвард первым зашевелился вновь, ответив на то, что услышал в голове Сэма.

— Да, все очень серьезно.

— Настолько, что вы бросаете свою семью? — спросил Сэм вслух, с осуждением в голосе.

Было очевидно, что он не читал записку до того, как передал Карлайлу. Сейчас он был расстроен, выглядя, словно бы он пожалел, что послушал Элис.

Выражение лица Эдварда было суровым — возможно, Сэму казалось, что он зол или высокомерен, но я смогла разглядеть боль в ожесточенных чертах его лица.

— Мы не знаем, что она увидела, — сказал Эдвард. — Элис не бессердечна, её никак нельзя назвать трусом. Ей просто известно гораздо больше, чем нам.

— Мы бы не..., - начал Сэм.

— Вы связаны не так, как мы, — резко оборвал Эдвард. — Каждый из нас все еще свободен выбирать.

Подбородок Сэма дернулся вверх, а глаза вдруг резко потемнели.

— Но вы должны учесть опасность, — продолжил Эдвард. — Это не то, во что бы вам захотелось быть вовлеченными. Вы все еще можете избежать того, что увидела Элис.

Сэм мрачно улыбнулся.

— Мы не убежим. — Пол фыркнул, вторя ему.

— Не дай погибнуть своей семье из гордости, — спокойно вставил Карлайл.

Сэм взглянул на Карлайла с более мягким выражением лица.

— Как заметил Эдвард, мы не настолько свободны, насколько вы. Ренэсми сейчас для нас такой же член семьи, как и для вас. Джейкоб не может оставить ее, а мы не можем оставить его.

Он сверкнул глазами на записку Элис, и его губы вытянулись в тонкую линию.

— Ты не знаешь ее, — сказал Эдвард.

— А ты? — резко спросил Сэм.

Карлайл положил руку на плечо Эдварда.

— Мы многое сделали, сын. Что бы там не решила Элис, мы будем глупцами, если не последуем ее совету. Вернемся домой и займемся делом.

Эдвард кивнул, его лицо все еще застыло и исказилось от боли. Я смогла расслышать тихий плач без слез Эсме позади себя.

Я не знала, как плакать в этом новом теле; я не могла ничего поделать, кроме как смотреть. Не было еще и других чувств. Все казалось ненастоящим, как будто я вновь спала спустя столько месяцев. И видела кошмар.

— Спасибо, Сэм, — сказал Карлайл.

— Я сожалею, — в ответ сказал Сэм. — Мы не должны были отпускать ее.

— Вы поступили правильно, — сказал ему Карлайл. — Элис вольна делать, что хочет. Я не стану отнимать у неё эту свободу.

Я всегда думала о Калленах, как о едином целом. Вдруг я вспомнила, что так было не всегда. Карлайл создал Эдварда, Эсме, Розали и Эмметта, Эдвард создал меня. Мы были физически связаны кровью и ядом. Я никогда не думала об Элис и Джаспере, как о каких-то исключениях, принятых в семью. Но по правде Элис приняла Калленов. Она появилась со своим бессвязным прошлым, приведя с собой Джаспера с его прошлым, и пристроилась к семье, которая уже была. Она вместе с Джаспером знала о другой жизни вне семьи Калленов. Неужели она предпочла вести другой новый образ жизни после того, как увидела, что с жизнью Калленов покончено?

К тому же мы были обречены, ведь так? Не было никакой надежды. Ни одного лучика, ни одного проблеска, который мог бы убедить Элис, что у нее есть шанс выжить на нашей стороне.

Чистый утренний воздух внезапно показался более густым, более темным, как будто помрачнел от моего отчаяния.

— Я не сдамся без боя, — прорычал Эмметт вполголоса. — Элис сказала нам, что делать. Так давайте сделаем.

Остальные кивнули с решительными выражениями лиц, и я осознала, что они полагались на шанс, который дала нам Элис, какой бы там ни было, шанс. Они не собирались отдаваться отчаянию и не станут дожидаться смерти.

Да, мы все будем драться. А что нам еще остается? И видимо мы вовлечем в это и других, потому что так сказала Элис, до того, как покинула нас. Как мы могли не последовать последнему предостережению Элис? Волки тоже будут сражаться вместе с нами из-за Ренэсми.

Мы будем биться, они будут биться, и все мы умрем.

Я не испытывала ту же решимость, которая, казалось, была у остальных. Элис знала о неравенстве. Она предоставила нам единственный шанс, который смогла увидеть, но шанс был слишком ничтожен, для того, чтобы она смогла положиться на него.

Я уже чувствовала себя обессиленной, когда повернулась спиной к Сэму, излучающему неодобрение, и последовала за Карлайлом в дом.

Теперь мы бежали на автомате, не в той тревожной спешке, что была до этого. В то время как мы приблизились к реке, Эсме подняла голову.

— Тут был тот другой след. Он был свежим.

Она кивнула вперед в сторону, где она призывала Эдварда к вниманию на пути сюда. Тогда как мы неслись спасти Элис.

— Это было днем раньше. Была только Элис, без Джаспера, — сказал Эдвард безжизненно.

Эсме сморщилась и кивнула.

Я отклонилась вправо, малость отстав. Я была уверена, что Эдвард прав, но все-таки.... Тем не менее, почему записка Элис была написана на странице из моей книги?

— Белла? — спросил Эдвард бесчувственным голосом, заметив, что я медлила.

— Я хочу пойти по следу, — сказала я ему, уловив легкий запах Элис, который уводил в сторону от более раннего пути её следования. Это было новым для меня, но запах был точно таким же, разве что, за вычетом запаха Джаспера.

В золотых глазах Эдварда зияла пустота.

— Возможно, он просто-напросто ведет обратно к дому.

— Ну, тогда встретимся там.

Сначала я подумала, что он отпустит меня одну, но после того, как я сделала пару шагов в сторону, его пустые глаза вспыхнули.

— Я пойду с тобой, — спокойно сказал он. — Увидимся дома, Карлайл.

Карлайл кивнул, и остальные ушли. Я ждала, пока они скроются из виду, а затем вопрошающе посмотрела на Эдварда.

— Я не мог позволить тебе уйти без меня, — тихо объяснил он. — Больно даже представить себе это.

Мне все было понятно и без объяснений. Стоило мне самой представить себя хотя бы в короткой разлуке с ним и я пришла к выводу, что испытала бы ту же боль, и не имеет значения, насколько коротким было бы расставание.

У нас было не столь много времени, чтобы быть вдвоем.

Я протянула ему свою руку, и он взял ее.

— Поспешим, — сказал он. — Ренэсми проснется.

Я кивнула, и мы вновь побежали.

Наверное, это было глупо тратить время не на Ренэсми, а на простое любопытство. Но записка взволновала меня. Элис могла вырезать записку на камне или стволе дерева, если бы она нуждалась в письменных принадлежностях. Она могла украсть блокнот из любого дома по шоссе. Почему моя книга? Когда она успела вырвать из неё лист?

Действительно, след вел обратно к коттеджу обходным маршрутом, проходившим в стороне от дома Калленов и волков в ближайшем лесу. Эдвард нахмурился, смутившись, когда стало очевидно, куда ведет след.

Он постарался переубедить меня.

— Ты действительно думаешь, что она оставила Джаспера ждать её и отправилась сюда?

Сейчас мы приблизились к коттеджу, и меня охватила тревога. Я была рада, что держала Эдварда за руку, но я также почувствовала, что мне следовало прийти сюда одной. Вырвать страницу и принести ее Джасперу — это было так странно со стороны Элис. Мне показалось, что в ее действии был какой-то знак, который я совсем не могла понять. Но это была моя книга, так что послание должно быть мне. Если б она хотела, чтобы Эдвард что-то узнал, она бы вырвала страницу из одной из его книг...?

— Дай мне только минутку, — сказала я, освобождая свою руку, когда мы дошли до двери.

На него на лбу образовалась складка.

— Белла?

— Пожалуйста? Тридцать секунд.

Я стала дожидаться его ответа. Я бросилась к двери, закрыв ее за собой. Я прошла прямо к книжной полке. Запах Элис был еще свеж, ему было меньше одного дня. Огонь, который я не разжигала, горел в камине слабо, от него все ещё отходил жар. Я взяла с полки «Венецианского купца» и, раскрыв, открыла титульный лист.

Там, возле срезанного края левее вырванной страницы, под словами: «Венецианский купец» Уильям Шекспир, — была записка.

Уничтожь это.

Под этим было имя и адрес в Сиэтле.

Когда Эдвард вошел в дверь спустя тридцать секунд, ровно тридцать, я наблюдала за горящей книгой.

— Что происходит, Белла?

— Она была здесь. Она вырвала страницу из моей книги, чтобы написать записку.

— Почему?

— Не знаю.

— Зачем ты ее сожгла?

— Я... Я..., — я нахмурилась, позволив всему моему разочарованию и боли отразиться на моем лице. Я не знала, что Элис пыталась сказать мне, но я точно знала, что она скрыла подробности ото всех, кроме меня. Единственной, чьи мысли Эдвард не может прочесть. Так что, она, должно быть, хотела оставить его в неизвестности, и на то, наверное, была весома причина. — Так надо.

— Мы не знаем, что она задумала, — тихо сказал он.

Я уставилась на пламя. Я была единственной на свете, кто мог обмануть Эдварда. Этого ли хотела от меня Элис? Это ее последняя просьба?

— Когда мы были в самолете, направляясь в Италию, — прошептала я (это не было ложью, может, за исключением контекста), — спасти тебя... она солгала Джасперу, так что он не приехал за нами. Она знала, что если он встретится с Волтури, он умрет. Она была готова умереть сама, нежели чем втянуть его в опасность. Позволить умереть мне, позволить умереть тебе.

Эдвард не отвечал.

— У нее есть свои приоритеты, — сказала я.

Мое бесшумное сердце заболело от осознания того, что мое объяснение никоим образом не казалась ложью.

— Я не верю в это, — сказал Эдвард. Он не произнес это так, будто бы спорил со мной — он произнес это так, будто бы спорил с собой. — Может, просто Джаспер в опасности. Ее план сработает для нас всех, но он погибнет, если останется. Может...

— Она могла бы нам сказать это. Отправив к нам его...

— Но разве Джаспер оставил бы её? Может, она вновь солгала ему?

— Может, — я сделала вид, что согласилась. «Нам стоит пойти домой. Нет времени».

Эдвард взял меня за руку, и мы побежали.

Записка Элис не придала мне надежды. Если бы был какой-нибудь способ избежать надвигающееся кровопролитие, Элис бы осталась. Я не могла видеть другой возможности. Итак, было что-то еще, что она предоставила мне. Не путь к побегу. Но что же ещё, по её мнению, я могу желать? Возможно, способ спасти что-то? Было ли что-нибудь, что я все

еще могла спасти?

Пока нас не было, Карлайл и остальные не сидели без дела. Мы разминулись с ними лишь на пять минут, а они уже собирались уходить. Джейкоб, вновь в человеческом облики, с Ренэсми на коленях, были в углу, они оба смотрели на нас с широко раскрытыми глазами.

Розали сменила свое шелковое платье на более надежную экипировку — пару джинсов, кроссовки и застегивающуюся на пуговицы рубашку, сделанную из плотной ткани, которую туристы используют для длительных путешествий. Эсме была одета также. На кофейном столике стоял глобус, но они рассматривали его, просто ожидая нас.

Теперь атмосфера была куда более позитивной, чем раньше; им нравилось быть занятыми. Они возлагали надежды на наставления Элис.

Я взглянула на глобус и мне стало любопытно — куда мы сначала направимся.

— Мы остаемся здесь? — спросил Эдвард, смотря на Карлайла. Он казался недовольным.

— Элис сказала, что нам стоит показать людям Ренэсми, и мы позаботимся об этом, — сказал Карлайл. — Мы отправим сюда, к вам, любого, кого встретим. Эдвард, ты лучше всех справишься с этим необычным и опасным предприятием.

Эдвард быстро кивнул но выглядел все еще недовольно.

— Большое же расстояние вам придется приодалеть.

— Мы разделились, — ответил Эмметт. — Роуз и я ищем странников.

— Ты похлопочешь здесь, — сказал Карлайл. — Семья Тани будет здесь утром, и они не имеют представления, в чем причина. Во-первых, ты должен убедить их не реагировать так же, как Ирина. Во-вторых, ты поймешь, что имела в виду Элис, сказав о Элеазаре. Теперь, после всего этого, примут ли они нашу сторону? Все начнется заново, когда придут другие, если мы сможем убедить кого-нибудь прийти для начала, — вздохнул Карлайл. — Твоя работа, скорее всего, будет самой сложной. Мы вернемся, чтобы помочь, так скоро, как только сможем.

Карлайл положил на мгновение свою руку на плечо Эдварда, а затем поцеловал меня в лоб. Эсме крепко обняла нас обоих, а Эмметт ударил кулаком нас по руке. Розали выдавила с трудом улыбку мне с Эдвардом, послав поцелуй Ренэсми, а затем скорчила прощальную гримасу Джейкобу.

— Удачи, — сказал им Эдвард.

— И тебе тоже, — сказал Карлайл. — Она нам всем понадобится.

Я смотрела, как они уходят, желая, что бы я могла почувствовать ту же надежду, которая поддерживала их, и остаться одной всего на несколько

секунд, чтобы сесть за компьютер. Я пыталась понять, кем был этот Д.Дженкс, и почему Элис пошла на такие меры, чтобы его имя стало известно только мне.

Ренэсми завертелась на руках Джейкоба, чтобы прикоснуться к его щеке.

— Я не знаю, придут ли друзья Карлайла. Надеюсь на это. Кажется у нас небольшое численное превосходство на данный момент, — пробормотал Джейкоб Ренэсми.

Итак, она знала. Ренэсми уже, несомненно, поняла, что происходит. В целом процесс «запечатленный оборотень дает объекту своего запечатления все, что она захочет» быстро набирал обороты. Разве ее защита не была важнее ответов на ее вопросы?

Я заботливо посмотрела ей в лицо. Она не выглядела напуганной, только встревоженной и очень серьезной, в то время как беседовала с Джейкобом своим молчаливым путем.

— Нет, мы не можем помочь, мы останемся здесь, — продолжил он. — Люди придут посмотреть на тебя, а не на пейзаж.

Ренэсми нахмурилась.

— Нет, я никуда не уйду, — сказал он ей. Затем он взглянул на Эдварда, и на его лице выступило потрясение, когда он понял, что может ошибаться. — Ведь так?

Эдвард колебался.

— Ну, выкладывай, — сказал Джейкоб, его голос звучал грубее от напряжения. Это была его точка кипения, как и у нас.

— Вампиры, которые придут помочь нам, не такие, как мы, — сказал Эдвард. — Семья Тани единственная, кроме нашей, которая чтит человеческую жизнь, и даже они невысоко ценят оборотней. Я считаю, что будет безопаснее...

— Я могу о себе побеспокоиться, — прервал Джейкоб.

— Для Ренэсми будет, — продолжил Эдвард, — если решение о том, поддержать нас или нет, не затронет наша связь с оборотнями.

— Эти ваши друзья. Они, что, могут поменять своё отношение к тебе только потому, кто сейчас живет у тебя?

— Я думаю, они были бы терпимее при обычных обстоятельствах. Но тебе нужно понять: им всем будет непросто принять Несси. Так зачем же все усложнять?

Карлайл объяснил законы, касающиеся бессмертных детей Джейкобу прошлой ночью.

— Бессмертные дети и вправду были так плохи? — спросил он.

— Ты и представить не можешь, какие глубокие шрамы оставили они на душе вампирского сообщества.

— Эдвард... — Было все еще необычно слышать, как Джейкоб называет Эдварда по имени без злобы.

— Я знаю, Джейк. Я знаю, как тяжело, находиться вдали от нее. Мы будем принимать решение по ситуации — посмотрим, как они отреагируют на нее. Во всяком случае, Несси придется то и дело скрывать следующие несколько недель. Ей понадобится оставаться в коттедже до тех пор, пока не наступит время, чтобы мы могли представить, ее. Ну а пока ты будешь держаться на безопасном расстоянии от главного дома...

— Пожалуй, я могу сделать это. Компания соберется завтра утром, так?

— Да. Самые близкие наши друзья. В данном случае, наверное, будет лучше, если мы введем их в известность так быстро, как это возможно. Ты можешь остаться здесь. Таня знает о тебе. Она даже виделась с Сетом.

— Точно.

— Тебе следует разъяснить Сэму, что происходит. Вскоре в лесу могут появиться посторонние.

— Хорошо. Однако я задолжал ему немного спокойствия после недавней ночи.

— Обычно стоит того, чтобы послушать Элис.

Зубы Джейкоба заскрежетали, и я поняла, что он разделяет чувства Сэма на счет поступка Элис и Джаспера.

Пока они говорили, я размышляла у заднего окна, пытаюсь выглядеть растерянной и взволнованной. Это было нетрудно сделать. Я прислонила свою голову к стене, которая изгибалась от гостиной в сторону столовой, прямо возле одного из компьютерных столов. Я пробежалась пальцами по клавиатуре, в то время как смотрела в лес, стараясь, чтобы это выглядело как рассеянное движение. Делали ли вампиры что-нибудь рассеянно? Не думаю, что кто-нибудь обращал на меня особое внимание, но я не повернулась, что удостовериться. Монитор засветился, ожив. Я вновь прошла пальцами по клавиатуре. Затем я очень тихо постучала ими по деревянному столу, придавая этому случайный вид. Очередное постукивание по клавиатуре.

Я всматривалась в экран своим боковым зрением.

Д.Дженкса не было, зато был Джейсон Дженкс. Адвокат. Я легко прикасалась к клавиатуре, пытаюсь держать ритм, как если б была поглощена поглаживанием кота, о котором почти забыла у себя на коленях. У Джейсона Дженкса был сайт, посвященный его фирме, но адрес на

главной странице был неверным. В Сиэтле, но под другим почтовым индексом. Я записала телефонный номер, а потом постучала по клавиатуре в такт. На этот раз я искала адрес, ничего не нашла, как будто он и не существовал. Я хотела посмотреть на карту, но решила, что искушать свою судьбу. Еще одно прикосновение, чтобы удалить историю...

Я продолжала смотреть в окно и несколько раз провела рукой по дереву. Я слышала легкие шаги по полу в мою сторону и повернулась, надеясь, что у меня было тоже выражение лица, что и до этого.

Ренэсми подошла ко мне, и я распахнула объятия. Она бросилась в них — при этом я ощутила сильный запах оборотня — и прижала свою голову к моей шее.

Я не знала, способна ли выдержать это. То, как сильно я боялась за свою жизнь, за жизнь Эдварда, остальных членов своей семьи, отличалось от выворачивающего меня на изнанку ужаса, который я испытывала за свою дочь. Должен быть способ спасти ее, даже если это будет единственное, что я смогу сделать.

Вдруг я поняла, что это было все, чего я желала. Я вынесу все, что придется, но только не потеряю ее. Только не это.

Она была единственной, кого я просто должна была спасти.

Знала ли Элис, что я почувствую?

Рука Ренэсми слегка коснулась моей щеки.

Она показала мне мое собственное лицо, лицо Эдварда, Джейкоба, Розали, Эсме, Карлайла, Элис, Джаспера, бегло пробежавшись по всем членам нашей семьи быстрее и быстрее. Сет и Леа. Чарли, Сью и Билли. Повторяя многократно. Она беспокоилась так же, как и все мы. Хотя она лишь беспокоилась. Джейк утаил от неё много ужасного, что я бы могла рассказать ей. Например то, что у нас не осталось никакой надежды, что мы все умрем в течение месяца.

Она остановилась на лице Элис, с сильным желанием и смущением. Где же Элис?

— Я не знаю, — прошептала я. — Но она же Элис. Она как всегда поступает правильно.

В любом случае, правильно для Элис. Я ненавидела думать о ней подобным образом, но как же еще понимать эту ситуацию?

Ренэсми вздохнула, и желание усугубилось.

— Я тоже скучаю по ней.

Я почувствовала, как пришло в движение мое лицо, пытаюсь найти выражение, которое соответствовало горечи внутри меня. Мои глаза казались странными и сухими, они мигали от неудобных ощущений. Я

прикусила губу. Когда я вздохнула в очередной раз, воздух затрясся у меня в горле, как будто я подавилась.

Ренэсми отстранилась, чтобы посмотреть на меня, и я увидела свое лицо, отразившееся в ее мыслях и ее глазах. Я выглядела как Эсме сегодня утром.

Так вот как плачут вампиры.

Глаза Ренэсми искрились от влаги, когда она смотрела на мое лицо. Она слегка прикоснулась к моему лицу, ничего не показывая мне, просто пытаюсь утешить меня.

Я никогда не думала, что увижу, как связь матери-дочери между нами перевернется, как в случае Рене и меня. Но у меня не было четкого представления о будущем.

В уголке глаза Ренэсми навернулась слеза. Я стерла ее поцелуем. Она в изумлении прикоснулась к своему глазу, а затем посмотрела на влагу на кончике своего пальца.

— Не плачь, — сказала я ей. — Все будет хорошо. С тобой все будет хорошо. Я найду способ, чтобы вытащить тебя.

Хотя я не могла ничего поделать, я все еще могла спасти свою Ренэсми. Я была более чем уверена, что это и было тем самым, что Элис предоставила мне. Она знала. Она оставила мне путь к спасению.

Глава 30

Очаровывающая

Было так много всего над чем стоило подумать.

Как мне улучшить возможность разыскать Джей Дженкса, и почему Элис хотела, чтобы я о нем узнала? Если подсказка Элис не имела отношения к Ренесми, то, что я могу сделать, чтобы спасти свою дочь? Как мы с Эдвардом будем объясняться с семьей Тани утром? Что если ониотреагируют также, как Ирина? Что если это обернется схваткой?

Я не знала, как сражаться. Как я могу этому научиться всего за месяц? Есть ли хоть один шанс, что я научусь достаточно быстро, для того чтобы представлять угрозу хоть кому-то из Волтури? Или я обречена на то, что бы остаться абсолютно бесполезной? Просто еще один легко устранимый новообращенный?

Мне нужно было узнать так много ответов, но я не имела возможности задать ни одного вопроса.

Желая, чтобы около Ренесми была нормальная обстановка, я настояла на том, чтобы забрать ее домой, в наш домик, хотя бы в то время, когда она спит. Джейкобу сейчас было комфортнее в облике волка, ситуация легче им переживалась, когда он был готов к битве. Хотела бы я чувствовать то же самое, чувствовать, что я готова. Сейчас он снова убежал на патруль в лес.

Когда Ренесми крепко спала, я положила ее в кроватку и направилась в комнату напротив, что задать свои вопросы Эдварду. В любом случае, был только один вопрос, который я смогу спросить; самым трудным для меня была мысль, что мне приходится от него что-то скрывать, даже с учетом безмолвности для него моих мыслей.

Он стоял спиной ко мне и смотрел на огонь.

— Эдвард, я...

Он развернулся и оказался на другом конце комнаты с такой скоростью, будто бы ему вообще не потребовалось время для этого, даже сотой доли секунды. Я только успела осознать свирепое выражение его лица, как его губы тут же обрушились на мои, а руки заковали меня в объятия подобно стальным канатам.

Всю оставшуюся ночь я уже не могла думать о своих вопросах. Мне не понадобилось много времени, чтобы понять причину его настроения, и еще меньше времени, чтобы почувствовать себя также.

Я думала, что мне понадобятся года прежде чем я научусь каким-то

образом контролировать всепоглощающее физическое влечение, которое я к нему испытывала. А потом у меня были бы века, чтобы наслаждаться этим. Если же у нас есть всего месяц, чтобы быть вместе... что ж, я не знаю, как сопротивляться данному раскладу. В этот момент, я думала только о себе. Все, что я хотела, это любить его столько времени, сколько мне было отпущено.

Тяжело было отпускать его, когда взошло солнце, но у нас была своя работа, работа, которую была гораздо сложнее, чем все поиски, что вели члены нашей семьи. Как только я начинала думать о грядущем, я сразу же почувствовала напряжение, казалось, что все мои нервы растянули на распорках и они становятся все тоньше и тоньше.

— Как бы я хотел, чтобы был способ узнать необходимую нам информацию от Элеазара до того, как мы расскажем ему про Несси, так, на всякий случай — пробормотал Эдвард, пока мы торопливо одевались в огромной гардеробной, которая напоминала об Элис гораздо больше, чем мне бы того хотелось.

— Да, но он не поймет, на какой вопрос он должен дать ответ, — согласилась я — Думаешь, они нас выслушают?

— Я не знаю.

Я взяла все еще спящую Ренесми из кровати и прижала ее к себе настолько, что ее кудряшки касались моего лица; ее сладкий запах, который был так близко, полностью перекрыл все остальные.

Сегодня я не могла потратить ни секунды. Мне было нужно получить так много ответов, а я не была уверена, что у нас с Эдвардом еще будет возможность побыть наедине. Если вся затея с семьей Тани удастся, то надолго у нас появится компания.

— Эдвард, ты научишь меня драться? — спросила я, опасаясь его реакции, пока он придерживал для меня дверь.

Все было именно так, как я ожидала. Он застыл, а потом многозначительно стал меня рассматривать, будто видел в первый или последний раз. Его глаза задержались на нашей дочери, спящей на моих руках.

— Если все обернется битвой, то мало кто из нас сможет, что-то сделать, — ответил он уклончиво.

— И ты позволишь остаться мне без возможности защититься? — мой голос оставался ровным.

Он судорожно сглотнул, дверь задрожала, протестующе скрепя, когда он сжал руку. Потом он кивнул.

— Что ж, если ты так ставишь вопрос... То думаю, что следует

заняться этим как можно скорее.

Я кивнула, и мы направились в сторону большого дома. Мы не спешили.

Я гадала, что можно было мне сделать, чтобы появилась хоть какая-нибудь надежда на иной исход. Меня можно было назвать особенной по-своему, если наличие непробиваемых мозгов можно счесть особенным. Могла ли я применить этот дар хоть в чем-нибудь?

— Какое их основное преимущество? У них есть уязвимые места?

Эдварду не надо было спрашивать, чтобы понять, что я говорю о Волтури.

— Алек и Джейн их основные нападающие, — сказал он так равнодушно, будто мы обсуждали баскетбольную команду, — их защитникам редко приходится переходить к активным действиям.

— Потому что Джейн может сжечь тебя на месте, мысленно, по крайней мере. А что делает Алек? Ты как-то говорил, что он даже опаснее, чем Джейн?

— Да. Он в своем роде противоположность Джейн. Она заставляет тебя чувствовать невообразимую боль. Алек же не дает тебе почувствовать вообще ничего. Иногда, когда Волтури настроены милостиво, они просят Алека быть своеобразным анестетиком для того, кого они приговорили. В том случае, если он сдался или разжалобил их каким-то другим способом.

— Анестетик? Но как он может быть более опасен, чем Джейн?

— Потому что он вырубает все твои чувства. Нет боли, но нет так же зрения, обоняния, слуха. Абсолютная бесчувственность. Ты будешь совершенно один в темноте. Даже не сможешь почувствовать, как они тебя сожгут.

Я вздрогнула. Неужто это самое лучшее, на что мы могли надеяться? Не увидеть и не почувствовать смерти, когда она придет.

— Именно это делает его настолько же опасным, как и Джейн, — продолжил Эдвард таким же отсутствующим голосом, — потому что они оба могут вывести тебя из строя, сделать беспомощной мишенью. Разница между ними такая же, как между мной и Аро. Аро слышит мысли только одного человека в одно время. Джейн может поражать только тот объект, на котором она сконцентрирована. Я могу слышать всех одновременно...

Мне стало холодно, как только я поняла, куда он клонит.

— А Алек может вывести из строя нас всех одновременно? — прошептала я.

— Да, — ответил он, — если он использует свой дар против нас всех, мы будем стоять слепые и глухие, пока они не подойдут ближе, чтобы

убить нас, возможно, они просто спалят нас, не утруждая себя разрыванием на куски. Ну, мы, конечно, можем попытаться сражаться, но скорее мы покалечим друг друга, чем заденем хоть одного из них.

Несколько секунд мы шли молча.

В моей голове появилась идея. Не очень многообещающая, но все равно лучше, чем ничего.

— Как ты думаешь, Алек хороший боец? — спросила я, — помимо его способностей. Если он будет вынужден драться без помощи своего дара. Я думаю, если он когда-либо пытался...

Эдвард резко взглянул на меня.

— О чем ты думаешь?

Я смотрела прямо перед собой.

— Ну, вероятно, что он ничего не сможет сделать со мной, так ведь? Если его дар действует также как Аро, Джейн или твой. Может быть...если ему никогда не приходилось защищать себя...а я выучу пару приемов...

— Он уже несколько веков в клане Волтури, — прервал меня Эдвард, в его голосе промелькнула паника. Вероятно, он увидел ту же картинку, что видела я в своей голове: все Калены стоят беспомощными, бесчувственными изваяниями на поле битвы, все кроме меня. Я буду единственной способной сражаться.

— Да, ты, безусловно, имеешь иммунитет к его способностям, но ты все еще новообращенная, Белла. Я не смогу сделать из тебя такого же сильного бойца за несколько недель. Я уверен, что он тренировался.

— Может быть, а может быть и нет. Это единственное, что я могу, и что не могут все остальные. Даже если я смогу хотя бы отвлечь его на время..., - смогу ли я продержаться достаточно долго, чтобы дать остальным шанс?

— Пожалуйста, Белла, — проговорил Эдвард сквозь зубы, — давай не будем говорить об этом.

— Будь благоразумен.

— Я постараюсь научить тебя тому, что умею, но, пожалуйста, не заставляй меня думать о том, как ты жертвуешь собой ради отвлекающего маневра... — он хмыкнул и не стал заканчивать.

Я кивнула. Придержу пока свои планы при себе. Сначала Алек, а потом, если я каким-то чудом смогу его одолеть, Джейн. Если бы я только могла таким образом сравнять наши силы, устранив атакующее преимущество Волтури. Может быть, тогда появился бы шанс...Мои мысли понеслись дальше. Что если я действительно могла отвлечь или даже уничтожить их? Ведь на самом деле, зачем бы Алеку и Джейн

понадобилось осваивать боевые искусства? Я не могла представить, что бы маленькая раздражительная Джейн отказалась от своего дара даже ради того, чтобы научиться драться.

Если я смогу их убить, то это многое изменит.

— Я должна выучить все. Столько, сколько ты сможешь впихнуть в мою голову за месяц, — пробормотала я.

Он сделал вид, будто не услышал меня.

Так, кто же потом будет следующим? Мне, пожалуй, стоит иметь план действий на случай, если я буду еще жива после нападения на Алека. Для меня не должно быть никаких колебаний. Я попробовала думать в другом направлении, где мой закрытый разум мог бы сыграть мне на руку. Я не знала толком, что могут другие. Безусловно, бойцы вроде огромного Феликса были мне не по зубам. Я могла бы только постараться дать Эмметту возможность вступить в равный бой. Я мало что знала об остальной страже Волтури, не считая Деметрия...

Мое лицо даже не вздрогнуло, когда я вспомнила о Деметрии. Без сомнения, он — боец. Никак иначе он не выжил бы, всегда оказываясь на острие атаки. И он должен всегда быть первым, потому что он их ищейка — лучшая ищейка во всем мире, без сомнений. Если бы существовал хоть кто-то лучше, Волтури бы его уже обменяли. У Аро никогда не было второсортного окружения.

Если бы не было Деметрия, мы могли бы бежать. Ну, или остаться в живых. Моя дочь, это тепло в моих руках...кто-нибудь мог бы сбежать с ней. Джейкоб или Розали, если им удастся.

И...если бы не было Деметрия, то Элис и Джаспер были бы в безопасности навеки. Не это ли видела Элис? Что только эта часть нашей семьи сможет выжить? По крайней мере, хотя бы двое из нас. Могла ли я позавидовать ей в этом?

— Деметрий... — сказала я.

— Деметрий мой, — ответил Эдвард твердым и непроницаемым тоном. Я взглянула на него, выражение его лица было жестоким.

— Почему? — прошептала я.

Он не ответил мне сразу. Мы уже подошли к реке, когда он, наконец, пробормотал:

— Ради Элис. Только так я могу отблагодарить ее впервые за последние 50 лет.

Его мысли сходились с моими.

Я слышала, как тяжелые лапы Джейкоба топают по замерзшей земле. Почти тут же он поравнялся со мной, его темные глаза замерли на Ренесми.

Я кивнула ему и тут же вернулась к своим вопросам. Было так мало времени.

— Эдвард, как ты думаешь, почему Элис сказала расспросить Элеазара о Волтури? Он был недавно в Италии или что-то другое? Что он может знать?

— Элеазар знает все, что касается Волтури. Я забыл, что ты не знаешь. Он когда-то был одним из них.

Я невольно зашипела, Джейкоб зарычал рядом со мной.

— Что? — воскликнула я, вспоминая образ красивого темноволосого мужчины на нашей свадьбе, но одетого в пепельную мантию.

Лицо Эдварда смягчилось, он слегка улыбнулся.

— Элеазар очень обходительный человек. Он не всегда был доволен Волтури, но он уважал закон и необходимость его придерживаться. Он думал, что работает на большее благо. Он не отрекается от того времени. Но когда он встретил Кармен, он нашел свое место в мире. Они очень похожи, слишком милосердны для вампиров, — он улыбнулся снова, — они встретили Таню и ее сестер, и больше никогда не думали о возврате к прошлому. Они очень подходят этому стилю жизни. Если бы они не встретили Таню, то, я думаю, что они сами каким-нибудь образом пришли бы к мысли жить без человеческой крови.

Картинки в моей голове стали меня раздражать, они упорно не сходились в одну. Милосердный солдат клана Волтури?

Эдвард глянул на Джейкоба и ответил на молчаливый вопрос:

— Нет, можно сказать, что он не был одним из тех воинов. У него есть дар, который они сочли подходящим.

Джейкоб, видимо, задал ещё один уместный вопрос.

— У него инстинктивное чутье на одаренность других — на супер-возможности, которые имеют некоторые вампиры, — ответил ему Эдвард, — он мог дать Аро представление о возможностях вампира просто находясь рядом с ним или с ней. Это было удобно, когда Волтури ввязывались в драку. Он мог предупредить их, если кто-нибудь из противоборствующей группы обладал даром, который мог им чем-то навредить. Но это случалось редко. Волтури хватало навыков, чтобы быстро сравнять шансы. Чаще такое предупреждение позволяло Аро спасти кого-то, кто мог быть ему полезен. Дар Элеазара работает и с людьми, на расстоянии. Но ему приходится сосредоточиваться на каждом человеке, потому что потенциальная способность очень расплывчата. Аро просил его проверять людей, желавших к ним присоединиться, на случай наличия потенциала. Аро было жаль отпускать его.

— Они его отпустили? — спросила я, — вот так просто?

Улыбка Эдварда помрачнела и скривилась.

— Волтури не такие уж и злодеи, какими ты их себе нарисовала. Они основа нашего мира и цивилизации. Каждый член их охраны сам выбрал служение им. Это довольно престижно; они горды тем, что находится с ними, никто их не принуждает.

Я сердито уставилась в землю.

— Мы не преступники.

Джейкоб согласно фыркнул.

— Они этого не знают.

— Ты на самом деле думаешь, что мы сможешь остановить их и заставить выслушать?

Эдвард заколебался на секунду и пожал плечами.

— Если мы соберем достаточно друзей, вставших на нашу сторону. Может быть.

«Если». Я внезапно почувствовала срочность того, что мы должны были сделать сегодня. Мы с Эдвардом пошли быстрее, переходя на бег. Джейкоб не отставал.

— Таня уже скоро будет, — сказал Эдвард, — мы должны быть готовы.

Но как быть готовыми? Мы придумывали и передумывали, планировали и перепланировали. Показать Ренесми сразу? Или спрятать для начала? Джейкоба оставить внутри? Или снаружи? Он сказал своей стае остаться рядом, но быть невидимыми. Должен ли он сделать то же самое?

В итоге я, Ренесми и Джейкоб в своем человеческом облике, ждали в столовой, за углом от входной двери, сидя за большим полированным столом. Джейкоб позволил мне держать Ренесми, ему нужна была свобода, на случай необходимости быстрого перевоплощения. И хотя я была рада держать Ренесми на руках, это заставляло чувствовать себя бесполезной. Это напоминало мне, что в битве с опытными вампирами, я буду не более чем легкой мишенью. Мне не придется пускать руки в ход.

Я пыталась вспомнить Таню, Кейт, Кармен и Элеазара на свадьбе. Их лица неясными в моих смутных воспоминаниях. Я только помнила, что они были красивыми, две блондинки и брюнет с брюнеткой. Я не могла вспомнить была ли в их глазах хоть какая-нибудь доброта.

Эдвард неподвижно стоял у дальней стеклянной стены, уставившись на входную дверь. Казалось, что он не видит комнату перед собой.

Мы слушали, как по шоссе проезжают машины, ни одна из них не притормаживала.

Ренесми прижалась к моей шее, приложив ручку к моей щеке, но никаких образов не появлялось в моей голове. У нее не было подходящих описаний для ее чувств, что она сейчас испытывала.

— Что если я им не понравлюсь? — прошептала она, и все наши лица мигом обратились к ней.

— Конечно, они... — начал было Джейкоб, но я взглядом велела ему замолчать.

— Они не понимают кто ты такая, Ренесми, потому что никогда не встречали никого похожего, — говорила я ей, не желая врать и придумывать то, что не могло обернуться действительностью, — наша задача заставить их понять.

Она вздохнула, и в моей голове начали мелькать картинки: вампир, человек, оборотень.

Она никуда не вписывалась.

— Ты особенная, но это вовсе не плохо.

Она покачала головой, не соглашаясь. Она подумала о наших напряженных лицах и сказала.

— Это моя вина.

— Нет, — Эдвард, Джейкоб и я произнесли одновременно, но до того, как мы успели сказать что-то еще, мы услышали звук, которого ждали, замедление машины на шоссе, звук шин, съезжающих с асфальта на мягкую землю.

Эдвард обошел угол столовой и встал у двери. Ренесми спряталась в моих волосах. Джейкоб и я с отчаянием смотрели друг на друга через стол.

Машина быстро двигалась через лес, быстрее, чем, если бы ее вели Чарли или Сью. Мы услышали, как она въехала на лужайку и остановилась и крыльца. Четыре двери открылись и закрылись. Они молчали, пока не подошли к двери. Эдвард открыл им до того, как они постучали.

— Эдвард! — восторженно воскликнул женский голос.

— Привет, Таня. Кейт, Элеазар, Кармен.

Еще три тихих приветствия.

— Карлайл сказал, что ему нужно поговорить с нами прямо сейчас, — сказал первый голос — Таня. Я слышала, что они все еще снаружи. Я представляла себе Эдварда, стоящего в дверях, закрывающего проход.

— В чем дело? Проблемы с оборотнями?

Джейкоб повел глазами.

— Нет, — ответил Эдвард, — наше перемирие с оборотнями крепче, чем когда-либо.

Женщина усмехнулась.

— Ты наспустишь? — спросила Таня, и тут же продолжила, не дожидаясь ответа, — где Карлайл?

— Карлайл был вынужден уйти.

В ответ — молчание.

— Что происходит, Эдвард? — требовательно спросила Таня.

— Дайте мне немного времени, чтобы определиться, — ответил он, — мне нужно кое-что объяснить вам, а это сложно, мне необходима ваша объективность, чтобы вы поняли.

— С Карлайлом все в порядке? — с тревогой спросил мужской голос. Элеазар.

— Никто из нас не в порядке, Элеазар, — ответил Эдвард и потом он коснулся чего-то, видимо, плеча Элеазара, — но физически Карлайл в порядке.

— Физически? — резко спросила Таня, — что это значит?

— Это значит, что вся моя семья в очень большой опасности. До того, как я все объясню. Я прошу вас об одолжении. Выслушайте меня, прежде чем отреагировать. Я умоляю вас, вы должны меня услышать.

Долгое молчание было ему ответом. В этой напряженной тишине мы с Джейкобом безмолвно смотрели друг на друга. Его губы побелели.

— Мы выслушаем — в конце концов, произнесла Таня, — сначала мы выслушаем, а потом будем судить.

— Спасибо, Таня, — горячо поблагодарил Эдвард, — мы бы не стали вас втягивать в это, если бы у нас был хоть какой-то другой выход.

Эдвард двинулся. Мы услышали четыре пары шагов, входящих через дверь.

Кто-то фыркнул.

— Я знала, что без оборотней здесь не обошлось, — пробормотала Таня.

— Да, и они на нашей стороне. Снова.

Напоминание заставило Таню замолчать.

— Где твоя Белла? — спросил один из женских голосов, — Как она?

— Она скоро к нам присоединится. С ней все хорошо, спасибо. Она удивительно легко справляется с последствиями бессмертия.

— Расскажи нам об угрозе, Эдвард, — тихо сказала Таня — мы выслушаем, и мы будем на вашей стороне, где и должны быть.

Эдвард глубоко вздохнул.

— Я хочу, чтобы вы сначала услышали кое-что сами. Слушайте, в другой комнате. Что вы слышите?

Сначала было тихо, а потом кто-то зашевелился.

— Сначала послушайте, пожалуйста, — сказал Эдвард.

— Определенно оборотень. Я слышу его сердце, — сказала Таня.

— Что еще? — спросил Эдвард.

Пауза.

— А что это за трепыхание? — спросила либо Кейт либо Кармен, — это что...какая-то птичка?

— Нет, но запомните то, что вы слышали. А теперь что вы чувствуете? Кроме запаха оборотня?

— Там человек? — прошептал Элеазар.

— Нет, — не согласилась Таня, — это не человеческий запах...но... похож на человеческий больше, чем на все остальные. Что это, Эдвард? Я не думаю, что когда-либо раньше встречала подобный запах.

— Да, ты никогда не встречала его, Таня. Пожалуйста, прошу вас, помните, что это что-то совершенно новое для вас. Отбросьте все ваши предубеждения.

— Я обещала, что выслушаю, Эдвард.

— Ну, тогда ладно. Белла? Принеси Ренесми, пожалуйста.

Было такое ощущение, будто ноги онемели, но я знала, что это все только в моей голове. Я заставила себя не пятиться, не медлить, как только встала на ноги, и пройти несколько маленьких шагов из угла. Жар тела Джейкоба пылал позади меня, пока он следовал за мной тенью.

Я сделала один большой шаг в комнату и замерла, не в силах двигаться вперед. Ренесми глубоко вдохнула и вынырнула из моих волос, ее маленькие плечики сжались, ожидая отпора.

Мне казалось, что я была готова к их реакции. Я была готова к обвинениям, к крикам, к шоковой неподвижности. Но Таня мигом скользнула на четыре шага назад, ее рыжеватые локоны мелко дрожали, будто у человека, столкнувшегося с ядовитой змеей. Кейт отскочила обратно к входной двери и распласталась там вдоль стены, шокированное шипение вырвалось сквозь ее сжатые зубы. Элеазар закрыл собой Кармен в оборонительной позе.

— Ох, да ладно вам! — заныл позади меня Джейкоб.

Эдвард обнял нас с Ренесми.

— Вы обещали выслушать, — напомнил он им.

— Некоторые вещи не обсуждаются, — воскликнула Таня, — как ты мог Эдвард? Ты разве не знаешь, что это значит?

— Нам надо убраться отсюда, — с испугом сказала Кейт, держась рукой за дверной косяк.

— Эдвард... — казалось, у Элеазара просто не было слов.

— Подождите, — сказал Эдвард, его голос стал жестче, — вспомните, что вы слышали, вспомните запах. Ренесми не та, за кого вы ее приняли.

— Никаких исключений из правила, Эдвард, — рявкнула Таня.

— Таня, — резко сказал Эдвард, — ты слышала ее сердцебиение! Остановить и подумай, что это значит.

— Ее сердцебиение? — прошептала Кармен, выглядывая из-за плеча Элеазара.

— Она не совсем вампир, — ответил Эдвард, обращая внимание на менее агрессивно настроенную Кармен, — она наполовину человек.

Четыре вампира уставились на него так, будто он говорил на неизвестном для них языке.

— Послушайте меня, — голос Эдварда изменился на убедительный мягкий бархатный тон, — Ренесми единственная в своем роде. Я ее отец. Не создатель, а биологический отец.

Таня качнула головой, всего одно крошечное движение. Казалось, это ее не убедило.

— Эдвард, ты не ожидаешь, что мы... — начал Элеазар.

— Скажи мне другое подходящее объяснение, Элеазар. Ты чувствуешь тепло ее тела в воздухе. Кровь бежит по ее венам, Элеазар. Ты чувствуешь ее запах.

— Как? — выдохнула Кейт.

— Белла ее биологическая мать, — ответил ей Эдвард, — она забеременела, выносила и родила Ренесми пока еще была человеком. Это почти убило ее. Я был вынужден вводить яд ей прямо в сердце, чтобы спасти ее.

— Никогда не слышал ничего подобного, — сказал Элеазар, его плечи все еще были напряжены, выражение было холодным.

— Физические отношения между вампиром и человеком редкость, — ответил Эдвард, и доля черного юмора появилась в его голосе, — а выживание человека от такого союза еще большая редкость. Не так ли, сестры?

Кейт и Таня хмуро глянули на него.

— Да, перестань, Элеазар. Конечно же, ты видишь разницу.

Это была Кармен, которая отреагировала на слова Эдварда. Она обошла Элеазара, игнорируя его предостерегающий жест, и, подойдя, встала прямо передо мной. Она осторожно наклонилась, вглядываясь в лицо Ренесми.

— У тебя мамыны глаза, — сказала он тихим, спокойным голосом, — а лицо папино.

А потом, будто не могла себя сдержать, она улыбнулась Ренесми.

Ответная улыбка Ренесми была ослепительной. Она дотронулась до моего лица, не сводя глаз с Кармен.

Она показала мне лицо Кармен, спрашивая можно ли ей дотронуться.

— Не возражаешь, если Ренесми сама расскажет тебе о себе? — спросила я Кармен. Я была все еще очень напряжена, чтобы говорить громче шепота, — у нее есть дар для объяснения.

Кармен все еще улыбалась Ренесми.

— Ты можешь говорить, малышка?

— Да, — ответила Ренесми своим звенящим высоким сопрано. Вся семья Тани, за исключением Кармен, вздрогнула от звука ее голоса, — но я могу показать больше, чем сказать.

Она положила свою маленькую пухлую ручку на щеку Кармен.

Кармен дернулась будто ее пробило электрическим током. В ту же секунду Элеазар оказался рядом с ней, его руки на ее плечах в готовности тут же оттащить назад.

— Подожди, — не дыша, вымолвила Кармен, ее немигающие глаза замерли на Ренесми.

Ренесми «показывала» свое объяснение Кармен очень долго. Эдвард сосредоточенно смотрел вместе с Кармен, и я очень хотела видеть сейчас то, что видит он. Джейкоб нетерпеливо пошевелился позади меня, и я знала, что он хотел бы того же.

— Что Несси показывает ей? — ворчливо прошептал он.

— Все, — пробормотал Эдвард.

Прошла еще минута, и Ренесми убрала руку от лица Кармен. Она победоносно улыбалась замершему вампиру.

— Она на самом деле твоя дочь, не так ли? — выдохнула Кармен, переводя свои широко раскрытые глаза цвета топаза на Эдварда, — какой удивительный дар! Он мог прийти только от очень одаренного отца.

— Ты веришь в то, что она показала? — спросил напряженно Эдвард.

— Без сомнений, — просто ответила Кармен.

Лицо Элеазара было полно муки.

— Кармен!

Кармен взяла его за руки и сжала их.

— Это кажется невозможным, но Эдвард сказал абсолютную правду. Пусть девочка покажет тебе.

Кармен подтолкнула его ближе ко мне и кивнула Ренесми.

— Покажи ему, моя милая.

Ренесми улыбнулась, явно удовлетворенная реакцией Кармен, и мягко

коснулась лба Элеазара.

— Вот дьявол! — яростно бросил он и отскочил от нее.

— Что она сделала с тобой? — спросила Таня и осторожно подошла ближе, Кейт тоже скользнула вперед.

— Она хочет показать тебе все со своей стороны, — успокаивающе сказала ему Кармен.

Ренесми нетерпеливо нахмурилась.

— Смотри, пожалуйста, — скомандовала она Элеазару. Она вытянула руку вперед к нему и оставила несколько сантиметров между своей рукой и его лбом, ожидая.

Элеазар с подозрением смотрел на нее, а потом глянул на Кармен с призывом о помощи. Она ободряюще кивнула. Элеазар сделал глубокий вдох и, наконец, наклонился ближе, чтобы его лоб снова коснулся ее руки.

Он вздрогнул, когда это снова началось, но удержался на месте, его глаза были закрыты для концентрации.

— Ах, — вздохнул он, когда через несколько минут его глаза открылись, — я вижу.

Ренесми улыбнулась ему. Он заколебался, а потом улыбнулся ей в ответ мягкой беспомощной улыбкой.

— Элеазар? — спросила Таня.

— Это все правда, Таня. Это не бессмертный ребенок. Она наполовину человек. Давай. Посмотри сама.

В молчании Таня боязливо встала передо мной, потом пришла очередь Кейт, обе сначала испытали шок, когда их достиг первый образ от прикосновения Ренесми. Но потом, также как Кармен и Элеазар, они выглядели совершенно побежденными, когда все это закончилось.

Я мельком посмотрела на спокойное лицо Эдварда, гадая, неужели все это действительно может быть так просто. Его золотые глаза были ясны, в них не было ни капли тени, никакой лжи.

— Спасибо, что выслушали, — тихо сказал он.

— Но есть та смертельная опасность, о которой ты предупредил нас, — сказала Таня, — понятно, что не напрямую от этого ребенка, но тогда значит от Волтури. Как они узнали о ней? Когда они будут здесь?

Меня не удивило то, как быстро она все поняла. Что могло стать угрозой для такой сильной семьи, как моя? Только Волтури.

— Когда Белла увидела Ирину в тот раз в горах, — объяснил Эдвард, — с ней была Ренесми.

Кейт зашипела, ее глаза стали совершенно круглыми.

— Ирина сделала это? С вами? С Карлайлом? Ирина?

— Нет, — прошептала Таня, — это кто-то другой...

— Элис видела, как она идет к ним, — ответил Эдвард.

Я гадала, заметил ли кто-нибудь еще, как он немного вздрогнул, когда произнес ее имя.

— Как она могла сделать подобное? — спросил Элеазар, ни к кому не обращаясь.

— Представьте, что вы увидели бы Ренесми на расстоянии. Если бы вы не стали ждать объяснений.

Глаза Тани стали жестокими.

— Не важно, что она могла подумать... Вы наша семья.

— Теперь мы уже ничего не можем поделать с выбором Ирины. Слишком поздно. Элис дала нам месяц.

Таня с Элеазаром удивленно наклонили головы, Кейт нахмурилась.

— Так много? — спросил Элеазар.

— Они идут все. Это требует подготовки.

Элеазар придушенно спросил.

— Вся охрана?

— Не только охрана, — ответил Эдвард, его челюсти сжались, — Аро, Кайус, Маркус. И даже жены.

Шок отразился в их глазах.

— Невозможно, — беспомощно произнес Элеазар.

— Два дня назад я бы сказал тоже самое, — произнес Эдвард.

Элеазар нахмурился. Когда он вновь заговорил, то это было похоже на рычание.

— Но это не имеет никакого смысла. Зачем им подвергать себя и своих жен опасности?

— Это не имеет смысла только с этой точки зрения. Элис сказала, что это более чем просто наказание за то, что мы якобы совершили. Она думала, что ты поможешь нам.

— Не только наказание? Но что может быть еще? — Элеазар начал ходить из стороны в сторону от двери и обратно, так будто он был один. Он хмурился, уставившись на пол.

— Где все остальные, Эдвард? Карлайл, Элис и другие? — спросила Таня.

Замешательство Эдварда было практически неуловимо. Он ответил только на часть ее вопроса.

— Ищут друзей, которые могут помочь нам.

Таня потянулась к нему, вытянув вперед руки.

— Эдвард, не имеет значения, сколько друзей вы соберете, мы не

поможем помочь вам победить. Мы можем только умереть вместе с вами. Ты должен знать это. Конечно, возможно мы четверо заслуживаем это из-за того, что сделала с вами Ирина, и после того, как мы не поддержали вас в прошлой раз, ради ее спокойствия, поэтому... да, сейчас самое время.

Эдвард отрицательно покачал головой.

— Мы не просим вас биться и умереть вместе с нами, Таня. Ты знаешь, что Карлайл никогда не попросил бы об этом.

— Тогда что, Эдвард?

— Мы собираем свидетелей. Если только это поможет их задержать. Заставит их выслушать нас...

Он дотронулся до щеки Ренесми, она схватила его за руку и прижала к себе.

— Сложно сомневаться в правдивости нашей истории, когда видишь все своими глазами.

Таня медленно кивнула.

— Думаешь, ее прошлое будет иметь для них большое значение?

— Настолько, насколько это может определить её будущее. Ведь сама суть этого ограничения в том, что бы уберечь нас от разоблачения из-за поведения детей, контролировать которых невозможно.

— Я совсем не опасна, — вмешалась Ренесми. Я слушала ее высокое чистое сопрано будто со стороны, так как его, наверно, слышат другие. — Я никогда не причиняла вреда дедушке, или Сью, или Билли. Я люблю людей. И волко-людей, как мой Джейкоб, — она выпустила руку Эдварда и ухватилась за руку Джейкоба.

Таня и Кейт обменялись быстрым взглядом.

— Если бы Ирина пришла немного позже, — сказал Эдвард, — мы могли бы избежать всего этого. Ренесми невероятно быстро растет. По истечении месяца, она прибавит в своем развитии еще полгода.

— Что ж, это будет то, что мы, безусловно, сможем подтвердить, — сказала Кармен решительным голосом, — мы сможем подтвердить, что сами видели, кем она является. Как Волтури смогут игнорировать очевидное?

— Действительно, как? — пробормотал Элеазар, но он не поднял голову и продолжил ходить туда-сюда, будто ни на что не обращая внимания.

— Безусловно, мы скажем все, — сказала Таня, — Все, что узнали. Мы подумаем, что еще мы можем сделать для вас.

— Таня, — протестующе сказал Эдвард, увидев в ее мыслях то, что она не сказала вслух, — мы не ждем, что вы будете биться вместе с нами.

— Если Волтури не остановятся, мы не будем просто стоять в стороне, — возразила Таня, — конечно, я говорю только за себя.

Кейт фыркнула.

— Как ты можешь так во мне сомневаться, сестренка?

Таня в ответ широко улыбнулась.

— Это ведь будет чистой воды самоубийство.

Кейт ухмыльнулась ей в ответ, а потом равнодушно пожала плечами.

— Я в деле.

— Я тоже сделаю все, что смогу, чтобы защитить ребенка, — согласилась Кармен. А потом, будто не смогла устоять, она протянула руки к Ренесми.

— Могу я поддержать тебя, прекрасная малышка?

Ренесми тут же потянулась к Кармен, радуясь своему новому другу. Кармен крепко обняла ее, бормоча что-то на испанском.

Это было тем же, что произошло с Чарли, а до того со всеми Калленами. Ренесми очаровывала, перед ней невозможно было устоять. Что же было в ней такого, что все покорялись ей, что были готовы идти на смерть, чтобы защитить ее?

В какой-то момент я подумала, что может быть все, что мы задумали, возможно. Может быть, Ренесми сделает невозможное и очарует наших врагов, также как очаровала друзей.

А потом я вспомнила, что Элис оставила нас, и моя надежда растаяла также быстро, как и появилась.

Глава 31

Талантливая

— Какова роль оборотней во всем этом? — спросила Таня, уставившись на Джейкоба.

Джейкоб ответил прежде, чем Эдвард смог что-либо сказать.

— Если Волтури не остановятся, чтобы выслушать правду о Несси, я имею в виду Рэнесми, — он поправился, вспомнив, что Таня не знает этого глупого прозвища, — мы остановим их.

— Ты очень храбр, парень, но это невозможно сделать даже более опытным, чем вы, бойцам.

— Вы не знаете, на что мы способны.

Таня пожала плечами:

— Конечно, это ваша собственная жизнь, распоряжайтесь ею как хотите.

Глаза Джейкоба обратились к Рэнесми, — все еще находящуюся на руках у Кармен вместе с Кейт, кружащей рядом с ними, — и в его глазах нетрудно было увидеть тоску.

— Она уникальная, единственная, — размышляла Таня. — Трудно сопротивляться.

— Очень талантливое семейство, — бормотал Элеазар, вышагивая. Его темп увеличивался, каждую секунду он успевал переместиться от двери до Кармен и обратно. — Отец, читающий мысли, мать — с непроницаемым разумом, и затем самое волшебное — это экстраординарный ребенок, околдовавший нас. Интересно, есть ли название для того, что она делает, или это норма для гибрида вампира. Как будто такую вещь можно было бы когда-либо назвать нормальной! Гибрид вампира, поразительно!

— Извини меня, — сказал Эдвард ошеломленным голосом.

Он протянул руку и поймал плечо Элеазара, поскольку тот собирался снова поворачивать к двери.

— Что ты только что сказал про мою жену?

Элеазар с любопытством посмотрел на Эдварда, его безумная ходьба была моментально забыта:

— Как я думаю — это щит. Она блокирует меня сейчас, так что я не могу сказать точно.

Я уставилась на Элеазара, сдвинув брови в замешательстве.

Непроницаемый разум? Что он имел в виду, говоря о том, что я его блокирую? Я стояла прямо рядом с ним, совсем не обороняясь.

— Щит? — изумленно повторил Эдвард.

— Ну да, Эдвард! Если я не могу видеть ее, то я сомневаюсь, что ты это можешь. Ты можешь слышать ее мысли прямо сейчас? — спросил Элеазар.

— Нет, — пробормотал Эдвард. — Но я никогда не мог это сделать. Даже когда она была человеком.

— Никогда? — моргнул Элеазар. — Интересно. Это указывает на довольно мощный скрытый талант, если это проявилось так ясно еще перед обращением. Я не могу обойти ее щит, чтобы сказать точно. Но она должна быть не зрелой, ведь ей всего несколько месяцев. — Он послал Эдварду сердитый взгляд. — И очевидно она полностью не осознает, что делает. Полное незнание. Это даже забавно. Аро посылал меня искать такие аномалии во всем мире, а ты просто случайно наткнулся на это и даже не понимаешь, что ты имеешь. — Элеазар недоверчиво замотал головой.

Я нахмурилась:

— О чем ты говоришь? Как я могу быть щитом? Что это означает? — Все что я смогла представить, так это смешные средневековые доспехи.

Элеазар наклонил голову на одну сторону, исследуя меня.

— Я предполагаю, что мы были чрезмерно формальны в отношении охраны. По правде говоря, классификация талантов очень субъективна; каждый талант уникален, ни один никогда не повторяется с той же точностью. Но тебя, Белла, довольно легко классифицировать. Таланты, которые являются просто защитными, которые защищают некоторую часть своего обладателя, всегда называют щитами. Ты когда-нибудь проверяла свои способности? Блокировала кого-либо, кроме меня и своего мужа?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сформулировать свой ответ, несмотря на то, что мой новый мозг работал быстро.

— Это работает только с некоторыми вещами, — сказала я ему. — Моя голова выбирает... частично. Но это не останавливает Джаспера управлять моими эмоциями или Элис видеть мое будущее.

— Просто умственная защита. — Элеазар кивнул сам себе. — Ограниченная, но сильная.

— Аро не смог услышать ее, — Эдвард вставил замечание. — Хотя она была человеком, когда они встретились.

Глаза Элеазара расширились.

— Джейн пробовала причинить мне боль, но не смогла, — сказала я. — Эдвард думает, что Деметри не сможет найти меня, и что Алек не

сможет меня беспокоить. Это хорошо?

— Весьма, — кивнул все еще потрясенный Элезар.

— Щит! — сказал Эдвард. В его тоне чувствовалось глубокое удовлетворение. — Я никогда не думал о том, что такое может произойти. Единственным, кого я встречал прежде, была Рената. То, что она делала, просто потрясало.

Элезар немного пришел в себя.

— Да, ни один талант не проявляется точно так же, потому что никто никогда не думает одинаково.

— Кто такая Рената? Что она делает? — спросила я. Рэнесми тоже заинтересовалась. Она отклонилась от Кармен так, чтобы видеть то, что происходит за Кейт.

— Рената — личный телохранитель Аро, — сказал мне Элезар. — Очень практичный вид щита и очень сильный.

Я смутно помнила маленькую толпу вампиров, парящих вокруг Аро, в его жуткой башне: некоторые из них были мужчинами, некоторые — женщинами. Я не могла вспомнить женские лица в неудобной «старой» памяти. Одной из них и была Рената.

— Интересно... — размышлял Элезар. — Видите ли, Рената — мощный щит против физического нападения. Если кто-нибудь приближается к ней или Аро, ведь она всегда около него при ситуации опасности — он оказывается... отраженным. Вокруг нее есть сила, которая отражает, хотя это почти незаметно. Ты просто идешь в другом направлении, чем планировал, со спутанной памятью относительно того, почему ты хотел сначала идти другим путем. Она может проецировать свой щит на несколько метров от себя. Она также защищает Кайуса и Маркуса, когда это требуется, но Аро — ее приоритет.

— Хотя то, что она делает, фактически не является физическим. Так же как огромное большинство наших даров он мысленный. Если бы она пробовала повернуть тебя обратно, интересно, кто бы победил? — Он покачал головой. — Я никогда не слышал о том, что бы дары Аро или Джейн не действовали.

— Мама, ты уникальна, — сказала мне Рэнесми без всякого удивления, как будто она комментировала цвет моей одежды.

Я чувствовала себя дезориентированной. Знаю ли я свой дар? Я уже и так имела свой суперсамоконтроль, который позволил мне пропустить первый ужасный год жизни новорожденного. Вампиры имели максимально только одну дополнительную способность, ведь так?

Или Эдвард был прав в начале? Прежде, чем Карлайл предложил, что

мое самообладание могло быть чем-то неестественным, Эдвард думал, что моя сдержанность была только результатом хорошей подготовки — концентрация и отношение, так он говорил.

Кто был прав? Способна ли я на большее? Есть ли название или категория для того кем была я?

— Ты можешь проецировать? — заинтересованно спросила Кейт.

— Проецировать? — спросила я.

— Выставь это вокруг себя, — объяснила Кейт. — Огради кого-нибудь еще помимо себя.

— Я не знаю. Я никогда не пробовала. Я не знаю, что должна делать.

— О, ты можешь быть неспособна к этому, — быстро сказала Кейт. — Небеса знают, как я в течение многих столетий училась управлять электрическим током на своей коже.

Я ошарашенная уставилась на нее.

— Кейт получила неприятный навык, — сказал Эдвард. — Подобный навыку Джейн.

Я вздрогнула и автоматически отпрянула от Кейт, она засмеялась.

— Я не садистка, — уверила она меня. — Это только кое-что, что очень удобно во время боя.

Слова Кейт впитывались, начиная обретать смысл в моей голове. Огради кого-нибудь еще помимо себя, сказала она. Как будто был какой-то способ, чтобы впустить какого-либо другого человека в мою странную, изворотливую молчаливую голову.

Я вспомнила Эдварда, съезжившегося на древних камнях в башне замка Волтури. Хотя это было человеческой памятью, это было более остро, более болезненно, чем большинство других воспоминаний, это было запечатлено в моем мозгу.

Что если я могла бы остановить это, если все повториться вновь? Что, если я могла бы защитить его? Защитить Рэнесми? Что если есть хоть маленький шанс, что я могу оградить их?

— Ты должна научить меня как это делать! — Настаивала я, легкомысленно хватая руку Кейт. — Ты должна показать мне как!

Кейт вздрогнула от моего прикосновения:

— Возможно. Если ты прекратишь пробовать сокрушить мою защиту.

— Упс! Извини!

— Ты хорошо защищаешься, — сказала Кейт. — Это движение должно было заставить тебя отдернуть руку прочь. Ты ничего не почувствовала сейчас?

— Это не было необходимо, Кейт. Она не хотела причинить никакого

вреда. — Пробормотал Эдвард на одном дыхании. Ни один из нас не обратил на него внимания.

— Нет, я не почувствовала ничего. Ты сейчас использовала свой электрический ток?

— Да. Хм. Я никогда не встречала никого, кто не почувствовал бы этого, будь то бессмертный или нет.

— Ты сказала, что проецируешь это? На свою кожу?

Кейт кивнула:

— Обычно это находилось только в моих ладонях. Подобно дару Аро.

— Или Рэнесми, — вставил замечание Эдвард.

— Но после большой практики я смогла излучать электрический ток по всему телу. Это хорошая защита. Любому, кто попытается дотронуться до меня будет больно в течение секунды, но и этого будет достаточно.

Я слушала Кейт вполуха, мои мысли витали вокруг идеи о том, что я смогла бы защищать свою небольшую семью, если бы научилась этому достаточно быстро. Мне было ужасно жаль, что я не способна к проецированию так же, как я была хороша в других аспектах жизни вампира. Моя человеческая жизнь не подготовила меня к вещам, которые были естественны, и я не могла заставить себя поверить в эту способность.

Я чувствовала себя так, как будто я никогда ничего не хотела до этого так ужасно: быть способной защитить тех, кого я люблю.

Поскольку я была столь озабоченна, я не замечала тихий обмен мыслями, продолжающийся между Эдвардом и Элеазаром, пока он не перелился в разговор.

— Ты можешь думать хотя бы об одном исключении? — спросил Эдвард.

Я повернулась, чтобы понять смысл его комментариев и поняла, что все уже устоялось на этих двух. Они склонились друг к другу пристально наблюдая, выражение Эдварда — напряженное и подозрительное, Элеазара — несчастное и неохотное.

— Я не хочу так думать о них, — процедил Элеазар.

Я была удивлена внезапной сменой атмосферы.

— Если ты прав... — снова начал Элеазар.

Эдвард оборвал его:

— Мысль была твоя, не моя.

— Если я прав..., я не могу даже понять, что это означало бы. Это изменило бы все в мире, который мы создали. Это изменило бы значение моей жизни. Частью чего я был?

— Твои намерения всегда были наилучшими, Элеазар.

— Это имеет значение? Что я сделал? Как много жизней...

Таня положила свою руку на плечо Элеазара в успокаивающем жесте:

— Что мы пропустили, мой друг? Я хочу знать, чтобы я могла спорить с этими мыслями. Ты никогда не делал ничего, что бы стоило наказания.

— О, не так ли? — пробормотал Элеазар.

Он пожал плечами, освобождаясь от ее руки, и продолжил свою ходьбу вновь, еще быстрее, чем прежде.

Таня наблюдала за ним полсекунды и затем сосредоточилась на Эдварде:

— Объясни.

Эдвард кивнул, его напряженные глаза следили за Элеазаром, пока он говорил.

— Он пытался понять, почему так много Волтури собрались приехать, чтобы наказать нас. Это не их обычный способ решения проблем. Конечно, мы — самая большая зрелая семья, с которой они имели дело, но в прошлом другие кланы объединялись, чтобы защитить себя, и они никогда не представляли большой опасности, несмотря на их количество. Мы более близко связаны, причина, но не основная.

— Он вспомнил другие времена, когда семьи наказывали, убивая одного или всех, и вспомнил один случай того времени. Это был случай, который остальная часть охраны никогда не будет замечать, с тех пор как Элеазар стал тем, кто передавал подходящие сведения конфиденциально Аро. Случай, который повторялся каждое следующее столетие или около того.

— Что это был за случай? — спросила Кармен, наблюдая за Элеазаром, также как и Эдвард.

— Аро не часто посещает церемонию наказания лично, — сказал Эдвард. — Но в прошлом, когда он хотел что-либо — это не публично оглашалось — он просто говорил, что клан совершил непростительное преступление. Древние решили бы продвинуться, чтобы понаблюдать, как охрана вершит правосудие. И затем, как только клан был почти разрушен, Аро давал прощение одному, в чьих мыслях было больше раскаянья. Всегда оказывалось, что этот вампир имел дар, которым Аро восхитился. Всегда этому вампиру давали место в охране. Одаренный вампир быстро соглашался, всегда испытывая огромную благодарность за такую честь. Не было никаких исключений.

— Это должен быть опрометчивый выбор, — предложила Кейт.

— Ха! — прорычал Элеазар, все еще шагая.

— Есть одна среди охраны, — сказал Эдвард, объясняя сердитую

реакцию Элеазара. — Ее имя — Челси. Она может влиять на эмоциональные связи между людьми. Она может, как ослабить, так и создать эти связи. Она может заставить кого-то чувствовать себя частью Волтури, хотеть принадлежать им, хотеть служить им...

Элеазар резко остановился:

— Все мы поняли, почему Челси была важна. В борьбе, если бы мы могли сломать преданность между союзническими кланами, мы бы с легкостью могли нанести им поражение. Если бы мы могли эмоционально дистанцировать невинных членов клана от виновного, правосудие могло быть совершено без ненужной жестокости — виновный, мог быть наказан без сопротивления, а невинные могли быть спасены. Иначе, было бы невозможно запретить всему клану броситься в схватку. Челси ломала бы связи, которые держали их вместе. Мне это казалось большим благом, свидетельствовавшей о милосердии Аро. Я действительно подозревал, что Челси держала нашу собственную семью, в более сильной связи, и был положительный момент. Это сделало нас более эффективными. Это облегчило наше совместное существование.

Это прояснило мои старые воспоминания. Раньше я не видела смысла в том, как охрана повиновалась своим повелителям с таким удовольствием, с почти возлюбленной преданностью.

— Насколько силен ее дар? — спросила Таня осипшим голосом.

Ее пристальный взгляд быстро коснулся каждого члена ее семейства.

Элеазар пожал плечами:

— Я был способен уехать с Кармен, — он покачал головой. — Но что-нибудь более слабое, чем обязательства между партнерами в опасности. В нормальном семье, по крайней мере. Более слабые обязательства, чем те, что есть в нашей семье, сломаются. Воздержание от человеческой крови делает нас более цивилизованными, это позволяет нам проявлять истинную любовь друг к другу. Таня, я сомневаюсь, что она смогла бы разрушить нашу преданность.

Таня кивнула, сделав вид, что её убедили, в то время как Элеазар продолжал размышлять.

— Я думал, почему Аро решил отправиться сюда большой группой, и понял что его цель не наказание, а приобретение, — сказал Элеазар. — Он должен управлять ситуацией. Но он нуждается в полной охране для защиты от такого большого одаренного клана. С другой стороны, это оставляет других древних незащищенными в Вольтерре. Слишком опасно — кто-нибудь мог бы попробовать воспользоваться преимуществом. Так что все они придут. Как еще он может убедиться, что дары, которые он хочет,

будут сохранены? У него, должно быть, острая необходимость в них, — размышлял Элеазар.

Эдвард говорил шепотом, почти не отделимым от его дыхания:

— Из того, что я видел прошлой весной в его мыслях, я понял, что Аро никогда ничего не хотел так же сильно, как Элис.

Я почувствовала, как у меня отвисла челюсть, вспоминая кошмарные картины, которые я недавно представляла: Эдвард и Элис в черных плащах с кроваво-красными глазами, их лица холодны и отстранены, поскольку они стоят как тени, рядом с Аро... Элис видела это раньше? Она видела, что Челси пробовала сломать ее любовь к нам, связать ее с Аро, Кайусом и Маркусом?

— Поэтому Элис нас оставила? — спросила я, вздрогнув от звука её имени.

Эдвард нежно коснулся рукой моей щеки:

— Я думаю, что это должно было произойти. Чтобы препятствовать Аро получить вещь, которую он хочет больше всего. Сохранить ее мощь подальше от его рук.

Я услышала Таню и Кейт, что-то тревожно бормочущих и вспомнила, что они не знали об Элис.

— Тебя он тоже хочет, — прошептала я.

Эдвард пожал плечами, его лицо внезапно стало слишком сосредоточенным:

— Не так сильно. Я не могу в действительности дать ему что-то большее, чем он уже имеет. И, конечно, это зависит от его способа вынудить меня сделать это. Он знает меня, и он знает, что это вряд ли случиться. — Он саркастически поднял одну бровь.

Элеазар, нахмурившись, глядел на беспечность Эдварда:

— Он также знает твои слабости, — Элеазар резко остановился и посмотрел на меня.

— Это не то, что мы должны сейчас обсуждать, — сказал Эдвард быстро.

Элеазар проигнорировал намек и продолжил:

— Вполне вероятно. Что ему будет нужна и твоя жена. Он должен быть заинтригован талантом, который смог бросить ему вызов еще в человеческом воплощении.

Эдварду была неприятна эта тема. Мне тоже не понравилось. Если бы Аро хотел, чтобы я сделала что-нибудь, ему лишь стоило поставить жизнь Эдварда под угрозу и я подчинилась бы. И наоборот.

Действительно ли смерть была наилучшим из зол? Действительно ли

мы должны опасаться смертельной опасности того кого любим?

Эдвард сменил тему:

— Я думаю, что для Волтури нужен был какой-то предлог. Они не могли знать, в какую форму выльется их оправдание, но план был готов еще до того, как все произошло. Именно поэтому Элис увидела их решение прежде, чем Ирина вызвала его. Решение было уже сделано, только ждало повода.

— Если бы Волтури злоупотребляли доверием, все бессмертные свергли бы их... — бормотала Кармен.

— Это имеет значение? — спросил Элеазар. — Кто поверил бы в это? И даже если другие были бы убеждены, что Волтури чрезмерно используют свое влияние, что бы это изменило? Никто не может противостоять им.

— Хотя некоторые из нас очевидно достаточно безумны, чтобы попробовать, — пробормотала Кейт.

Эдвард покачал головой:

— Вы должны быть свидетелями, Кейт. Независимо от цели Аро я не думаю, что для этого он готов бросить тень на репутацию Волтури. Если мы сможем полностью себя оправдать, он будет вынужден оставить нас в покое.

— Конечно, — пробормотала Таня.

Судя по лицам никто не поверил в это. В течение нескольких долгих минут никто не сказал ни слова.

Тогда я услышала звук шин, съезжающих с шоссе на подъездную дорожку к дому Калленов.

— О, черт, Чарли, — пробормотала я. — Возможно Денали лучше подняться наверх...

— Нет, — сказал Эдвард отстраненным голосом. Его взгляд был направлен куда-то вдаль, безучастно уставившись на дверь. — Это не твой отец. — Его пристальный взгляд сосредоточился на мне. — Элис послала Питера и Шарлотту. Время, чтобы подготовиться к следующему раунду.

Глава 32

Компания

Необъятный дом Калленов был переполнен гостями настолько, что никто уже не мог чувствовать себя комфортно. Немного упрощало дело то, что никто не спал. Хотя обеденное время было пугающим.

Наши гости старались как могли, они избегали Форкса и Ла Пуш и охотились только за пределами штата; Эдвард был очень добр и одалживал гостям машины, не моргнув и глазом. Этот компромисс мне очень не нравился, хоть я и пыталась убедить себя, что, не смотря ни на что, они все равно будут всегда охотиться где-то по миру.

Джейкоб был расстроен еще больше. Ведь призвание оборотней — защищать человеческую жизнь, а тут, едва выйдя за пределы границ стаи, свободно разгуливают беспощадные убийцы.

Но в данных обстоятельствах, когда Ренесми угрожала такая опасность, он держал язык за зубами и предпочитал смотреть в пол, чтобы не видеть вампиров.

Удивительно насколько легко воспринимали Джейкоба прибывающие вампиры, никаких проблем, которых опасался Эдвард, не возникло. Джейкоб был для них по сути невидим, они не воспринимали его как личность, но и не считали едой. Они относились к нему так, как люди, не очень любящие домашних животных, относятся к питомцам своих друзей.

Леи, Сету, Квилу и Эмбри было велено находиться с Сэмом, и Джейк бы с радостью пополнил их ряды, если бы его не останавливала разлука с Ренесми, а она в свою очередь была занята очаровыванием удивительных друзей Карлайла.

Мы проходили сцену представления Ренесми семье Денали шесть раз.

Первыми после Денали были Питер и Шарлотта, Элис и Джаспер направили их к нам без единого объяснения; и как все, кто знал Элис, они последовали ее инструкциям, несмотря на отсутствие информации. Элис не сказала ни слова о том, куда они с Джаспером направились. Она не давала обещаний свидеться в будущем.

Ни Питер, ни Шарлота никогда раньше не видели бессмертного ребенка. И хотя правило им было известно, они отреагировали не так бурно, как вампиры Денали. Любопытство заставило их выслушать «объяснения» Ренесми. И этого было достаточно. Теперь и они были готовы свидетельствовать также, как и семья Тани.

Карлайл прислал друзей из Ирландии и Египта.

Клан из Ирландии прибыл первым, и убедить их удалось на удивление легко.

Сиобан — необъятных размеров женщина, чье огромное тело было завораживающе прекрасно в своих плавных движениях — была лидером; но она и ее суровый приятель Лиам, давно привыкли доверять суждениям своей новой спутницы. Маленькая Мэгги с ее озорными рыжими кудряшками была не настолько импозантна как ее соратники, зато у нее был необычный дар: она безошибочно определяла, когда ей врут, и ее вердикты никогда не оспаривались. Она подтвердила, что Эдвард говорит правду насчет Ренесми, и Сиобан с Лиамом тут же поверили в нашу историю, даже еще не успев прикоснуться к Ренесми.

Амун и другие вампиры из Египта были совсем другой историей. Даже после того, как два самых юных члена этого клана, Бенджамин и Тиа, были убеждены объяснением Ренесми, Амун, отказался дотрагиваться до нее, и приказал своей группе уйти. Бенджамин, — необыкновенно жизнерадостный для вампира, выглядевший чуть повзрослевшим мальчишкой, и казавшийся таким самонадеянным и беззаботным одновременно — убедил Амуна остаться, несколько раз пригрозив покинуть их группу. Амун остался, но прикасаться к Ренесми отказывался и также запретил это своей спутнице Кеби.

Их сообщество казалось маловероятным, хотя египтяне и выглядели одинаково, с их черными волосами и бледной оливковой кожей, они запросто могли бы сойти за биологических родственников. Амун был старшим и неоспоримым лидером. Кеби никогда не отходила от него дальше расстояния его тени, и я никогда не слышала ни единого слова от нее. Тиа, подруга Бенджамина, тоже была не очень разговорчива, но при разговоре она была очень проницательна и серьезна. И, конечно, был Бенджамин, вокруг которого они все кружили, словно около него было какое-то невидимое магнитное поле. Я видела, как Элиазар смотрел на него широко раскрытыми глазами, и пришла к выводу, что у парня действительно талант притягивать к себе других.

— Это не то, — сказал мне Эдвард, когда ночью мы остались одни, — Его дар настолько исключителен, что Амун панически боится его потерять. Насколько мы хотим оградить Ренесми от знания Аро, — вздохнул он, — настолько и Амун держит Бенджамина подальше от его внимания. Амун создал Бенджамина, зная, что тот будет особенным.

— Что он может?

— Что-то чего Элеазар никогда не видел. Что-то о чем я никогда не

слышал. То, против чего даже твой щит бессилён, — он улыбнулся мне своей кривоватой улыбкой, — он может повелевать всеми четырьмя элементами — водой, землей, воздухом и огнем. Реальная физическая манипуляция, никаких иллюзий. Бенджамин до сих пор экспериментирует с этим, а Амун пытается превратить его в оружие. Но ты видишь, как своеобразен и независим Бенджамин. Он не хочет, чтобы им помыкали.

— А он тебе нравится, — определила я по его голосу.

— У него очень четкое понимание разницы между плохим и хорошим. Мне нравится его позиция.

А у Амуна на уме было что-то совсем другое, они с Кеби держались в стороне ото всех, в то время как Бенджамин и Тиа быстро подружились с семьей Денали и ирландским кланом. Мы надеялись, что возвращение Карлайла рассеет напряжение между нами и Амуном.

Розали и Эмметт присылали по одному — всех кочующих друзей Карлайла, которых им только удавалось найти.

Гарретт прибыл первым — высокий, статный вампир с рубиновыми глазами и длинными песочными волосами, которые он завязывал кожаной резинкой — по нему сразу было видно, что он любитель приключений. Я думала, что предложи мы ему состязание, он бы тут же принял в нем участие, просто чтобы проверить себя. Он быстро подружился с сестрами Денали, бесконечно расспрашивая про их образ жизни. Я гадала, не станет ли для него «вегетарианство» очередным состязанием, в котором он будет проверять свои силы.

Также прибыли Мэри и Рэндалл — они уже были друзьями, хотя и не путешествовали вместе. Выслушав историю Ренесми, они остались в качестве свидетелей вместе с другими. Как и Денали, они начали обсуждать план их действий, в том случае, если Волтури не станут слушать объяснений и аргументов. Все трое кочевников расценивали сложившуюся ситуацию, как способ развеяться от скуки.

Конечно, Джейкоб становился все угрюмее с каждым новым прибывшим гостем. Он старался держаться в стороне, а когда это было невозможно, ворчливо жаловался Ренесми, что для запоминания всех этих вампирских имен кому-то придется снабдить его соответствующим каталогом.

Карлайл и Эсме вернулись через неделю, Эмметт и Розали на несколько дней позже, все мы были рады, что опять собрались все вместе дома. Карлайл привез с собой еще одного друга, хотя слово «друг» тут вряд ли уместно. Алистар — вампир из Англии, был отшельником, он считал Карлайла близким знакомым, но с трудом выдерживал его визиты чаще

одного раза за сто лет. Алистар предпочитал скитаться в одиночестве, и Карлайлу стоило огромных усилий привезти его сюда. Он избегал встреч с нашей компанией, и было очевидно, что никто из других кланов не испытывает к нему симпатии.

Задумчивый темноволосый вампир поверил Карлайлу на слово относительно природы Ренесми, но, так же как и Амун, отказался к ней прикасаться. Эдвард объяснил Карлайлу, Эсме и мне, что Алистар боялся находиться здесь, но еще больше его пугало незнание исхода событий. Он с большим подозрением относился к любой власти, а также всегда не доверял Волтури. То, что происходило сейчас, объединило все его страхи.

— Конечно же, теперь они будут знать, что я был здесь, — ворчал он себе под нос, стоя на веранде, любимом его месте для этого занятия, — Нет никакой возможности утаить это от Аро. Века в бегах — вот что это будет означать. Все с кем разговаривал Карлайл за последние 10 лет будут в их списке. Поверить не могу, что позволил втянуть себя в это болото. Как можно так поступать с друзьями.

Даже если он был прав, рассуждая о необходимости в будущем бегства от Волтури, он по крайней мере, имел гораздо большие шансы, чем все мы. Алистар был ищейкой, хотя и не такой нацеленной и эффективной, как Деметрий. Алистар просто чувствовал неодолимую тягу к тому, что он искал. И этой тяги было достаточно, чтобы сказать ему в каком направлении бежать — в противоположное направление от Деметрия.

А потом прибыла еще одна пара неожиданных друзей Карлайла, «нежданных», потому что ни Карлайл, ни Розали так и не смогли выйти на контакт с Амазонками.

— Карлайл, — поприветствовала его женщина, она была выше своей подруги, но они обе были очень высокими, и в них было что-то кошачье.

Они выглядели какими-то вытянутыми — длинные ноги и руки, длинные пальцы, длинные черные косы и длинные лица с длинными носами. Они носили одежду из шкур животных — жилеты и узкие брюки, зашнурованные сбоку кожаными шнурками.

Не только их эксцентричная одежда говорила об их диком образе жизни, об этом говорило все в них от горящих ярко-красных глаз до внезапных резких движений. Я никогда не встречала менее цивилизованных вампиров.

Но Элис послала их к нам, и это, мягко говоря, было интересной новостью. Почему Элис оказалась в Южной Америке? Только ли потому, что она видела, что никто из нас не сможет связаться с Амазонками?

— Зафрина, Сенна! А где же Качири? — спросил Карлайл, — Я

никогда не видел, чтобы вы трое расставались.

— Элис сказала, что нам нужно разделиться, — ответила Зафрина низким голосом, соответствующим ее дикому внешнему виду, — Это очень сложно, быть вдали друг от друга, но Элис уверила нас, что мы нужны вам здесь, пока Качири очень нужна ей где-то в другом месте. Это все, что она нам сказала, кроме того, что мы должны поторопиться...? — утверждение Зафрины перешло в вопрос, и, с нервной дрожью, никогда не проходившей независимо от того, сколько раз мне приходилось это делать, я вынесла к ним Ренесми.

Несмотря на суровый внешний вид, они спокойно выслушали всю историю, и позволили Ренесми представить доказательства. Ренесми покорила их так же, как и всех остальных вампиров до этого, но я не могла не беспокоиться, когда видела как они молниеносно и внезапно двигаются так близко к ней. Сенна всегда была рядом с Зафриной, она никогда не говорила, но это не было так же, как у Амуна и Кеби. Поведение Кеби было скорее покорностью, а Сенна и Зафрина больше походили на две половинки одного целого, и Зафрина была половинкой, обладающей речью. Новости об Элис немного успокоили. Очевидно, что она выполняет какую-то свою неясную задачу, избегая всего, чтобы не планировал Аро относительно нее.

Эдвард был рад прибытию Амазонок, потому что Зафрина обладала невероятным даром, ее дар мог быть очень опасным атакующим оружием. Не то, чтобы Эдвард просил Зафрину сражаться с нами, но если Волтури не послушают наших свидетелей, возможно, они остановятся из-за иного зрелища.

— Это очень четкая, целенаправленная иллюзия, — объяснил Эдвард, когда выяснилось, что я опять, как обычно, ничего не чувствую.

Зафрина была заинтригована и удивлена моим иммунитетом к чужим способностям — они никогда раньше не сталкивались с подобным — она неустанно металась из стороны в сторону, пока Эдвард описывал, что я пропустила. Взгляд Эдварда стал рассредоточенным, пока он рассказывал — Она может заставить любого человека видеть то, что она хочет, и ни что другое. Например, сейчас я нахожусь в тропическом лесу. Это так реально, что я мог бы поверить этому, если бы не чувствовал, что обнимаю тебя.

Губы Зафрины изобразили ее жуткий вариант улыбки. Секундой позже глаза Эдварда снова сфокусировались, и он ухмыльнулся ей в ответ.

— Впечатляюще.

Ренесми была зачарована нашим разговором, и она бесстрашно потянулась к Зафрине.

— Можно мне посмотреть? — спросила она.

— Что бы ты хотела увидеть? — спросила Зафрина.

— То же самое, что ты показала папе.

Зафрина кивнула, а я тревожно наблюдала, как Ренесми невидяще уставилась в пространство. Секундой позже, обворожительная улыбка озарила ее лицо.

— Еще, — скомандовала она.

После этого было трудно оторвать ее от Зафрины и ее красивых картинок. Я волновалась, потому что я была абсолютно уверена, что Зафрина может показать ей картинки, которые будут совсем не такими красивыми. Но через мысли Ренесми я могла сама видеть иллюзии Зафрины — они были такими же четкими, как и собственные воспоминания Ренесми, как будто были настоящими — и таким образом определять для себя были они допустимыми или нет.

Хотя я и не могла так легко уступить ей, я признавала, что то, что Зафрина развлекает Ренесми очень даже не плохо. Мне нужны были мои руки. Нужно было еще так многому научиться и физически и ментально, а времени было в обрез.

Моя первая попытка научиться драться прошла не удачно.

Эдвард повалил меня в 2 секунды. Но вместо того, чтобы дать мне возможность побороться с ним — насколько я вообще могла это сделать — он вскочил и отошел от меня. Я тут же поняла, что что-то не так; он замер, как изваяние, уставившись на поляну, где мы практиковались.

— Прости меня, Белла, — сказал он.

— Да, я в порядке, — ответила я, — Давай еще раз.

— Я не могу.

— Что значит, не можешь? Мы только что начали.

Он не ответил.

— Послушай, я знаю, что пока не очень хороша в этом деле, но я не смогу научиться чему-то, если ты мне не поможешь.

Он промолчал. Я шутливо прыгнула на него, но он совершенно не защищался, и мы оба упали на землю. Он был неподвижен, когда я прильнула губами к его яремной впадине.

— Я выиграла, — объявила я.

Его глаза сузились, но он ничего не сказал.

— Эдвард? Что случилось? Почему ты не хочешь меня учить?

Пришлось ждать целую минуту прежде чем он снова заговорил.

— Я просто не могу...вынести это. Эмметт и Розали знают столько же, сколько и я. Таня и Элеазар возможно знают даже больше. Попроси кого-

нибудь другого.

— Так нечестно! Ты хорош в этом деле. Ты помогал Джасперу прежде, ты дрался с ним и со всеми остальными тоже. Так почему же ты не хочешь учить меня? Что я сделала не так?

Он сердито вздохнул, его глаза были темны, даже золото в них не могло осветить темноту.

— Смотреть на тебя как на мишень. Видеть все способы, которыми я могу убить тебя... — он вздрогнул, — Это делает твою смерть слишком реальной для меня. У нас не так много времени, так что не имеет значения, кто будет твоим учителем. Основам тебя может научить кто угодно.

Я нахмурилась.

Он коснулся моей надутой нижней губы и улыбнулся, — Кроме того, в этом нет необходимости. Волтури останются. Их заставят понять.

— А если нет?! Я должна научиться, Эдвард.

— Найди себе другого учителя.

Это не был наш единственный разговор на эту тему, но мне так и не удалось хоть на миллиметр сдвинуть его с принятого решения.

Эмметт просто жаждал мне помочь, хотя его преподавание скорее напоминало мне месть за все проигранные им туры армрестлинга. Если бы на мне еще могли появляться синяки, то я была бы фиолетовой с головы до пят. Роуз, Таня и Элеазар проявляли терпение и поддерживали меня. Их уроки напомнили мне инструкции Джаспера в прошлом июне, хотя теперь эти воспоминания были очень расплывчатыми и мутными. Некоторые из наших гостей сочли мое обучение развлечением, а другие даже предлагали свою помощь. Кочевник Гарретт преподавал мне несколько уроков, он оказался на удивление хорошим учителем; он так легко общался со всеми, что мне было очень интересно, почему он до сих пор не смог найти себе семью. Я даже один раз сражалась с Зафриной, в то время как Ренесми наблюдала за нами на руках Джейка. Я научилась нескольким хитрым трюкам, но никогда больше я не просила ее о помощи. По правде говоря, Зафрина мне очень нравилась, и я знала, что она на самом деле она не причинит мне вреда, но дикарка пугала меня до смерти.

Я научилась многому у моих учителей, но у меня было чувство, что все эти знания очень поверхностны. Я не имела никакого представления о том, сколько точно секунд я смогу продержаться против Алека и Джейн. Я могла только надеяться, что этого времени окажется достаточно, чтобы помочь.

Каждую минуту дня, что я не была рядом с Ренесми или на тренировках, я проводила время на заднем дворе и работала с Кейт,

пытаясь вытолкнуть мой внутренний щит наружу за пределы моего собственного разума, чтобы защитить кого-нибудь еще. Эдвард поддерживал меня в этом начинании. Я знаю, что он рассчитывал, что я таким образом найду способ помочь, который удовлетворит меня, но так же и удержит подальше от линии огня.

Это было очень трудно. Зацепиться было совершенно не за что, никакой осязаемой вещи, с которой можно было бы работать. Все, что у меня было, это растущее желание быть полезной и обладать возможностью защитить Эдварда, Ренесми и как можно большее количество членов моей семьи. Раз за разом я прикладывала усилия, чтобы вытолкнуть этот непонятный щит из себя, но все время с переменным успехом. У меня было ощущение, что я пытаюсь растянуть невидимый резиновый обруч, обод, который в любой момент может из реально осязаемого превратиться в облако дыма. Только Эдвард согласился быть нашей подопытной свинкой, получая удары тока от Кейт каждый раз, когда я неумело сражалась с содержимым собственной головы.

Мы работали по несколько часов, и я чувствовала себя так, будто должна уже быть покрытой потом от усталости, но мое тело в этом смысле меня не подводило, вся моя усталость была только умственной.

Меня убивало, что Эдварду приходилось страдать из-за меня, мои руки беспомощно обнимали его, в то время как он снова и снова вздрагивал от слабых ударов Кейт. Я старалась изо всех сил, чтобы вытолкнуть этот щит и заслонить нас обоих, но каждый раз, когда мне удавалось ухватить его, он тут же сжимался обратно.

Я ненавидела эти испытания и очень хотела, чтобы мне помогала Зафрина вместо Кейт. Тогда все, что вынужден был бы делать Эдвард, это смотреть на иллюзии Зафрины, пока я бы не смогла закрыть его от них. Но Кейт настаивала, что мне нужна более сильная мотивация, под которой она подразумевала мою озлобленную реакцию на боль, причиняемую Эдварду. С первого дня нашей встречи с Кейт я начала сомневаться в ее утверждении, что она не получает определенного садистского удовольствия от использования своего дара. Казалось, что ей нравится испытывать меня.

— Эй, — с энтузиазмом сказал Эдвард, усиленно стараясь скрыть боль в голосе. Он был готов на все, что угодно только бы удержать меня от обучения драться, — В этот раз только немного жжет. Отличная работа, Белла.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь проследить последовательность своих действий, понять, что именно я сделала правильно, я растягивала свой щит, борясь с ним, чтобы он застыл и остался в растянутом состоянии, когда я

выталкиваю его из себя.

— Еще раз, Кейт, — проворчала я сквозь зубы.

Кейт прикоснулась рукой к плечу Эдварда.

Он вздохнул с облегчением, — Ничего в этот раз.

Она подняла бровь, — Но это был неслабый удар.

— Отлично, — фыркнула я.

— Приготовься, — сказала она мне и снова прикоснулась к Эдварду.

В этот раз он вздрогнул, и низкое шипение вырвалось сквозь его зубы.

— Прости! Прости! Прости! — заметалась я, кусая губы. Ну, почему я не могу сделать это правильно?

— У тебя отлично все получается, Белла, — сказал Эдвард, прижимая меня к себе, — Ты начала работать над этим всего несколько дней назад и ты явно быстро прогрессируешь. Кейт, скажи ей, что она хорошо справляется.

Кейт сжала губы, — Не думаю. Очевидно, что у нее есть невероятная способность, но мы только-только подобрались к ней. Я уверена, что она может лучше. Ей не хватает стимула.

Я неверяще уставилась на нее, мои губы автоматически вздернулись, обнажая зубы. Да как она могла подумать, что мне не хватает стимула, когда она на моих глазах бьет Эдварда током?

Я услышала ропот от многочисленной зрительской аудитории, которая росла с каждым днем моих занятий — сначала только Элеазар, Кармен и Таня, потом проявил любопытство Гарретт, за ним Бенджамин и Тиа, Сиобан и Мегги, а потом даже Алистар начал поглядывать на меня из окна третьего этажа. Зрители соглашались с Эдвардом, все они считали, что у меня уже неплохо получается.

— Кейт..., - предупреждаяще обратился к ней Эдвард, уловив в ее голове какую-то идею, но она уже начала двигаться. Она направилась к берегу реки, где неторопливо гуляли Зафрина, Сенна и Ренесми. Ренесми и Зафрина держались за руки, перекидывая друг другу мысленные картинки. Джейкоб следовал за ними в нескольких шагах.

— Несси, — позвала Кейт — все прибывшие очень быстро подхватили раздражающее прозвище, — Ты бы не хотела помочь своей маме?

— Нет, — почти что зарычала я.

Эдвард предостерегающе обнял меня. Я стряхнула его руки с себя, как только Ренесми пересекла поле, направившись ко мне, с Кейт, Зафриной и Сенной следом.

— Ни за что, Кейт, — прошипела я.

Ренесми потянулась ко мне, и я тут же раскрыла ей объятия. Она

обняла меня, прижавшись головой к моему плечу.

— Но, мама, я хочу помочь, — сказала она решительным голосом. Ее рука легла на мою шею, подтверждая ее желание изображением нас двоих вместе как команды.

— Нет, — ответила я, быстро отступая назад. Кейт сделала неторопливый шаг в нашу сторону, вытянув вперед руку.

— Держись от нас подальше, Кейт, — предупредила я ее.

— Нет, — она подошла еще ближе, улыбаясь как охотник, загоняющий добычу.

Я пересадила Ренесми себе на спину, все еще отступая от Кейт. Теперь мои руки были абсолютно свободны, и если Кейт хочет, чтобы ее кисти рук соединялись с ее запястьями, то ей лучше держать дистанцию.

Кейт возможно не понимала меня, она никогда не испытывала того, что испытывает мать, и на что она готова защищая своего ребенка.

Она еще не осознала, как далеко она уже перешла грань возможного. Я была настолько взбешена, что на мои глаза будто опустилась красная пелена, а на языке ощущался вкус раскаленного метала. Сила, которую я привыкла сдерживать, свободно растекалась по моим мышцам, и я знала, что просто впечатала Кейт в каменный валун, если она меня вынудит.

Из-за своей ярости я остро чувствовала каждую клетку своего существа. Теперь эластичность моего щита была для меня более ощутима, теперь он не казался мне тугим обручем, а был не более чем тонким слоем, пленкой, покрывающей меня с головы до ног. Благодаря своей ярости я теперь чувствовала его гораздо лучше, я его контролировала. Я растянула его вокруг себя, потом вытолкнула наружу, охватывая им Ренесми, на случай если Кейт все-таки прокрадется мимо меня.

Кейт сделала еще один крошечный шаг в мою сторону, и угрожающий гортанный рык вырвался сквозь мои сжатые зубы.

— Будь осторожна, Кейт, — предостерег Эдвард.

Кейт сделала еще один шаг и совершила ошибку, которую заметила даже такая неопытная как я. На расстоянии одного короткого прыжка от меня, она обернулась, отвлекаясь от меня на Эдварда.

Ренесми была в полной безопасности у меня за спиной, и я приготовилась прыгать.

— Ты можешь услышать что-нибудь от Несси? — спросила его Кейт, ее голос был совершенно спокоен.

Эдвард скользнул в пространство между нами, преграждая мне дорогу к Кейт.

— Нет, вообще ничего, — ответил он, — А теперь дай Белле

успокоиться, Кейт. Не стоит больше раздражать ее таким образом. Я знаю, что она не ведет себя на свой возраст, но все-таки ей всего лишь несколько месяцев от роду.

— У нас нет времени на нежности, Эдвард. Мы должны подтолкнуть ее. У нас всего лишь несколько недель, а у нее такой потенциал, чтобы...

— Отстань от нее на минуту, Кейт.

Она нахмурилась, но восприняла слова Эдварда более серьезно, чем мои угрозы.

Рука Ренесми все еще была на моей шее, она вспоминала атаку Кейт, показывая мне, что это не принесло бы никакого вреда, что папа не позволил бы...

Это все равно не успокоило меня. Кровавая пелена все еще была перед глазами. Но сейчас я уже могла себя контролировать, и я услышала разумные доводы в словах Кейт — злость помогала мне. Я училась быстрее, если на меня давили.

Но это не значило, что мне это нравится.

— Кейт, — прорычала я, положив руку на поясницу Эдварда. Я все еще могла чувствовать мой щит — прочный занавес вокруг меня и Ренесми. Я толкнула его дальше, чтобы в поле его влияния попал Эдвард. Никакой трещины не возникло на его поверхности, никаких следов того, что он может лопнуть. Я прилагала все усилия, и мои слова прозвучали скорее придушенно, чем разъяренно.

— Снова, — сказала я Кейт, — Только Эдвард.

Она закатила глаза, но быстро переместилась к Эдварду и положила ладонь ему на плечо.

— Ничего, — сказал Эдвард. Я услышала улыбку в его голосе.

— А сейчас? — спросила Кейт.

— Ничего.

— И даже сейчас? — прошипела она сквозь зубы.

— Вообще ничего.

Кейт проворчала что-то и отошла в сторону.

— Видишь ты это? — спросила Зафрина своим низким диким голосом, внимательно разглядывая дерево за нами. У ее произношения был странный акцент, она расставляла слова в непредсказуемом порядке.

— Не вижу ничего, что не должен бы, — ответил Эдвард.

— А ты, Ренесми?

Ренесми улыбнулась ей и помотала головой.

Ярость почти отступила, и я сцепила зубы, начиная дышать чаще, пытаюсь вытолкнуть этот щит, казалось, что чем дольше я держу его, тем

тяжелее он становится. Он упорно сжимался назад.

— Без паники, — предупредила Зафрина маленькую группу, наблюдающую за мной, — Я хочу посмотреть, как далеко она сможет растянуть щит.

Тут же шокированные вздохи донеслись ото всех — Элеазара, Кармен, Тани, Гарретта, Бенджамина, Тии, Сиобан, Мэгги, — всех, кроме Сенны, которая, видимо, была готова ко всему, чтобы не выкинула Зафрина. Все остальные были ослеплены, выражения их лиц были тревожны.

— Поднимите руку, когда к вам вернется зрение, — инструктировала Зафрина, — Итак, Белла. Давай посмотрим, скольких ты можешь закрыть.

Я тяжело вздохнула.

Кейт стояла ко мне ближе всех, не считая Эдварда и Ренесми, но даже она была где-то в десяти футах от меня. Я сжала челюсти и толкнула, пытаюсь накатом растянуть свою упирающуюся, упругую защиту подальше от себя. Дюйм за дюймом я продвигала щит все ближе и ближе к Кейт, всеми силами борясь с его ответной реакцией сжаться, как только я преодолевала очередное расстояние.

Пока я старалась, я смотрела только на тревожное выражение лица Кейт, я тихонько застонала от облегчения, когда она моргнула, и ее глаза сфокусировались. Она подняла руку.

— Превосходно! — вполголоса пробормотал Эдвард, — Это как одностороннее зеркало. Я слышу все, что они думают, но они на меня воздействовать не могут, пока я закрыт. И сейчас я могу слышать Ренесми, хотя не мог, когда был снаружи. Я уверен, что сейчас Кейт сможет ударить меня током, потому что она тоже под защитой. Но я все еще не могу услышать тебя...Хмм... Как это работает? Мне интересно, а что если...

Он продолжил бормотать что-то себе под нос, но я уже не могла его слушать, сцепив зубы, я сражалась со своим щитом, передвигая его в сторону Гарретта, который был ближе всего к Кейт. Его рука взлетела вверх.

— Очень хорошо, — похвалила меня Зафрина, — А теперь...

Но она поторопилась; с одним коротким вздохом я почувствовала, что мой щит, словно слишком быстро растянутый резиновый обруч, моментально вернулся в свою первоначальную форму. Ренесми, впервые испытывавшая слепоту, которую Зафрина навела на всех остальных, вздрогнула у меня на спине. Обеспокоено, я тут же у усилием вытолкнула свой щит, чтобы снова закрыть ее.

— Можно мне минутку? — с трудом выдохнула я. С тех пор, как я стала вампиром, я не чувствовала потребности в отдыхе до этого момента.

Было очень необычно чувствовать себя такой разбитой и в то же время такой сильной.

— Конечно, — ответила Зафрина, и зрители расслабились, когда она сняла иллюзию.

— Кейт, — позвал ее Гарретт; пока остальные, переговариваясь, расходились в разные стороны, растревоженные временной слепотой. Вампиры не привыкли чувствовать себя уязвимыми.

Высокий, светловолосый Гарретт был единственным не имеющим дара бессмертным, кого привлекали мои тренировки. Мне было интересно, что могло привлекать этого путешественника?

— Я бы не стал, Гарретт, — предупредил Эдвард.

Несмотря на предупреждения, Гарретт подошел к Кейт, он был полон подозрения, — Говорят, что ты сможешь любого вампира уложить на лопатки.

— Да, — согласилась она и с коварной улыбкой игриво протянула к нему пальцы, — Любопытно?

Гарретт пожал плечами, — Такого я еще не видел. Мне кажется, что они малость преувеличивают...

— Возможно..., - сказала Кейт, внезапно став серьезной, — Может быть, это работает только на молодых или слабых. Я не уверена. Ты выглядишь сильным. Возможно, ты сможешь устоять перед моим даром.

Она протянула к нему руку ладонью вверх, приглашая. Уголки ее губ ползли вверх, и я была абсолютно уверена, что ее угрожающее выражение лица было лишь попыткой подразнить его.

Гарретт усмехнулся ее вызову. Очень осторожно он дотронулся до ее ладони одним пальцем.

Его колени тут же подогнулись, и с тяжелым вздохом он упал на спину. Его голова с громким треском расколола кусок гранитного камня. Мои инстинкты взбунтовались от созерцания бессмертного, поверженного таким образом; это было совершенно не правильно.

— А я предупреждал, — пробормотал Эдвард.

Веки Гарретта дрожали еще несколько секунд, а потом он открыл глаза. Он посмотрел вверх на самодовольно ухмыляющуюся Кейт с удивленной улыбкой.

— Ух-ты, — только и сказал он.

— Понравилось? — скептически спросила она.

— Я не сумасшедший, но это было что-то! — засмеялся он, встряхивая головой, пока медленно вставал на колени.

— Надо же, что я слышу.

Эдвард закатил глаза.

Послышался какой-то тихий шум со стороны центрального входа. Я услышала голос Карлайла сквозь гомон удивленных голосов.

— Вас послала Элис? — спрашивал он кого-то, его голос звучал неуверенно, немного расстроено.

Еще один неожиданный гость?

Эдвард понесся к дому, и большинство последовало его примеру. Я шла более медленно, Ренесми все еще была у меня за спиной. Нужно было дать Карлайлу время, чтобы он успокоил нового гостя, подготовил его или ее к тому, что им предстоит увидеть.

Я взяла Ренесми на руки, и, осторожно обойдя дом, вошла в дверь кухни, прислушиваясь к тому, что не могла видеть.

— Никто нас не посылал, — ответил Карлайлу низкий сиплый голос.

В памяти моментально всплыли такие же древние голоса Аро и Кайуса, и я замерла посреди кухни.

Я знала, что холл битком набит народом — почти все вышли, чтобы увидеть новых посетителей — но не было ни единого звука. Тихое дыхание и только.

— Тогда что привело вас сюда сейчас? — голос Карлайла был обеспокоенным.

— Слухами земля полнится, — ответил другой голос, но такой же хриплый, как и первый, — Мы слышали, что Волтури собрались напасть на вас. И также ходили слухи, что вы не будете сражаться одни. Что ж слухи оказались правдивыми. Это впечатляющая компания.

— Мы не будем бороться с Волтури, — напряженно ответил Карлайл, — Имело место недоразумение, очень серьезное недоразумение, но мы надеемся его разрешить. Все, кого вы видите — это свидетели. Мы просто хотим, чтобы Волтури нас выслушали. Мы не...

— Нам все равно, в чем они вас обвиняют, — прервал его первый голос, — И нам все равно, нарушали вы закон или нет.

— И не имеет значения, насколько серьезно, — дополнил второй голос.

— Мы ждали полторы тысячи лет когда этой итальянской кучке отбросов бросят вызов, — продолжал первый голос, — и если есть вероятность того, что они будут побеждены, мы будем здесь, чтобы это увидеть.

— И даже можем помочь одолеть их, — добавил второй голос. Они разговаривали по очереди и имели очень похожие голоса, поэтому с менее восприимчивыми ушами можно было бы посчитать, что говорит только

один, — Если сочтем, что у вас есть шанс победить их.

— Белла? — позвал меня Эдвард жестким голосом, — Принеси Ренесми, пожалуйста. Наверно, нам стоит проверить заявления наших гостей из Румынии.

Меня успокаивало, что около половины вампиров в той комнате готовы встать на защиту Ренесми, если эти румыны вдруг отреагируют на нее не правильно. Мне не нравились их голоса и звучащая в них угроза. Как только я вошла в комнату, я увидела, что не единственная, кто так думает. Большая часть неподвижных вампиров враждебно смотрели на новоприбывших, а некоторые — Кармен, Таня, Зафрина и Сенна — осторожно заняли обороняющие позы между визитерами и Ренесми.

Оба вампира в дверях были худыми и низкорослыми, один темноволосый, другой обладал такими пепельными волосами, что они просто казались бледно-серыми. У них была такая же тонкая пергаментная кожа, как и у Волтури, хотя не мне об этом судить. Я не могла быть уверена в этом, потому что я видела Волтури только своим человеческим зрением, и не могла сейчас сравнить как следует. Их пронзительные узкие глаза были чистого темно-красного цвета, никакой молочной пелены на них. Одеты они были в простые черные костюмы, которые легко могли бы сойти за современные, но с оттенком ретро.

Один из них оскалился, когда я вошла, — Так-так, Карлайл. Ты был очень непослушным, верно?

— Она не то, что ты думаешь, Стефан.

— В любом случае нам все равно, — ответил блондин, — как мы уже и сказали.

— Тогда вы можете остаться в роли наблюдателей, Владимир, но в наши планы определенно не входит битва с Волтури, как мы уже сказали.

— Что ж тогда мы скрестим пальцы на удачу, — начал Стефан.

— И будем надеяться, что нам повезет, — закончил Владимир.

В общем мы собрали 17 свидетелей — ирландцев: Сиобан, Лиам и Мэгги; египтян: Амуна, Кеби, Бенджамина и Тию; Амазонок: Зафрину и Сенну; румынов: Владимира и Стефана; и кочевников: Шарлоту и Питера, Гарретта, Алистара, Мэри и Рэнделла — присоединившихся к нам. Нас было одиннадцать. Таня, Кейт, Элеазар и Кармен настаивали на том, чтобы мы считали их частью семьи.

Не считая Волтури, это была, возможно, самая большая компания взрослых вампиров в бессмертной истории.

И все мы начинали понемногу надеяться. Даже я. Ренесми сделала так много за такой короткий период времени. Волтури должны будут

остановиться всего лишь на пару крошечных секунд...

Последние выжившие румыны — сосредоточенные только на своей злейшей обиде на тех, кто уничтожил их империю полторы тысячи лет назад, — наблюдали за всем со стороны. Они не прикасались к Ренесми, но и не показывали к ней отвращения. По непонятной причине они были рады нашему альянсу с оборотнями. Они наблюдали за моими тренировками с Зафриной и Кейт, наблюдали, как Эдвард отвечал на немые вопросы, наблюдали как Бенджамин создавал гейзеры на реке или поднимал порыв ветра из спокойного воздуха только силой мысли, и их глаза сверкали в надежде, что Волтури наконец-то встретят достойных противников.

Мы надеялись не на это, но надеялись абсолютно все.

Глава 33

Подделка

— Чарли, нам все еще необходимо строго следить за ситуацией. Я знаю, что уже прошло больше недели, с тех пор как ты видел Ренэсми, но визит не самая лучшая идея на данный момент. Как насчет того, чтобы я сама привела Ренэсми к тебе?

Чарли молчал так долго, что я не удивилась бы, если он услышал, как я напряглась.

Но затем он пробормотал:

— Знать не больше, чем нужно, уфф, — и я поняла, что из-за осторожности по отношению ко всему сверхъестественному он медлил с ответом.

— Хорошо, детка, — сказал Чарли. — Ты не могла бы привести ее сегодня утром? Сью приносит мне обед. Она просто ужаснулась от моей готовки, как ты в первый раз, когда увидела ее.

Чарли рассмеялся, а затем вздохнул по былым временам.

— Это утро будет идеальным.

Чем раньше, тем лучше. Я и без того откладывала это так долго.

— Джейк придет с вами?

Хотя Чарли и не знал ничего о запечатлении оборотня, невозможно было не обратить внимания на привязанность между Джейкобом и Ренэсми.

— Наверняка.

Джейкоб ни за что бы не потерял утро с Ренэсми без компании кровососов добровольно.

— Может мне следует пригласить и Билли? — задумался Чарли. — Но.... хмм. Лучше как-нибудь в другой раз.

Я слушала Чарли лишь вполуха, но и этого было достаточно, чтобы заметить странную неприязнь в его голосе, когда он говорил о Билли, но не на столько, чтобы волноваться об этом. Чарли и Билли были взрослыми людьми; если между ними что-то и произошло, они могли это выяснить и сами. У меня и без того было очень много проблем, о которых надо было позаботиться.

— Увидимся, — сказала я ему и повесила трубку.

Эта поездка была предпринята не просто для того, чтобы защитить моего отца от двадцати семи странных вампиров, которые все присягнули

не убивать никого в радиусе триста миль, но все равно, людям лучше держаться от них подальше. Это было моим оправданием перед Эдвардом — я поехала вместе с Ренэсми к Чарли, чтобы он не решил приехать сюда. Неплохая причина, чтобы покинуть дом, но она была лишь предлогом.

— Почему мы не можем поехать на твоём Феррари? — проворчал Джейкоб, когда встретил меня в гараже.

Я и Ренэсми уже были в «вольво» Эдварда.

Эдвард уже показал мне мою машину «после». Как он и подозревал, я не проявила соответствующего энтузиазма. Машина была красивая и быстрая, но мне предпочтительней пробежаться.

- Слишком бросается в глаза, — ответила я. — Мы можем пойти пешком, но это снесет башню Чарли.

Джейкоб поворчал, но сел на переднее сиденье. Ренэсми перелезла с моих колен на его.

— Как ты? — я спросила его, в то время как выезжала из гаража.

— А ты как думаешь? — резко спросил Джейкоб. — Меня тошнит от запаха этих кровопийц. — Он увидел выражение моего лица и сказал до того, как я успела на это ответить. — Да, я знаю, я знаю. Они хорошие, они здесь для того, чтобы помочь, они собираются нас всех спасти... и так далее, и тому подобное. Говори, что хочешь, я все еще считаю, что Дракула Первый и Дракула Второй — одинаково жуткие.

Я улыбнулась. Румыны не были и моими любимыми гостями.

— Не могу с тобой не согласиться.

Ренэсми потрясла головой, но ничего не сказала; в отличие от нас, ей румыны казались необычно интересными. Она сделала усилие, чтобы поговорить с ними вслух, потому что они не давали ей прикоснуться к себе. Ее вопрос был об их необычной коже, и хотя я боялась, что они могут быть им оскорблены, я была довольна тем, что она спросила. Мне тоже было интересно.

Они не выглядели разочарованными из-за ее вопроса. Скорее печальными.

— Мы были неподвижны долгое время, дитя, — ответил Владимир со Стефаном, кивающим в ответ, но, как часто он делал, не продолжая рассказ Владимира. — Размышляли над собственной божественностью. Символом нашего могущества было то, что все шло к нам. Добыча, дипломаты, все, кому была нужна наша благосклонность. Мы восседали на наших тронах и считали себя богами. Мы долгое время не замечали, что изменяемся — мы почти окаменели. Я предполагаю, что Волтури сделали нам одну услугу, когда они сожгли наши замки. Стефан и я, по крайней мере, перестали

каменеть. Сейчас глаза Волтури покрылись пыльной пеленой, но наши остались ясными. Я полагаю, что это будет преимуществом, когда мы будем вырывать их из их глазниц.

После этого я пыталась держать Ренэсми подальше от них.

— Как долго мы будем околачиваться у Чарли? — спросил Джейкоб, прерывая мои мысли. Он выглядел расслабленным, когда мы отъехали от дома со всеми его новыми обитателями. Я была счастлива, что он не относится ко мне как к вампиру. Я все еще была просто Беллой.

- Вообще-то, достаточно долго.

Тон моего голоса привлек его внимание.

— Что-то намечается кроме встречи с твоим отцом?

— Джейк, у тебя же неплохо получается контролировать свои мысли при Эдварде?

Он поднял одну густую черную бровь.

— Ну?

Я просто кивнула, покосившись на Ренэсми. Она смотрела в окно, и я не могу сказать точно, насколько она была заинтересована в нашем разговоре, но я решила, что лучше не рисковать.

Джейкоб ждал от меня продолжения, а затем его нижняя губа выпятилась вперед, пока он думал о чем-то.

О том, что я сказала.

Так как мы ехали в тишине, я прищурила глаза, раздраженные из-за контактных линз, и смотрела сквозь холодный дождь; было недостаточно холодно для того, чтобы пошел снег. Мои глаза уже не были такими дьявольски отвратительными, какими они были раньше. Теперь они были выцветшего оранжево-красного цвета, а не ярко — алого цвета, как раньше. Вскоре они станут на столько желтыми, что я смогу перестать носить линзы. Надеюсь, что эти изменения не сильно расстроит Чарли.

Джейкоб все еще размышлял над нашим незаконченным разговором, когда мы доехали до Чарли. Мы не говорили, в то время как мы шли быстрым человеческим шагом под дождем. Мой отец ждал нас; он открыл дверь до того, как я постучалась.

— Привет, ребята! Такое чувство, будто прошли годы! Посмотри на себя, Несси! Иди к бабушке! Могу поклясться, что ты выросла на полфута. И выглядишь тощей, Несс. — он сверкнул в меня взглядом. — Они тебя там, что не кормят?

— Это из-за резкого роста, — пробормотала я. — Привет, Сью, — окликнула её я через плечо Чарли. Запах курицы, помидоров, чеснока и сыра исходил из кухни; скорее всего остальным этот запах нравился. Я же

почувствовала еще запах свежей сосны и упаковочной пыли.

У Ренэсми вспыхнули ямочки. Она никогда не говорила перед Чарли.

— Ну, хорошо, детки, заходите внутрь, там холодно. Где мой зять?

— Развлекает друзей, — сказал Джейкоб, а затем фыркнул, — Тебе так повезло, что ты не в курсе событий Чарли. Это все, что я могу сказать.

Я легонько ударила Джейкоба кулаком по почкам, в то время как Чарли съежился от страха.

— Ой, — пожаловался Джейкоб со вздохом.

Ну, хорошо, мне казалось, что я ударила легонько.

— Вообще-то, Чарли, мне нужно съездить по делам.

Джейкоб мельком на меня посмотрел, но ничего не сказал.

— Ты еще не сделала рождественские покупки, Беллс? Ты знаешь, что у тебя осталось несколько дней.

— Да, рождественский поход за покупками», — неубедительно подтвердила я.

Это объясняло упаковочную пыль. Чарли, должно быть, вывешивает старые украшения.

— Не волнуйся, Нэсси, — прошептал он ей на ухо. — Я прикрою тебя, если твоя мама не справится.

Я закатила глаза, но, по правде говоря, я вообще не думала о праздниках.

— Обед на столе, — позвала Сью из кухни. — Налетайте.

— Увидимся позже, пап, — сказала я, и мы с Джейкобом переглянулись.

Даже если он не сможет помочь, но подумает о том, что рядом Эдвард, что, в конечном счете, не является для него большой проблемой. Он не имел представления о том, что я собираюсь сделать.

Конечно, я думала про себя, в то время как садилась в машину, но я тоже не имела ни малейшего понятия.

Дороги были скользкими и темными, но вождение не пугало меня больше. Мои рефлексy были обострены, и я едва следила за дорогой. Единственной проблемой было сохранение скорости на нужном уровне, когда я была на дороге не одна, чтобы не привлекать внимания. Я хотела покончить с сегодняшней миссией, разобраться с тайной, чтобы я смогла вернуться к своему жизненно важному заданию в обучении. Обучении защищать кого-то, обучении убивать других.

Со щитом у меня шли дела все лучше и лучше. Кейт больше не нуждалась в том, чтобы мотивировать меня — было нетрудно найти причины, чтобы разозлиться, теперь я уже знала, что это и есть решение

задачи — и я по большей части работала с Зафриной. Она была довольна моей протяженностью; я могла покрыть расстояние длиной почти в десять футов чуть больше, чем на минуту, несмотря на то, что это меня очень изматывало. Этим утром она пыталась выяснить, смогу ли я отбросить щит от своего разума целиком. Я не видела в этом никакого смысла, но Зафрина подумала, что это поможет мне стать сильнее, все равно, что накачивание мышц живота и спины предпочтительнее, чем рук. Как бы там ни было, вы можете поднять вес куда больший, когда все мышцы сильны.

У меня это плохо получалось. Лишь один раз я увидела смутные очертания реки в джунглях, которую она пыталась мне показать.

Но были и другие пути, чтобы подготовиться, к тому, что надвигалось, и только спустя две недели я забеспокоилась, что должно быть пренебрегла самым важным. Сегодня я это исправлю.

Я запомнила карты, и у меня не возникло проблем с поиском дороги, ведущей к адресу, который в реальности не существовал, единственной, что вела к Джей Дженксу. Следующим моим шагом будет Джейсон Дженкс по другому адресу, который мне дала Элис.

Сказать, что это не было милым районом, все равно, что ничего не сказать. Самая невзрачная из всех калленовских машин, тем не менее, выделялась на этой улице. Мой старенький пикап здорово бы здесь смотрелся. Во время моих человеческих лет я бы, скорее всего, заперла бы двери и умчалась прочь так быстро, как смогла бы. Как бы там ни было, я была очарована. Я пыталась представить Элис в этом месте по какой-либо причине, но мне не удавалось.

Здания, все трехэтажные, узкие, покосившиеся, словно согнулись под тяжестью дождя, были старыми домами, разделенными на множество комнат. Трудно сказать, какого цвета они были. Все выцвело до оттенков серого. В нескольких строениях на первом этаже расположились частные заведения — грязный бар с окнами, выкрашенными в черный цвет, магазинчик магических принадлежностей, с неоновыми руками и картами таро пульсирующими светом на двери, тату салон и детский садик, разбитое окно которого было склеено клейкой лентой. Ни в одной из помещений не горел свет, хотя снаружи было достаточно темно, хотя людям уже нужно было освещение. Вдалеке я слышала тихое ропот голосов, похожий на звуки телевизора.

На улице было очень мало людей, двое шаркали в противоположном направлении, один сидел на маленьком крыльце заколоченной досками адвокатской конторы, выставленной на продажу по сниженной цене, читая мокрую газету и посвистывая. Звук был чересчур бодрым для такого места.

Я была так озадаченна из-за беззаботного свистуна, что даже сначала не заметила, что это заброшенное здание находилось именно по тому адресу, который я искала. В этом обветшалом месте не было номеров, но тату салон позади, был следующим по счету.

Я подъехала к тротуару и на секунду замешкалась. Я зайду на эту свалку в любом случае, но как это сделать при свистуне, который обратил на меня внимание? Я могла бы припарковаться на следующей улице и пройти сзади.... Но там, скорее всего, будет больше свидетелей. Может по крышам? Было ли достаточно темно, чтобы это осталось незамеченным?

— Эй, леди, — позвал меня свистун.

Я спустила пассажирское стекло, делая вид, что не смогла его расслышать.

Мужчина убрал свою газету в сторону, и его одежда меня удивила, когда я смогла ее рассмотреть. Под длинным оборванным плащом было видно, что он одет ну уж очень хорошо. Не было ни ветерка, чтобы я смогла почувствовать запах, но блеск на его темно-красной рубашке напоминал шелк. Его вьющиеся черные волосы были спутаны и растрепаны, но его темная кожа была гладкой и идеальной, а зубы — белыми и ровными. Противоречие.

— Девушка, может не стоит парковать здесь эту машину, — сказал он. — Ее может здесь не быть, когда ты вернешься.

— Благодарю за предупреждение, — ответила я.

Я выключила двигатель и вышла из машины. Возможно, мой свистящий друг мог бы дать мне ответы на вопросы быстрее, чем, если б я взломала дверь и зашла сама. Я открыла мой большой серый зонт, не то что бы я беспокоилась по поводу дождя или боялась промочить надетое на меня длинное шерстяное платье-свитер. Это было просто то, что сделал бы любой нормальный человек.

Мужчина прищурился через дождь на мое лицо, после чего его глаза расширились. Он сглотнул, и я услышала, как участилось его сердцебиение, во время моего приближения.

— Я ищу кое-кого, — начала я.

— Я и есть — кое-кто, — предположил он с улыбкой. — Чем я могу быть полезен, красавица?

- Вы Джей Дженкс? — спросила я.

— О, — сказал он, и выражение его лица сменилось от предвидящего к понимающему. Он встал на ноги и посмотрел на меня сузившимися глазами. — А для чего вам нужен Джей?

— Не ваше дело. — Кроме того, я и сама точно не знала. — Вы Джей?

— Нет.

Мы смотрели друг на друга достаточно долго, в то время как его пронизательные глаза пробежались вверх и вниз по жемчужно-серому платью, которое я надела. Его пристальный взгляд наконец-то остановился на моем лице. — Вы не похожи на обычного клиента.

— Наверное, я не обычный клиент, — согласилась я. — Но мне необходимо встретится с ним, как можно скорей.

— Не знаю, что и сделать, — признался он.

— Почему бы вам не назвать свое имя?

Он оскалился:

— Макс.

— Приятно познакомиться, Макс. А теперь не скажешь мне, что ты делаешь для обычных клиентов?

Его усмешка пропала, за место чего появился хмурый взгляд.

— Ну, хорошо, обычные клиенты Джея не выглядят как вы. Такие как вы не обращаются в конторы, расположенные в деловой части города. Вы просто прямиком идете в его фантастический офис в небоскребе.

Я повторила другой адрес, который у меня был, делая из перечня номеров вопрос.

— Да, это то место, — сказал он вновь с подозрением. — Почему бы вам не поехать туда?

— Мне дали именно этот адрес; из очень надежного источника.

— Если бы Вы замыслили что-то хорошее, вас бы здесь не было.

Я поджала губы. Я никогда не умела хорошо врать, но Элис не оставила мне другого выбора.

— Может, я и не замыслю ничего хорошего.

Лицо Макса стало извиняющимся.

— Слушайте, леди...

— Белла.

— Хорошо. Белла. Послушай, мне нужна эта работа. Джей платит мне довольно хорошие деньги за то, что я просто здесь ошиваюсь целыми днями. Я хочу тебе помочь, честно, но не могу — и конечно я говорю чисто гипотетически. Может неофициально, ну или как ты там хочешь, но, если я кого-нибудь пропущу, у него могут возникнуть проблемы, и меня уволят. Ты понимаешь, о чем я?

Я думала минуту, покусывая губу.

— Ты не видел никого подобного мне никогда раньше? Ну, или таких, как я. Моя сестра намного ниже меня ростом, и у нее торчащие черные волосы.

— Джей знает твою сестру?

— Думаю да.

Макс обдумывал это некоторое время. Я улыбнулась ему, и у него перехватило дыхание.

- Знаешь, что я сделаю? Я позвоню Джею и опишу ему тебя. Пусть сам примет решение.

Что знает Джей Дженкс? Будет ли мое описание что-то для него означать? Эта мысль меня нервировала.

— Моя фамилия Каллен, — сказала я Макс, желая знать, не слишком ли много информации ему выложила.

Я начинала злиться на Элис. Ну неужели я должна была делать все вслепую? Она могла бы мне сказать на одно или два слова больше...

— Каллен, ясно.

Я смотрела, как он набирает номер, просто нажимая на цифры. Ладно, я и сама могла бы позвонить Джей Дженксу, если это не сработает.

— Привет, Джей, это Макс. Я знаю, что могу звонить тебе на этот номер только при непредвиденных обстоятельствах...

Непредвиденные обстоятельства? Я слабо слышала с другого конца.

— Ну, не совсем. Эта та девушка, которая хочет с тобой увидеться....

— Разве это непредвиденное обстоятельство. Почему ты не сделал все, как обычно?

— Я не сделал все как обычно, потому что она выглядит необычно...

- Она из полиции?!

— Нет...

— Ты не можешь быть уверенным на этот счет. Она выглядит как одна из этих Кубаревых?...

— Нет, дай мне договорить, хорошо? Она сказала, что ты знаешь ее сестру или что-то типа того.

— Вряд ли. Как она выглядит?

— Она выглядит....- Его глаза оценивающе пробежались от моего лица до туфель. «Ну, она выглядит как сногшибательная модель, вот как она выглядит. Я улыбнулась, и он подмигнул мне, а затем продолжил. — Классная фигура, бледная как лист бумаги, темно-коричневые волосы длиной почти до талии, явно не помешает выпастись — что-нибудь из этого звучит знакомо?

— Нет, не звучит. Мне не нравится, что ты поддаешься слабости при виде привлекательной женщины, прерывая...

- Да, я легко веду на симпатичных. Что с этим не так? Прости, что побеспокоил тебя, мужик. Просто забудь об этом.

— Имя, — прошептала я.

- О, точно. Подожди, — сказал Макс, — Она сказала, что ее зовут Белла Каллен. Это поможет?

Наступила мертвая тишина, а затем голос на другом конце резко закричал, используя множество слов, которые нечасто можно услышать, находясь не на остановках грузовиков. Все выражение лица Макса изменилось — исчезла шутливость, а губы побледнели.

— Потому что ты не спрашивал! — завопил Макс в ответ, паникуя.

Наступила еще одна пауза, во время которой Джей пытался взять себя в руки.

— Красивая и бледная? — чуть спокойнее спросил Джей.

— Я ведь уже сказал, разве нет?

Красивая и бледная? Что этот человек знает о вампирах? Был ли он одним из нас? Я не была готова к такому противоборству. Я скрипнула зубами. Во что меня втянула Элис?

Макс ждал минуту, пока на него изливался очередной поток кричащих оскорблений и инструкций, а затем сверкнул на меня глазами, в которых был едва ли не страх.

— Но ты только встречаешь клиентов из деловой части города по четвергам — хорошо, хорошо! Все. Понял.

Он закрыл телефон.

— Он хочет со мной встретиться? — спросила я радостно.

Макс выглядел рассерженным.

— Ты должна была мне сказать, что являешься срочным клиентом.

— Я об этом не знала.

— Я подумал, что ты из полиции, — признался он. — Я не имею в виду, что ты похожа на копа. Но ты ведешь себя как-то странно, красиво.

Я пожала плечами.

— Наркобарон? — предположил он.

— Кто, я что ли? — спросила я.

— Ага. Или твой парень ну или что-нибудь типа того.

— Нет, прости. Я вообще-то не являюсь поклонницей наркотиков и мой муж тоже. "Скажи Нет"^[18] и все такое.

Макс выругался со вздохом.

— Замужем. Не могли подождать. Куда спешить?

Я улыбнулась.

— Мафия?

— Нет.

— Контрабанда бриллиантов?

— Ну, пожалуйста! Тебе что приходится иметь дела обычно с такими людьми, Макс? Может, тебе следует сменить работу.

Должна признаться, что я получала удовольствие от нашего общения. Я не особо контактировала с людьми, не считая Чарли и Сью. Было забавно видеть, как он путается в словах. Оставить его в живых было нетрудно, что также меня радовало.

— Ты, скорее всего, вовлечена во что-то важное. И плохое, — задумался он.

— И вовсе нет.

— Все вы так говорите. Но кому еще нужны документы? Или кто же еще может оплачивать цены Джея по ним, хотел я сказать. Как бы там ни было, это не мое дело, — сказал он, а затем снова пробормотал: «замужем».

Он дал мне совершенно новый адрес с основными указаниями, и потом внимательно смотрел, как я отъезжаю, с полными подозрения и сожаления глазами.

В тот момент я была готова почти ко всему — в некотором роде даже к Джеймсу Бонду, злодею с пристанищем, оборудованным высокими технологиями. Поэтому мне казалось, что Макс, должно быть, дал мне неверный адрес, как если б это был тест. А может пристанище было секретным, под этим очень банальным длинным одноэтажным зданием, разделенным на секции, в которых размещались магазины, удобно устроившееся напротив лесистой возвышенности в милом семейном соседстве.

Я заехала на открытое место и взглянула на неброскую, сделанную с изысканным вкусом вывеску, гласившую:

ДЖЕЙСОН СКОТТ, АДВОКАТ.

Офис изнутри был бежевым с контрастирующими элементами цвета зелени сельдерея — безобидный и ничем не примечательный. Здесь не было никакого запаха вампиров, и этот факт помог мне расслабиться. Только незнакомый человеческий. У стены был установлен аквариум, и вежливая симпатичная блондинка, работавшая секретаршей в приемной, сидела за своим столом.

— Здравствуйте, — поприветствовала она меня. — Чем могу помочь?

— Я пришла к мистеру Скотту.

- У вас назначена встреча?

— Не совсем.

Она слегка ухмыльнулась.

— Это может занять некоторое время. Почему бы Вам ни присесть, пока я....

— Эйприл! — Требовательный голос мужчины пронзительно закричал из трубки телефона, находившегося у нее на столе. — Ко мне должна зайти миссис Каллен.

Я улыбнулась и указала на себя.

— Немедленно отправь ее ко мне. Ты меня поняла? Мне плевать, что это прерывает.

В его голосе слышалось что-то еще кроме нетерпения. Напряжение. Нервозность.

— Она только что прибыла, — сказала Эйприл так быстро, как смогла.

— Что? Так отправь ее! Чего же ты ждешь?

— Сейчас, мистер Скотт!

Она поднялась со стула с дрожащими руками, в то время как вела меня вниз по короткому коридору, предлагая мне то кофе, то чай, короче все, чтобы мне захотелось.

— Вот и пришли, — сказала она, когда проводила меня через дверь в основной офис, в котором стояли массивный деревянный стол и стена, увешенная грамотами и дипломами.

— Закройте за собой дверь, — указал дребезжащий тенор.

Я рассматривала мужчину, сидевшего за столом, в то время как Эйприл поспешно удалилась. Он был невысоким и лысеющим, возрастом около 55 лет, пузатым. На нем был красный шелковый галстук, рубашка в сине-белую полоску, и его блейзер темно-синего цвета висел на спинке стула. Он тоже дрожал, побледнев до болезненно-желтоватого цвета, а на лбу выступили капельки пота; я представила себе мошенника, злоупотребляющего комиссионными.

Джей пришел в себя и покачиваясь поднялся со своего стула. Он протянул мне руку через стол.

- Миссис Каллен. Я в полном восторге.

Я протянула свою тоже и быстро пожала ему руку, один раз ее тряхнув. Его слегка напугала моя холодная кожа, но он не выглядел особо удивленным.

— Мистер Дженкс. Или вы предпочитаете Скотт?

Он снова поморщился.

— Разумеется, как вам угодно.

— Как насчет того, чтобы вы звали меня Беллой, а я вас Джей?

— Как старые друзья, — согласился он, протирая шелковым носовым платком лоб. Он указал мне жестом, чтобы я села, и сел сам. — Я должен спросить, неужели я наконец-то увиделся с прелестной женой мистера Джаспера?

Секунду я это осмысливала. Так этот мужчина знает Джаспера, но не Элис. Знает его, и кажется, боится его тоже.

— Его невестка, вообще-то.

Он прикусил губы, как будто отчаянно пытался понять кто я.

— Я надеюсь, мистер Джаспер в добром здравии? — спросил он осторожно.

— Уверена, что он отлично себя чувствует. Он в длительном отпуске в данный момент.

Кажется, это помогло Джею выйти из замешательства. Он кивнул сам себе и поднес пальцы к вискам.

— Ясно. Вы должны приходить в главный офис. Моя ассистентка проведет вас прямиком ко мне. Не стоит проходить через менее гостеприимные пути.

Я просто кивнула. Я не знала, почему Элис дала мне адрес в гетто.

— Ну, хорошо, сейчас Вы уже здесь. Чем могу быть полезен?

- Документы, — сказала я, пытаюсь сделать так, чтобы мой голос звучал, будто бы я знаю, о чем говорю.

— Конечно, — согласился Джей. — Мы говорим о свидетельствах о рождении, свидетельствах о смерти, водительских правах, паспортах, карточках социального обеспечения...?

Я глубоко вздохнула и улыбнулась. Я была должна Максу.

А затем моя улыбка увяла. Элис отправила меня сюда по причине, и я уверена, что она связана с защитой Ренэсми. Это ее последний подарок мне. Единственное, что мне нужно, и она это знает.

Единственная причина, по которой Ренэсми могут понадобиться поддельные документы, — это бегство. И единственная причина, по которой Ренэсми будет бежать, — если мы проиграем.

Если бы мы с Эдвардом бежали вместе с ней, то ей бы не были нужны эти документы. Я была уверена, что Эдвард и сам знал, как получить на руки фальшивые свидетельства, или сделать их, и я была уверена, что он знал, как можно убежать и без них. Мы могли убежать с ней на тысячи миль. Мы могли пересечь с ней океан.

Если бы мы были рядом и могли спасти ее.

И вся эта секретность, чтобы ничего не попало в разум Эдварда. Потому что была большая вероятность, что, если Эдварду все станет известно, об этом сможет узнать Аро. Если мы проиграем, Аро естественно получит нужную ему информацию, перед тем, как убить Эдварда.

Все будет так, как я и ожидаю. Мы не можем выиграть. Но мы должны постараться убить Дмитрия перед тем, как проиграть, позволив Ренэсми

убежать.

Мое спокойное сердце казалось большим камнем в груди — раздробленной массой. Все мои надежды поблекли, подобно туману в солнечный день. Я чувствовала пощипывания в глазах.

Кому я это доверю? Чарли? Но он был таким беззащитным человеком. Да и как я приведу Ренэсми к нему? Он не собирался идти куда-либо, где рядом могла бы произойти битва. Так что один человек отпадает. Но никого другого не было.

Я думала об этом так быстро, что Джей и не заметил моей паузы.

— Два свидетельства о рождении, два паспорта, водительские права, — я сказала невысоким напряженным тоном.

Если он и обратил внимание на то, что мой голос изменился, то не подал виду.

- Имена?

— Джейкоб... Вольф. И... Ванесса Вольф. — Несси кажется нормальным сокращением имени Ванесса. А Джейкоб за Вольфа [\[19\]](#) определенно даст мне пинка.

Его ручка быстро царапала в блокноте.

- Вторые имена?

— Просто напишите что-нибудь неброское.

— Как хотите. Возраст?

— 27 мужчине, 5 девочке. — Для Джейкоба сойдет. Он был внушающих размеров. И примерно так выглядит Ренэсми, я лучше завишу возраст. Он может быть ее отчимом...

— Мне понадобятся фотографии, если вы хотите полностью оформленные документы, — сказал Джей, отрывая меня от раздумий. — Мистер Джаспер обычно предпочитает заканчивать их сам.

По крайней мере, это объясняет, почему Джей не знает, как выглядит Элис.

- Секундочку, — сказала я.

Мне повезло. У меня было несколько семейных фотографий в бумажнике, и одна из них просто идеальная — Джейкоб держит Ренэсми сидя на передних ступеньках крыльца — сделанная всего месяц тому назад. Элис дала мне эту фотографию недавно. Ох. А быть может это, и не было удачей, учитывая все. Элис знала, что у меня есть эта фотография. Быть может, у нее даже было слабое видение о том, что она понадобится мне, еще до того, как отдать.

— Вот, держите.

Джей рассматривал фотографии некоторое время.

— Дочь очень похожа на вас.

Я напряглась.

— Она больше похожа на отца.

- И этот мужчина — не он. — Джей дотронулся до лица Джейкоба.

Мои глаза сузились, и на блестящей голове Джея вновь появились капельки пота.

- Нет. Это очень близкий друг семьи.

- Простите, — пробормотал он, и ручка вновь начала скрипеть. — Как скоро вам понадобятся документы?

— Я смогу их получить через неделю?

- Это срочный заказ. Так что будет стоить в два раза дороже, но простите. Я забыл, с кем разговариваю.

Очевидно, что он знал Джаспера.

— Просто назовите цифру.

Он не решался сказать это вслух, хотя я была уверена, что, заключая сделки с Джаспером, он должен был понять, что цена не имеет значения. Даже если не учитывать раздутые счета, которые существовали у Калленов под различными именами по всему миру, в их доме было спрятано достаточно наличных чтобы продержаться на плаву небольшую страну десять лет; это напомнило мне сотни рыболовных крючков в глубине каждого ящика в доме Чарли. Я сомневалась, что кто-нибудь даже заметит ту небольшую часть, которую я взяла сегодня, подготавливаясь.

Джей написал цену внизу листа.

Я спокойно кивнула. У меня с собой было больше денег. Я вновь расстегнула сумку и отсчитала нужную сумму — деньги были у меня скреплены по пять тысяч, так что это не заняло много времени.

— Держите.

— О, Белла, вам необязательно платить всю сумму сейчас. Обычно для безопасности дают только половину суммы, а остальную часть, после получения документов.

Я тепло улыбнулась нервничавшему мужчине.

— Но я доверяю тебе, Джей. Кроме того, я дам тебе бонус, а когда получу документы — ты получишь еще один такой же.

— Этого не нужно. Я уверяю Вас.

— Не волнуйся на счет этого. — Не то, что я могла забрать их с собой. — Так что встретимся здесь на следующей неделе в это же время?

Он посмотрел на меня страдальческим взглядом.

— Вообще-то, я предпочитаю проводить подобного рода сделки в местах, не связанных с моими другими делами.

— Конечно. Я уверена, что не поступлю так, как вы ожидаете.

— Я привык ожидать что угодно, когда речь заходит о семействе Калленов. — Он состроил гримасу, а затем его лицо быстро стало прежним. — Встретимся в восемь часов через неделю в Пасифико? Это на Объединенном Озере, и еда там изысканная.

— Идеально. — Не то чтобы я собралась есть пообедать вместе с ним. Вряд ли ему понравилось, если бы я согласилась.

Я поднялась и еще раз пожала ему руку. На этот раз он не вздрогнул. Но казалось, что его волнует теперь кое-что другое. Его рот был сжат, спина — напряженна.

— У вас могут быть проблемы со сроками? — спросила я.

— Что? — Он посмотрел вверх, растерявшись из-за моего вопроса. — Со сроками? О, нет. Не беспокойтесь за это. Ваши документы будут обязательно готовы к нужному времени.

Было бы славно, если Эдвард был здесь, тогда я точно узнала, по поводу чего беспокоился Джей. Я вздохнула. Держать секреты от Эдварда плохо; быть далеко от него еще хуже.

- Ну, встретимся тогда на следующей неделе.

Глава 34

Объявление

Я услышала музыку, прежде чем вышла из машины. Эдвард не прикасался к роялю с того времени, как ушла Элис. Когда я хлопнула дверцей, то услышала, что мелодия изменилась и после связки,^[20] превратилась в мою колыбельную. Эдвард приветствовал меня дома.

Я двигалась медленно, поскольку мне нужно было взять спящую Ренесми из машины — мы отсутствовали весь день. Мы оставили Джейкоба у Чарли — он сказал, что собирается поехать домой вместе со Сью. Я спрашивала себя, пытается ли он таким образом наполнить свою голову достаточным количеством пустяков, способных спрятать воспоминание о том, как выглядело мое лицо, когда я проходила через дверь в доме Чарли.

Пока я медленно шла к дому Каленов, я чувствовала, что надежда и воодушевление, которые почти видимой аурой окутывали большой белый дом, были и во мне сегодня утром. Сейчас эти чувства были мне чужды.

Мне снова захотелось плакать, когда я услышала, что Эдвард играет для меня. Но я взяла себя в руки. Я не хотела, чтобы он что-то заподозрил. Я сделаю все, чтобы не оставить никаких зацепок для Аро в его мыслях.

Эдвард повернул свою голову и улыбнулся, когда я вошла в дверь, но продолжил играть.

— Добро пожаловать домой, — сказал он, словно бы это был самый обычный день. Как будто бы в комнате не было дюжины других вампиров, вовлеченных в различные занятия, и еще дюжина не находилась где-то рядом.

— Хорошо провели время с Чарли сегодня?

— Да. Извини, что отсутствовали так долго. Я останавливалась сделать небольшой рождественский шоппинг для Ренесми. Я знаю, большого праздника не будет, но... — я пожала плечами.

Уголки губ Эдварда опустились. Он перестал играть и повернулся на стуле таким образом, чтобы быть прямо напротив меня. Он положил одну руку на мою талию и притянул меня ближе.

— Я не думал об этом. Если ты хочешь устроить вечеринку...

— Нет, — я прервала его, внутренне содрогаясь идее попытаться изобразить больше энтузиазма, чем я была на то способна.

— Я просто не хочу, чтобы Рождество прошло без какого-нибудь

подарка для нее.

— Я могу взглянуть?

— Если хочешь. Это просто мелочь.

Ренесми спала, тихо сопя рядом с моей шеей. Я завидовала ей. Это было бы хорошо, сбежать от действительности, пусть даже всего на несколько часов.

Осторожно я вытащила маленький бархатный мешочек из моей сумки, не открывая ее полностью, чтобы Эдвард не смог увидеть наличность, которая все еще была там.

— Это попало мне на глаза в витрине одного антикварного магазина, когда я проезжала мимо.

Я положила маленький золотой медальон на его ладонь. Он был круглый, с тонкой выющейся гравировкой вокруг внешнего края. Эдвард дотронулся до защелки и посмотрел внутрь. Там было место для маленькой фотографии, а на противоположной стороне — надпись на французском.

— Ты знаешь, что здесь написано? — спросил он совсем другим тоном, более мягким, чем раньше.

— Продавец сказал мне, что здесь что-то о предопределенности, которая есть нечто большее, чем собственная жизнь. Правильно?

— Да, правильно.

Он посмотрел на меня, его топазовые глаза словно испытывали меня. Я встретила его пристальный взгляд лишь на мгновение, а затем притворилась, что мое внимание привлек телевизор.

— Надеюсь, ей понравится, — пробормотала я.

— Конечно, ей понравится, — сказал он легко и небрежно, но в эту секунду я была уверена, что он знает, что я что-то скрываю. Я была также уверена, что он не имеет ни малейшего представления о том, что именно.

— Давай отнесем ее домой, — предложил он, вставая и обвивая руку вокруг моих плеч. Я медлила.

— Что такое? — спросил он строго.

— Я хотела немного попрактиковаться с Эмметтом... — Я потеряла целый день из моих тренировок, и это заставляло меня чувствовать себя отставшей.

Эмметт сидел на диване с Роуз неподалеку. Он посмотрел вверх и оскалил зубы в предвкушении.

— Превосходно. Лес стоит проредить.

Эдвард хмуро взглянул на Эмметта и затем на меня.

— Завтра будет достаточно времени для этого, — сказал он.

— Не будь смешным, — ответила я недовольно. — Больше нет такой

вещи как «достаточно времени». Этого понятия не существует. Мне еще нужно многому научиться и ...

Он резко прервал меня.

— Завтра.

И выражение его лица при этом было таким, что даже Эмметт не стал спорить.

Я была удивлена, как трудно было вернуться к рутинным делам, которые на самом деле, были для меня в новинку. Но потеря даже той маленькой толики надежды, что я питала раньше, придавала всему оттенок обреченности.

Я попробовала сосредоточиться на положительных сторонах. Был хороший шанс, что моя дочь выживет, и Джейкоб тоже. Если у них есть будущее, то это своего рода победа, не так ли? Наша маленькая компания должна будет постоять за себя, ставя на первое место возможность побега для Джейкоба и Ренесми.

Да, стратегия Элис имела смысл, только если мы сможем навязать действительно хорошую борьбу. И, это своего рода тоже будет победой, учитывая, что Волтури не участвовали в серьезных битвах в течение тысячелетия.

Это не будет конец мира. Только конец Каленов. Конец Эдварда, конец меня.

Я предпочитаю смотреть на это именно так — особенно в отношении последней части. Я не смогу жить без Эдварда снова. Если он покинет этот мир, я покину его следом за ним.

Иногда я задавалась вопросом, есть ли что-то для нас на другой стороне. Я знала, что Эдвард не верит в это, но Карлайл ведь верит. Сама я не могла этого вообразить. Но с другой стороны, я не могла представить и того, что Эдвард не будет существовать как-нибудь, где-нибудь. Если мы сможем быть вместе в любом месте, тогда это будет счастливый конец.

Итак, череда моих дней продолжалась, только теперь все было гораздо труднее, чем раньше.

Эдвард, Ренесми, Джейкоб и я ходили проводить Чарли на Рождество. Вся стая Джейкоба была там, а так же Сэм, Эмили и Сью. Это воодушевляло — видеть их здесь, в маленьких комнатах дома Чарли. Их большие теплые тела разместились по углам вокруг редко появляющейся в этом доме украшенной елки — можно было точно увидеть, в каком месте елки Чарли стало скучно, и он бросил это занятие — и заслонил её мебелью. Всегда можно было рассчитывать на оборотней, которые с радостью предвкушают предстоящую битву, не важно какой

самоубийственной она может оказаться. Их возбуждение было таким сильным, что буквально наэлектризовывало атмосферу вокруг и помогало скрыть абсолютное отсутствие энтузиазма с моей стороны. Эдвард был, как обычно, лучшим актером, нежели я.

На Ренесми был медальон, который я подарила ей на рассвете, а в кармане ее жакета лежал МРЗ плеер от Эдварда — маленькая вещичка способная хранить пять тысяч песен, уже заполненная любимыми композициями Эдварда. На ее запястье была надета квилетская версия обручального кольца затейливого плетения. Эдвард скрипел зубами, глядя на этот подарок, но меня это не беспокоило.

Скоро, очень скоро, я отдам ее Джейкобу. Так как же мог беспокоить меня любой символ обязательства, от которого я так зависела?

Эдвард нашел день, чтобы заказать подарок и для Чарли. Его принесли вчера — особой вечерней доставкой — и Чарли провел все утро, изучая огромную инструкцию к новой рыбацкой звуковой системе.

Судя по тому, с каким аппетитом ели оборотни, можно было понять, что ланч приготовленный Сью был очень вкусным. Я размышляла о том, как бы нашу компанию воспринял человек со стороны? Достаточно ли хорошо мы играли свои роли? Смог бы незнакомец думать о нас, как о счастливом сборище друзей, которые наслаждаются праздником с обычным воодушевлением?

Я думаю и Эдвард и Джейкоб испытали такое же облегчение, как и я, когда пришло время уходить. Я чувствовала себя так странно, тратя энергию на человеческие хлопоты, когда было столько других, более важных дел. Мне было тяжело сконцентрироваться. Но в то же время, это был, возможно, последний раз, когда я видела Чарли. Может быть, это было даже хорошо, что я была в оцепенении и не могла осознать этого.

Я не видела маму со времени свадьбы, но я считала, что должна быть только рада этому постепенному отдалению от нее, которое началось два года назад. Она была слишком хрупка для моего мира. Я не хотела втягивать ее даже в самую малую его часть. Чарли был сильнее.

Может быть, достаточно сильный для того, чтобы попрощаться прямо сейчас, но я не смогла.

В машине было очень тихо. Снаружи, дождь превратился во что-то среднее между водой и льдом. Ренесми сидела у меня на коленях, играя с медальоном, открывая и закрывая его. Я смотрела на нее и представляла, что бы я могла сказать Джейкобу прямо сейчас, если бы мне не приходилось держать эти слова в тайне от Эдварда.

Если когда-нибудь будет достаточно безопасно снова, привези ее к

Чарли. Расскажи ему всю историю. Расскажи ему, как сильно я любила его, как я не могла покинуть его, даже когда моя человеческая жизнь закончилась. Скажи ему, что он был самым лучшим отцом. Скажи ему, чтобы он передал слова любви Рене, что я надеюсь, что она будет счастлива, что все у нее будет хорошо...

Мне нужно будет отдать документы Джейкобу до того, как будет слишком поздно. Я отдам ему записку для Чарли. И письмо для Ренесми. Что-то, что она сможет прочитать, когда я уже не смогу сказать, как сильно люблю ее.

Не было ничего необычного за пределами дома Каленов пока мы подъезжали к нему, но я могла слышать некоторый шум внутри. Множество низких голосов перешептывалась и рычали. Шум не прекращался и казалось, что кто-то спорит. Я смогла выделить голоса Карлайла и Амун, которые звучали чаще, чем другие.

Эдвард припарковал машину прямо перед домом, вместо того чтобы поехать в гараж. Мы обменялись настороженными взглядами перед тем, как вышли из автомобиля.

Джейкоб выглядел по-другому, его лицо было серьезным и осторожным. Я предположила, что он находится в раздумьях как Альфа. Очевидно, что-то случилось, и он собирался добыть информацию, которая могла понадобиться ему и Сэму.

— Алистер ушел, — пробормотал Эдвард, пока мы поднимались по лестнице.

Внутри, конфронтация была ощутима почти физически. Каждый вампир, что присоединился к нам, за исключением Алистера и трех вовлеченных в сору, стояли вдоль лестницы и наблюдали. Эсме, Кэби и Тиа располагались ближе остальных к трем вампирам в центре: посередине комнаты Амун шипел на Карлайла и Бэнджамина.

Скулы Эдварда напряглись и он быстро переместился поближе к Эсме, таща меня за собой. Я напряженно прижала Ренесми к груди.

— Амун, никто не вынуждает тебя оставаться с нами, если ты хочешь уйти, — сказал Карлайл спокойно.

— Ты украл у меня половину клана, Карлайл! — взвизгнул Амун, указывая пальцем на Бэнджамина. — Поэтому ты позвал меня сюда? Отнять его у меня?

Карлайл вздохнул, а Бэнджамин закатил глаза.

— Да конечно, Карлайл выбрал борьбу с Волтури, подвергая опасности всю свою семью, только для того, чтобы я был здесь, — сказал Бэнджамин саркастически. — Будьте разумным, Амун. Я здесь для того,

чтобы сделать справедливую вещь. Я не присоединяюсь ни к какому другому ковену. А вы можете поступать так, как сочтете нужным, как и сказал Карлайл.

— Ничем хорошим это не кончится, — зарычал Амун. — Алистер единственный, кто поступил разумно. Мы все должны бежать отсюда.

— Подумай, кого ты назвал разумным, — прошептала Тиа в сторонке.

— В этой резне мы все умрем!

— Никто не собирается сражаться, — сказал Карлайл уверенно.

— Это ты так говоришь!

— Если это произойдет, ты всегда сможешь сменить сторону, Амун. Я уверен, Волтури оценят твою помощь.

Амун усмехнулся.

— Возможно, это и есть ответ.

Ответ Карлайла был спокоен и искренен.

— Это не сможет изменить моего отношения к тебе, Амун. Мы друзья уже очень давно, но я никогда не стал бы просить тебя умереть за меня.

Голос Амуна стал более спокойным.

— Но ты тащишь моего Бэнджамина на дно вместе с собой.

Карлайл положил руку на плечо Амуна. Амун стряхнул ее.

— Я остаюсь, Карлайл, но это может оказаться во вред тебе. Я присоединюсь к ним, если это будет единственный путь выжить. Вы все просто дураки, если думаете, что сможете послушаться Волтури. — Он нахмурился, затем вздохнул, посмотрел на меня и Ренесми и добавил сердитым тоном, — Я буду свидетельствовать, что этот ребенок растет. Это правда. Любой бы увидел это.

— Это все, о чем мы когда-либо просили.

Лицо Амуна исказила гримаса.

— Но это не все, что вы получаете, похоже. — Он повернулся к Бэнджамину. — Я дал тебе жизнь. Ты растрачиваешь ее.

Лицо Бэнджамина выглядело холоднее, чем я когда-либо видела. Это выражение совсем не вязалось с его мальчишескими чертами лица.

— Какая жалость, что вы не смогли подавить мою волю в процессе. Возможно, тогда вы были бы более довольны мною.

Глаза Амуна сузились. Он резко показал что-то Кеби, и они гордо прошли мимо нас по направлению к двери.

— Он не уходит, — сказал мне Эдвард спокойно. — Но теперь он будет держаться еще более обособленно. Он не обманывал, когда говорил о возможности присоединения к Волтури.

— Почему ушел Алистер? — шепотом спросила я.

— Никто точно не знает. Он не оставил записки. По его высказываниям можно было понять, что он считает, что борьба неизбежна. Несмотря на его поступок, он очень переживает за Карлайла, чтобы примкнуть к Волтури. Я предполагаю, он решил, что опасность чересчур велика. — Пожал плечами Эдвард.

Хотя беседа была только между нами двумя, конечно все могли ее слышать.

Элеазар ответил на слова Эдварда, словно они были адресованы всем.

— По тому, что он бормотал, можно было понять не только это. Мы не говорили много о Волтури, но Алистер волновался, что неважно как решительно мы сможем подтвердить вашу невиновность, Волтури не станут слушать. Он думает, что они в любом случае найдут оправдание, которое поможет достичь их целей здесь.

Вампиры беспокойно переглядывались. Идея, что Волтури могут манипулировать собственными священными законами для своей выгоды, не пользовалась популярностью. Только румыны были невозмутимы, обмениваясь ироничными полуулыбками. Они казались полностью довольны тем, как остальные старались думать только хорошее об их заклятых врагах.

Много приглушенных обсуждений началось в одно время, но я прислушивалась к разговору румын. Возможно потому, что светловолосый Владимир продолжал поглядывать в моем направлении.

— Я надеюсь, Алистер был прав в своих предположениях, — шептал Стефан Владимиру. — Неважно, какой будет результат, мир изменится. Пришло время, чтобы наш мир увидел, чем стали Волтури. Они никогда не потеряют власть, если каждый будет верить в эту ерунду о них и о том, что они защищают наш жизненный уклад.

— Когда мы правили, мы хотя бы были честны в том, чем являемся, — ответил Владимир.

Стефан кивнул.

— Мы никогда не надевали белые шляпы и не называли себя святыми.

— Я думаю, настало время для сражения, — сказал Владимир. — Можешь ли ты представить, большую силу, которая сможет выступить когда-либо? Другой шанс, настолько же хороший?

— Все возможно. Может быть однажды...

— Мы ждали уже пятнадцать сотен лет, Стефан. И они становятся только сильнее с годами.

Владимир сделал паузу и посмотрел на меня снова. И он не подал виду, что удивлен, когда заметил, что я тоже наблюдаю за ним.

— Если Волтури выиграют это сражение, они уйдут отсюда еще более могущественными, чем пришли. Каждое завоевание добавит им силы. Подумай, что только младенец может дать им, — он резко поднял подбородок, указывая на меня. — И она до конца еще не раскрыла свои способности. И повелитель стихий. — Владимир кивнул в направлении Бэнджамина, который тут же напрягся. Подобно мне, сейчас практически каждый прислушивался к разговору румын. — С их ведьминскими близнецами у них нет надобности в иллюзионисте или огненном прикосновении. — Его глаза переместились на Зафрину, затем на Кейт.

Стефан посмотрел на Эдварда.

— Но читатель мыслей им точно необходим. Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Действительно, они извлекут огромную пользу, если выиграют.

— Большую пользу, чем мы можем позволить им извлечь, не правда ли?

Стефан вздохнул.

— Я думаю, что вынужден согласиться. И это значит...

— Что мы должны противостоять им, пока еще есть надежда.

— Даже если мы сможем только слегка покалечить их, даже заставим их уйти...

— Затем, когда-нибудь, другие закончат нашу работу.

— И наша длительная вендетта будет отплачена. Наконец-то.

Они закрыли глаза на мгновение и затем проговорили в унисон:

— Кажется, есть только один путь.

— Так что, мы будем сражаться, — сказал Стефан.

Хотя я могла видеть, что они были обеспокоены, что самосохранение борется в них с жадной мести, улыбки, которыми они обменялись, были полны предвкушения.

— Мы сражаемся, — согласился Владимир.

Я подумала, что это хорошо. Подобно Алистеру, я была уверена, что борьбы не избежать. В этом случае, еще два вампира, сражающихся на нашей стороне, могли только помочь. Но решение румын все еще вызывало во мне дрожь.

— Мы тоже будем сражаться, — сказала Тиа, и ее обычно мрачный голос звучал как никогда торжественно. — Мы предполагаем, что Волтури захотят превысить свои полномочия. Но мы не собираемся быть их марионетками. — Ее глаза задержались на ее друге.

Бэнджамин оскалил зубы и бросил озорной взгляд на румын.

— Очевидно, я популярный товар. И мне придется выиграть свое

право быть свободным.

— Для меня не будет в новинку, сражаться за то, чтобы оградить себя от королевских правил, — сообщил Гаррет дразнящим тоном.

Он сделала несколько шагов и похлопал Бэнджамина по спине.

— Это и есть свобода от гнета.

— Мы останемся с Карлайлом, — сказала Таня. — И мы сражаемся с ним.

Казалось, что выступление румын вынудило остальных почувствовать необходимость высказаться тоже.

— Мы еще не решили, — сказал Питер. Он посмотрел свысока на свою маленькую компаньонку. Губы Шарлотты выражали недовольство. Выглядело так, словно она приняла решение. Я задавала себе вопрос, каким оно было.

— Я тоже не решил, — сказал Рэндалл.

— И я, — добавила Мэри.

— Стаи будут сражаться с Калленами, — внезапно сказал Джейкоб. — Мы не боимся вампиров, — добавил он с усмешкой.

— Дети, — пробормотал Питер.

— Младенцы, — исправил его Рэндалл.

Джейкоб мгновенно оскалил зубы.

— Ну, я тоже сражаюсь, — сказала Мэгги, пожимая плечами, которые обнимала Сиобан. — Я знаю, правда на стороне Карлайла. Я не могу игнорировать этот факт.

Сиобан пристально посмотрела на младшего члена своего клана с взволнованным выражением глаз.

— Карлайл, — проговорила она, словно они были одни, пренебрегая внезапно возникшим ощущением официального совета, неожиданной лавиной декларативных высказываний, — Я не хочу, чтобы это переросло в схватку.

— Я тоже, Сиобан. Ты знаешь, что это последнее, чего я хочу. — Он слегка улыбнулся. — Возможно, ты должна сконцентрироваться на том, чтобы сохранить мир.

— Ты знаешь, это не поможет, — ответила она.

Я вспомнила разговор Роуз и Карлайла об ирландском лидере: Карлайл полагал, что у Сиобан есть некий неуловимый, но мощный дар, с помощью которого она может влиять на события по собственному усмотрению — но сама Сиобан в это не верит.

— Но это и не причинит вреда, — сказал Карлайл.

Сиобан закатила глаза.

— Должна ли я отчетливо представлять себе тот результат, которого я стремлюсь достичь? — спросила она саркастично.

Карлайл открыто улыбался.

— Если это не затруднит тебя.

— Итак, нет никакой необходимости моему клану излагать свои намерения, не так ли? — спросила она. — Раз не существует шанса на схватку.

Она положила руку на плечо Мэгги и притянула девочку ближе к себе. Друг Сиобан, Лиам, был молчалив и не выказывал никаких эмоций.

Почти все в комнате выглядели заинтригованными шуточной перепалкой Карлайла и Сиобан, но они ничего не стали объяснять.

Это был конец всех драматических выступлений на сегодня. Группа вампиров мелено рассеивалась, некоторые уходили на охоту, некоторые коротали время за книгами Карлайла, телевизором или компьютером.

Эдвард, Ренесми и я отправились на охоту. Джейкоб был рядом с нами.

— Глупые пиявки, — пробормотал он сам себе, когда мы вышли на улицу. — Думают, что они лучше, — фыркнул он.

— Они будут шокированы, когда младенцы спасут им жизнь, не так ли? — сказал Эдвард.

Джейк улыбнулся и расправил плечи.

— О да, они будут.

Это охота не была последней. Мы все снова будем охотиться ближе к тому времени, когда мы ожидаем Волтури. Так как крайний срок их появления не был определен, мы планировали провести несколько ночей на большой бейсбольной площадке, которую видела Элис, просто на всякий случай. Все что мы знали, это то, что они придут, когда снег покроет землю. Мы не хотели, чтобы Волтури были слишком близко к городу, и Деметрий смог бы привести их туда, где мы были. Я задумалась, кого бы он стал выслеживать, и предположила, что Эдварда, так как почувствовать меня он не мог.

Я думала о Деметрии все время на охоте, почти не обращая внимания ни на мою добычу, ни на снежинки, которые наконец-то стали падать с небес, но таяли, как только опускались на каменную почву. Поймет ли Деметрий, что он не может выследить меня? Что должен он сделать для этого? Что будет делать Аро? Или, может быть, Эдвард был не прав? Были ли какие-то исключения из того, что я могла выдержать, что-то, что сможет обойти мой щит. Все, что за пределами моего разума было уязвимо — открыто для способностей Джаспера, Элис и Бэнджамина. Может быть, талант Деметрия тоже работает как-то иначе.

А потом появилась мысль, которая отвлекла меня. Наполовину истекший кровью лось выпал из моих рук на каменистую землю. Снежинки взметнулись на несколько дюймов от теплого тела с едва уловимым шипящим звуком. Я безучастно уставилась на свои окровавленные руки.

Увидев мою реакцию, Эдвард поспешил ко мне, оставив свою собственную жертву.

— Что случилось? — спросил он тихим голосом. Его глаза исследовали лес вокруг нас в поисках чего-то, что объяснило бы мое поведение.

— Ренесми, — выдохнула я.

— Она прямо за этими деревьями, — успокоил он меня. — Я слышу и ее мысли и мысли Джейкоба. Она в порядке.

— Это не то, что я имела в виду, — ответила я. — Я думала о моем щите — ты действительно думаешь, что он многого стоит, что он поможет нам каким-то образом? Я знаю, остальные надеются, что я смогу защитить Зафрину и Бэнджамина, даже если это будет длиться всего лишь несколько секунд. Но что если это ошибка? Что если твоя вера в меня станет причиной, по которой мы будем побеждены?

Мой голос звучал все более истерично, хотя я все еще могла контролировать себя и говорить тихо. Я не хотела огорчить Ренесми.

— Белла, что навело тебя на такие мысли? Конечно, это замечательно, что ты можешь защитить себя, но ты не ответственна за спасение кого бы то ни было еще. Не беспокойся понапрасну.

— А что, если я не смогу защитить никого вообще? — прошептала я задыхаясь. — Эта вещь, которую я делаю — ошибочна и странна! Нет никакого объяснения или причины для этого. Может быть, она вообще не будет действовать против Алека.

— Шшш, — он попытался успокоить меня. — Не паникуй. И не волнуйся об Алеке. То, что он делает, никак не отличается от того, что делает Джейн или Зафрина. Это просто иллюзия — он не сможет попасть внутрь твоей головы точно так же, как этого не могу сделать я.

— Но Ренесми это делает! — отчаянно прошипела я сквозь зубы. — Это казалось таким естественным, я никогда не задумывалась об этом раньше. Эта способность всегда была просто частью ее. Но подумай, она направляет свои мысли прямо в мою голову, так же как она проделывает это со всеми остальными. В моем щите есть дыры, Эдвард!

Я отчаянно глядела на него, дожидаясь пока до него дойдет это ужасное известие. Его губы были сжаты, будто он пытался решить, как

объяснить мне что-то. Но выражение его лица было абсолютно спокойно.

— Ты уже давно задумывался над этим, не так ли? — требовательно спросила я, чувствуя себя идиоткой оттого, что в течение месяцев не замечала очевидного.

Он кивнул, слабая улыбка появилась в уголках его губ.

— В первый же раз, когда она прикоснулась к тебе.

Я вздохнула над своей собственной тупостью, но его спокойствие несколько меня утешило.

— И это нисколько не тревожит тебя? Ты не видишь в этом проблемы?

— У меня есть две теории на этот счет, одна более вероятна, чем другая.

— Расскажи мне сначала менее вероятную.

— Ну хорошо, она твоя дочь, — подчеркнул он. — Генетически, она — наполовину ты. Я привык дразнить тебя тем, что твой ум работает на частоте, отличной всех остальных. Возможно, с ней происходит то же самое.

Это не убедило меня.

— Но ты отлично слышишь ее мысли. Каждый слышит ее мысли. А что, если и ум Алека работает на другой частоте? Что если...?

Он прижал палец к моим губам.

— Я думал об этом. Поэтому я считаю, что вторая теория более вероятна.

Я скрипнула зубами и стала ждать продолжения.

— Ты помнишь, что Карлайл сказал мне о ней, сразу после того, как она показала тебе первое воспоминание?

Конечно, я помнила это.

— Он сказал, что это интересная особенность. Словно она делает прямо противоположное тому, что можешь ты.

— Да. И я подумал, может быть, она взяла и твой талант и перевернула его так же, как и мой.

Я задумалась.

— Ты никого не впускаешь в себя, — начал он.

— И никто не может не впустить ее? — закончила я, сомневаясь.

— Это моя теория, — сказал он. — И если она может проникать в твой разум, я сомневаюсь, что есть какой-либо щит на планете, который сможет держать ее на расстоянии. Это поможет нам. Из того, что мы видели, следует, что никто не сомневается в правдивости ее мыслей, как только она их покажет. И я думаю, что никто не сможет удержать ее не показывать их, если будет находиться достаточно близко. Если Аро позволит ей

объяснить...

Я содрогнулась, представив Ренесми так близко к жадным, молочным глазам Аро.

— Ну, — сказал он, поглаживая мои плечи. — Как минимум, ничто не сможет помешать ему увидеть правду.

— Но будет ли правды достаточно для него? — прошептала я.

На это у Эдварда не было ответа.

Глава 35

Крайний срок

— Уходишь? — беспечно поинтересовался Эдвард. Чувствовалось, что эта беспечность наигранная и далась ему нелегко, внешне он ничем не выдал себя, лишь чуть сильнее прижимал Ренесми к груди.

— Да, кое-какие последние приготовления, — также небрежно ответила я.

Он улыбнулся моей любимой улыбкой и произнес:

— Скорее возвращайся ко мне.

— Всегда спешу к тебе.

Я снова взяла его «вольво», размышляя, проверил ли он спидометр после моей последней отлучки или нет. Сколько всего он уже догадался сложить вместе? То, что у меня была тайна, он знал абсолютно точно. Пытался ли он узнать причину, почему я не доверилась ему? Догадался ли он, что Аро скоро сможет узнать все, что знал и он? Я думала, что Эдвард, возможно, сделал именно такой вывод, поэтому он и не требовал у меня ответ. Мне казалось, что он пытался не размышлять слишком много на эту тему и не замечать мое поведение. Неужели он сопоставил все с моим странным представлением в то утро, после отъезда Элис, когда я сожгла книгу? Не знаю, догадался ли он обо всем или нет.

День с самого был тоскливый и пасмурный. Я гнала машину сквозь мрак, глядя на тяжелые облака. Пойдет ли сегодня вечером снег? Достаточно ли его выпадет, чтобы покрыть землю и воссоздать ту сцену из видения Элис? Эдвард предположил, что у нас в запасе ещё около двух дней. А после мы соберемся на поле, чтобы заманить Волтури на выбранное нами место. Проезжая через темнеющий лес, я обдумывала свою последнюю поездку в Сиэтл. Я предполагала, что понимаю, зачем Элис отправила меня в то убогое местечко, где Джей Дженкс занимался своими подозрительными клиентами. Если бы я отправилась в один из его офисов, так сказать более «законных», то, вряд ли смогла бы догадаться, о чем именно мне нужно у него спросить. Если бы я встретила его как адвоката Джейсона Дженкса, или Джейсона Скотта, смогла бы я догадаться, что Джей Дженкс занимается подделкой документов? Мне пришлось пройти весь путь, чтобы разобраться. Это было моей подсказкой.

Когда я припарковала автомобиль на стоянке у ресторана, уже совсем стемнело. Я приехала чуть раньше назначенного времени и, не обращая

внимания на суетящуюся службу у входа, вставила контактные линзы, вышла из машины, и направилась в ресторан, чтобы там подождать Джея. Я торопилась поскорее управиться с этой тягостной необходимостью, чтобы вернуться к своей семье, Джей, наоборот, старался не ударить в грязь лицом. У меня было чувство, что сделка просто из рук в руки, где-нибудь на темной стоянке, показалась бы для него оскорблением.

У стойки я назвала имя Дженкса, и безумно вежливый метрдотель проводил меня наверх, в маленький отдельный кабинет с потрескивающим в очаге огнем. Он взял у меня длинное, до щиколоток, непромокаемое пальто цвета слоновой кости, которое я одела, чтобы скрыть выбранный Элис наряд, на ее взгляд это была просто идеально подходящая к ситуации одежда. Увидев моё платье для коктейля из жемчужного отлива атласа, у него вырвался приглушенный возглас восхищения. Ничего не могла с собой поделать, его реакция немного польстила мне; я все еще не могла привыкнуть к тому, что кажусь красавицей не только одному Эдварду. Метрдотель неуверенно отступал назад и, заикаясь, пытался оформить отрывочные слова в комплименты.

Ожидая Дженкса, я подошла к огню и поднесла руки ближе к пламени, хотелось согреть их перед неизбежным рукопожатием. В принципе, было очевидно, Джей понимал, что с Калленами что-то не чисто, но все равно это была полезная привычка, о которой не следовало забывать.

Примерно пол секунды я размышляла, что почувствую, если суну руку прямо в огонь. Что это будут за ощущения, если я загорюсь... Мои нездоровые размышления были прерваны приходом Джея. После того как метрдотель принял и его пальто тоже, стало очевидно, что не только я одна принарядилась для этой встречи.

— Прошу простить меня за опоздание, — сказал Джей, как только мы остались одни.

— Нет, вы пришли вовремя.

Он протянул мне свою руку, и, пожав его ладонь, я почувствовала, что его пальцы все равно были намного теплее моих. Кажется, его это не волновало.

— Осмелюсь заявить, что вы потрясающе выглядите, миссис Каллен.

— Спасибо, Джей. Пожалуйста, называйте меня Белла.

— Должен сказать, что работа с вами весьма отличается от сотрудничества с мистером Джаспером. С вами гораздо менее... тревожно. — Он нерешительно улыбнулся.

— Неужели? Я всегда считала присутствие Джаспера успокаивающим. Он сдвинул брови.

— Правда? — вежливо пробормотал он, хотя было ясно, что с этим утверждением он не согласен. Как странно. Что Джаспер сделал с этим человеком?

— Вы давно знакомы с Джаспером?

Он вздохнул, кажется, что-то стесняло его.

— Я работал с мистером Джаспером более двадцати лет, и до этого мой старый партнер знал его в течение пятнадцати лет... Он никогда не меняется. — Джей слегка поежился.

— Да уж, Джаспер, такой забавный.

Джей покачал головой, как будто желая стряхнуть тревожные мысли.

— Не желаете ли присесть, Белла?

— Вообще-то, я немного тороплюсь. Мне далеко ехать домой. — Произнеся эти слова, я достала из сумочки толстый белый конверт с деньгами, оплатой за услуги, и протянула ему.

— О, — сказал он, в его голосе послышалось легкое разочарование. Он сунул конверт во внутренний карман пиджака, не потрудившись пересчитать.

— Я надеялся, что мы немного поговорим.

— О чем? — с любопытством спросила я.

— Для начала, позвольте я передам вам документы. Я хочу быть уверен, что вы остались довольны.

Он повернулся, поставил свой портфель на стол, и открыл замки. Джей достал большой, специально для документов, конверт из оберточной бумаги.

Не имея понятия, что нужно проверять, я вскрыла конверт и бегло просмотрела содержимое. Джей перевернул фото Джекоба и изменил цвет так, чтобы не было слишком заметно, что на водительских правах и на паспорте использована одна и та же фотография. На мой взгляд, оба документа выглядели идеально, но это еще ничего не значит. Я на долю секунды взглянула на фото в паспорте Ванессы Вульф, и тут же быстро отвела глаза, в горле словно встал ком.

— Спасибо, — сказала я.

Его глаза немного сузились, и я почувствовала, что он разочарован моей слишком поверхностной экспертизой.

— Уверяю вас, все в полном порядке. Они пройдут через любую, самую скрупулезную проверку.

— Я уверена в этом. Джей, я действительно ценю то, что вы сделали для меня.

— Для меня это было удовольствие, Белла. На будущее, совершенно

свободно обращайтесь ко мне за всем, что только может понадобиться семье Каллен.

Не намекая открыто, он фактически приглашал меня занять место Джаспера.

— Вы хотели что-то обсудить?

— Хм, да. Как бы это сказать... — Он жестом пригласил присесть на каменную плиту у камина. Я села на край камня, он сел рядом. На его лбу снова выступил пот, он достал синий шелковый носовой платок из кармана и вытер его.

— Вы — сестра жены мистера Джаспера? Или вы замужем за его братом? — поинтересовался он.

— Замужем за его братом, — разъяснила я, размышляя, куда он клонит.

— Значит, вы были невестой мистера Эдварда?

— Да.

Он улыбнулся извиняясь.

— Понимаете, я много раз видел все имена. Примите мои запоздалые поздравления. Хорошо, что спустя столько времени мистер Эдвард нашел себе столь прекрасную спутницу.

— Большое спасибо.

Он сделал паузу, вытирая пот.

— Можете догадаться, что за столько лет, я стал весьма уважать мистера Джаспера и всю его семью.

Я осторожно кивнула.

Он глубоко вздохнул и затем, молча, выдохнул.

— Джей, пожалуйста, просто скажите то, что хотели сказать.

Он еще раз вздохнул и затем быстро, нечленораздельно, пробормотал:

— Если бы вы только могли заверить меня, что не планируете похитить маленькую девочку у ее отца, сегодня вечером я спал бы спокойнее.

— О, — произнесла я ошеломленно. Мне потребовалась минута, чтобы понять к какому ошибочному выводу он пришел.

— О нет. Ничего общего с похищением. — Я слабо улыбнулась, пытаюсь заверить его. — Я просто готовлю безопасное место для неё, на случай, если вдруг что-то случится со мной и моим мужем. Он прищурился.

— Вы предполагаете, что-то должно произойти? — Он покраснел, затем извинился:

— Это, конечно же, не мое дело.

Я наблюдала, как красный поток разливается под тонкой мембраной его кожи, и была рада — как это часто бывало — что я не обыкновенная новообращенная. Джей производил впечатления хорошего человека, если оставить преступную деятельность в стороне, и убивать его мне бы очень не хотелось.

— Как знать, — вздохнула я.

Он нахмурился.

— Тогда, желаю вам удачи. И пожалуйста, не обессудьте, но... если ко мне приедет мистер Джаспер и спросит, какие имена я написал в документах...

— Конечно же, вы должны будете сказать ему немедленно. Ничего не имею против того, чтобы мистер Джаспер был осведомлен о наших с вами делах.

Моя прозрачная искренность, казалось, немного ослабила его волнения.

— Очень хорошо, — сказал он. — И не мог бы я уговорить вас остаться на обед?

— Сожалею, Джей. Сейчас я очень спешу.

— Тогда, снова примите мои наилучшие пожелания здоровья и счастья. Если семье Каллен что-нибудь потребуется, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне.

— Спасибо, Джей.

Я уходила со своей контрабандой, оглянувшись назад, я увидела, что Джей смотрит мне вслед, на его лице застыло выражение смешанного беспокойства и сожаления.

Поездка назад заняла меньше времени. Ночь была черной, я выключила фары и понеслась по шоссе. Когда я подъехала к дому, большинство автомобилей отсутствовали, включая «порше» Элис и мой «феррари». Вампиры, придерживавшиеся традиций, уходили как можно дальше, чтобы утолить свою жажду. Я попыталась не думать об их ночной охоте, и невольно поежилась, мысленно представив их жертв.

В гостиной находились только Кейт и Гарретт, они весело спорили о пищевой ценности животной крови. Оказывается, Гарретт попытался поохотиться на вегетарианский манер, и понял, что это весьма сложно.

Эдвард, должно быть, отвел Ренесми домой, спать. Джейкоб, без сомнения, был в лесу рядом с домом. Остальная часть моей семьи, должно быть тоже охотилась. Возможно, они были с остальными Денали. Поэтому так получилось, что дом почти полностью принадлежал мне одной, и я поспешила воспользоваться этим преимуществом.

Я почувствовала, что зашла в комнату Элис и Джаспера впервые, за долгое время, может быть впервые с того дня, как они покинули нас. Я беззвучно обыскала их огромный шкаф, пока не нашла нужную сумку. Наверное, она принадлежала Элис — маленький черный кожаный рюкзак, из тех, которые обычно используются как обыкновенная женская сумочка, не слишком большая, и даже Ренесми может носить такую и она не будет бросаться в глаза. Тогда я совершила набег на их мелкие деньги, взяла примерно в два раза больше чем среднестатистическая американская семья тратить в год. Я предположила, что мое воровство будет менее заметно здесь, чем где-нибудь еще в доме, потому что эта комната остальным напоминала о грустных событиях. Конверт с поддельными паспортами и удостоверениями личности отправился в сумку, я положила его поверх денег. Потом я уселась на край их кровати, и посмотрела на ничтожно маленький багаж, который был всем, что я могла дать моей дочери и моему лучшему другу, чтобы помочь спасти их жизни. Я тяжело привалилась к столбику кровати, чувствуя себя беспомощной. Но что еще я могла сделать?

Так, склонив голову, я сидела несколько минут, пока меня не посетила отличная идея. Что если ...

Допустим, что Джейкоб и Ренесми собираются убежать, и это означает, что есть возможность того, что Деметрий будет мертв. Это давало любим, кто выживет немного форы, то есть Элис и Джасперу тоже.

Итак, почему Элис и Джаспер не могут в таком случае помочь Джейкобу и Ренесми? Если они будут вместе, то лучшей защиты для Ренесми и желать не нужно. Не было никакой причины, почему это не могло произойти, за исключением факта, что Джейк и Ренесми оба были белыми пятнами для Элис. Как она начала бы искать их?

Я размышляла мгновение, затем оставила комнату, пересекла зал и вошла в комнаты Эсме и Карлайла. Как обычно, стол Эсме был завален планами и проектами, все аккуратно сложено в высокие стопки. Над столом располагались ряды небольших ящичков; в одном лежал канцелярский набор. Я взяла чистый листок бумаги и ручку.

Я смотрела на чистую страницу цвета слоновой кости в течение целых пяти минут, пытаясь сконцентрироваться на своем решении. Элис не была способна видеть Джейкоба или Ренесми, но она могла видеть меня. Я визуализировала ее видение в этот момент, отчаянно надеясь, что она не была слишком занята, чтобы не заметить этого.

Нарочно медленно я написала заглавными буквами, поперек страницы:
РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

Рио казался лучшим местом, чтобы послать их: это было далеко отсюда, Элис и Джаспер уже были в Южной Америке, тем более наши прежние проблемы не ушли только потому, что сейчас у нас были еще более сложные проблемы. Была все еще тайна будущего Ренесми, ужас ее стремительного роста.

Так или иначе, мы направились на юг. Теперь поиск легенд станет задачей Джейкоба, и, надеюсь, Элис.

Я снова наклонила голову, противясь внезапному желанию зарыдать, и стиснула зубы. Я знала, что будет лучше, если в дальнейшем Ренесми будет без меня. Но мне уже так не хватало ее.

Я глубоко вдохнула и сделала запись на дне спортивной сумки, где Джейкоб найдет ее достаточно скоро. Я скрестила свои пальцы — было не похоже, что его средняя школа подразумевала преподавание португальского — у Джейка, по крайней мере, был испанский язык по выбору.

Теперь оставалось только ждать.

В течение двух дней, Эдвард и Карлайл оставались в месте, где Элис предвидела прибытие Волтури. Это было то же самое поле убийства, где новорожденные вампиры Виктории напали прошлым летом. Я хотела знать, чувствовал ли это Карлайл это повторение, подобно дежавю. Для меня, это было бы весьма ново. На сей раз Эдвард и я стояли бы вместе с нашей семьей.

Мы могли только вообразить, что Волтури будут отслеживать либо Эдварда, либо Карлайла. Я хотела знать, удивит ли они, что их добыча не убегает. Заставило бы это их насторожиться? Я не могла представить Волтури, когда-либо испытывающими потребность в осторожности.

Хотя я была, надеюсь, невидимой для Деметрия, я осталась с Эдвардом. Что сама собой разумеется. У нас оставалось всего несколько часов, чтобы побыть вместе.

С Эдвардом могло не быть последней великой сцены прощания, и я не планировала ее. Сказанные слова могли стать последними. Это было бы то же самое что печатать слово «Конец» на последней странице рукописи. Так что мы не сказали ничего друг другу, но не отходили друг от друга ни на шаг. Где бы ни застал нас конец, он не застанет нас порознь.

Мы установили палатку для Ренесми в нескольких ярдах позади защитного леса. Опять маленькое дежавю. Мы с Джейкобом на холоде ставим палатку... Было почти невозможно поверить, сколько всего изменилось с прошлого июня. Семь месяцев назад наш треугольник отношений казался невозможным, три разных вида горя, которого нельзя было избежать. Теперь все было идеально сбалансировано. Казалось

ужасно ироничным, что все части пазла сложатся вместе как раз вовремя для них всех, чтобы быть разрушенными.

Снег пошел снова перед кануном Нового года. На сей раз, крошечные хлопья не таяли на каменной земле поля. В то время как Ренесми и Джейкоб спали — Джейкоб, храпел так громко, что я удивилась, как Ренесми не проснулась — снег, образовавший поначалу тонкую корочку на земле, затем превратился в более толстые сугробы.

Ко времени, когда солнце взошло, сцена из видения Элис была завершена. Эдвард и я держались за руки, мы смотрели поперек блестящего белого поля, и ни один из нас не произносил ни слова.

В течение утренних часов, собрались и все остальные. Их глаза, имели немое свидетельство их приготовлений — некоторые слегка золотистые, некоторые насыщенного темно-красного цвета. Вскоре после того, как все мы собрались, мы могли слышать волков, передвигающихся по лесу. Джейкоб появился из палатки, оставляя Ренесми, все еще спящей, чтобы присоединиться к ним.

Эдвард и Карлайл выстраивали других в свободном порядке, наши свидетели стояли по сторонам.

Я наблюдала на расстоянии, ожидая около палатки Ренесми ее пробуждения. Когда она проснулась, я помогла ей одеться. Одежду я тщательно выбрала за два дня до этого. Одежда, которая выглядела вычурной и женственной, но она была как раз достаточно прочная, чтобы не показать, сколько ее носят — даже если человек носил ее при поездке верхом на гигантском оборотне через несколько штатов. Поверх ее жакета я надела черный кожаный рюкзак с документами, деньгами, ключом, и моими нежными посланиями для нее и Джейкоба, Чарли и Рене. Она была достаточно сильна, так что это не стало для неё бременем.

Ее глаза округлились, поскольку она читала муку на моем лице. Но она была достаточно сообразительна, чтобы не спрашивать о том, что я собралась делать.

- Я люблю тебя, — сказал я ей. — Больше чем что — либо.

- Я тоже люблю тебя, мама, — ответила она.

Она коснулась медальона на своей шее, в который была теперь вставлена крошечная фотография с изображением её, Эдварда и меня. — Мы всегда будем вместе.

- В наших сердцах мы всегда будем вместе, — я исправила шепотом столь же тихим что и вздох. — но когда настанет время, ты должна будешь оставить меня.

Ее глаза расширились, и она коснулась своей рукой моей щеки. Её

молчание было ещё тяжелей, чем, если бы она закричала.

Я с трудом сглотнула; мое горло казалось распухшим.

— Ты сделаешь это для меня? Пожалуйста?

Она сильнее прижала свои пальцы к моему лицу.

— Почему?

- Я не могу сказать тебе, — прошептала я. — Но ты скоро поймешь. Я обещаю.

В моих мыслях я видела лицо Джейкоба.

Я кивнула, затем убрала её пальцы.

— Не думай об этом, — прошептала я ей на ухо. — Не говори Джейкобу, пока я не скажу тебе бежать, хорошо?

Это она поняла. И тоже кивнула.

Я достала из своего кармана одну последнюю деталь.

Пакуя вещи Ренесми, неожиданно искрящийся цвет привлек мой взор. Случайный луч солнца через окно в крыше осветил драгоценности в древней шкатулке, стоящей на верхней полке. На мгновение я задумалась и затем пожала плечами. После того, как догадки Элис сложились вместе, я не могла надеяться, что назревающий конфликт разрешиться мирно. Но почему бы не попробовать начать его, настолько дружественно насколько возможно? Я спросила себя — что это могло повредить? Так что, пожалуй, я должна немного надеяться — слепой, бессмысленной надеждой — поэтому я потянулась к полке и достала свадебный подарок Аро для меня.

Теперь я закрепила толстую золотую веревку на своей шее и чувствовала вес огромного алмаза удобно устроившегося на моем горле.

- Красиво, — прошептала Ренесми.

Она крепко обвила меня своими руками за шею. Я прижала её к своей груди. Крепко обнявшись, таким образом, я вынесла ее из палатки к полю.

Эдвард поднял одну бровь, когда я приблизилась, но не сделал замечания относительно о том, зачем мы здесь. Он просто очень крепко обнял нас обеих, и мы стояли так довольно долго, а потом с глубоким вздохом отпустил нас. Я не замечала в его глазах прощания. Возможно, он надеялся на что-то после этой жизни, так пускай надеется.

Мы заняли наше место, Ренесми проворно взобралась на мою спину, чтобы освободить мне руки. Я стояла на несколько шагов позади первой линии фронта, составленного Карлайлом, Эдвардом, Эмметтом, Розали, Таней, Кейт, и Элеазаром. Рядом со мной были Бэнджамин и Зафрина — это была моя работа — защищать столько, на сколько я была способна. Они были нашим лучшим наступательным оружием. Даже несколько мгновений, на которые Волтури могли бы упустить нас из внимания могли

бы все изменить.

Зафрина была неуязвима и беспощадна, словно бы зеркальное отражение Сенны. Бенджамин сидел на земле, его ладони упирались в грязь, он что-то едва различимо шептал о неверных позициях. Вчера вечером, он разбросал груды валунов так, что они выглядели натурально, теперь снег покрыл их вершины по всему дальнему периметру луга. Их было недостаточно, чтобы ранить вампира, но достаточно, надеюсь, чтобы отвлечь его внимание.

Свидетели сгруппировались справа и слева от нас, некоторые ближе чем остальные — те, кто хотел показать себя были ближе всего. Я заметила Сиобан потирающую свои виски, она закрыла глаза, чтобы сконцентрироваться; может она пыталась пристроиться к Карлайлу, пытаюсь визуализировать дипломатическое соглашение?

В лесу позади нас невидимые взору волки застыли и приготовились; мы могли только слышать их тяжелое дыхание и биение их сердец.

Облака клубились, рассеивая свет так, что сложно определить — было это утро или уже день. Глаза Эдварда были прищурены, как будто он тщательно исследовал все вокруг, и я была уверена, что он снова видел ту же самую сцену — в первый раз она была видением Элис. Все выглядело так, как должно было перед прибытием Волтури. У нас оставались только минуты или секунды.

Вокруг нас были вся наша семья и союзники.

Огромный красновато-коричневый волк Альфа вышел из леса, чтобы оказаться рядом со мной; должно быть, это было слишком трудно для него — держаться на расстоянии от Ренесми, когда опасность была столь близка.

Ренесми потянулась к нему, ее пальцы переплелись с мехом на его массивном плече, и ее тело слегка расслабилось. Рядом с Джейкобом она была спокойнее. Я тоже почувствовала себя немного лучше. Пока Джейкоб будет с Ренесми, с ней все будет в порядке.

Не побоявшись отвернуться, Эдвард вернулся ко мне. Я протянула руку и схватила его ладонь. Он сжал мои пальцы.

Прошла еще одна минута, и я напряглась, услышав приближающиеся звуки.

Ту же насторожился и Эдвард, сквозь его зубы вырвалось низкое шипение. Его глаза сосредоточились на лесе, к северу от того места, где мы стояли.

Мы устремили свой взгляд туда же куда и он, и терпеливо ждали, пока проходили последние секунды.

Глава 36

Жажда крови

Их появление было зрелищным, даже красивым.

Они шли четким церемониальным строем. Они двигались вместе, но это не был марш. Идеально синхронно они выплывали из-за деревьев — темные, нерушимые фигуры, которые, казалось, парили в нескольких дюймах над белым снегом — так плавно было их продвижение.

Внешний периметр был серым; но цвет темнел с каждой линией, пока не превращался в глубокий черный в самой сердцевине. Все лица были скрыты в тени капюшонов. Слабый шаркающий звук ног был таким размеренным, что походил на музыку, сложный ритм которой ни на секунду не прерывался.

По какому-то знаку, которого я не заметила — или возможно никакого знака и не было вовсе, только тысячелетняя практика — строй перестроился. Движение было слишком жестким и точным, чтобы напоминать распустившийся цветок, хотя цвет и предполагал это. Скорее это был открывающийся веер — грациозный, но угловатый. Фигуры в серых плащах растянулись по флангам, тогда как в более темных оказались точно в середине — каждое движение строго контролировалось.

Их движение было медленным, но осторожным — без спешки, без напряжения, без беспокойства. Это была поступь непобедимых.

Все было практически также, как в моем давнем кошмаре. Единственное, чего не хватало — это злорадного вождения, которое я видела на их лицах в моем сне — улыбки мстительного удовольствия. Сейчас же Волтури были слишком дисциплинированы, чтобы показать хоть какие-нибудь эмоции. Они также не показали своего удивления или испуга при взгляде на компанию вампиров, которая ждала их здесь — компанию, выглядевшую на их фоне особенно неорганизованно и неподготовлено. Они не высказали удивления даже увидев гигантских волков, которые были среди нас.

Я не смогла удержаться от того, что бы сосчитать их. Их было тридцать два. Даже если не учитывать двух безучастных бледных фигур в черных плащах позади, которые по моему предположению были женами — их защищенная позиция свидетельствовала о том, что они не будут вовлечены в атаку — мы были все еще в меньшинстве. Среди нас было девятнадцать вампиров, готовых сражаться, и еще семь, которые будут

наблюдать за нашим уничтожением. Даже с учетом десяти волков, Волтури все равно превосходили нас силами.

— Солдаты прибывают, солдаты прибывают, — загадочно пробормотал Гаррет сам себе и затем один раз довольно хихикнул.

Он придвинулся на шаг ближе к Кейт.

— Они пришли, — прошептал Владимир Стефану.

— Жены, — прошипел Стефан в ответ. — Вся стража. Все они вместе. Хорошо, что мы не пытались достать их в Волтерре.

А затем, как будто их количество было недостаточным, в то время как Волтури медленно и величественно продвигались, за ними начали появляться другие вампиры.

Лица в этом втором, казалось бесконечном, потоке вампиров были абсолютно противоположны лицам Волтури — они выражали калейдоскоп эмоций. Сначала они испытали удивление и даже некоторая тревога, когда они увидели неожиданную силу, поджидающую их. Но это беспокойство быстро прошло — они были уверены в своем численном преимуществе, уверены в своих позициях за спинами неодолимой силы, которой являлись Волтури. Выражение их лиц стало таким же, каким было до того, как мы удивили их своей встречей.

Было довольно легко проследить за ходом их мыслей — они легко читались на их лицах. Это была разгневанная толпа, быстрая на расправу и падкая на правосудие. Я полностью не понимала отношение всего вампирского мира к бессмертным детям, пока не увидела выражения этих лиц.

Было ясно, что эта разношерстная, дезорганизованная толпа — в ней было больше сорока вампиров — была в каком-то роде свидетелями со стороны Волтури. Когда мы умрем, именно они убедят мир, что уничтоженные вампиры были преступниками и что Волтури руководствовались лишь стремлением к справедливости. Но большинство из них выглядело так, словно надеялось стать больше, чем просто свидетелями — они хотели поучаствовать в казни.

У нас не было шансов. Даже если бы мы могли так или иначе нейтрализовать преимущества Волтури, они все еще превосходили нас количеством. И даже если нам удастся убить Деметрия, Джейкоб не сможет убежать.

Я могла чувствовать это, как и то, что понимание распространяется и на всех остальных. Отчаяние повисло в воздухе, пугая меня еще больше, чем раньше.

Среди вампиров на противоположной стороне был один, казалось, не

принадлежал к остальной части. Я узнала Ирину, которая металась между двумя сторона баррикады. Только ее выражение лица отличалось от других. Полный ужаса взгляд Ирины не отрывался от Тани на передней позиции нашей линии.

Эдвард зарычал, очень низко, но яростно.

— Алистер был прав, — проворчал он Карлайлу.

Я увидела сверкнувший взгляд Карлайла на вопрос Эдварда.

— Алистер был прав? — прошептала Таня.

— Они — Кай и Аро — пришли чтобы уничтожить и овладеть, — Эдвард выдохнул так тихо, что только наша сторона могла это услышать. — Они разработали множество вариантов стратегии уже на месте. Если обвинение Ирины каким-то образом будет опровержено, они найдут другую причину. Но сейчас, когда они видят Ренесми, они уже полностью уверены в своей линии поведения. Мы все еще можем попытаться защититься от придуманных обвинений, но сперва мы должны остановить их и заставить выслушать правду о Ренесми, — и затем еще тише. — Которую они вообще не собираются слушать.

Джейкоб издал странное гневное фырканье.

А затем, неожиданно, двумя секундами позднее, процессия замерла. Низкая музыка идеально синхронизированных движений обернулся в тишину. Безупречная дисциплинированность осталась прежней: Волтури, как один, замерли в абсолютной неподвижности. Они заняли позицию в сотне ярдов от нас.

За мной в стороне я услышала биение больших сердец, ближе чем раньше. Я рискнула скосить глаза влево и вправо чтобы посмотреть, что остановило продвижение Волтури.

Волки присоединились к нам.

С обеих сторон нашей неровной линии, на своих длинных лапах стояли волки. Мне хватило секунды, чтобы отметить, что здесь было больше, чем десять волков, и узнать тех, которые были мне знакомы и тех, которых я видела впервые. Их было шестнадцать, рассредоточенных вокруг нас — всего семнадцать, включая Джейкоба. По их размерам и большим лапам было ясно, что новые оборотни были еще очень-очень молодыми. Я подумала, что должна была предвидеть это. Когда так много вампиров по соседству, демографический взрыв среди оборотней был неизбежен.

Еще больше детей умрет. Я спрашивала себя, почему Сэм допустил такое, но потом поняла, что у него не было другого выбора. Если кто-либо из волков остается с нами, Волтури могут быть уверены, что остальные тоже присоединятся к нам. Они рисковали всей своей стаей в этой схватке.

И мы проиграем.

Внезапно я почувствовала такую злость, которая мгновенно обернулась в неконтролируемую ярость. Мое отчаяние полностью исчезло. Слабый красноватый ореол окутал темные фигуры передо мной и все, что я хотела в этот момент, это вонзить свои зубы в них, разорвать их тела на кусочки и сжечь. Я словно сошла с ума — мне казалось, я бы станцевала вокруг погребального костра, где бы они горели живьем, я бы смеялась, пока тлели их останки. Мои губы непроизвольно изогнулись и низкое, безумное рычание вырвалось из моего горла, и казалось шло из самой глубины моего тела. Я осознала, что уголки моих губ приподнялись в улыбке.

Рядом со мной Зафрина и Сена вторили моему тихому рычанию. Эдвард сжал мою руку, которую он все еще держал в своей руке, словно предостерегая меня.

Затененные лица Волтури в большинстве своем все еще были невыразительны. И только две пары глаз не выказывали вообще никаких эмоций. В самом центре, держась за руки, Аро и Кай оценивающе выжидали, и все их окружение тоже замерло в ожидании приказа к убийству. Эти двое не смотрели друг на друга, но было очевидно, что они общаются. Маркус же, касаясь другой руки Аро, казалось, не участвовал в разговоре. Его выражение лица не было таким же бессмысленным как у остальных, оно было скорее пустым. Как и в тот раз когда я видела его однажды, он, по всей вероятности, испытывал скуку.

Фигуры свидетелей Волтури были повернуты к нам, их взбешенные глаза были прикованы к Ренесми и ко мне, но они все еще оставались недалеко от кромки леса, оставляя большое расстояние между ними и солдатами Волтури. Только Ирина была поблизости, прямо за Волтури, всего в нескольких шагах от древних женщин — светловолосых, с рыхлой кожей и подернутыми пеленой глазами — и их огромных телохранителей.

Прямо сзади Аро я увидела женщину в темно-сером плаще. Я не могла быть уверена, но мне показалось, что она касается его спины. Была ли это Рената, еще один щит? Я задалась вопросом, тем же что и Элеазар ранее — сумеет ли она противостоять мне?

Но я бы не стала расточать свою жизнь, пытаясь подобраться к Каю и Аро. У меня были более важные цели.

Я пробежала взглядом по их строю и без труда выделила две миниатюрные фигуры в серых плащах, в самом центре. Алек и Джейн, должно быть, самые маленькие члены стражи. Они держались неподалеку от Маркуса, защищенные Деметрием с другой стороны. Их слащавые лица

были гладкими, ничего не выражающими; они носили самые темные плащи из всех, не считая абсолютно черных накидок древних. Ведьмы-близнецы, как называл их Владимир. Их силы были главной опорой в наступлении Волтури. Истинные драгоценности в коллекции Аро.

Мои мускулы сжались и я почувствовала как яд хлынул в мой рот.

Подернутые пеленой красные глаза Аро и Кайуса скользили по нашему строю. Я явственно читала разочарование на лице Аро, когда он раз за разом пристально вглядывался в наши лица и не находил одно. Он с досадой сжал губы. В этот момент я была благодарна, что Элис убежала. Так как пауза затянулась, я могла слышать быстрое дыхание Эдварда.

— Эдвард? — спросил Карлайл тихим и обеспокоенным голосом.

— Они не уверены, что предпринять дальше. Они взвешивают возможности, выбирают ключевые цели — я, конечно ты, Элеазар, Таня. Маркус изучает наши связи друг с другом, ища уязвимые места. Присутствие румынов раздражает их. И еще они волнуются из-за нескольких лиц, которые они не могут узнать — Зафрина и Сена в частности, — и волков, естественно. Они никогда не были в численном меньшинстве. Это остановило их.

— В меньшинстве? — недоверчиво прошептала Таня.

— Они не считают своих свидетелей, — выдохнул Эдвард. — Они — ничто, бесполезны в схватке. Аро просто нуждался в аудитории.

— Должен ли я сказать что-то? — спросил Карлайл.

Эдвард колебался, а затем утвердительно кивнул.

— Это единственная возможность, которая тебе представится.

Карлайл расправил плечи и сделал несколько шагов вперед. Я ненавидела то, что он стоял там один, без защиты. Он расставил свои руки и выставил ладони, словно в приветствии.

— Аро, мой старый друг. Кажется, мы не виделись столетия.

На долгое мгновение повисла тишина. Я могла чувствовать напряжение Эдварда, пока он прислушивался к тому, как Аро отнесся к словам Карлайла. Напряжение стало таким ощутимым, как тиканье стрелки часов. А затем Аро выступил вперед из строя Волтури. Рената, его щит, двигалась вместе с ним и, казалось, будто кончики ее пальцев касаются его плаща. Впервые в рядах Волтури почувствовалась какая-то реакция на происходящее. Недовольное бормотание прокатилось по их строю, брови у всех нахмурились, они обнажили зубы. Некоторые из охраны даже наклонились, сжавшись, готовые атаковать.

Аро указал на них рукой.

— Мир.

Он сделал еще несколько шагов вперед, затем наклони голову набок. Его молочные глаза вспыхнули любопытством.

— Справедливые слова, Карлайл, — сказал он своим тонким голосом. — Но они кажутся неуместными, когда я вижу, какую армию ты собрал, чтобы убить меня и моих близких.

Карлайл покачал головой и протянул руку вперед в жесте, словно между ними не было доброй сотни ярдов.

— Ты можешь коснуться моей руки, чтобы понять, что это никогда не входило в мои намерения.

Аро сузил свои пронизательные глаза.

— Но как же можно еще рассматривать твои намерения, дорогой Карлайл, учитывая то, что ты сделал? — он нахмурился, и тень печали исказила его черты лица — я не могла сказать была ли эта печаль истинной или же он притворялся.

— Я не совершал преступления, за которое вы пришли наказать меня.

— Тогда отойди и дай нам наказать виновных. Поверь мне, Карлайл, ничто не порадует меня больше, чем возможность сохранить тебе жизнь сегодня.

— Никто не нарушал закона, Аро. Позволь мне объяснить, — и Карлайл вновь протянул свою руку.

Но до того как Аро смог ответить, Кайус приблизился и встал рядом с ним.

— Так много бесполезных правил, так много необязательных ограничений ты создал себе, Карлайл, — прошипел белокурый древний вампир. — Как же возможно, что ты нарушил один закон, который на самом деле важен?

— Закон не нарушен. Если бы вы послушали...

— Мы видим ребенка, Карлайл, — зарычал Кай. — Не принимай нас за дураков.

— Она не бессмертная. Она не вампир. Я легко могу доказать это всего несколькими моментами...

Кай прервал его.

— Если она не одна из тех, кого запрещает закон, тогда зачем ты собрал этот батальон для ее защиты?

— Это свидетели, Кай, точно такие же, каких привели и вы, — и Карлайл указал на разъяренную толпу у опушки леса. Некоторые из них зарычали в ответ. — Каждый из этих друзей может рассказать тебе правду о ребенке. Или ты можешь сам взглянуть на нее, Кай. Увидеть румянец человеческой крови у нее на щеках.

— Это уловка! — оборвал Кай. — Где наш информатор? Пусть она выступит вперед! — он вертел своей шеей пока не разглядел Ирину, томившуюся за женами. — Ты! Выйди!

Ирина посмотрела на него с непониманием, выражение ее лица было словно у человека, который только что пробудился от ужасного кошмара. Кай нетерпеливо щелкнул пальцами. Один из огромных телохранителей жен переместился к Ирине и став сзади, грубо толкнул вперед. Ирина дважды моргнула, а затем медленно пошла по направлению к Кай в изумлении. Она резко остановилась в нескольких ярдах, ее глаза все еще не отрывались от сестер.

Кай сократил расстояние между ними, а затем ударил ее наотмашь поперек лица.

Это не могло ранить, но было в этом жесте что-то ужасное. Это было все равно, что смотреть за тем, как кто-то пинает собаку. Таня и Катя одновременно зашипели. Тело Ирины напряглось, и она устремила свой взгляд прямо на Кая. Он направил свой когтистый палец на Ренесми, которая цеплялась за мою спину. Ее пальцы все еще были запутаны в шерсти Джейкоба. В моем взбешенном видении Кай стал полностью красным. Из груди Джейкоба вырвалось рычание.

— Это тот ребенок, которого ты видела? — требовательно спросил Кай. — Тот самый, который очевидно был не просто человеком?

Ирина взглянула на нас, первый раз рассматривая Ренесми с тех пор, как она появилась здесь. Ее голова склонилась на одну сторону, сомнение появилось на ее лице.

— Итак, — спросил Кай.

— Я... Я не уверена, — ответила она в замешательстве.

Рука Кая дернулась, как если бы он захотел ударить ее снова.

— Что ты имеешь в виду? — сказал он стальным голосом.

— Она не такая же как была раньше, но я думаю, что это тот же ребенок. Я имею ввиду, что она изменилась. Этот ребенок взрослее, чем тот, которого я видела, но...

Бешеный рык вырвался сквозь оскаленные зубы Кая и Ирина замолчала так и не закончив фразу. Аро перелетел на сторону Кая и положил руку на его плечо.

— Будь терпелив, брат. У нас есть время разобраться с этим. Нет необходимости спешить.

С угрюмым выражением Кай отшатнулся от Ирины.

— А сейчас, милая, — сказал Аро теплым, сладким шепотом. — Покажи мне, что ты пыталась сказать, — и он протянул свою руку к

изумленной вампирше.

Ирина взяла его руку неуверенно. Он держал ее только пять секунд.

— Видишь, Кайус? — сказал он. — Вот простой способ узнать то, что нам нужно.

Кайус не ответил ему. Аро обвел глазами свою аудиторию, свою толпу, и затем повернулся к Карлайлу.

— Итак, кажется, у нас появилось что-то таинственное. Выглядит так, что ребенок растет. Но первое воспоминание Ирины, есть не что иное, как бессмертный ребенок. Интересно.

— Это именно то, что я пытаюсь объяснить, — сказал Карлайл, и по тому, как изменился его голос, я могла предположить, что он испытывает облегчение. Это была отсрочка, на которую мы все туманно надеялись.

Я не чувствовала облегчения. Я ждала, почти застыв в своей ярости, следуя обещанной Эдварду стратегией.

Карлайл вновь протянул свою руку.

Аро замешкался на мгновение.

— Я бы предпочел услышать объяснения от более важного участника истории, мой друг. Или я не прав, что это нарушение — не твоих рук дело?

— Здесь не было нарушения.

— Даже если это так, я должен знать каждую грань этой правды, — в тонком голосе Аро послышались стальные нотки. — И лучший способ получить ее, это услышать все непосредственно от твоего талантливого сына. — Он указал рукой на Эдварда. — Так как ребенок держится за его новообращенную супругу, я предполагаю, Эдвард тоже причастен.

Конечно, он хотел Эдварда. В тот самый момент, когда он проникнет в мозг Эдварда, ему станут известны все наши мысли.

Все, кроме моих.

Эдвард быстро развернулся и, не встречаясь со мной взглядом, поцеловал меня и Ренесми в лоб. Он быстро двинулся по снежному покрову, похлопав Карлайла по плечу когда тот отходил назад. Я услышала тихое рыдание позади — страх Эсме вырвался наружу.

Красный туман, который я видела вокруг армии Волтури, засиял ярче чем раньше. Я не могла смотреть как Эдвард в одиночестве пересекает пустое белое пространство — но я также не смогла бы выдержать если бы Ренесми приблизилась хоть на один шаг ближе к нашим противникам. Протеворечивые желания разрывали меня. Я чувствовала, словно меня заморозили, и казалось мои кости могут взорваться от напряжения.

Я увидела улыбку Джейн, когда Эдвард пересек середину расстояния между нами, оказавшись ближе к ним, чем к нам.

И эта самодовольная улыбочка сделала это. Мое бешенство достигло пика, оно стало даже сильнее, чем в тот момент бушующей жажды крови, когда я поняла что волки будут участвовать в этой битве, где мы все обречены. Я могла почувствовать безумие на моем языке — я чувствовала, как оно выливается из меня подобно приливной волне. Мои мускулы напряглись, и я действовала автоматически. Я распростерла свой щит всеми силами моего мозга, бросив его на практически невозможную дистанцию — в десять раз дальше моей лучшей попытки — как копье. Мое дыхание стало гневным и напряженным.

Щит полетел от меня сгустком энергии, грибообразным облаком жидкой стали. Он пульсировал словно нечто живое — я могла чувствовать его, от верхушки до края.

Сейчас не было ни одной бреши в этой эластичной ткани; в это мгновение полной силы, я видела, что неуверенность, которую я чувствовала раньше, была только в моей голове — я держалась за нее в самозащите, в подсознательном неверии в собственные силы. И сейчас я освободилась, и мой щит с легкостью распространился на добрых пятьдесят ярдов от меня, потребовав самой минимальной концентрации.

Я могла чувствовать свой щит так же, как любой другой мускул моего тела. Он был послушен моей воле. Я толкнула его на далекую дистанцию, придала ему форму овала. Внезапно все под этим гибким железным щитом стало частью меня — я могла чувствовать жизненную силу всего, что я покрыла. Вампиры и оборотни под ним были точками тепла, искорками света, окружающими меня. Я протянула щит вперед и вздохнула с облегчением, когда почувствовала яркий свет от Эдварда в пределах моей защиты. Я держала его там, сокращая эту новую мышцу таким образом, что осталась всего лишь тонкая, но нерушимая полоска между его телом и нашими врагами.

Вряд ли прошла и секунда. Эдвард все еще двигался к Аро. Но все изменилось абсолютно, но кроме меня никто не заметил этого. Яростный смех вырывался сквозь мои зубы. Я чувствовала, что остальные смотрят на меня, а Джейкоб своими большими черными глазами уставился на меня как на сумасшедшую.

Эдвард остановился в нескольких шагах от Аро, и я осознала с некоторой досадой, что я не должна мешать этой встрече. Это было частью нашей подготовки — заставить Аро выслушать нашу историю. Мне стало почти физически больно от этого, но я неохотно отдернула свой щит и оставила Эдварда одного. Веселое настроение испарилось. Я полностью сконцентрировалась на Эдварде, готовая в любой момент накрыть его

своим щитом, если понадобится.

Подбородок Эдварда высокомерно приподнялся, и он протянул свою руку Аро, как если бы оказывал ему большую честь. Аро, казалось, только восхитился таким отношением, но остальные не разделяли его восторга. Рената возбужденно волновалась в тени Аро. Огорчение Кая было так глубоко, что казалось его тонкую, просвечивающую кожу испещрили складки. Маленькая Джейн оскалила свои зубы, и рядом с ней Алек сузил глаза, концентрируясь. Я предположила, что он готовится, как и я, в случае необходимости действовать немедленно.

Аро без промедления сократил расстояние — действительно, чего ему было бояться? Неуклюжие тени в светло-серых плащах — это были мускулистые воины типа Феликса — были всего в нескольких ярдах. Джейн и ее мучительный дар могли повалить Эдварда на землю и заставить корчиться в агонии. Алек мог ослепить и оглушить его, не позволив сделать даже шага по направлению к Аро. Никто не знал, что в моей власти остановить их всех. Никто, даже Эдвард.

С улыбкой, без всякого беспокойства, Аро взял руку Эдварда. Он сразу прикрыл глаза, а затем его плечи сгорбились под шквалом информации.

Каждая секретная мысль, каждая стратегия, каждое предположение — все, что Эдвард слышал в мыслях других за последний месяц — стало доступно Аро в это мгновение. И далее — каждое видение Элис, каждый тихий момент нашей семьи, каждая картинка в голове Ренесми, каждый поцелуй, каждое прикосновение между мной и Эдвардом... Все это теперь принадлежало и Аро.

Я зашипела от расстройства, и щит начал колебаться в унисон с моим раздражением, изменив свою форму и растянувшись вдоль нашей линии.

— Полегче, Белла, — прошептала Зафрина.

Я стиснула зубы.

Аро продолжал концентрироваться на воспоминаниях Эдварда. Голова Эдварда тоже наклонилась, мускулы на его шее напряглись, так как он снова видел все, что видел Аро и еще видел реакцию Аро на все то, что он узнал.

Эта двухсторонняя, но неравная беседа продолжалась так долго, что даже охрана начала беспокоиться. Низкое перешептывание пробежало через строй, пока Кайус не потребовал тишины. Джейн продвигалась вперед, словно она не могла иначе, а лицо Ренаты выражало крайнее горе. Мельком, я посмотрела на этот мощный щит, который казался в этот момент таким слабым и объятый паникой; хотя она была полезна для Аро, я могла сказать точно, что она не воин. Ее работой была защита, а не

борьба. В ней не было жажды крови. Я знала, что если бы сражение было между мной и ею, я бы уничтожила ее.

Я снова сфокусировалась, так как Аро выпрямился, а его глаза открылись. Их выражение было испуганным и осторожным. Он не выпускал руку Эдварда.

Мускулы Эдварда слегка расслабились.

— Ты видел? — спросил Эдвард своим спокойным бархатным голосом.

— Да, я действительно видел, — согласился Аро. Удивительно, но его голос прозвучал почти довольно. — Я сомневаюсь, что кто-то из богов или смертных когда-либо видели столь ясно.

Дисциплинированные лица охраны выразили то же удивление, которое почувствовала я.

— Ты дал мне много пищи для размышления, юный друг, — продолжил Аро. — Гораздо больше, чем я ожидал. — Он все еще не отпускал руку Эдварда, напряжение в теле Эдварда выдавало то, что он понял, о чем думал Аро.

Эдвард не ответил.

— Могу я познакомиться с ней? — спросил Аро — почти умоляя — с все возрастающим интересом. — Никогда за все свои века я даже не мечтал о существовании подобного создания. Какое дополнение к нашей истории!

— Про что ты, Аро? — вставил Кай перед тем, как Эдвард смог ответить. Простой вопрос заставил меня обхватить Ренесми руками, защищая ее, и качая, словно в колыбели возле груди.

— Кое-что, о чем ты и вообразить не можешь, мой милый друг. Подумай минуту, ведь то правосудие, которое мы намеревались совершить, больше не требуется.

Кай удивленно зашипел от его слов.

— Мир, брат, — успокаивающе предостерег Аро.

Это должно было быть хорошей новостью — это были те слова, на которые мы все надеялись — отсрочка, возможность которой мы никогда не рассматривали серьезно. Аро выслушал правду. Аро признал, что закон не был нарушен.

Но мои глаза были прикованы к Эдварду, и я видела, как напряглись мускулы на его спине. Я прокрутила еще раз в голове инструкцию Аро для Кайуса, и уловила ее двусмысленность.

— Так ты представишь меня своей дочери? — спросил Аро Эдварда вновь.

Кай был не единственным, кто зашипел, услышав о таком повороте

событий.

Эдвард неохотно кивнул. Ренесми уже убедила многих. Аро всегда казался лидером древних вампиров. Если он будет на ее стороне, смогут ли остальные действовать против нас?

Аро все еще держал руку Эдварда, и сейчас он безмолвно отвечал на вопрос, который никто из нас не слышал.

— Я думаю, учитывая обстоятельства, мы должны найти компромисс. Встретимся посередине.

Аро опустил свою руку. Эдвард повернулся к нам и Аро присоединился к нему, небрежно положив одну руку на плечо Эдварда, как если бы они были лучшими друзьями, — все это, не прерывая прикосновения к коже Эдварда. Они начали пересекать поле по направлению к нам. Вся стража двигалась в шаг от них. Аро небрежно поднял руку, даже не посмотрев на них.

— Спокойно, мои дорогие. В самом деле, они не причинят нам никакого вреда до тех пор, пока мы миролюбивы.

Охрана отреагировала на эти слова более откровенно, чем раньше, с рычанием и свистом протеста, продолжая сохранять свою позицию. Рената, придвигаясь еще ближе к Аро, беспокойно запричитала.

— Господин, — шепнула она.

— Не мучайся, моя любовь, — ответил он. — Все хорошо.

— Возможно, ты должен взять несколько членов своей охраны с нами, — предложил Эдвард. — Может быть, так они будут чувствовать себя спокойней.

Аро кивнул, словно бы он сам сделал это мудрое решение. Он дважды щелкнул пальцами.

— Феликс, Деметрий.

Два вампира немедленно оказались рядом с ним, и выглядели они точно также как в тот последний раз, когда я видела их. Оба были высокие и темноволосые. Деметрий — твердый и гибкий как лезвие меча, Феликс — неуклюжий и угрожающий как железная дубина.

Пятеро из них остановились посередине снежного поля.

— Белла, — позвал меня Эдвард. — Принеси Ренесми... и возьми с собой несколько друзей.

Я сделала глубокий вдох. Мое тело было напряжено. Идея взять Ренесми в самый центр конфликта... Но я доверяла Эдварду. Он бы понял, если бы Аро в тот момент запланировал предать нас. У Аро было три защитника, так что я должна была взять двоих. Мне потребовалась всего секунда, чтобы решить.

— Джейкоб? Эмметт? — спросила я спокойно. Эмметт — потому что он умирал от нетерпения. Джейкоб — потому что он не сможет быть в стороне от этого.

Оба кивнули. Эмметт оскалился.

Я пересекла поле вместе с ними, они защищали меня с обеих сторон. Я услышала еще одно громкое недовольство охраны, как только они увидели, кого я выбрала — на самом деле, они не доверяли оборотням. Аро поднял свою руку, снова прерывая их протесты.

— Интересную компанию вы выбрали, — сказал Деметрий Эдварду.

Эдвард промолчал, но сквозь зубы Джейкоба вырвалось глухое рычание.

Мы остановились в нескольких ярдах от Аро. Эдвард быстро сбросил с себя руку Аро и присоединился к нам, взяв меня за руку.

Мгновение мы смотрели друг на друга в полной тишине. Затем Феликс поприветствовал меня низким голосом.

— Здравствуй, Белла, — он самоуверенно оскалил зубы, все еще отслеживая каждое движение Джейкоба боковым зрением.

Я криво улыбнулась огромному вампиру.

— Привет, Феликс.

Феликс засмеялся.

— Ты хорошо выглядишь. Бессмертие тебе к лицу.

— Спасибо.

— Не за что. Как жаль...

Он оставил свой комментарий без продолжения, но мне не нужно было способностей Эдварда, чтобы понять концовку. Как жаль, что мы убьем вас за секунду.

— Да, очень жаль, не так ли? — пробормотала я.

Феликс моргнул.

Аро не обращал никакого внимания на наш диалог. Он склонил голову на одну сторону, очарованный.

— Я слышу странное биение ее сердца, — прошептал он, и звук его голоса был подобен веселой музыке. — Я чувствую ее странный запах, — затем его затуманенные глаза обратились ко мне. — Это правда, юная Белла, бессмертие сделало тебя очень необычной, — сказал он. — Словно ты была создана для этой жизни.

Я кивнула, как бы принимая его лесть.

— Тебе понравился мой подарок? — спросил он, пожирая глазами кулон, который я носила.

— Он очень красивый. Это так щедро с вашей стороны. Спасибо. Я,

наверное, должна была послать записку с благодарностью.

Аро восхищенно засмеялся.

— Это просто небольшая вещица, которая лежала рядом. Я подумал, она сможет дополнить твой новый облик, и это, в самом деле, так.

Я услышала тихий свист в центре строя Волтури. Я быстро заглянула за плечо Аро.

Хмм. Казалось, Джейн совсем не радовал тот факт, что Аро послал мне подарок. Аро прочистил горло, чтобы обратить на себя мое внимание.

— Можно мне поприветствовать твою дочь, милая Белла? — спросил он сладко.

Это то, на что мы надеялись, напомнила я себе. Подавляя желание схватить Ренесми и убежать отсюда, я сделала два медленных шага вперед. Мой щит колебался позади меня как парашют, защищая остальную часть моей семьи, в то время как Ренесми была выставлена вперед. Я чувствовала, что это неправильно и ужасно.

Аро встретил нас сияющим выражением.

— Она исключительна, — промурлыкал он. — Так же как ты и Эдвард. — И затем громче. — Привет, Ренесми.

Ренесми быстро взглянула на меня. Я кивнула.

— Здравствуй, Аро, — ответила она своим высоким, звонким голосом.

Аро выглядел смущенно.

— Что это? — зашипел Кай сзади. Казалось, он был в бешенстве от необходимости спрашивать.

— Наполовину смертная, наполовину бессмертная, — ответил ему и остальной части своего войска Аро, не отводя пристального взгляда от Ренесми. — Зачатая и выношенная этой новообращенной, пока она была человеком.

— Невозможно, — сказал Кай недоверчиво.

— Ты думаешь, они одурачили меня, брат? — выражение лица Аро было добродушным, но Кай отступил. — Или биение сердца, которое ты слышишь, тоже обман?

Кай нахмурился и выглядел так огорченно, словно эти добрые вопросы Аро были ударами.

— Спокойно и осторожно, брат, — предостерег его Аро, все еще улыбаясь Ренесми. — Я хорошо знаю, как ты любишь правосудие, но здесь не может быть суда в отношении этой уникальной малышки и ее происхождения. И столько еще нужно выучить, столько выучить! Я знаю, у тебя нет моего энтузиазма в отношении собирания историй, но будь терпим ко мне, брат, так как я добавляю главу, которая даже меня ошеломляет

своей невероятностью. Мы пришли, ожидая только правосудия и печалась из-за лжи друзей, но смотри, что мы нашли вместо этого! Новое, яркое знание о нас, о наших возможностях.

Он протянул руку Ренесми, приглашая. Но это было не то, что хотела она. Она отклонилась от меня и потянулась вверх, чтобы коснуться кончиками пальцев лица Аро. Аро не был шокирован так, как почти все другие, кто видел это представление от Ренесми. Он был также привычен к потоку мыслей и воспоминаний других, как и Эдвард.

Его улыбка стала шире, и он вздохнул удовлетворенно.

— Восхитительно, — прошептал он.

Ренесми расслабленно откинулась на мои руки, но маленькое лицо выражало серьезность.

— Пожалуйста? — спросила она его.

Его улыбка была добродушной.

— Конечно, я не имею никакого желания навредить тебе, драгоценная Ренесми.

Голос Аро был таким добрым и нежным, таким, что он подкупил меня на мгновение. А затем я услышала, как лязгнули зубы Эдварда и, далеко позади нас, свистнула Мэгги, которая почувствовала ложь.

— Я задаюсь вопросом, — сказал Аро глубокомысленно и, казалось, что он не подозревает об отзыве на свои предыдущие слова. Его глаза неожиданно остановились на Джейкобе, и вместо отвращения с которым другие Волтури рассматривали гигантского волка, глаза Аро наполнились тоской, которую я не могла объяснить.

— Ничего не выйдет, — сказал Эдвард спокойным нейтральным тоном, уступившим место внезапной жесткости.

— Просто случайная мысль, — ответил Аро, открыто оценивая Джейкоба, и затем его глаза медленно двинулись вдоль двух линий оборотней позади нас. Что бы Ренесми ни показала ему, это что-то внезапно сделало волков очень интересными для него.

— Они не принадлежат нам, Аро. Они не следуют нашим командам. Они здесь потому, что сами этого хотят.

Джейкоб угрожающе зарычал.

— Но они, кажется, очень привязаны к вам, — сказал Аро. — Ваш молодой друг и вы... семья. Преданная, — его голос произнес это слово очень мягко.

— Они призваны защищать человеческие жизни, Аро. Это делает их способными сосуществовать с нами, но едва ли они станут сосуществовать с вами. Конечно, если только вы не пересмотрите свой стиль жизни.

Аро весело засмеялся.

— Просто случайная мысль, — повторил он. — Ты хорошо знаешь, как это может быть. Ни один из нас не может полностью управлять своими подсознательными желаниями.

Эдвард скривился.

— Я знаю, как это может быть. И я так же знаю разницу между простым полетом мысли и мыслями, которые преследуют какую-то цель. Этого никогда не будет, Аро.

Огромная голова Джейкоба повернулась в направлении Эдварда, и слабый стон вырвался сквозь его клыки.

— Его заинтересовала идея... сторожевых собак, — прошептал ему Эдвард.

Наступила всего одна секунда мертвой тишины, а затем бешеный рык всей стаи заполнил гигантское пространство.

Затем была несколько резких команд — я догадалась, что от Сэма, хотя не повернулась посмотреть — и рычание замерло в зловещей тишине.

— Я полагаю, это и есть ответ на вопрос, — снова смеясь, сказал Аро. — Эта компания выбрала свою сторону.

Эдвард зашипел и подался вперед. Я дотронулась до его руки, задаваясь вопросом, что такого могло быть в мыслях Аро, что вызвало такую острую реакцию, пока Феликс и Деметрий синхронно наклонялись, готовясь к атаке.

Аро вновь махнул рукой. Все они вернулись в исходную позицию, включая Эдварда.

— Столько всего нужно обсудить, — сказал Аро внезапно, тоном умелого бизнесмена. — Так много нужно решить. Если вы и ваши пушистые защитники извините меня, мои дорогие Каллены, я посоветуюсь с моими братьями.

Глава 37

План

Аро не воссоединился со своей взволнованной охраной, ждущей на северной стороне поляны. Вместо этого он взмахнул рукой, тем самым приказывая им приблизиться к нему.

Эдвард немедленно повернул назад, увлекая за собой меня и Эмметта. Мы поспешили назад, не спуская глаз с надвигающейся угрозы. Джейкоб отступил в последнюю очередь, его мех на плечах вздыбился, а клыки обнажились при виде Аро. Ренесми схватила его хвост, держа его как бы на привязи, вынуждая его остаться с нами. Мы достигли нашей семьи в то же самое время, когда темные фигуры окружили Аро. Теперь между нами и ними было не больше пятидесяти ярдов, любой из нас мог преодолеть это расстояние за долю секунды.

Кайус сразу начал спорить с Аро.

— Как ты можешь выносить этот позор? Почему мы стоим здесь, обесиленные перед лицом такого возмутительного преступления, покрытого таким смешным обманом? — Он держал свои руки на плечах, впиваясь когтями в свои волосы. Я задалась вопросом, почему он просто не коснется Аро, чтобы узнать его мнение. Мы уже видели разделения во взглядах в их рядах. Возможно ли такая удача?

— Потому что это правда, — спокойно ответил ему Аро, — каждое слово! Смотри сколько вампиров готово свидетельствовать о том, что они видели, как этот удивительный ребенок очень быстро растет и зреет. Они узнали её. Они чувствовали теплоту крови, чувствовали её пульс! — жестом Аро пронесся от Амуна на одной стороне до Сиобан на другой.

Кайус странно отреагировал на слова Аро, когда тот упомянул о свидетелях. Гнев, истощающийся от его особенностей, сменился на холодный подсчет. Он поглядел на свидетелей Волтури с выражением, которое выглядело неясно... Скорее даже нервно.

Я так же посмотрела в сторону толпы, и увидела, что они пытаются понять, что происходит. Дикое желание атаки сменилось недовольством.

Кайус хмурился, погрузившись в раздумья. Его неодобрительное выражение лица поддержало огонь моего тлеющего гнева в тот самый момент, когда происходящее взволновало меня. А что, если охрана так себя вела в ответ на какой-то невидимый сигнал?

С тревогой я осмотрела свой щит — он был такой же непроницаемый,

как и прежде. Я согнула его в низкий, широкий купол, который образовал дугу перед нашей компанией. Я могла чувствовать яркий факел света там, где стояла моя семья и друзья. Я подумала, что скоро, с практикой, смогу распознавать аромат каждого отдельно. Сейчас я знала, что свет Эдварда был самый яркий из всех. А вот дополнительные пустые места вокруг ярких пятен беспокоили меня, не было никакого физического барьера к щиту, и если бы какой-нибудь талантливый Волтури пробрался под ним, то щит не защитит никого, кроме меня. Я поморщилась, поскольку попыталась протянуть упругую броню как можно ближе к ним. Карлайл был дальше всех, я стала медленно протягивать маленькие нити щита, так точно к его телу, как я могла. Казалось, что мой щит хотел того же. Он менял форму, когда Карлайл подвинулся, чтобы стоять ближе к Тане. Очарованная такой реакцией, я стала тянуть нити ткани щита в сторону мерцающих форм, которые были друзьями или союзниками. Щит цеплялся за них охотно, перемещаясь, когда они двигались.

Прошла всего секунда.

Кайус всё ещё размышлял:

— Оборотни, — сказал он, наконец.

С внезапной паникой я поняла, что большинство оборотней были незащищены. Я собралась протянуть им щит, когда я поняла одну странность. Я могла чувствовать их свет. С любопытством, я с трудом протянула щит до Амун и Кеби — к самому дальнему краю нашей группы, так чтобы волки остались снаружи. Как только они оказались с другой стороны, их огни исчезли. Они больше не существовали. Но волки, оставшиеся под защитой, были ещё ярким огнем, или скорее половина из них. Хм... я стала медленно покрывать щитом каждого волка, пока не накрыла Сэма, в тот же миг и остальные волки засветились... Их мысли, должно быть, были более связаны, чем я могла вообразить. Если Альфа был под защитой, значит и остальные были защищены так же, как и он.

— Ах, брат... — ответил Аро в ответ на произнесенное Кайусом слово с огорченным видом.

— Ты тоже защищаешь их, Аро? — поинтересовался Кайус. — Дети Луны были нашими заклятыми врагами с начала времен. Мы охотились на них почти до полного уничтожения в Европе и Азии. И всё же Карлайл поощряет хорошие отношения с этой огромной заразой, без сомнений желая свергнуть нас. Наверное, чтобы защитить свой исковерканный образ жизни.

Эдвард громко откашлялся, и Кайус впился в него взглядом. Аро провел своей тонкой рукой по своему лицу, будто бы смущаясь от слов

древнего.

— Кайус — сейчас середина дня, — сказал Эдвард. Он показал на Джейкоба. — Они не дети Луны, это точно. Они не имеют отношения к вашим врагам с другой стороны мира.

— Вы выращиваете здесь мутантов! — Каус плюнул в его сторону.

Челюсть Эдварда сжалась и разжалась, после чего он сказал своим спокойным голосом:

— Они даже не оборотни. Аро может подтвердить это, если вы мне не верите.

Не оборотни? Я удивленно посмотрела в сторону Джейкоба. Он пожал плечами. Он также не знал о чем говорил Эдвард.

— Дорогой Каус, я бы попросил тебя не обсуждать этот пункт, если вы бы показали мне свои мысли, — пробормотал Аро. — Хотя эти существа думают о себе, как об оборотнях, они ими не являются. Более точное название для них будет изменяющиеся.^[21] Выбор волчьего обличия — дело случая. Они могли стать медведями, пантерами, ястребами, если в первый раз они изменились. Эти существа действительно не имеют никакого отношения к детям Луны. Они просто унаследовали этот навык от своих отцов. Это наследуется генетически — они же не продолжают свой род, они не могут передать свои возможности другим, как это делали истинные оборотни.

Кайус впился взглядом в Аро с раздражением, возможно даже в этом взгляде было обвинение в предательстве.

— Они знают нашу тайну, — сказал он категорически.

Эдвард попытался ответить на эту фразу, но Аро ответил быстрее:

— Они существа нашего сверхъестественного мира, брат. Возможно, они даже больше зависят от тайны, нежели мы. Они не могут нас выдать. Осторожно Кайус, никогда не спеши с выводами.

Кайус глубоко вздохнул и кивнул. Они пристально посмотрели друг на друга. Я подумала, что поняла то, что подразумевалось под осторожной формулировкой Аро. Ложные обвинения не помогли убедить свидетелей с обеих сторон. Аро предостерегал Кайуса от дальнейших неверных действий. Я задалась вопросом, была ли какая-то серьезная причина между этими противоположными стремлениями двух древнейших. Кайус хотел резни, которая, скорее всего, произойдет в ближайшее время, его не сильно волновала репутация клана, в то время как Аро хотел идти на контакт с нами.

— Я хочу поговорить с осведомителем, — резко объявил Кайус.

Ирина не обращала внимания на беседу между Аро и Кайусом, её

внимание было сосредоточенно на лицах своих сестер. На её лице было ясно видно, что она поняла, как ошибочны были её обвинения.

— Ирина! — крикнул Кайус.

Она была поражена и испугана. Нерешительно она стала продвигаться от краев стройных рядов Волтури, чтобы встать перед Кайусом.

— Похоже, вы ошиблись в своих утверждениях, — начал Кайус.

Таня и Кэйт с тревогой подались вперед.

— Я сожалею, — шептала Ирина. — Я должна была удостовериться в том, что увидела. Но я понятия не имела, что это возможно....

— Дорогой Кайус, неужели вы могли предположить, что она найдет объяснения тому, что мы видим? — спросил Аро, — любой из нас, увидев тоже, что видела она, решил бы точно также.

Кайус щелкнул пальцами, заставляя Аро замолчать.

— Все мы знаем, что вы сделали непростительную ошибку, — сказал он резко, — Я хотел бы узнать о ваших побуждениях.

Ирина нервно ловила каждое его слово.

— Моих побуждениях?

— Да, вы же неспроста прибыли сюда, не поинтересовавшись, в начале, у Калленов, что происходит.

Ирина вздрогнула от таких слов.

— У вас были разногласия с Каленнами, не так ли?

Она обратила свои несчастные глаза в сторону Карлайла.

— Да... — начала она.

— Потому что...? — продолжил Каус.

— Потому что оборотни убили моего друга, — прошептала она, — и Каллены запретили мне мстить.

— Изменяющиеся, — спокойно поправил Аро.

— Таким образом, Каллены воссоединились с Изменяющимися, отвернувшись от своего вида, — подвел итог Кайус.

Я слышала, как Эдвард издал звук отвращения.

Кайус искал обвинения, которых можно придерживаться в дальнейшем.

Плечи Ирины напряглись.

— Это то, что я знаю.

Кайус ожидал продолжения, но не дождавшись промолвил:

— Если ты хочешь предъявить обвинение Изменяющимся и Калленам, сейчас самое время это сделать.

Он улыбнулся крошечной жестокой улыбкой. Он ждал, когда Ирина подкинет ему ещё обвинений. Возможно, он не понимал настоящих

семейных отношений, основанных не на жажде власти, а на любви. Возможно, он переоценил её жажду мести. Ирина вздрогнула, а плечи опустились.

— Нет, у меня нет никаких жалоб против волков или Калленов. Вы прибыли сюда сегодня, чтобы уничтожить бессмертного ребенка. Но бессмертного ребенка не существует. Это было моей ошибкой, и я беру на себя полную ответственность за это. Но Каллены не виноваты, и у вас нет никаких оснований для того чтобы оставаться здесь. Я сожалею, — сказала она ему, затем повернулась в сторону остальных Волтури:

— Не было никакого преступления. Для вас нет никакой причины оставаться здесь.

Кайус поднял руку, пока она говорила, в руке он зажимал странный металлический предмет, с красивым декоративным узором. Это послужило сигналом к действию. Реакция была настолько быстра, что мы смотрели в ошеломленном неверии, в тот момент, как это случилось... Прежде чем пришло время реагировать, всё уже было кончено.

Трое из солдат Волтури прыгнули вперед и окружили Ирину своими серыми плащами. В тот же самый момент ужасный металлический визг разорвал воздух. Кайус скользил в центре схватки. Вокруг него плясали искры от металлического предмета. Солдаты вернулись обратно в строй, оставляя Кайуса среди сверкающих останков Ирины. Металлическая вещь в его руках всё ещё отбрасывала огненные искры в костер. С маленьким щелкающим звуком этот предмет перестал извергать огонь. Почти все из свидетелей, стоящих позади Волтури были в ужасе. А мы были слишком ошеломлены происходящим, чтобы хоть как-то отреагировать на то, что случилось. Это было ещё одно доказательство того, что смерть может быть жестокой, с огромной скоростью, не останавливающейся ни перед чем.

Кайус холодно улыбнулся:

— Теперь она взяла всю ответственность за свои действия.

Кайус пристально смотрел на застывшие от ужаса фигуры Тани и Кэйт.

В ту же секунду я поняла, что Кайус никогда в действительности не заблуждался насчет истинных семейных уз. Это была уловка. Кайус не хотел выслушивать жалобы Ирины, он хотел бросить нам вызов. Хрупкое перемирие между нашими сторонами очень дребезжало. Ещё немного и начнутся сражения, а если это случится, никто не сможет нас остановить. До тех пор, пока не падет одна из сторон. Наша сторона. Кайус знал это. И Эдвард знал.

— Остановите их! — закричал Эдвард, подскакивая к Тане, чтобы схватить её руки, потому что она покачнулась вперед к улыбающемуся Кайусу с раздраженным криком абсолютного гнева. Она не смогла высвободиться от Эдварда прежде, чем Карлайл успел обвить свои руки вокруг её талии.

— Слишком поздно, чтобы помочь Ирине, — быстро пробормотал он, пока она боролась, — Не давайте ему то, что он хочет!!!

Кэйт было сложнее удержать. Громко крича, как и Таня, она попыталась броситься сторону Кайуса, приближая момент общей смерти. Розали была ближе всех к ней, но прежде, чем Роуз успела заключить её в стальные объятия, Кэйт яростно вырвалась, да так, что отбросила Роуз в сторону. Эмметт поймал Кэйт за руку и повалил её на землю, где она снова попыталась сопротивляться изо всех сил. Казалось, никто не был способен остановить её. Гаррет бросился к ней, пытаясь подойти как можно ближе, он сцепил свои руки на её запястьях. Я видела как его тело сотрясает судорога, поскольку она ударила его током. Его глаза стали закрываться, но свой хватку не ослабил.

— Зафрина — крикнул Эдвард.

Глаза Кэйт опустели и её крики превратились в едва слышные стоны. Таня перестала бороться.

— Отпусти меня, — прошипела она.

Отчаянно, но со всей возможной деликатностью я выпустила Кэйт из своего щита и попыталась укрепить его как можно надежнее вокруг Гаррета, в месте, где они соприкасались, щит стал совсем тонким, как вторая кожа. После этого Гаррет смог снова сражаться.

— Будешь ли ты спокойна, если я выпущу тебя, Кэйт? — прошептал он.

Она зарычала в ответ, всё ещё сопротивляясь.

— Слушайте меня, Таня, Кэйт — сказал Карлайл своим тихим, но ясным шепотом.

— Месть не поможет ей. Ирина не хотела бы, чтобы вы потратили свои жизни впустую, избрав этот путь. Думайте о том, что вы делаете. Если вы нападете, мы все умрем.

Под тяжестью горя плечи Тани опустились, и она наклонилась к Карлайлу в поисках поддержки. Кэйт всё ещё держали. Карлайл и Гаррет быстрым, тихим шепотом пытались их успокоить.

Моё внимание вернулось к следящим за событиями Волтури, с любопытством наблюдающим за смятением в наших рядах.

Боковым зрением я могла увидеть, что Эдвард и остальные, помимо

Карлайла и Гаррета, были вновь настороже. Больше всех был недоволен происходящим Кайус, смотрящий с недоверием на Кэйт и Гаррета лежащих на снегу. Аро тоже наблюдал за ними, на лице его было выражение полного равнодушия. Он знал о том, что могла сделать Кэйт. Он чувствовал её потенциал через воспоминания Эдварда. Кажется, он начал понимать, что мой щит рос в силе и тонкости и был намного сильнее того, что помнил Эдвард. Или же ему казалось, что Гаррет изучил свои способности и смог создать свой собственный щит?

Остальные Волтури больше не стояли в ровной шеренге. Они присели на землю, наблюдая сражение Кэйт и Гаррета.

Позади них сорок три свидетеля наблюдали за происходящим с совсем другим выражением лица, чем в начале. Смятение сменилось подозрением. Бесцеремонное убийство Ирины встряхнуло их всех.

«В чем было её преступление?» — читалось у них на лицах. Без прямого нападения, на которое рассчитывал Кайус, свидетели Волтури стали чувствовать себя неудобно, они не понимали, зачем они здесь. Аро стремительно оглянулся, я успела заметить досаду на его лице. Его потребность в наблюдателях имела неприятные последствия. Я слышала ропот Стефана и Владимира, они ликовали от того, что Аро чувствовал себя неуверенно.

Однако я не думала, что Волтури оставят нас в покое только ради спасения своей репутации. После того, как они закончат с нами, они, естественно, убьют всех своих свидетелей. Я почувствовала странную, внезапную жалость к массе незнакомцев, которых привели Волтури, чтобы они увидели, как мы умираем. Деметрий охотился бы на них до тех пор пока не прикончил последнего. За Джейкобом и Ренесми, за Элис и Джаспером, за незнакомцами, которые не знали, что умрут сегодня.

Аро слегка коснулся плеча Кайуса.

— Ирина была наказана за лжесвидетельство против этого ребенка. Это их оправдание, — он продолжил. — Возможно, мы должны вернуться к другим вопросам?

Кайус выпрямился, его лицо потеряло всякую мимику. Он смотрел вперед, ничего не видя. Его лицо показалось мне странным, обычно такое выражение лица появляется у человека, которого только что понизили в должности.

Аро приблизился к нам, следом за ним отправились Рената, Феликс и Деметрий.

— Чтобы узнать полную картину происходящего, — сказал он, — я должен опросить нескольких из ваших свидетелей. Процедура, знаете ли.

Он свободно махнул рукой в нашу сторону. В тот же миг произошли сразу две вещи.

Глаза Кайуса сосредоточились на Аро, а на его лице вновь появилась крошечная, жестокая улыбка. Эдвард зашипел, его руки сжались в кулаки так сильно, что казалось, что кости в его суставах пронзят его твердую, как алмаз кожу. Я отчаянно попыталась спросить его, что случилось, но Аро был достаточно близко, чтобы услышать даже самый тихий шепот. Я увидела, как Карлайл с тревогой посмотрел на Эдварда, в тоже время на его лице проявилось понимание. Пока Кайус пытался накинуться на нас с беспочвенными обвинениями, пытаюсь вызвать тем самым борьбу, Аро продумывал более эффективную стратегию.

Аро тенью мелькнул по снегу, к далекому западному концу нашей линии, останавливаясь неподалеку от Амун и Кеби. Соседние волки сердито оскалились, но остались на позициях.

— Ах, Амун, мой южный сосед! — тепло сказал Аро. — Вы так давно не навещали меня.

Амун был неподвижен, Кеби замерла в стороне.

— Время для меня несущественно, я никогда не замечаю его бег, — сказал Амун почти не шевеля губами.

— Это верно, — согласился Аро. — Но, возможно, у вас была другая причина избегать встречи?

Амун ничего не ответил.

— Возможно, у вас слишком мало времени, которое отнимают те, кто недавно присоединились к вам? Я это хорошо понимаю! Я благодарен, что у меня есть мои друзья, чтобы избавиться от скуки. Я рад, что твои новые члены семьи вписываются так хорошо. Мне бы хотелось представиться им. Я уверен, что вы пожелали бы навестить меня.

— Конечно, — бесчувственно сказал Амун. Его тон был настолько сух, что было невозможно понять, был ли в его голосе страх или сарказм.

— Это прекрасно! Это так здорово, что мы все вместе теперь! Не так ли?

Амун кивал, его лицо стремительно бледнело.

— Но, к сожалению, причина вашего присутствия здесь не столь приятна. Карлайл обращался к вам с просьбой свидетельствовать?

— Да.

— И как ты свидетельствовал для него?

Амун продолжал говорить с той же безучастностью, как и в начале беседы.

— Я наблюдал за развитием ребенка. Почти сразу стало очевидно, что

она не является бессмертной.

— Возможно, мы должны определить нашу терминологию, — прервал его Аро, — поскольку теперь есть новые классификации. Бессмертным ребенком ты подразумеваешь, конечно же ребенка, укушенного вампиром, после чего тот, сам стал вампиром.

— Да, это то, что я подразумевал.

— Что вы ещё заметили в ребенке?

— Те же самые вещи, которые вы видели в памяти Эдварда. То, что ребенок — его биологическая дочь. То, что она растет. То, что она учится.

— Да, да — сказал Аро, легкий намек нетерпения промелькнул в его любезном тоне. — Но что ты ещё видел за те несколько недель пребывания здесь?

Бровь Амуна приподнялась.

— То, что она растет очень быстро.

— И ты полагаешься, что ей нужно разрешение на жизнь.

Я громко зашипела, и я была не одна. Половина вампиров в нашей линии вторила моему протесту. Звук был низким шипением ярости, который повис в воздухе.

Несколько свидетелей Волтури также поддержали его.

Эдвард сжал моё запястье.

Аро не поворачивался к источнику шума, но Амуна этот протест явно встревожил.

— Я не приезжал, чтобы рассуждать по этому поводу, — двусмысленно проговорил он.

Аро слегка рассмеялся.

— Только твое личное мнение.

Подбородок Амуна приподнялся.

— Я не вижу опасности в ребенке. Она учится ещё быстрее, чем растет.

Аро кивнул и развернулся.

— Аро? — окликнул его Амун.

Аро развернулся назад.

— Да, друг?

— Я дал показания. У меня больше нет дел здесь. Мой помощник и я, хотели бы покинуть вас.

Аро тепло улыбнулся.

— Конечно. Я рад, что мы немного поболтали. Я уверен, что скоро мы вновь свидимся.

Амун поджал губы в тонкую линию, признавая скрытую угрозу. Он

коснулся руки Кеби и они скрылись в лесу. Я знала, что они будут очень быстро и долго бежать.

Аро скользнул назад, в восточную сторону нашего ряда. Его охранники неловко толпились рядом. Он остановился перед массивной фигурой Сиобан.

— Привет, дорогая Сиобан. Вы прекрасны, как и всегда.

Сиобан склонила голову в знак согласия.

— И ты? — спросил он, — Ты ответишь на мои вопросы точно так же, как и Амун?

— Да, — сказала Сиобан, — Но я добавлю немного больше. Ренесми понимает ограничения. Она не опасна для людей — она воспринимается ими лучше, чем мы. Она не подвергает их жизни опасности.

— Ты в этом уверена? — трезво спросил Аро.

Эдвард заворчал.

Молочно-красные глаза Кайуса прояснились.

Рената потянулась в сторону своего господина.

Гаррет освободил Кэйт и продвинулся вперед. Он проигнорировал руки Кэйт, поскольку она попыталась предостеречь его и на сей раз.

Сиобан ответила не сразу.

— Я не думаю, что понимаю, о чем вы.

Аро слегка отодвинулся от неё, немного небрежно, однако теперь его охрана, Рената, Феликс и Деметрий оказались к нему ближе, словно бы его тень.

— Нет никакого нарушения закона, — сказал Аро умиротворенным голосом, но каждый из нас смог понять, что развязка скоро.

Я попыталась укротить гнев, рвущийся из горла, и направила его на укрепление щита. Я хотела быть уверенной в том, что все защищены.

— Никакого нарушения закона, — повторил Аро.

— Следовательно, нет никакой опасности?

— Нет, — покачал он головой. — Это отдельная проблема.

Единственный ответ ему — это то, что мы все напряглись ещё сильнее. Мэгги, стоящая в конце нашей группы гневно покачала головой.

Аро шагал с глубокомысленным видом, я заметила, что каждый его шаг приближал его к охране.

— Она уникальна... крайне, невозможно уникальна. Такая трата была бы, если бы мы убили что-то столь прекрасное, как она. Особенно, в свете последних событий.

Он тяжело вздохнул. Казалось, что ему не хотелось продолжать.

— Но есть опасность, опасность, которая не может быть

проигнорирована.

Никто не ответил на его утверждение. Наступила мертвая тишина, поскольку он продолжал свой монолог, который звучал так, будто бы он говорил за себя.

— Так нелепо выглядит прогресс людей, поскольку вера в науку выращивает их и управляет их миром, они более близки к открытию, чем мы. И всё же, сейчас, мы чувствуем себя более свободными из-за их неверия в сверхъестественное, однако их технологии ставят под угрозу наше существование, если бы они желали этого, они бы давно нас раскрыли. Смогли бы даже уничтожить некоторых из нас.

Тысячи и тысячи лет наша тайна была больше вопросом удобства, чем фактической безопасности. Прошедшее столетие родило такое оружие власти, что они подвергают опасности даже бессмертных. Теперь наша тайна спасает нас от этих слабых существ, которыми мы питаемся.

— Это удивительный ребенок, — он опустил свою руку вниз, как будто хотел дотронуться до Ренесми, хотя теперь он был далеко от неё, почти в пределах войска Волтури, — если бы мы могли знать с абсолютной точностью о её возможностях, но нет, она по-прежнему окутана мраком тайны от нас всех. Мы ничего не знаем о том, кем она станет! Мы не можем знать, что она сделает, когда вырастет.

Он сделал паузу, акцентируя своё внимание и свою речь на своих свидетелях. Его интонация голоса чем-то напоминала элементы зондирования. Продолжая смотреть на них, он продолжил.

— Только известное безопасно. Только известное терпимо. Неизвестность является... уязвимостью.

Злобно расширилась улыбка Кайуса.

— Что ты имеешь ввиду? — холодно поинтересовался Карлайл.

— Мир, друг, — Аро улыбнулся, его лицо было столь же доброе, его голос столь же нежный, как и всегда.

— Не делай поспешных выводов. Давайте посмотрим на эту проблему с разных сторон.

— Могу я представлять одну из сторон, подлежащую рассмотрению? — Гаррет подал прошение, выйдя вперед.

— Кочевник, — сказал Аро, раздумывая, после чего кивнул.

Гаррет приподнял подбородок. Его глаза сосредоточились на свидетелях Волтури. Он обращался именно к ним.

— Я приехал сюда по просьбе Карлайла, как и другие, засвидетельствовать девочку, — сказал он, — Это больше не является необходимостью, так как все мы знаем, кто она такая.

— Я остался, чтобы засвидетельствовать кое-что ещё. Вы! — он направил свою руку в сторону внимательных вампиров, — Двоих из вас я знаю. Маккена, Чарльз и я могут видеть, что многие из вас являются такими же странниками, как и мы. Подумайте тщательно над тем, что я вам сейчас скажу.

— Эти древние не прибыли сюда для правосудия, как они вам сказали. Мы многое подозревали в отношении них, и многое сегодня было доказано. Они прибыли сюда, введенные в заблуждение, но с оправданием за их действия. Засвидетельствуйте теперь, поскольку они ищут повод продолжить их истинную миссию. Они изо всех сил пытаются найти оправдание в их истинной цели, — уничтожить эту семью.

Он указал на Карлайла и Таню.

— Волтури здесь для того чтобы убрать тех, в ком они чувствуют соперников.

— Возможно вы, как и я, смотрите на эти золотые глаза, как на чудо. Но древние смотрят и видят кое-что помимо их странного выбора. Они видят власть. Эти странные с золотыми глазами отрицают свою самую природу. Но взамен они нашли кое-что большее, чем простое вознаграждение их желаний. Я провел небольшое исследование здесь и кое в чем убедился. Их крепкие семейные узы стали следствием отказа от крови. Их мирный характер дает такую возможность. Нет никакой агрессии, которую мы видели в больших южных кланах, которые росли и уменьшались так быстро в их дикой вражде. Нет никаких мыслей о лидерстве. И Аро знает это лучше, чем я.

Я наблюдала за лицом Аро, поскольку слова Гаррета осуждали его, я ожидала напряженного, нервного ответа. Но лицо Аро выражало то же вежливое удивление, будто показывая, что ему безразличен этот спектакль.

— Карлайл убедил нас, тех, кто прибыл ему на помощь, что ему не нужны воины, а только лишь свидетели. Эти свидетели, — Гаррет указал на Сиобан и Лиам, — согласились свидетельствовать, чтобы остановить правосудие Волтури, чтобы Карлайл мог представить доказательства невинности Калленов.

— Но некоторые из нас задавались вопросом, — его взгляд упал на Элезара, — если Карлайла, с его правдой, будет достаточно, чтобы остановить правосудие, то что сделают Волтури — защитят безопасность нашей тайны или защитят свою власть? Они прибыли, чтобы разрушить противозаконное создание или образ жизни этой семьи? Они могли быть удовлетворены тем, что опасности здесь нет? Что это всего лишь небольшое недоразумение? Или они действовали бы без оправданий со

стороны правосудия?

— У нас есть ответ на все эти вопросы. Мы слышали это в словах Аро, в нетерпеливой улыбке Кайуса. Их охрана — только бессмысленное оружие, действующее так, как им скажут. Так что теперь появляются другие вопросы. Вопросы, на которые вы должны ответить нам. Кто управляет вами, кочевники? Вы действуете по сужой воле, вопреки собственной? Действительно ли вы свободно выбираете свой путь, или Волтури решают, как вам жить? Я приехал сюда, чтобы засвидетельствовать. Я остаюсь, чтобы бороться. Волтури ничего не стоит убить ребенка. Они ищут смерти нашей доброй воле.

Он повернулся, чтобы стоять лицом к древним.

— Вы за этим приехали, не так ли? Не надо лжи. Будьте честны в своих намерениях, так как мы честны в своих. Мы хотим защитить свою свободу. Или вы уходите или начинайте атаковать. Выбирайте, позвольте свидетелям увидеть истинную проблему, которую обсуждают здесь.

Гаррет снова обратился к свидетелям Волтури. Его слова имели влияние на них — это было заметно по выражениям их лиц.

— Вы можете присоединиться к нам. Если вы думаете, что Волтури позволят жить вам, после того, что вы увидели или слышали здесь, то вы ошибаетесь. Мы все можем быть уничтожены, — он пожал плечами, — но, с другой стороны, возможно и нет. Возможно, мы находимся на более твердой почве, чем они думают. Возможно, Волтури встретили, наконец, достойных противников. Я обещаю вам это, хотя если мы падём — падете и вы тоже.

Он закончил свою горячую речь, возвращаясь к Кэйт, после чего чуть заскользил вперед, готовясь к нападению.

Аро улыбнулся.

— Очень симпатичная речь, мой революционный друг.

Гаррет оставался готовым к нападению.

— Революционер? — проворчал он, — Против кого я восстаю, позволю спросить? Вы — мой король? Вы желаете, чтобы я был таким, же подхалимом, как и ваша охрана?

— Мир, Гаррет, — сказал Аро терпимо. — Я помню, когда вы родились. Вы всё ещё патриот, как я вижу.

Гаррет зарычал.

— Давайте спросим наших свидетелей, — предложил Аро. — Давайте услышим их мысли прежде, чем примем решение. Скажите нам, друзья.

Аро повернулся к нам спиной и направился в сторону возбужденных наблюдателей, которые передвинулись ещё ближе к краю поляны.

— Что вы думаете обо всем этом? Я могу уверить вас, что ребенок не то, чего мы боялись. Мы рискнем и позволим жить этому ребенку? Мы сделаем наш мир опасным, чтобы сохранить невредимой эту семью? Или вы считаете, что Гаррет прав? Вы присоединитесь к ним в борьбе против наших внезапных проявлений доминиона?

Свидетели встретили его пристальный взгляд с осторожностью на лицах. Маленькая темноволосая женщина, кротко смотрела на темного белокурого мужчину в стороне.

— Это наш единственный выбор? — внезапно спросила она у Аро. — Быть с вами, или быть против вас?

— Конечно, нет, моя очаровательная Макенна, — сказал Аро, будто ужасаясь этой фразе, тому факту, что любой может прийти к такому заключению. — Вы можете уйти, как это сделал Амун.

Макенна посмотрела на лицо своего помощника, он кивнул.

— Мы не приезжали сюда для борьбы. Она сделала паузу, выдохнула, затем продолжила. — Мы приехали сюда, чтобы засвидетельствовать. И наши слова — эта семья невиновна. Всё, чего требовал Гаррет, является правдой.

— Ах, — печально сказал Аро. — Я сожалею, что вы видите нас такими. Но такова природа наших обязанностей.

— Это не то, что я вижу, а то, что я чувствую, — помощник Макенны говорил высоким, возбужденным голосом.

Он поглядел на Гаррета.

— Гаррет говорил, что у них есть возможность распознавать ложь. Я также знаю, когда слышу правду, а когда ложь. — Он придвинулся ближе к Макенне, ожидая реакции Аро.

— Не бойся нас, друг Чарльз. Без сомнений, патриот действительно верит тому, что говорит. — Аро слегка хихикнул, и глаза Чарльза сузились.

— Это всё, что мы хотели сказать, — произнесла Макенна, — теперь мы уезжаем.

Она и Чарльз медленно двинулись в сторону леса, не поворачиваясь, прежде, чем оказались в листве деревьев. Один из незнакомцев последовал их примеру. Я оценила отвагу тех, кто остался. Правда, некоторые были слишком смущены, чтобы принять правильное решение. Но большинство, похоже, прекрасно знали, что происходит, и они выбирали нас. Я была уверена в том, что Аро тоже это знает. Он отвернулся и направился в сторону своей охраны. После чего он к ним обратился:

— Мы превзойдены по численности, мои дорогие, — сказал он. — Мы не можем ожидать помощи извне. Мы должны оставить этот вопрос

неразрешенным, что быть спасенными?

— Нет, хозяин, — прошептали они в унисон.

— Защита нашей мировой ценности может пошатнуться, если нас станет меньше?

— Нет, — задышали они. — Мы не боимся!

Аро улыбнулся и повернулся к своим компаньонам, одетым в черные одеяния.

— Братья, — мрачно начал Аро, — есть кое-что, что мы должны рассмотреть.

— Давайте посоветуемся, — сказал Кайус нетерпеливо.

— Давайте посоветуемся, — Маркус повторил фразу своим безразличным тоном.

Аро повернулся и встал как можно ближе к другим древним. Они соединили руки, чтобы сформировать черный треугольник. Как только Аро сосредоточился на тихом совещании, ещё двое свидетелей исчезли в лесу. Я надеялась, что они сделают это быстро. Спокойно я отстранила руки Ренесми от своей шеи.

— Вы помните то, что я вам сказала? — слезы Ренесми хлынули из её глаз, но она кивнула.

— Я люблю вас, — прошептала она.

Эдвард наблюдал за нами свои глазами цвета топаза.

Джейкоб уставился на нас.

— Я тоже вас люблю, — сказала я, и коснулась её медальона, — больше, чем моя собственная жизнь. Я поцеловала её в лоб.

Джейкоб тревожно зарычал.

Я коснулась его и зашептала ему в ухо.

— Подождите, пока они полностью не отвлекутся от нас, а затем бегите. Бегите как можно дальше отсюда.

Лица Эдварда и Джейкоба были почти охвачены почти одинаковыми масками ужаса, несмотря на то, что один из них был волком. Ренесми коснулась Эдварда и он взял её на руки. Он сильно сжал её в своих объятиях.

— Это то, что ты скрывала от меня? — прошептал он, глядя её по голове.

— От Аро, — задышала я.

— Элис?

Я кивнула.

Его лицо искривилось от понимания и боли. Его лицо — копия моего собственного, когда я соединила подсказки Элис воедино вчера вечером.

Джейкоб успокоено заворчал.

Эдвард поцеловал лоб Ренесми и усадил её на плечи к Джейкобу. Она проворно взобралась к нему на спину, удобно устроившись между его лопаток. Джейкоб повернулся ко мне, его выразительные глаза были полны муки, грохочущие рычание разрывало его грудь.

— Ты единственный, кому я могу довериться её, — пробормотала я. — Я знаю, что ты можешь защитить её, Джейкоб.

Он вновь тихо зарычал, после коснулся моего плеча.

— Я знаю, — прошептала я, — я также люблю тебя, Джейкоб. Ты всегда был моим лучшим другом.

Слеза, размером с бейсбольный мяч скатилась по его щеке и упала в красновато-коричневый мех чуть ниже его глаз.

— До свидания, Джейкоб, мой брат... мой сын, — прошептал Эдвард.

Другие не обращали внимания на прощальную сцену. Их глаза неотрывно смотрели на черный треугольник, но я могла сказать с точностью, что они слушали.

— Надежды нет? — прошептал Карлайл. В его голосе не было никакого страха. Только понимание происходящего.

— Есть надежда, — пробормотала я. — Это должно быть так. Я знаю это. Я знаю свою собственную судьбу.

Эдвард взял мою руку. Он знал, что это и про него тоже. Когда я говорила про свою судьбу, я подразумевала и его тоже. Мы были половинками одного целого. Эсме тяжело задышала позади нас. Она двинулась мимо нас, коснувшись наших лиц, чтобы стоять рядом с Карлайлом и взять его за руку. Внезапно мы были окружены, наши свидетели, помощники, друзья тихо шептали прощания, говорили про то, что любят нас.

— Если мы переживем это, — прошептал Гаррет Кэйт, — я буду следовать за тобой, куда бы ты ни пошла, женщина.

— Теперь он говорит мне это, — пробормотала она.

Розали и Эмметт поцеловались быстро, но неистово.

Тиа ласкала лицо Бенжамина. Он бодро улыбнулся, поймал её руку и приложил к своей щеке. Я не успела разглядеть все сцены любви и прощания, потому что была внезапно отвлечена от происходящего давлением за пределом моего щита. Я не могла сказать, когда это началось, но было такое чувство, что это было направлено на края нашей группы. На Лиам и Сиобан особенно. Давление не нанесло ущерба, спустя какое-то время оно ушло. Не было никакого изменения в треугольнике, но, возможно, был какой-то сигнал, который я пропустила.

— Приготовьтесь, — прошептала я, — сейчас начнется.

Глава 38

Сила

— Челси пытается разрушить нашу привязанность друг к другу, — прошептал Эдвард, — но она не может ничего нащупать, она не чувствует ее, — он мельком взглянул на меня, — Это ты ей мешаешь?

Я злорадно ухмыльнулась: — И не только ей.

Внезапно Эдвард метнулся в сторону от меня, протягивая руку в сторону Карлайла. В тот же миг, я почувствовала более сильный удар по щиту в том месте, где он прикрывал Карлайла. Это было не болезненно, но все же не приятно.

— Карлайл? Ты в порядке? — задыхаясь, в отчаянии спросил Эдвард.

— Да. А в чем дело?

— Джейн, — ответил Эдвард.

В тот момент, когда он произнес ее имя, дюжина точечных ударов одновременно обрушилась на щит, целясь в двенадцать ярких пятен. Я сосредоточилась, проверяя целостность щита. Кажется, Джейн было не по силам пронзить его. Я быстро осмотрелась, все были невредимы.

— Невероятно, — сказал Эдвард.

— Почему они не ждут решения? — прошептала Таня.

— Обычная процедура, — жестко ответил Эдвард, — они, как правило, заранее выводят обвиняемых из строя, чтобы те не смогли сбежать.

Я взглянула на Джейн, которая, не веря своим глазам, в ярости смотрела на нас. Я была абсолютно уверена, что она никогда не встречала никого кроме меня, кто мог бы устоять перед ее сжигающей атакой.

Пусть это было немного по-детски. Но я знала, что Аро потребуется примерно полсекунды, чтобы понять — если он уже не догадался — что мой щит более мощен, чем это было известно Эдварду. На моем лбу уже красовалась огромная мишень, так что не имело никакого смысла делать тайну из своих способностей. Поэтому я ухмыльнулась широкой самодовольной улыбкой в лицо Джейн.

Ее глаза сузились, и я почувствовала давление нового удара, на сей раз направленного на меня.

Я улыбнулась еще шире, показывая зубы.

С губ Джейн сорвался громкий разъяренный визгливый вопль. Все подскочили, даже вымуштрованная охрана. Все, кроме совещающихся

великих бессмертных, которые не удостоили происходящее более чем мимолетным взглядом. Ее близнец поймал ее за руку, поскольку она уже присела для прыжка.

Румыны в предвкушении захихикали.

— Говорил я тебе, что пришло наше время, — сказал Владимир Стефану.

— Вы только посмотрите на лицо этой ведьмы, — захохотал Стефан.

Алек успокаивающе погладил плечо сестры, а потом обнял ее одной рукой. Он повернулся к нам, его лицо было невероятно гладким, практически ангельским.

Я ждала какого-то давления, хоть какого-нибудь признака его нападения, но я ничего не чувствовала. Он продолжал сосредоточенно смотреть на нас. Он нападает? Проникает ли он сквозь мой щит? Не являюсь ли я единственной, кто еще видит его? Я крепко схватила Эдварда за руку.

— Ты в порядке? — выдохнула я.

— Да, — прошептал он.

— Алек атакует?

Эдвард кивнул, — Его дар действует медленнее, чем у Джейн. Он постепенно наползает. Коснется нас через несколько секунд.

Как только я поняла, что надо искать, я тут же увидела это.

Станный прозрачный туман медленно сочился сквозь снег практически невидимый на белом. Это напомнило мне мираж — едва искаженное видение, легкое дрожание. Я толкнула свой щит вперед, подальше от Карлайла и всех остальных, опасаясь, что крадущийся туман окажется слишком близко в момент нападения. Что делать, если он проникнет через мою неосязаемую защиту? Придется бежать?

Под ногами раздался низкий грохочущий звук, и внезапный порыв ветра превратил снегопад в редкие снежинки между нами и Волтури. Бенджамин тоже видел наплывающую угрозу, и пытался сдуть туман в сторону от нас. Благодаря снегу было понятно, куда сдувал его ветер, но на туман это никак не повлияло. Это было так, будто воздушный поток бесследно протекал через тень; тень была неуязвима.

Совещавшаяся троица наконец-то отвлеклась друг от друга, когда с невыносимым стонущим звуком посередине поляны длинным зигзагом пролегла глубокая, узкая трещина. На какой-то момент земля приподнялась под моими ногами. Сугробы снега обрушились в расщелину, но туман по-прежнему скользил поверх нее, неподвластный гравитации, также как и ветру.

Аро и Кайус широко раскрытыми глазами уставились на разверзнувшуюся землю. Маркус смотрел в том же направлении абсолютно равнодушно.

Они молча ждали, когда туман достигнет нас. Ветер завыл громче, но не изменил направление тумана. Теперь Джейн улыбалась.

А потом туман ударился об стену.

Я почувствовала это, как только он коснулся моего щита — у тумана был плотный, чересчур сладкий аромат, смутно напомнивший мне ощущение онемения от Новокаина.

Туман вился вверх в поисках бреши или проема в щите. Но ничего не находил. Ищущие щупальца тумана, обхватывая мой щит со всех сторон в попытках проникнуть внутрь, наглядно показывали его невероятные размеры.

С обеих сторон ущелья, сотворенного Бенджамином, слышались вздохи.

— Отлично, Белла! — тихо одобрил Бенджамин.

Я улыбнулась в ответ.

Я видела суженные глаза Алекса, сомнение, впервые появившееся на его лице, пока его туман безвредно кружил по границам моего щита.

И в этот момент я поняла, на что я способна. Очевидно, что теперь я на первом месте в списке смертников, но пока я держусь, мы более чем равны по силе с Волтури. У нас также все еще есть Зафрина и Бенджамин, а с их стороны никакой сверхъестественной поддержки. Пока я держусь.

— Мне необходима концентрация, — шепнула я Эдварду, — когда дойдет до рукопашной, мне будет сложно держать щит вокруг всех наших.

— Я прикрою тебя.

— Нет. Ты должен добраться до Деметрия. Зафрина будет их сдерживать подальше от меня.

Зафрина торжественно кивнула.

— Никто ее не тронет, — пообещала она Эдварду.

— Я бы сама хотела разобраться с Джейн и Алеком, но от меня здесь будет больше пользы.

— Джейн моя, — зашипела Кейт, — ей следует попробовать вкус ее собственного снадобья.

— Алек задолжал мне очень много жизней, но мне хватит его одного, — зарычал с другой стороны Владимир, — Он мой.

— Мне нужен только Кайус, — спокойно сказала Таня.

Другие тоже начали разбирать противников по себе, но были быстро прерваны.

Аро, спокойно смотревший на бесполезный туман Алека, наконец заговорил.

— До того, как мы проголосуем, — начал он.

Я зло встряхнула головой. Мне надоели эти загадки. Жажда крови вновь загоралась во мне, и я жалела, что мне придется спокойно стоять, чтобы помочь другим. Я хотела драки.

— Позвольте мне напоминать вам, — продолжил Аро, — какое бы ни было решение совета, мы должны избежать насилия.

Эдвард рыкнул в мрачной усмешке.

Аро печально взглянул на него, — Для нашего вида будет прискорбной утратой потеря любого из вас. Особенно тебя, юный Эдвард, и твоей новорожденной подруги. Волтури были бы рады приветствовать многих из Вас в своих рядах. Белла, Бенджамин, Зафрина, Кейт, перед Вами много возможностей. Оцените их.

Челси пыталась посеять в нас сомнение, но была бессильна против моего щита. Аро пристально вглядывался в наши полные решимости глаза, ища любой признак колебания. Но, судя по выражению его лица, никто не поддался.

Я знала, что он отчаянно пытался удержать Эдварда и меня, пленив нас так же, как надеялся покорить Элис. Но у этой битвы будет слишком большой размах. Он не победит, пока я жива. Я была отчаянно рада, что настолько сильна, что не оставила ему никакого другого выхода, кроме как убить меня.

— Что ж, перейдем к голосованию, — сказал он с очевидным нежеланием.

Кайус заговорил с нетерпеливой поспешностью, — Ребенок — неизвестное существо. Нет никакой причины позволить такому риску существовать. Он должен быть уничтожен, вместе со всеми, кто защищает его.

Он выжидающе улыбнулся.

Я подавила вопль вызова, рвущийся в ответ на его жестокую ухмылку.

Маркус поднял свои равнодушные глаза, казалось, что он смотрит мимо нас, высказывая свое мнение.

— На данный момент я не вижу никакой опасности. Ребенок вполне безопасен. Мы всегда можем переоценить ситуацию позже. Предлагаю, разойтись миром.

Его голос был еще более слабым, чем еле слышные вздохи его братьев.

Но никто из охраны не расслабился после его слов. Кайус по-

прежнему самодовольно усмехался. Это было так, будто Маркус не произнес ни слова.

— Видимо, за мной решающий голос, — размышлял Аро.

Внезапно, Эдвард замер около меня.

— Да! — прошипел он.

Я рискнула посмотреть на него. Его лицо озарилось выражением триумфа, который я не могла понять — это было выражение, которое могло бы быть на лице ангела разрушения, смотрящего на пылающий внизу мир. Прекрасно и ужасающе.

Охрана отреагировала на это недовольным бормотанием.

— Аро? — позвал Эдвард, почти крича, с нескрываемой победой в голосе.

Аро на секунду заколебался, тревожно оценивая этот новый настрой, прежде чем ответил, — Да, Эдвард? Ты хочешь что-то добавить...?

— Возможно, — вкрадчиво ответил Эдвард, сдерживая свое необъяснимое возбуждение, — Для начала могу я уточнить один момент?

— Конечно, — подняв брови, сказал Аро, в его голосе был только вежливый интерес. Я сцепила зубы; Аро никогда не бывает более опасен, чем когда проявляет великодушие.

— Та опасность, которая, по вашему мнению, исходит от моей дочери, вызвана тем, что мы не можем предугадать ее дальнейшее развитие? В этом основная причина?

— Да, Эдвард, мой друг, — согласился Аро, — Если бы мы точно знали...будь у нас уверенность в том, что она сможет скрывать свою суть от человеческого мира, не подвергая опасности разоблачения наш мир ..., - он замолчал, пожимая плечами.

— Стало быть, если бы мы только могли знать наверняка, — предложил Эдвард, — кем точно она станет ... необходимости в совете не было бы вообще?

— Если бы был какой-нибудь способ быть абсолютно уверенным, — согласился Аро, его еле слышный голос стал чуть более пронзительным. Он не понимал, к чему клонит Эдвард. И я тоже. — Тогда, безусловно, нам не о чем было бы спорить.

— И мы бы расстались в мире, вновь хорошими друзьями? — с легкой иронией спросил Эдвард.

Еще более пронзительно, — Конечно, мой юный друг. Ничто бы не обрадовало меня больше.

Эдвард торжествующе ухмыльнулся, — Тогда у меня есть, что добавить.

Глаза Аро сузились, — Она абсолютно уникальна. Ее будущее — это всего лишь предположения.

— Не абсолютно уникальна, — не согласился Эдвард, — Безусловно, случай очень редкий, но она не одна в своем роде.

Я изо всех сил боролась с шоком, с внезапной ожившей надеждой, поскольку это могло отвлечь меня. Мутный туман все еще клубился по краям моего щита. И как только я попыталась вновь сфокусироваться, я опять почувствовала давление чего-то острого на свою защиту.

— Аро, не мог бы ты попросить Джейн перестать атаковать мою жену? — вежливо спросил Эдвард, — мы все еще обсуждаем доказательства.

Аро поднял руку, — Хватит, моя дорогая. Давайте выслушаем его.

Давление исчезло. Джейн оскалилась на меня, я не смогла ответить ей тем же.

— Почему бы тебе не присоединиться к нам, Элис? — громко позвал Эдвард.

— Элис, — шокировано прошептала Эсме.

Элис!

Элис, Элис, Элис!

— Элис! Элис! — услышала я возгласы вокруг меня.

— Элис, — выдохнул Аро.

Облегчение и неистовая радость нахлынули на меня. Потребовалась вся моя воля, чтобы удержать щит на месте. Туман Алека все еще скользил по нему в поисках слабины, и Джейн бы тут же увидела прорехи.

А потом я услышала, как они бегут через лес, летят, сокращая дистанцию настолько быстро, насколько это было возможно, не сбавляя скорость.

Обе стороны замерли в ожидании. Свидетели со стороны Волтури хмурились в замешательстве.

А потом Элис танцующей походкой вышла на поляну с юго-запада, и я с трудом стояла на ногах от счастья, что я вновь могу видеть ее лицо. Джаспер держался всего в нескольких дюймах от нее, его пронизательный взгляд на этот раз был жестким. Следом за ними бежали трое незнакомцев, первой была высокая мускулистая женщина с растрепанными темными волосами — очевидно Качири. Она тоже вся была какая-то удлинённая, как и остальные Амазонки, в ней это проявлялось даже больше, чем в остальных. Второй была вампирша с оливковой кожей, ее черные волосы были заплетены в длинную косу, покачивавшуюся у нее за спиной. Ее

глубокие глаза цвета бургунди нервно метались, осматривая напряженную ситуацию перед ней.

Последним был молодой человек...не такой быстрый, не такой легкий в своем беге. Его кожа была насыщенного темно-коричневого цвета. Его глаза бегло скользили по собравшимся, они были карими, теплого цвета тикового дерева. Его черные волосы также были заплетены в косу, как и у женщины, но не в такую длинную. Он был очень красив.

Как только он приблизился к нам, новый звук вызвал волну шока, прокатившуюся по наблюдавшим вампирам — звук еще одного сердцебиения, усилившегося от нервного напряжения.

Элис легко перепрыгнув через рассеивающийся туман, охватывающий мой щит, подошла и остановилась возле Эдварда. Я потянулась к ней, чтобы коснуться ее руки, то же самое сделали Эдвард, Эсме, Карлайл. Не было никакой возможности поприветствовать ее иначе. Джаспер и остальные последовали за ней через щит.

Вся охрана с большим интересом наблюдала, как прибывшие без труда пересекают невидимую границу моего щита. Крепыши вроде Феликса, и он в том числе, устали на меня со внезапной надеждой. Они не могли знать точно, что именно может задерживать мой щит, но теперь для них было очевидно, что он беззащитен перед физическим нападением. Как только Аро отдаст приказ, они молниеносно бросятся в атаку, и я буду их единственной целью. Я гадала, скольких из них сможет ослепить Зафрина, и насколько это сможет их замедлить. Достаточно ли будет времени Владимиру и Кейт, чтобы вывести из строя Алека и Джейн? Это было все, о чем я могла просить.

Эдвард, не смотря на то, что был сосредоточен на удачном исходе, к которому он вел, застыл в ярости в ответ на их мысли. Однако он взял себя в руки и снова обратился к Аро.

— Все эти недели Элис искала своих свидетелей, — сказал он, — И она вернулась не с пустыми руками. Элис, почему бы тебе не представить свидетелей, которых ты привела?

Кайус зарычал, — Время для свидетельствований прошло! Говори свое решение, Аро!

Аро поднял один палец, призывая брата замолчать, его глаза неотрывно смотрели на Элис.

Элис шагнула вперед и представила незнакомцев, — Это — Хайлин и ее племянник, Науэль.

Слышать ее голос было так...так, как будто она никогда не покидала нас.

Глаза Кайуса сузились, когда Элис назвала отношения между Хайлин и Науэлем. Свидетели Волтури зашептались между собой. Мир вампиров изменялся, и все это понимали.

— Говори, Хайлин, — приказал Аро, — Расскажи нам то, ради чего вас привели сюда.

Невысокая женщина нервно взглянула на Элис. Элис ободряюще кивнула ей, а Качири положила свою длинную руку на маленькое плечо вампириши.

— Меня зовут Хайлин, — представилась женщина на внятном английском, но со странным акцентом. Когда она продолжила, стало понятно, что она готовилась, чтобы рассказать эту историю. Звучала она так будто старая сказка, — полтора века назад я жила со своими соплеменниками в племени Мапуче. Мою сестру звали Пиир. Наши родители называли ее в честь снега в горах из-за ее очень светлой кожи. Она была очень красива — слишком красива. Однажды она рассказала мне об ангеле, которого встретила в лесах, и который приходил к ней ночью. Я предостерегла ее, — Хайлин мрачно покачала головой, — как будто синяки на ее теле не были достаточным предупреждением. Я знала, что это Демон смерти из наших легенд, но она не стала меня слушать. Она была околдована.

Потом, когда она была уверена, что в ней растет ребенок темного ангела, она рассказала мне об этом. Я не стала отговаривать ее от побега из племени, я знала, что наши родители согласятся с тем, что ребенка надо уничтожить, и Пиир вместе с ним. Я ушла вместе с ней в самую чащу леса. Она долго искала своего демона в ангельском обликии, но так и не нашла. Я заботилась о ней, охотилась для нее, когда она совсем ослабела. Она ела сырое мясо, пила кровь животных. Мне стало совершенно ясно, кого именно она вынашивает внутри себя. Я лишь надеялась, что мне удастся сохранить ей жизнь до момента, когда я смогу убить монстра.

Но она любила этого ребенка внутри нее. Она назвала его Науэлем, как дикую лесную кошку, после того как он стал сильнее и стал ломать ей кости — и все равно она любила его.

Я не смогла спасти ее. Когда ребенок вырвался из нее наружу, она быстро умерла, все это время умоляя о том, чтобы я заботилась о ее Науэле. Это было ее последнее желание, и я согласилась.

Он укусил меня сразу же, как только я вынула его из ее тела. Я уползла подальше в джунгли, чтобы умереть там. Далеко уползти мне не удалось — боль была слишком сильной. Но он нашел меня. Новорожденный младенец сам пробрался через густой подлесок, чтобы остаться возле меня. Когда

боль утихла, я увидела его свернувшегося во сне рядом со мной.

Я заботилась о нем, пока он не научился охотиться самостоятельно. Мы охотились в деревнях, окружающих наш лес, но всегда были только вдвоем, сами по себе. Мы никогда не покидали наш дом. Но Науэль захотел увидеть ребенка здесь.

Хайлин опустила голову, когда закончила свой рассказ и отступила назад, частично спрятавшись за спиной Качири.

Губы Аро сжались в линию. Он уставился на темнокожего юношу.

— Науэль, тебе сейчас сто пятьдесят лет? — с сомнением спросил он.

— Плюс-минус десятилетие, — ответил он ясным, очаровательно теплым голосом, — мы не считаем.

— И в каком возрасте ты стал взрослым?

— Спустя приблизительно семь лет после моего рождения я стал совершенно взрослым.

— И с тех пор ты не менялся?

Науэль пожал плечами, — Нет, я не заметил.

Я почувствовала, как дрожь пробежала по телу Джейкоба. Я не могла сейчас думать об этом. Я дождусь, когда опасность исчезнет и смогу сосредоточиться.

— Чем питаешься? — с нажимом спросил Аро, вопреки самого себя проявляя любопытство.

— В основном кровью, но могу есть и человеческую пищу. Сойдет вполне для выживания. В основном кровь, но могу есть и человеческую пищу. Сойдет вполне для выживания. Говориться совершенно взрослым, мы не считаем за спиной Качири.

— Ты смог создать бессмертную? — Аро жестом указал на Хайлин, и в его голосе опять послышалась уверенность. Я сконцентрировалась на своем щите; возможно, Аро ищет новый повод.

— Да, но никто из остальных этого не может.

Шокированный ропот пробежал по всем собравшимся.

Брови Аро взлетели вверх, — Остальные?

— Мои сестры, — Науэль снова пожал плечами.

На мгновение у Аро был совершенно дикий взгляд, но потом он взял себя в руки.

— Не расскажешь ли нам остальную часть своей истории, видимо, там есть еще кое-что.

Науэль нахмурился.

— Через несколько лет после смерти моей матери объявился мой отец, он искал меня, — его красивое лицо исказилось, — он был рад тому, что

нашел меня, — судя по тону Науэля он не разделял чувства своего отца, — У него было еще две дочери, но сыновей больше не было. Он рассчитывал, что я присоединюсь к нему, как это сделали они. Он был удивлен, что я не одинок. Мои сестры не обладают ядом, но зависит ли это от пола, или это случайность....кто знает. У меня уже была семья с Хайлин, и он меня не заинтересовал, — интонацией он придал иное значение последнему слову, — возможными переменами. Я вижу его время от времени. Теперь у меня еще одна сестра, она повзрослела где-то десять лет назад.

— Имя твоего отца? — спросил Кайус сквозь сжатые зубы.

— Джохэм, — ответил Науэль, — он считает себя ученым. Он думает, что создает новую сверх-расу.

Науэль даже не пытался скрыть отвращение в своем голосе.

Кайус взглянул на меня. — Твоя дочь. Она ядовита? — требовательно спросил он.

— Нет, — ответила я. Голова Науэля вскинулась от вопроса Кайуса, и теперь взгляд его карих глаз вцепился в мое лицо.

Кайус ждал одобрения от Аро, но Аро был слишком занят своими собственными мыслями. Он, сжимая губы, внимательно посмотрел сначала на Карлайла, потом на Эдварда и, наконец, его глаза замерли на мне.

Кайус зарычал, — Сначала мы разберемся с этим отклонением здесь, а затем отправимся на юг, — убеждал он Аро.

Аро долго напряженно всматривался в мои глаза. Я понятия не имела, что он искал в них или что нашел, но после того, как он мерил меня взглядом в течение этого долгого момента, в его лицо что-то изменилось, лишь намек в чертах его лица, но я поняла, что Аро принял свое решение.

— Брат, — мягко обратился он к Кайусу, — Здесь нет никакой опасности. Безусловно, это необычная мутация, но я не вижу в ней угрозы. Похоже, что эти полувампиры очень похожи на нас.

— Это твое решение? — спросил Кайус.

— Да.

Кайус нахмурился, — А этот Джохэм? Этот бессмертный, столь увлеченный экспериментами?

— Видимо, нам придется побеседовать с ним, — согласился Аро.

— Остановите Джохэма, если хотите, — решительно сказал Науэль, — но не трогайте моих сестер. Они не виновны.

Аро важно кивнул. А потом повернулся к своей гвардии с теплой улыбкой.

— Дорогие мои, — воззвал он к ним, — сегодня мы не будем сражаться.

Охрана дружно кивнула и расслабленно выправилась, сменив свои позы готовности к атаке. Туман стремительно рассеивался, но я продолжала держать щит на случай, если все это было еще одной уловкой.

Я анализировала выражения их лиц, когда Аро опять повернулся к нам. На его лицо замерло обычное милостивое выражение, но на этот раз я почувствовала, что за этим выражением больше ничего не кроется. Как будто все его планы и интриги исчезли. Кайус был явно в бешенстве, но теперь его ярость была обращена на своих; он был покорен, его поставили на место. Маркус выглядел...скучающим; на самом деле по-другому и нельзя описать выражение его лица. Дисциплинированная охрана не выражала никаких эмоций. Среди них невозможно было выделить отдельных представителей, они представляли собой одно целое. Все они стояли выстроившись, готовые к отбытию. Свидетели Волтури все еще выражали беспокойство, один за другим они уходили, растворясь в лесах. Чем меньше их становилось, тем с большей скоростью исчезали оставшиеся. Вскоре они все ушли.

Аро протянул нам руки практически в извиняющемся жесте. Позади него основная часть охраны, а также Кайус, Маркус и безмолвствующие, таинственные жены быстро скользили вдаль все в том же строгом, нерушимом порядке. Только трое, которые, видимо, были личными охранниками Аро, остались рядом с ним.

— Как я рад, что все разрешилось без насилия, — сладко произнес он, — Мой дорогой Карлайл, как я рад, что вновь могу назвать тебя другом. Я надеюсь, что вы не держите на меня зла. Я знаю, что вы с пониманием относитесь к тому нелегкому бремени, что лежит на наших плечах.

— Иди с миром, Аро, — натянуто ответил Карлайл, — Пожалуйста, помни, что мы имеем право на свое инкогнито здесь, и пусть твоя гвардия воздержится от охоты в этом регионе.

— Конечно же, — уверил его Аро, — Мне очень жаль, что теперь я заслужил твое неодобрение, мой дорогой друг. Возможно, со временем ты простишь меня.

— Возможно, со временем, если ты докажешь, что вновь являешься нашим другом.

Аро склонил голову, изображая раскаяние, и через секунду, буквально только что отвернувшись от нас, он уже скользил в противоположном направлении. Мы в молчании наблюдали, как последние четверо из Волтури исчезают в деревьях.

Было очень тихо. Я все еще держала свой щит.

— Все кончено, на самом деле? — прошептала я Эдварду.

Он широко улыбнулся, — Да. Они сдались. Как и все задиры, они всего лишь трусы, прикрывающиеся своим чванством, — Он засмеялся.

Элис смеялась вместе с ним, — Ну, серьезно, народ. Они не вернутся. Все могут расслабиться.

Еще одна минута затишья.

— Опять не повезло, — пробормотал Стефан.

И тут всех прорвало.

Посыпались поздравления. Оглушающий многоголосый вой заполнил поляну. Мэгги похлопывала Сиобан по спине. Розали и Эмметт снова поцеловались — на этот раз дольше и более пылко, чем прежде. Бенджамин и Тиа заключили друг друга в объятия, также как и Кармен с Элиазаром. Эсме крепко обнимала Элис и Джаспера. Карлайл горячо благодарил южноамериканских гостей, спасших нас всех. Качири стояла рядом с Зафриной и Сенной, их пальцы были тесно переплетены. Гарретт, схватив Кейт, кружил ее над землей.

Стефан сплюнул на снег, Владимир с кислым выражением лица сжимал зубы.

А я почти вскарабкавшись на спину огромного красно-коричневого волка, стянула с него свою дочку и крепко прижала к груди. В ту же секунду нас уже обнимали руки Эдварда.

— Несси, Несси, Неси, — напевала я.

Джейкоб рассмеялся своим громким лающим смехом и ткнул меня носом в спину.

— Заткнись, — пробормотала я.

— Я остаюсь с тобой? — настойчиво спросила Несси.

— Навсегда, — пообещала я ей.

Теперь у нас была вечность вместе. И с Несси все будет в порядке, она будет здоровой и сильной. И, как 150-летний полувампир Науэль, она всегда будет молодой. И мы всегда будем все вместе.

Счастье будто взорвалось во мне, настолько быстро, настолько сильно, что мне казалось, я могу умереть от него.

— Навсегда, — повторил Эдвард мне на ухо.

Я не могла больше говорить. Я подняла голову и поцеловала его с такой страстью, которая могла бы воспламенить целый лес. И я бы не заметила этого.

Глава 39

Эпилог. И жили они долго и счастливо

— Конечно, наши объяснения и поступки делали своё дело, но, в действительности, мы выжили благодаря Белле, — объяснял Эдвард.

Наша семья и два оставшихся гостя сидели в гостиной Калленов, пока за высокими окнами сгущались сумерки. Владимир и Стефан исчезли раньше, чем мы закончили праздновать.

Они были чрезвычайно разочарованы что все разрешилось именно так, но Эдвард сказал, что они наслаждались трусостью Волтури и это вполне восполняло их расстройство.

Бенжамин и Тиа также быстро покинули нас. Они хотели догнать Амун и Кеби, чтобы рассказать им, как всё закончилось. Я была уверена в том, что обязательно вновь их увижу, Бенжамина и Тиа, по крайней мере. Ни один из кочевников не остался у нас. Питер и Шарлотта сначала что-то обсудили с Джаспером, а затем тихо ушли. Воссоединенный клан Амазонок также жаждал вернуться домой — им непросто было находиться далеко от своих лесов.

— Мы обязательно должны увидеться вновь, — настаивала Зафрина, — обещайте мне.

Несси прикоснулась к моей шее, умоляя о том же.

— Конечно, Зафрина, — согласилась я.

— Мы будем замечательными друзьями, дорогая Несси, — радостно объявила дикая женщина прежде, чем исчезнуть вместе с сестрами.

Потом нас покинул ирландский клан.

— Ты хорошо справилась, Сиобан, — похвалил её Карлайл, когда они прощались.

— Ах, хотела бы я, что бы так было, — саркастически ответила она, закатывая глаза, после чего посерьезнела, — конечно, это не конец. Волтури не спустят нам с рук, то что здесь произошло.

На что Эдвард ответил:

— Мы их встряхнули. Уверенность Волтури в себе покачнулась. Но я думаю, что они когда-нибудь оправятся от удара. И затем, — Эдвард напрягся, — я полагаю, что они попытаются напасть на нас, тогда, когда мы будем не вместе.

— Элис даст нам знать, когда они захотят это сделать, — уверено сказала Сиобан, — и мы вновь соберемся. Возможно, скоро придет время,

когда наш мир будет готов освободиться от власти Волтури.

— Такое время может действительно настать, — ответил Карлайл, — и если это произойдет, мы будем вместе.

— Да, мой друг, мы будем вместе, — согласилась Сиобан. — И как после этого мы можем потерпеть неудачу? — она звонко рассмеялась.

— Ты права, никак не можем, — ответил Карлайл. Он и Сиобан обнялись, после чего он пожал руку Лиам, — Попробуйте найти Алистера и рассказать ему о том, что случилось. Мне бы не хотелось, чтобы он провел следующие десять лет прячась где-нибудь в скалах.

Сиобан вновь рассмеялась. Мэгги обняла меня и Несси, после чего ирландский калан отбыл.

Денали покинули нас одними из последних. Вместе с ними уходил и Гаррет. Атмосфера празднования была в тягость Тане и Кэйт, им было нужно время, чтобы прийти в себя, после гибели их сестры. Науэль и Хайлин были последними, они остались с нами, хотя я предполагала, что они уйдут вместе с амазонками. Карлайл восторженно беседовал с Хайлин, а Науэль сидел рядом и слушал о том как Эдвард рассказывал, что происходило во время суда Волтури, то что только он мог знать.

— Элис дала возможность Аро отойти от борьбы. И если бы он не был так испуган талантами Беллы, то, возможно, продолжил бы гнуть своё.

— Испуган? — С недоверием посмотрела я на него. — Мной?

Он улыбнулся и ответил мне нежным взглядом, но выражения его глаз только больше разозлили меня.

— Когда же ты наконец поймешь какая ты есть? — мягко пробормотал. После чего, уже громко, — Вот уже примерно две тысячи пятьсот лет Волтури не сражались на равных. Они никогда не боролись в невыгодном для них положении. Тем более, после того, как они получили Джейн и Алека, они не встречали достойного сопротивления.

— Ты должна была заметить как мы обращались с ними! Обычно Алек отключает разум и чувства своих жертв, в то время как Волтури играют в совещание. Так что, никому до этого не удавалось избежать печальной участи. Но это были мы. Готовые, ожидающие, превосходящие их по численности, со своими сюрпризами, в то время как их преимущества были заблокированы Беллой. Аро знал, что Зафрина на нашей стороне, и он понимал, ослепнут, если сражение начнется. Я уверен, что многие из нас погибли бы, но их сторона тоже понесла немалые потери. Был даже неплохой шанс того, что они проиграют. Им никогда не приходилось быть в подобном положении. Они не знали, чем закончится сражение.

— Трудно чувствовать себя уверенно, когда вокруг тебя огромные

волки, — рассмеялся Эмметт, дружелюбно толкнув локтем Джейкоба.

Джейкоб улыбнулся.

— Действительно, волки это первое, что их останавливало, — согласилась я.

— Безусловно, — сказал Джейкоб.

— Абсолютно, — улыбнулся Эдвард, — это то, что им ещё никогда не приходилось видеть. Истинные дети луны редко собираются вместе. И они никогда не сдерживают себя. А тут шестнадцать волков, как одно грозное целое. Они были поражены и не готовы к такому повороту событий. Кайус побаивался оборотней. Несколько тысяч лет назад он почти уступил им и боялся повторения прошлого.

— Так значит, настоящие оборотни всё же существуют? — спросила я, — те, что подчиняющиеся лунному циклу, боящиеся серебряных пуль и так далее?

Джейкоб фыркнул.

— Настоящие. То есть я ненастоящий?

— Ты понял, что я имею в виду.

— То, что касается полной луны — это да, — сказал Эдвард, — а вот серебряные пули — нет, это миф, чтобы заставить людей чувствовать, что у них есть шанс выжить. Не очень много настоящих оборотней осталось в живых. Кайус уничтожил почти всех.

— А почему ты никогда не говорил о них?

— Потому что не было подходящего момента рассказать, — усмехнулся Эдвард.

Я закатила глаза.

Элис рассмеялась и подмигнула мне. Я отвернулась. Я безумно любила её, это так. Но теперь, когда она снова была дома, когда я поняла, что её отступничество было всего лишь уловкой ради того чтобы Эдвард думал, что она покинула нас, я начинала чувствовать раздражение от её присутствия. У Элис должны были быть объяснения, почему она так поступила.

Элис вздохнула.

— Не принимай всё близко к сердцу, Белла.

— Как ты могла так поступить, Элис?

— Это было необходимо.

— Необходимо?! — я взорвалась, — тебе удалось меня убедить в том, что мы все погибнем! Я умирала от страха последние несколько недель.

— Так было вернее всего, — спокойно сказала она, — ты должна была быть готова спасти Несси.

Я посмотрела на спящую Несси на своих руках.

— Но ты знала, что можно было сделать по другому, — продолжала наступать я, — ты знала, что была надежда на спасение. Ты могла рассказать мне. Я понимаю, почему ты скрыла это от Эдварда, что бы Аро ни о чем не догадывался, но Эдвард не может услышать мои мысли.

Она скептически посмотрела на меня.

— Я так не думаю, — сказала она, — ты не очень хорошая актриса, Белла.

— Всё дело в моих актерских способностях?

— Говори потише, Белла. Может ты скажешь как я должна была поступить? Я не могла даже предположить, что кто-то вроде Науэля существует, всё, что я знала так это то, что я буду кого-то искать, но я не могла видеть его! Знаешь ли, трудно искать кого-то, будучи слепой. Плюс мы должны были действовать в одиночку, так как главных свидетелей мы отправили к вам. И всё это нужно было делать в спешке. И я должна была следить за вами, чтобы вы ничего не меняли в своих планах. В какие-то моменты Джаспер говорил мне, где я нахожусь, так как я могла это забыть. Я должна была представить себе каждую уловку, которую могли предпринять Волтури в отношении вас, чтобы успеть послать вам подсказки, надеясь что вы будите готовы к их стратегии, но не подозревали что это от меня. Ведь Аро не должен был знать. Потому что иначе всё могло кончиться весьма плачевно. И не надо дуться на меня! Я делала всё, что было в моих силах!

— Хорошо-хорошо! — прервала её я, — прости и меня, я вела себя очень грубо после всего, что ты сделала для нас. Я скучала по нашей сумасшедшей Элис.

По комнате разнесся звон колокольчиков от смеха Элис. Все улыбнулись.

— Я тоже скучала по тебе, Белла. Так что прости меня и попытайся, наконец, почувствовать себя лучшим героем этого дня.

Теперь смеялись все. Я наклонилась к Несси, чтобы скрыть своё смущенное лицо за волосами.

Эдвард вновь принялся обсуждать поризошедшее сегодня на поляне. И вновь он был убежден в том, что только благодаря щиту Волтури убежали поджав хвосты. Все смотрели на меня. Даже Эдвард. Я вновь почувствовала себя неуверенно.

Как будто бы за одно утро я выросла футов на сто. Я пыталась не обращать внимания на восхищенные взгляды окружающих, смотря только на спящую Несси и спокойное выражение лица Джейкоба. Для него я

всегда была только Белла, за что я была благодарна ему. Лишь Науэль не смотрел на меня. Он смотрел только на Несси. Он не понимал, что происходящее на лугу являлось чем-то из ряда вон выходящим. Самым важным, возможно, для него было то, что Несси единственная представительница его вида, не являющаяся его единокровной сестрой. Скорее всего, в будущем, это послужит причиной ссоры с Джейкобом. Но я не была уверена в этом. К тому же сейчас я не была готова к такой борьбе за Несси.

В конечном счете, тема произошедшего сегодня утром исчерпала себя, и общая беседа распалась на множество мелких. Сейчас я чувствовала себя странно, казалось, что я устала, но не как раньше. Естественно, мне не хотелось спать. Но было так, будто этот день тянулся уже слишком долго. Я хотела спокойствия, нормальности. Я хотела видеть Несси в её собственной кровати, я хотела видеть стены своего дома. Я посмотрела на Эдварда, и на мгновение мне показалось, что я могу прочесть его мысли. Я поняла, что он чувствует то же самое, что и я. Он хотел мира.

— Мы возьмем с собой Несси?

— Это, вероятно, хорошая идея, — быстро согласился он, — я уверен, что она не храпит, как некоторые, — он усмехнулся Джейкобу.

Джейкоб закатил глаза и зевнул.

— Ладно, мне пора домой, иначе влетит от отца.

Я коснулась его щеки.

— Спасибо, Джейкоб.

— В любое время, Белла. Но это ты знаешь и сама.

Он встал, потянулся и поцеловал лоб Несси, после чего меня. Наконец, он хлопнул по плечу Эдварда.

— Увидимся завтра. Хотя, я так полагаю, что теперь дела пойдут намного медленнее, чем раньше, не так ли?

— Я на это надеюсь, — тихо проговорил Эдвард.

Мы поднялись, когда он ушел. Я аккуратно переложила Несси, чтобы она не проснулась. Я была рада тому, что она может спать и видеть сны. Ей пришлось сегодня многое пережить, а сейчас она просто ребенок, снова под защитой и в безопасности. Ей оставалось ещё несколько лет детства. Идея мира и безопасности кое о кое-чем напомнила мне. О человеке, который не испытывал этих чувств уже много лет.

— Эм. Джаспер, — спросила я его, стоя уже возле дверей.

Он обернулся.

— Да, Белла?

— Мне стало любопытно, почему тебя боится Джей Дженкс?

Джаспер захихикал.

— Я опытно установил, что некоторых подчиненных лучше держать на страхе, чем на деньгах. Это лучшая мотивация, чтобы не возникло соблазна обмануть.

Я нахмурилась и пообещала себе поговорить с Джем, чтобы у того в ближайшее время не случился сердечный приступ. Нас поцеловали и пожелали спокойной ночи нашей семье.

Единственный, кто выглядел расстроенным, так это Науэль — он хотел последовать за нами.

Как только мы пересекли реку, мы стали двигаться не на много быстрее человеческого бега, держась за руки. Устав от бесконечного напряжения, я хотела насладиться покоем. Эдвард, должно быть, чувствовал то же самое.

— Я хочу сказать, что Джейкоб впечатлил меня, — сказал мне Эдвард, — волки просто удивительны, не правда ли? Я и предположить не мог. Ни единожды за этот день, он не думал о том, что согласно словам Науэля Несси повзрослеет через шесть с половиной лет.

Я размышляла об этом целую минуту.

— Он просто не рассматривает её таким образом. Он не хочет что бы она скорей повзрослела. Он просто хочет, чтобы она была счастлива.

— Я об этом и говорю. Это серьезный поступок. Он идет против природы, но все это ради неё.

Я нахмурилась.

— Я не собираюсь об этом думать приблизительно шесть с половиной лет.

Эдвард засмеялся, после чего нахмурился.

— Похоже, когда время настанет, ему придется посоревноваться.

Я опять нахмурилась.

— Да, я заметила. Но я благодарна Науэлю за всё, что он сделал, однако все это немного не укладывается в голове. Мне все равно, если Несси единственная полувамир, не являющаяся его сестрой.

— Но дело не только в этом. Он смотрел не только на неё, но и на тебя. Он помог нам сегодня именно из-за тебя.

— Я не понимаю. Почему?

— Потому что после рождения Несси, ты осталась в живых, — спокойно сказал он.

— Ты потерял меня.

— Вся его жизнь... он старше меня на пятьдесят лет...

— Ветхий, — прервала его я.

Эдвард не обратил внимания.

— И он всегда думал, что он убийца, что он монстр по своей природе. Его сестры тоже убили в момент рождения своих матерей, но они спокойно отнеслись к этому. Джохем, его отец, считал людей животными, и такое отношение к людям передалось его сестрам. Но он жил вместе с Хайлин, сестрой его матери. Это сформировало другое мировоззрение. И он действительно ненавидит себя.

— Это очень грустно, — пробормотала я.

— И тут он увидел нас, и впервые он начал осознавать, что он наполовину бессмертен, и это не означает, что он является совершенным злом. Он смотрит на меня и видит, каким должен быть его отец.

— Ты был бы идеальным отцом в любых обстоятельствах, — согласилась я.

Он фыркнул и вновь посерьезнел.

— Он смотрит на тебя и видит, какую жизнь должна была прожить его мать.

— Бедный Науэль, — пробормотала я, после чего вздохнула. После этого разговора, я не смогу думать о нем плохо. Независимо от того, что будет потом.

— Не грусти по нему, теперь он счастлив. Сегодня, наконец, он сможет начать прощать себя.

Я улыбнулась. Наверное, сегодня день такой — день счастья. Хотя смерть Ирины стала темной тенью против белого света, не позволяя стать этому дню совершенным. Но радость невозможно было отрицать. Жизнь, за которую я боролась, была в безопасности. Моя семья воссоединилась. У моей дочери было красивое будущее, в котором не было смерти.

Завтра я схожу, проведу отца, чтобы он смог увидеть, что страх покинул мои глаза, и в них теперь светится счастье, и тогда он тоже будет счастлив. Внезапно я поняла, что я могу рассказать ему всё. Это не будет неправильным. А в случае чего можно сказать — среди оборотней есть люди, которые знают их секрет и они свято держат его в тайне. Я думаю, что отец также не раскроет мой секрет. Я улыбнулась ещё шире. Но самое счастливое в данный момент было то, что я была рядом с Эдвардом. Навсегда. Не то, чтобы я хотела повторить прошедшие недели, но эти недели научили меня ценить то, что я имею.

Впереди показался наш домик, отливающий прекрасным серебристо-синим цветом. Мы отнесли Несси на её кроватку и осторожно уложили её. Она улыбнулась во сне.

Я сняла подарок Аро со своей шеи и бросила его в угол комнаты.

Пусть она, если пожелает, поиграет с ним.

Ей нравятся блестящие вещи.

Эдвард и я, медленно, отправились в нашу комнату.

— Ночь для празднования, — пробормотал он, он поднял мои руки, что коснуться ими своих губ.

— Подожди немного, — поколебалась я немного, отстраняясь.

Он удивленно посмотрел на меня. Обычно в такие моменты я так не поступала.

— Я хочу попробовать кое-что, — сообщила я ему, улыбаясь его изумленному выражению лица.

Я положила свои руки ему на лицо и сконцентрировалась. Раньше я не могла хорошо управлять своим даром, во время тренировок с Зафриной, но теперь я лучше понимала свой щит. Стала чувствовать ту часть меня, которая защищала, этот автоматический инстинкт, который сохранял меня прежде всего остального. Я вновь чувствовала его упругость и твердость, охраняющую меня. Я немного напряглась, пытаюсь снять его. Это потребовало всех моих сил.

— Белла! — в потрясении воскликнул Эдвард.

Таким образом, я поняла, что у меня получается. Я стала вспоминать отдельные моменты нашего прошлого, то, как я чувствовала их, позволяя им полностью заполнить мой разум. Некоторые воспоминания были тусклыми — они относились к человеческому периоду моей жизни, когда я видела мир через свои слабые глаза, слышала через свои слабые уши. Я вспоминала моменты, когда в первый раз увидела его лицо... разговор на поляне, его шепот сквозь сон, момент, когда он спас меня от Джеймса, его лицо, когда он ждал меня под навесом из цветов, чтобы жениться на мне, каждый драгоценный миг на острове, его холодные руки, касающиеся нашего ребенка через мою кожу... И яркие воспоминания моей новой жизни, его лицо, когда я впервые открыла глаза на пути к моей новой жизни, к рассвету бессмертия... Его губы внезапно нарушили мою концентрацию.

— Ох, ну все, я упустила — вздохнула я.

— Я слышал тебя, — тихо прошептал он, — как? Как ты сделала это?

— Это была идея Зафрины, мы практиковались несколько раз.

Он был ошеломлен. Он дважды мигнул и покачал головой.

— Теперь ты знаешь, — тихо сказала я и пожала плечами, — Я никого не любила сильнее, чем тебя.

— Ты почти права, — он улыбнулся, его глаза были немного шире, чем обычно, — я знаю только об одном исключении.

— Обманщик.

Он вновь поцеловал меня, но вновь резко остановился.

— Ты можешь сделать это ещё раз? — задал он вопрос.

Я скорчила гримасу.

— Это весьма непросто.

Он ждал с нетерпеливым выражением лица.

— Я не смогу вновь сделать это, если ты будешь прерывать мою концентрацию, — предупредила я его.

— Я буду хорошим мальчиком, — пообещал он.

Я сузила глаза, после чего вновь улыбнулась. Я вновь дотронулась до его лица и сосредоточилась, начав на том моменте, когда только стала вампиром... задерживаясь на деталях.

Я смеялась, затаив дыхание, когда его неожиданный поцелуй вновь нарушил моё сосредоточение.

— Черт побери, — проворчал он, с жадностью целуя моё лицо, — твои воспоминания точно действуют против меня...

И затем мы углубились в эту прекрасную часть нашего навсегда...

---

notes

Примечания

1

лекарственное средство, избавляющее от проблем с желудочно-кишечным трактом — прим. переводчика.

Doritos — Товарный знак нескольких вариантов чипсов «тортилья».
Рекламный лозунг: «Это вам не просто закуска» — прим. переводчика.

имеется ввиду что в волочем обличие оборотни слышат мысли друг друга прим. редактора.

по очертаниям, берег Первого Пляжа напоминал полумесяц — прим. переводчика.

главный вожак стаи — прим. переводчика.

6

110 фунтов = 49.8 кг. Прим. пер.

популярная в США кличка для собак, так звали собаку Абрама Линкольна — прим. переводчика.

видимо, имеется в виду Edward Junior — Эдвард младший — прим.
пер.

марка легкового автомобиля производства Великобритании — прим. переводчика.

10

193 км/ч- прим. переводчика.

3,78 л. — прим. переводчика.

в древнегреческой мифологии — титан, держащий на своих плечах небесный свод в наказание за участие в борьбе титанов против олимпийских богов — прим. переводчика.

13

15 ярдов = 13,7 метров прим. ред.

14

15 футов = 4,5 метров прим. ред.

герои комикса Batman — прим. переводчика.

или Джон Безземельный, король Англии, младший брат Ричарда
Львиное сердце — прим. пер.

4,5 метра — прим. переводчика.

Здесь говорится о рекламной программе, нацеленной на предотвращение употребления наркотиков подростками. Слоганом компании было "Просто скажи наркотикам "НЕТ!" Кстати, программа провалилась. — Примечание редактора.

Фамилия «Вольф» в оригинале — «Wolfe», а слово wolf переводиться как волк — прим. редактора.

Связка — фрагмент второстепенного содержания, который служит переходом от одного раздела музыкальной формы к другому.

В оригинале «shape-shifters». Думаю, если бы мы переводили werewolf's как «верфольфы», а не «оборотни», то перевести это английское выражение можно было именно как «оборотни». — прим. редактора.